

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

53

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2015 Issue 53

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2015 Выпуск 53

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е.А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 53

М.: ИВИ, 2015. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 53

Moscow: IWH, 2015. — 400 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

АКВИЛОН

- © Общество интеллектуальной истории, 2015
- © Институт всеобщей истории, 2015
- © Журнал «Диалог со временем», 2015

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. БАРГА

Л. П. РЕПИНА

КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И «ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» М. А. БАРГА*

В статье, посвященной памяти выдающегося отечественного историка Михаила Абрамовича Барга, анализируется его фундаментальный труд «Категории и методы исторической науки» (1984), в котором, помимо разработки базовых категорий («исторический факт», «историческое время», «всемирно-исторический», «локально-исторический» и др.), на основе понимания диалектики «всемирности» и «локальности» была выдвинута идея «глобальной истории человечества» как предметной области исторической науки, требующей целостного теоретико-методологического основания. В статье показано, как стремление «гуманизировать исторический процесс» привело М.А. Барга в работах 1989–1991 гг. к переосмыслению категории «цивилизация» и переформулированию предмета «всемирной истории».

Ключевые слова: М.А. Барг, категории и методы исторической науки, глобальная история, категория «цивилизация».

Теоретическая монография М.А. Барга «Категории и методы исторической науки» была опубликована в 1984 г. и получила высокую оценку коллег, которые подчеркивали, что в книге обобщен огромный опыт конкретно-исторических исследований и на этой основе предпринята попытка интерпретации сложнейших философских вопросов исторической науки¹. Сам автор определял свою задачу так: «разработка категориальных форм, присущих предмету исторической науки и специфических для исторического познания». Особую актуальность задача разработки «соответствующего специфике предмета субстрата категориального знания» приобрела в тот период ввиду активного обращения истории к методам социальных наук и попыток «прямо и непосредственно использовать социологический инструментарий»² в подходе к историческому материалу. М.А. Барг считал, что заимствование историографией методик из социальных наук может быть плодотворным лишь при условии ее научной «самоидентификации», что предполагает наличие «цельного теоретико-методологического основания»³. Констатируя необходимость разработки системы категориального знания – необходимого звена между общесоциологическими теориями и исследовательской методикой истори-

---

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13–06–00301а).

¹ См., например: Уколова 1986.

² Барг 1984. С. 14–15.

³ Барг 1984. С. 3, 9, 106.

ка, он предлагал возможный подход к решению этой задачи. Речь, по сути, шла о разработке теории исторического познания.

Отправным моментом в рассуждениях стал тезис: «У марксистской социологии и историографии один и тот же объект изучения – **глобальная история человечества**». Историческая наука изучает не отдельно взятый период истории или отдельную сторону социальности, а «все сферы функционирования и развития общества в их взаимосвязи и взаимообусловленности». Отсюда возникала необходимость уточнить уровень, на котором можно «выделить предметную область истории, определив ее специфическую познавательную функцию, а поскольку для этого общетеоретических посылок было недостаточно, следовало найти производные от них категории, более близкие «к горизонту исторического видения»⁴. М.А. Барг выделил такие категории: «всемирно-исторический» и «локально-исторический», «историческое время», «целостность», «структура», «процесс», «исторический факт», «историческая закономерность», «исторический тип»; а также т.н. «частные теории», которые он предпочитал называть *методами*, так как в историографии «ими обуславливаются прямо и непосредственно *подходы* к изучению соответствующих проблем, *способы* препарирования свидетельств исторических источников»⁵. Именно в них раскрывается прикладное значение, познавательные возможности разработанных автором фундаментальных категорий.

Сосредоточимся на главном – идее всемирности (той самой «глобальной истории человечества»), которой пронизана вся книга, но прежде всего ее первая часть, сконцентрированная вокруг методологии всемирно-исторических и сравнительно-исторических построений. Эта идея получила новый импульс на рубеже XX–XXI вв.⁶, когда стали очевидны обусловленные глобальными процессами трансформации в историческом сознании, приведшие, в частности, к отступлению парадигмы национальной истории, которая, конечно, и сегодня остается востребованной, особенно в т.н. «новых странах», но в век глобальных взаимосвязей объекты и проблемы исследования все чаще не укладываются в пространственно-временные рамки существования какого-либо государства и выводят на социально-территориальные структуры иных уровней, от локального до глобального. Новая глобальная история опирается на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса, на понимание идеи всемирной истории человечества как исторического движения в форме живого взаимодействия региональных культур, полагая воз-

---

⁴ Там же. С. 24-25.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Подробнее об этом см.: Репина 2011; Репина 2014(а); Ионов 2015.

возможным скорректировать сложившиеся генерализации и «сложить» новую картину целого⁷. Тем не менее на сегодняшний день работы, написанные в рамках глобальной истории, не преуспели в создании нового нарратива о прошлом опыте человечества⁸. Поэтому, в свете современной ситуации в историографии представляется полезным обратить внимание на пути, намеченные в «Категориях и методах исторической науки», разумеется с учетом специфики той мировоззренческой основы, которая определяла их содержание и форму. Кстати, сам автор подчеркивал «сколь велика была во все времена и остается в историографии роль мировоззренческих установок в формировании представлений о предмете, целях его изучения и в значительной степени исследовательских подходов в этой сфере знания, одним словом, сколь велика мера его отягощенности “внеисточниковым знанием”»⁹. Вместе с тем оговорка «в значительной степени» оставляет возможность для продуктивного диалога.

Итак, обратимся к категориям. Понятно, что главная категория в книге – «общественно-экономическая формация». Далее, понятия типологии следующего уровня – *внутриформационный регион* и *формационный стадийный регион*. По мнению Барга, в этих категориях схвачены «закономерности пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса», которые и составляют предмет исторической науки¹⁰. В связи с этим его волнует широкий спектр вопросов, главные из них, на мой взгляд, два: 1) «Если всемирную и локальную историю представить в виде двух иерархически соподчиненных аспектов рассмотрения единого процесса, то в чем заключаются объективные посылки для их вычленения, как проявляется связь между ними?» 2) «Что придает локально-историческому событию качество всемирности?»¹¹. В паре категорий «всемирно-исторический» и «локально-исторический» (в значении «региональный», «национальный») категория «всемирность» рассмотрена с точки зрения ее исторического развития, и этот исторический экскурс выводит автора на ряд проблем, выдвинувшихся на первый план позднее, на рубеже веков. Говоря о специфичности мировоззрения каждой исторической эпохи, он подчеркивал, что со времени перехода к цивилизации и возникновения государства категория «всемирности» всегда окрашивалась политически, так как взаимодействие этнополитических

---

⁷ Становление современных макроисторических версий связано с утверждением неоклассической научной парадигмы, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий. См.: Лубский 2009. С. 127; Репина 2013.

⁸ См.: Репина 2014 (а); 2014 (б).

⁹ Барг 1984. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 27.

общностей ставило перед историографией «задачу определенным образом сравнить и соотнести внутреннее – “мы”, “наше” и внешнее “они”, “чужое”»¹². Начало рационально-философского осмысления идеи «всемирности» автор связывает «с образованием мирового рынка, растущей взаимозависимостью стран и народов», с «интеграцией человечества во всемирном масштабе». Для описания диалектики сопряжения «всемирного» и «локального», «преемственности движения и своеобразия его форм», историк использует метафору совершающегося в одном направлении «великого течения» и множества его «рукавов», «собирающихся *время от времени* в общее русло (курсив мой. – Л.Р.)»¹³.

Критически оценивается просвещенческая идея всемирной истории, которая обесценила индивидуальное в рамках универсальной истории, а реакция на это романтизма привела к выдвиганию идеи «исторической индивидуальности каждого народа как высшей ценности»: «вместо всеобщей истории утверждалась национальная история, вместо истории общечеловеческого прогресса – множество локальных историй, разрозненных по характеру и крайне узких по горизонту». В теориях локальных цивилизаций «не только отрицается единство, преемственность, поступательность общественного развития, включенность локального во всемирно-историческое, но даже игнорируется простая последовательность событий во времени»: «время моделируется как пространство, процесс истории – как “театр истории” со множеством сценических площадок, на которых “культуры” разыгрывают свою драму одновременно, хотя хронологически их могут разделять тысячелетия. Полностью обособленные, внешне непроницаемые, не способные к взаимодействию друг с другом, эти организмы совершают свой жизненный круг и умирают. В итоге написанные в этом ключе “всемирные истории” оказываются собранными в один переплет, но совершенно разрозненными “повествованиями”: ничто не придает им единства, кроме разве отрицания самой идеи всемирной истории и апологии локального как единственно реального»¹⁴.

Опираясь на понимание «всемирно-исторического» и «локально-исторического» как двух уровней научного освоения исторической действительности, М.А. Барг видит в первой категории (и производной от нее – «всемирно-историческая эпоха») форму конкретизации социологической категории «общественно-экономическая формация». Заметим, что он специально оговаривает: наличие единого направления движения, делая более вероятной ту или иную возможность, предполагает

---

¹² Барг 1984. С. 26.

¹³ Там же. С. 28-30.

¹⁴ Там же. С. 31-33.

различие форм реализации изменений. «Только на этой основе пестрый мир внешних форм трансформируется в динамическую целостность, именуемую всемирной историей (даже при отсутствии “всемирности” в реальном взаимодействии отдельных исторических регионов)»¹⁵.

Возвращаясь к категории «эпоха» в главе об опыте сравнительного изучения революций XVI–XVIII вв., историк подчеркивает: «Понятие “эпоха” включает в себя как элемент формальный, так и элемент исторический. И достаточно предать забвению одну из этих сторон, чтобы данная категория как инструмент познания действительности была полностью обесценена»¹⁶. Кроме того, он ставит очень важный вопрос о необходимости учесть соотношение в событиях «трех временных проекций», или аналитических планов: плана прошлого, плана настоящего и плана будущего, и предложил оригинальную методiku «трех планов» анализа революций¹⁷. Вообще «историческое время» (в логической связке с «историческим событием») играет ключевую роль в характеристике категории «всемирно-исторический» в реализации ее методологической функции. Понятие «всемирно-исторический» употребляется в трех смыслах. Во-первых, в смысле определения конкретного исторического события как поворотного пункта в ходе истории во всемирно-историческом масштабе. Типология таких исторических событий, в интерпретации М.А. Барга, предельно широка: «глубина поворота истории в результате такого события может колебаться от частных, отдельных изменений до начала – в результате его – новой всемирно-исторической эпохи». Во-вторых, понятие «всемирно-исторический» может употребляться для характеристики «вполне завершенной исторической эпохи, определенность границ которой выражается тождеством исторического содержания процесса в международном масштабе». И наконец, оно может выступать своего рода измерительным инструментом «для определения разброса стадияльных состояний всей совокупности этнополитических общностей, сосуществующих на данном временном срезе»¹⁸.

Переходя к рассмотрению эпистемологической функции категории «всемирно-исторический» через обращение к пространственным характеристикам разнообразия, М.А. Бург подчеркивает: «всемирная история сплетается из пестрой ткани процессов, локализованных не только во времени, но и в пространстве, что ставит их в зависимость от естественной и исторической среды, особенностей и последствий взаимодействия

---

¹⁵ Бург 1984. С. 36-37.

¹⁶ Бург 1984. С. 293.

¹⁷ Бург 1984. С. 299.

¹⁸ Бург 1984. С. 38-39.

с каждой из них». Категория «всемирно-исторический» в ее познавательной функции выступает как глубинное выражение единства и целостности человеческой истории, при всем внешнем «локально-историческом» многообразии. И хотя оба анализируемые понятия (как «всемирно-исторический», так и «локально-исторический») являются системными, в этой паре соотносительных категорий оказываются «познавательно отражены два уровня абстракции исторического процесса, каждому из которых в реальной действительности присущ свой уровень системности, свой **ритм истории** (выделено мной. – Л.Р.)»¹⁹.

Обосновывая методологическое требование начинать изучение исторического явления, процесса, института с его «предельных», «классических» форм (хотя в истории не все региональные типы достигали исторического предела), переходя затем к «менее зрелым» формам, М.А. Барг вводит категорию «предельность» как научную абстракцию, которая, тем не менее, «не является фикцией и именно в силу своей предметности служит важным аналитическим инструментом», позволяя судить об историческом будущем аналогичных локально-исторических процессов, которые, исходя из идеи единства всемирной истории, могут быть поняты только будучи включенными во всемирно-историческую перспективу. Показательно, что с целью «правильно оценить ведущую тенденцию» категория «предельность» вводится на всех трех логических ступенях исторического анализа: а) всемирно-исторического; б) «внутриформационной», региональной разновидности; в) локально-исторического (т.е. как истории отдельно взятой этнополитической общности)²⁰.

Интересны размышления М.А. Барга об интегрирующей роли понятия «ведущей исторической тенденции» и превращении категории «всемирно-исторической эпохи» в «познавательную призму» при изучении локальных форм развития в рамках данной эпохи: «Движение региона, олицетворяющего в данный момент наступление новой всемирно-исторической эпохи, не только предсказывает будущее эволюции всех остальных регионов, но и в большей или меньшей мере готовит, приближает это будущее – в процессе взаимодействия с ними»²¹. В связи с оценкой явлений настоящего в свете тенденции, которой принадлежит будущее, ставится проблема расхождения ритмов всемирно-исторического и локально-исторического развития и проблема исторического времени²².

---

¹⁹ Барг 1984. С. 39-40.

²⁰ Там же. С. 40-48.

²¹ Там же. С. 51-52.

²² Сегодня исследования концептов «ритм», «время», «событие» приобрели высокий трансдисциплинарный статус. См.: Чеканцева 2014; История и теория...

Барг рассматривает ключевой вопрос: «Как соотносится движение и смена всемирно-исторических эпох с движением региональных общественных форм?»²³. Локальные «отклонения» объясняются спецификой исторических условий данного региона и особенностями взаимодействия всемирно-исторического и регионального процессов, а всемирно-историческое развитие автор выводит, опираясь на концепцию конечной «однонаправленности» исторического процесса во всех регионально разрозненных потоках истории. И сразу же возникает новый вопрос, совместимы ли представления об этой «однонаправленности» с категорией альтернативности путей локально-исторического развития? Сославшись на известную фразу В.И. Ленина: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях...», Барг резюмирует: «С точки зрения локально-исторической развитие... оставляет место выбору (в более или менее широком диапазоне отклонений)»²⁴, а в другом месте, разбирая категорию структуры, добавляет, что узловые моменты развития содержат «в себе такое количество “потенциальных структур” и с таким диапазоном “рассеяния”, что их перечень становится практически неосуществимым», «структуры, однажды возникнув, в процессе общественного развития, не выбывают из него, а остаются в нем. Они не только... сами порождают множество новых форм, обогащая содержание исторического процесса, но и оказывают огромное обратное влияние на реструктуризацию старых форм... В этом и проявляется непрерывное “рефлектирующее” движение системы, “внутренняя критика”, в ходе развития проявляющаяся путем постепенного “сбрасывания” устаревших форм, – по мере того, как их оставляет жизнь, они становятся “пустыми”. В этом процессе освобождения системы от изживших себя форм создается такое обилие новых альтернатив, что вновь возникшие формы всегда представляются результатом “избирательности” истории»²⁵.

Книга «Категории и методы исторической науки» вышла в свет, когда практически отсутствовали работы, посвященные разработке приемов реализации принципа системности в историческом исследовании с опорой на понимание истории как диалектического единства структуры и процесса, функционирования и развития, пространства и времени. Понятно, что в оправдание своего обращения к системно-структурному подходу, историк приводит свидетельства того, что в произведениях Маркса 1850-х гг. категория «система» уже являлась синонимом общественно-

---

²³ Барг 1984. С. 59.

²⁴ Барг 1984. С. 60.

²⁵ Там же. С. 126-127.

экономической формации: «основоположники марксизма внесли в историзм приемы системно-структурного анализа задолго до того, как они были так названы и стали предметом пристального внимания методологии науки»²⁶. Что касается категории «структура», рассуждает он далее, то в ней концептуализируется специфический способ взаимосвязи и взаимодействия составляющих системы, и именно структура задает каждой системе принцип ее движения. Целостное теоретико-методологическое основание глобальной истории востребует взаимополагающие друг друга категории «структура» (в ней концептуализированы моменты устойчивости и преемственности) и «процесс» (здесь концептуализированы «моменты изменчивости, прерывности, преходящего»). Тем не менее категория структуры получает в концепции М.А. Барга приоритет, которому он дает не только логико-методологическое, но также и эпистемологическое обоснование, опираясь на свое понимание предмета и познавательной функции истории: поскольку целью исторической науки является «с одной стороны, само открытие и “воспроизведение” исчезнувшего объекта, а с другой – изучение механизма его функционирования и развития, т.е. воспроизведения его как системы взаимодействий, как процесса», то именно в подчеркивании качественной определенности, относительной устойчивости во времени особенно нуждается историческая наука, изучающая главным образом предметность “исчезнувшую”»²⁷.

Общественные структуры, в которых опредмечивается деятельность человека в «глобальной истории», М.А. Барг подразделяет на такие типы: 1) формы унаследованные; 2) формы приспособленные, преобразованные; 3) формы, возникшие в результате процесса дифференциации более ранних структур; 4) формы, возникшие в результате интеграции более ранних структур; 5) формы, вновь найденные; 6) формы, заимствованные извне, пересаженные²⁸. В описании процесса формообразования особое место занимает вопрос о появлении «истинно новых социальных форм», отвечающих потребностям развития общества. М.А. Барг начинает с тезиса о том, что новые структуры могут рядиться в традиционные одежды, но также нередко «они лишены подобных покрывал и предстают в своей новизне». И здесь он сталкивается с проблемой акцидентальности, которая так занимала историков XX в. и привела, в частности, к появлению неоревизионистского направления в изучении революций²⁹. Ответ автора

---

²⁶ Барг 1984. С. 114.

²⁷ Там же. С. 117-118.

²⁸ Там же. С. 123-124.

²⁹ Об «акцидентализме» неоревизионистов в их концепциях Гражданской войны в Англии середины XVII века см.: Репина 2009. С. 105-110.

на этот вопрос звучит твердо и однозначно: «если новые формы, будучи подготовлены процессом и став необходимыми для его продолжения, тем не менее “открываются”, то очевидно, что момент случайности должен занять свое место в нашем представлении о процессе как структуре», как обычно, находя опору в цитате из основоположников марксизма, с важным для себя уточнением: «помимо ускорения или замедления процесса случайность ярче всего проявляется на уровне формы»³⁰.

С помощью постулата об «обратной», активной *содержательной функции форм* – множества *потенциальных структур* с широким *диапазоном рассеяния*, в структурный метод М.А. Барга, направленный на создание целостной картины прошлого человечества, органично включаются «моменты случайности» и порождение обилия новых альтернатив как «результат избирательности истории»³¹. При этом проблема альтернативности развития раскрывается только на уровне внутрирегионального и межрегионального взаимодействия. Категория «всемирно-историческая эпоха» раскрывается как эмпирическая, «охватывающая все сосуществующие на данном временном срезе этнополитические общности независимо от их формационной принадлежности»³². В этой связи встает вопрос о типах и результатах взаимодействия регионов, различающихся уровнем развития. В экспликации его реальных форм М.А. Барг делает шаг от «формаций» к «цивилизациям», навстречу становящейся все более общественно значимой проблемой межцивилизационных контактов, которая позже займет центральное место в его размышлениях об общей, «глобальной» истории человечества. Речь идет как о «мирных» формах взаимодействия (обмен материальными ценностями/товарами, социальными ценностями/институтами, духовными ценностями/идеями), так и о «военных» (завоевания), при которых в качестве важнейшего следствия, помимо прямого присвоения материальных ценностей, выступает как раз «обмен» институтами: «либо завоеватели усваивают институты покоренной страны (если последние превосходят их собственный исторический опыт), либо завоеватели переносят в завоеванную страну собственные институты (если они более высокого стадийного порядка)»³³.

Как известно, в последние годы жизни М.А. Барг проявлял особое внимание к цивилизационному подходу. Его привлекла способность ка-

---

³⁰ Барг 1984. С. 125. «История, – подчеркивал К. Маркс, – носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития...».

³¹ Барг 1984. С. 126-127.

³² Там же. С. 138.

³³ Барг 1984. С. 139-140.

тегии «цивилизации» концептуализировать общество во всех его связях и проявлениях, учитывая *региональное своеобразие* и выдвигая в центр исследования *антропологический* аспект. В статьях 1990–91 гг. он акцентировал в категории «цивилизация» преодоление узости формационного подхода в определении предметной области исторической науки за счет перенесения центра тяжести на исследование антропологического содержания исторического процесса, на раскрытие роли в нем человеческой субъективности. Обнаружив в «цивилизации» наиболее полное из возможных описаний границ конкретного исторического общества («цивилизация обнимает все формы материальной и духовной жизни общественных индивидов на определенной ступени их развития»), он дал этой категории исторического познания предельно емкое определение: «*это обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно-историческими ее предпосылками – с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющийся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными*»³⁴.

Таким образом, переосмысление принципа универсализма привело к переинтерпретации всемирной/глобальной истории с помощью категории «цивилизация», позволяющей **«антропологически** осмыслить исторический процесс, т.е. гуманизировать его»³⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
- Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25-40.
- Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 5. С. 70-86.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
- История и теория на XXII Конгрессе МКИН / Подгот.: Л.П. Репина, З.А. Чеканцева, О.Б. Леонтьева // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 8-32.
- Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 2009. 238 с.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.
- Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 262-273.
- Репина Л.П. Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и методологические поиски // Преподаватель XXI век. 2014 (а). № 2. С. 243-258.
- Репина Л.П. Глобальная история как проект идентичности // Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. М.: ИВИ РАН, 2014 (б). С. 88-90.
- Репина Л.П. Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив / Отв. ред. Ф.Е. Ажимов. Владивосток: ДВФУ, 2015. С. 7-21.

³⁴ Барг 1990. С. 35.

³⁵ Барг 1991. С. 71.

- Уколова В.И. [Рец. на кн.]: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984 // Средние века. 1986. Вып. 49. С. 272-278.
- Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 14-27.

REFERENCES

- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984. 342 s.
- Barg M.A. O kategorii «tsivilizatsiya» // Novaya i noveishaya istoriya. 1990. № 5. S. 25-40.
- Barg M.A. Kategoriya «tsivilizatsiya» kak metod sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya (Chelovecheskoe izmerenie) // Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 70-86.
- Ionov I.N. Mirovaya istoriya v global'nyi vek. M.: Akvilon, 2015. 464 s.
- Istoriya i teoriya na XXII Kongresse MKIN / Podgot.: L.P. Repina, Z.A. Chekantseva, O.B. Leon-t'eva) // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 52. S. 8-32.
- Lubskii A.V. Metodologiya regional'nykh sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. Rostov n/D: Izd-vo YuFU. 2009. 238 s.
- Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. M.: LKI, 2009. 320 s.
- Repina L.P. Teoreticheskie osnovaniya i perspektivy regional'noi istorii // Prepodavatel' XXI vek. 2013. № 3. S. 262-273.
- Repina L.P. Makroistoricheskaya perspektiva segodnya: teoreticheskie i metodologicheskie poiski // Prepodavatel' XXI vek. 2014 (a). № 2. S. 243-258.
- Repina L.P. Global'naya istoriya kak proekt identichnosti // Dialog tsivilizatsii i ideya kul'turnogo sinteza v epokhu globalizatsii. M.: IVI RAN, 2014 (b). С. 88-90.
- Repina L.P. Tsivilizatsionnaya paradigma v starykh i novykh modelyakh mirovoi istorii // Istoriya i teoriya tsivilizatsii: v poiskakh metodologicheskikh perspektiv / Otv. red. F.E. Azhimov. Vladivostok: DVFU, 2015. S. 7-21.
- Ukolova V.I. [Rets. na kn.]: Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984 // Srednie veka. 1986. Vyp. 49. S. 272-278.
- Chekantseva Z.A. Istoricheskoe sobytie i vremya v kontekste «ritmicheskoi paradigmy» // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49. S. 14-27.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Categories of historical science and the 'global history of the humankind' by M.A. Barg

The article, dedicated to the memory of the outstanding Russian historian Mikhail Barg, presents an analysis of his fundamental monograph 'Categories and methods of historical science' (1984). In this work, Barg discussed the fundamental categories ('historical fact', 'historical time', 'the globally-historical', 'the locally-historical' etc.), and, inspired by the dialectics of 'globality' and 'locality' offered the idea of 'global history of the humankind' as a subject field of historical science, which required comprehensive theoretical and methodological basis). The article shows that M.A. Barg's attempt to 'make the historical process more human' led him in 1989-91 to the reinterpretation of the category of 'civilization' and to the reformulation of the subject field of 'world history'.

Keywords: M.A. Barg, categories and methods of historical science, category of 'civilization'
Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru.

Т. Л. ЛАБУТИНА

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИР АНГЛИЧАН

В статье речь идет о влиянии событий Английской революции 1640–1660 гг. на интеллектуальную жизнь общества. Особое внимание уделено анализу печатной продукции, в частности изданий Библии на английском языке и периодических изданий; состоянию грамотности в стране; образовательным программам деятелей революции. Отмечается воздействие революции на социальную активность англичан, вызванную, прежде всего, изменениями менталитета молодежи и женщин. Эти проблемы не были предметом специального исследования в отечественной науке; обратиться к ним побудило творческое наследие видного советского историка М.А. Барга, ученицей которого являлся автор данной статьи.

Ключевые слова: М.А. Барг, Англия, XVII век, революция, пресса, Библия, грамотность, образование, женщины, протофеминизм.

Прежде чем обратиться к освещению поставленной проблемы, хотелось бы в 100-летний юбилей выдающегося историка Михаила Абрамовича Барга поделиться своими воспоминаниями о нем. Спустя годы после ухода из жизни этого человека, остро осознаешь, насколько неординарен и талантлив он был. Думается, что его можно причислить к светилам мировой исторической науки. По одаренности, разносторонности и многогранности интересов, оригинальности подходов к историческим и методологическим проблемам, глубине и многообразию исследований трудно найти равных ему среди отечественных ученых. К сказанному добавим еще об одной грани таланта Михаила Абрамовича: он был непревзойденным лектором и педагогом, Учителем с большой буквы.

Из его многочисленных аспирантов (свыше 30!) лишь немногим повезло послушать его лекции. Среди этих счастливиц оказалась и я. Наше знакомство состоялось ровно 50 лет тому назад, на историческом факультете Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где М.А. Барг читал лекции и вел семинары по истории Средних веков. На истфаке в ту пору преподавали многие известные ученые (акад. А.Л. Нарочницкий, профессора И.А. Никитина, В.С. Вергинский и др.), но слушать лекции в полном составе студенты второго курса ходили только к проф. Баргу. До сих пор продолжаю удивляться, насколько талантливым он был рассказчиком (именно рассказчиком, а не обычным лектором!), умевшим привлечь внимание большой студенческой аудитории к таким, казалось бы, скучноватым сюжетам, как аграрная история средневековой Англии (маноры, огораживания, пауперы и пр.). Думается, не последнюю роль в том сыграло неиссякаемое чув-

ство юмора, присущее профессору. Михаил Абрамович не только читал лекции, но вел и семинарские занятия, которые, на мой взгляд, были для него своеобразным «полигоном» для выявления студентов, способных к исследовательской работе. Так, он раздавал копии текстов статей известного английского источника «Книга Страшного суда», требуя от студентов выполнить их научный перевод и анализ. Учитывая тот факт, что латынь не преподавали в вузе, это было непростым делом. Но как бы то ни было, именно с подобного приобщения к исследовательской работе, по сути дела, и началась моя научная карьера. В 1968 г. я поступила в аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР, моим официальным научным руководителем Ученый Совет утвердил М.А. Барга. Так Михаилу Абрамовичу суждено было открыть для меня путь в науку.

Не могу сказать, чтобы уважаемый профессор чрезмерно опекал аспирантов. Человек творческий, чрезвычайно занятый собственными исследованиями, он предоставлял своим «подопечным» полную свободу действий. Однако главное – выбор темы и плана диссертации – оставлял за собой. Помню, как настойчиво он уговаривал меня – быть может, в продолжение своих любимых изысканий – заняться аграрной историей Англии. Мне же более интересными представлялись сюжеты, связанные с политической историей. Пришлось привести немало доводов, прежде чем учитель согласился с темой, которую сам же в конечном итоге и сформулировал: «Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.)». В 1982 г. вышла в свет моя первая монография с тем же названием. Без лишней скромности скажу: несмотря на то, что с той поры минул немало лет, это исследование об эпохе Реставрации продолжает оставаться уникальным в отечественной историографии и востребовано на исторических факультетах университетов. Большая заслуга в том, на мой взгляд, принадлежит, конечно, научному руководителю, сумевшему направить усилия аспиранта на изучение слабо разработанной и важной в методологическом плане темы.

Михаил Абрамович был настоящим «генератором идей», новатором во всем: выборе научных проблем, методике исследования и т.д. В этом я убедилась на собственном опыте. Именно с подачи своего учителя я обратилась к использованию в кандидатской диссертации математических методов, что для отечественных специалистов той поры было еще редкостью. В результате сложной и кропотливой работы удалось написать интересную и оригинальную главу, посвященную проблеме формирования ранних политических партии Англии – тори и вигов¹.

---

¹ Лабутина. 1982. С. 86-120.

Не могу не отметить, что общение с Михаилом Абрамовичем доставляло радость собеседникам. Человек глубокого и острого ума, всегда доброжелательный и располагавший к себе, с неиссякаемым чувством юмора он, подобно магниту, притягивал к себе людей, особенно молодых. Его обращение к девушкам – милый», как бы подчеркивало доверительность беседы, располагало к искренности. Наши совместные с учителем разговоры не исчерпывались профессиональными интересами, мы обсуждали многие темы, включая политику и семейные отношения. На протяжении всего времени сотрудничества Михаил Абрамович оставался главным моим поверенным в сложных жизненных ситуациях. Его искренние и, как оказывалось, по-настоящему мудрые советы успокаивали, вдохновляли и давали силы для преодоления различных неурядиц. Сам же учитель, как позже вспоминал его друг – профессор Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Г.Р. Левин, очень ценил мою искренность и дорожил нашими доверительными отношениями. По утверждению Левина, я оставалась любимой ученицей профессора Барга.

Хотелось бы добавить, что при видимой мягкости Михаил Абрамович всегда оставался верен своим принципам и идеям, за что порой ему приходилось, что называется, «расплачиваться». Так, начав основательно заниматься новейшим в ту пору направлением в отечественной науке – методологией истории, он попал в немилость к партийным «боссам», усмотревшим в том крамолу. Барг был вызван для беседы в ЦК КПСС. А вскоре последовали оргвыводы: запрет на выезд в зарубежные страны. Только в начале 1990-х, незадолго до своей кончины, М.А. Барг впервые посетил Англию, изучению истории которой он посвятил практически всю свою жизнь. Между тем, подобные сложности с партийным руководством его не сломили, а лишь укрепили в собственной правоте. Он отстаивал свое право ученого – заниматься изучением новых проблем, в данном случае – проблем методологии истории, и в то же время не ожесточился против существующей системы. Именно М.А. Барг первым дал мне рекомендацию для вступления в члены КПСС, чем я и по сей день искренне горжусь. Когда же настали «перестроечные» времена, ученый не стал отрешиваться от своего «коммунистического прошлого», более того, сохранил верность прежним принципам и идеалам, чем заслужил глубокое уважение многих своих коллег.

В последние годы жизни Михаила Абрамовича мы виделись уже редко. Помню, как навещала его в больнице. Звонила по телефону. Как и прежде, делилась своими научными планами и их реализацией. Учитель искренне радовался моим успехам, гордился теми публикациями, которые появлялись в центральных научных изданиях, сочувствовал

неудачам. Во время таких бесед у меня зародилась идея написать монографию об английском Просвещении. Книга, с посвящением М.А. Баргу, вышла в свет в 1994 г., однако подарить ее своему учителю и другу я не успела: он ушел из жизни. Между тем, светлая память о нем живет не только в сердцах многих его учеников, коллег, но и в многочисленных трудах профессора Барга, не потерявших своей актуальности по сей день. Выступая перед студентами, я нередко рассказываю им о том, что моим учителем и другом на протяжении многих лет был Михаил Абрамович Барг. Всякий раз, услышав в ответ признание, что труды профессора Барга, как и в годы моей юности, известны и востребованы молодыми историками, я испытываю чувство гордости и удовлетворения. Лучшую память об ученом трудно себе представить.

***

Среди многочисленных тем своих исследований наибольшее внимание М.А. Барг уделял Английской революции середины XVII в.² Пожалуй, можно утверждать, что это была его любимая тема. Между тем, вне поля зрения ученого оказалась такая проблема, как влияние событий революции на интеллектуальную жизнь общества. В этой связи мое обращение к указанной проблеме представляется вполне закономерным.

В отечественной науке с давних пор утвердилась концепция о том, что Английская революция середины XVII в., ознаменовавшая собой победу капиталистического строя над феодальным, явилась эпохальным событием не только для Британии, но и для всей Европы. В результате революции в Англии произошли глубокие социально-экономические, политические, религиозные, идейные и культурные перемены. Практически именно с этой революции началась новая цивилизация. Между тем, в историографии продолжается дискуссия, начатая три столетия тому назад, по поводу характеристики событий тех лет: являлись ли они революцией или восстанием и мятежом? Причем споры вызывают не только оценки социальной сущности данных событий, но и общая характеристика происшедшего в стране. Известный британский ученый XX века Кр. Хилл отмечал, что большинство историков оценивало данный период в истории культуры Англии как «нормальный», сам же историк считал его чрезвычайно важным, даже уникальным для интеллектуального развития общества³. Его ученик Дж. Эйлер подчеркивал, что гражданская война в Англии принесла человеческие жертвы, разрушения, негативно отразилась на развитии экономики, а также досуга, социальных отноше-

---

² Барг 1950; Лавровский, Барг 1958; Барг 1967; 1991; 1994.

³ Hill 1990. P. 204, 218.

ний, семейной жизни. В то же время историк признавал: общая картина событий тех лет не была столь мрачной, как можно было себе представить. Даже число погибших в сражениях гражданской войны (несколько десятков тысяч) было значительно меньше в сравнении с последствиями жестоких эпидемий той поры. Во время гражданской войны, продолжал Эйлмер, не произошло «ни внезапных сдвигов в экономике, ни радикальных изменений в социальной структуре», что способствовало в дальнейшем созданию более благоприятных условий для роста предпринимательства внутри страны и укрепления торговой империи за океаном⁴.

Между тем, далеко не все историки придерживались подобной, на наш взгляд, вполне оправданной и объективной оценки указанных событий. Известный философ, историк, просветитель XVIII в. Д. Юм полагал, что ни один народ не переживал более резких и глубоких перемен в своих нравах, чем английская нация в период революции. «Из состояния покоя, согласия, повиновения и здравомыслия она (нация – *Т.Л.*) была стремительно ввергнута в пучину раздоров, фанатизма, мятежа и чуть ли не самого настоящего безумия, – писал Юм. – Неумолимая строгость пресвитериан и индпендентов предали своего рода анафеме все развлечения. Скачки и петушинные бои были запрещены как нечто гнусное и чудовищное, даже медвежья травля считалась богопротивной, языческой мерзостью, причем шокировала пуритан не сама жестокость этой забавы, а то, что она доставляла потеху публике». Всему этому виной Юм считал «гнусный фанатизм» революционеров, который, по его мнению, оказался губительным для вкуса, познания, закона и правопорядка, и в результате «веселость и остроумие были преданы анафеме, светские науки презирались, свобода исследования вызывала бешеную ненависть, и только ханжество и лицемерие пользовались всяческим поощрением»⁵.

Надо признать, что подобные негативные оценки революционных событий сохранились и в историографии XX в. К примеру, Дж. Тревелиян, хотя и не был столь категоричен в своих высказываниях, как Юм, тем не менее, тоже осуждал пуритан, когда писал: «После торжества парламентских армий наступило “царство святых” с их воспеваемым в псалмах благочестием, которым пользовались как лозунгом для того, чтобы добиться благосклонности господствующей партии, с их вмешательством в жизнь простых людей, с их запретом театров и традиционных спортивных состязаний». Использование солдат для обхода частных домов в Лондоне с целью проверки, на предмет нарушения субботы и соблюде-

---

⁴ Эйлмер 2004. С. 112-114.

⁵ Юм. 2002. С. 124, 125, 131.

ния установленных парламентом постов (проверяющие, как правило, уносили с собой найденную в кухне пищу), вызывало в обществе, согласно Тревельяну, самое резкое негодование⁶. Естественно, что подобные, весьма мрачные характеристики революционной эпохи создавали впечатление об Англии той поры, как о стране, в которой царили война, разруха, смерть, нищета и как неизбежное следствие – падение нравов и упадок культуры. Но так ли это было на самом деле? Что представляла собой английская культура – образование, литература, наука, в ту пору? Как революция повлияла на интеллектуальное развитие общества в целом? Ответить на эти вопросы автор и попытался в своей статье.

Отличительной чертой революционной эпохи явился значительный рост в стране печатной продукции. В 1640 г. друг Дж. Мильтона книготорговец Дж. Томасон приступил к собранию коллекции книг, памфлетов, газет, которые издавались во время революции. Поначалу в его собрании было 22 издания, но к 1660 г. уже насчитывалось свыше 20 тыс. наименований. Не менее внушительным было и собрание газет, которые издавались с 1641 г. (от 4 до 722 – в 1645 г. и до одной тысячи спустя несколько лет)⁷. Резко возросло число опубликованных баллад и альманахов, которые пришлось по сердцу простолюдинам. В целом, по утверждению Дж. Эйлмера, объем печатной продукции в 1640-х гг. превзошел все, что было издано за весь предшествующий период, начиная с того времени, когда Кэкстон положил начало книгопечатанию в Англии⁸.

Чем объяснялся такой бум печатной продукции? Прежде всего отменой цензуры, которую с XVI в. осуществляла Звездная палата. Другой, не менее важной причиной явилось издание Библии на английском языке. «Доступность Библии на английском языке стала стимулом для того, чтобы учиться читать, а это, в свою очередь, помогало развитию дешевого печатного дела и распространению книг», – отмечал Хилл и далее заключал: «Это была культурная революция беспрецедентных масштабов, последствия которой трудно переоценить»⁹. Во время революции дешевые издания Библии наводнили страну. Количество Библий и Новых Заветов, изданных за период от Реформации до революции, перевалил за миллион. Когда цензура и церковные суды были упразднены, любой англичанин получил возможность свободно обсуждать содержание Библии. Все партии, принимавшие участие в революции, обращались к Библии в поисках аргументов в спорах. Для большинства политиков (Р. Филмер,

⁶ Тревельян 2001. С. 251-253.

⁷ Hill 1990. P. 219.

⁸ Эйлмер 2004. С.66.

⁹ Хилл 1998. С. 30, 25.

О. Сидней, Дж. Гаррингтон, Дж. Мильтон, Дж. Локк, Дж. Лильберн, Дж. Уинстенли, рантеры, люди Пятой монархии) Библия была авторитетом и цитировалась чаще других текстов. В политических сочинениях Гоббса, которого современники обвиняли в атеизме, насчитывалось 1327 цитат из Библии, в одном только «Левиафане» – 657 цитат. Нередко совершенно противоположные концепции защищались с помощью цитат из Библии. Так, Мильтон в памфлетах против развода цитировал Ветхий и Новый Заветы, а рантеры оправдывали библейскими текстами сексуальную распущенность. Показательно, что не только для политиков, но даже для большинства ученых Библия оставалась «главным авторитетом». Многие из них (космолог Р. Хэнклоит, математик Э. Райт, физик И. Ньютон) неоднократно цитировали Библию в своих трудах. Библия становилась также своеобразной «моделью» для парламентариев, составлявших законы, являлась «основой всех искусств, наук и литературы». Сцены и изречения из Библии присутствовали в качестве убранства на драпировках стен в жилых домах, пивных, других общественных местах. Не случайно, подобное всеобъемлющее влияние Библии на общество Хилл окрестил «библейской революцией», вкладывая в это понятие два смысла: во-первых, для того, чтобы подчеркнуть, что язык и образы Библии использовались для выражения политической оппозиции Карлу I, а также поддержания морального состояния в период гражданской войны, а во-вторых, потому что революция с ее последствиями полностью разрушила всеобщее принятие Библии как «непогрешимого авторитета, которому надо было безоговорочно следовать». Но поскольку библейская революция потерпела поражение, то и саму Библию постигла такая же участь¹⁰.

Объемный труд Хилла, посвященный анализу влияния Библии на разные стороны жизни английского общества в XVII в., позволяет по-новому взглянуть на события революции и с должным вниманием отнестись к тем религиозным спорам, которые, как оказалось, играли более важную роль в революционных событиях, чем это представлялось историкам-марксистам. В своей книге Хилл показал, как на протяжении столетия в стране формировалась библейская культура. Король Генрих VIII Тюдор разрешил перевести Библию на английский язык, чтобы во время Реформации закрепить политическую независимость своего королевства от власти Папы. Библия сыграла решающую роль в формировании национального самосознания англичан, а также в утверждении превосходства английского языка в обществе. Хилл напоминал, что первые свидетельства использования английского языка в правительственных прокламаци-

---

¹⁰ Там же. С. 33, 35-36, 37-38, 45-46, 56.

ях относятся к 1264 г., а в XIV в. в начальных школах французский язык был заменен английским. Наконец, в 1526–1534 гг. Уильям Тиндел осуществил первый перевод Нового Завета на родной язык. Его работу финансировало купечество. Постепенно Библия, переведенная на английский язык, сделалась «собственностью всех грамотных мирян», она быстро распространилась во всех слоях общества и к XVII веку была признана главным авторитетом во всех сферах интеллектуальной жизни, послужив «основанием для всех аспектов английской культуры»¹¹.

Соглашаясь с концепцией Хилла о значительном влиянии Библии на интеллектуальную жизнь общества, можно невольно попасть в плен заблуждений и подумать, что все англичане были знакомы с Библией, а следовательно, являлись грамотными. Но так ли это было на самом деле? По утверждению очевидца революционных событий памфлетиста Ричарда Бакстера, «чернь» – лудильщики, свинопасы, грузчики, барочники – вообще никогда не читали Библии¹² в силу своей неграмотности. А как вообще обстояло тогда дело с грамотностью в стране? Ответ на этот вопрос дал в своей книге «Грамотность и социальный порядок» Дэвид Крэсси. По его подсчетам, уровень неграмотности англичан в 1640-е годы колебался от 33% в Лондоне до 94,6% – в графстве Вестморленд. С женской грамотностью дело обстояло еще хуже. Так, в начале века неграмотность среди женщин, проживавших в столице, достигала 91%, к середине – она снизилась до 81% и только к концу века сократилась почти вдвое, составив 52%¹³. Естественно, что подобное состояние образования не могло оставить равнодушными революционеров-реформаторов. Многие из них выступали за радикальные перемены в образовании. Дж. Уинстенли заявлял, что свободное образование для обоих полов должно продолжаться до 40-летнего возраста. Он высказывался за всеобщее, равное и обязательное образование, ратовал за сочетание школьного образования с профессиональным обучением, утверждая: «для республики полезно, чтобы дети были обучены каким-либо ремеслам, так же как и знанию языков или истории»¹⁴. С должным вниманием относился к образованию юных англичан и Оливер Кромвель. Он считал недостаточным обучение лишь «светской знати и джентри», ратовал за всеобщее образование. В одной из своих речей Кромвель заявил: открытие школ для всех детей и их обеспечение за счет государственной казны – это долг и обязанность правительства¹⁵.

---

¹¹ Там же. С. 20-21, 22-25.

¹² Цит. по: Хилл 1998. С. 26.

¹³ Cressy 1980. P. 73,144.

¹⁴ Цит. по: Барг 1958. С. 244.

¹⁵ Firth 1947. P. 353-354.

В годы революции претерпело заметные изменения идеологическое обоснование концепции образования. Если в 1644 г. проект образования, предложенный Мильтоном, был рассчитан лишь на «избранный круг знатной молодежи», то спустя несколько лет его автор уже защищал создание школ для всей нации с тем, чтобы знания и культура распространились «повсюду, где они еще находятся в пренебрежении и забвении». Республиканское правительство оказывало материальную помощь школам: часть средств от конфискованных церковных земель систематически перечислялась на их содержание и обеспечение учителей. В 1649 г. правительство впервые выделило на нужды народного образования 20 тыс. ф. ст.¹⁶ Усилия революционеров и реформаторов образования, несмотря на сильное противодействие со стороны церкви и аристократии, не пропали даром: во второй половине XVII в. количество начальных школ в стране заметно увеличилось.

Обратимся далее к вопросу о том, что читали англичане в революционную пору и что представляла собой литература тех лет? На взгляд Тревельяна, «век Мильтона, Марвелла и Геррика был веком поэзии и учености». Эйлмер обращал внимание на дискуссионный характер проблемы влияния революционных событий на литературу, замечая, что ответ на вопрос, какими были отношения между пуританизмом и литературой, поэзией и политикой, пока не найден. В то же время сам историк не сомневался в том, что многие произведения парламентариев Джона Мильтона, Эндрю Марвелла, Эдмунда Уоллера, Джорджа Уитера, молодого Джона Драйдена, которые можно было отнести к «политической поэзии», были написаны именно под влиянием происходивших в стране событий¹⁷. Одной из характерных черт литературы эпохи революции сделалось появление нового типа прозы, доступной для чтения «человека с улицы». После отмены цензуры заметно возрос объем сатирической, аллегорической и полемической литературы. Теперь литераторы предпочитали обращаться к читателям, не имевшим классического образования, к аудитории, которая воспитывалась преимущественно на чтении Библии и «Книги мучеников» квакера Дж. Фокса. Успехом у читающей публики стали пользоваться также биографии и автобиографии, которые, в конечном счете, привели литераторов Баниана и Дефо к написанию первых романов. Не только сторонники парламента, но и его противники – роялисты стремились завоевать аудиторию за пределами академической или придворной элиты. Результаты не заставили себя долго ждать, и вскоре

---

¹⁶ Лапчинская, *Таршис*. 1975. С. 3.

¹⁷ Эйлмер 2004. С. 106.

даже в домах сельских фермеров стали появляться, наряду с Библией, «История мира» Уолтера Рэли, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Дендрология» Джеймса Хоуэлла и тому подобная литература¹⁸.

Определенных достижений в годы революции достигла наука. Хотя Академии наук (Королевского общества) в стране еще не существовало, тем не менее, в университетах Оксфорда, Кембриджа, а также в Лондоне уже трудились ученые, работы которых находились в центре внимания правительства. Начали издаваться произведения Фрэнсиса Бэкона. Именно в эти годы зарождается скептицизм. Под влиянием распространения скептицизма Библия перестает рассматриваться в образованных кругах как непогрешимый авторитет, и уже в 1657 г. депутатов, которые по старой привычке цитировали ее в своих речах, поднимали на смех.

Насколько революция оказала влияние на развитие науки? По Эйлмеру, математика и «чистая наука» того времени были мало связаны с революционными событиями. Что же касается прикладных наук, техники, то здесь дело обстояло иначе. Нужды правительства, давление влиятельных группировок, экономические запросы – все это стимулировало развитие навигации, баллистики, топографии, картографии, статистики.

Говоря о влиянии революции на интеллектуальную жизнь английского общества, нельзя не отметить ее воздействия на социальную активность населения, вызванную, прежде всего, изменениями менталитета молодежи и женщин. В ту пору, отмечал Эйлмер, для талантливых людей открылись карьерные возможности: многие одаренные молодые люди «смогли преодолеть сдерживающие силы окружения и воспитания и достичь гораздо большего, чем было бы возможно для большинства из них в обычные времена»¹⁹. Среди таких людей появилось немало реформаторов, в том числе Сэмюэл Хартлиб, который выступил с проектом создания национальной информационной службы («служба адресов»); врач, геодезист и статистик Уильям Петти; химик Роберт Бойль; врач и памфлетист Питер Чемберлен и другие.

Наиболее значительное влияние революция оказала на формирование мировоззрения и интеллекта женщин. Англичанки приняли самое активное участие в революционных событиях, как на стороне парламента, так и на стороне роялистов. Многие аристократки вносили значительные денежные суммы в фонд помощи роялистам, помогали им избежать преследований со стороны парламента, прятали в своих домах опальных беглецов, организовывали отпор войскам Кромвеля, нападавшим на их

---

¹⁸ *Тревельян*. 2001. С. 259.

¹⁹ *Эйлмер*. 2004. С. 112.

замки. Еще активнее в революционных событиях участвовали сторонницы парламента, большую часть которых составляли представительницы средних и низших слоев общества. Они принимали участие в массовых демонстрациях протеста, религиозных движениях, подаче петиций правительству, сборе средств на нужды парламентской армии, строительстве фортификационных сооружений, становились медсестрами, курьерами, регулировщицами, разведчицами, солдатами²⁰. Самой большой массовостью отличались выступления женщин с петициями в адрес парламента. Женщины подавали петиции, в которых не только выражали требования, но и излагали свои взгляды на происходящие в стране события. Все чаще в петициях, адресованных парламенту, начинало звучать требование женщин предоставить им равные с мужчинами права и, прежде всего, право высказывать свое мнение в политических дебатах.

Изменения претерпели и семейные отношения. Пуританские проповедники утверждали: жена – помощница и партнер для мужа, а не просто нижестоящий член семьи, поэтому супруг должен не только восхищаться ею, но и уважать. Пуритане осуждали рукоприкладство мужей и двойные стандарты в сексуальном поведении. Именно в эпоху революции появилось немало теорий, авторы которых переосмысливали роль патриархальной семьи в обществе. Многие англичане заговорили о необходимости реформирования института брака (изменить положение женщины, ограничить власть мужчины, упростить процедуру выбора супруга и бракосочетания). Все чаще стали появляться трактаты, авторы которых не отказывали женщинам в интеллектуальных способностях. Немало споров в печати вызывали вопросы, связанные с браком. Хилл писал: «В те времена, как и сейчас, “грех” означал для пуритан секс. Сексуальная революция, которая являлась важной частью введения протестантской этики, означала замену брака по расчету (с любовью вне брака) моногамным союзом, основанным на взаимной любви и деловом партнерстве в семейных делах. Жена должна была подчиняться мужу, но уже не как рабыня. Двойной стандарт в сексуальном поведении был заменен, по крайней мере, в идеале, единым. Новая этика, представленная в пуританских доктринах, отстаивала права женщин, хотя и подчиненных супругам, на брак по любви и свободу иметь желаемое число детей. Многие революционеры подвергали резкой критике адюльтер (особенно замужних женщин), насилие, проституцию, гомосексуализм. Уинстенли требовал смертной казни за изнасилование и неоднократную супружескую измену со стороны мужа. Многие выступали за либерализацию закона о разводе.

---

²⁰ Higgins. 1973. P. 219-220.

Революционные события в стране, в которых женщины приняли активное участие, выступление революционных лидеров и идеологов в защиту прав женщин на участие в политической жизни общества, а также на образование и брак оказали огромное влияние на формирование самосознания представительниц «слабого» пола. Хотя мужское верховенство продолжало сохраняться во всех сферах жизни и после революции, тем не менее, женщины, получившие в годы революции беспрецедентную свободу, начали переосмысливать свое положение в обществе. Все большее число женщин стали создавать интеллектуальные труды, основываясь на собственном житейском опыте, но выражая при этом не только личные, но уже и групповые интересы, что и являлось определяющим при формировании феминистской идеологии²¹.

Влияние революции середины XVII века оказалось поистине судьбоносным не только для интеллектуального развития английского общества. Свершившаяся в 1660 г. реставрация монархии не смогла вернуть прежние порядки. Несмотря на то, что влияние революционных идей в ту пору заметно ослабело, тем не менее, оно продолжало проследиваться. На идеях революции возросло в XVIII в. все европейское Просвещение²². Опыт Английской революции был воспринят американскими, французскими и даже русскими революционерами. Как утверждал Кр. Хилл, «жирондисты и якобинцы, меньшевики и большевики, царевубийцы и республиканцы вписывались в образцы, установленные Английской революцией»²³. Как видно, влияние данной революции на интеллектуальное развитие общества оказалось более значительным, чем было принято считать в историографии. Оно было продолжительным по своему воздействию и перешагнуло национальные границы. Даже спустя три с половиной столетия интеллектуальный резонанс революции эхом отзывается в созданной либералами модели современной демократии, которая прочно утвердилась в большинстве западных стран. Значение Английской революции середины XVII века поистине трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЯ

Барг М.А. Кромвель и его время. М.: Учпедгиз, 1950. 272 с.

Барг М.А. Народные низы в Английской революции XVII в.: Движение и идеология истинных левеллеров. М.: Наука, 1967. 351 с.

Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 399 с.

---

²¹ *Лабутина* 2002.

²² *Лабутина* 1994. С. 83-91; 1999; 2015.

²³ *Hill* 1990. P. 233, 242, 223, 204; *Hill* 1998. С. 22.

- Барг М.А. Английская революция середины XVII века // История Европы. Т. 4. М., Наука, 1994. С. 11-41.
- Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов. 1660–1681. М., Наука, 1982. 208 с.
- Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., «Ирис-Пресс», 1994. 304 с.
- Лабутина Т.Л. Идеи наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции // Человек эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999. С. 14-33.
- Лабутина Т.Л. Английская революция и феминизм // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М.: Наука, 2002. С. 153-172.
- Лабутина Т.Л. Английский «след» в просветительском движении США, Франции и России // Британский мир. История Британии: современные исследования. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 201-207.
- Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция: Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. М.: Соцэкгиз, 1958. 366 с.
- Ланчинская В.П., Таршиц Е.К. Народное образование в Англии // Вопросы сравнительной педагогики. Сб. трудов. М., 1975.
- Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, Русич, 2001. 624 с.
- Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998.
- Эйлмер Дж. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. СПб.: Алетейя, 2004. 264 с.
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов (1649–1685). Т. II. СПб.: Алетейя, 2002. 464 с.
- Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
- Firth C. Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England. L., 1947.
- Hill Chr. A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. L.; N.Y., 1990.
- Higgins P. The Reactions of Women, with Special Reference to Women Petitioners // Politics, Religion and the English War. L., 1973. P. 219-220.

REFERENCES

- Barg M.A. Kromvel' i ego vremena. M.: Uchpedgiz, 1950. 272 s.
- Barg M.A. Narodnye nizy v Angliiskoi revolyutsii XVII v.: Dvizhenie i ideologiya istinnykh levellerov. M.: Nauka, 1967. 351 s.
- Barg M.A. Velikaya angliiskaya revolyutsiya v portretakh ee deyatelei. M.: Mysl', 1991. 399 s.
- Barg M.A. Angliiskaya revolyutsiya serediny XVII veka // Istoriya Evropy. T. 4. M., Nauka, 1994. S. 11-41.
- Labutina T.L. Politicheskaya bor'ba v Anglii v period Restavratsii Styuartov. 1660–1681. M., Nauka, 1982. 208 s.
- Labutina T.L. U istokov sovremennoi demokratii. Politicheskaya mysl' anglii-skogo Prosveshcheniya (1689–1714 gg.). M., «Iris-Press», 1994. 304 s.
- Labutina T.L. Ideinoe nasledie angliiskogo Prosveshcheniya v tvorchestve entsiklopedistov Frantsii // Chelovek epokhi Prosveshcheniya. M.: Nauka, 1999. S. 14-33.
- Labutina T.L. Angliiskaya revolyutsiya i feminizm // Perekhodnye epokhi v sotsial'-nom izmerenii. Istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 2002. S. 153-172.

- Labutina T.L. Angliiskii «sled» v prosvetitel'skom dvizhenii SShA, Frantsii i Rossii // Britanskii mir. Istoriya Britanii: sovremennye issledovaniya. M.: IVI RAN, 2015. S. 201-207.
- Lavrovskii V.M., Barg M.A. Angliiskaya burzhuaznaya revolyutsiya: Nekotorye problemy Angliiskoi burzhuaznoi revolyutsii 40-kh godov XVII v. M.: Sotsekgez, 1958. 366 s.
- Lapchinskaya V.P., Tarshis E.K. Narodnoe obrazovanie v Anglii // Voprosy sravnitel'noi pedagogiki. Sb. trudov. M., 1975.
- Trevel'yan Dzh. M. Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii. Smolensk: Rusich, 2001. 624 s.
- Khill Kr. Angliiskaya Bibliya i revolyutsiya KhVII veka. M.: IVI RAN, 1998.
- Eilmer Dzh. Vosstanie ili revolyutsiya? Angliya 1640–1660 gg. SPb.: Aleteiya, 2004. 264 s.
- Yum D. Angliya pod vlast'yu doma Styuartov (1649–1685). T. II. SPb.: Aleteiya, 2002. 464 s.
- Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
- Firth C. Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England. L., 1947.
- Hill Chr. A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. L.; N.Y., 1990.
- Higgins P. The Reactions of Women, with Special Reference to Women Petitioners // Politics, Religion and the English War. L., 1973. P. 219-220.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru

The English Revolution of the mid-17th century and the English intellectual world

The article discusses the influence of the English revolution of 1640–1660 on the intellectual life of the English society. A good deal of attention is paid to the analysis of printed materials during the specified period, in particular, to the editions of the Bible in English and periodicals; to the level of literacy in the country; to educational programs developed by the leaders of the revolution. The author emphasizes the impact of the revolution on the social activity in England caused, first of all, by changes in mentality of youths and women. The above-mentioned problems have not been discussed in Russian historiography, and the author's interest in these was a direct influence of the works by the prominent Soviet historian M.A. Barg who had been a supervisor to her postgraduate research.

Keywords: M.A. Barg, England, 17th century, revolution, press, Bible, literacy, education, protofeminism.

Tatyana Labutina, Dr. Sc. (History), professor, leading researcher of Institute of World history of the Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

Т. Н. ПОПОВА

БИОИСТОРИОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ: КОНЦЕПТЫ И МОДЕЛИ

Рассматривая ведущие тенденции в современных биографических исследованиях, автор акцентирует внимание на процессах столкновения и взаимопроникновения научно-лексических традиций и типологию биографического анализа, предлагает возможный вариант симбиоза концептов в едином исследовательском поле и схему биоисториографической модели.

Ключевые слова: *историография, биоисториография, биоисториописание, биореконструкция, биографизм, автобиоисториография, биографистика, биограмма.*

Никто из нас не обладает всей истиной,
но каждый из нас приближается к ней,
внося свой вклад в сумму достоверного знания.

Галилей

За последние десятилетия гуманитаристика пережила различные «повороты». Каждый из них – поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически инструментальный идеал, на котором концентрируется исследовательский интерес ученых. Все нарастающая скорость появления «поворотов», к которым профессиональное сообщество не успевает адаптироваться, напоминает «безумие недовольности»¹ – трагическое осознание нереализуемости имманентного стремления к полноте постижения прошлого и себя в нем.

Среди этих «поворотов» – перманентно возрождающийся – *биографический*. Ренессанс биографизма², наблюдаемый в наше время, обусловлен приоритетной тенденцией в развитии современной историографии, *фокус* которой направлен на «человеческую индивидуальность»³.

---

¹ Беленький 2005. С. 48.

² *Биографизм* в современной литературе чаще всего определяют как описательно-аналитический метод сбора и презентации информации о конкретной личности, как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований; в этом плане данное понятие выступает аналогом *биографического метода / подхода*. Не отрицая этих смыслов, *биографизм* в данном контексте приобретает более широкое звучание – как аналог *научного биоисториописания*.

³ Репина 2011. С. 556.

В период переосмысления интерпретационных моделей, применяемых к социокультурным сферам жизни, сегодняшнее увлечение историков биографическим жанром заставляет задуматься над проблемой традиций и нововведений, проблемой поиска новых теоретических концептов, методологических подходов и их плодотворного синтеза.

Концепты и традиции

«Столкновение» научных традиций евроатлантического и восточно-европейского научных полей способствовало тому, что в течение последних более чем двух десятков лет на волне гиперкритики собственного наследия многие представители «ученого цеха» увлеченно заимствовали «западные» нововведения, подчас сугубо декларативно, не вполне постигнув их реальный эвристический потенциал, и одновременно подсознательно сохраняли исследовательские клише, впитанные на генетическом уровне. В этом контексте изучение историографического процесса в его глобальности, анализ взаимодействия и трансформации западных и «незападных» историографических традиций приобретает особое звучание. При этом правомерен акцент на гетерогенность западного научного поля, дифференциацию западных влияний и их рецепцию в конкретных регионах столь же гетерогенного восточного научного поля⁴.

Биоисториописание также подчинено единым линиям глобального процесса. Одновременно каждой культурно-исторической эпохе, «лого-су» каждой национальной культуры соответствует свой «дискурс биографического сознания»⁵. Эта специфика находит свое выражение и в самобытном развитии определенных областей знания, проблемное поле которых имеет аналогичный по содержанию абрис, но разные самоназвания и структуриацию в системе «биографического письма». «Прорыв» в эпистемологии так или иначе проявляет себя в гипертрофии вводимого в исследовательскую практику очередного *концепта*, который чаще всего связывают с конкретной – *новой* – методологией. Эта неизбежная увлеченность найденной «точкой опоры» обычно приводит к очередной форме редукционизма. Вместе с тем любое нововведение в методологической сфере расширяет пространство исторической рефлексии, и поэтому критический подход к каждому новому направлению должен строиться на основе поиска его методологической продуктивности и определения границ его возможностей, за которыми начинается «чужая территория»⁶.

---

⁴ См.: Иггерс, Ван 2012. С. 23.

⁵ Бельский 2005. С. 38.

⁶ Баткин 1995. С. 208-210.

Категориальный аппарат современных биографических исследований представляет собой конгломерат терминов. Столкновение и взаимопроникновение научно-лексических нормативов, мода на слова способствуют тому, что в одном исследовании применяются понятия «из разных миров» без достаточного обоснования их совместимости. Конечно, это скорее «болезнь роста». Однако как развести понятия: *биографизм, персоналистика, персонология, персонологический принцип, персонологический подход, биографический жанр, биографический подход, биографический метод, биографоведение, биографика, историческая биография, биографистика, методы биографического письма, биографические исследования, частная биография, публичная биография, внутренняя биография, внешняя биография, карьерная биография, профессиональная биография, научная биография, интеллектуальная биография, история персоны, персональная история, биографическая история, индивидуальная история, биограмма, биографический нарратив и проч.?* И как «соединить» их в едином категориальном поле современного биографизма? Для этого потребуются не одно исследование из сферы биографистики⁷, и дело даже не в «трудоемкости» подобной работы. Составить универсальный глоссарий⁸ вряд ли возможно и вряд ли нужно, ибо возвращаться в монометодологизм – бесперспективное занятие. Но в границах конкретного (персонального) биографического исследования при создании собственной «биографической модели» от автора-биографа требуется, безусловно, «лексическая четкость» и понимание соотношения понятий с определенными традициями, даже если в итоге автор «сломает» демаркационные линии между ними.

Создание синтетического категориального аппарата биографических исследований ориентирует на осознание исходных лексических форм, на корректное использование разнообразной терминологии в едином поле «жизнеописания».

---

⁷ Термин получил распространение в научном сообществе советских историков 1970–1980-х гг. Институционализация биографистики как специальной исторической дисциплины проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980–1990-х гг. Значительная роль в этом процессе принадлежала В.С. Чижко (Чижко 1996, 1997). Однако, на мой взгляд, *объектом* биографистики является не «видатна особа» (Чижко 1997. С. 44), а историческая биография как культурно-историческое явление, *предметом* – история, теория, методология и практика историко-биографических исследований. В этом случае *биографистика* предстает как одна из рефлексивных дисциплин исторического профиля. Термин *биографика* в современной литературе соответствует аналогичной дисциплине в области философских и филологических наук.

⁸ Один из вариантов предложен С.М. Ляшко. См.: Ляшко 2010. С. 267-277.

В мировой историографической практике наметились две традиции, согласно которым теоретико-методологическое движение в границах определенного дисциплинарного поля получает свое обозначение. Первая традиция связывает наименования дисциплин с конкретным методологическим ключом, ее истоки – в XIX в., на этапе профессионализации научного знания (или ранее: вспомним Дж. Вико). Появление новой методологии влечет за собой стремление отделиться от «старой» дисциплины. При этом новое название обычно представлено прежним, но с добавлением транс-временного эпитета – «новая»: *новая историческая наука, новая социальная история, новая интеллектуальная история, новая биографическая история...* Вторая традиция исходит из сохранения традиционного дисциплинарного статуса с привычным дисциплинарным наименованием, при этом содержание дисциплины изменяется за счет расширения предметной области (проблемных полей), новых подходов, эпистемологических и категориальных образцов и проч. В этом случае стратегии обновления дисциплинарного багажа в целом или его секторов (фрагментарно) приводят к укреплению дисциплинарного статуса. В обоих случаях появляются новые «сегменты знания», которые требуют своих наименований – происходит обновление научной лексики.

Пересечение (столкновение) традиций влечет за собой вариации результативных форм: ассимиляцию, частичное поглощение, совмещение на уровне категориальных смыслов, методологических подходов и проч., складывание новой иерархии и субординации.

Представленная ниже композиция – вариант возможного объединения «новой» и «старой» терминологии в едином исследовательском пространстве с учетом научных традиций и их соотношения.

Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) *коллективную историю*; 2) *индивидуальную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*. Все три ветви – пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, их дифференциация – условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство.

Коллективная история, или *история коллектива* (в том числе – *научного сообщества*), или *коллективная биография* – сфера в первую очередь специальной дисциплины – *просопографии* в том виде, в каком эта дисциплина сложилась в «западной» традиции и получила свой статус в современной российской и украинской науке.

Индивидуальная история (или *персональная история*) – самоназвание историко-биографических исследований, объект которых – история одной жизни от момента рождения до момента смерти во всей ее уникальности и в достижимой полноте⁹. Персональная история – сложно структурированная область научных исторических исследований; ее составляющие – относительно автономные *предметные поля* (со своей спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров), определяющие конкретный *тип биографического анализа*.

Система *типов биографического анализа* имеет свою конфигурацию: разные типы могут объединяться в *единое тематическое поле* (например, *человек в объективной драме истории*¹⁰), определять конкретный ракурс анализа («внутренняя биография», «эволюция души», «экзистенциальная биография», «приватная биография», «внешняя биография», «карьерная биография», «профессиональная биография» и другие направления, в т.ч. предложенные Дж. Леви¹¹ и Д. Уокером¹², а также их всевозможные вариации), а по исходным теоретическим позициям ориентироваться на «принципиально различные образцы» (Л.П. Репина) – микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности, включая т.н. «традиционную биографию» (в позитивистском, марксистском и др. вариантах) и проч. В этом ключе восприятие «новой биографической истории» («социальной персональной истории») может идти двумя путями: как *определенной биографической традиции* («западной», но не абсолютно «новой» для отечественного биографизма!), или (без противопоставления!) как одного из ведущих направлений персональной истории сегодня, *определенного типа биографического анализа* – социокультурного, в своей основе¹³.

Интеллектуальная биография является *видом интеллектуальной истории* (направлением исследований в области интеллектуальной истории) и одновременно областью *персональной истории*, тематически ориентированной на изучение *биографии интеллектуалов*.

Понятие *персональная история* шире понятия *интеллектуальная биография*, т.к. объектом персональной истории может выступать *любая персона* – «индивидуум любого калибра» (Д.М. Володихин)¹⁴, независи-

⁹ Соловьев 1991. С.46; Репина 2005. С. 15.

¹⁰ См.: Соловьев 1991. С. 19-52.

¹¹ См.: Леви 1996. С. 191-206.

¹² См.: Нейман 2005. С. 330-332.

¹³ Репина 2011. С. 300.

¹⁴ Персональная история. 1999. С. 5-6.

мо от масштаба личности, индивидуального вклада в историю, принадлежности к определенным социальным стратам и видам деятельности – интеллектуальной или другой. И в этом, действительно, отличие персональной истории от т.н. *традиционной*, в которой объектом биографического анализа были преимущественно «крупные исторические деятели».

Объект интеллектуальной биографии – интеллектуал (как бы не насыщали это понятие ученые), его жизнь и деятельность в различных сферах, но прежде всего – интеллектуальной. *Предмет* же интеллектуальной биографии связан (как в любой научной работе) с исследовательской стратегией и теоретическими ориентирами. Поэтому интеллектуальная биография может быть представлена в историографической практике различными типами биографического анализа¹⁵.

Биографический анализ – самостоятельная *форма* научного исследования и одновременно *вид* исторического исследования. Сфокусированный на авторах исторических произведений, биографический анализ предстает как *вид историографических исследований*, как сфера дисциплины *историографии* в «восточной» традиции или *истории историографии* – в «западной»¹⁶.

Историография как специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпорально-региональной конкретике единства многообразия, конституировалась в последнее тридцатилетие советской эпохи. Более чем полувековой путь ее дисциплинарного воплощения в восточноевропейском ареале был далек от линейности и однозначности восприятия. Многочисленные «образы» историографии, сосуществующие сегодня, свидетельствуют не просто об институциональном кризисе дисциплины, но в первую очередь о настойчивом стремлении представителей историографической корпорации выявить оптимальные тенденции ее дисциплинарного обновления¹⁷. С 1980-х гг. в советской науке конкретный вид историографических исследований личности и творчества историков (профессионалов и любителей), выступает под самоназванием – *биоисториография*. Наряду с проблемной, региональной, институцио-

---

¹⁵ По А.М. Эткинду, *биографический анализ* – один из методологических компонентов «нового историзма», наряду с интертекстуальным и дискурсивным анализом (Эткин 2001. С. 7-40). Э.Ю. Соловьев определяет *биографический анализ* как *вид историко-философского исследования*, самостоятельную *форму* научного исследования (Соловьев 1991. С. 19).

¹⁶ См. подробнее: Попова 2012. С. 198-215.

¹⁷ См.: Репина 2010; 2013.

нальной историографией, историей историографии (как *историей истории исторической науки/знания*¹⁸) и проч. биоисториография входит в структуру предметного поля дисциплины историографии. Биоисториографические исследования можно рассматривать как вид интеллектуальной биографии и, соответственно – персональной истории.

Автобиоисториография – личностная история историка о себе (интеллектуальная автобиография, эго-история и т.п.) – как направление исследований входит в предметное поле *истории историографии*, сферы интеллектуальной истории, и, соответственно, в интеллектуальную биографию и персональную историю («западная традиция»), одновременно – в структуру *биоисториографии* как направления историографических исследований («восточная» традиция).

Единицей биоисториографического исследования выступает конкретный тип биоисториографического анализа; различия между типами – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и

---

¹⁸ Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может, на мой взгляд, сохранять свое значение в качестве содержательного стержня *дисциплины историографии*, поскольку наука состоит как из когнитивных (когнитивная система), так и социокультурных (инфраструктура науки и социокультурная система, в которую органично входит наука как ее составляющая) сегментов целого; при этом *институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, включающее в себя *научное знание* как «институциональную единицу» = вид и уровень организации исторического знания; в темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности = «институциональных единиц», в т.ч. – *научная дисциплина* как определенная социокогнитивная система (см. подробнее: Попова 2007. С. 137-147); изучение *научного исторического знания* бесспорно не будет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи и взаимозависимости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций, однако закономерное расширение предмета *дисциплины историографии* – от *истории идей* к *истории исторической культуры* (Репина 2013. С. 10, 14-15) с неизбежным появлением и нового теоретико-методологического инструментария не должно, тем не менее, нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю *научной культуры* познания прошлого (см. подробнее: Попова 2009. С. 210-235). Понятие *историографический процесс* (как онтологически-реальное явление) включает в себя все многообразие сюжетов, сторон, аспектов, феноменов и т.п., связанных с существованием и «движением» (отнюдь не в одновекторном варианте) исторического знания; перманентные попытки «достичь прошлого как такового» (Анкерсмит 2007. С. 5) детерминируют конструирование модели историографического процесса, нацеленной на максимальный охват различных процессов и явлений (что не исключает, но предполагает наличие разнообразных модельных модификаций).

в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и разнообразие. Создание *типологии биографического/биоисториографического анализа* – задача *биографистики*, что не исключает биорефлексию в границах биоисториографии, дисциплины историографии и гуманитаристики в целом.

Понятие *историческая биография*, классическое для «восточной» традиции, сохраняет свое значение как *культурно-историческое явление* и традиционное направление исторических исследований.

Методология. Биоисториографические модели

Типология биографического письма составляет значительный диапазон вариантов¹⁹. В современных англоязычных изданиях выделяют четыре типа *personal history*: традиционную биографию исторической личности «крупного масштаба»; «личную историю» как исследование жизни индивида сквозь призму его частных отношений; «внутреннюю биографию» (развитие внутреннего мира человека); «интеллектуальную автобиографию историков»²⁰. Типология исторических биографий, предложенная Дж. Леви, включает такие типы как: просопография и модальная биография; биография и контекст; биография и пограничные случаи; биография и герменевтика²¹. В типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях, предложенную Д. Уокером (1983), входит биография личности, профессиональная биография, библиографическая биография и ситуационная биография, или биография среды²². «Сетевая концепция» социальной структуры детерминировала новое направление биографизма, согласно которому биография предстает как «вертикальная темпоральная последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых пространственно фиксируется конфигурация социальных связей индивида на соответствующем отрезке его жизненного пути»²³. Для современной российской историографии характерна ориентация на две версии персональной истории: «экзистенциальный биографизм» («экзистенциальная персональная история») и «новая биографическая история» («социальная персональная история»)»²⁴.

---

¹⁹ Ее можно рассматривать как аналог типологии биографического анализа. Автор не ставит своей целью анализ всей картины типологического разнообразия в полидисциплинарной и многожанровой биографической и биографоведческой литературе.

²⁰ См.: Репина 2009. С. 290-291.

²¹ См.: Леви 1996. С. 191-206.

²² См.: Нейман 2005. С. 330-332.

²³ Репина 2005. С. 60-61.

²⁴ См.: Володихин 2002. С. 450-455.

Все многообразие типов биографического жанра (которые выступают скорее как направления биографических исследований и одновременно типы биоанализа/биографизма), предусматривает учет ряда принципиальных позиций: *во-первых*, в «чистом виде» каждый из этих типов встречается редко, исследовательские реалии представлены множеством разнообразных комбинаций, которые расширяют пространство типологической вариативности²⁵; *во-вторых*, вряд ли следует «жестко связывать» тип биографизма с конкретной методологией, т.к. один и тот же тип биографии в современной науке может быть представлен различными методологическими платформами; *в-третьих*, в биографической практике, опосредованной исходными теоретическими основаниями, особое значение приобретает конкретная *модель биографического анализа*.

В ряде монографических и диссертационных работ последних лет получила популярность модель, сконструированная на основе типологии Д. Уокера. Совокупность четырех типов биографии в качестве единой схемы стала рассматриваться как *модель интеллектуальной биографии*²⁶. В. Ващенко (Днепропетровск), плодотворно работающий в русле нового для украинской науки биографизма, на основе анализа современных биографических исследований ученых «евроатлантической традиции» предложил свою *модель интеллектуальной биографии историка*, исходя из поэтапного решения конкретных задач. Первая задача – выяснение генезиса и сущности интеллектуальных достижений субъекта («научной методологии») – решается через анализ «смены» парадигм на протяжении карьеры ученого; решение второй – установление рациональности субъекта в терминах его мотиваций – предполагает выявление мотивационных рядов методологического пространства. Смена «научных методологий», привязанная к определенным событиям внутренней (психической) и внешней (социокультурной) жизни ученого, может рассматриваться, по мнению В. Ващенко, как «вехи» его интеллектуальной биографии²⁷.

Среди вариаций интеллектуальной биографии – модель, включившая в себя шесть биографических блоков: историографическая биография, семейная, духовная, психологическая, служебная и творческая²⁸.

---

²⁵ Это касается всех типологических конструкций, включая «оппозиционные типологии» ученого, личности и мышления: см. далее предложенную автором биоисториографическую модель.

²⁶ См.: Корзун 2011; Михайленко 2009; Ліхачова 2011; Капарулін 2011; Андреев 2010/2011 и др.

²⁷ Ващенко 2009. С. 481.

²⁸ См.: Суздаль 2015. С. 8-9.

К новациям в современной украинской историографии следует отнести биографическую модель, предложенную И.И. Колесник²⁹. Это, по сути, развитие метода *сетевого анализа* межличностных взаимодействий, блистательно использованного автором в исследовании о Н.В. Гоголе и получившего дальнейшую теоретическую разработку в книге «Українська історіографія: концептуальна історія»³⁰. Данная модель – модель коммуникационная, исходным концептом которой выступает формула «*биографический мир*». Для И.И. Колесник «биографический мир» – не синоним биографии, не линия жизни (линейная структура), а культурное пространство, в котором личность перемещается между различными сферами (профессиональной и бытовой, частной и публичной), меняя роли, статус, собственные интересы и виды деятельности; это – культурный мир человека и аффилированных с ним личностей, групп и общества в целом. Используя идеи нарративной психологии, автор определяет «биографический мир» как нарративную структуру, включающую цепь «жизненных нарративов», которые в своей совокупности предстают в виде конструкции целостного «жизнеописания». Модель «биографического мира» инструментально основывается на «картах личности», предложенных в современной психологической литературе. «Карты личности» схематизируют течение жизни «героя» и его окружения во времени и пространстве и корректируют исследовательские процедуры. В соответствии с авторской стратегией «карты личности» могут включать разнообразный диапазон «пунктов», отражающих коммуникативный мир «героя». В модели Колесник, спроецированной на биографический мир Кобзаря, выделены шесть пунктов: места, артефакты, события, стрессы и проблемы, сценарий будущего, персональная идеология. Практическое применение данной модели нашло свое выражение в конструировании И.И. Колесник собственной версии биографического нарратива³¹ Т. Шевченко. Благода-

---

²⁹ См.: Колесник 2014.

³⁰ См.: Колесник 2009; 2013. С. 453-477 [Раздел «Мережева модель науки»].

³¹ Понятия *биографический нарратив*, *нарративная история*, *исторический нарратив* во многом связаны с экстраполяцией т.н. *нарративного подхода* из психологии (Брунер 1987; 2005) в область исторических и биографических исследований, с *нарративным поворотом* в методологии социогуманитарного знания (постструктурализм). Эти понятия имеют неоднозначные трактовки в современной литературе: по Ф.Р. Анкерсмит, например, *исторический нарратив* (*нарративная интерпретация исторических событий*) – особый повествовательный жанр, историографическая репрезентация прошлого в его «метафорическом измерении», опирающаяся на фактографическую канву событийного ряда и нацеленная на конструирование осмысленной картины прошлого (Анкерсмит 2003); для М.Н. Эпштейна *нарратив* – «последовательно рассказанная биография», способ описания жизни (как лингвокультурной кон-

ря избранным автором «нарративным процедурам» хорошо известные факты «заиграли» в новом ключе, позволяя более объемно и целостно осмыслить личность и жизнь Кобзаря.

Среди биографических моделей – т.н. «вопросники». К первым авторам «вопросников» относится Ш.-О. Сент-Бёв (1804–1869), родоначальник биографического жанра «литературных портретов». Выделив десять «аспектов портрета», Сент-Бёв, по сути, очертил тематический круг «портрета»: рассмотрение великого или выдающегося писателя в семейной обстановке; ознакомление с характером его образования и воспитания; определение «первого окружения» в период становления его таланта; изучение первых успехов писателя – «талант в юности»; определение периода «ослабления таланта»; изучение особенностей мировоззрения, религиозных взглядов, его отношения к природе, женщинам, деньгам и проч.; выявление тайных слабостей; изучение специфики литературного стиля; выявление духовных наследников, учеников и почитателей; изучение оценок творчества писателя, данных «врагами», «недоброжелателями» и проч.³²

В науковедческой литературе с 1930-40-х гг. вопросники получили распространение наряду с анкетами. Применяя вопросники для изучения современной науки с целью оптимизации научно-исследовательской деятельности, ученые допускали возможность по форме вопросников составлять материалы и для изучения биографий ученых прошлых эпох³³.

В этом случае «вопросник» выступает уже как «дорожная карта», в соответствии с которой должен осуществляться источниковедческий поиск – сбор биографической информации. Одновременно структура «вопросника» предстает как схема биограммы³⁴, на основе которой можно создавать различные вариации биографических текстов.

струкции) в динамике ее событий (Эпштейн 2007). Вне зависимости от ракурса восприятия (у Анкерсмира нарратив – цельная конструкция – *нарративистский холизм*, метафорический гештальт; у Эпштейна *нарратив* – «событийная канва истории», динамическая конструкция, опирающаяся на *эпизодическую память*, хранящую информацию о событиях, развернутых во времени, в противовес *семантической памяти*, хранящей обобщенное знание как систему *биограмм*, в границах нарративной истории смысл события возникает в контексте рассказа о событии и имманентно связан с *интерпретацией*, а не опосредован онтологией исторического процесса.

³² См.: Сент-Бёв 1987. С. 39–48; Луков, Трыков 1996. С. 52.

³³ Карцев 1984. С. 138–139.

³⁴ *Биография* и *биограмма* – этимологически идентичные термины, но как самостоятельное понятие *биограмма* применяется в разных областях знания со своим содержательным наполнением. Одним из первых этот термин использовал американский социолог Т. Абель еще в 1940-е гг. (Abel 1947); для него *биограмма* – это

Новый импульс приобрели «вопросники» в связи с размахом просопографических исследований: создание компьютерных банков данных для изучения коллективных биографий потребовало выработки специальных методик³⁵. Бесспорная ценность этих материалов для справочных изданий или решения вопросов, связанных с параметрическим анализом научных сообществ, становится проблематичной, если речь идет об объемной личностной характеристике ученого. Специфика стандартной «файловой структуры», проблемы источниковедческого плана, сама направленность просопографии не всегда позволяют использовать эти данные для всех видов биоисториографических исследований.

Биоисториографические модели типа «вопросников» нацеливают в первую очередь на поиск биографической информации, создание фактуальной базы³⁶ конкретного биоисследования. Известно, что любой источник отвечает лишь на те вопросы, которые ему задают, поэтому «вопросник» (по сути, пункты-позиции биоинформации) опосредствован авторской стратегией (включающей не только специфику объекта-«героя» и предмета исследования, но и предполагаемый стиль нарратива, объяснительные модели и проч.), определяющей в конечном счете выбор конкретного типа (типов и их композицию) биографического письма.

Модель-«вопросник»³⁷, ориентированная на анализ жизни и творчества ученых-историков в университетах Российской империи XIX – нача-

---

совокупный блок рассказов о своей жизни, написанных по шаблонной схеме представителями определенной социальной группы (Гиндилис 1991; Мошкова 1994). М.Н. Эпштейн определяет *биограмму* как структурную единицу жизненного целого («дружба», «встреча», «одиночество» и т.п.) – тематическое поле биографических событий, *нарратив* в этом случае предстает как временной срез жизни в последовательности ее событий, или *биограммы* во временном порядке (Эпштейн 2007). Здесь *биограмма* обозначает структуру фактуального каркаса (набора тематических блоков биографических сведений) в зависимости от конкретной биоинформации.

³⁵ См.: Гарскова 1994; Гутнов, Перевертень 1994; Перевертень 1996; Юмашева 2005; Бородкин 2006. С. 222 и др.

³⁶ Следует различать понятия «источниковая база» и «фактуальная база»: первое означает комплекс разных по виду-типовой характеристике источников, составляющих фундамент конкретного исследования; второй – банк «научных фактов» («факт-знание»), полученных в результате критического анализа источников, процедуры «обработки» фактов из источникового массива («факт-источник») с помощью репертуара источниковедческих методик. Разумеется, *все* процедуры источниковедческого анализа не исключают *теоретическую нагруженность фактов*.

³⁷ Данная модель – откорректированный вариант структуры словарного раздела Биографического словаря ученых Новороссийского университета: разработана автором для подготовки Биографического словаря профессоров Одесского (Новороссийского) университета. См.: Попова 1997. С. 165-172; 2007. С. 498-503.

ла XX в., отражает также социокультурную темпорально-региональную специфику. Такая модель очерчивает объем содержательных позиций, которые выступают составляющими «жизнеописания». В то же время структура и архитектура³⁸ конкретного биографического текста может варьироваться в соответствии с авторской программой.

Вариант биоисториографической модели

1. Базовые биографические данные:

- 1.1. ФИО (с указанием изменений).
- 1.2. Псевдонимы.
- 1.3. Даты жизни (по юлианскому и григорианскому календарям).
- 1.4. Место рождения, место смерти и захоронения.
- 1.5. Время начала и окончания творческой деятельности (по году публикации первой и последней работы / по году написания неопубликованных первой и последней работы).

2. Национальные и социальные характеристики:

- 2.1. Национальность (по паспорту; по самоидентификации).
- 2.2. Вероисповедание (официальная принадлежность к конфессии).
- 2.3. Языки творчества.
- 2.4. Социальное происхождение (по отцу / родителям).
- 2.5. Достигнутое социальное положение.
- 2.6. Титул.
- 2.7. Высший чин (по Табели о рангах).
- 2.8. Финансово-экономическое положение; владение собственностью.

3. Происхождение и семейное положение:

- 3.1. Родители: отец, мать (даты жизни, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный статус, экономическое положение).
- 3.2. Знаменитые родственники (предки, братья, сестры и др.).
- 3.3. Браки /разводы/: количество, даты.
- 3.4. Жена(ы) (даты жизни, девичья фамилия, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный и профессиональный статус, экономическое положение).
- 3.5. Дети.

4. Образование:

- 4.1. Домашнее или иное начальное (кто обучал – био-данные).
- 4.2. Среднее: учебные заведения, место, годы обучения (учителя – био-данные).
- 4.3. Высшее: учебное заведение, годы обучения, факультет, специальность; форма аттестации, диплом.

---

³⁸ В данном контексте: *структура* – это порядок взаимосвязи содержательных компонентов текста; *архитектура* – композиционная логика текста, его стиливая специфика; структура и архитектура текста всегда обусловлены исследовательской стратегией и выражают авторскую индивидуальность, даже если текст создается по определенным шаблонам и жанровым схемам (см. об этом также: Ясь 2014. С. 52-54).

- 4.4. Второе образование.
- 4.5. Слушал курсы профессоров, работал в семинарах (био-данные).

5. Научная подготовка и научный рост

- 5.1. Студенческое конкурсное сочинение: тема, год, награды (профессор-автор темы).
- 5.2. Студенческое выпускное сочинение (вид, тема, год, науч. руководитель).
- 5.3. Подготовка к профессорскому званию (даты, при каком университете, кафедра, специальность, научный руководитель, даты сдачи магистерских экзаменов / перечень, оценки, экзаменаторы /).
- 5.4. Магистерская диссертация:
  - 5.4.1. Тема, специальность.
  - 5.4.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома магистра наук.
  - 5.4.3. Научный руководитель, оппоненты (официальные и неофициальные).
  - 5.4.4. Сведения о публикации.
- 5.5. Докторская диссертация:
  - 5.5.1. Тема, специальность.
  - 5.5.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома доктора наук.
  - 5.5.3. Оппоненты.
  - 5.5.4. Сведения о публикации.
- 5.6. Должности, звания (университет, факультет, кафедра, даты):
  - 5.6.1. Адьонкт.
  - 5.6.2. Доцент.
  - 5.6.3. Приват-доцент.
  - 5.6.4. Экстраординарный профессор.
  - 5.6.5. Ординарный профессор.
  - 5.6.6. Заслуженный профессор.
  - 5.6.7. Должностные оклады.
- 5.7. Зарубежные командировки (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование, даты).

6. Научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность:

- 6.1. Характер научной деятельности:
  - 6.1.1. Исследования, публицистика, эссеистика, перевод научной литературы, публикация источников, издание научной литературы и др.
  - 6.1.2. Научные экспедиции.
  - 6.1.3. Архивная деятельность.
- 6.2. Характер научно-организационной и просветительской деятельности:
  - 6.2.1. Участие в научных обществах (название, место, вид членства, должности, форма деятельности, даты).
  - 6.2.2. Организация (участие) научных и научно-просветительских центров; должности в научных учреждениях.
  - 6.2.3. Публичные чтения, меценатство в научной сфере и др.
- 6.3. Научно-педагогическая деятельность:
  - 6.3.1. Научные центры, учебные заведения (высшие – университеты и др.; средние и др., зарубежные центры, государственные и частные; даты работы).

6.3.2. Учебная нагрузка:

6.3.2.1. Наименования курсов лекций, спецкурсов, спецсеминаров; практические занятия (по курсу, темы); консультации и проч. (время проведения: год, семестр, часы в неделю).

7. Категориальный профиль (научный):

7.1. Приверженность к философским системам (тип, временной диапазон, эволюция).

7.2. Теоретико-методологические позиции:

7.2.1. Онтологические категории (теория исторического процесса):

7.2.1.1. Модель исторического процесса (прогресс /тип/; регресс, цикличность, флуктуация и проч.).

7.2.1.2. Факторы исторического развития.

7.2.1.3. Триада: народ-личность-государство.

7.2.1.4. Триада: общее-особенное-единичное.

7.2.1.5. Закон и закономерность в истории.

7.2.1.6. Необходимость и случайность в истории.

7.2.1.7. Объективное и субъективное в истории.

7.2.1.8. Категории времени; периодизация исторического процесса.

7.2.1.9. Прочее.

7.2.2. Гносеологические категории (теория исторического знания):

7.2.2.1. Триада: объект-предмет-субъект в историческом познании.

7.2.2.2. Исторический факт и исторический источник. Историческая истина; границы познаваемости истории.

7.2.2.3. Объективность и субъективность в историческом исследовании.

7.2.2.4. Статус исторического знания.

7.2.2.5. Научное историческое познание в контексте форм познавательной деятельности (научное и художественное, рациональное и интуитивное и т.п.).

7.2.2.6. Прочее.

7.2.3. Методологические категории:

7.2.3.1. Методика источниковедческого анализа.

7.2.3.2. Методы исторического исследования.

7.2.3.3. [Меж]дисциплинарные методы.

7.2.3.4. Методики и техника исследовательской работы.

7.2.3.5. Прочее.

7.2.4. Логико-аксиологические категории:

7.2.4.1. Историческое знание и культурные ценности.

7.2.4.2. Понимание и объяснение (тип, интерпретационная модель).

7.2.4.3. Логическая структура дискурса.

7.3. Индивидуальный авторский стиль:

7.3.1. Стиль мышления: синтетический / идеалистический / прагматический / аналитический / реалистический (комбинации и проч.)

7.3.2. Историографический стиль (нарратив: сценарии, структура и архитектура текста).

7.4. Научная картина мира.

8. Научное кредо: концептуальные воззрения (на основе модели анализа историографических источников – главных/рубежных трудов «героя»).

9. Сфера научной деятельности:

- 9.1. Научная область, дисциплина, специальность.
- 9.2. Проблематика.
- 9.3. Стержневое направление исследований.

10. Тип ученого:

- 10.1. Теоретик / практик-эмпирик.
- 10.2. Ученый-исследователь / ученый-педагог.
- 10.3. Ученый-философ / ученый-«поэт» / ученый-сциентист.
- 10.4. Генератор идей / глоссатор / транслятор / комментатор.
- 10.5. Критик / конструктивист / догматик.
- 10.6. Аналитик / фактограф / синтетик.
- 10.7. Кабинетный ученый / ученый-просветитель / ученый-политик.
- 10.8. Прочее.

11. Историографическая классификация – принадлежность к направлению, течению, школе:

- 11.1. Самоидентификация ученого; отношение к научной корпоративности.
- 11.2. Учителя «героя»:
  - 11.2.1. Учителя, признаваемые самим ученым (биоданные, источники).
  - 11.2.2. Ученые, признающие «героя» своим учеником.
  - 11.2.3. Учителя по историографической традиции.
- 11.3. Ученики «героя»:
  - 11.3.1. Признаваемые самим ученым (биоданные, источники).
  - 11.3.2. Признающие «героя» своим учителем.
  - 11.3.3. Ученики по историографической традиции.
- 11.4. Принадлежность к историографическим классам по историографической традиции.

12. Категориальный профиль (мировоззренческий):

- 12.1. Система мироустройства (в т.ч. – «проблема Бога»).
- 12.2. Триада: историческая наука-политика-идеология.
- 12.3. Партийно-политические ориентиры.
- 12.4. Приоритеты: индивидуальное и коллективное начала.
- 12.5. Приоритеты: национально-этнические («первичная этничность», «ситуационная этничность»³⁹) / интернациональные / общекультурные/ космополитические и т.п.
- 12.6. Гендерные позиции.

13. Признание заслуг научно-педагогической деятельности:

- 13.1. Членство в Академиях наук отечественных и зарубежных (вид АН, место, звание, даты).
- 13.2. Членство в иностранных научных обществах и т.п. (тип, год избрания и др.).

---

³⁹ По концепции П.Р. Магочия. См.: Магочий 1991. С. 97-101.

13.3. Ордена, награды, знаки отличия (вид, форма, даты).

13.4. Иные формы научных отличий.

14. Научные связи:

14.1. Официальные контакты с научными центрами (тип центра, цель, форма, даты).

14.2. Личные контакты с учеными (био-данные, мотивация, формы, результаты, даты).

15. Служебная деятельность (вне университетов):

15.1. Вид деятельности.

15.2. Наименование учреждения, годы работы.

15.3. Должности: название, оклады, даты.

16. Общественная деятельность:

16.1. Виды деятельности: политическая (революционная, оппозиционная и проч.), благотворительная и т.п. (формы, даты).

16.2. Наиболее значимые результаты общественной деятельности.

17. Санкции:

17.1. Общественные порицания, обвинения (причина, форма, даты).

17.2. Аресты, ссылки, тюремные заключения (вид, содержание обвинения, география, даты и проч.).

17.3. Научная деквалификация (причина, форма, даты).

17.4. Иные формы.

18. Характеристика личности (человека и профессионала):

18.1. Тип личности: экстравертивный / интровертивный; рационалист / интуитивист; оптимист / пессимист / стоик; акцентуация по К. Леонгарду и др.

18.2. Тип мышления: дисциплинарный / дисциплинарно-креативный / креативный.

18.3. Психофизическая конституция: внешность, болезни, слабости (пороки); отношение к окружающим; долголетие (в т.ч. – интеллектуальное).

18.4. Любимые артефакты (вещи, произведения искусства и проч.).

18.5. Хобби.

18.6. Судьбоносные поступки.

18.7. Самовосприятие (самооценка собственной личности, профессиональной деятельности, заслуг и др.: эволюция).

18.8. Воспоминания о «герое».

18.9. Научная репутация при жизни.

18.10. Некрологи.

18.11. Историографическая репутация (эволюция).

19. География проживания (страна, город и пр. – даты; адреса).

19.1. Места памяти «героя».

19.2. Места «силы» (наибольшей творческой активности).

19.3. Места «слабости» (наименьшей творческой активности).

20. Окружение (коммуникации):

20.1. Макроокружение (био-данные).

20.2. Микрокосм (био-данные).

20.3. Судьбоносные встречи (био-данные).

21. Наукометрический анализ публикаций:

21.1. Проблемная, видовая и жанровая характеристика научных и иных опубликованных трудов (количество, эволюция по годам / периодам, месту проживания, месту работы; издательства; языки публикаций и проч.).

21.2. Анализ личного архива: характеристика рукописных трудов.

Ремарка первая. Структура данной модели не противоречит наметившейся тенденции в современной литературе – поиску цельности в репрезентации истории жизни не через событийную повествовательность «от рождения до смерти», но благодаря конструированию определенного блока тематических полей. У И.И. Колесник – это *биографический мир* = нарративная структура из ряда «жизненных нарративов», основанных на т.н. «картах личности», включающих разнообразный диапазон «пунктов» (тем), отражающих коммуникативный мир «героя» (места, артефакты, события, стрессы и проч.). Для М.Н. Эпштейна оптимальный биографический опус создается с помощью категории *тезаурус* как совокупности *биограмм* (концептуальных «жизнеописательных и жизнемыслительных единиц» – надсобытийных категорий = образов, «фигур действия или переживания», «общих рубрик» для сопоставления авто/биографий), организованных системно для описания целостной картины жизни и жизневоззрения. В *тезаурусе* (как и в *нарративе*) жизнь предстает как лингвокультурная конструкция, однако в отличие от нарратива, который, по мнению Эпштейна, описывает *историю жизни* (в последовательности ее событий), тезаурус представляет *картину жизни* как континуум событий, при этом содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, книг, чувств, мыслей и т.п. Эти модели близки по исходному *нарративному подходу*, отказу от *биографической линейности*, ориентации на *биографическое пространство*, акценту на цельность конструкции как совокупности определенных тематических полей («общих рубрик» = «пунктов» = «жизнеописательных единиц» = «биограмм»), наконец они органично связаны с *историей памяти* – новым проблемным полем в историографии.

Предложенная *биоисториографическая модель* не привязана жестко к конкретному методологическому подходу (в данном случае – нарративному) и позволяет комбинировать фактографический материал в соответствии с авторской программой биоанализа.

Ремарка вторая. Каждый тип биоанализа (= тип биописьма = тип биографического жанра = тип биографизма) может быть представлен рядом моделей. Как инструментальный концепт *биомодель* выполняет две основные функции: 1) это *информационная модель* («вопросник» = тематическая структура), в соответствии с которой происходит поиск и систе-

матизация биографического материала – формируется фактуальная база конкретного биографического исследования = биограмма; 2) это *концептуальная модель* = в определенном плане структурированный образец, схема, по которой создается текст биографического опуса; последний в целостности своего содержания (концептуальной идеи) и архитектоники письма предстает как интерпретационный вариант конкретного типа биоанализа. Каждый из типов биографического (биоисториографического) анализа (интеллектуальная биография, «внутренняя» биография, профессиональная биография и проч., типы «биографического мира» и «тезаурусного пространства») может быть описан с помощью разнообразных моделей, в зависимости от содержательной структуры «вопросов», «пунктов», «рубрик», тематических блоков, биограмм.

Ремарка третья. Для профессионального историографа (историка исторической науки) историческая концепция является главным (но, конечно, не единственным) объектом историографического анализа. Интерпретативная сущность исторической/историографической концепции сегодня (и «вчера» тоже!) вряд ли вызывает сомнение. Если даже не переходить полностью (вслед за Анкерсмитом и др.) на позиции *нарративного идеализма*, нельзя не признать, что ни одно повествование не является адекватной «картиной» прошлого, его реальной реконструкцией, но представляет собой определенную авторскую конструкцию «исторического ландшафта»⁴⁰. Невозможность создания единственно верной интерпретации обуславливает появление множественности интерпретационных моделей прошлого (исторических/историографических/ биографических и т.п.). Естественно, в этом случае только «форум историков»⁴¹ может создать предпосылки для получения «объективного знания» – вычленения *истинных* (на данном этапе развития науки и исследования проблемы) *научных фактов* (идей, концепций, инструментария, фактографии и проч.). Однако нарративная интерпретация биографической фактографии все-таки должна преследовать основополагающую познавательную цель – «проникнуть в тайны прошлого»⁴².

P.S. П.М. Бицилли – блистательный мыслитель – был решительно против «единственно возможного мерила» в исторических конструкциях и настаивал на разных подходах, на самоценности каждого из них, но

---

⁴⁰ Анкерсмит 2003. С. 128.

⁴¹ Там же. С. 338.

⁴² Анкерсмит 2007. С. 267. Персональный маршрут самого Ф.Р. Анкерсмита свидетельствует о том, что настоящий ученый должен находиться в перманентном поиске путей *приближения* к исторической реальности.

«центром кристаллизации распыленных феноменов исторического бытия», с помощью которого можно соотнести все «многообразие данности», для него был человек, личность, «творец». Среди всех форм анализа исторического бытия он выбирал «анализ человека»⁴³, творчески раскрывающегося в области своей деятельности, «своей науки». Антропологически ориентированная направленность его взгляда – это модус «человеческого измерения», единственного основания многообразной полифундаментальности в координатах нашего человеческого бытия. Эта установка заставляет на каждом новом ренессансном витке биографизма углублять личностную и дисциплинарную рефлексию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abel T. The nature and use of biograms // *American Journal of Sociology*. 1947. V. 53. N 2. P. 111-118.
- Адресев В. «Интеллектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 5. К.: Інститут Історії України НАН України, 2010/2011. С. 333-341.
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
- Анкерсмит Ф.П. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007. 612 с.
- Баткин Л.М. Полемические заметки // *Одиссей: Человек в истории*. 1995. С. 206-210.
- Беленький И.Л. Биография и Биографика в отечественной культурно-исторической традиции // *История через личность: историческая биография сегодня* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37-54.
- Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: «Пламя», 1925. 339 с.
- Бородкин Л. И. Аximata minora: памяти Виталия Васильевича Подгаецкого // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2006. № 33.
- Брунер Джером. Жизнь как нарратив // *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*. № 1 (2). 2005. С. 9-29.
- Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Вип. 4. К.: Інститут Історії України НАН України, 2009. С. 475-486.
- Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // *Диалог со временем*. 2002. Вып. 8. С. 450-455.
- Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1994. 214 с.
- Гиндилис Н. Л. Пионеры просопографии в науке // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1991. № 1. С. 27-38.
- Гутнов Д.А., Перевертень В.А. Российские историки ХУШ – начала ХХ вв.: проект и информационная система // *Круг идей: новое в исторической информатике* / Ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжелникова. М.: «Мосгорархив», 1994. С. 30-50.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О. Воробьевой. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
- Капарулін Ю.В. О.О.Рябінін-Скляревський (1878-1942 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2011. 20 с.

⁴³ См.: Бицилли 1925. С. 31, 148, 244, 268, 274-275 и др.

- Карцев В.П.* Соціальна психологія науки і проблеми історико-научних досліджень. М.: Наука, 1984. 308 с.
- Колесник І.* Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. К.: Інститут Історії України НАН України, 2009. 596 с.
- Колесник І.І.* Українська історіографія: концептуальна історія. К.: Інститут Історії України НАН України, 2013. 566 с.
- Колесник І.І.* Біографічний світ Тараса Шевченка // Український історичний журнал. 2014. № 3. С. 79-99.
- Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
- Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 191-206.
- Ліхачова О.С.* Наукова, публіцистична та державна діяльність О.І. Георгієвського: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2011. 16 с.
- Луков Вл.А., Трыков В.П.* Ш. О. Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: сб. статей и материалов / отв. ред. Вл. А. Луков. М.: МПГУ, 1996. 175 с.
- Ляшко С.М.* Українські біографічні довідкові видання ХІХ-ХХ століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя: Дике Поле, 2010. 288 с.
- Магочий Павло.* Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. С. 97-101.
- Михайленко Г.М.* Олександр Лотоцький (1870-1939 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2009. 20 с.
- Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С. 131-142.
- Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 330-368.
- Персональная история / Отв. ред. Д.М. Володихин. М.: Мануфактура, 1999. 329 с.
- Перевертень В.А.* Разработка информационных систем для просопографических исследований: Автореф. ... канд. техн. наук. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. 19 с.
- Попова Т.Н.* О методике биоисториографических исследований // Записки Исторического факультета. Вып. 5. Одеса: ОДУ, 1997. С. 165-172.
- Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета, Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
- Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вып. 4. К.: Інститут Історії України НАН України 2009. С. 210-235.
- Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже ХХ-XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 198-215.
- Профессори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 1-4. Одеса: Астропринт, 2000, 2005.
- Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 5-16.
- Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность... / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 55-74.

- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.
- Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетей, 2010. С. 5-18.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. (Образы истории).
- Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5-22.
- Сент-Бёв Ш. О. Шагобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Под ред. Г.К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 39-48.
- Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М.: Политиздат, 1991. С. 19-52.
- Сuzдаль М.М. Микола Цертелев: дослід інтелектуальної біографії: Автореф. дис... канд. іст. наук. К., 2015. 20 с.
- Чишко В.С. Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України. К.: БМТ, 1996. 239 с.
- Чишко В.С. Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис... докт. іст. наук. К., 1997. 48 с.
- Эпштейн М. Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психологический журнал. 2007. № 4. С. 47-56.
- Эткинд А.М. «Новый историзм», русская версия // НЛЮ. 2001. № 1(47). С. 7-40.
- Юмашева Ю.Ю. Круг идей: новые издания по исторической информатике // <http://interstroy-omsk.ru/historygraphia/krug-idej-novye-izdaniya-po-istoricheskoy-informatike.php>
- Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95-127.
- Ясь Олексій. Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX-80-ті роки XX ст.): Монографія: У 2 ч. Ч.1 / за ред. В.А. Смоля. К.: НАН України, Інститут історії України, 2014. 587 с.

REFERENCES

- Andreev V. «Intelektual'na biografiya» istorika: eksplikatsiya ponyattya // Eidos. Al'manakh teorii ta istorii istorichnoi nauki. Vip. 5. K.: Institut Istorii Ukraini NAN Ukraini, 2010/2011.S. 333-341.
- Ankersmit F. Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov. Per. s angl. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s.
- Ankersmit F.R. Vozvyshennyi istoricheskii opyt. M.: «Evropa», 2007. 612 s.
- Batkin L.M. Polemicheskie zametki // Odissei. 1995. S. 206-210.
- Belen'kii I.L. Biografiya i Biografika v otechestvennoi kul'turno-istoricheskoi traditsii // Istoriya cherez lichnost... / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2005.S. 37-54.
- Bitsilli P.M. Ocherki teorii istoricheskoi nauki. Praga: «Plamya», 1925. 339 s.
- Borodkin JI. I. Aximata minora: pamyati Vitaliya Vasil'evicha Podgaetskogo // Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». 2006. № 33.
- Bruner Dzhерom. Zhizn' kak narrativ // Postneklassicheskaya psikhologiya. Sotsial'nyi konstruksionizm i narrativnyi podkhod. № 1 (2). 2005. S. 9-29.
- Vashchenko V. Kontsept «intelektual'na biografiya» ta konstruyuvannya «naukovikh biografiy» v ukrains'kii istoriografii // Eidos. Vip. 4. 2009. S. 475-486.
- Garskova I.M. Bazy i banki dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh. M.: MGU, 1994. 214 s.

- Volodikhin D.M. Dve versii mikroistoricheskoi platformy v otechestvennoi istoriografii // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 450-455.
- Gindilis N. L. Pionery prosopografii v nauke // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1991. № 1. S. 27 - 38.
- Gutnov D.A., Pereverten' V.A. Rossiiskie istoriki KhUSH – nachala KhKh vv.: proekt i informatsionnaya sistema // Krug idei: novoe v istoricheskoi informatike / Red. L.I. Borodkin i V.S. Tyazhel'nikova. M.: «Mosgorarkhiv», 1994. S. 30-50.
- Iggers G., Van E. Global'naya istoriya sovremennoi istoriografii / per. s angl. O. Vorob'voi. M.: «Kanon +» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 432 s.
- Kaparulin Yu.V. O.O.Ryabinin-Sklyarev'skii (1878-1942 rr.): intelektual'na biografiya istorika: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. K., 2011. 20 s.
- Kartsev V.P. Sotsial'naya psikhologiya nauki i problemy istoriko-nauchnykh issledovaniy. M.: Nauka, 1984. 308 s.
- Kolesnik I. Gogol'. Merezhi kul'turno-intelektual'nikh komunikatsii. K.: Institut Istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2009. 596 s.
- Kolesnik I.I. Ukraïns'ka istoriografiya: kontseptual'na istoriya. K.: Institut Istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2013. 566 s.
- Kolesnik I.I. Biografichnii svit Tarasa Shevchenka // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. 2014. № 3. S. 79-99.
- Korzun V.P. Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie. SPb.: Aleteiya, 2011. 192 s.
- Levi Dzh. Biografiya i istoriya // Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii. M.: IVIRAN, 1996. S. 191-206.
- Likhachova O.C. Naukova, publitsistichna ta derzhavna diyal'nist' O.I. Georgiev'skogo: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Odesa, 2011. 16 s.
- Lukov VI.A., Trykov V.P. Sh. O. Sent-Bev o desyati zapovedyakh biograficheskogo metoda // VIII Purishevskie chteniya: Vsemirnaya literatura v kontekste kul'tury: sb. statei i materialov / otv. red. VI. A. Lukov. M.: MPGU, 1996. 175 s.
- Lyashko S.M. Ukraïns'ki biografichni dovidkovi vidannya XIX–XX stolittya: istorichni ta teoretiko-metodichni zasadi. Zaporizhzhya: Dike Pole, 2010. 288 s.
- Magochii Pavlo. Ukraïns'ke natsional'ne vidrozhennya. Nova analitichna struktura // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. 1991. № 3. S. 97-101.
- Mikhailenko G.M. Oleksandr Lotots'kii (1870–1939 rr.): intelektual'na biografiya istorika: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. K., 2009. 20 s.
- Moshkova G.Yu. Biograficheskii metod i problema psikhologii lichnosti uchenogo // Voprosy psikhologii / Red. E.V. Shchedrina. 1994. № 2, mart-aprel' 1994. S. 131-142.
- Neiman A.M. Biografiya v istorii ekonomicheskoi mysl'i: opyt intelektual'noi biografii Dzh.M. Keinsa // Istoriya cherez lichnost' / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2005. S. 330-368.
- Personal'naya istoriya / Otv. red. D.M. Volodikhin. M.: Manufaktura, 1999. 329 s.
- Pereverten' V.A. Razrabotka informatsionnykh sistem dlya prosopograficheskikh issledovaniy: Avtoref. ...kand. tekhn. nauk. M.: Ros. gos. gumanit. un-t., 1996. 19 s.
- Popova T.N. O metodike bioistoriograficheskikh issledovaniy // Zapiski Istorichnogo fakul'tetu. Vip. 5. Odesa: ODU, 1997. S. 165-172.
- Popova T.N. Istoriografiya v litsakh, problemakh, distsiplinakh: Iz istorii Novorossiiskogo universiteta, Odesa: Astroprint, 2007. 536 s.
- Popova T.N. Distiplinamoe soobshchestvo istoriografov na iskhode Postmoderna (fragmenty razmyshlenii) // Eidos. Vip. 4. 2009. S. 210-235.
- Profesori Odes'kogo (Novorossiiskogo) universitetu. Biografichnii slovník. Tom 1-4. Odesa: Astroprint, 2000, 2005.

- Popova T.N. Metamorfozy istoriografii, ili istoriya s istoriei istorii // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv. / Otv. red. O.V. Vorob'eva, Z.A. Chekantseva. M.: IVI RAN, 2012. S. 198–215.
- Repina L.P. Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh // Istoriya cherez lichnost'... / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2005. S. 5–16.
- Repina L.P. Ot «istorii odnoi zhizni» k «personal'noi istorii» // Istoriya cherez lichnost'... / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2005. S. 55–74.
- Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: LKI, 2009. 320 s.
- Repina L.P. Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoi istorii // V teni velikikh: obrazy i sud'by / Otv. red. L.P. Repina. SPb.: Aleteiya, 2010. S. 5–18.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s. (Obrazy istorii).
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka v predmetnom pole intellektual'noi istorii // Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem / Red. L.P. Repina. M.: IVI RAN, 2013. S. 5–22.
- Sent-Bev Sh.O. Shatobrian v otsenke odnogo iz blizkikh druzei v 1803 g. // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. M.: MGU, 1987. S. 39–48.
- Solov'ev E.Yu. Biograficheskii analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya // Solov'ev E.Yu. Proshloe tolkuet nas. M.: Politizdat, 1991. S. 19–52.
- Suzdal' M.M. Mikola Tsertelev: doslid intelektual'noi biografii: Avtoref. dis.... kand. ist. nauk. K., 2015. 20 s.
- Chishko V.S. Biografichna traditsiya ta naukova biografiya v istorii i suchasnosti Ukraïni. K.: BMT, 1996. 239 s.
- Chishko V.S. Biografistika yak galuz' istorichnoi nauki: istoriografiya ta metodologiya: Avtoref. dis.... dokt. ist. nauk. K., 1997. 48 s.
- Epshtein M. Zhizn' kak narrativ i tezaurus // Moskovskii psikhologicheskii zhurnal. 2007. № 4. S. 47–56.
- Etkind A.M. «Novyi istorizm», russkaya versiya // NLO. 2001. № 1(47). S. 7–40.
- Yumasheva Yu.Yu. Krug idei: novye izdaniya po istoricheskoi informatike // <http://interstroy-omsk.ru/historygraphia/krug-idej-novye-izdaniya-po-istoricheskoy-informatike.php>
- Yumasheva Yu.Yu. Istoriografiya prosopografii // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 39. S. 95–127.
- Yas' Oleksii. Istorik i stil'. Vznachni postati ukraïnskogo istoriopisannya u svitli kul'turnikh epokh (pochatok XIX–80-ti roki XX st.): Monografiya: U 2 ch. Ch.1 / za red. V.A. Smoliya. K.: NAN Ukraïni, Institut istorii Ukraïni, 2014. 587 s.

Попова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, профессор Одесского национального университета имени И.И.Мечникова; tnsporova@rambler.ru

Bio-historical writing in the context of scientific traditions: concepts and models

The author examines the leading trends in contemporary biographical research. She focuses her study on the processes of collision and interpenetration of scientific traditions and lexical typology of biographical analysis option, and offers a symbiosis of concepts in a united research field and the scheme of bio-historiographical model.

Keywords: historiography, biohistoriography, biohistorical writing, bioreflexion, biographism, autobiohistoriography, biomodels, bioanalysis, biographystika, biogram.

Tatyana Popova, PhD (History), Professor of Odessa National University by name of I.I. Mechnikov, tnsporova@rambler.ru

И. М. САВЕЛЬЕВА

ENTANGLED HISTORY АНДРЕЯ ПОЛЕТАЕВА¹

Герой статьи – ученый, экономист, статистик, специалист по теории исторической мысли, историк и теоретик науки А.В. Полетаев (1952–2010). Его исследования стали новым словом в ряде социальных дисциплин. Статья повествует о пути А.В. Полетаева в историческую науку, о движении его исследовательских интересов от анализа экономических процессов к экономической истории, затем – к современной теории истории, изучению эволюции образов прошлого в разные эпохи, исследованиям массовых исторических представлений. Анализируются основные теоретические идеи цикла исторических работ, написанных в соавторстве с И.М. Савельевой.

Ключевые слова: А.В. Полетаев, история, теория, экономическая история, историческое время, знание о прошлом, массовые исторические представления, классика.

Андрей Владимирович Полетаев родился 27 сентября 1952 г. в Москве, на Арбате и был настоящим «дворянином арбатского двора». С Арбата – и на всю жизнь – были друзья детства. Оба его деда – арбатские. Один, Евгений Черномордик, большевик, был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. Бабушку, как жену врага народа, арестовали тогда же, но в 1938 г. отпустили, и она потом жила еще долго. Другой дед, профессор медицины Павел Берлин, был главным врачом туберкулезной клиники в Пушкино. В его квартире на Арбате и жила вся семья. Мама, Галина Павловна, тоже была врачом, а отец, Владимир Евгеньевич Полетаев, доктор исторических наук, профессор, работал в Институте истории СССР, заведовал созданным им сектором историко-социологических исследований. Фактически он был одним из первых социальных историков в СССР, которых можно соотнести с западной исторической наукой того времени. Он начал использовать математические методы в изучении истории рабочего класса. А.В. Полетаев говорил о себе, что он – профессор в третьем поколении. Это было для него важно, как и арбатские корни.

Андрей учился сначала в английской школе, а в 9-й класс поступил в знаменитую 2-ю математическую школу. Тем самым, выбор специальности был предопределен знанием математики. Все, кто выросл в то время, помнят, куда поступали амбициозные молодые люди (Физтех,

---

¹ Здесь использованы материалы большого интервью, данного Б.З. Докторову: Савельева. 2015(а). См. также: Савельева 2015 (б).

МИФИ, МГУ), какие были конкурсы и риски. Андрей выбрал экономкибернетику. О притягательности кибернетики в 60-е годы тоже все помнят.

В МГУ Андрею очень повезло. Его рано заметил профессор Револьд Михайлович Энтов. Энтов обладал целым рядом достоинств и важнейшими были знание экономической теории (economics) и педагогический талант, призвание к выращиванию молодежи и созданию своего круга. Чтобы попасть к нему в ученики, надо было знать высшую математику (или, по крайней мере, быть готовым ее освоить), владеть английским языком, чтобы читать западную литературу по экономике, и главное – работать «по гамбургскому счёту». В Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО) Энтов руководил сектором, состоявшим из молодых людей, которые соответствовали всем этим критериям и к тому же еще умели жить со вкусом (что РМЭ тоже очень поощрял). Не только сложнейшие семинары, доступные лишь избранным, но и капустники, вечеринки, совместные походы, были отличительной чертой сектора Энтова. Сам Энтов — человек знаточеской культуры, с разнообразными и нетривиальными научными и эстетическими интересами, и ему удалось собрать вокруг себя интеллигентных и образованных молодых людей, а Андрей, по общему признанию, был центром этой компании. В гости и на всевозможные школы молодых ученых он приезжал всегда с гитарой, прекрасно танцевал, с университетских времен руководил английским театром на экономфаке и потому ставил капустники в ИМЭМО. Легкости бытия, впрочем, не было, среда была высоко конкурентной, приходилось все время держать удар. Сектор Энтова (официально именовавшийся сектором анализа экономических циклов) состоял из исключительно профессиональных для того времени сотрудников, отличавшихся очень высокой самооценкой. Думаю, именно в секторе Энтова Андрей получил прививку истинной академической культуры, предполагающей не только глубочайшее уважение к коллегам, но и особое умение проявлять его в самых разных обстоятельствах: внимательно читая, тщательно выправляя, вдумчиво, со всей ответственностью и чуткостью рецензируя их тексты; не забывая сослаться на их труды и выразить им признательность в собственных работах, посещая их выступления и участвуя в торжествах, связанных с событиями их жизни.

В секторе Энтова Андрея Полетаева поначалу больше всего ценили за статистические компетенции и умение строить модели. Статистиком он был отличным, занимался статистическими исследованиями до конца жизни (Всемирный банк, ЮНЕСКО, Бюро экономического анализа, REСЕР). У него была своя табель о рангах для наших статистиков: очень

немногих он ценил, а очень многим совершенно не доверял и объяснял мне почему. Я много наблюдала за тем, как он работает со статистикой, и меня поражало его совершенно не техническое отношение к цифрам. Он видел все нестыковки, «дыры», как он выражался, пытался понять, какие сбои в сборе данных стоят за этими пробелами, какие именно искажения они вызывают. На мой взгляд, со статистикой он работал как настоящий историк (критика источника, вопрошание источника, извлечение непрямой информации), но при этом умел считать.

В те же годы обнаружили и другие прикладные способности Андрея Полетаева. Он известен как великолепный редактор и хороший переводчик (участвовал в создании русскоязычных версий сочинений ведущих западных экономистов – В. Леонтьева, Дж. Хикса, Дж. Кларка и др.). Эта работа началась во многом из-за необходимости подрабатывать, но и из желания сделать доступными соотечественникам труды экономистов-классиков. И вот что показательно. Получив первую статью на редактирование в журнале «МЭиМО», он прежде всего изучил знаменитый справочник Д.Э. Розенталя («Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати»). И впоследствии, возмущаясь чьей-нибудь небрежной редакторской работой, всегда говорил: «Если бы вы изучили этот учебник, вы бы такого не допустили»...

Завершить описание этого периода, исходя из наших академических маркеров, стоит защитой кандидатской диссертации в 1980 г. Выйти на защиту у Энтова было непросто – он мариновал своих аспирантов лет по десять. Андрей был первым из сотрудников сектора, кто защитился, хотя не был самым старшим. Его коллеги говорят, что и в диссертации («Циклические колебания издержек и прибыли в обрабатывающей промышленности США в послевоенный период»), и в сделанной по ней книге² виден особый творческий почерк: четкая постановка проблемы, стремление опираться на факты, качественная обработка статистики, умение задавать вопросы источнику и убедительный анализ.

В целом, к середине 1980-х Андрей Полетаев стал профессиональным экономистом, хорошо ориентировался в западной экономической теории, умел работать со сложными статистическими данными и программами. Однако наука (в то время – экономика и статистика) еще не поглощала его целиком, не стала для него образом жизни. Андрей (Энди, как все называли его в то время) жил очень разными интересами, его разнообразные таланты этому способствовали.

---

² Полетаев 1985.

Таким образом, первые 20 лет своей жизни Андрей был экономистом, затем примерно столько же он занимался историей и социологией исторического знания, а между ними существует и накладывается на них некая переходная полоса – экономическая история. Попробую описать и объяснить этот переход исторически, т.е. на уровне событий.

Сектор Энтова, в котором Андрей работал, занимался теорией циклов и кризисов, но циклы – вещь протяженная во времени, и, если работать с длинными рядами, то от теории циклов естественно обратиться к их истории. С самого начала Андрей выбрал тему нормы прибыли. С середины 1980-х гг. он начал ездить в ведущие научные центры США. IREX (International Research & Exchanges Board), организовавший эти обмены, сыграл огромную роль в трансфере научного знания из США в советское академическое сообщество. Ездили единицы, но зато, если ученый, прорвавшийся в Штаты, знал работы лучших представителей своей области (а именно такие работы мы и знали, что, кстати, существенно завывало наше представление о среднем уровне тамошней науки), то ему «по запросу» устраивали встречу практически с любым корифеем. В двухмесячной стажировке в 1986 г. Андрей уже встречался не только с видными экономистами, но и с известным экономическим историком Стенли Энгерманом, достославным создателем Индекса цитирования научных статей Юджином Гарфилдом, знаменитым социологом Иммануэлем Валлерстайном.

Докторскую диссертацию «Механизм движения капиталистической прибыли (анализ долгосрочных тенденций)» Андрей Полетаев защитил в 1988 г. Из тематики понятно, что как экономиста его интересовали уже временные периоды большой протяженности. Всего он опубликовал более 300 исследований, и около 100 из них – по экономике, причем примерно 80 работ написаны до 1990 г.

Дальше, думаю, стимулом к «историческому повороту» стало наше знакомство и поиск совместных научных тем (мы познакомились 11 января 1978 г. в ИСКАНе на совещании председателей Советов молодых ученых институтов АН СССР). Общий интерес оказался связанным с теорией циклов Кондратьева. Работая у Энтова в Секторе анализа экономических циклов, Андрей хорошо знал опубликованные в 1920-е гг. работы русского экономиста Николая Кондратьева. Еще в 1980-е гг. он стал писать о кондратьевских циклах, работать с длинными рядами цен, прибыли, особенно на материале английской статистики. Я «пришла к Кондратьеву» благодаря сотрудничеству ИМРД РАН, где я тогда работала, с Центром Иммануэля Валлерстайна (the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilization at Binghamton

University in New York). Надо сказать, что «кондратьевские циклы» были необыкновенно популярны на Западе в 1970–1980-е гг.

Репрессированный по сфабрикованному делу о «Трудовой крестьянской партии» и расстрелянный в 1938 г. Кондратьев был в то время персоной, в советской литературе не упоминаемой, но уже в 1987-м мы опубликовали о нем статью³, т.е. она была, если не «в столе», то в головах. Вот с этого момента Андрей начал быстро приближаться к экономической истории. В 1989 г., защитив докторскую диссертацию, он создал «Сектор эволюции рыночной экономики» (мы называли его между собой, по аналогии с Центром Валлерстайна, сектором Броделя), и занимались там уже экономической историей. В 1989 г. вышла его статья «Клиометрика – новая экономическая история – историческая экономика»⁴, первая в СССР статья, связывающая экономическую историю с исторической экономикой. В советской историографии 1970–1980-х гг. экономическая история была, может быть, самым соотносимым с мировой наукой направлением. И наименее идеологизированным, хотя, конечно, совершенно марксистским (я говорю без негативных коннотаций, значительная часть западной историографии 60–70 гг. была марксистской). Основоположником советской клиометрической школы был И.Д. Ковальченко, другим ярким экономическим историком – В.И. Бовыкин. Ковальченко и Бовыкину наследовал (в т.ч. и в занятии ряда международных постов) Л.И. Бородкин, руководитель Центра экономической истории истфака МГУ, зав. кафедрой исторической информатики. Андрей Полетаев уже в конце 80-х хорошо был знаком с Бородкиным, а потом и подружился с ним, входил в Центр экономической истории, публиковался в ежегоднике «Экономическая история». Исследования Бовыкина и Бородкина он всегда оценивал высоко, чего не могу сказать о работах некоторых других экономических и социальных историков, в которых Андрея не удовлетворяли ни уровень обработки статистики, ни модели, ни концепции. Соответственно, и результаты таких исследований он считал бессмысленными. В США экономической историей занимаются преимущественно экономисты, и она намного более формализована, а в Европе – историки. Андрей в большей мере представлял американский путь и этим был интересен. Кроме того, мало кто из наших историков занимался западной экономической историей, и мало кто из них мог корректно работать с такими длинными рядами и массивами данных, как Андрей.

---

³ Полетаев, Савельева 1988.

⁴ Полетаев 1989.

Клиометрика была необыкновенно популярна в 1970-е гг., а затем с ней произошло то, что происходит с любым научным новшеством после полосы обольщений: границы зоны их эвристической эффективности приходят в соответствие с их эвристической эффективностью. Клиометрические исследования в историографии постепенно заняли весьма достойную, но все же нишу. Так получилось, что и в научной биографии Андрея-историка они стали важным, но не магистральным направлением.

В 1993 г. вышла наша книга о циклах Кондратьева⁵. В основном она представляла анализ экономических циклов, но частично в ней затрагивались циклы политические, идеологические, а главное – от структур экономического времени мы вполне естественно вышли на категорию исторического времени, т.е. на тему следующей книги (это я реконструирую, конечно, уже *post factum*). В более общем смысле для Андрея занятия теорией циклов Кондратьева стали «переключателем» с экономической истории на историю социального знания. Мы ведь к длинным циклам отнесли в этой книге достаточно критически, показав, в отличие от большинства западных и отечественных адептов Кондратьева, что речь идет не об открытии устройства мира (развития капитализма), а о создании еще одной интересной модели, позволяющей что-то в этом мире объяснить. Когда книга вышла, я поехала в магазин Академкнига на ул. Вавилова к открытию, чтобы получить авторские экземпляры (тогда давали 10, а в продажу поступило 50). У входа стояла приличная очередь – и, к моему удивлению, все эти покупатели бросились за книгой о Кондратьеве. Выданные мне без очереди экземпляры многих из них оставили без покупки. Кстати, в 2009 г. нам предложили эту книгу переиздать. Сначала показалось, что не стоит без переработки (а заниматься ею времени не было) издавать работу, написанную в 1993 г., но перечитали внимательно и поняли, что она отнюдь не устарела⁶.

С конца 1990-х гг. Андрей считал себя историком (и именно так с тех пор определял свою профессию во всех анкетах). Он делал проекты по статистике образования, по экономической статистике, время от времени он писал статьи по экономической истории⁷. Несколько лет подходил к тому, чтобы сделать полную экономическую статистику (Нацио-

---

⁵ Полетаев, Савельева 1993.

⁶ Полетаев, Савельева 2009.

⁷ Например, основанная на статистическом материале статья про экономику каинуа 1990-х (Полетаев 2007), ее главная идея сводилась к тому, что система советской экономики, хотя и была плохая, но вся как бы сцепленная – начали вынимать связки, и все рухнуло; или статья по сравнительной экономической истории: *Poletayev 2008*.

нальные счета) Советского Союза и России с 1946 г. до наших дней. Сначала думал, что найдет нормальные деньги на этот проект, создаст группу, чтобы проанализировать ежегодные справочники, отчеты, восстановить цифры из региональных справочных изданий, перевести, как он выражался, нашу статистику на вменяемый язык. Ведь отдельные данные по свекле, яйцам, шурупам ничего не говорят. Чтобы понять взлеты и провалы в рядах, надо использовать самые разные методики. Но денег так и не нашел. В 2010 г., после того, как мы одновременно сдали три книги и решили передохнуть, он взялся за эту работу сам и последние полгода каждую неделю ездил в ИНИОН, делал ксероксы со справочников Госкомстата, а потом набивал и набивал статистические ряды, приводя их во «вменяемое состояние». В мае уже дошел до финансов и внешней торговли; по другим показателям в поисках недостающего перешел от ежегодников к региональным справочникам. Летом 2010 г. в Москве было очень жарко и дымно, думать было трудно, но он продолжал работать.

К уходу Андрея из экономической профессии и коллеги, и руководство, и друзья-экономисты отнеслись плохо (кроме Энтова и, может быть, В. Автономова). Часть из них потом поняла масштаб того, что он сделал за пределами экономического поля, а часть это в принципе понять не может, просто в силу другого образования и интересов. Андрей совершил, конечно, совершенно непредсказуемый поворот, и суть этого поворота прекрасно выразили наши младшие друзья Е. Вишленкова и А. Дмитриев в статье, посвященной Андрею: «Главная уникальная особенность его творческого пути – превращение талантливого экономиста в социального ученого и блестящего гуманитария, когда большинство выбирало путь прямо противоположный. Но за этой красивой итоговой строчкой стоит способность к личному выбору, стремление шагнуть наперекор массовому потоку. Не будем забывать – это была еще и немалая драма целой когорты ученых в тот момент, когда их профессиональные качества оказались “сверхвостребованы” новым социальным запросом, – и сколько способных и одаренных предпочло новообретенную успешную и предсказуемую деловую карьеру прежней, еще отчасти престижной, но все же вмиг потускневшей ученой стезе. В начале 1920-х Осип Манделъштам, по итогам всеевропейского социального переворота, начатого еще со злополучных выстрелов в Сараево, очень точно писал о своих современниках, которые оказались в новой реальности “выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз”. Тем более ответственным и осознанным было собственное, а не внешне обусловленное желание Андрея Полетаева выйти из плотной сферы и предсказуемой траектории, где тебя держат

уже признанная репутация и заслуги, в рискованную и не избалованную внешним вниманием “разреженную” среду теоретической истории, Высокой Теории вообще»⁸. Но хочу подчеркнуть, что переход Андрея к истории, а тем более трансформация в ученого широкого профиля, были замечены не в начале 1990-х, а позднее – в 1997 г. Книгу о Кондратьеве воспринимали как в значительной мере экономическую, и ее части, написанные Андреем и мной, там были вполне различимы.

С 1991 по 1994 г. мы издавали журнал «THESIS»⁹, Андрей Полетаев был главным редактором. В этом журнале было три блока: экономическая теория, теоретическая социология и социальная история. В Редакколлегию журнала входили крупнейшие ученые мира, из экономистов были нобелевские лауреаты (а некоторые стали ими впоследствии, что свидетельствовало о точности нашего выбора☺). Журнал был нарасхват¹⁰. Однако, когда мы издавали «THESIS», на создание собственных текстов времени у нас не было, что и стало главной причиной отказа от продолжения издания журнала. Мы его закрыли в конце 1994 г. и два года писали книгу «История и время: в поисках утраченного»¹¹. Вот она и стала бомбой, причем не только для экономистов, но и для историков. Нас в этой книге специально интересовал вопрос о *времени историка* и о понимании прошлого историком, поскольку мы определили историю как научное знание о прошлой социальной реальности. Сначала мы дали читать рукопись Л.П. Репиной и Ю.Л. Бессмертному, которые высоко ее оценили, и с тех пор у нас с ними сложились не просто профессиональные отношения, а отношения признания. Еще в рукописи книгу прочитали и другие наши коллеги, перешедшие впоследствии в разряд друзей: социолог Борис Дубин, филолог Татьяна Венедиктова и философ Надежда Маньковская. На эту книгу опубликовано тринадцать рецензий, и лучшая, на наш взгляд, была написана Борисом Дубиным.

Затем пять лет (1997–2002) было отдано программе «Translation Project». Это была программа, инициированная Джорджем Соросом на всем постсоциалистическом пространстве Европы, я руководила ею в России. Мы с Андреем и друзьями-коллегами организовали перевод и издание более 400 фундаментальных западных трудов по 14 социаль-

---

⁸ Вишленкова, Дмитриев 2010. С. 183.

⁹ См.: <http://igiti.hse.ru/thesis/>

¹⁰ Коллега из Адыгейского госуниверситета в Майкопе Л.Р. Хут, с которой я познакомилась уже в 2000-е гг., говорила, что им из Москвы привозили даже не ксероксы, а конспекты(!) очередного номера «THESIS».

¹¹ Савельева Полетаев 1997.

ным и гуманитарным дисциплинам, с хорошо налаженной экспертизой переводов. В переводном проекте участвовало 63 издательства, около 400 переводчиков и научных редакторов, примерно 200 экспертов по переводам (между этими категориями было много пересечений). Среди изданных книг: 125 – по философии, 74 – по истории, 34 – по экономической теории и истории, 38 – по филологии, лингвистике, семиотике, 12 – по психологии и т.д. Была освоена и фундаментальная литература по дисциплинам, которые отсутствовали в СССР. Например, в рамках проекта перевели 23 фундаментальные работы по социальной и культурной антропологии (Марселя Мосса, Бронислава Малиновского, Клода Леви-Стросса, Рут Бенедикт и др.); 15 трудов по теологии и религиоведению – от четырехтомной «Суммы против язычников» Фомы Аквинского до современных сочинений Иена Барбура и Ганса Кюнга¹².

В те же годы главным делом Андрея была работа над фундаментальной монографией «Знание о прошлом»¹³. Этот труд был бы невозможен без опыта издания журнала «THESIS» и «Translation project». Журнал, где публиковались переводы ключевых статей крупнейших западных экономистов, социологов и историков, дал нам необходимый междисциплинарный горизонт, а руководя проектом, мы приобщились к культурной антропологии, семиотике, аналитической философии, теологии. И мы вышли из этой «шинели» совершенно другими людьми, с новыми обретенными знаниями и преobraженным научным кругозором¹⁴.

Часто все знания о прошлом называют историческими, подразумевая, что их производят историки. На самом деле это не так. Начало нашим размышлениям о том, как устроено знание о прошлом, было положено в книге «История и время». Там мы пытались определить место истории в пространстве социальных наук, исследуя категорию времени в исторических исследованиях. Трактую современное историческое знание как научное, мы, тем не менее, обращали внимание на его гораздо менее формализованный характер, почти полное отсутствие самостоятельных исторических теорий и активное заимствование концепций и методов у других социальных и гуманитарных наук, элементы интуиции и игры, присущие многим историческим сочинениям. Тогда мы по существу от-

---

¹² Списки переведенных работ см.: на сайте: <http://igiti.hse.ru/Editions/TP>.

¹³ Савельева, Полетаев 2003, 2006.

¹⁴ Когда я читаю студентам лекцию о формах знания о прошлом, я показываю им эти два тома и говорю: «А сейчас я вам за полтора часа объясню, о чем написано в этой книге», – и улыбаюсь. Самый короткий вариант изложения нашей концепции – в статье: Савельева, Полетаев 2005. С. 12–66, но все равно это большой текст.

стаивали тезис, что с конца XIX в. история складывается как специализированное научное знание о *прошлой* социальной реальности, т.е. отличается от других социальных наук не столько по предмету и методу, сколько по *критерию времени*. Однако многие вопросы оставались без ответа. Как на протяжении более двух тысячелетий менялись значения и смыслы понятия «история»? Почему история все время переписывается? Почему параллельно существуют разные версии прошлого, даже на основе одних и тех же источников? Почему содержание исторической науки так волнует власть, общественность, отдельные социальные группы?

Ответ на вопрос: что такое история, пришел, когда мы вышли за пределы анализа научного знания и попытались разобраться, как и какое знание о прошлом конструируется в других символических универсумах. Мы попытались продемонстрировать, как именно прошлая социальная реальность конструируется в разных типах знания. В качестве объектов анализа были выделены архаичное знание, религию, философию, идеологию, общественно-научное и обыденное (массовое) знание, по каждому из них написана отдельная большая глава. Предложенный нами подход к анализу знания о прошлом базируется на использовании и развитии концепций, разработанных в рамках социологии знания (М. Шелер К. Манхейм, Т. Знанецкий, Р. Мёртон, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Д. Блур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина), которая оказалась эффективным теоретическим инструментом для осуществления задуманного нами анализа. Раскрытию базовых понятий «история», «социальная реальность», «знание», «прошлое» и исследованию их эволюции посвящены отдельные главы. И, конечно, нас интересовало, в первую очередь, научное историческое знание, поэтому примерно половина двухтомника – об исторической науке.

Поддавшись нетерпению, первый том мы издали за три года до выхода второго и, уже работая над вторым, поняли, что композиция книги должна была быть иной. Поэтому, воспользовавшись известной таблицей Кортасара, вкладывали в экземпляры, которые презентовали друзьям и коллегам, шутивное руководство о порядке чтения.

Таблица для руководства

Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей.

1. Книга читается обычным образом.

2. Книгу нужно читать в особом порядке по приведенной таблице:

Ia) Т. 1, гл. 3, 5, 2, 4.

Ib) Т. 2, гл. 13–17.

IIa) Т. 1, гл. 1, 6–8.

IIb) Т. 1, гл. 9–12.

IIc) Т. 2, гл. 19–21.

Главу 18 из 2-го тома можно вообще не читать, поскольку она входит в третий том, который будет издан в свое время.

Писано на русском Ириной Савельевой и Андреем Полетаевым с приведением цитат.

С разрешения. Москва, 2006.

С тех пор уже десять лет «формы знания о прошлом» – одна из главных тем Института гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ), ее в разных направлениях развивают наши последователи и ученики. Хотя этой темой теперь занимаются многие историки в разных городах и странах, хорошо, что удалось создать свой институт!

В 2002 г. нам предложили создать в Высшей школе экономики небольшой научный центр. Андрей сначала был против. Во-первых, он считал, что главное – писать книги, а институт отвлек бы нас от научной работы, а, во-вторых, не верил, что гуманитарный институт в ВШЭ, где тогда доминировали экономисты, может иметь перспективу. Денег нам дали только на год. Но Ярослав Кузьминов, как мне кажется, в глубине души человек гуманитарный. К нам он стал относиться как к маленькой, но важной структуре, и вопросы стали решаться. Деньги выделили под систему гуманитарных факультативов, которые мы с тех пор и читаем для всех студентов ВШЭ, а последние годы и для внешних слушателей.

Работая над книгой «Знание о прошлом», Андрей все глубже забирался в устройство исторического знания, и естественно вышел на социологию знания. К этому времени Андрей был готов к быстрому освоению социологической теории, как, впрочем, и блоков из многих других дисциплин: психологии, семиотики, лингвистики, аналитической философии. Несколько лет назад в интервью, данном мной Марине Пугачевой для издания «Социологическое обозрение», я заметила, что в последние десять лет жизни Андрей «ощущал себя социологом». Слова «ощущал себя» совершенно точные, потому что, мне кажется, коллеги-социологи не задумывались о его принадлежности к своему цеху, но его собственная самооценка, я думаю, была оправдана. В книге «Знание о прошлом» были развернутые многоуровневые сугубо социологические главы о социальной реальности (по Парсонсу), о знании и собственно блок глав о формах знания о прошлом. Книга об американцах, которые знают историю, ввела Андрея в мир практической социологии (опросы и работа с ними). И, наконец, в последних двух книгах о классике Андрей представил оригинальное теоретическое исследование, предметом которого стал статус классики в социальных науках¹⁵.

---

¹⁵ Классика и классики... 2009; Савельева, Полетаев 2010.

Книга «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю»¹⁶ возникла непреднамеренно. Когда мы задумывали «Знание о прошлом», то в замысле был даже не двухтомник, а трехтомник. И третий том должен был быть полностью посвящен обыденному знанию о прошлом (механизмам формирования, типам, образам, исторической памяти и пр.). Но мы, конечно, выдохлись и ограничились двумя главами на эту тему во втором томе. В 2005 г. я сидела весной в Париже, работала с группой коллег по предложенному нами проекту (Maison des Sciences de l'Homme, Paris, Columbia University Institute for scholars at Reid Hall, Paris, «Forms of Knowledge of the Past – Les formes de la connaissance du passé – Формы знания о прошлом») и готовила для семинара доклад о формировании массовых представлений о прошлом. Андрей предложил прислать мне какую-нибудь американскую статистику о том, что американцы знают про историю. Он залез в данные Гэллапа, Хэрриса и др., ему стало страшно интересно, в итоге летом он докопал их до конца, и осенью мы начали монографию про американцев, которую через год закончили. Результаты были для нас совершенно неожиданными.

Исходными для нас были следующие вопросы: во-первых, насколько представления элиты о важности исторического знания разделяются широкими слоями населения? Во-вторых, и это ключевой вопрос – для чего вообще нужны знания о прошлом? Отсюда третий вопрос: что именно должны знать широкие массы о прошлом (если не даты и факты)? Этот вопрос, в свою очередь, связан с пониманием того, для чего они должны это знать. Гипотетически можно предположить, что незнание дат и конкретных исторических фактов вполне может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о «времетоположении настоящего». Если гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость как школьного общественно-научного образования в целом, и исторического – в частности, так и важность всех других источников знания о прошлом. Для проверки этой гипотезы мы обратились к материалам, в которых фиксируются данные о содержании представлений о прошлом в разных странах, а именно, к социологическим опросам. На первый взгляд, и сами опросы, и полученные в них результаты показались нам довольно тривиальными. Но оставалось ощущение, что в этих результатах все-таки что-то есть помимо набора банальностей. В итоге некоторых размышлений мы

---

¹⁶ Савельева, Полетаев 2008.

пришли к выводу, что надо попытаться взглянуть на эти данные в ином ракурсе. Мы занялись результатами опросов более плотно с целью найти в них ответы на свои вопросы. В качестве объекта исследования мы выбрали США по ряду причин: во-первых, информация о результатах опросов в США более доступна; во-вторых, подобные опросы там начались раньше и проводятся более качественно и интенсивно; в-третьих, мы все-таки изначально были американцами; в-четвертых, массовые представления в Америке в последние десятилетия отличались большой устойчивостью, и поэтому их легче интерпретировать. Анализируя данные социологических опросов, мы пытались выявить, в первую очередь, своего рода каркас исторических представлений, их общие характеристики и просматривающиеся за этими знаниями ценностные, идеологические, религиозные ориентиры. Иными словами, объектом нашего интереса были общие представления об истории, точнее, об историческом процессе. Но попутно выяснилось, что и конкретные знания американцев о прошлом совсем не так плохи, как это часто изображается.

Отдав предпочтение опросам общественного мнения, мы попытались свести воедино разрозненные данные различных социологических опросов: результаты нескольких специальных обследований, проводившихся в 1990-е гг. (в частности, в 1999 г., в преддверии конца века и тысячелетия), а также несколько сотен отдельных вопросов, включавшихся в американские социологические обследования преимущественно в последние 15 лет. В ряде случаев удалось сравнить данные последних лет с более ранними опросами, вплоть до первых послевоенных лет, но таких возможностей немного, так как интерес социологов к исторической проблематике активизировался лишь в 1990-е гг. Понятно, что в этой книге главное – материалы, собранные по опросам общественного мнения (ведь специальных опросов, которые проводились бы именно с целью выявления исторических знаний, очень мало, и приходилось выискивать отдельные вопросы буквально по одному-два в опросах на самые разные темы), их осмысление и обработка. Конечно, все это делал Андрей, а я говорила, что пишу тексты к таблицам, потому что гуманитарии таблицы не то что читать не умеют, но в большинстве своем на них даже не глядят.

В целом у Андрея после его переключения на теоретико-исторические исследования существовала проблема профессиональной идентичности, и он это переживал. Экономисты продолжали считать его экономистом и разводили руками по поводу его отхода от профессии; историки его признавали де факто: нас очень много публиковали в хороших изданиях, приглашали на конференции и семинары и пр., учили

по нашим книгам, но все-таки явно или неявно упрекали в том, что мы – не практикующие историки (не работаем в архивах). Признание у социологов было только на точечном уровне (отдельные и очень немногие). Науковеды и библиометры его признали своим сразу, но у них нет таких жестких дисциплинарных границ – они сами из разных профессий.

Теперь, когда вместе с Е. Вишленковой мы сделали книгу о профессорской корпорации, а с А. Дмитриевым – о генезисе дисциплинарного поля в науках о человеке¹⁷, я знаю, что пересечь дисциплинарные барьеры в когнитивном поле намного проще, чем в институциональном. Научные профессиональные сообщества защищают себя с помощью жестко проведенных границ, подразумевающих, помимо многого другого, и систему дисциплинарной сертификации и «историю в корпорации». Но тогда Андрей это проходил на собственном опыте.

Тем временем гуманитаризация ВШЭ шла довольно быстро, постепенно сотрудники ИГИТИ стали во главе разных гуманитарных структур в ВШЭ: А.М. Руткевич создал факультет философии (с отделениями востоковедения и культурологии); а А.Ф. Филиппов стал заведовать там кафедрой; А.Б. Каменский стал деканом факультета истории. Утратив монополию на производство и оценку гуманитарного знания, мы приобрели в университете высокопрофессиональную критическую среду, возможность готовить учеников и поддержку своих занятий фундаментальной наукой. Но для нас с Андреем начался период, когда первоначальная команда – А. Руткевич, А. Филиппов, Л. Репина, М. Андреев – люди яркие и независимые, стали расходиться по своим институциональным и интеллектуальным тропам. И мы из «главных» остались вдвоем, тянули институт на себе, что нам не очень нравилось. Но выросли в ИГИТИ или пришли новые люди, молодые, талантливые и подвижнически настроенные – Ю. Иванова, Б. Степанов, Н. Самутина, Е. Вишленкова, А. Дмитриев. Когда Андрея не стало, они удивительные слова о нем написали, совсем не ритуальные. Я здесь процитирую только Н. Самутину, которая раскрыла еще одну особенность Андрея, важную для понимания его облика: «Андрей Владимирович был одним из самых талантливых, самых темпераментных участников тайного международного сообщества наблюдателей абсурда бытия. Никакая усталость, никакой цейтнот не могли удержать его от того, чтобы, шурясь сквозь сигаретный дым, во всех риторических подробностях разобрать с кем-нибудь из благодарных соучастников непостижимые человеческим рассудком обстоятельства

---

¹⁷ Сословие русских профессоров... 2013; Науки о человеке... 2015.

появления пятого параграфа тринадцатого подпункта в восьмом приложении к документу X. Но, в отличие от многих членов этого сообщества, чье чувство юмора остается беззубым, он всегда находил силы, время, он чувствовал себя ответственным за то, чтобы давать абсурду бой везде, где это могло оказаться важным».

С 2010 г. ИГИТИ носит имя Андрея Полетаева.

Меня часто спрашивают, как мы писали вместе. Обычно в гуманитарных и социальных науках соавторство – это разделение труда. Один читает литературу на английском, другой – может читать на немецком, один знает XVIII век, другой – XIX, один больше сидит в архивах, другой обобщает, один считает, другой анализирует и т.д. Конечно, совместному труду предшествует выработка концепции, гипотезы, плана композиции и сопутствует обсуждение результатов, а дальше большая часть работы выполняется автономно, периодически осуществляется «сверка часов», а затем – «сборка деталей», творческая или механическая.

У нас, конечно, разделение труда тоже присутствовало, но не в нем было дело. Мы *изо дня в день* думали вместе, и возникало удивительное поле интеллектуального и эмоционального напряжения. Острота процесса была совсем другая: мысль в тонусе, темп – как жонглеры. Уставали, конечно, ужасно. Естественно, с разными книгами и статьями модусы работы у нас были разные. Например, в работе «Циклы Кондратьева и развитие капитализма» очень легко показать, что писал Андрей (все про экономические циклы), а что писала я, но были и общие главы. Но главное – в ней не было ни одной значительной части, которую мы бы не обсуждали, не редактировали вместе или не вторгались со своими фрагментами. Андрей тогда смеялся: мол, Ира пишет в каждой главе первые и последние страницы. «Историю и время» мы очень часто писали, сидя за одним компьютером, и ее большая часть написана буквально в четыре руки – как пишут в партитурах, *crescendo*, *accelerando*. Вот тогда мы достигли этого удивительного состояния, когда от совместного размышления возникает огромная энергетическая сила, которая усиливает во много раз способность думать. Особенно хорошо вдвоем придумывать. Открываю *Введение* к этой книге и не только помню, кто какие три строчки написал, но даже как от этих строчек другой перехватывал мысль. Потом было много книг, и у каждой своя история, но такой больше не было.

Наши близкие друзья пытались угадать, кто что писал в этой книге. Практически все ошибались. А как-то одна наша общая знакомая высказала предположение, что все яркие части, наверно, писал Андрей, а сухие – я. «Ведь когда он выступает, он такой эмоциональный, а вы – сдержан-

ная». На самом деле все наоборот: на письме я эмоциональна, а у Андрея очень жесткая и сухая структура фразы. Его и редактировать поэтому неплодотворно: все слова расположены на правильных местах, но много одинаковых (только и остается подбирать синонимы). А если поломать его фразу, за которой стоит совершенно точная мысль, следующее предложение начинает «плыть». Ну и везде, где в наших книгах есть таблицы и статистика, понятно, что это делал Андрей. И самые скучные темы (вроде календарей и хронологии) он, как истинный джентльмен, брал на себя. Но и полюс иронии – поле Андрея. А уж подбор эпитафий!

«Красную книгу» «Знание о прошлом...» мы придумали вместе, но писали многие части поодиночке. Точно могу показать, какие писал Андрей, какие – я, а какие писались вдвоем. Монография «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» готовилась как коллективная, но поскольку другие авторы слишком долго писали свои главы, мы за это время прочитали и сочинили столько, что, решив не занимать много места своими текстами в коллективном издании, сделали отдельную книгу «Классическое наследие». Тогда это название показалось удачной находкой. Мы очень веселились, представляя, как будет выглядеть переплет: Ирина Савельева, Андрей Полетаев, «Классическое наследие». Книга появилась в продаже в сентябре 2010 г., и для тех, кто знал Андрея, слово «наследие» приобрело не иронический, а прямой смысл. В 2011 г. мы с друзьями и коллегами подготовили из разных трудов Андрея Nachlaßausgabe «Неклассическое наследие. Андрей Полетаев».

Как точно написали мои друзья, сотни людей, пришедших на похороны Андрея в сентябре 2010 г., принадлежали к разным цехам науки и «весьма фрагментарно понимали сущность вклада Андрея Полетаева в развитие других дисциплин. Но все сознавали, что потеряли уникального ученого, который в силу широчайшей эрудиции и причастности к разным исследовательским сообществам мог браться за изучение пограничных тем и ставить научные проблемы там, где их еще никто не видел»¹⁸. Ему было всего 58 лет.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н.* Настоящее совершенное: время Андрея Полетаева // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 182-186.
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Науки о человеке: история дисциплин / под ред. А.Н. Дмитриева, И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2015.

---

¹⁸ *Вишленкова, Дмитриев* 2010. С. 182.

- Поletaev A.V.* Прибыль американских корпораций (особенности послевоенной динамики). М.: Наука, 1985.
- Поletaev A.V., Savельева И.М.* Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 5. С. 71–86.
- Поletaev A.V.* Клиометрика – новая экономическая история – историческая экономика Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37–54.
- Поletaev A.V.* Экономическое развитие СССР в 1980-е годы: Очерки политэкономии социализма // Экономическая история. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 486–510.
- Поletaev A.V., Savельева И.М.* «Циклы Кондратьева» и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М.: Наука, 1993.
- Поletaev A.V., Savельева И.М.* «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. 2-е испр. изд. М.: Юстицинформ, 2009.
- Savel'eva И.М.* В последние десять лет Андрей в значительной мере ощущал себя социологом // Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2015.
- Savel'eva И.М.* Андрей Поletaев: интервью как опыт научной биографии // Логос. 2015. N 1. С. 226–288.
- Savel'eva И.М., Поletaev A.V.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Savel'eva И.М., Поletaev A.V.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. М.: Наука, 2003, 2006.
- Savel'eva И.М., Поletaev A.V.* Типы знания о прошлом // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Поletaева. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 12–66.
- Savel'eva И.М., Поletaev A.V.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: НЛЮ, 2008.
- Savel'eva И.М., Поletaev A.V.* Классическое наследие. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013.
- Poletayev A.V.* Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004 // Scandinavian Economic History Review. April 2008. Vol. 56. No. 1. P. 41–70.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A., Dmitriev A.N. Nastoyashchee sovershennoe: vremya Andreya Poletaeva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 106. S. 182–186.
- Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii / pod red. I.M. Savel'evoi, A.V. Poletaeva. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin / pod red. A.N. Dmitrieva, I.M. Savel'evoi. М.: ID VShE, 2015.
- Poletayev A.V. Pribyl' amerikanskikh korporatsii (osobennosti poslevoennoi dinamiki). М.: Nauka, 1985.
- Poletayev A.V., Savel'eva I.M. Dlinnye volny v razvitii kapitalizma // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1988. № 5. S. 71–86.
- Poletayev A.V. Kliometrika – novaya ekonomicheskaya istoriya – istoricheskaya ekonomika Istoki: voprosy istorii narodnogo khozyaistva i ekonomicheskoi mysli. Vyp. 1. М.: Ekonomika, 1989. S. 37–54.

- Poletaev A.V. Ekonomicheskoe razvitiye SSSR v 1980-e gody: Ocherki politekonomiki sotsializma // Ekonomicheskaya istoriya. 2007. M.: ROSSPEN, 2008. S. 486–510.
- Poletaev A.V., Savel'eva I.M. «Tsikly Kondrat'eva» i razvitiye kapitalizma (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya). M.: Nauka, 1993.
- Poletaev A.V., Savel'eva I.M. «Tsikly Kondrat'eva» v istoricheskoi retrospekti-ve. 2-e ispr. izd. M.: Yustitsinform, 2009.
- Savel'eva I.M. Andrei Poletaev: interv'yu kak opyt nauchnoi biografii // Logos. 2015. N 1. S. 226–288.
- Savel'eva I.M. V poslednie desyat' let Andrei v znachitel'noi mere oshchushchal sebya sotsiologom // Doktorov B. Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya: Istoriko-biograficheskie poiski. 2015.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya: v poiskakh utrachennogo. M.: Yazyki russkoi kul'tury. 1997.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V 2-kh tt. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo. T. 2: Obrazy proshlogo. M.: Nauka, 2003, 2006.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Tipy znaniya o proshlom // Fenomen proshlogo / pod red. I.M. Savel'evoi, A.V. Poletaeva. M.: GU-VShE, 2005. S. 12–66.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Sotsial'nye predstavleniya o proshlom, ili Znayut li amerikantsy istoriyu. M.: NLO, 2008.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Klassicheskoe nasledie. M.: ID GU–VShE, 2010.
- Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / pod red. E.A. Vishlenkovoi, I.M. Savel'evoi. M.: ID VShE, 2013.
- Poletayev A.V. Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004 // Scandinavian Economic History Review. April 2008. Vol. 56. No. 1. P. 41–70.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор ИГИТИ им. А.В. Поletaева, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); isavelieva@yandex.ru.

Entangled History of Andrei Poletayev

This article represents a scientific biography of the outstanding Russian scholar – economist, sociologist and historian Andrei Poletayev (1952–2010). His studies created a foundation and led to new developments in a series of social disciplines. The article describes Andrei Poletaev's way into historical discipline, the transition of his research interests from the analysis of economic processes to economic history, and then to the contemporary theory of history, where his research was focused on the evolution of images of the past in various epochs, studies of mass representations about the past and history of social science. In this article we analyze the central theoretical ideas of his works on history written in co-authorship with Irina Savelieva.

Keywords: Andrei Poletayev, history, theory, economic history, historical time, knowledge on the past, everyday historical knowledge, classics.

Irina Savelieva, Dr.Sc. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow); isavelieva@yandex.ru.

А. Е. КАРНАЧЁВ

К ИСТОКАМ ЭЛЛИНИЗМА ЭПОХИ КВАТРОЧЕНТО ГРЕЧЕСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ ПРОПОВЕДЕЙ ИОАННА ЗЛАТОУСТА ПОД ПЕРОМ ЛАТИНСКОГО ГЛОССАТОРА

В статье, посвященной деятельности одного из первых эллинистов эпохи Кватроченото, каноника Дзомино из Пистойи (1387–1458), проводится филологический анализ латинских глосс, оставленных им в списке «Бесед на деяния свв. апостолов» Иоанна Златоуста начала XI в. *БАН, РАИК № 112*. Доказывается использование Дзомино дефектной рукописи в учебных целях около половины второго десятилетия XV в. Рассматривается общая судьба произведений Златоуста на латинском Западе, и в частности его «Бесед на Деяния свв. апостолов».

Ключевые слова: *Русский Археологический институт в Константинополе, РАИК, рукопись, Деяния святых апостолов, греческая палеография, латинская палеография, глоссы, интерлинейный перевод, эллинизм, кватроченото, Дзомино из Пистойи.*

Палеографическое исследование списка «Бесед на Деяния свв. апостолов», хранящегося в Библиотеке Академии наук в Петербурге в собрании Русского Археологического института в Константинополе (РАИК), позволило установить личность глоссатора, оставившего в греческой рукописи начала XI в. множественные интерлинейрные и маргинальные пометы на латинском языке¹. Им оказался один из первых эллинистов эпохи раннего Кватроченото, пистойский каноник Дзомино («Содзомено») сер Бонифацио ди Якопо (1387–1458), чьи латинские и греческие автографы, снабженные экслибрисом «*τοῦ σοζομένου*», хорошо знакомы исследователям гуманистического письма². В 1973 г. британская исследовательница Альбиния Де Ла Маре, используя датированные и не датированные рукописи итальянского писца, составила относительную хронологию всех известных на тот момент образцов почерка Дзомино из Пистойи³. В настоящее время создан постоянно обновляемый сайт, посвященный рукописному наследию знаменитого гуманистического деятеля⁴. Пользуясь данными Де Ла Маре, можно достаточно точно ограничить время возникновения латинских помет в списке *РАИК № 112* серединой второго десятилетия XV в., приблизительно 1412–1417 гг.

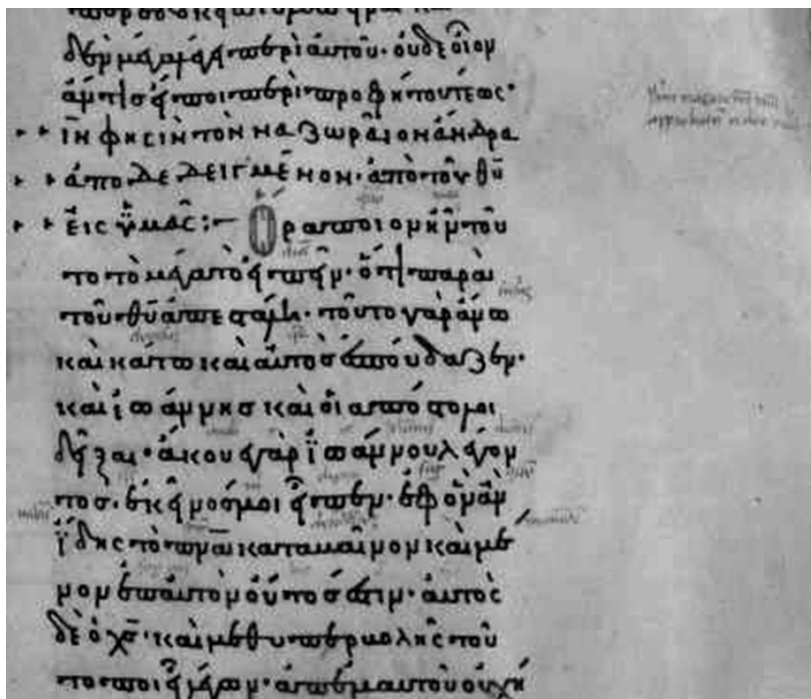
¹ Публикация результатов исследования «Наследие Русского Археологического института: греческая рукопись начала XI в. с латинской интерлинейрной версией начала XV в.» готовится к печати в журнале «Средние века» за этот год.

² См.: Piattoli 1934. P. 261-308; Savino 1976. P. 159-172; Cesarini 1991. P. 7-92.

³ De La Mare 1973.

⁴ URL: <http://sozomeno.fondazionecript.it>

Глоссированию в нашей рукописи подвергался почти исключительно библейский текст, комментируемый Златоустом, и лишь в незначительной мере – его авторские слова. Вследствие этого распределение помет неоднородно и подчиняется определенной закономерности: в первой части каждой проповеди их больше, чем во второй. Константинопольский епископ, задавшийся целью прокомментировать весь текст книги Деяний в течение 55 недель года, строит свои речи по единому плану: вначале последовательно и многократно толкует несколько стихов Писания, а затем обращается к нравственно-религиозному увещанию паствы. Интересно, что глоссатор *РАИК № 112* находит библейский текст даже там, где он в рукописи Златоуста не выделен специальным знаком «кавычек», и это не только текст Апостольских деяний, но и другие части Священного писания. Такая избирательность говорит о глубокой начитанности латинского писца в богословских текстах и хорошо соотносится с образом упомянутого образованного гуманиста-церковника, жившего в эпоху подготовки Ферраро-Флорентийской унии. Анализ *внутреннего* содержания глосс убеждает в том, что «исследователь» библейских цитат Златоуста, как человек церковной культуры, был весьма сведущ в рукописной традиции Библии, прежде всего латинской, и не боялся использовать доступные ему лексические варианты.

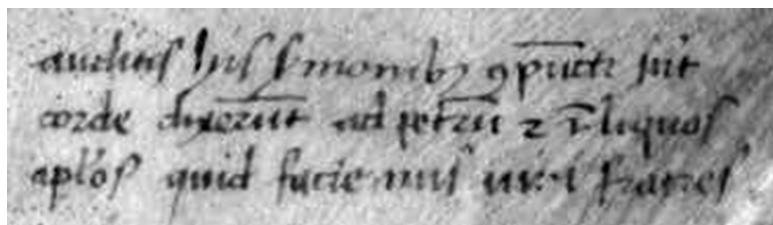

Сравнение текста глосс *РАИК №112* с двумя известными в Средневековье западноевропейскими версиями Писания – т.н. Вульгатой (*Vulgata Nova*) св. Иеронима Стридонского и его последователей IV–V вв. и группой более ранних переводов II–III вв., объединяемых под общим названием *Vetus Latina* (*Vetus Italica*, *Itala*, *Versio Antiqua* etc.)⁵, показывает, что совпадения носят лишь общий типологический характер. Кажется, наш глоссатор наизусть знал латинский текст Деяний, и не один его вариант; а в ряде случаев трудно бывает решить, избрал ли он для выписывания ту или иную форму готового латинского текста Библии или же предпочел буквальный перевод с имевшегося в его распоряжении греческого экземпляра. В большинстве случаев, и это естественно, основу глоссирования составляет «классический» перевод Иеронима. Наиболее заметно это тогда, когда между строк греческого текста выписывается стих Вульгаты, синтаксическое строение которого не совпадает с греческим порядком слов и с их синтаксическими отношениями во фразе; в этих случаях латинские слова стоят «не на своих местах» и «не в тех падежах». Однако к отдельным лексемам традиционного латинского текста Вульгаты комментатором могли подводиться «разночтения», взятые непосредственно из греческого оригинала (переводы греческих словоформ и синтагм, отличных от известных латинских чтений и вставок в текст *ad hoc*) или же из других известных ему латинских источников. Лишь изредка, преимущественно на начальном этапе работы, Дзомино выписывал на полях готовые латинские цитаты из Вульгаты без изменения. Так же редко встречаются у него законченные латинские конструкции, вполне имманентные по отношению к греческому тексту, стоящие между строк рукописи. Все же, чаще он разбирал свой греческий оригинал «по составу», т.е. переводил его пословно, обращая внимание не только на «каноническое» содержание стихов, но и на грамматические категории языка источника. От этого получающиеся латинские «фразы» грешат определенным буквализмом, на манер доиеронимовых версий Писания, а с другой стороны – свидетельствуют, как кажется, о зарождении некоего нового, *критического* (конечно, с большой оговоркой) подхода к «священному» тексту, свойственного эпохе итальянского гуманизма. Напомним, что именно в первой половине XV в. между Флоренцией, Римом и Неаполем разворачивается деятельность первых европейских ученых, усомнившихся в незыблемости авторитета Вульгаты: стилистического реформатора «библейской латыни» Лоренцо Валла (1407–1457), создателя новых «исправленных» версий греческих святоотеческих писаний Амброджо Траверса-

---

⁵ Вульгата не вытеснила до конца прежний перевод: сохранились списки более ранних версий латинской Библии, датируемые XII–XIII вв. (Мецгер 1996. С. 72–73.)

ри (1386–1439) и его ученика Джаноццо Манетти (1396–1459), первого, после Иеронима, переводчика греческого Нового Завета на латинский язык. Рассмотрим некоторые примеры (рис. 2), взятые из 7-й гомилии⁶:

1) Беседа начинается на л. 14 с греческой леммы, написанной кинноварью, и снабженной латинской глоссой на поле (см. рис. 2):

f. 14b, 21-25 lemma (A 2:37)	«ακούσαντες δὲ τοὺς λόγους « τούτους* καὶ κατενύγησαν τῇ « καρδία· εἶπέν (!) τε πρὸς τὸν « Πέτρον καὶ τοὺς λοιποὺς· τί « ποιήσομεν ἀνδρες ἀδελφοί»	auditis his (ser)monib(us)* (com)pu(n)cti su(n)t corde dixeru(n)t ad Petru(m) et r(e)liquos ap(osto)los quid faciemus uiri fratres
------------------------------------	--	--

* Курсивом в таблицах выделены вставки, отсутствующие в библейском тексте.

Это слова иудеев, уязвленных речью Петра о распятом Христе. Петр впервые ассоциирует пророчества Давида о праведнике (ὁσῖος), который «не увидит тления» (Пс. 15(16):10), и о Господе, который воссядет «одесную Господа» (Пс. 109(110):1), с воскресением Иисуса Назореянина; слушающие апостола пребывают в замешательстве. К данной лемме глоссатором выписан на полях «готовый» стих из Вульгаты. Открывается он независимым причастным оборотом *ablativus absolutus* (auditis his), введенным в традицию текста, очевидно, Иеронимом или его последователями – более ранние латинские версии копируют активную форму греческого причастия ἀκούσαντες – (ex)audientes (*codd. d E^a*)⁷. Однако в

⁶ Лл. 14-18 об. Эти примеры, естественно, не дадут полного представления обо всех особенностях глоссирования рукописи РИИК № 112. Объективная картина работы средневекового книжника могла бы сложиться после изучения всех интерлинейрных глосс кодекса; число их, однако, по нашим подсчетам, достигает нескольких тысяч.

⁷ При указании рукописных библейских источников принимается система обозначений Deutsche Bibelgesellschaft, используемая при издании Нового Завета коллективом Nestle-Aland, Септуагинты – Альфредом Ральфсом, Вульгаты – Бонифацием Фишером. В частности, D – это греческая часть унциального кодекса Безы (*cod. Cantabrigiensis*, V-VI в.), d – его латинская часть; E – греческая часть кодекса еп. Лауда (*cod. Laudianus*, VI-VII в.), E^a – его латинская часть; latt – все источники латинской традиции, lat – почти все латинские источники; it – древние латинские источники (*versio Italia*), vg – Вульгата в целом, V – отдельные рукописи, содержащие книги Вульгаты и т.д. Приводим расшифровку условных обозначений основных печатных изданий ла-

рукописи: а) начальные слова оборота расположены глоссатором в греческом порядке – *auditis his* (vs *his* <autem *E^a* V> *auditis lat*); б) оборот дополнен переводом вставки *τοὺς λόγους τούτους* – *sermonibus*, которой не находится соответствия ни в одной греческой и латинской рукописи Деяний, насколько это удастся установить по современным критическим изданиям текста; в) в глоссе восполнено чтение *ἀποστόλους – *apostolos*, пропущенное в греческом тексте данного экземпляра⁸. Показательно, насколько читатель внимателен к своему тексту: опираясь на Вульгату, он переводит то, что есть в его греческом списке (*sermonibus*), и в том порядке, в каком оно читается (*auditis his sermonibus*); кроме того, он делает *эмендацию* неполного текста рукописи (вставляет слово *apostolos*), хотя и не сопровождает это каким-нибудь редакторским значком.

2) На следующем листе, где говорится о части евреев, принимавших крещение тогда же, после проповеди Петра, имеются надстрочные глоссы:

f. 15a, 33-35 (A 2:41)	«« οἱ μὲν οὖν ἀσμένως ἀποδεξά- μενοι τὸν λόγον αὐτοῦ φησὶν ἔ- « βαπτίσθησαν »	qui e(rgo?) ..... receperu(n)t (ser)mone(m) eius ..... baptizati s(un)t**
---------------------------	---	---

**Точками обозначены «пустые места», отсутствие надстрочных латинских глосс.

Перевод представляет собой один из вариантов Вульгаты, с *личной конструкцией* *qui ergo receperunt* (vs *abl. abs. recepto sermone* (V) или *part. act. recipientes E^a*); надстрочник ориентируется на александрийский (,⁷⁴ & A B 1739) или же на «хороший» византийский (C 81. 1175) тип греческого текста Деяний, т. е. на οἱ μὲν οὖν ἀποδεξάμενοι, без поздней византийской вставки ἀσμένως (E Ψ) (cf. *libenter E^a*). При переводе ис-

тинских Библии: E – Ioannes Frobenius Candido lectori S. D. en Novum Testamentum, ex *Erasmii Roterodami* recognitione, jam quartum damus studiose lector, adiecta vulgata translatione, quo protinus ipsis oculis conferre possis, quid conveniat quid dissideat... Basileae, Anno M.D.XXVII (1527); Wi – [Martin Luther.] Pentateuchus. Liber Iosue. Liber Iudicum. Libri Regum. Novum Testamentum. Wittembergae. MDXXIX (1529); W – *Wordsworth J., White H. J.* Novum Testamentum Domini nostri Iesu Christi Latine secundum editionem S. Hieronymi. Oxonii, 1899-1954; S – *Biblia sacra juxta Vulgatam versionem, adiuvantibus Bonifatio Fischer OSB, Ioanne Gribomont OSB, H. F. D. Sparks, W. Thiele*, recensuit et brevi apparatu instruxit *Robertus Weber* O.S.B. 2 vols. Stuttgart (Wurtembergischen Bibelanstalt), 1969; 2nd ed. 1975; 3rd ed., 1983; 4th ed., 1994.

⁸ Имеются, напротив, западные греческие и латинские варианты этого стиха с пропущенным *λοιπούς* – *caeteros* или *reliquos*, в частности кодексы D pc → gig r bo^{mss}; Aug. Отметив попутно ситуативное рассогласование греческого и латинского глаголов в числе: *ἔπέν* – *dixerunt* (глоссатор не придал значения «ошибке» греческого писца), обратим внимание на конец фразы. Латинский читатель остановился на том же месте, где когда-то остановился Иероним: «западное» продолжение реплики иудеев: *ὑποδείξατε ὑμῖν* (D E sy^{hmg}), отсутствующее в «византийском» списке *РАИК № 112*, отсутствует и в глоссе (cf. *monstrate (E^a)/ostendite (d) nobis*).

ключена также «техническая» связка *φησιν* («говорит [Писание]»)⁹. Вместо этого, над *ἀσμένως* (а не над *ἀποδεξάμενοι*) стоит ожидаемая опытным чтецом Нового Завета глагольная форма *recepserunt*. Интересно, что если в предыдущем случае перевод златоустовской вставки *τοὺς λόγους τούτους* был приведен во фразе, приписанной на поле: *auditis his sermonibus*, то при пословном глоссировании Писания, наоборот, поздний, «византийский» вариант чтения, использованный Златоустом, опущен. Вряд ли читатель не понял или не заметил слово *ἀσμένως* («охотно, радостно»), кажется, он просто *не посчитал нужным* его перевести.

3) Во второй колонке 15-го листа описывается жизнь ранней иерусалимской общины верующих:

f. 15 b, 23-24 (A 2:44)	«« πάντες δὲ οἱ πιστεύοντες φησιν ἦσαν ἐπὶ τὸ αὐτό·	om(ne)s credentes...e(r)ant insim(u)l
----------------------------	---	--

Перевод *ἐπὶ τὸ αὐτό* – *insimul* оригинален для этого места Деяний (*cf.* *pariter/una, vg; in unum, it*)¹⁰. Далее в рукописи, при повторном цитировании того же стиха (л. 15 об.), *ἐπὶ τὸ αὐτό* передано уже как *in idipsum*¹¹:

f. 15d, 1-2 (A 2:44 bis)	«« πάντες δὲ οἱ πιστεύοντες ἦσαν ἐπὶ τὸ αὐτό:	om(n)es dic(i)t (!) fid(en)tes e(r)ant i(n) id ip(su)m
-----------------------------	---	--

Такое соответствие более привычно, Дзомино, очевидно, знает его по другим местам Вульгаты и активно использует¹². Логично предположить, что именно при повторном цитировании комментатор мог чувствовать себя свободнее и произвольно пользоваться лексическими заменами. Однако, что примечательно, гапаксы и варианты, менее укорененные в латинской традиции перевода Библии, могут возникать у него при первом цитировании места. Возможно, это «ошибки», первые пробы перевода? Однако в стихе 46-м он выбирает уже между двумя лексемами – *simul* и *unanimiter* – пытаюсь передать ими наречие *ομοθυμαδόν*:

15c, 5-7 (A 2:46)	«« καθημέ- ραν τε προσκαρτεροῦντες ομοθυμαδόν ἐν τῷ ἱερῷ	quotidie p(er)du(r)antes sim(u)l (ve)l unan(i)m(i)t(er) i(n) te(m)plo
----------------------	--	---

⁹ Ради полноты картины, отметим также отсутствие и в греческом, и в латинском текстах исключительно западного чтения *πιστεύσαντες (τὸν λόγον)* (D (p, r)) – *credentes (sermoni)* (d).

¹⁰ Лишь в печатной латинской Виттембергской Библии 1529 г. (*цигла* Wi) в похожем контексте, описывающем пребывание апостолов в одном доме до схождения Св. Духа, выражение *ἐπὶ τὸ αὐτό* передано близкой к *insimul* формой: *erant omnes unanimiter simul* (*cf.* *ἦσαν πάντες ὅμοιοι ἐπὶ τὸ αὐτό* A 2:1).

¹¹ Попутно отметим, что в версиях Вульгаты на этом месте всегда фигурирует личная глагольная конструкция: *omnes qui credebant/crediderunt*.

¹² Так, например, заканчивается у него 2-я глава Деяний (A 2:47): *quotidie (=cotidie) in idipsum*, f. 15c, 39-41. Этот пример будет рассмотрен чуть ниже, *см.* п. 5.

Чем обусловлено это колебание? Вариант *unanimiter* является буквальным соответствием греч. ομοθυμαδόν («единодушно»), широко распространенным в латинской традиции Деяний (прежде всего, это общепринятое чтение Вульгаты); кроме того, однажды в истории текста в этом месте встречается «особый» вариант с *pluralis* прилагательного: *unanimes* (*E^a*). Выбирая между *simul* и *unanimiter*, казалось бы, следовало отдать предпочтение второму, но одно обстоятельство говорит о том, что перед нами, возможно, замечательный пример осведомленности читателя и в греческой библейской традиции: оставляя на письме оба варианта, он, вероятно, ссылаясь на чтение ἐπὶ τὸ αὐτό, а не ομοθυμαδόν. Так читается эта фраза в западном типе греческого текста Деяний: πάντες τε προσκαρτέρουσιν ἐν τῷ ἱερῷ καὶ κατοικοῦσιν ἐπὶ τὸ αὐτό κλῶντες τε ἄρτον (D). Выражение ἐπὶ τὸ αὐτό, как мы уже видели, переводится книжником двояко, (*in*)*simul* (f. 15 b, 24) и *in idipsum* (f. 15d, 2). Вряд ли вариант *simul* мог и здесь возникнуть независимо¹³. Отсутствует лишь ссылка на источник – он так нам до сих пор и неизвестен – и в этом все отличие средневековой *филологии* от современной. То, что комментатор-латинянин, в целом, тяготеет к западным греческим чтениям, отраженным и в *латинских* списках Деяний, не удивительно. Хотя здесь встречаются «аномалии», не объяснимые до конца с точки зрения текстологической традиции Библии. Например, как, наряду с «нормальным» для стиха А 2:44 древним западным чтением *credentes* (*omnes etiam credentes erant in unum d*), при повторном цитировании того же места возникает причастие *fidentes*? Греческий текст Златоуста на этот раз одинаков, а формы от *fido* в латинских рукописях не зафиксированы. Остается предположить, что здесь могло сказаться влияние родного языка Дзомино, итальянского, для которого чтение *fidente*, -i в таком контексте вполне обыкновенно¹⁴.

4) Чуть выше в тексте рукописи глоссатор никак не комментирует (условно) златоустовскую вставку в 42-й стих Деяний – наречие ομοθυμαδόν – и вновь, как и в случае с ἀσμένως (см. п. 2), даже не пытается как-нибудь передать ее на латыни, допустим, **unanimiter* или **(in)simul*:

f. 15a, 40–15b, 1 (A2:42)	««ἔσαν (ἢ)σαν) δὲ προσκαρτεροῦντες «« ομοθυμαδόν τῇ διδαχῇ τῶν ἀ- «« ποστόλων καὶ τῇ κοινωνίᾳ»	e(r)ant a(utem) p(er)seuerantes ..... [in] doct(ri)na apostolor(um) (et) co(mmun)ica(tio)ne fractionis pa(n)is (два последних слова – на поле)
------------------------------------	---	--

¹³ Интересно, что в латинской части самого двуязычного «западного» кодекса Беды в этом конкретном случае стоит *in idipsum*: omnes quoque perseverantes in templo, et per domos in idipsum capiebant panes (d).

¹⁴ См. тж. прим. 11.

Для этого просто нет оснований в текстологической традиции – библейские рукописи не знают такого чтения, это чистое творчество Златоуста или его переписчиков. А традицию наш комментатор, как видно, читит: он сразу «припоминает» 42-й стих целиком – и *fractionis panis* не помещается у него в строке, а продолжение стиха *et orationibus* стоит уже и вовсе не на своем месте, над дальнейшим толкованием Златоуста:

f. 15b, 1-3 (Chrysostomus)	«« δὲ- «« ο ἀρεταὶ καὶ τὸ προσκαρτερεῖν’ «« καὶ τὸ ὁμοθυμαδὸν (sic)	....(et) ora(tio)nib(us) .....(гlossa – над <i>proskarterei`n</i>)
-------------------------------	---	--

Очевидно, в данном случае сработало ожидание соединительного союза «и»: *et* встало над ближайшим *καὶ*, а *orationibus* просто должно было где-нибудь найти себе место – и оно очутилось над *προσκαρτερεῖν*, что не является прямой ошибкой, а, скорее, результатом *позитивного* желания найти соответствие между латинским и греческим текстами, уместить один над другим. В дальнейшем, при завершении цитаты у Златоуста, латинянин все расставит по своим местам:

f. 15b, 6-7 (A 2:42) (fin.)	(ἦσαν δὲ προσκαρτεροῦντες... τῆ διδαχῆ... καὶ τῆ κοινωνία) «« καὶ τῆ κλάσει τοῦ ἄρτου καὶ τῆ «« προσευχῆ	(et) fractione pa(n)is (et) o(ratio)ne
-----------------------------------	---	---

Вновь отметим его внимательность: здесь он копирует *единственное число* формы τῆ προσευχῆ – [in] *oratione*, хотя раньше, когда дописывал стих, видимо, по памяти, оставил «традиционное» множественное число *orationibus* (cf. f. 15b, 2)¹⁵.

Кроме того, распространенный латинский вариант [in] *communicatione fractionis* (gen.) *panis* WSV («в общении *преломления* (род. п.) хлеба»), «проскочивший» при первом цитировании и, видимо, знакомый читателю на слух, далее, при пословном комментировании, был заменен им на «корректное» для данного типа греческого текста (*византийского*, с союзом *καὶ* cf. № 2 E Y ã 33. 1739 sy) написание: [in] *communicatione et fractione* (abl.) *panis*, «в общении *и* преломлении хлеба», Wi (E)¹⁶. Это говорит об одинаковом внимании глоссатора к «букве» латинской Библии и к греческому тексту Златоуста: латинская цитата припоминается им наизусть, а затем корректируется в соответствии с оригиналом.

¹⁵ Nestle-Aland: καὶ ταῖς προσευχαῖς – *orationibus latt* (Nestle 2001.)

¹⁶ Nestle-Aland: καὶ τῆ κοινωνία, *τῆ κλάσει τοῦ ἄρτου καὶ ταῖς προσευχαῖς (*καὶ № 2 E Y 33. 1739 ã sy | *txt* №* A B C D 81 *pc* lat) – (in... *communicatione*), in *fractione panis et orationibus* vg; in... *communicatione fractionis panis* WSV (E: in *fractione*; Wi: *et fractione*).

5) Наконец, при завершении цитирования Златоустом 2-й главы Деяний, в записях Дзомино возникает неожиданное «эхо» недавно звучащей греческой конструкции ἐπὶ τὸ αὐτό (см. п. 3):

f. 15c, 39-41 (A 2:47 fin.)	«« ὁ δὲ Κ<ύριος> «« φησὶν προσέτιθει' τοῖς (!) σωζο- «« μένοις (!) καθημέραν τῆ ἐκκλησί(α)»	a(utem) D(ominus) ... augebat qui salui fieri(n)t quotidie i(n) idi(p)sum
-----------------------------------	---	---

Откуда здесь *in idipsum*? Финальная глосса к 47-му стиху расходуется с тем, что стоит в рукописи: τῆ ἐκκλησίᾳ. Но именно так, *qui salvi fuerent cotidie in idipsum*, заканчивается сейчас основной текст этого стиха в изданиях Вульгаты, больше ориентированных на *александрийский*, или нейтральный, тип новозаветного повествования. Видимо, с этой версией был знаком и «критик» нашей рукописи:

<i>александрийский текст:</i> πρὸς ἐτίθει' τοὺς σωζομένους καθ' ἡμέραν ἐπὶ τὸ αὐτό. (A 3:1) Πέτρος δὲ καὶ Ἰωάννης... свидетели александрийского текста: ^{74vid. 91vid} κ Α Β С 095. 81. 1175 <i>pc</i> lat sa bo	Dominus autem augebat, qui salvi fuerent cotidie <u>in idipsum</u> . (A 3:1) Petrus autem et Ioannes... <i>vg</i> (in idipsum] <i>om. Wi</i>) =РАИК № 112 (лат.)
---	---

Греческий же текст манускрипта РАИК № 112, как можно видеть, относится к *византийскому* типу:

<i>византийский текст:</i> καθ' ἡμέραν τῆ ἐκκλησίᾳ. (A 3:1) Ἐπὶ τὸ αὐτό δὲ Πέτρος καὶ Ἰωάννης... свидетели: E γ 33 ã sy =РАИК № 112 (греч.)	Dominus autem adjiciebat, qui salvi fuerent quotidie <u>Ecclesiae</u> . (A 3:1) Id in ipsum autem Petrus et Ioannes... <i>E^a</i>
<i>поздний (византийский) синтез:</i> τῆ ἐκκλησίᾳ ἐπὶ τὸ αὐτό. (A 3:1) Πέτρος δὲ... свидетели: 945. (1505) .1739. (2495) <i>pc</i>	

Разница между известной переводчику латинской традицией и имеющимся греческим материалом на этот раз никак не комментируется, варианты отсутствуют. Здесь, надо заметить, проходит условная граница глав (и, соответственно, заканчивается цитируемый Златоустом отрывок из Деяний), которую в древности всегда проводили по-разному и о которой спорили. Беда Достопочтенный (VII–VIII вв.) нарочно замечает: «*“Dominus autem augebat qui salvi fuerent quotidie Ecclesiae”*». – Ac deinde altera narratio ita incipit: “*In idipsum autem Petrus et Ioannes...*»¹⁷.

Для полноты картины приведем также *западный* тип чтения данного места, *не использованный* глоссатором:

¹⁷ Sabatier 1743. P. 507. *Comm. ad v. 47*. Таким образом, Беда косвенно признает верным чтение двуязычного кодекса епископа Лауда (E^a), содержащего, как считается, смешанный византийско-западный текст Деяний.

<p>западный текст: επι το αυτο εν τη εκκλησια. (A 3:1) Εν δε ταϊς ἡμέραις ταύταις Πέτρος και Ιωάννης... D (p) mae</p>	<p>(ad)ciebat... in unum in ecclesia. (A 3:1) In diebus autem istis Petrus et Ioannes... d</p>
---	---

Итак, авторитетная формула *in idipsum* из не-западной версии Деяний (ориентация на Вульгату ясна также по присутствию глагола *augebat* vs *ad)ciebat*, *it*), имеющая под собой *хорошую* греческую основу, отличающуюся от того, что имеется в рукописи *РАИК № 112* (τῇ ἐκκλησίᾳ), очевидно, приведена в глоссе по памяти. Или, все же, выписана из латинской Библии, лежавшей перед писцом?

***

Труд глоссатора Дзомино из Пистойи по сличению греческого и латинского текстов Писания, процитированного Златоустом, как нам кажется, нельзя назвать механическим или «бездумным» переписыванием выдержек из латинской рукописи в греческую, даже если список Вульгаты и сопутствовал ему в этой работе. Мы не нарочно показали, что дело практически никогда не сводилось у Дзомино к приискиванию готовых вариантов перевода. Из противоречивых данных латинской и греческой рукописных традиций он всегда искал приемлемый выход.

При оценке качества маргиналий 600-летней давности следует учитывать принципиально иную форму существования литературных памятников до изобретения книгопечатания и, соответственно, до появления понятий *textus receptus* или *editio princeps*. Современные издания древних текстов (в частности, библейских) выбирают из множества имеющихся вариантов один, все прочие убираются в критический «подвал»: так создается впечатление более или менее полной определенности прочтения. В итоге, конкретная рукопись кажется нам грамотной, если совпадает с современным научным изданием текста.

При отсутствии такого критерия в Средние века читатель должен был сам думать о разных возможностях интерпретации. Этим, очевидно, и объясняется та лексическая вариативность при многократном переводе одного и того же места греческого оригинала, которую мы наблюдаем в списке *РАИК №112*, и то пропущенные, то добавленные к переводу слова. Как нам кажется, на страницах этой рукописи перед нами раскрывается творческая лаборатория раннего начинателя новой европейской филологической науки, в которой методология и аппарат были еще очень неразвиты. Маргиналии и глоссы, сохранившиеся в списке *РАИК № 112*, показывают достаточно высокий уровень овладения греческим языком, которого Дзомино из Пистойи мог достигнуть уже через несколько лет после начала своих занятий, то есть примерно к середине второго деся-

тилетия XV в., что хорошо согласуется с палеографическими данными рукописи. Можно предположить, что в это время он был способен заниматься столь тонким анализом особенностей греческого текста, какое демонстрирует рассмотренное нами «чтение с подстрочником».

Однако только ли «научно-педагогической» была цель этой работы? Нельзя ли допустить, что перед нами свидетельство поиска доктринальных противоречий между двумя ветвями христианской Церкви? Насколько можно судить по приведенным примерам, содержание глосс *РАИК № 112* не дает для этого веских оснований. Их автор не придерживался строгого латинского текстологического «канона», но иногда использовал для одного места Деяний варианты чтения, или же «подгонял» свой перевод под греческий оригинал. Цель этой работы, как нам кажется, состояла не в том, чтобы подчеркнуть расхождения латинского и греческого текстов, а в постоянном поиске лексико-грамматических *соответствий* между ними. С другой стороны, отношение к *греческому* тексту конкретной рукописи у Дзомино также далеко от «сакральности»: какие-то чтения им не принимаются вовсе, какие-то он «правит» (в своем переводе), для других подбирает равноценные латинские *варианты*. Все это больше похоже на филологическую критику текста, нежели на критику богословскую. Церковный гуманист Дзомино из Пистойи, клирик, которому по долгу службы следовало искать «ошибки греков» в литургических или близких к ним текстах (особенно там, где могло быть «искажено» Священное Писание), оставался, судя по фактам его биографии, в стороне от идеологической борьбы своего века¹⁸. Круг интересов этого человека, овладевшего греческим языком, как кажется, лишь для того, чтобы переписывать сочинения «языческих» писателей, лежал совсем в другой области. Кроме того, заметим, что Златоуст, автор, чтимый на Западе, был не самым подходящим объектом для поиска идеологической «крамолы». Стиль глоссирования его сочинений в рукописи *РАИК № 112* говорит, скорее, о бережном внимании к его слову. В таком случае, не имеем ли мы дело со следами перевода? Возможно, тот, кто аккуратно наносил разведенными чернилами надписи на поля и между строк этой рукописи, преследовал чисто практическую задачу – создать конечный латинский текст Бесед Златоуста на Деяния апостолов? Для этого вполне могла бы потребоваться первоначальная кропотливая «проработка» цитат

---

¹⁸ Дзомино участвовал в двух вселенских соборах, Пизанском 1409 г. и Констанцском 1414–18 гг., посвященных, однако, почти исключительно внутренним делам католической церкви. На Констанцкий собор Дзомино был приглашен не как богослов, а как опытный юрист, дабы освободить своего епархиального начальника от тяжелых обвинений в содержании наложниц и т.п. (Zaccagnini 1908. P. XI. Introduzion).

из Библии. Так, в современной текстологии бытует понятие формальной «гармонизации» текстов близкого содержания, в частности параллельных евангельских повествований. Может быть, подобная процедура была необходима и при подготовке средневековых изданий святоотеческих трудов, вбирающих в себя множество отрывков из Священного Писания, зачастую представленных в разных редакциях?¹⁹

Здесь, кажется, будет нелишним отметить характерную черту данного сочинения Иоанна Златоуста, «Бесед на Деяния св. апостолов» (CPG 4426, BHG 2102x), а именно нестабильность цитируемого в них библейского текста, последовательно критикованную издателями памятника с XVI по XIX вв. Когда Хризостом, в ходе толкования или резюмирования, дважды, а то и трижды цитирует какой-либо отрывок из Библии, цитата зачастую видоизменяется у него на протяжении одной гомилии (и даже одного ее «параграфа»!), независимо от того, где она впервые встречается – в заглавии (в виде леммы) или в середине текста. По мнению F. Gignac, «превосходство черновой редакции “Бесед на Деяния” на протяжении всего памятника особенно заметно при повторном цитировании, когда списки M [=Michigan Univ. 14] и N [=Oxford, Novi Collegii 75-76] последовательно удерживают древнее чтение в одной из двух или трех цитат. Иногда древний вариант встречается во второй цитате из Писания, но чаще, и это удивительно, он находится в лемме или в первой цитате внутри текста гомилии. Свидетельство это не окончательное, но частота, с которой более древнее чтение появляется в первой цитате, по сравнению со второй, говорит о вполне вероятной возможности того, что первая цитата происходит из написанного текста, который Хризостом имеет перед глазами, а вторая цитата, в процессе экзегезы, отражает, скорее, тот текст, с которым автор был более знаком и который мог им цитироваться по памяти», – хотя, замечает далее Жиньяк, – «следовало бы ожидать корректировки цитаты в соответствии со стандартным текстом скорее в леммах, нежели внутри гомилии»²⁰.

Итак, основная «изюминка» гомилий Иоанна Златоуста на Апостольские деяния заключена как раз в особенностях бытования в них библейского материала. Цитаты видоизменяются при повторном цитировании, и форма и «деформация» цитат являются значимыми при определении редакции текста «Бесед» (*rough – smooth*, по E. Smothers)²¹.

---

¹⁹ Среди рукописей Дзомино из Пистойи известен лишь один греческий патристический текст: сборник *BL Harley 5660* включает в себя, помимо произведений Исократы и Плутарха, сочинения Василия Великого. (De La Mare 1973. P. 103, № 12.)

²⁰ Gignac 1970. P. 308-315, esp. pp. 314-315.

²¹ Smothers 1957. S. 53-57.

Скажем более, чтения книги Деяний как таковые остаются одной из самых дискутируемых тем в современной библеистике – как известно, это наиболее неустойчивая в текстологическом отношении часть Нового Завета. Так, «западный» тип текста, содержащийся в кодексе Беды (D d), на одну десятую длиннее общепринятого²². В этом смысле весьма примечательно, что из всего греческого материала рукописи *РАИК № 112* внимание Дзомино из Пистойи привлекает лишь цитатная составляющая. С одной стороны, в рукописи поражает настойчивое снабжение глоссами близко стоящих *повторяющихся* стихов (ведь для перевода и понимания греческого новозаветного текста достаточно было бы один раз подобрать к нему латинские соответствия!), с другой стороны, бросается в глаза отсутствие, можно сказать, регулярное «оскудение» глосс ближе к концу проповеди, когда отдельные фразы, или части библейских фраз, или даже отдельные слова Писания «пережевываются» Златоустом по многу раз, но глоссатор уже как будто не замечает их. Словно дело сделано – повторяющиеся библейские цитаты «маркированы» переводчиком дважды и трижды, – а дальнейшее толкование и морализаторское развитие темы уже не прибавят к *филологии* текста ничего нового.

Таким образом, нам кажется, можно сделать достаточно ясный вывод: исследовательский интерес глоссатора вращается преимущественно вокруг вариативности многократно повторяющихся отрывков из Писания и не распространяется на весь текст проповедей Златоуста. «Ассиметричная» дистрибуция помет, о которой мы говорили в начале статьи, сохраняется на всех маркированных 133 листах рукописи (¾ объема); устойчивость этой модели глоссирования говорит, скорее, не о сплошном переводе златоустовского текста, но о внимательном, «с карандашом в руке», прочтении и выделении в нем повторяющихся, но почти всегда слегка *разнящихся* библейских отрезков. Это упражнение, на наш взгляд, могло оказаться весьма полезным для студента, желавшего постичь богатые стилистические возможности греческого языка на примере речей прославленного византийского оратора.

***

Остается сказать, что, хотя основная масса новых «изящных» переводов сочинений Златоуста на латинский язык появилась в «гуманистическом» XV в. именно в Италии²³, «Беседы на Деяния свв. апостолов»

²² Мещер 1996. С. 47-49.

²³ Среди их авторов – Георгий Трапезундский, Джованни Аретино, Пьетро да Монте, Франческо Гриффолони д'Аретино, Лилий Тифернаге, Пьетро Бальбо, Христофоро да Персона и, конечно же, генерал ордена камальдулов, кардинал Амброджо Траверсари. Интересно, что и гуманисты, создавая свои «высоколитературные» ла-

довольно долго оставались в стороне от этого процесса. Первый достоверно известный перевод «Бесед на Деяния» появляется лишь в XVI в., в Германии. При этом Эразм Роттердамский, взявшись переложить эти гомилии правильной латынью, был настолько поражен скукой (!), что в одном из писем к Катберту Тонсталлу «Англу», епископу Лондонскому (1521–1559) и Даремскому (1530–1552, 1553–1558), написал так: «Перевел я три беседы Златоуста на Деяния апостолов. Не понравилось мне это занятие, поскольку ничего я здесь не увидел от Златоуста. Ты все-таки, по-дружески, возьми сию книгу в руки, – но, право же, ничего не говорилось когда-либо неискуснее. *Спать и в дремоте я написал бы лучше!* Мыслишки вялые, да и те как следует выразить не умеет»²⁴. Впрочем, в предисловии к своему латинскому переводу первых четырех гомилий, опубликованному в Базеле в 1530 г., Эразм говорит мягче: он имеет основания сомневаться в авторе сочинения (*de titulo*), «ибо стиль его, сухой и резкий, таков, что кажется далеким от манеры речи Златоуста», однако «если ученые мужи определяют, что сей труд достоин Златоуста, мы, доверяясь их суду, оставим *это*, чем бы оно ни являлось, вне подозрения – каковое, впрочем, имеем не совсем случайно, уж столько раз и так неслыханно обманутые ложными заголовками»²⁵.

В дальнейшем, при начале крупномасштабных изданий произведений отцов Церкви, вокруг «Бесед» разгорелась ожесточенная литературная полемика, итог которой подвел английский книгоиздатель Генри Сэвил (Савилиус), выпустивший в 1610-1613 гг. собрание сочинений Златоуста на греческом языке в 12-ти томах. В предисловии к 4-му тому, куда вошли «Беседы на Деяния», он повторяет слова Эразма, дополняя их со своей стороны весьма нелестными подробностями: «путаницы и темных мест здесь находится предостаточно, много терний и неровностей, множество 'υποσολοικα [погрешностей против правил греческого языка – А.К.], переходы от одного аргумента к другому более чем избыты, текст Деяний, дважды пройденный, более чем растолкован, часта одна и та же песня: «ἰδομεν δε ἄνωεν τὰ εἰρημένα» или «τὰ ἀνεγνωσμένα» [«обратимся к вышесказанному» или «к прочитанному» – А. К.], шестьсот раз кряду заезженная *до тошноты*». Но здесь же чуткий к стилю редактор приводит и взвешенное мнение Фламинио де Нобили (1532–1590), профессора логики из «гимнасиума» Пизы, показавшееся ему рациональным объяснением плохого состояния текста:

тинские версии сочинений Иоанна Златоуста, порой не брезговали взять за основу средневековый буквалистский перевод. (Stinger 1977. P. 105-113.)

²⁴ PG. T. 60 (S. Chrysostomus 9). 1859. Col. 5.

²⁵ [Erasmus Roterodamus] 1530. T. I. P. 124.

«В целом эти комментарии на Деяния едва ли могут утолить разумный дух читателя. Они исполнены ошибок и составлены, как я полагаю, из записей различных секретарей, плохо согласованных между собой и передающих высказывания ораторствующего Златоуста по-разному»²⁶.

Таким образом, считает Сэвил, базельскому гуманисту показался неискусным слог проповедей, сочиненных лучшим из церковных ораторов в достаточно тяжелое для того время. «В третье лето» епископства (400–401 г.) Иоанн был настолько загружен делами службы, что совсем не имел времени на литературную обработку речей после их произнесения. Совсем иначе обстояло дело в Антиохии, в прежние годы жизни Златоуста, когда речами и нравственными комментариями к Библии, «изобретенными» и «украшенными» по всем правилам античной риторики, автор снискал славу *Золотых уст*²⁷.

Постепенно в европейской науке Нового времени за «Беседами на Деяния свв. апостолов» утвердилось слава не самого удачного произведения святителя. Между тем, на греческом Востоке произведение это всегда было известно, переписывалось, читалось и даже ценилось. Оно есть, например, в «Библиотеке» Фотия под №172-174, причем патриарх считал его слог лучшим, чем в гомилиях Златоуста на книгу Бытия²⁸. Ценили эти проповеди в основном за их моральную составляющую.

В целом, по распространенности на Западе Иоанн Златоуст может считаться одним из первых греческих церковных писателей, уступая в этом лишь Оригену. Непрекращавшийся интерес к его творчеству в латинском мире подтверждается периодически возникавшими в Средние века переводами его произведений: до нас дошли версии Аниана Келедского (ум. после 419 г.), Муциана (VI в.), несколько анонимных переводов VII-IX веков, серия переводов Бургундио Пизанского XII в.²⁹

²⁶ Цит. по: PG. Т. 60 (S. Chrysostomus 9). 1859. Col. 9-10.

²⁷ Ibid. Col. 12.

²⁸ Впрочем, из описания Фотием этих двух сочинений следует, что он спутал их между собой. (PG Т. 103. Col. 501-505.)

²⁹ Считается, что на Западе первым упомянул о «Беседах на Деяния свв. апостолов» Златоуста сенатор-монах Аврелий Кассиодор (VI в.), говорящий в I-м томе *Institutiones Divinarum et humanarum lectionum* так: «Приобрели мы также комментарий на “Деяния апостолов” св. Иоанна, епископа Константинопольского, на греческом языке, каковой друзья наши (*amici nostri*), с помощью Божьей, перевели 2 тома, 55 гомилий» (Inst. 1, IX, 1; пер. по изд.: Migne, J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina (PL). Т. 70. 1847. Col. 1122; Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca (PG). Т. 60 (S. Chrysostomus 9). 1859. Col. 5-6.) Под «друзьями» Кассиодора, очевидно, следует понимать переводчиков южноитальянской обители «Виварий» («Садок») – Беллатора, Муциана и Епифания. Этот ранний латинский перевод, так же, как и

Греческие кодексы Златоуста во множестве представлены в западно-европейских книжных собраниях, среди них и византийские рукописи, начавшие особенно активно проникать на Запад в предшествовавшую падению Константинополя эпоху. В Италии в первой половине XV в., помимо относительно небогатой тогда коллекции греческих рукописей папской библиотеки, стараниями частных лиц уже было накоплено значительное число византийских источников. В собраниях итальянских гуманистов помимо приоритетных для них сочинений классических авторов числились и рукописи патристического содержания. Златоуст занимает в этих ранних коллекциях видное место³⁰. Много потрудились в деле перемещения византийского книжного наследия на Запад уже первые флорентийские воспитанники Мануила Хрисолора – Гварино Веронский, Никколо Никколи, Палла Строцци, Антонио Корбинелли, Амброджо Траверсари. Обогащали своими рукописями гуманистические интеллектуальные круги Флоренции и «заезжие» знаменитости, например переводчик Джованни Ауриспа, занимавший греческую кафедру университета в 1425–1427 гг.³¹, или блестящий итальянский поэт-эллинист Франческо Филельфо, проживавший во Флоренции в 1429–1434 гг.³² Особенно много произведений константинопольского епископа насчитывалось среди книг Никколи, составивших основу публичной библиотеки Сан-Марко во Флоренции: из 50 с лишним греческих патристических манускриптов, приобретенных этим образованным купцом, растратившим практически все свое состояние на покупку рукописей, 17 или 18 кодексов содержали произведения Златоуста³³. Нельзя не признать: автор был востребован в среде деятелей кватроченто. Работая в 1436 г. во Флоренции над переводом златоустовских «Бесед на Евангелие от Матфея» по списку Димитрия Скараноса, приобретенному Палла Строцци в Венеции в 1424 г., кардинал Амброджо Траверсари обсуждал в письмах к папскому секретарю Поджо Браччолини чрезмерную буквальность их средневекового перевода, принадлежащего Бургундио Пизанскому (ум. 1193)³⁴. Поджо в ответ замечал, что та же черта отличает перевод «Бесед на Деяния свв. апостолов» этого автора³⁵. Факт примечательный: до сих пор не известен текст, на который ссылался

предполагаемый перевод Бургундио Пизанского (см. прим. 36) до нас не дошел. (Muckle 1943. P. 33-42 (esp. p. 37), 102-114 (esp. 112); Smothers 1957. P. 57.)

³⁰ См.: *Codices Chrysostomici graeci* 1983; 1999.

³¹ Stinger, 1977. P. 36-37.

³² Гуковский 1961. С. 168-169.

³³ Ullman; Stadter 1972. P. 249.

³⁴ Перевод был ему доступен в библиотеке францисканского монастыря Санта-Кроче во Флоренции. (См.: Flecchia 1952. P. 119-121.)

³⁵ Stinger; Ch. L. Humanism and the Church Fathers... P. 152-153.

Браччолини, но смутные упоминания о существовании какого-то старого перевода этих гомилий на латинский язык присутствуют в источниках XIV-XV вв.³⁶ Самым же существенным кажется то, что данное произведение Иоанна Златоуста было известно в ренессансной Италии, на него мог существовать определенный интеллектуальный спрос, а, значит, греческие списки его могли достигать Флоренции (или других центров новой эллинистической науки) по заказу заинтересованных в этом влиятельных лиц. Не удивительно, если однажды в город на Арно прибыл и рассмотренный нами список гомилий Златоуста – вероятно, уже в то время дефектный и неполный³⁷. Для перевода он мог быть сочтен неподходящим, и затем какими-то «академическими» путями (через Никколо Никколи?) кодекс мог попасть к изучающему греческий язык молодому гуманисту Дзомино из Пистойи, который и глоссировал его характерным образом. О Дзомино же известно, что он никогда не бывал на греческом Востоке.

В связи с этим встает вопрос о возможности возвращения рукописи в Константинополь-Стамбул, к наиболее вероятному месту своего возникновения. О периоде жизни *РАИК № 112*, последовавшем, по нашей версии, за «путешествием» кодекса на Запад, и составляющем без малого полтысячелетия, ровным счетом ничего не известно. Единственная поздняя помета на поле л. 54 об.: † ὀ του θαύματος, выполненная частично смытыми сажевыми чернилами, предположительно в XVII-XVIII в., слишком мала, чтобы на ее основании делать какие-либо

³⁶ Самым ранним указанием на то, что Бургундион переводил «Беседы на Деяния апостолов», Ремиджо Саббадини считал следующую фразу из трактата «*De viris illustribus*», написанного старшим современником Петрарки, другом и покровителем поэта, кардиналом Джованни Колонна (ум. 1348): “*vidi et ego librum super actus apostolorum quasi nostra etate de greco in latinum translatum*”. (Sabbadini 1914. P. 53-54.) Саббадини мог представить себе лишь одного человека в роли исполнителя данной работы. Пизанский нотариус Бургундио, неоднократно посещавший столицу Византии в качестве посла торговой республики и *fides interpres*, действительно, был мастером пословного перевода и мог взяться за этот труд. Им полностью переложены на средневековую латынь 90 гомилий Златоуста на Евангелие от Матфея (1151 г.) и 88 гомилий на Евангелие от Иоанна (1171-1173 гг.). – Гипотеза Саббадини была вполне принята учеными, иногда на уровне доказанного факта. (См.: Huskins 1924. P. 207, n. 89; Muckle, 1943. P. 112; Stinger, 1977. P. 87, 156.) Однако до сих пор не найден текст этого легендарного перевода. Руку Бургундио Пизанского можно видеть в сохранившихся нотариальных документах его родного города (Classen 1974. Tafeln II-IV.), а также, как считается, на полях греческих рукописей *Laurent. Plut. LXXIV. 18* (s. XII, Galeni «*De pulsibus*»), доступна on-line на сайте Лауренцианской библиотеки) и *Vat. Chig. IV. 13* (s. X-XI, Nemesii Emesensis «*De natura hominis*»), содержащих переведенные им медицинские трактаты. (Wilson 1983. P. 161-176.)

³⁷ Утрачены две тетради в начале рукописи и около восьми тетрадей – в конце; отсутствует переплет.

выводы³⁸. Своеобразным *argumentum ad hihilum* является тот факт, что, помимо глосс Дзомино, в рукописи практически отсутствуют иные латинские пометы. Это может указывать лишь на то, что рукопись, после того как побывала в руках латинянина, более читателями активно не использовалась. Вероятно, она надолго выпала из книжного оборота и пребывала в забвении. Случиться это могло, скорее всего, на Западе, поскольку греческие рукописи, возвращавшиеся на Восток в византийское или поствизантийское время – а такие случаи не единичны³⁹ – обычно приобретали новые записи или владельческие пометы, по которым можно хотя бы фрагментарно проследить их дальнейшую судьбу.

В случае с *РАИК № 112* это, к сожалению, не так. Мы знаем лишь то, что рукопись, в итоге, все же, превратилась в антикварный товар на восточном рынке, но по одному-единственному эпизоду из ее «некаталогизированного» прошлого судить о маршруте ее «странствий» невозможно. Недостающие данные, смеем надеяться, явятся в дальнейшем при более пристальном изучении состава греческих коллекций, архивов и личной переписки итальянских гуманистов XV-XVI вв.

Происхождение константинопольской рукописи темно, однако содержание ее листов чрезвычайно ярко. Латинский подстрочник греческого манускрипта, хранящегося в Библиотеке Академии наук в Петербурге, дает ученым редкую возможность проанализировать *in situ* переводческие, филологические, а, возможно, отчасти, и богословские подходы деятелей раннего итальянского Возрождения к попадавшим в их руки византийским источникам⁴⁰. Рукопись бывшего Русского Археологического института в Константинополе может стать настоящим «археологическим сайтом» для всех заинтересованных палеографов, лингвистов, историков литературы и культуры.

---

³⁸ На верхнем поле л. 1 об. почерком XIV века написано: «κυρίῳ κτ(ης) πεντηκοστῆς». Очевидно, этот «авантитул», маркирующий начало первой целиком сохранившейся гомилии сборника, возник уже тогда, когда кодекс потерял свои начальные листы, то есть до попадания рукописи к Дзомино.

³⁹ См.: *Bick* 1912. P. 143-155; 1920. P. 32-33, 59-61; *Wuillemin-Diem* 1989. P. 170.

⁴⁰ В целом, по нашим наблюдениям, от времен Средневековья и раннего Возрождения дошло не много столь же плотно глоссированных греческих рукописей, подобных *РАИК № 112*. В качестве наиболее близких параллелей укажем известные нам два списка поэмы александрийского географа П в. н. э. Дионисия Перизгета, *Par. gr. 388* и *Guelf. Gudianus gr. 46*, снабженные интерлинеарными латинскими глоссами в XII в. (*Marcotte* 2009. P. 89-101 + 3 tavv.) и хранящиеся в Вольфенбютеле греческие рукописи с латинскими пометами гуманистов XV в., в том числе Пьетро да Монтаньяна. (*Harlfinger; Sonderkamp* 1978. №№ 9, 20, 21.)

REFERENCES

- Гуковский, М.А. Итальянское Возрождение. Т. 2. Л., 1961. 256 с.
- Мецгер, Брюс М. Текстология Нового завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996. 326 с.
- Bick J. Wanderungen griechischer Handschriften // Wiener Studien, 34 (1912). P. 143-155.
- Idem. Die Schreiber der Wiener griechischer Handschriften. (Museion. Veröffentlichungen aus der Nationalbibliothek in Wien. Reihe 1. Bd. 1. Abhandlungen). Wien; Prag; Leipzig, 1920.
- Cesarini Martinelli, L. Sozomeno maestro e filologo // *Interpres* 11 (1991). P. 7-92.
- Classen, P. Burgundio von Pisa. Richter – Gesander – Übersetzer (*Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 4. Abh.*). Heidelberg 1974. – 106 S.
- Codices Chrysostomici graeci. (*Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de Recherche e d'Histoire des Textes*). T. 5. Codicum Italiae partem priorem descripsit Robert E. Carter, S. I. P.: Éditions du CNRS: 1983. 295 p.; T. 6. Codicum civitatis Vaticanae partem priorem descripsit Sever J. Voicu. P.: Éditions du CNRS: 1999. 169 p.
- De La Mare A. Hadwriting of the Italian Humanists. I, 1: Francesco Petrarca, Giovanni Boccaccio, Coluccio Salutati, Niccolò Niccoli, Poggio Bracciolini, Bartolomeo Aragazzi of Montepulciano, Sozomeno of Pistoia, Giorgio Antonio Vespucci. Oxford, 1973. 162 p.
- [Erasmus Roterodamus]. D. Ioannis Chrysostomi Archiepiscopi Constantinopolitani opera, quae hactenus uersa sunt omnia, ad Graecorum codicum collationem multis in locis per utriusque linguae peritos emendata... Basiliae [Basel], in officina Frobeniana, Mense Augusto, Anno M.D.XXX (1530). [T. I–V].
- Fischer B. (ed.) Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem, adiuvantibus Bonifatio Fischer OSB, Ioanne Gribomont OSB, H.F.D. Sparks, W. Thiele, recensuit et brevi apparatu instruxit Robertus Weber O.S.B. 4. verbesserte Auflage. Stuttgart, Wurtebergischen Bibelanstalt: 1994. 1974 p.
- Flechia M. La traduzione di Burgundio Pisano delle omelie di S. Giovanni Crisostomo sopra Matteo // *Aevum*. Anno 26. Fasc. 2 (Marzo-Aprile 1952). P. 113-130.
- Gignac F.T. The text of Acts in Chrysostomos homilies // *Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion*. Vol. XXVI. N.Y., 1970. P. 308-315.
- Harlfinger D. und J., Sicherl M., Sonderkamp, J.A.M. (eds.) Griechische Handschriften und Aldinen. Eine Ausstellung anlässlich der XV. Tagung der Mommsen-Gesellschaft in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel / Die Handschriften ausgewählt und beschrieben von D. Harlfinger in Zusammenarbeit mit J. Harlfinger und J.A.M. Sonderkamp. Die Aldinen ausgewählt und erläutert von M. Sicherl. Braunschweig, 1978. – 161 S.
- Huskens Ch.H. Studies in the History of Mediaeval Science. Harv. Un-ty Press, 1924. 428 p.
- Marcotte D. La *Periegesi* di Dionigi tra Bizanzio e l'Italia nel sec. XII // *Quaderni di storia* 69 (2009). P. 89-101.
- Muckle J.T. Greek Works Translated Directly into Latin before 1350 // *Medieval Studies* 5 (1943). P. 33-42, 102-114.
- Nestle Eb. und Erw., Aland B. und K. (eds.) Novum Testamentum graece, post Eberhard et Erwin Nestle, editioe vicesima septima revisa communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger. 27. revidierte Auflage. 85.-94. Tausend. Nördlingen 2001. – 812 p.
- Piattoli R. Ricerche intorno alla biblioteca dell'umanista Sozomeno // *La Bibliofilia* 36 (1934). P. 261-308.

- Sabatier P.* *Bibliorum Sacrorum Latinae Versiones Antiquae, seu Vetus Italica...* Opera et studio D. *Petri Sabatier*, Ordinis Sancti Benedicti, e Congregatione Sancti Mauri. Tomus Tertius. Remis, M.DCC.XLIII (1743).
- Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. Nuove ricerche col riassunto filologico dei duo volumi. Firenze 1914. – 262 p.
- Savino G.* La libreria di Sozomeno da Pistoia // *Rinascimento*, n. s. II, 16 (1976). P. 159-172.
- Smother E. R.* Toward a critical text of the Homilies on Acts of St. John Chrysostom // *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*. Bd. 63. Berlin, 1957. (= *Studia patristica*. 1.). S. 53-57.
- Stinger Ch. L.* Humanism and the Church Fathers: Ambrogio Traversari (1386–1439) and Christian Antiquity in the Italian Renaissance. N.Y. 1977. – 347 p.
- Ullman B.L.; Stadler P.A.* The public library of Renaissance Florence: Niccolò Niccoli, Cosimo de' Medici, and the library of San Marco. Padova 1972. – 368 p.
- Wilson N.G.* A Mysterious Byzantine Scriptorium. Ioannikios and his Colleagues // *Scrittura e Civiltà* 7 (1983). P. 161-176.
- Wuillem-Diem G.* La liste des oeuvres d'Hippocrate dans le Vindobonensis phil. gr. 100: un autographe de Guillaume de Moerbeke, in: *Guillame de Moerbeke. Recueil d'études à l'occasion du 700e anniversaire de sa mort (1286)*, éd. par *J. Brams* et *W. Vanhamel*, Leuven, 1989. P. 135-184.
- Migne J.-P.* (ed.) *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca (PG)*. T. 60 (S. Chrysostomus 9). Paris 1859. 391 p.; T. 103. Paris 1860. 793 p.
- Zaccagnini G.* (ed.) *Sozomeni Pistoriensis Presbyteri Chronicon Universale [aa. 1411–1455]*, a cura di *Guido Zaccagnini (Rerum Italicarum Scriptores, Raccolta degli storici italiani. Nuova edizione riveduta ampliata e corretta, 16/1)*. Città di Castello, Lapi, 1908. 72 p.
- Idem* (ed.). *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina (PL)*. T. 70. Paris 1847. 544 p.
- Gukovskii, M.A.* *Ital'yanskoe Vozrozhdenie*. T. 2. L., 1961. 256 s.
- Metsger, Bryus M.* *Tekstologiya Novogo zaveta. Rukopisnaya traditsiya, vzniknovenie iskazhenii i rekonstruktsiya originala*. M., 1996. 326 s.

Карначев Александр Евгеньевич, младший научный сотрудник Отдела рукописей Библиотеки РАН; karnachov72@mail.ru

On the sources of the hellenism of the Quattrocento: a Latin glossa of the Sermons on the Scripture by St. John Chrysostom

An article dedicated to the survey of the Greek studies of one of the early Italian hellenists, canon Zomino da Pistoia (1387–1458), represents a philological analysis of the Latin glosses left by this scribe in the 11th century copy of the “Sermons on Acts” by St. John Chrysostom, Ms. *BAN, RAIC No. 112*. The nature of glosses points to their likely origin in the training process, and moves their date to the second decade of the 15th century. Moreover, a good deal of attention is paid to the history of St. John’s works in the Latin West, “Sermons on Acts” being among the most neglected of them.

Keywords: Russian Archaeological Institute in Constantinople, RAIC, manuscript, Acts of the Holy Apostles, Greek palaeography, Latin palaeography, glosses, interlinear translation, hellinism, Quattrocento, Zomino da Pistoia.

Alexander Karnachev, research fellow of the RASL Manuscript department, karnachov72@mail.ru

В. В. ИЩЕНКО, С. О. КАЗАКОВ

АРМИН МОЛЕР ПОРТРЕТ ПРАВОКОНСЕРВАТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Статья посвящена жизни и творчеству известного правоконсервативного швейцарско-немецкого публициста и мыслителя Армина Молера (1920–2003), сыгравшего важную роль в изучении и продвижении европейских феноменов «консервативной революции» и «новых правых» в XX веке.

Ключевые слова: «консервативная революция», консерватизм, «новые правые», «Критикон», фашизм, национал-социализм.

Швейцарско-немецкого мыслителя и правоконсервативного идеолога Армина Молера (1920–2003) можно назвать одновременно и хроникером, и участником правоконсервативного движения в Германии, хотя его духовное влияние не имело географических границ. Родившийся в Базеле, всю жизнь проживший в ФРГ, он был некоторое время корреспондентом в Париже, в последующем продвигая «правую идею» и во Франции. Его почти 60-летний творческий путь интересен одновременно своими поворотами и верностью исходным принципам, усвоенным в годы Второй мировой войны.

Как и некоторые современные консервативные авторы Молер начал свои искания в конце 1930-х гг. с левых и антивоенных позиций, даже сказав про себя позже: «Я сам был салонным коммунистом». Возможно по этой причине, он готов был впоследствии признать за представителем левого лагеря право на переход в правый: «Только бывший левый может стать настоящим правым»¹. И это правило сработало в отношении его самого. Под влиянием прочитанных работ немецких мыслителей, прежде всего, «Заката Европы» О. Шпенглера и «Рабочего» Э. Юнгера, он резко изменил свои взгляды, что привело к довольно авантюрным событиям в его жизни. Состоя на военной службе в Швейцарии, Молер после нападения Германии на СССР в начале 1942 года отправился через немецкую границу для того, чтобы вступить в «Ваффен СС», движимый желанием «помочь немцам победить в войне»². Однако те сочли его за «неблагонадежного» и вместо войны на Восточном фронте Молеру досталась учеба в течение нескольких месяцев в Берлине, где он изучал историю искусств. По возвращению в том же

---

¹ Mohler. 1974. S. 61.

² Morat. 2007. S. 423.

году на родину, он был осужден на полгода, однако, вскоре продолжил обучение философии и истории искусств в родном Базеле. Там Молер сблизился с выдающимся немецко-швейцарским философом и исследователем религий еврейского происхождения Якобом Таубесом (1923–1987), который так охарактеризовал почву их отношений: «Он был радикально правым, я был радикально левым».

Именно в Базельском университете в июне 1949 года под руководством Германа Шмаленбаха и Карла Ясперса Армин Молер защитил докторскую диссертацию на тему: «Консервативная революция в Германии 1918–1932», которую смело можно назвать его главным трудом, определившим мировоззрение и будущее начинающего мыслителя. Книга пережила несколько изданий (1950, 1972, 2005) и до сих пор считается архетипическим трудом по истории и структуре «консервативной революции» в Веймарской республике. В ней Молер классифицировал разнонаправленные течения в рамках одного духовно-идеологического феномена, он первым по-настоящему представил в самом широком плане всю его сложность и масштаб³, не ограничиваясь отдельными аспектами, провел подробный анализ проблематики и тематики творчества его участников, определил суть «консервативной революции», как отката к истокам, как революции, возвращающей к раннему состоянию⁴, сравнил ее с кровопусканием, и подразумевая под ней «удаление мешающих жизни наростов»⁵. И поскольку автор труда разделял большую часть взглядов исследуемого им наследия, то он не стремился к тому, чтобы «обелить» или скрыть какие-то моменты в воззрениях изучаемых персон.

По мнению Молера, не следует смешивать сторонников реставрации, реакционеров и «консервативных революционеров» равным образом ведущих борьбу с наследием Французской революции. К «консервативной революции» можно отнести лишь тех, кто «атакует основы прогресса, однако, не хочет при этом восстановить некий «старый режим»⁶. Исследователь уверен, что «в «консервативной революции» живет воля к насильственному изменению существующего положения, которая оправдывает использование слова «революционный»⁷. Тем самым, он подчеркивает смысл понятия, который состоит в смычке ультрапрошлого и будущего, в стремлении преодолеть настоящее.

---

³ Рахимир. 1973. С. 417.

⁴ Mohler. 1972. S. 117.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. S. 11.

⁷ Ibid. S. 117.

При этом важнейшим посылом для формирования взглядов Молера был обосновываемый им в работе континуитет явления, позволяющий вопреки хронологическим границам исследования, находить черты «консервативной революции», преодолевающей «развалины 19 века», и в «эпохе Гете», и видеть ее проявления в наше время⁸. По Молеру, в пространственном плане ее духовная величина не только выходит за рамки Германии, но распространяется и на неевропейские страны. «Она охватывает все области жизни, хотя мы здесь и выделяем ее выражение лишь в одной области политической мысли», — полагает Молер. Для него «консервативная революция» — это «духовное движение обновления», продолжающее свое развитие «различными путями и сегодня»⁹. Такого рода позиция существенным образом сказалась на воззрениях Молера и дальнейшем ходе его жизни, несмотря на то, что в ней просматриваются черты не совсем близкого автору традиционалистского консерватизма с его верностью традиции и преемственности.

В работе Молер не снимает ответственности «консервативной революции» за связь с национал-социализмом, который идейно вооружался за ее счет, что заставляет воспринимать нацизм как практическое воплощение ее идей¹⁰. Однако, на его взгляд, «консервативная революция» и национал-социализм все-таки не одно и то же, каждая из линий имеет собственную жизнь и законы, а разграничительная линия между ними «прочерчена кровью»¹¹. Он подчеркивает, что «консервативная революция» «не впадала в русло национал-социализма», и нацизм противостоял ей как победоносная массовая партия — духовному движению¹².

Одной из ключевых фигур группового и персонального исследования «консервативной революции» был крупный немецкий мыслитель XX в. Эрнст Юнгер (1895–1998). Его ранними работами Молер восхищался в завязавшейся между ними переписке и своих публикациях в швейцарском еженедельнике «Мир за неделю» (“Weltwoche”). Он неоднократно выражал мнение о значимости юнгеровского труда «Рабочий» (1932) как ключевого произведения мыслителя, и позднее сам признавал, что ни об одном авторе не писал так много, как о Юнгере¹³. По приглашению писателя начинающий праворадикальный публицист стал его секретарем и пробыл в этом статусе с 1949 по 1953 гг. Трудно пере-

---

⁸ Ibid. S. XXVIII.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Рахимур. 2004. С. 22.

¹¹ Mohler. 1972. S. XXVIII.

¹² Рахимур. 1973. С. 417.

¹³ Mohler. 1974. S. 247.

оценить значение этого общения, приведшего к весьма противоречивым отношениям. С одной стороны, Молер до конца своей жизни был одним из самых внимательных знатоков и поклонников раннего юнгеровского творчества, посвящал ему различные публикации и работы, личного и исследовательского характера¹⁴. С другой стороны, во время его работы в качестве секретаря обнаружились идеологические противоречия с Юнгером, о чем Молер уже в 1950 г. написал другому выдающемуся представителю исследования о «консервативной революции», немецкому правоведа Карлу Шмитту (1888–1985)¹⁵. По одной из версий, именно общение с ним послужило поводом для того, чтобы Молер был объявлен «персоной нон грата» Гретой Юнгер, супругой писателя, которая обвинила его во лжи, когда Молер поведал о некоторых подробностях оценок Шмиттом Эрнста Юнгера¹⁶. К этому времени отношения между «патриархами» находились в состоянии напряжения из-за прошлого правоведа и растущего литературного признания Юнгера в ФРГ (впоследствии различия для себя между двумя выдающимися мыслителями Молер охарактеризует так: Шмитт был «учитель», а Юнгер – «идол»¹⁷).

Однако, все же следует сказать, что описанный выше повод скорее был следствием более глубоких расхождений между «разочарованным» почитателем и меняющимся писателем. Корень конфликта был в юнгеровской страсти к переписываниям своих работ и откату мыслителя от прежних праворадикальных позиций, что никак не мог принять Молер, которого «раздражали» отличающиеся от ранних работ послевоенные труды Юнгера, такие как: «Мир» (1944), «Гелиополис» (1949), «О линии» (1950), «Лесной путь» (1951)¹⁸. Еще в 1947 г., в статье о брате мыслителя – философе и поэте Фридрихе Георге Юнгере (1898–1977) он выразил обеспокоенность появившимися сообщениями о том, что Эрнст Юнгер планирует изменить «Рабочего», вывести из него все «революционные элементы и взамен динамики бесконечного движения стремится подчеркнуть статику неизменного покоя»¹⁹. Тогда Юнгер заверил Молера в беспочвенности этих слухов. Однако, последующая редактура первого полного собрания сочинений Эрнста Юнгера в начале 60-х гг. и признание со стороны официальных властей вызвали бурную реакцию бывшего помощника. Молер остался верным принципам «консервативной рево-

¹⁴ Mohler. 1955; Mohler. 1991; Mohler. 1999.

¹⁵ Morat. Op. cit. S. 425.

¹⁶ Kiesel. 2007. S. 584.

¹⁷ Weißmann. 2008. S. 14.

¹⁸ Ibid. S. 12.

¹⁹ Morat. Op. cit. S. 429.

люции» и считал ФРГ «оккупационной демократией»²⁰. Он полагал, что Юнгер своими исправлениями подстраивается под политический режим и «деисторизирует свои ранние работы», лишает их аутентичности эпохи²¹. В еженедельнике «Христианство и мир» бывший секретарь высказался еще более резко, по сути, обвинив Юнгера в конъюнктурности. Молер даже выводит в связи с этим особый «осмотический тип писателя», который в отличие от ранних работ, в которых он проявлял себя как «поэт действия», писавший под «диктат» времени, теперь «подстраивается под требования демократии». «Несчастье» осмотического писателя заключается в его стремлении «выйти из течения времени и пристать к тихому берегу»²². В связи с этим, ключевым признаком эволюции Юнгера от «Рабочего» до его работы «У стены времени» (1959) Молер находит «снижение значимости»²³. В 1961 г. в письме литературоведу Лизелотт Лорер, будущей супруге Юнгера, с которой тот сочетался браком в 1962 г., Молер ставит вопрос: «Не приуменьшает ли это постфактум значение пути Юнгера, воспринимавшегося нами как судьбоносного?»²⁴

Правый радикал не желал встраиваться в либерально-консервативный консенсус новой немецкой республики, тем самым проецируя на себя роль своих кумиров 20-х гг. По мнению Д. Мората, Молер стремится к возвращению «революционного консерватизма» 20-х гг., надеясь на новый разрыв и считая, что под давлением всеобщего краха 1945 года консерватизм нуждается в такой же «встряске», способной помочь преодолеть его болезненное состояние²⁵. Для него, вероятно, ФРГ была «новым Веймаром». Только в 1980-е гг. Молер и Юнгер обменялись дружественными письмами, сгладившими прежнюю напряженность.

После ухода от Юнгера Молер с лета 1953 г. по 1961 г. работал в Париже в качестве корреспондента швейцарской ежедневной газеты «Дело» (“Die Tat”) совмещая эту работу в 1955–1960 гг. с сотрудничеством с гамбургским еженедельником «Время» (“Die Zeit”)²⁶. В 1961 г. он вернулся в Германию, где продолжил свою публицистическую деятельность, ставшую для него основным способом донесения своей позиции. В 60-е гг. Молер пишет для религиозного еженедельника «Христианство и мир», с 1964 г. сотрудничает с газетой «Мир» (“Die Welt”),

---

²⁰ Schwilk. 2007. S. 492.

²¹ Ibid. S. 482.

²² Morat. Op. cit. S. 435.

²³ Ibid. S. 434.

²⁴ Schwilk. Op. cit. S. 492.

²⁵ Morat. Op. cit. S. 437.

²⁶ Ibid. S. 425.

участвует в неудавшемся проекте создания консервативного журнала, инициированным влиятельным немецким издателем Акселем Шпрингером, пишет несколько статей в «Немецкую национальную газету», бывшую рупором праворадикальной партии «Немецкий народный союз» Герхарда Фрая, публикуется в еженедельнике «Юная свобода» (“Junge Freiheit”), охватывая, таким образом, почти весь спектр консервативных изданий в ФРГ. Но, наверное, самым известным и самым существенным было влияние Молера на формирование правоконсервативного журнала «Критикон» (“Criticon”), в становлении которого он принимал участие с первого номера, и чья сфера интересов не ограничивалась только политическими темами или актуальной информацией.

Первый номер «Критикона» увидел свет в 1970 г. Его создателем и, фактически, единственным главным редактором за более чем 30-летний период был публицист ярко выраженного правоконсервативного направления Каспар фон Шренк-Нотцинг²⁷, быстро набиравший в те годы известность, которого популярная немецкая газета “Frankfurter Allgemeine Zeitung” назвала в 2007 г. «легендой консерватизма в ФРГ»²⁸. Ближайшим сподвижником Шренка-Нотцинга по продвижению журнала на «интеллектуальном рынке» ФРГ стал его давний единомышленник Молер.

Журнал не случайно стартовал в 1970 г. Бурные события конца 60-х с участием европейской молодёжи, увлекаемой ультралевыми идеями, наглядно демонстрировали потерю консервативными кругами былого влияния. Интеллектуалы-консерваторы выглядели гораздо менее убедительно, чем «новые левые». Отцы-основатели «Критикона» пытались внушить читателям, что в условиях резкой активизации в Европе левых идей и выступлений леворадикальной студенческой молодёжи «старый» консерватизм, подпитываемый исключительно ностальгическими обращениями к прошлому, уже не в состоянии достойно противостоять новой угрозе, и на авансцену должен выйти активный, наступательный «боевой» консерватизм (“kämpferischer” Konservatismus), способный активно воспрепятствовать общеевропейскому дрейфу влево. В этом «боевом консерватизме» по многим параметрам легко угадывался набор ценностей, присущих «консервативной революции».

---

²⁷ Шренк-Нотцинг придумал для журнала название, позаимствовав его у известного средневекового испанского литератора и философствующего иезуита Балтасара Грациана, который в первой половине XVII в. сочинил трилогию под общим названием “El Criticon”. Для себя Шренк-Нотцинг избрал псевдоним “Critilo”, т.е. «критический разум», по имени одного из главных героев романа. Этим именем он подписывал редакторские колонки, которыми открывался каждый выпуск журнала.

²⁸ Jäger. 2007. S. 36.

Для реализации «Критиконом» своих стратегических задач Шренк-Нотцинг не мог не оценить потенциал Молера, как одного из лучших в ФРГ знатоков и сторонников идей «консервативной революции», и предоставил ему в журнале поистине неограниченные возможности для самовыражения. Молер, можно сказать, был «визитной карточкой» журнала, и во многом определял его лицо. Только с 1970 по 1989 гг. в 96-ти вышедших за это время журнальных книжках можно найти 104 его статьи, заметки, рецензии. В эти годы чаще публиковался только сам Шренк-Нотцинг – 155 публикаций, и это притом, что он в каждом номере вёл редакторскую колонку. Для сравнения: видный западногерманский теоретик нового консерватизма и публицист Г.-К. Кальтенбруннер за этот период имел в «Критиконе» всего 24 публикации. «Критикон» всегда был признателен Молеру за его роль в становлении издания и не оставлял без внимания его юбилейные даты²⁹.

Доминантой почти всех критиконовских публикаций Армина Молера – о чём бы он не писал: о политике, эстетике, живописи или литературе – является непримиримый антилиберализм. «В условиях либерализма люди погибнут», – этот ведущий постулат Мёллера ван ден Брука стал определяющим в молеровском мировоззрении и творчестве³⁰. Причём, по мнению натурализовавшегося в Германии швейцарского политического философа, «явно недостаточно выбросить за борт только идеологию либерализма, сохранив его институты». Необходимо уничтожить все специфические либеральные общественные структуры, которые способствовали формированию прослойки людей, именующих себя представителями общества, а на деле потерявших всякую связь с народом. Консенсус с либералами невозможен, утверждает Молер, ибо они всегда «тащат за собой заразу и не поддаются исправлению»³¹.

В то же время для «перебежчиков» из крайнего левого лагеря можно всегда держать дверь в консерватизм открытой. Не случайно в портретной галерее «Критикона»³² заметное место занял принадлежащий перу Молера политический портрет Ж. Сореля, известного французско-го философа, проделавшего путь от преклонения перед Марксом и Ле-

---

²⁹ Kubitschek. 2000.

³⁰ Mohler A. Criticon. 1974. S. 24.

³¹ Ibidem.

³² Журнал в каждом номере публиковал политические портреты наиболее видных мыслителей, политических и общественных деятелей, которые редакция считала знаковыми фигурами для консерватизма. По выбору «фигуранта» для этой рубрики можно было судить об оттенках в направлении идейно-политического вектора руководства журнала в тот или иной период.

ниным до восхищения Моррасом и Муссолини. Идеологи итальянского фашизма в свою очередь тоже немало почерпнули из «Размышлений о насилии» Сореля. Молер представил Сореля в «Критиконе» как «результат скрещивания революционера с реакционером гигантского масштаба», как непреклонного, безжалостного и последовательного антилиберального мыслителя, какого только могли породить XIX и XX вв.³³

Сильное раздражение вызывали у него интеллектуалы, способствующие духовной работе немцев по преодолению последствий 12-летней диктатуры национал-социалистов (“Vergangenheitsbewältigung”), превратившей, по его мнению, немцев в «насквозь невротический народ». Из-за постоянного покаяния и «посыпания голов пеплом», утверждал Молер, страдали в первую очередь немецкие правые, которые вместо того, чтобы обосновывать и отстаивать консервативные ценности, все усилия направляли на опровержение приписываемого им родства с национал-социализмом³⁴. В качестве образца для немецкого консерватизма Молер хотел бы рекомендовать радикальную французскую «новую правую» (“Nouvelle Droite”), формировавшуюся вокруг Алена де Бенуа и соответствующую лучшим традициям «консервативной революции»³⁵.

Со временем помимо публицистической работы Молер активизируется и в общественно-политической сфере. С 1964 г. он является управляющим директором фонда Карла Фридриха фон Сименса³⁶, занимается преподаванием, участвует в политической жизни в качестве советника и спичрайтера Франца-Йозефа Штрауса, лидера Христианско-Социального Союза (CSU), ведущей политической партии Баварии и даже оказывается удостоенным премии Конрада Аденауэра³⁷.

В 1983 г. он был вовлечен праворадикальным политиком Францем Шонхубером в создание партии Республиканцев (“Die Republikaner”), которая собиралась занять позиции правее ХДС/ХСС, и стал автором ее программного документа, принятого в 1985 г.³⁸ Молера не устраивала позиция «официальных» консерваторов, поэтому он обратил свои взоры еще и на французскую «новую правую», говоря о том, что «для нас слабое утешение, что французским новым правым досталось продолжать «консервативную революцию»³⁹. Приложив немалые усилия, чтобы реа-

³³ Mohler A. 1997. S.200-204.

³⁴ Mohler A. Criticon. 1972. S.151.

³⁵ Mohler A. 1979. S.171-175.

³⁶ Morat. Op. cit. S. 425.

³⁷ Рахимур. 2004. С.18.

³⁸ Jaschke. 1994. S. 113.

³⁹ Рахимур. 2004. С. 23.

лизовать свои идеи во Франции через «новых правых» и их лидера Алена де Бенуа, ставших весьма известными в Германии⁴⁰, Молер входит в патронажный комитет теоретического издания французских правых. О близости их взглядов можно судить по данной А. де Бенуа трактовке консерватизма: «Слову реакция я противопоставляю консерватизм... На мой взгляд, всякий истинный консерватизм является революционным»⁴¹.

С очевидным пиететом относятся к Молеру и представители немецких новых правых. Карлхайнц Вайсман, историк, публицист и соиздатель ряда правоконсервативных журналов, посвятил творчеству Молера несколько больших статей, а в 2011 г. вышла в свет его книга, посвященная политической биографии А. Молера⁴².

Однако, безусловно, «трудом жизни» для Молера все-таки был его творческий вклад, связанный с проработкой идей правоконсервативного течения, понятий фашизма, отношения к нацистскому прошлому, культурными явлениями консерватизма. Именно на 1970–1980-е гг. приходится расцвет правоконсервативного мыслителя, который совпал с кризисными явлениями на Западе и «консервативной волной». По этому поводу Молер сказал, что перед консерваторами «открылись такие возможности, о которых они еще недавно едва ли рискнули бы мечтать»⁴³.

Молеру присущ активный антилиберализм, он не готов принять либерализм ни в как идеологию, ни как институцию, отрицая либерально-консервативный консенсус, и следуя политическому принципу К. Шмитта «друг-враг»⁴⁴. Что касается определения консерватизма, то он скорее видит в нем позицию, а не учение, цитируя консервативного философа веймарской республики Г. Кваббе, который говорил, что консерватизм содержится в крови⁴⁵, тем самым подчеркивая его иррациональную природу. Кроме того, важным признаком подлинного консерватизма для Молера является активизм, способность пойти на решительные действия вопреки идеологическим табу и страху перед радикализмом⁴⁶. В этом смысле Молер готов критиковать и либеральных консерваторов, которые на его взгляд, прежде всего приспособленцы, норовящие идти «удобным путем», который всегда ведет их к «политическому прозябанию»⁴⁷.

---

⁴⁰ *Benoist*. 1985.

⁴¹ *Рахимур*. 2004. С. 23.

⁴² *Weißmann*. 2011.

⁴³ *Рахимур*. 2004. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 19.

⁴⁵ *Mohler*. 1972. S. 128.

⁴⁶ *Рахимур*. 2004. С. 20.

⁴⁷ Там же. С. 88.

В коллективном сборнике под названием «Консервативный интернационал» (“*Konservatismus International*”, 1973) Молер опубликовал статью «Фашистский стиль», продемонстрировав в ней свои незаурядные способности и знание проблематики, умение выйти за рамки политических предпочтений и стереотипов в более широкий консервативный стилистический контекст. Он поставил перед собой цель «сформулировать дифференцированное понятие фашизма (и близких ему феноменов) на основе самих исторических феноменов»⁴⁸. В применении понятий «фашизм», «фашист», «фашистский», на его взгляд, видно конъюнктурное стремление «приклеить ярлык» и существует «языковая неразбериха», поэтому необходимо вернуть этому понятию «осязаемое содержание»⁴⁹. В рамках статьи, не претендуя на всеохватность, он направляет усилия на «выявление особенностей фашистского чувства стиля, выраженного в словах»⁵⁰. Для этого он применяет широкий спектр методик и разграничений, которые позволяют с разных сторон подойти к искомой цели.

Молер отрицает универсальное и вневременное применение понятия «фашизм», а также ограниченное страноведческое, связывающее его только с Италией. Ему близко конкретно-историческое представление Э. Нольте об эпохе фашизма между 1919 и 1945 гг., с точки зрения отказа от доказательств его существования после 1945 г., но с позиции метода он с ним расходится. Если Нольте, на взгляд Молера, представляет фашизм как стиль эпохи, то публицист, пользуясь, «физиогномическим методом» пытается обосновать фашизм как «образ действий, стиль, который пересекаясь с другими, создает стиль времени». Кроме того, Молер не готов распространять понятие «фашизм» на ряд государств и политических движений, которые «насилованно отмежевались от либерального общества или левого радикализма», поскольку в них «фашизм является лишь частью целого, и представлен слабее или сильнее в зависимости от страны и ситуации»⁵¹. Этим выводом обусловлено еще одно типологическое различие: между фашизмом и национал-социализмом, которое первоначально Молер проводит на примере Г. Бенна и Э. Юнгера, четко выражающих духовную позицию, отображающую «новый аристократизм»⁵². Таким образом, для Молера понятие фашизма имеет структурно-временную, но не страноведческую привязку, однако не только это определяет его духовную суть. В основе фашизма заложен стиль. Истоки этого сти-

---

⁴⁸ *Mohler*. 1973. S. 185.

⁴⁹ *Ibid.* S. 172-173.

⁵⁰ *Ibid.* S. 174.

⁵¹ *Ibid.* S. 173.

⁵² *Ibid.* S. 178.

ля – в эстетизме и декадансе, которые противостоят современности, в преодолении идеализма с помощью экзистенциализма, «когда универсальные ключи из прошлого утеряны»⁵³.

Фашизм, по Молеру, это конкретное, выходящее за рамки «краха общих мест» проявление экзистенциализма, как «желания сделать выводы из крушения западных ценностей»⁵⁴. На примере работ Э. Юнгера автор демонстрирует глубокую связь между фашизмом и такими дихотомиями, как разрушение и анархия, форма и стиль. В фашизме, на основе высказываний Г. Бенна, Молер обнаруживает господство стиля над моралью, убеждениями и формы над идеей⁵⁵. По сути, речь идет о господстве художника над всем остальным, искусства – над политикой и властью. Писатели, выражающие этот стиль, доходят, до «магической нулевой точки», но они не отрываются от реальности, ибо, как считает Молер, «формулируют то, что инстинктивно чувствуют многие». Их связь с понятиями юности и смерти, ошибочно пытаются свести к массовому уничтожению, поскольку «смерть для фашиста, это его смерть, а также смерть достойного в его глазах противника», и она связана с понятием «прямого действия»⁵⁶. К фашистскому восприятию относится холодный стиль, стремительность, блеск, великолепие. Фашизму свойственно эстетическое поведение, в котором невозможно руководствоваться абстракциями, и в этом эстетика связана со вкусом⁵⁷. Понятие фашистского стиля здесь скорее духовно-эстетическое, нежели государственно-политическое или идеологическое. Правда, Молер отказывается признавать за фашизмом лишь литературное проявление, считая, что литература является «барометром политической погоды», и не принимает критики в том, что фашизм как политическая структура носит лишь частичный характер романтической стадии «правого тоталитаризма»⁵⁸.

Исходя из этого, Молер обнаруживает «три ветви», определяющие эпоху. Национал-социализм, как одна из них, образуется в сочетании «перегруженного страстями» движения социализма и чрезмерно перегруженного эмоционального содержания понятий «народ», «нация», «раса». Есть более «прохладная зона», «в которой идет сооружение нового здания среди развалин и обломков старого порядка, без фанатизма при трезвой оценке и понимании человеческих слабостей, но с явным эстети-

---

⁵³ Ibid. S. 176.

⁵⁴ Ibid. S. 179.

⁵⁵ Ibid. S. 175.

⁵⁶ Ibid. S. 180.

⁵⁷ Ibid. S. 175-176.

⁵⁸ Ibid. S. 182.

ческим удовлетворением оттого, что функционирует и выполнено правильно»⁵⁹. Это направление Молер называет «этатизмом». И наконец, вышеописанный стиль дает право применять понятие «фашизм». Здесь он, в какой-то мере, отвечая на возможную критику в части чрезмерной абстрактности, пытается сочетать описанное им явление фашизма с типами господства, которые образуются в результате действия различных стилей, тем самым показывая возможность наличия фашистских государств, но, из-за ограниченности материала и необходимости дальнейших разграничений, затрудняясь привести названия стран, где они были осуществлены. Конкретные примеры ему лучше удаются при обозрении писателей, таких как «пропитанный ненавистью» Селин и «эстет» Юнгер. Первый с его точки зрения, национал-социалист, второй – фашист⁶⁰.

Молер оговаривается, что его исследование не является конечной точкой и предполагает необходимость дальнейшего исследования фашизма на основе «инвентаризации явлений», разграничения родственных групп и движений, важнейшими из которых являются: разделение между традиционно правыми и «правым тоталитаризмом», разграничения политических режимов по формам правления и типам власти⁶¹.

В целом, можно сказать, что позиция Молера во многом была продиктована стремлением вывести из-под обвинений в связях с нацизмом большей части тех правоконсервативных мыслителей и деятелей, которые, так или иначе, несли долю ответственности за снабжение идеологической базы НСДАП в первой половине XX в. Вопрос о том, в какой степени ему это удалось, до сих пор остается дискуссионным в спорах между правыми и левыми интеллектуалами. Насколько важной была для него собственная трактовка фашистского стиля, говорит тот факт, что в 1995 г. в интервью «Лейпцигской народной газете» Молер назвал себя «фашистом», хотя на вопрос о том, что такое фашизм, ответил: «Фашизм для меня – это когда разочарованный либерал и разочарованный социалист объединяются, для того чтобы создать что-то новое. Так, возникает то, что называется консервативной революцией»⁶².

В 1974 г. вышла еще одна важная работа Молера под названием «Смотрящие справа» (“Von rechts gesehen”), посвященная крупнейшим фигурам европейского правоконсервативного фронта. В этой работе автор выступает против абсолютизации типов консерватизма, особенно его классической формы, поскольку это «может способствовать удеше-

---

⁵⁹ Ibid. S. 185.

⁶⁰ Ibid. S. 188.

⁶¹ Ibid. S. 186.

⁶² David. 1995. S. 2.

нию всякой соответствующей нашей ситуации, неизбежно иной формы консервативного»⁶³. Молер опасается, что классический, «беркианский» консерватизм, годный лишь для стран с непрерывной традицией, вроде Англии и Швейцарии, понимаемый как единственно возможный, будет вызывать восприятие иных типов консерватизма как форму «реакции, диктатуры, фашизма»⁶⁴. В этом смысле автор выступает сторонником разнообразия и адекватности консервативных форм, применимых к разным странам, и отрицает универсальную модель консерватизма.

В последние годы жизни Молер, по состоянию здоровья, отошел от активной публицистической и общественной деятельности, но продолжал являться символом непримиримого правоконсервативного стиля, который был своеобразным индикатором самочувствия ФРГ на протяжении всего ее существования. Он уже сам становится фигурой притяжения европейского правого фронта. В 90-е гг. он дает интервью, в которых по-прежнему демонстрирует верность принципам «консервативной революции», столь глубоко и надолго ставшими его собственными.

Выступая в течение длительного времени в качестве идеолога «новых правых» с экстремистско-консервативных позиций, Молер иногда отходит от них в сторону умеренно-консервативного стиля мышления, когда принимается за анализ общественно-политических явлений, как, например, в случае с определением сущности национал-социализма или фашизма, придерживаясь необходимости всестороннего и конкретного метода изучения явлений, свободного от жестких деклараций. И, напротив, при столкновении с реальностью, политической практикой в ФРГ, А. Молер превращается в непримиримого сторонника «перманентной революции», «борьбы ради борьбы», стилистически напоминающей противоборство «консервативных революционеров» с Веймарской республикой. Возможно, такое сочетание глубокого интеллектуала-аналитика и идеолога «новых правых» и является особым молеровским стилем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. Пермь: ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2004. 338 с.
- Рахшмир П. Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории. М.: «Наука», 1973. С. 409-431.
- Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci u. d. Nouvelle Droite. Vorwort von Armin Mohler. Krefeld: SINUS-Verlag, 1985. - 156 S.
- David F. «Ich bin ein Faschist». Interview mit Armin Mohler // Leipziger Volkszeitung, 25 November 1995. S. 2.

---

⁶³ Mohler. 1974. S. 20.

⁶⁴ Ibidem.

- Jäger L.C. Wie Konservativ // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23 Juni 2007. S. 36.
- Jaschke. H.-G. Die Republikaner. Profile einer Rechtsaußen-Partei. Bonn: Dietz Verlag, 1994. 175 S.
- Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Siedler Verlag, 2007. 717 S.
- Kubitschek G. Autorenporträt Armin Mohler // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, Sommer, 2000. S. 42-44.
- Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. 554 S.
- Mohler A. Brief an einen italienischen Freund. Die deutsche Rechte seit 1946 // Criticon. 1972. № 12. S. 151-154.
- Mohler A. Die Kerenskis der Kulturrevolution // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1974. № 21. S. 23-25.
- Mohler A. Ravensburger Tagebuch. Meine Zeit bei Ernst Jünger 1949/1950. Wien und Leipzig: Karolinger, 1999. 111 S.
- Mohler A. Die Schleife. Dokumente zum Weg von E. Jünger. Zurich: Verlag der Arche, 1955. 154 S.
- Mohler A. Ernst Jünger und Karl Schmitt//Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, Nov/Dez. 1991, Nr. 128. S. 294-298.
- Mohler A. Der faschistische Stil//Konservatismus International / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 172-198.
- Mohler A. Von rechts gesehen. Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. 343 S.
- Mohler A. Georges Sorel // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1997. № 156. S. 200-204.
- Mohler A. Friedrich Georg Jünger // Criticon, Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, März-April 1978, № 46. S. 60-63.
- Mohler A. "Nouvelle Droite" in Frankreich // Criticon, Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1979. № 54. S. 171-175.
- Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger. Göttingen: Wallstein Verlag, 2007. 592 S.
- Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie. München: Piper Verlag, 2007. 623 S.
- Weißmann K. Jünger und Mohler // Sezession-22. Februar, 2008. S. 10-14. URL: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008>.
- Weißmann K. Armin Mohler. Eine politische Biographie. Schnellroda: Edition Antaios, 2011. 320 S.

REFERENCES

- Rakhshmir P.Yu. Variatsii na temu konservatizma. Perm': PGU, PSI, PSSGK, 2004. 338 s.
- Rakhshmir P.Yu. Problema vzaimosvyazi natsizma i «revolyutsionnogo konservatizma» v burzhuaznoi istoriografii // Ezhegodnik germanskoi istorii. M.: Nauka, 1973. S. 409-431.
- Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci u. d. Nouvelle Droite. Vorwort von Armin Mohler. Krefeld: SINUS-Verlag, 1985. 156 S.
- David F. «Ich bin ein Faschist». Interview mit Armin Mohler // Leipziger Volkszeitung, 25 November 1995. S. 2.
- Jäger L.C. Wie Konservativ // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23 Juni 2007. S. 36.
- Jaschke H.G. Die Republikaner. Profile einer Rechtsaußen-Partei. Bonn: Dietz Verlag, 1994. 175 S.
- Kubitschek G. Autorenporträt Armin Mohler // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, Sommer, 2000. S. 42-44.

- Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Siedler Verlag, 2007. 717 S.
- Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. 554 S.
- Mohler A. Brief an einen italienischen Freund. Die deutsche Rechte seit 1946 // Criticon. 1972. № 12. S. 151-154.
- Mohler A. Die Kerenskis der Kulturrevolution // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1974. № 21. S. 23-25.
- Mohler A. Ravensburger Tagebuch. Meine Zeit bei Ernst Jünger 1949/1950. Wien und Leipzig: Karolinger, 1999. 111 S.
- Mohler A. Die Schleife. Dokumente zum Weg von E. Jünger. Zurich: Verlag der Arche, 1955. 154 S.
- Mohler A. Ernst Jünger und Karl Schmitt // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, Nov/Dez. 1991, Nr. 128. S. 294-298.
- Mohler A. Der faschistische Stil//Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 172-198.
- Mohler A. Von rechts gesehen. Stuttgart: Seewald Verlag, 1974. 343 S.
- Mohler A. Georges Sorel // Criticon. Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1997. № 156. S. 200-204.
- Mohler A. Friedrich Georg Jünger//Criticon, Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, März-April 1978. № 46. S. 60-63.
- Mohler A. "Nouvelle Droite" in Frankreich // Criticon, Konservativ Heute. München: Criticon Verlag, 1979. № 54. S. 171-175.
- Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger. Göttingen: Wallstein Verlag, 2007. 592 S.
- Schwilik H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie. München: Piper Verlag, 2007. 623 S.
- Weißmann K. Jünger und Mohler // Sezession-22. Februar, 2008. S. 10-14. URL: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008>.
- Weißmann K. Armin Mohler. Eine politische Biographie. Schnellroda: Edition Antaios, 2011. 320 S.

Ищенко Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН; vikist@rambler.ru

Казakov Сергей Оганович, кандидат исторических наук, главный редактор издания "ПФП-газета"; teodor730@gmail.com

Armin Mohler: a portrait of a right-wing conservative intellectual

The article is dedicated to the life and works of a well-known right-wing Swiss and German journalist and writer Armin Mohler (1920–2003), who was influential in studying and promoting the phenomena of the 'Conservative Revolution' and the 'New Right' in the 20th century.

Keywords: 'Conservative Revolution', conservatism, 'New Right', 'Kritikon', fascism, national-socialism.

Viktor Istchenko, PhD in history, deputy-director, Institute of World History, RAS; vikist@rambler.ru

Sergey Kazakov, PhD in history, editor-in-chief, 'PFP-Gazeta'; teodor730@gmail.com

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. Н. ГАЛЯМИЧЕВ

ЯН ГУС В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ¹

Задача статьи – проследить, каким образом и под влиянием каких факторов изменялось восприятие жизни, деятельности и наследия Яна Гуса в странах Европы на протяжении шести столетий после его трагической гибели 6 июля 1415 г.: в эпохи Возрождения, Реформации, Контрреформации, Просвещения, романтизма. Особое внимание уделяется освещению восприятия наследия Гуса в чешской исторической и общественной мысли XIX – начала XXI в.

Ключевые слова: *Ян Гус, память, гуситское наследие, историческая мысль Европы.*

---

6 июля 2015 г. исполнилось 600 лет со дня трагической гибели Яна Гуса, что заставляет обратиться к осмыслению феномена этой во многих отношениях уникальной исторической личности.

Несомненно, что Ян Гус принадлежит к числу самых известных личностей во всемирной истории. Едва ли в нашей стране найдётся сегодня человек, которому бы осталось неизвестным это имя. Каждый из нас знакомится с ним в школьные годы, и это определяет основные черты его образа: трудно в юношеском возрасте не проникнуться уважением к мужественному борцу за правду, который не отступился от своих убеждений, находясь перед угрозой мучительной смерти, и встретил её с достоинством, поразившим всех очевидцев жестокой расправы.

Отцы Констанцского собора, принимая решение о сожжении Гуса на инквизиционном костре, надеялись, что вместе с пеплом, сброшенным с места казни в воды Рейна, уйдёт в небытие память о непокорном еретике из славянской страны. Хронист Лаврентий из Бржезовой писал: «После его сожжения, чтобы не сохранилось на земле никаких от него останков, даже самый прах его брошен был для унижения богемцев в поток Рейна, протекающего там невдалеке»².

Однако история распорядилась иначе. Молва о Констанцском костре достигла не только Чехии, где вызвала взрыв негодования, но разошлась по всем странам Европы, и даже там, куда прежде не доходили

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на научно-методологическом семинаре Саратовского отделения Общества интеллектуальной истории, который состоялся 21 мая 2015 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

² Лаврентий из Бржезовой. 1962. С. 34.

сообщения о его смелых выступлениях против злоупотреблений и пороков церкви, имя Гуса приобрело известность.

С тех пор образ Гуса живёт самостоятельной жизнью, обретая в глазах новых поколений новые грани. Для чешских гуситов он был святым, вера в правоту которого помогла им выстоять в самые отчаянные моменты пятнадцатилетнего противостояния маленькой страны объединённым силам феодально-католической Европы. Лаврентий из Бржезовой писал: «В 7-й день месяца июня, а это был 6-й день недели после дня св. Бонифация, в 11 часов совершенно затмилось солнце, так что нельзя было совершать богослужение без свечей. Это был знак того, что затуманилось солнце правды – Христос – в сердцах многих прелатов, злопыхавших против магистра Иоанна Гуса, вскоре после этого осуждённого собором на умерщвление»³.

Многие итальянские и немецкие гуманисты XV века не разделяли мнения гуситов о святости магистра Яна Гуса, оставаясь в лоне католической церкви, однако не могли не восхищаться мужеством чешского мыслителя, силой его духа. Например, итальянский писатель-гуманист Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий II), автор «Истории Богемии», писал о том, что Гус шёл на костёр, как на пир, и принял смерть с большей смелостью, чем древние философы⁴. Немецкий поэт-гуманист Конрад Цельтис, посетив Прагу, обращался к римскому папе с вопросом:

Заживо слёзною жертвой в огне ты сгораешь, и душу
Церберу-псу отдают, чтобы её он пожрал.
Храмы богемцев, однако, блистая величием, славят
Подвиг что ты совершил, Богу вверяя тебя.
Всё это мне объясни, чтобы правду узнал наконец я,
Ты, святейший отец, курии Римской глава⁵.

Таким образом, уже в первые десятилетия после гибели Гуса осознание незаурядности его личности и места в истории стало выходить за рамки Чехии и его непосредственных последователей в вопросах вероучения.

Мощный импульс интересу к наследию Гуса за пределами Чехии дали события Реформации в Германии – той стране, где события гуситского движения оставило глубокий и далеко не всегда светлый след. Гуситская эпоха обернулась для немецких земель тяжёлыми военными поражениями и опустошениями, которые сопровождали заграничные походы гуситов: последние предпринимались не только для пропаганды гуситского учения, но и с целью насильственного умиротворения

³ Там же. С. 32.

⁴ Шафф 2009. С. 251.

⁵ Конрад Цельтис. 1990. С. 257-258.

немецких князей – участников крестовых походов против гуситов, а также ради захвата военной добычи.

Определяющее влияние на характер восприятия наследия Гуса в Германии имел знаменитый Лейпцигский диспут 1519 г., в котором искусный полемист, сторонник официальной церкви магистр Иоганн Экк пытался доказать ошибочность богословских взглядов приобретающего всё большую известность, смелость и решительность Мартина Лютера.

Разрабатывая план действий, Экк, по своему обыкновению, заранее расставил для оппонента логическую ловушку: показав сходство высказываний Лютера со взглядами осуждённого столетием ранее Констанцским собором Яна Гуса, он надеялся заставить Лютера признать себя побеждённым. Однако испытанный тактический приём не принёс на этот раз ожидаемого эффекта. Напротив, он способствовал ещё более чёткому, чем прежде, оформлению реформационного учения Лютера. Он решительно заявил: «Среди утверждений Иоанна Гуса и гуситов есть много подлинно христианских и евангельских, которые вселенская церковь не может подвергать проклятию»⁶. В дальнейшем Лютер занялся специальным изучением трудов Гуса и пришёл к выводу о том, что «мы все гуситы, не зная этого. Павел и Августин также гуситы»⁷.

Прямые параллели между судьбами Гуса и Лютера, объявленного Вормским рейхстагом 1521 года вне закона и нашедшим убежище в уединённом замке саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, где он занялся переводом Библии на немецкий язык, способствовали появлению знаменитой легенды о пророческих словах Яна Гуса, будто бы произнесённых им на Констанцском костре своим палачам: «Сегодня вы жарите гуся, но ровно через сто лет с севера прилетит прекрасный лебедь, справиться с которым вам будет не под силу».

Важная роль в утверждении почитания Гуса немецкими протестантами принадлежит видному деятелю Реформации Иоганну Агриколе, сопровождавшему Лютера на Лейпцигский диспут. По предложению Лютера он в 1537 г. перевёл с чешского языка четыре письма Гуса и написал «Изыскание о Яне Гусе», а в 1538 г. – пятиактную драму «Трагедия Яна Гуса»⁸. Образ Гуса как предшественника Лютера был запечатлён во многих трудах историков-протестантов; из них наиболее известны работы знаменитого Матвея Власича, главного создателя «Магдебургских центурий», и Павла Странского – историка и публициста Общины чеш-

---

⁶ Соловьёв 1984. С. 143.

⁷ Цит. по: Аугамбаев 1997. С. 74.

⁸ См.: Там же. С. 77-78.

ских братьев⁹, представители которой (в том числе епископ общины Ян Амос Коменский) занимали видное место в интеллектуальной жизни протестантской Европы времён Тридцатилетней войны.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. стали временем некоторого угасания интереса к личности и деятельности Яна Гуса в странах Европы. Главной причиной были успехи Контрреформации, в особенности – наступление т.н. «эпохи тьмы» в чешской истории. «Эпохой тьмы» принято называть время, наступившее вслед за подавлением восстания чешских сословий 1618–1620 гг. Оно было отмечено суровыми гонениями на чешских протестантов, заставившими одних из них навсегда покинуть родину, других – вернуться в католичество. «Эпоха тьмы» была временем, когда римско-католическая церковь и Габсбурги ставили перед собой задачу не только искоренить дух религиозного свободомыслия в чешских землях, но и уничтожить сам чешский язык как носитель гуситской ереси: все книги на чешском языке, как печатные, так и рукописные подлежали уничтожению. Над решением этой задачи особенно усердно работали члены ордена иезуитов, и весьма преуспели в этом деле. Самый знаменитый из них, Антонин Кониаш, по его собственным словам, сжёг 30 тысяч книг, из них не менее половины — на чешском языке¹⁰.

Возрождение интереса к наследию Яна Гуса было связано с эпохой Просвещения, когда в странах Европы, в т.ч. католической, прежде всего во Франции, формировался новый взгляд на всемирную историю, свободный от конфессиональной ограниченности и религиозной нетерпимости. Имя Яна Гуса находит себе место в ряду выдающихся поборников освобождения разума, сеятелей Просвещения на страницах «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера¹¹, «Очерка истории развития человеческого разума» Ж.А. Кондорсе¹², историко-философского труда немецкого

---

⁹ См.: Косминский 1963. С. 99; Stránský 1634.

¹⁰ История Чехии 1947. С.

¹¹ В энциклопедии говорится о кальвинистском женеvском духовенстве, что в ответ на обвинения Кальвина в жестокой казни Сервета за инакомыслие «они вовсе его не защищают, считая, что Кальвин поступил очень дурно, и довольствуются (если беседуют с католиком) сопоставлением казни Сервета с ужасной Варфоломеевской ночью, которую всякий честный француз хотел бы ценой своей крови стереть из нашей истории, и с казнью Яна Гуса, которую даже католики, как они говорят, не берутся больше оправдывать, ибо там было произведено насилие равно над человечностью и над доверием, и она должна покрыть вечным позором память императора Сигизмунда» (История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. 1978. С. 232).

¹² Говоря о великом значении изобретения книгопечатания в истории человечества, Кондорсе писал о том, что Лютер выступил против римско-католической церкви в принципиально новых условиях: «Условия борьбы были не таковы, как во времена альбигойцев или Яна Гуса, учение которых, неизвестное за пределами их церквей,

просветителя И.Г. Гердера¹³. А.Н. Радищев, находясь в сибирской ссылке, сравнивал Гуса с Галилеем, видя в нём мыслителя, надолго опередившего своё время и ставшего жертвой невежества и мракобесия¹⁴.

Основой представлений образованных европейцев середины XVIII — первых десятилетий XIX в. стали труды французского историка-протестанта Ж. Ланфана¹⁵, нашедшего в последние годы жизни приют при прусском королевском дворе. Он был точкой опоры для Жорж Санд, в известных романах которой «Консуэло» и «Графиня Рудольфштадт» гуситская тема составляет одну из главных сюжетных линий¹⁶. На его материалы опирался и французский мыслитель-социалист и историк Луи Блан в своём знаменитом труде «История французской революции», когда обосновывал мысль о том, что учение Яна Гуса, выражая идею братства, было явлением гораздо более прогрессивным, чем лютеранство с индивидуализмом как внутренним идейным стержнем. Оно, по мысли Луи Блана, намного опередило своё время, и является непосредственным предшественником социалистических учений современности¹⁷.

В середине XIX в. о своём праве на наследие Яна Гуса в полный голос заявила чешская общественная мысль, подводя итоги Чешского Национального Возрождения, которое началось на рубеже XVIII–XIX вв. с возрождения литературного чешского языка, интереса к национальной истории и увенчавшегося созданием выдающихся произведений национальной литературы и искусства, вошедшими в сокровищницу мировой художественной культуры. Выдающимся памятником культуры Чешского национального Возрождения является монументальный труд основоположника чешской исторической науки Франтишека Палацкого «Исто-

---

было так легко оклеветать. Немецкие книги новых апостолов проникали одновременно во все уголки империи, между тем как их латинские книги пробуждали всю Европу от позорного сна, в который суеверие её повергло» (Кондорсе. 1936. С. 137-138).

¹³ «Реформация обнаружила во всех странах семена всё тех же учений, оставалось только вдохнуть в них новую жизнь. Виклиф в Англии оказывал то же влияние на лоллардов, что Гус на чехов, — Богемия, у которой был один язык с болгарями, была издавна усеяна подобными благочестивыми сектами. Росток истины, решительной ненависти к суеверию, к поклонению перед человеком, к высокомерному и бездуховному духовенству церкви уже не растоптать» (Гердер 1977. С. 599)

¹⁴ А.Н. Радищев писал: «Редко возмогает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих», потому что если почва для появления великого человека не «уготовлена», то «Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влетается в темницу, друг наш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъелет все препоны» (Радищев 1938. С. 129).

¹⁵ L'Enfant J. 1714. V. 1-2; L'Enfant J. Amsterdam, 1731.

¹⁶ См.: Реизов 1970. С. 249-265; Галямичев 2011. С. 434-441.

¹⁷ Блан 1907. Т. 1. С. 5-7, 10-19.

рия чешского народа», на страницах которого гуситское движение выступает в качестве кульминации национальной истории, а Гус – как её идеальный герой, личности, в которой нашли наиболее полное воплощение черты чешского народного духа. Гус у Палацкого – носитель исконных духовных начал, свойственных, как полагал историк, чешскому народу, с древнейших времён сохранявшему твёрдую приверженность идеалам свободы, братства и демократии. Обращаясь к религиозным взглядам Гуса, протестант Палацкий не пытается представить его предшественником протестантизма, а видит в нём искреннего поборника возрождения изначальной чистоты христианской церкви, и в этом смысле в равной степени близкому всем своим соотечественникам – как протестантам, так и католикам, составлявшим огромное большинство в Чехии XIX в.¹⁸ Этот образ Яна Гуса на долгие десятилетия стал определяющим для чешского национального самосознания, послужив источником его художественного воплощения в драматургии Йозефа Каэтана Тыла, исторической прозе Алоиса Ирасека, музыке Б. Сметаны, знаменитом полотне Вацлава Брожики «Ян Гус на Констанцском соборе»¹⁹.

Фигура Гуса вызвала в XIX в. пристальный интерес общественной мысли России, особенно славянофильского направления, представители которого увидели в Гусе не только сторонника идеи славянской взаимности, но и поборника возвращения чехов в лоно православия, принесённого в чешские земли святыми Кириллом и Мефодием ещё в IX в. Такое истолкование духовного наследия Гуса нашло свое крайнее выражение в обращённых к чешскому народу призывах воссоединиться с православной церковью и русским народом. Такой призыв звучит в стихотворении Ф.И. Тютчева «Чехам от Московских славян», написанном в 1869 г. к Славянскому съезду, который проходил в Москве под знаком празднования 500-летия со дня рождения Яна Гуса²⁰. В следующем, 1870 году, этот призыв вновь прозвучал в стихотворении Тютчева «Гус на костре»:

«О, чешский край! О род единокровный!
 Не отвергай наследья своего!
 О, доверши же подвиг свой духовный
 И братского единства торжество!
 И, цепь порвав с юродствующим Римом,
 Гнетущую тебя уж так давно,
 На Гусовом костре неугасимом
 Расплавь её последнее звено»²¹.

¹⁸ См.: Machovec. 1953. S. 303-313.

¹⁹ Ibid. S. 313-324, 328.

²⁰ Тютчев 1987. С. 246-247.

²¹ Там же. С. 253-254.

Впрочем, такое понимание сущности учения и деятельности Яна Гуса не только не нашло отклика в Чехии, но и подверглось критике в России, в т.ч. – в трудах православных историков церкви.

В нашей стране, как и в других европейских странах, по мере приближения к рубежу XIX и XX вв. всё больше сторонников приобретала та точка зрения, что место Яна Гуса во всемирной истории определяется не его церковно-реформационным учением, а нравственным содержанием жизни и деятельности, примером безупречной честности, искренности в стремлении к познанию истины и мужестве в её отстаивании перед лицом интриг, предательства, преследований и угроз. Так Гус становится человеком на все времена, идеалом, устремлённым в будущее, наследие которого не знает конфессиональных и национальных границ.

Наиболее последовательный характер такое понимание сущности наследия Гуса приобрело в философско-исторических трудах выдающегося чешского мыслителя и политика конца XIX – первых десятилетий XX в. Томаша Гаррига Масарика²². Подлинной сутью гусизма, по Масарику, является гуманизм, понимаемый не как система взглядов учёных, писателей и художников эпохи Возрождения, современником многих из которых был Ян Гус, а как вневременная сокровищница ценностей, самым точным определением которой является понятие христианского гуманизма. Гусизм, писал Масарик в 1890-е гг., остаётся для чешского народа неосуществлённым национальным идеалом, поскольку после гибели Гуса, во время гуситских войн, чехи отошли от его наследия, встав, вслед за своими врагами, на путь насилия в попытках защитить свою свободу и переустроить общество на справедливых началах. Восходящий к Гусу чешский гуманистический идеал, подчёркивал Масарик, принципиально отличается от западноевропейского с его «односторонним культом науки и образования»; он строится на гораздо более широком и прочном фундаменте, в котором наука и религия, разум и чувство находятся в гармоническом единстве. Опираясь на наследие Гуса, Масарик разрабатывал государственную идеологию Чехословацкой республики, в которой, как он полагал, «любовь к ближнему должна стать социальным явлением».

Гуситское наследие занимало важное место и в государственной идеологии социалистической Чехословакии, обретя при этом новые грани. Наиболее рельефно они были представлены в работе видного чешского историка, ставшего в первые послевоенные годы президентом Чехословацкой Академии наук, Зденека Неedly «Гус и наше время»²³, вышедшей в свет ещё в 1919 г. На ее страницах Ян Гус был назван рево-

---

²² См.: Мельников 2012. С. 186-193.

²³ Neěedly 1964.

люционером, сторонником коренного преобразования общества, основой которого должны были стать принципы социального равенства. Последовавшие после гибели Гуса события Неудлы называл революцией и видел в них попытку практической реализации его взглядов. Радикальное крыло гуситов (таборитов) он считал наиболее верными «последователями революционных идеалов Яна Гуса». Эта трактовка оказывала влияние на советскую и чехословацкую историческую литературу первого послевоенного десятилетия²⁴, но затем уступила место признанию Гуса представителем бюргерской оппозиции²⁵, которое опиралось на оценку, данную Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии».

Наряду с традицией, прославляющей Гуса и его подвиг, протяжении столетий продолжались попытки если не предать его имя забвению, то по крайней мере очернить его образ в памяти потомков. В «эпоху тьмы» при деятельном участии иезуитов была предпринята попытка борьбы с наследием Гуса в свойственном им духе: они попытались подменить стихийное народное почитание Гуса культом св. Яна Непомуцкого.

Воспитанник Пражского и Падуанского университетов, Ян Непомуцкий с 1389 г. являлся викарием Пражского архиепископства. 20 марта 1393 г. во время встречи короля Вацлава IV с архиепископом пражским Яном из Йенштейна в Храме Девы Марии под цепью король приказал схватить и заточить членов его свиты, в том числе Яна. От мучительных пыток в тюрьме он умер, а тело было сброшено в мешке с Карлова моста во Влтаву²⁶. Это убийство вызвало широкий резонанс. Оно стало основанием для свержения Вацлава с престола короля Германии. Об отношении к делу Яна Непомуцкого спрашивали на допросах на Констанцском соборе Яна Гуса. Почитание Яна Непомуцкого чешскими католиками началось ещё в XV в. К лику святых он был причислен в 1729 г. Замысел иезуитов состоял в том, чтобы оставить в народной памяти единый образ мученика, пострадавшего за веру в далёкие времена правления короля Вацлава IV. В 1786 г. была снесена напоминавшая о проповедях Гуса Вифлеемская часовня, а на освободившемся месте было построено два сарая для строительных материалов²⁷. Попытки предать забвению имя Гуса продолжались в течение долгого времени, однако успеха не имели.

²⁴ См., напр.: Мацек 1954. С. 47-51; Рубцов 1958. С. 70-71.

²⁵ Озолин 1962. С. 87; 1973. С. 7-20, 22-23, 31-40.

²⁶ Тело св. Яна было извлечено из Влтавы и впоследствии захоронено в кафедральном соборе святого Вита в Праге. По преданию, в том месте, где тело святого погрузилось во Влтаву, над водой возникло свечение в виде 5-ти звезд, поэтому он изображается с пятью звездами над головой.

²⁷ Здание Вифлеемской часовни было восстановлено в 1954 г.

Мощный импульс попыткам очернения образа Яна Гуса дал стремительный рост чешского национального самосознания в эпоху Славянского Возрождения. Наиболее резкие оценки высказывались в трудах австрийских историков середины – второй половины XIX в., которые пытались представить Гуса в обличье непомерного честолюбца, заурядного плагиатора, одержимого ненавистью к немцам и ко всему немецкому вождя, неумело маскировавшего призывы к жестокой расправе над немцами религиозными лозунгами²⁸. Эта линия нашла продолжение в трудах немецких историков первых десятилетий XX в.²⁹ и достигла своей кульминации во времена гитлеровской оккупации Чехии, когда чешский народ и его история оказались под угрозой уничтожения.

В последние десятилетия как в Чехии, так и в России, нередко звучат более чем сдержанные оценки личности и деятельности Яна Гуса. В этом нельзя не видеть влияния политической конъюнктуры: фигуру Гуса как самоотверженного борца за национальную независимость и справедливое переустройство общества и церкви оттесняют на второй план фигуры святого Вацлава и Карла IV – поборников интеграции Чехии в западноевропейское культурное сообщество. Порой даже в работах чешских историков высказываются негативные оценки наследия Гуса и гусизма, наиболее отчётливо сформулированные в труде трёх авторов, выступивших под общим псевдонимом Подивен³⁰.

Впрочем, предложенное ими новое прочтение чешской истории, насколько можно судить по известным нам откликам, не нашло поддержки ни среди учёных, ни среди чешской общественности³¹. Как пишет в этой связи видный чешский исследователь гуситской эпохи М. Рансдорф: «Дух Белой горы не победит чешский народ. Народ, связанный с гуситской традицией, как писал великий чешский патриот, политик и историк Камил Крофта (1876–1945) в своей книге, которая вышла во время войны с огромным риском, БЕССМЕРТНЫЙ НАРОД. Так называлась книга великой любви и веры в чешские силы. Ян из Гусинца снова победит Яна из Непомука, а гуситство будет тем, чем было: ве-

²⁸ См.: Галямичев 1988. С. 21-34, 75-77.

²⁹ Руколь 1972. С. 510.

³⁰ Podiven. 2003. Под псевдонимом Подивен (так звали самого верного сподвижника св. Вацлава) выступили чешские политики и публицисты М. Отагал, П. Питгарт и П. Пржигода. Подивен продолжает линию очернения гусизма, зародившуюся в чешской историографии межвоенного периода, когда историки школы Й. Пекаржа выступили с концепцией гусизма как чешского большевизма (последний, равно как и первый понимался как абсолютно негативное явление, направленное на разрушение достижений культурного развития Европы).

³¹ См.: Havelka 2006. S. 59.

стью надежды, вестью грядущих дней»³². Свое понимание наследия Гуса Рансдорф изложил в главе под названием «Правда, которая освобождает». Оно, как полагает чешский учёный, не подвластно веяниям переменчивых времён. «Правда побеждает» – любимое изречение Гуса – становится ключевым для понимания его нашими современниками, объединяющим людей разных культур и общественно-политических взглядов: «Для Гуса правда является связующим звеном, если воспринимать разум и совесть как единое целое. ...Правда является не только следствием, но и мотивом действия»³³.

Трудно не согласиться с этими оценками, которые отражают восприятие образа Яна Гуса. Однако едва ли в осмыслении его наследия поставлена последняя точка. Образ Яна Гуса будет жить в исторической памяти чехов и других народов и в дальнейшем, обретая новые грани как в философско-историческом, так и в художественном осмыслении средневекового прошлого Чехии и Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аугамбаев М.А. Ульрих фон Гуттен и Иоганн Агрикола о деятелях гуситского движения // *Культура Возрождения XVI в.* М., 1997. С. 73-82.
- Блан Л. *История французской революции.* СПб., 1907. Т. 1.
- Галямичев А.Н. Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX века. Саратов, 1988.
- Галямичев А.Н. Гуситская тема в творчестве Жорж Санд // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.* Челябинск, 2011. С. 434-441.
- Гердер И.Г. *Идеи к философии истории человечества.* М., 1977.
- История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера.* Л., 1978.
- История Чехии / Под ред. В.И. Пичеты.* М., 1947.
- Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
- Конрад Цельтис. О костре Иоанна Гуса // *Конрад Цельтис. Стихотворения.* М. 1990. С. 257-258.
- Косминский Е.А. *Историография средних веков. V в. – середина XIX в.* М., 1963.
- Лаврентий из Бржезовой. *Гуситская хроника.* М., 1962.
- Мацек Й. *Гуситское революционное движение.* М., 1954.
- Мельников Г.П. Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // *Полвека в славяноведении. Сборник научных трудов, посвящённых юбилею заслуженного профессора МГУ Л.П. Лаптевой.* М., 2012. С. 186-193.
- Озолин А.И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962.
- Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.
- Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // *Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 2.* М.; Л., 1938. С. 37-142.
- Рубцов Б.Т. *Ян Гус.* М., 1958.

³² Ransdorf 1993. S. 60.

³³ Ibid. S. 51.

- Реизов Б.Г. Жорж Санд и крестьянско-плебейская революция в Чехии // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 249-265.
- Руколь Б.М. Элементы утопического социализма у таборитов // История общественной мысли. Современные проблемы. М., 1972.
- Соловьёв Э. Непобеждённый еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984.
- Тютчев Ф.И. Гус на костре // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 246-247.
- Шафр Ф. История христианской церкви. Т. VI: Средневековое христианство. От Бонифация VIII до протестантской Реформации. 1294–1517 г. по Р.Х. СПб., 2009.
- Havelka M. Die Debatten über den Sinn der tschechischen Geschichte 1895–1989 // Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert: Wissenschaftstraditionen, Institutionen, Diskurse / Hrsg. Ch. Brenner, K.E. Franzen, R. Luft. München, 2006.
- L'Enfant J. Histoire du Concile de Constance tirée principalement d'Auteurs qui ont assisté au Concile. V. 1–2. Amsterdam, 1714.
- L'Enfant J. Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Bale. Amsterdam, 1731.
- Machovec M. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.
- Nějedlý Z. Hus a naše doba. Praha, 1964.
- Podiven. Češi v dějinách nové doby (1848–1939). 2. vyd. Praha, 2003.
- Ransdorf M. Mistr Jan Hus. Praha, 1993.
- Stránský P. Respublica Bojema. Leyden, 1634.

REFERENCES

- Augambajev M.A. Ulrikh fon Gutten I Iogann Agrikola o dejateljakh gusitskogo dvizhenija // Kultura Vozrozhdenija XVI v. M., 1997. S. Культура Возрождения XVI в. М., 1997. S. 73-82.
- Blan L. Istorija frantsuzskoj revolutsii. SPb., T. 1.
- Galyamichev A.N. Gusitskoje dvizhenije v osvshchenii liberalnoj nemetskoj medievistiki vtoroj poloviny XIX veka. Saratov, 1988.
- Galyamichev A.N. Gusitskaja tema v tvorchestve Zhorzh Sand // Istorija I istoriki v prostranstve natsionalnoj i mirovoj kultury XVIII–XXI vv. Chelabinsk, 2011. S. 434-441.
- Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977.
- Istorija v entsiklopedii Didro i d'Alamberta. L., 1978.
- Istorija Chekhii / Pod red. V.I. Pichety. M., 1947.
- Kondorse Z.A. Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma. M., 1936.
- Konrad Tseltis. O kostre Ioanna Gusa // Konrad Tseltis. Stikhotvorenija. M., 1990. S. 257-258.
- Kosminskij E.A. Istoriografija srednikh vekov. V v. – seredina XIX v. M., 1963.
- Lavrentij iz Brzhezovoj. Gusitskaja khronika. M., 1962.
- Matsek J. Gusitskoje revolutsionnoje dvizhenije. M., 1954.
- Melnikov G.P. Jan Gus i gusizm v filosofii cheshskoj istorii T.G. Masarika // Polveka v slavanjvedenii. Sbornik nauchnykh trudov, posvjashchennykh jubiliuju zaslužennogo professora MGU L.P. Laptevoj. M., 2012. S. 186-193.
- Ozolin A.I. Iz istorii gusitskogo revolutsionnogo dvizhenija. Saratov, 1962.
- Ozolin A.I. Bjugerskaja oppozitsija v gusitskom dvizhenii. Saratov, 1973.
- Radishchev A.N. O cheloveke, jego smertnosti i bessmertii // Radishchev A.N. Poln. sobr. soch. T. 2. M.; L., 1938. S. 37-142.
- Reizov B.G. Zhorzh Sand i krestjansko-plebejskaja revolutsija v Chekhii // Reizov B.G. Iz istorii evropejskikh literatur. L., 1970. S. 249-265.
- Rubtsov B.T. Jan Gus. M., 1958.

- Rukol B.M. Elementy utopicheskogo sotsializma u taboritov // Istorija obshchestvennoj mysli. Sovremennyye problemy. M., 1972.
- Solov'ov E. Nepobezhdjonnij jeretik. Martin Ljuter i jeho vremja. M., 1984.
- Tjutchev F.I. Gus na kostre // Tjutchev F.I. Polnoje sobranije stikhotvorenij. L., 1987. S. 246-247.
- Shaff F. Istorija khristianskoj tserkvi. T. VI: Srednevekovoje khristianstvo. Ot Bonifatsija VIII do protestantskoj Reformatsii. 1294–1517 g. po R. Ch. SPb., 2009.
- Havelka M. Die Debatten über den Sinn der tschechischen Geschichte 1895–1989 // Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert: Wissenschaftstraditionen, Institutionen, Diskurse / Hrsg. von Ch. Brenner, K.E. Franzen und R. Luft. München, 2006.
- L'Enfant J. Histoire du Concile de Constance tirée principalement d'Auteurs qui ont assisté au Concile. V. 1-2. Amsterdam, 1714.
- L'Enfant J. Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Bale. Amsterdam, 1731.
- Machovec M. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.
- Nějedly Z. Hus a naše doba. Praha, 1964.
- Podiven. Češi v dějinách nové doby (1848–1939). 2. vyd. Praha, 2003.
- Ransdorf M. Mistr Jan Hus. Praha, 1993.
- Stránský P. Respublica Bojema. Leyden, 1634.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; galyamichev57@mail.ru

Jan Hus in the historical memory of the peoples of Europe

The article demonstrates what factors influenced the interpretations of the life, work and legacy of Jan Hus during the six centuries after his tragic death on 6 July 1415: in periods of the Renaissance, the Reformation, the Counter-Reformation, the Enlightenment, and the Romanticism. The special attention is paid to the interpretation of the Hus' legacy by the Czech historical and political thought of the 19th – 20th and the 21st centuries.

Keywords: Jan Hus, historical memory, Hussite heritage, historical thought in Europe.

Alexander Galyamichev, DrSc (History), Professor, Institute of History and International Relations, Saratov State University; galyamichev57@mail.ru

Ш. МУХАМЕДИНА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ «РЕНЕССАНС» ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ?

Разночтение общей истории России и государств Центральной Азии и Казахстана может обернуться вызовом глобального масштаба. Возрождение евразийской идентичности на новом геополитическом фоне невозможно без научного-критического переосмысления уроков истории вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи. В этой связи взаимодействие и интеграция исторических научных сообществ является императивом времени.

Ключевые слова: Центральная Азия, евразийская интеграция, национальные истории, историографический «ренессанс», социальный заказ

Одним из глобальных вызовов современности является определение действительного геополитического места постсоветских государств Центральной Азии и Казахстана в иерархии международных отношений. Их стратегические инициативы привлекают повышенное внимание ведущих западных и азиатских государств. Но не только. По сути, интересы ведущих держав к региону обусловлены его энергетическими ресурсами, транзитными коммуникациями, трансформационными процессами и, более всего, общностью исторических судеб и территориальным соседством с Российской Федерацией.

Единственно рациональным геополитическим выбором народов Центральной Азии и Казахстана можно считать формирование евразийской идентичности, и такая постановка вопроса исходит из исторического опыта принятия народов Средней Азии и Казахстана в российское подданство. Нельзя упускать из виду и общность духовно-культурных традиций, в основе которых лежит единство веры православных народов: ведь в регионе проживает более 5,7 млн. русского населения. Другое важное обстоятельство – народы Центральной Азии и Казахстана (за исключением Таджикистана), с одной стороны, а население Поволжья и Урала – с другой, принадлежат к тюркоязычной группе языков и суннитскому вероисповеданию. И на современном этапе появилось немало точек взаимовыгодного сотрудничества, обуславливающего перспективы региональной интеграции. В аналитическом докладе Российского совета по международным делам Института востоковедения РАН, посвященном Центральной Азии, подчеркивается: «На самом деле сохраняется высокая степень взаимозависимости между Россией и государствами Центральной Азии. Это – и общая граница протяженностью более 7 тысяч кило-

метров. С российской стороны с регионом граничат 12 субъектов Федерации, среди которых такие промышленно развитые, как Самарская, Волгоградская, Челябинская, Омская области и другие, то есть вдоль границы сосредоточен значительный промышленный потенциал, крупнейшие города Поволжья, Урала и Сибири, стратегически важные коммуникации, связывающие центральную часть РФ с Сибирью и Дальним Востоком, либо пролегают в непосредственной близости от границы, либо пересекают частично территорию Казахстана»¹.

При множестве факторов консолидации интересов Центральной Азии, Казахстана и Российской Федерации есть и немало деструктивных явлений, тормозящих процесс евразийской интеграции. Речь идет о суверенизации национальных историй, граничащих с грубым искажением и оказывающих негативное воздействие на формирование у молодого поколения представлений о соседних государствах, особенно об определяющем вкладе Российской империи в переходе региона на новый уровень цивилизационного развития. В Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане историческое научное сообщество расколото – происходит своеобразный историографический «ренессанс», поддерживаемый определенными властными и социальными силами. Их усилиями происходит подгонка исторических фактов под политическую конъюнктуру. Но следует также отметить, что есть историки, кому дороги научная объективность и профессиональная этика.

Исследовательские интересы автора данной статьи сосредоточены на анализе и обобщении историографического опыта в странах Центральной Азии и Казахстане по проблеме принятия народами региона российского подданства и их гражданскому устройству. Территориальные рамки охватывают Центральную Азию и Казахстан, в историческом измерении – Русский Туркестан и Степной край, в современном представлении – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан. Для удобства будем употреблять устоявшиеся современные обозначения – Евразийский регион и просто регион. Можно поставить знак равенства между названиями Центральная Азия (удобно для западного читателя) и Средняя Азия (исторически укоренившееся географическое название). Эти названия будут варьироваться в зависимости от контекста.

Шаблонный подход к проблеме опирается, среди прочего, на сохранение устаревшей терминологии. Например, понятие «присоединение» (термин скорее военно-политический, нежели научный) не может передать всю полноту процессов интегрирования народов региона в состав

---

¹ Интересы России в Центральной Азии... С. 6.

России. Более приемлемым представляется понятие «вхождение». В этом плане позитивным примером может послужить позиция башкирских ученых, закрепивших формулировку «добровольное вхождение Башкортостана в состав России». Профессор А.И. Акманов пишет: «Вхождение башкир в состав России – событие большого исторического значения. Оно имело прежде всего крупные положительные последствия. После присоединения в крае прекратилась феодальная междоусобица. Башкиры получили возможность спокойно жить и заниматься хозяйством. Это, в свою очередь, вело к росту их численности. В составе Русского государства было покончено с политической и территориальной раздробленностью башкир, что способствовало этнической консолидации и укреплению их как народа. Башкиры и русские крестьяне совместно осваивали природные богатства края. Различные формы колонизации, основание городов и заводов, в частности, ускорили развитие производительных сил Башкирии»². Заметим, башкиры и казахи – народы близкие по этнической структуре, хозяйственной этике и духовной принадлежности.

Исторически оправданны формулировки «принятие российского или русского подданства» и «инкорпорация», хотя они не отражают цивилизационное (в европейском смысле) переустройство жизнедеятельности народов Центральной Азии и Казахстана в составе России. Опираясь на творческое наследие русских ученых и военных – непосредственных участников переломных событий в судьбах Евразии, вполне адекватными можно считать понятия «введение или водворение российской (русской) гражданственности», а также «гражданское устройство». В XIX в. в общественно-политической и научной литературе для обозначения процесса вхождения и обустройства народов применялось понятие «гражданственность», что было заимствовано из официальных законодательных документов. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, обращаясь к Александру III, писал, «Повергая отчет сей к стопам Вашего Императорского Величества, приемлю смелость выразить одушевляющую меня надежду, что и из кратких сведений, в нем заключающихся, Ваше Величество соизволите усмотреть насколько срок, истекший со времени образования генерал-губернаторства, мог подвинуть великое дело водворения в Средней Азии русской гражданственности»³.

Под словом «гражданственность» подразумевались административные и культурно-образовательные реформы среди народов, принявших русское подданство. В результате в энциклопедиях появилось определе-

---

² Акманов 2007. С. 74.

³ Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. Фон-Кауфмана. С. 74.

ние: «Гражданственность, русское выражение, которым некоторые писатели пробовали перевести и заменить общеупотребительное выражение “цивилизация”. В этом значении выражение не утвердилось, но иногда применяется для обозначения политической стороны цивилизации»⁴. «Гражданственность» прежде и больше всего понималась как стабилизация региона. Известный ученый, капитан Генштаба Л. Костенко, обзревая успехи российского продвижения в Туркестан, писал, что «гражданственность все-таки сделала некоторые успехи, которые состояли в следующем: 1) в умиротворении степи; 2) в уничтожении невольничества между казахами; и 3) в усилении торговли как с казахами, так и с независимыми ханствами»⁵. Конечно, «водворение гражданственности», или гражданское устройство этим перечислением не ограничивается.

Российское правительство апробировало разные модели управления, но оптимальными оказались военно-окружная и военно-народная. А уже к концу XIX в. Русский Туркестан и Казахстан переходят на общеимперскую систему гражданского устройства, т.е. непосредственно вводится русское подданство. Формулировка «гражданское устройство в Центральной Азии и Казахстане» логично сочетается с понятием «вхождение». Запад и Россия отличаются коренным образом друг от друга в продвижении геополитических интересов за пределы собственных территорий. Понятия «завоевание» и «колония» в зависимости от страновой принадлежности несут в себе разную смысловую нагрузку. Обновление понятийного аппарата позволит глубже исследовать проблему гражданского устройства народов региона в составе Российской империи и избежать политической ангажированности, наблюдаемой в историографическом процессе государств Центральной Азии и Казахстана.

Декларации о государственном суверенитете бывших союзных республик сопровождаются суверенизацией их национальных историй, отход которых от прежней общей интегрированной истории настолько велик, что каждая из них замыкается на «показе» своей национальной исключительности⁶. Неслучайно сегодня национальные истории стали предметом повышенного внимания мировой общественности.

---

⁴ Большая энциклопедия... 1902. С. 425.

⁵ Костенко 1870. С. 162.

⁶ С 1991 г. благодаря проекту, реализованному Фондом Фридриха Науманна совместно с Ассоциацией исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского Университета в Бохуме под руководством профессора Карла Аймермахера и доктора Геннадия Бордюгова, утвердилось определение «национальные истории». См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах... С. 8.

Националистическую концепцию национальных историй можно сформулировать следующим образом: Российская империя завоевала Среднюю Азию и Степной край, установила там военно-окупационную власть, в результате чего народы этого региона лишились независимости, государственности и богатых природных ресурсов. В этих трудах Россия представляется как агрессивная держава, ничем не отличающаяся от классических метрополий. С предельной точностью высказались на их счет в своем критическом обзоре национальных историй К. Аймермахер и Г. Бордюгов: «Для нынешнего “переписывания” историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей»⁷.

Подготовка национальных историй в странах Центральной Азии и Казахстане снабжены необходимыми ресурсами и возведены в ранг государственной политики. В высших учебных заведениях курс национальных историй, как базовый, обязательный, заканчивается сдачей государственного экзамена. Проекты по национальным историям выполняют определенный социальный заказ и финансируются государством, осуществляется планомерное государственное регулирование их концептуальных основ. В результате мировоззренческая функция истории искажается. В этом плане преуспели историки, политологи и экономисты Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана.

В годы независимости Казахстана на основе переписывания истории выпускаются учебники для образовательных учреждений. Известный историк профессор Ж.К. Касымбаев, приводя указ Анны Иоанновны о принятии Младшего жуза в подданство России (19 февраля 1731 г.), рассуждает так: «хотя присоединение Казахстана к России считалось добровольным, оно было основано на односторонней политике. В дальнейшем политика царизма в Казахстане привела к росту протестов казахов, что является доказательством необоснованности теории о добровольном присоединении»⁸. Здесь можно возразить автору по поводу «теории добровольного присоединения», поскольку вхождение Казахстана в состав России – это не теоретический, а политический вопрос.

Автор также считает, что казахская общественность ждала не присоединения, а военного союза с Россией. Дискурс автора базируется на ошибочных сведениях, приведенных в академическом издании «Исто-

---

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Касымбаев 2012. С. 17, 133.

рия Казахской ССР» (авторы А. Панкратова и М. Абдыкалыков, 1943 г.). В книге, в частности, подчеркивалось: «Абульхайыр использовал для своих целей усилившуюся военную угрозу со стороны джунгарских ойротов и уговорил многих султанов и биев обратиться к России с предложением военного союза для совместной с казахами борьбы против Джунгарии. Состоявшийся в 1730 г. съезд биев Младшего жуза принял такое решение и поручил Абульхайыру вступить в переговоры с царскими властями о заключении с Россией военного союза. Но Абульхайыр жестоко обманул биев. В грамоте, посланной им императрице Анне Ивановне, он просил царское правительство не о военном союзе, а о принятии казахов всех жузов в российское подданство. Эту просьбу Абульхайыр написал тайно от биев и от народа»⁹. Это утверждение советских историков противоречит исторической действительности и порождено тогдашней политической конъюнктурой. На самом деле казахская сторона в переговорных процессах обратилась к Анне Иоанновне с просьбой о принятии казахов Младшего жуза в российское подданство.

В послевоенную историографию при всей её идеологической обусловленности, были внесены некоторые позитивные поправки. В частности, Н.Г. Аполлова отмечала, что вопрос о присоединении Казахстана к России в первом издании «Истории Казахской ССР» разрешен тенденциозно: присоединение Казахстана к России рассматривается как результат «сговора части казахской знати и царского правительства и под углом зрения завоевания Казахстана Россией». А в предисловии к книге Аполловой, написанном известным казахстанским историком Е. Бекмахановым, подчеркивалось: «В некоторых работах советских историков, в частности, в первом издании «Истории Казахской ССР», также не раскрыт исторический смысл этого акта (о принятии российского подданства казахами – *Ш.М.*). В монографии Н.Г. Аполловой присоединение Казахстана к России рассматривается как прогрессивное явление в истории казахского народа»¹⁰.

Таким образом, в послевоенный период историческое сообщество в основном отказалось от обобщений и выводов, приведенных в первом издании истории Казахской ССР (1943). Однако процесс суверенизации Казахстана вновь привлек внимание историков к этой книге (она была переиздана к 20-летию независимости Республики Казахстан), и её политизированный дискурс задал для удобные образцы. Так, раздел «Казахстан – колония» содержит такие главы и параграфы: «Преобразование

⁹ История Казахской ССР с древнейших времен... 1943. С. 152-153.

¹⁰ Аполлова 1948. С. 3, 19.

Казахстана в колонию Российской империи», «Колонизация Казахстана», «Создание государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане в конце XIX века». Обобщающим примером необъективного освещения истории гражданского устройства казахов может послужить тезис о том, что, «захватывая и колонизируя восточные окраины, царское правительство было озабочено, прежде всего, тем, чтобы закрепить здесь свое господство при помощи военно-оккупационного, полицейско-чиновничьего аппарата государственной власти»¹¹. Выводам и формулировкам, закрепленным в «Истории Казахской ССР», несмотря на их научную ограниченность, последовали многие авторы не только исторических трудов, но также экономических и политологических.

В книге профессора, доктора экономических наук Т.А. Абдразакова есть глава «Казахстан как колониальная окраина Российской империи», которая начинается так: «Присоединение Казахстана к России дало возможность для проникновения россиян в край сказочных богатств и добродушных, гостеприимных людей. Оно сопровождалось присвоением природных ресурсов, массовым изъятием пастбищных и пахотоспособных земель»¹². Вокруг этого положения автор и выстроил весь историко-экономический нарратив.

Историческая роль России в социальном развитии народов Центральной Азии и Казахстана в угоду чисто этническим амбициям приносится не только казахскими исследователями: их ряды можно пополнить представителями Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. В школьных учебниках Узбекистана доминирует крайне негативное освещение российского влияния. В подтверждение можно привести такие выдержки: «Колониальный режим означает политическое, экономическое, социальное и духовное порабощение коренного населения завоеванной территории»; «Цель Российской империи в Средней Азии заключалась в создании такой административной и политической системы, которая превратила бы как Туркестанский край, так и другие государства во внутреннюю колонию Российской империи. Это означало утверждение российского военного господства, всеобщего контроля над экономической и политической жизнью края»¹³. Заметим, данный учебник был победителем тендера, организованного Министерством народного образования Республики Узбекистан.

В таком же направлении переписывается история Республики Кыргызстан. Краткую, но емкую характеристику ситуации с историей стра-

---

¹¹ История Казахстана... 3-е изд. 2011. С. 424-434.

¹² Абдразаков 1992. С.75.

¹³ Хидояттов, Костецкий 2006. С. 54, 55.

ны, дал профессор Кыргызско-Российско-Славянского университета доктор филологических наук Александр Кацев. При обсуждении учебника для 9 класса (февраль 2013 г.) он подчеркнул: «Отметим, что вхождение Киргизии в состав России современными составителями учебников истории почти всегда оценивается негативно. Положительные моменты киргизские историки предпочитают не упоминать. Обо всем хорошем, что связывает и объединяет народы, учебники умалчивают. В сознании подрастающего поколения формируется образ России как зловещей империи, которая их веками уничтожала и эксплуатировала»¹⁴.

Антироссийская риторика охватывает всю национальную историю Кыргызстана. По мнению координатора Аналитического консорциума «Перспектива» кандидата исторических наук В. Богатырева, «Исторические трактовки постепенно смещаются от толкования факта присоединения кыргызских земель к России как “вхождения в состав России” к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение, по крайней мере, когда речь идет о южных регионах страны»¹⁵.

Подобная картина характерна и для туркменских изданий. Сотрудник Института международных исследований Карлова университета (Прага, Чехия) Славомир Горак пишет: «Поражение, нанесенное армией Российской империи ахалтекинским войскам у крепости Геок-депе в 1880-1881 годах, в нынешней “национальной” интерпретации трактуется как разрушение последних устоев туркменской государственности... Туркменская историография крайне негативно оценивает годы пребывания нынешнего Туркменистана в составе Российской империи и Советского Союза. В то время туркмены были лишены возможности развивать свой язык, сохранять традиции, изучать собственную историю...»¹⁶.

Историографический обзор подтверждает, что значение российского фактора в переходе народов Центральной Азии и Казахстана к новому культурно-историческому типу не получает должной оценки¹⁷.

В советское время выходили в свет фундаментальные издания по истории среднеазиатских республик и Казахстана, которые содержали в основном объективное освещение исторического процесса, связанного с их вхождением в состав Российской империи. Таковы, например, его научные обоснования в академическом труде «История Казахской ССР»

¹⁴ URL <http://www.news-asia.ru/view/4358>.

¹⁵ Богатырев 2009. С. 303.

¹⁶ Горак 2005. С.113.

¹⁷ Что касается Таджикистана, то его историки корректно подходят к вопросу о русско-таджикских отношениях; у них проблемы в другой плоскости – территориальные претензии к соседям.

(1979): «Когда же казахские земли оказались перед трагической опасностью быть покоренными агрессивными соседями – Джунгарией, Цинской империей и среднеазиатскими ханствами, присоединение Казахстана к России стало исторической необходимостью». Авторы делают логичное заключение: «Присоединение Казахстана к России – это не совершившийся в один день акт, а длительный процесс... С 30-х годов XVIII в. – со времени начала добровольного присоединения Казахстана к России – исторические судьбы казахов тесно переплелись с судьбами великого русского и других народов страны. С этого времени историю Казахстана нельзя рассматривать вне связи с историей России»¹⁸. Подобные оценки встречаем и в трудах ученых Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, изданных в позднесоветский период¹⁹.

Каковы все же мотивы резкого отступления значительной части исторического сообщества от признанных принципов исторической науки – историзма, достоверности, объективности, системности? Возможно, политическая ангажированность исторических трудов – это своего рода вызов советской теории перехода ранее отсталых народов к социализму, потерпевшей крах. И еще. По мнению отдельных национальных историков, показ России в негативном свете повысит уровень патриотического воспитания. Кандидатская диссертация А.Т. Ахметжановой «Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект» заканчивается рекомендацией: «Использование результатов исследования, касающихся деятельности казахской интеллигенции, направленной против имперской политики царизма в Казахстане, в деле патриотического воспитания подрастающего поколения». А такое предложение исходит из развернутого показа негативного образа Российской империи, политика которой якобы была «направлена на окончательную утрату государственности Казахстана, превращение отдельных крупных регионов Казахстана в колонию, русификацию и христианизацию казахского населения»²⁰. Такая концепция может дать обратный эффект в поликультурной среде, и вместо патриотического воспитания получится сепаратизм в настроениях отдельных молодых людей.

Как видно, происходит одностороннее движение в трактовке проблемы инкорпорации Средней Азии и Казахстана в общеимперскую систему. В национальных государствах сформировалась официальная позиция в отношении к выбору наиболее выгодных исторических сю-

¹⁸ История Казахской ССР... Т. III. 1979. С.193, 194.

¹⁹ Богатырев 2009. С. 303.

²⁰ Ахметжанова 2010. С. 12, 125.

жетов, позволяющих идеализировать средневековые (до-российские) устои и традиции, а также некоторых ханов. Это не случайно.

Память о прошлом и обращение к ней представляют собой важное условие формирования национальной идентичности. Л.П. Репина точно определяет функции исторической памяти в зависимости от того, кем она трактуется: «Вполне закономерно, что в современной историографии особое внимание обращается на роль представлений о прошлом и исторических мифов как элементов политической, этноконфессиональной и национальной идентичности. При этом выясняется, что злоупотребления историей не ограничиваются авторитарными и деспотическими режимами, использующими мощный “административный ресурс” для монополизации исторической памяти. Они происходят и в обществах, которые не практикуют крутых репрессий по отношению к инакомыслию в сфере знания о прошлом и вообще допускают широкую свободу мнений, но располагают особой системой регламентации, включающей скрытые механизмы ограничений и поощрений вполне определенных, “полезных” исторических концепций, в том числе через избирательное финансирование обеспечивающей их инфраструктуры и управление государственными институтами памяти»²¹.

Теоретическое обобщение ученого исходит из реального положения дел с регламентированными историческими трактовками в целях формирования этнической идентичности. Для убедительности можно привести выдержки из статьи «Битва за историю: эпизод следующий», в которой главный редактор журнала «Центр Азии» С. Акимбеков заявил: «Когда российский президент Владимир Путин высказался по поводу отсутствия у казахов государства, это задело казахское общественное мнение именно потому, что это напрямую касалось вопросов идентичности... Естественно, что Астана не могла не отреагировать на такую постановку вопроса. Собственно, празднование в 2015 году 550-летия казахской государственности – это своего рода наш “ответ Чемберлену”». Далее автор поясняет: «Сегодня история является частью борьбы за идентичность, и ей надо уделять большое внимание... Запрос на идентичность в Казахстане сегодня огромен. Именно в этом не разобрались многие лидеры общественного мнения прошлого. Они по-прежнему пытаются спрятаться в тени общей идентичности бывшего СССР, не понимая, что сегодня это уже другая идентичность и другие государственные интересы»²². Понятна авторская установка, суть кото-

---

²¹ Репина 2006. С. 39. См. также: Репина 2011; 2013.

²² Акимбеков 2014. С. 54, 55.

рой заключается в идеализации средневекового ханства как казахской государственности, якобы представляющего одно из главных условий этнической идентичности на современном этапе.

Исторические ресурсы – это источники созидания. Надо искать в историческом прошлом точки роста для совместного созидания народов Евразии. В этом отношении Казахстану отводится особая роль, он непосредственно граничит с Россией, и исторические судьбы двух народов переплетены так крепко, что словосочетание «навек вместе» – не только советский лозунг, но и состояние души русских и казахов.

Ситуация с национальными историями, повышает уровень политической ответственности научных школ как Российской Федерации, так и государств региона за будущее их народов.

Конечно, национальные истории испытывают издержки становления на новом геополитическом фоне. Между тем, в историческом поле национальных государств происходят и позитивные перемены – развивается и обогащается источниковая база научных проектов, повышается профессионализм и компетентность исследователей, расширяются их творческие связи с российскими и другими зарубежными учеными, происходит обстоятельная и аргументированная документами критика политически ангажированных трактовок, порою граничащих с вымыслом. Так, кандидат исторических наук М.К. Сембинов в статье «Становление национальной истории Казахстана» пишет о переменах понятийного аппарата, используемого для освещения истории присоединения Казахстана к России: «Если в советское время оно именовалось не иначе как “добровольное присоединение”, и оценка деятельности хана Абулхаира – главного инициатора присоединения родов младшего жуза – носила только положительный характер, с употреблением эпитетов “мудрый”, “дально-видный”, “выдающийся”, сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не единственная возможность сохранения национального единства, то современная оценка этого процесса – уже в иных, более жестких категориях типа “поглощение”, “насильственное присоединение” и даже “военный захват”. Хан Абулхаир предстает сегодня как более приземленная личность, награждаемая эпитетами типа “властолюбивый”, “противоречивый” и даже “предатель” и “сепаратист”»²³.

Сходные наблюдения содержатся в статье доктора исторических наук Ж. Кундакбаевой «В поисках исторического нарратива Казахстана: “диалог памятей” или “национальная память”»: «Основная канва исторического нарратива, сложившегося к началу XXI в., выглядела следу-

---

²³ Сембинов 2003. С. 180, 181.

ющим образом: в центре Евразии жил свободолюбивый, гордый народ, имевший свои традиции и культуру, однако он был завоеван, а в дальнейшем идеологически подавлен другим народом, в результате чего утратил основные признаки национальной идентичности – язык, культуру, хозяйственный уклад... В мифологической трактовке подается в современной исторической литературе и образ Российской империи. С её политикой связывается потеря независимости, прерывание поступательного развития государственности. В казахстанских учебниках в неявной форме проявляется тенденция представлять Россию как “завоевателя”²⁴.

Смелые гражданские позиции отдельных казахстанских ученых показывают перспективы истории Казахстана, связанные с подлинно научными изысканиями. Подтверждением сказанного может служить кандидатская диссертация Д.Б. Тебаева на тему «Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.» (защищена на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова). В ней впервые показан Степной край как самостоятельный субъект международных отношений. Заслуживает внимания обстоятельный анализ историографии со всеми её достоинствами и издержками. В автореферате читаем: «Основным источником в распространении исторических знаний и идей выступал Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, который возглавлял академик М.К. Козыбаев. В институте активно культивировалась идея о насильственности колонизации, и Россия в её имперской ипостаси представлялась неким олицетворением зла... Работы академика М.К. Козыбаева описывали политику России как сугубо агрессивную»²⁵. Диссертационное исследование Тебаева дает новое видение истории средневекового Степного края и проблем его вхождения в состав Российской империи.

В историографии стран Центральной Азии и Казахстана происходит и другой процесс: на основе сочетания традиционных и новых методологических подходов, заимствования зарубежных (в том числе российских) инноваций, и особенно – обновления источниковой базы, расширяется подлинно научное исследовательское поле.

Безусловно, в формировании нового видения проблемы вхождения Центральной Азии и Казахстана неопределима роль российских научных исторических школ (особенно исторического факультета МГУ), которые внесли и вносят огромный вклад в изучение опыта интеграции Центральной Азии и Казахстана в состав России. Как никогда актуальны

---

²⁴ Кундакбаева 2009. С. 266, 277.

²⁵ Тебаев 2009. С.11.

книги профессора Г.Е. Маркова, посвященные этническим историям народов Средней Азии и Казахстана и, в этом контексте, их вхождению в состав России. По мнению ученого, на первых порах «принятие той или иной группой казахов русского подданства еще не влекло за собой непосредственного вмешательства царской администрации в их хозяйственную и социальную жизнь, что находило, в частности, отражение в том, что казахскими делами ведало Министерство иностранных дел. Но по мере укрепления связей казахов с Россией царские власти стали уже вмешиваться в их дела, вводить новые административные порядки»²⁶.

Перекосы в национальных историях и проблема их преодоления активно обсуждаются историками РАН. Академик А.О. Чубарьян высказался так: «Я думаю, что идея “ущербного самоощущения” от того, что какая-то нация какую-то часть своей истории провела в составе другого государства, только принижает саму эту нацию. Не на негативе надо искать свою идентичность, а на позитивном вкладе в общее достояние и культуру народов. Я могу понять австралийцев, которые попросили извинения у своих аборигенов, могу понять новозеландцев, уже готовых просить прощения по таким же соображениям, но при чем тут Россия? Перед какими “угнетенными нациями” ей извиняться?»²⁷. Принципиальную позицию в отношении национальных историй, в частности истории Казахстана, обозначил директор Института Российской истории РАН, руководитель проекта 20-томной «Истории России» проф. Ю.А. Петров. В интервью газете «Известия» он подчеркнул: «в Казахстане запланировали 20-томную историю Отечества. Периоду вхождения Казахстана в состав Российской империи там отведено два тома из 20 (тогда как последнему 20-летию, например, пять томов, хотя это внутреннее дело казахских историков). Так вот, один из упомянутых двух томов называется “Казахстан – колония России”, второй – “Национально-освободительное движение”». Далее на реплику корреспондента – «Ну, это их внутреннее дело», Ю.А. Петров ответил: «Но можем ли мы согласиться с такими трактовками по существу истории России, поскольку Казахстан был тогда провинцией Российской империи? Нет. Не можем»²⁸.

Оценка руководителей ведущих исторических институтов подтверждает необходимость подготовки фундаментальных интегрированных проектов, где должны быть даны развернутый анализ и обобщение уроков вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав России, с учетом необходимого обновления подходов и понятийного аппарата.

---

²⁶ Марков 1976. С. 137.

²⁷ Российская газета. 18.07.2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/07/18/istoriya.html>

²⁸ Интервью. 15.08.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/532951>

По сути, российские историки уже начали, не разрывая традицию преемственности в историографии, пересматривать историю вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи. При этом повышенное внимание уделяется разным историографическим традициям. Попытка преодолеть шаблоны и стереотипы современной историографии предпринята в диссертации С.Н. Брежневой, хотя с рядом определений трудно согласиться. По мнению автора, «Завоевание Туркестана Россией – это сложный многогранный процесс, который включал в себя как сопротивление местного народа, так и добровольное присоединение, и расценивать его однозначно нельзя. Цели России носили завоевательный характер, поэтому термин “завоевание” является более уместным. Однако, наряду с ним уместен и термин “присоединение”, так как завоевательный процесс имел продолжение в присоединении завоеванных территорий к России и установлении здесь российских административных порядков. Значит, оба термина имеют право на существование, так как они означают перманентный процесс вхождения нерусских народностей Туркестанского края в состав России»²⁹. Стоит подчеркнуть, что термин «завоевание» можно отнести лишь к некоторым территориям.

Историографическим событием, привлечшим внимание научной общественности, стала коллективная монография под редакцией и при авторстве известных российских ученых – С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова и Н.Е. Бекмахановой. В книге на основе системного подхода представлена панорама почти всех исторических событий, касающихся вхождения и обустройства народов Центральной Азии и Казахстана. Весьма ценным является анализ этнической структуры и духовной жизни многонационального населения региона. Совершенно правомерно звучит авторское признание о том, что «настоящая работа – попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. При этом авторы пытаются преодолеть стереотипы, с одной стороны, изображающие взаимоотношения России с её азиатской окраиной как абсолютно прогрессивное явление, с другой – те, которые видят в этих взаимоотношениях один лишь негатив»³⁰. Впоследствии размышляя о книге, Абашин констатировал: «Я могу сказать, что в Центральной Азии национальный нарратив влиятелен внутри своих государств, но за их рамками чаще всего выглядит архаичным и слишком идеологизированным. Российские исследования центрально-азиатского региона сильно ослабли, но в них скорее доминирует имперский нарратив. При этом парадокс состоит в том, что внутри самой

---

²⁹ Брежнева 2005. С. 47.

³⁰ Центральная Азия в составе Российской империи... 2008. С. 10.

Центральной Азии имперский нарратив сохранил довольно сильные позиции как среди русскоязычных (порою достаточно влиятельных) ученых, так и среди некоторых представителей “местной” научной элиты, которые критически относятся к националистической риторике»³¹.

Историографию проблемы дополняет книга известного историка Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования», включенная в золотую коллекцию серии «Россия забытая и неизвестная». Автором проработана масса ценнейших источников, многие из которых введены впервые в научный оборот. Однако при всех достоинствах книги, нельзя согласиться с таким утверждением: «Россия разделила судьбу Англии, Франции и других европейских государств, имевших колониальные владения. После распада колониальных империй на карте мира, главным образом в Азии и Африке, появились десятки независимых стран, обитатели которых на первых порах находились в состоянии эйфории, радуясь избавлению от заморских господ и наставников. Но проходили годы, а большие ожидания нового счастья и экономического процветания не сбылись, более того, положение в народном хозяйстве становилось заметно хуже в сравнении с колониальными временами»³². Такое сравнение неправомерно: политика и практика западных держав и России существенно различались. Авторское суждение можно опровергнуть словами генерал-лейтенанта М.А. Терентьева, который писал в 1875 г.: «Вся разница между нами и англичанами в том и состоит, что мы пришли как враги, а поступаем как друзья, англичане же вступили в Кабул как друзья, а стали обращаться с жителями как враги»³³. И сегодняшние реальности подтверждают правоту генерала М.А. Терентьева. До сих пор в Афганистане нет ни мира и ни спокойствия, он превратился в одну из горячих точек нашей Планеты. Можно вспомнить и то, что народы Центральной Азии и Казахстана получили статус суверенных государств благодаря российской политике, а не с оружием в руках, как это было в странах, зависимых от западных держав.

В целом в евразийском сегменте постсоветского пространства происходит неоднозначный историографический «ренессанс», в нем пока еще доминирует тенденция к отрицанию позитивных аспектов фактора «вхождения» как одно из условий формирования национальной идентичности. Однако есть и попытки беспристрастного исследования всего спектра вопросов, имеющих отношении к этому процессу.

---

³¹ Абашин 2008. С. 467.

³² Глущенко 2010. С. 3.

³³ Терентьев 1875. С. 301.

Интегрирование народов Центральной Азии и Казахстана в имперскую политическую и социально-экономическую систему заняло почти два столетия. Этот исторический период полон драматизма и достижений российской стратегии и тактики. Российские власти, как центральные, так и местные готовились основательно во всех направлениях – правовом, управленческом, кадровом, образовательном, научном, этнографическом, переводческом, военно-техническом и коммуникационном.

Особое внимание уделялось подготовке профессиональных кадров из представителей местных народов. Так, в 1789 г. Омске была открыта Ази[я]тская школа, комплектовавшаяся детьми казаков и казахов. Курсанты изучали общеобразовательные предметы – русскую грамоту и математику. С целью подготовки переводчиков и толмачей преподавались персидский, татарский, турецкий и арабский языки. В 1813 г., когда началась активная подготовка научных экспедиций и военных походов в Среднюю Азию, школа была преобразована в войсковое училище с усложненными учебными программами. Перечень дисциплин включал Закон Божий, чтение, чистописание, русский язык, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, географию, историю, полевую фортификацию, артиллерию, черчение планов и рисование. Одна из обязательных дисциплин – «Понятие о должности человека и гражданина». Казаки прекрасно владели казахским языком, и в анкете офицеров, не проходивших школьного учения, писали, что они – «русской грамоте – читать и писать умеют, [по-казахски] говорят». «Знание [казахского] языка между офицерами этой категории, как и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено»³⁴. Со временем было открыто отделение для подготовки съемщиков и топографов. Здесь учился талантливый востоковед Ч.Ч. Валиханов, который возглавил научно-исследовательские экспедиции в Кульджу и Кашгар. Видный ученый Н.И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой Востоковедения потомок [казахских] ханов и в то же время офицер Русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд»³⁵.

Огромный вклад в подготовку кадров, особенно казахской национальности, внес первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев. Его усилиями в 1744 г. была открыта татарская школа с изучением восточ-

³⁴ Записки Западно-Сибирского Отдела... 1893. С. 15, 16.

³⁵ Записки Императорского Русского географического общества... 1904. С. 1.

ных языков. В 1824 г. школа была преобразована в Неплюевское военное училище при Оренбургской Пограничной Комиссии местного ведомства по управлению оренбургскими казахами³⁶. Благодаря усилиям оренбургских военных губернаторов генералов Г.С. Волконского и П.К. Эссена выделялись стипендии для детей казахских чинов. Учебное заведение считалось колыбелью русского образования казахов.

Подготовка к продвижению России в Степь и Туркестан была фундаментальная. Офицеры, направляемые в регион, прекрасно владели восточными языками. Многие из генералов стали впоследствии известными учеными и писателями. Нельзя отрицать и другое, что признавалось самими генералами – это доминирование военных методов и стиля, не только в военно-народном и военно-окружном управлении, но и в гражданском устройстве. Другое негативное явление – случаи произвола и коррупции в местной управленческой среде.

Историографический «ренессанс» вызван прежде всего выбором облегченной концептуальной схемы: «империя – колония – национально-освободительное движение». При этом проводятся параллели между Россией и западными державами в вопросах хозяйственного освоения новых территорий. Подчеркнутый националистический нарратив прежде всего направлен на отрицание позитивной роли России в поступательном развитии региона, что может устраивать некоторых противников евразийской идентичности. На самом деле чрезвычайно многослойный исторический опыт Российской империи по инкорпорации или гражданскому устройству народов Туркестана и Казахстана уникален, и это обширное исследовательское пространство нуждается в тщательной разработке, с введением в оборот новых архивных документов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашин С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 467.
- Абдразаков Т.А. Экономические последствия присоединения Казахстана к России. Караганда. 1992.
- Акимбеков С. Битва за историю: эпизод следующий // *Центр Азии*. 2014. № 6.
- Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа. 2007.
- Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века / Отв. ред. Е. Бекмаханов. Алма-Ата. 1948.
- Ахметжанова А.Т. Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект. Дис. канд. ист. наук. Алматы. 2010.
- Богагырев В. Кыргызы: восстановление истории // *Национальные истории на постсоветском пространстве* // под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. 2009.

---

³⁶ Оренбургский Неплюевский кадетский корпус... 1896. С. 1-5.

- Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 7 / Библиографический институт (Мейер) в Лейпциге и Вене. СПб., 1902.
- Брежнева С.Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (втор. половина XIX в. – начало XXI в.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2005.
- Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- Горак, Славомир. Мифы Великого Туркменбаши / Вестник Евразии. 2005. № 2.
- Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XIV. Вып. 1. Составлен действ. членом Зап-сиб. отдела Г.Е. Катанавым. Омск, 1893.
- Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1904.
- Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители // Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2013.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалькова и А. Панкратовой. А-Ата, 1943.
- История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. III: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября / АН Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова / Глав. ред. А.Н. Нусупбеков. А-Ата. 1979.
- История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.) 3-е изд. Алматы. 2011.
- Касымбаева Ж.К. История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.). Учебник для 8 классов общеобразовательных школ. 2-е изд., перераб., дополн. Алматы. 2012.
- Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картой Средней Азии. СПб., 1870.
- Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве. М., 2009.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.
- Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования [казахов]. Оренбург, 1896.
- Проект Всеподданнейш[е]го отчета генерал-адъютанта К.П. Фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1885.
- Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Нестор, 2013. С. 8-16.
- Репина Л.П. Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях // Многоликость целого: из истории цивилизаций Нового и Старого Света. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 36-46.
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М. 2006.

- Сембинов М.К. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах... М. 2003.
- Тебаев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.
- Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- Хидоятов Г.А., Костецкий В.А. История Узбекистана (вторая половина XIX – XX вв.). 9 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных школ. Ташкент, 2006.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

REFERENCES

- Abashin S. Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii»// Ab Imperio. 2008. № 4. S. 467.
- Abdrakov T.A. Ekonomicheskie posledstviya prisoedineniya Kazakhstana k Rossii. Karaganda. 1992.
- Akimbekov S. Bitva za istoriyu: epizod sleduyushchii // Tsentr Azii. 2014. № 6.
- Akmanov A.I. Zemel'nye otnosheniya v Bashkortostane i bashkirskoe zemlevladienie vo vtoroi polovine XVI – nachale XX v. Ufa. 2007.
- Apollova N.G. Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka / Otv. red. E. Bekmakhanov. Alma-Ata. 1948.
- Akhmetzhanova A.T. Stepnoe polozhenie 1891 goda v Kazakhstane: istoricheskii aspekt. Dis. kand. ist. nauk. Almaty. 2010.
- Bogatyrev V. Kyrgyzy: vosstanovlenie istorii // Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve // pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. M. 2009.
- Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otraslyam znaniya. T. 7 / Bibliograficheskii institut (Meier) v Leipsige i Vene. SPb., 1902.
- Brezhneva S.N. Istoriografiya problemy prisoedineniya Turkestanskogo kraia k Rossii (vtor. polovina XIX v. – nachalo XXI v.). Avtoref. dis. d-ra ist. nauk. M., 2005.
- Glushchenko E.A. Rossiya v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. M., 2010.
- Gorak, Slavomir. Mify Velikogo Turkmembashi / Vestnik Evrazii. 2005. № 2.
- Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Kn. XIV/1. Sostavlen deistv. chlenom Zapsib. otdela G.E. Katanaevym. Omsk, 1893.
- Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etno-grafii. T. XXIX. Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova / red. N.I. Veselovskogo. SPb., 1904.
- Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: sodержanie, perspektivy, ogranichiteli // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M., 2013.
- Istoriya Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei / pod red. M. Abdykalykova i A. Pankratovoi. A-Ata, 1943.
- Istoriya Kazakhskoi SSR. S drevneishikh vremen do nashikh dnei. V pyati tomakh. T. III: Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya. Revolyutsionnoe i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v kanun Velikogo Ok-tyabrya / AN Kazakhskoi SSR. Institut istorii, arkheologii i etnografii imeni Ch.Ch. Valikhanova / Glav. red. A.N. Nusupbekov. A-Ata. 1979.
- Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Izdanie 1943 g.) 3-e izd. Almaty. 2011.
- Kasymbaeva Zh.K. Istoriya Kazakhstana (XVIII v. – 1914 g.). Uchebnik dlya 8 klassov obshcheobrazovatel'nykh shkol. 2-e izd., pererab., dopoln. Almaty. 2012.

- Kostenko L. Srednyaya Aziya i vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti. S kartoyu Srednei Azii. SPb., 1870.
- Kundakbaeva Zh. V poiskakh istoricheskogo narrativa Kazakhstana: «dialog pamyatei» ili «natsional'naya pamyat'» // Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve. M., 2009.
- Markov G.E. Kochevniki Azii. Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii. M., 1976.
- Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetских gosudarstvakh / pod red. K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predisl. F. Bomsdorfa. Izd. 2-e, ispr. i dop. M., 2003.
- Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya [kazakhov]. Orenburg, 1896.
- Proekt Vsepoddanneish[e]go otcheta general-ad"yutanta K.P. Fon-Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. Izdanie Voenno-uchenoogo komiteta Glavnogo shtaba. SPb., 1885.
- Repina L.P. Fenomen pamyati v sovremennom gumanitarnom znaniy i v perspektive istoricheskoi konfliktologii // Sotsial'nye posledstviya voyn i konfliktov XX veka: istoricheskaya pamyat' / Otv. red. E.P. Serapionova. SPb.: Nestor, 2013. S. 8-16.
- Repina L.P. Pamyat', istoriya i natsional'naya identichnost': «mobilizatsiya» ponyatii v istoriko-teoreticheskikh issledovaniyakh // Mnogolikost' tselogo: iz istorii tsivilizatsii Novogo i Starogo Sveta. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2011. S. 36-46.
- Repina L.P. Pamyat' i istoriopisanie // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoy. M. 2006.
- Sembinov M.K. Stanovlenie natsional'noi istorii Kazakhstana // Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetских gosudarstvakh... M. 2003.
- Tebaev D.B. Kazakhskie zhuzy i rossiyskaya politika na territorii Stepnogo kraya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX vv. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2009.
- Terent'ev M.A. Rossiya i Angliya v Srednei Azii. SPb., 1875.
- Khidoyatov G.A., Kostetskii V.A. Istoriya Uzbekistana (vtoraya polovina XIX – XX vv.). 9 klass. Ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol. Tashkent, 2006.
- Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii. M., 2008.

Мухамедина Шамшия, доктор исторических наук, профессор Уфимского государственного университета экономики и сервиса; mukhamedina@yandex.ru

Central Asia and Kazakhstan: historiographical “Renaissance” or social order

Conflicting interpretations of the shared history of Russia and the states of Central Asia and Kazakhstan can lead to a global political conflict. The revival of the Eurasian identity in a new geopolitical situation is impossible without a critical re-evaluation of the history of the process through which Central Asia and Kazakhstan had become parts of the Russian Empire. In this context, interaction and intergration of academic communities of historians becomes imperative.

Keywords: Central Asia, Eurasian integration, national history, historiographical "Renaissance", social order.

Shamshiya Mukhamedina, Dr.Sc. (History), Professor, Ufa State University of Economics and Service; mukhamedina@yandex.ru

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

А. А. ВОЙТЕНКО

ПАСТЫРЬ И ЕГО ПАСТВА ПРОПОВЕДЬ ЕПИСКОПА ПИСЕНТИЯ ИЗ КОПТОСА В ДЕНЬ ПАМЯТИ ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО*

В статье анализируются структура и содержание проповеди Писентия, епископа египетского города Коптос (Кифт) (ок. 569–630), произнесенной в день памяти египетского святого, Онуфрия Великого. Автор приходит к выводу, что основная особенность проповеди – фактическое отсутствие биографических данных об Онуфрии – является не случайной, а представляет собой часть замысла Писентия. Поскольку проповедь произносится для мирян и ее цель – моральное наставление, Онуфрий превращается в «идеального святого», почти лишённого индивидуальных особенностей, для того, чтобы подражание ему трактовалось как усердствование личных добродетелей, исходя из возраста и социального положения каждого члена христианской общины.

Ключевые слова: *гомилетика, культ святых, история Коптской Церкви.*

Настоящая работа явилась одним из результатов наших многолетних исследований агиографического досье известного египетского святого Онуфрия Великого. Среди посвященных ему позднеантичных и средневековых текстов есть несколько проповедей в его честь. Одна из них – «Слово на день памяти апы Онуфрия, произнесенное Писентием, епископом города Коптоса»¹. Эта проповедь справедливо названа одним из лучших образцов коптской гомилетики². К сожалению, это практически единственное произведение, вышедшее из-под пера епископа Кифта (или записанное за ним). Кроме него сохранился фрагмент другой его проповеди и псевдоэпиграф: приписанное ему послание, где автор предсказывает нашествие мусульман³. Однако от Писентия со-

---

* Мы хотели бы поблагодарить Польский комитет по делам ЮНЕСКО за предоставленную возможность работы в библиотеках Варшавского университета и библиотеке WMSD в декабре 2014 г., проф. Э. Випшицку (Варшавский Университет) и А. Будор (SNRS, IRHT) за копии необходимых для нашей работы материалов.

¹ Копт. Кебт, Кефт; араб. Кифт – город, расположенный севернее Луксора. Проповедь Писентия была издана В. Крамом: *Crum*. 1915–1916.

² *Detlef, Müller, Gabra*. 1991. P. 1979. Авторы этой статьи говорят о том, что проповедь Писентия – один из лучших образцов христианской гомилетики вообще, но это, скорее всего, преувеличение.

³ См. *Detlef, Müller, Gabra*. 1991. P. 1979. О том, что пророчество Писентия – псевдоэпиграф, указывал еще В. Крам: *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 228. Причины, по которым это послание приписано ему, можно без труда понять: в своем «Житии» Писентий описан как пророк и духоносец, предсказавший нашествие на Египет персов.

хранился архив, содержащий его переписку, и несколько версий его «Жития», что дает возможность взглянуть на эту неординарную личность с разных сторон. Судьба архива Писентия весьма извилиста. Стоит заметить, что время и место открытия большей части его документов можно установить лишь приблизительно: начало XIX в., район Фивейской горы. В ту «романтическую» эпоху грань между раскопками и грабежом была не столь очевидна как сейчас. В дальнейшем часть папирусов была приобретена Лувром, часть стала достоянием частных коллекций, поменяв уже не одного хозяина⁴. Еще одна часть архива была обнаружена во время раскопок монастыря Епифания на горе Шейх абд эль-Гурна⁵ экспедицией Метрополитен Музея в 1912–14 гг.: сейчас она хранится в Нью Йорке. Существуют публикации разных частей архива, но основная из них, сделанная Э. Ревийю в начале прошлого века⁶, к сожалению, не соответствует современным требованиям. В связи с этим, не так давно было объявлено о проекте переиздания всех известных документов из архива Писентия после предварительной критической работы⁷. Однако даже сейчас архив может дать ряд нужных сведений о контактах епископа Кифта, его адресатах и деятельности по решению разных дел – не только церковных, но и светских. Ж. Ван дер Влиет приводит в пример одно послание Писентия некоему Геннадию, которое позволяет судить о нем сквозь призму повседневности: если в агиографической традиции Писентий показан как великий молитвенник, способный чудесным образом лечить физические недуги, то здесь мы видим обычного человека, не пренебрегающего советами традиционной медицины⁸. Тот же ученый приводит еще один пример совместного изучения данных переписки Писентия и его «Жития» – несколько случаев рассмотрения им матримониальных дел⁹.

А. Ван Лент и Ж. Ван дер Влиет указывали, что последующие поколения коптов таким образом воздали должное епископу Кифта как писателю и провидцу – *Van Lent, Van der Vliet* 1996. P. 213 (английское резюме). Послание издано А. Перье: *Périer*. 1914.

⁴ Подробнее об истории архива см. *Calament*. 2012. P. 109-110; *Van der Vliet*. 2013. P. 263-268.

⁵ Район Луксора, на другом берегу Нила, недалеко от Мединет Абу (Джеме).

⁶ *Revillout*. 1900–1914.

⁷ См. *Calament*. 2012. Проблема, помимо поиска частей архива, заключается в их точной атрибуции епископу Кифта, поскольку существовало несколько Писенти-ев и часть изданных документов не может иметь к этому архиву отношения.

⁸ Геннадий пишет, что страдает недержанием мочи и просит помочь. Писентий в ответ посылает ему лекарственную траву, рекомендованную врачом, и сообщает, что если сварить ее и выпить отвар с небольшим количеством меда, то она должна помочь от недуга. См. *Van der Vliet*. 2002. P. 62.

⁹ См. *Van der Vliet*. 2002. P. 66-70.

Епископ Писентий – святой Коптской церкви, его память отмечается 13 абиба¹⁰. Факты его «Жития» четко свидетельствуют о том, что он принадлежал к нехалкидонской общине Египта. Вслед за коптской память Писентия чтит и Эфиопская церковь. Но не у каждого коптского святого агиографическое досье имеет столь хорошую сохранность. Разные версии «Жития Писентия» сохранились на саидском и бохайрском диалектах коптского языка, а также по-арабски. Принципиально важной находкой последних лет является открытие, сделанное польскими археологами в районе Шейх абд эль-Гурна: в 2005 г. во время исследования двух могил Среднего Царства (ТТ 1151–1152) была обнаружена саидская папирусная рукопись с еще одной версией «Жития Писентия»¹¹. Рукопись предварительно датирована второй половиной VII в., т.е. временем, очень близким к кончине Писентия, что указывает на быстрое распространение его почитания, по крайней мере, в районе Фивейской горы. Помимо этой рукописи имеется полная рукопись с саидской версией, изданная Э. Баджем¹², полная бохайрская версия, изданная Э. Амелино¹³, а также несколько фрагментов из других рукописей, отчасти изданных В. Тиллем¹⁴. Существует фрагмент коптского текста с цитатой из «Жития», происходящий из Каср Ибрима¹⁵, что свидетельствует о распространении почитания Писентия в приграничных с Египтом районах Нубии. Арабская версия «Жития» по двум рукописям из Национальной библиотеки Франции издана Д. Лейси О'Лери¹⁶. В настоящее время изучением рукописи из Шейх абд эль-Гурна и подготовкой критического издания коптского текста «Жития Писентия» занимается Р. Деккер. По ее мнению, и коптские, и арабские версии происходят от одного первоисточника, который по-разному разрабатывался составителями разных редакций¹⁷. Саидская и бохайрская версии представляют собой сокращен-

¹⁰ Что соответствует 7 июля по европейскому календарю.

¹¹ Подробности открытия рукописи см.: *Górecki*. 2007, а также *Dekker*. 2010. P. 22–23, первичная идентификация рукописи как «Жития Писентия» – *Myszor*. 2007.

¹² *Budge*. 1913. P. 75–127 (текст), P. 258–334 (перевод).

¹³ *Amélineau*. 1887. P. 73–163 (текст и перевод).

¹⁴ *Till*. 1934. S. 31–36 (текст), 37–43 (перевод). Есть еще несколько фрагментов текста на папирусах VII в., частично они изданы Г. Габрой – см. *Dekker*. 2010. P. 21.

¹⁵ Фрагмент не издан. Он датируется VIII в. Подробнее о нем см. *Dekker*. 2010. P. 22. Помимо него есть два светильника, предположительно IX в. с обращением к Писентию, происходящие из Фараса, столицы самого северного из нубийских царств – см. *Dekker*. 2011. P. 331, n. 3; *Detlef, Müller, Gabra*. 1991. P. 1980.

¹⁶ *O'Leary*. 1930 (текст и перевод).

¹⁷ Вероятными авторами изначальной версии могли быть Иоанн и Моисей, два ученика Писентия. Возможно, именно этот Моисей, которому Писентий завещал свой

ный вариант текста, составленный в форме энкомия. Арабская версия, более пространная, восходит к тому же первоисточнику, но разрабатывает его материал по-иному: нарратив группируется вокруг «чудес»¹⁸, где редуцированы все авторские или редакторские замечания, которых, например, весьма много в саидской версии. Предположения Р. Деккер представляются нам важными, поскольку арабская версия сохранила немало интересных подробностей, отсутствующих в коптских версиях, и эти сведения важны как для реконструкции биографии Писентия, так и в качестве сравнительного материала при анализе его «Слова»¹⁹.

Основные события жизни Писентия выглядят следующим образом. Он родился ок. 569 г. в зажиточной крестьянской семье в деревне Псамир (или Пшамер) в районе нома Гермонтис²⁰. Вероятно, он получил образование в Гермонтисе – на это косвенно указывает арабское «Житие»²¹. С детских лет Писентий склонялся к монашескому образу жизни и довольно рано поступил послушником в монастырь Абу Абифам (или абу Макарам), находящийся «на горе Шама»²². Затем Пи-

архив, впоследствии стал епископом Кифта. В арабском «Житии» фигурирует третий автор: Феодор из Скита. С ним связана часть нарратива арабских версий «Жития».

¹⁸ По сути, арабская версия делит весь текст на «чудеса», которые там и являются нарративными единицами, заменяющими главы. Здесь и далее при цитировании арабской версии мы пользуемся ее английским переводом Д. Лейси О'Лери.

¹⁹ Правда, авторы статьи о Писентии в «Коптской энциклопедии» намекают на то, что часть материала арабской версии может восходить к какой-то ранней средневековой традиции, но никак при этом свою мысль не аргументируют (*Detlef, Müller, Gabra*. 1991. P. 1979).

²⁰ *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 121, 225; *O'Leary*. 1930. P. 330: Шубра (Пшемира?); ср. *Calament*. 2012. P. 108. Каламан указывает только район нома Гермонтиса. Бадж предполагал, что Писентий жил неподалеку от Кифта (*Budge*. 1913. P. xli). То, что семья была зажиточная, вытекает из сообщения «Жития» о том, что Писентий пас скот, принадлежавший его семье и, возможно, делал это не один: *Budge*. 1913. P. xli, 85, 271; *O'Leary*. 1930. P. 331, ср. *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 225.

²¹ В арабском «Житии» упоминается о философе и жителе города Гермонтис вместе с которым Писентий ходил в школу: *O'Leary*. 1930. P. 333. Бадж, опираясь на сообщение бохайрского «Жития» о том, что Писентий знал наизусть всю псалтирь, предполагал, что он получил образование в одной из христианских школ Кифта: *Budge*. 1913. P. xlii.

²² Лейси О'Лери предполагал, что это монастырь Фиваммона (Дейр эль Бахари): *O'Leary*. 1930. P. 323. Однако есть другое предположение, основанное на том, что к этому времени монастыря в Дейр эль Бахари еще не существовало. Монастырем на «горе Шама» следует считать другой монастырь Фиваммона, который был расположен примерно в 9 км. от Дейр эль Бахари: см. *Wipszyska*. 2015. P. 39-40, п. 44. Авторы статьи в «Коптской энциклопедии» пишут, что в монастырь Писентий пришел в возрасте 7 лет (*Detlef, Müller, Gabra*. 1991. P. 1979), однако не ясно, на чем основано их утверждение.

сентий решил жить уединенно в полуотшельнической общине горы Тсенте, расположенной на восточном берегу Нила в районе Нагады, которую идентифицируют с современной гебель эль-Газас²³. Но клир города Кифт захотел сделать его своим епископом. Далее в «Житии» описано, как он, не желая рукоположения, бежит в район Джеме и прячется там, но его ищут и находят и он в конце концов соглашается на предложение клира. После этого его отправляют к патриарху Дамиану, который его рукополагает и высылает вместе с ним делегацию клириков, которые «сажают его на епископский трон»²⁴. Это событие предположительно произошло в 599 г²⁵. Весь последующий материал разных житийных версий не упоминает о том, что Писентий когда-либо приходил в Кифт или служил литургию в его кафедральном храме. Весь «пейзаж» «Жития» исключительно сельский: мы видим, как Писентий принимает посетителей из города или из деревни в монастыре возле Джеме или на горе Тсенте²⁶, обходит с инспекторской миссией деревни своей епархии²⁷, производит дознание вместе с клиром Кифта в монастыре²⁸, служит там литургию²⁹ и т.д. Кроме того, данные его архива не содержат никаких сведений о том, что он ведет какие-то дела в Кифте. Все это напоминает положение, сложившееся в Сирии примерно в это же время, о чем писал Э. Хонигманн. Он указывал, что после смещения с кафедры Севира Антиохийского, возникла следующая ситуация: халкидонские епископы размещались в столицах епархий, а нехалкидониты были выдвинуты в хору и их епископские резиденции находились в монастырях³⁰. На это же, но только применительно к египетским реалиям, указывает Э. Випшицка: она предполагает, что в Верхнем Египте (по крайней мере, в епархиях Коптоса и Гермонтиса) халкидонский епископ находился в городе и оставлял деревни (или некоторые из деревень и мо-

²³ См. *Calament*. 2012. P. 108, n. 11; *Dekker*. 2010. P. 21.

²⁴ *Amélineau*. 1887. P. 108.

²⁵ *Calement*. 2012. P. 108; *Dekker*. 2011. P. 332.

²⁶ *Budge*. 1913. P. 106-107, 299-300 (пастух, видимо, из деревни), P. 110-112, 304-306 (человек из района Кифта), *O'Leary*. 1930. P. 333-335 (философ из Гермонтиса), P. 405-407 (иностранец солдат из деревни), P. 407-409 (городской священник), P. 409-411 (сельский священник), P. 449-450 (аристократ, вероятно, из города).

²⁷ *Budge*. 1913. P. 112, 306.

²⁸ *O'Leary*. 1930. P. 436-442: речь идет о дознании изменявшей мужу женщины, которая уверяла, что ее бросил муж без видимой причины.

²⁹ *Budge*. 1913. P. 120, 315; *Amélineau*. 1887. P. 133; *O'Leary*. 1930. P. 405.

³⁰ *Honigmann*. 1951. P. 173-174. Хонигманн приводит также пример нехалкидонского патриарха Феодора, который после интронизации остался в монастыре. Правда, он же указывает, что можно предполагать наличие нехалкидонских епископов в городах, если епархия была маленькая и большинство верующих были их сторонниками.

настырей) на «откуп» нехалкидонского епископа. Это не означает, что местные церковные власти не поддерживали императорской политики гонений на еретиков, однако, на деле имел место компромисс, который позволял обоим сторонам свободно действовать внутри неформальных зон разделения³¹. Ж. Ван дер Влит, приводя точку зрения Випшицкой и Хонигманна, все же допускает и другой вариант: Писентий мог иметь две канцелярии, одну в монастыре, другую — в Кифте³², чем, возможно, и объясняется отсутствие документов из Кифта в его архиве, которым мы располагаем. Но такая точка зрения не объясняет тотального молчания агиографической традиции о его деятельности в столице епархии. В качестве модели поведения Писентия иногда приводят образ жизни Афу, ставшего епископом Оксиринха, но забывают указать при этом на одну существенную деталь: в «Житии Афу» сообщается, как он приходил на выходные в столицу своей епархии, совершал здесь службу и проповедовал, там же кратко описано, как он вел церковную бухгалтерию в Оксиринхе³³, чего нет ни в одной из версий «Жития Писентия». Поэтому точка зрения Випшицкой выглядит в данном случае более обоснованной, а указание «Жития Писентия» о том, что люди Дамиана «посадили» его на епископский трон, скорее всего, следует понимать как интронизацию, которая могла проходить совсем не в Кифте, а, например, в одной из нехалкидонских церквей или монастырей этой епархии.

Но вернемся к биографии Писентия. Став епископом и сделав свою резиденцию в монастыре, неподалеку от Джеме³⁴, он тем не менее развернул активную пастырскую деятельность: помимо инспекции сельских церквей, о чем уже упоминалось, мы находим данные, что он рассылал пастырские послания³⁵, наладил целую систему помощи немущим (особенно в зимний период), передавая средства надежным людям в городах и деревнях³⁶. Кроме того, он принимал у себя людей или улаживал какие-то спорные вопросы с помощью писем, о чем свидетельствуют многочисленные данные из его «Жития», а также его архив. Во время вторжения персов в Египет Писентий скрывается в рай-

---

³¹ См. *Wipszycka*. 2007. P. 245. Такие выводы исследовательница делает на основе анализа архива Писентия и данных его «Жития», а также данных архива Авраама, епископа Гермонтиса.

³² *Van der Vliet*. 2013. P. 269.

³³ *Rossi*. 1886. P. 79-81. «Житие Афу» написано, вероятнее всего, в конце IV – начале V вв., т.е. он жил задолго до христологических споров.

³⁴ Если посмотреть на карту можно без труда увидеть, что от Джеме до Тсенте не более 20-25 км. по прямой: см. напр., *Papakonstantinou*. 2001. P. 470.

³⁵ *Budge*. 1913. P. 94, 96, 281, 283.

³⁶ *Budge*. 1913. P. 94, 283.

оне Джеме, в том числе в могилах фиванского некрополя: «Житие» содержит интересный эпизод о его беседе с мумией³⁷. Вероятно после того, как персы оставили Египет, Писентий возвращается в свою резиденцию на горе Тсенте, где и умирает. Его кончину датируют между 629 и 632 гг., т.е. примерно за десять лет до захвата Египта арабами³⁸.

Точное время и место произнесения Писентием «Слова» неизвестно, но об этом были высказаны некоторые предположения. В. Крам полагал, что проповедь относится к тому времени, когда Писентий еще не был епископом³⁹. Такой вывод он делает на основании того, что в конце проповеди ее автор назван не епископом, а «апой Писентием с горы Тсенте». Однако по наблюдениям Ф. Каламан, Писентия именовали по-разному: помимо «епископа» или «епископа Кифта» – «Писентий с горы Тсенте», «тот, который с горы Тсенте», «Писентий отшельник» и т.д.⁴⁰, поэтому аргумент Крама не может быть решающим. Мы полагаем, что Писентий произнес эту проповедь уже будучи епископом, поскольку весь ее характер и «настроение» говорит об этом: человек, ее произнесший – это пастырь, поучающий свою паству. Вероятно, Писентий мог составить ее после интронизации и, вероятно, еще до персидского вторжения: таким образом, ее появление приблизительно можно датировать между 600 и 619 гг. Но Крам прав в том, что Писентий был выбран кандидатом на епископскую кафедру не в последнюю очередь из-за своего проповеднического таланта⁴¹. Крам также предположил, что «Слово» было произнесено в церкви местечка Паллас (совр. эль-Баллас), расположенного примерно в километре вниз по течению от Кифта, на противоположном берегу Нила⁴². Основанием для такого предположения послужило упоминание в одном из коптских папирусов «диакона церкви святого Онуфрия», находящейся в этом месте⁴³. Из самой проповеди явствует, что она была произнесена в «месте (τόπος) святого Онуфрия»⁴⁴, в церкви, ему

---

³⁷ Этот эпизод сохранился в бохайрской и арабской версиях: *Amélineau*. 1887. P. 142-151; *O'Leary*. 1930. P. 420-429.

³⁸ *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 228: 631-632 гг.; *Calament*. 2012. P. 108: 629 г.; *Dekker*. 2011. P. 333: 632 г.; *Van der Vliet*. 2013. P. 263: 632 г.

³⁹ *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 227.

⁴⁰ *Calament*. 2012. P. 108.

⁴¹ *Winlock, Crum*. 1925. I. P. 227.

⁴² Упоминание об этой деревне, как указывает Ф. Каламан, встречается среди документов архива Писентия: *Calament*. 2012. P. 114.

⁴³ См. *Crum*. 1915-1917. P. 41. В папирусе упомянуты две церкви: «апы Сансно в Палласе» и, строкой ниже, «церкви Онуфрия». Крам предполагает, что они должны были находиться поблизости одна от другой.

⁴⁴ *Ibid*. P. 46, 56.

посвященной, где находилась «рака (μαρτύριον) святых»⁴⁵: можно предположить, что в реликварии были и частицы мощей этого отшельника.

Важной особенностью проповеди является то, что она не дает никакой биографической информации об Онуфрии Великом, а представляет собой моральные наставления Писентия своей пастве⁴⁶. Однако проповедь является продуманным и логически выстроенным произведением, где личность Онуфрия занимает значимое место. Предположение о том, что Писентий не был знаком с «Житием Онуфрия Великого» мы сразу же отвергаем: во-первых, он сам был склонен вести уединенный образ жизни, а потому, вероятнее всего, не мог не знать о подвижнике, ставшем идеалом отшельнической жизни, во-вторых, в разных версиях «Жития Писентия», имеется достаточно подтверждений, что в его время существовала связь между монастырями вокруг Фивейской горы (например, Дейр эль-Бахари) и монастырями Скита⁴⁷, где, как мы полагаем, и зародился культ этого святого⁴⁸. Все это приводит к выводу, что отказ от «биографических» подробностей в «Слове» Писентия не случаен, а закономерен: это часть «стратегии» Писентия как проповедника. Следует обратить внимание и на обстоятельства появления «Слова»: оно произносится в сельской церкви⁴⁹ для мирян с целью исправления их нравов. При этом Писентию как пастырю было безусловно известно, что Онуфрий – один из почитаемых здесь святых⁵⁰. Единственный выход в такой ситуации – не рассказывать, как героически отшельник жил в полном одиночестве 60 лет в пустыне, питаясь лишь финиками (с таким рассказом в обществе мирян, пришедших на проповедь, он вряд ли был бы понят), а сделать так, чтобы образ великого отшельника стал примером спасения для людей, живущих в миру и в браке. Поэтому личность Онуфрия в проповеди подвергнута полной деперсонализации и лишена каких бы то ни было биографических подробностей: Онуфрий – один из святых, чьей вере и жизни надо подражать⁵¹, это та основа, на которой Писентий стро-

⁴⁵ *Crum*. 1915-1916. P. 51.

⁴⁶ На это обратил внимание уже ее издатель (*Ibid*. P. 41).

⁴⁷ В арабской версии «Жития» говорится о некоем монахе Феодоре, который пришел из Скита в монастырь Фиваммона: *O'Leary*. 1930. P. 328, бохайрское «Житие» содержит достаточно аллюзий на Скит и те тексты, которые там были созданы, см. напр., *Amélineau*. 1887. P. 75, 103. Правда, Р. Деккер указывает, что бохайрская версия сама по себе – адаптация «Жития» монахам Скита: *Dekker*. 2010. P. 29.

⁴⁸ См. *Войтенко*. 2011. С. 116.

⁴⁹ Писентий называет это место деревней: *Crum*. 1915–1916. P. 49.

⁵⁰ Мы можем говорить о том, что как минимум с VI в. почитание Онуфрия выходит за пределы монастырей и распространяется в египетской хоре. Более подробно об этом см.: *Войтенко*. 2011. С. 119-120.

⁵¹ На это обратил внимание Крам (*Ibid*. P. 41), не объяснив мотивов.

ит свое поучение. Начинает он с мысли апостола Павла о подражании святым (Евр. 13:7)⁵². Но подражание, согласно Писентию, не есть полное подобие, вероятно, поэтому всякие аллюзии на «Житие Онуфрия» здесь исключены. Подражание святому – это уподобление ему не по образу жизни, а по добродетелям. «Да будем подражать жизни его святой, каждый по-своему», – указывает Писентий⁵³. И далее разворачивает целую программу такого уподобления, касаясь как социального происхождения, так и поведенческих аспектов своей паствы. Начинает он с молодежи. Их уподобление святому – хранение тел и мыслей своих в чистоте:

«Вот юноши, которые в силе (своей) молодости, и девушки, тела которых молоды... вспомните подвиги и жизнь этого мужа праведного и по его примеру сражайтесь с грехом и избегайте мыслей лукавых. Храните вашу юность от (всякой) грязи, свободной, благочестивой и всецело достойной, пока не (сочетались вы) узами брака (?)⁵⁴».

Далее рекомендации Писентия касаются супругов: он указывает им на важность хранить супружескую верность друг другу, а затем переходит к наставлениям сильных мира сего. Добродетели, при помощи которой они могут уподобиться святому отшельнику – честность и справедливость:

«А ты, кто управляет другими, если увидишь кого-то, кого притесняют, то учини праведный суд над всеми — и в этом будешь ревнителем дел праведного апы Онуфрия»⁵⁵.

Как выясняется, богач тоже в состоянии уподобиться святым, для этого ему нужно не заниматься ростовщичеством и заботиться о бедняках:

«Если ты кормишь бедняков тем, что Господь дал тебе, то ты сам подобно святым станешь мудрецом. И увидишь ты высоту благой жизни и уподобишься им»⁵⁶.

Епископ Кифта сам мог бы послужить примером такой благотворительности: согласно данным «Жития Писентия» ему удалось наладить эффективную систему помощи беднякам. Но важно здесь другое: если не по букве, то по идее позиция Писентия имеет явные параллели с известным трактатом Климента Александрийского «Какой богач спасется?». Там, вероятно, впервые известные слова Христа (Мф. 19: 21-24) были подвергнуты символической экзегезе, не предполагающей полного отказа от собственности на пути духовного совершенства. Основная идея Климента – материальное богатство само по себе не благо и не зло,

---

⁵² Ibid. P. 43-44. К сожалению, далее в сохранившемся тексте есть лакуны, поэтому мысль Писентия понятна не до конца.

⁵³ Ibid. P. 44. Здесь и далее перевод наш.

⁵⁴ Ibid. P. 44-45. Фраза с лакунами. Мы принимаем реконструкцию Крама.

⁵⁵ Ibid. P. 45.

⁵⁶ Ibidem.

все дело в том, на что его направить⁵⁷ – подспудно присутствует и у Писентия. Далее Писентий касается двух пороков, вероятно, сопровождающих людей при власти и достатке⁵⁸: злости и зависти. Он противопоставляет им одну из основных добродетелей святых – смирение⁵⁹.

Затем Писентий переходит к не менее важному вопросу: о соотношении формы и содержания при почитании святого. Здесь, по его мнению, почитание святых не должно быть поверхностным и формальным, а должно сочетать в себе чистоту «жестов» и чистоту помыслов. При этом проповедник явно порицает все светские формы выражения похвалы заодно с теми, кто их практикует:

«Похвала святым устраняет любую похвалу земную, ибо не любят святые весельчаков или скоморохов, или пьяниц, или тех, кто хлопает в ладоши, подобно тем людям, которые изумляются, или танцоров и других бесстыдных лжецов⁶⁰».

Всему этому противопоставляется молитва, пост, святость брачных уз или целомудрие в качестве достойной похвалы святым. Здесь Писентий явно выступает как строгий аскет, но, в то же время, не переходит грань дозволенного при наставлении мирян. Далее он рисует картину расхождения «жестов» и дел у некоторых христиан, а мы получаем интересное свидетельство о неприглядных нравах в его епархии:

«Если же, о человек беспечный, ты приходишь в это место святых, но (сам) ты развратник (...)»⁶¹, или если ты мошенничаешь с имуществом ближнего твоего, чтобы отнять его, или ненавидишь его, или завидуешь ему жгучей ненавистью, или ты – тот, кто нарушает закон (в отношении) ближнего твоего ради взятки, или ты – пьяница, или усердствуешь в словах бесплодных и песнях развратных. И если же вы таковы и поступаете так, вы, пришедшие в место святых, то бесполезно вам приходиться (сюда). Ибо такие дела, которые ненавидят святые, не убедят святых в том, что сделали вы это искренне⁶²».

Но далее Писентий делает интересный поворот, сравнивая жизнь христианина с занятием купца: деятельность торговца и все его усилия тратятся на то, чтобы в конечном итоге получить прибыль. Но эта прибыль материальна, а поэтому преходяща. К тому же на этом пути человека может постигнуть неудача. Так не лучше ли ревновать о получении прибыли в духовных делах и уподобиться «купцам Царствия Небесного»,

⁵⁷ *Clemens Alexandrinus. Quis diues saluetur*, особ. сар. 13-16, текст и англ. пер.: *Climent of Alexandria. The Exhortation*. P. 294-303.

⁵⁸ Такой вывод можно сделать из слов Писентия о том, что не нужно никому мстить даже если у тебя есть такая возможность.

⁵⁹ *Ibid.* P. 45-46.

⁶⁰ *Ibid.* P. 46.

⁶¹ В тексте – лакуна, часть фразы, не ясную до конца, мы опустили.

⁶² *Ibid.* P. 47.

т.е. святым. Следует отметить, что образ купца в раннехристианской литературе – одна из наиболее интересных и наименее изученных тем.

Затем Писентий снова возвращается к теме соответствия образа мыслей и поведения. На этот раз очень сильно достается женщинам:

«Женщинам же, не (следует) вести себя надменно, (когда) глаза их смотрят бесстыдно в лицо мужчинам, и не (следует) ходить им с открытым лицом не только в месте этом, но и по улицам вашей деревни. Ибо вы знаете, что множество раз я предупреждал вас, о женщины, о наших заповедях и о соблюдении (их) вами, (чтобы) вы стыдились и прекратили ваше безумие. (...) Призываю вас и повелеваю самым грозным повелением, чтобы ни одна женщина во всем мире не открывала дверей своего дома с непокрытой головой, и не поднимала взор свой на любого чужого мужчину, но чтобы гуляли вы всякий раз, о женщины, с потупленным в землю взором, и чтобы одеяния ваши (были) достойными, а также украшения ваши пусть будут всегда в меру и (не нарушают) благочестия»⁶³.

Т. Вивиан писал о том, что здесь еще до ислама мы находим некоторые схожие предписания⁶⁴, но параллели существуют и в других агиографических текстах: так, например, блаженный Афу не причащал тех женщин, которые подходили к чаше разнаряженные и в украшениях и не пускал в храм тех, у кого не было покрывала на голове и открыты руки⁶⁵. Вероятно, здесь Писентий проявляет всю свою суровость аскета. Здесь также угадываются представления о том, что определенная одежда или украшения у женщин могут провоцировать у мужчин сексуальное влечение. Затем епископ Кифта переходит к проблеме воспитания детей, указывая на то, что ребенок или подросток, который «забавляется множество раз» укрепляется в грехе⁶⁶, а родитель плохо воспитывающий свое чадо будет отвечать в мире ином в том числе и за это. И здесь, помимо прочего, мы видим резкое осуждение всякого рода музицирования с помощью музыкальных инструментов (в частности, осуждаются кифареды)⁶⁷. Вероятно, Писентий мыслит в русле общепринятой в Поздней Античности традиции, что инструментальная музыка не согласуется с новозаветной идеей Церкви как Тела Христова⁶⁸.

Далее проповедник дает наставления, как следует совершать праздник памяти святого в храме и вне его. Здесь важно указание на

⁶³ Ibid. P. 49.

⁶⁴ Vivian. 1993. P. 169.

⁶⁵ Rossi. 1886. P. 81.

⁶⁶ Crum. 1915–1917. P. 50.

⁶⁷ Ibid. P. 50.

⁶⁸ См. напр., Мейендорф. 2000. С. 68. Отметим также, что в данном месте Писентий осуждает и использование различных ударных инструментов, но фраза (Ibid. P. 50) не совсем ясна. Наш перевод: (не позволяйте) «использовать» то, по чему молотят палками»; ср. Crum. 1915–1917. P. 62 (со ссылкой на Ис. 1:14) и Vivian. 1993. P. 181.

обращение к Онуфрию как посреднику перед Господом: мы уже указывали на то обстоятельство, что распространению культа этого святого мог способствовать один пассаж в «Житии», где он призывает всех чтить его имя, обещая раздающим милостыню и молящимся «во имя его» вход на пир святых⁶⁹. Возможно именно на это подспудно указывает Писентий. Из следующих пассажей его проповеди мы узнаем немало любопытного о «традициях» его паствы: помимо очередного предупреждения, что в праздник не следует слишком бурно проявлять свои эмоции, петь, хлопать в ладоши и всячески вопить, Писентий указывает на то, что не нужно дома во время праздника усердствовать в еде и питье, не следует после службы садиться возле дверей церкви и пустословить, не надо спать при псалмопении, не надо задерживаться у раки святых⁷⁰, и, наконец, к алтарю под причастие надо идти с «великой осмотрительностью, не толкаясь»⁷¹. В связи с последним можно вспомнить замечание о Роберта Тафта о том, что «несмотря на романтическую ностальгию о “золотом веке святоотеческой литургии”, в тот период Поздней Античности поведение мирян в храме оставляло желать лучшего, а человеческие страсти часто брали вверх над благоразумием. Свт. Иоанн Златоуст в беседе “О крещении Христовом” описывает причащение мирян в Антиохии как полную неразбериху: “приступают не с трепетом, но с давкою, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, толкая ближних, полные смятения”»⁷². Так что замечание Писентия в таком контексте выглядит более чем уместным. «Лекарство» от таких пороков Писентий видит во внимательном отношении к тому, что говорят и читают во время службы (слова эти следует «начертать на скрижалях сердца», помнить всегда и передавать другим), а также в практике молитвы и в том, что в христианской аскетической традиции называется «памятью смертной», ибо, по его словам, «памятование о смерти есть бегство от греха»⁷³. Завершается проповедь словами о милосердии Божиим и святых как посредниках и заступниках, «угодивших Богу еще в веке сем». Здесь еще раз он вспоминает об отшельнике Онуфрии, в храме которого Писентий и проповедует⁷⁴.

---

⁶⁹ См. *Войтенко*. 2011. С. 115.

⁷⁰ Вероятно, к мощам выстраивалась очередь, и те, кто слишком задерживались у «мртирия», мешали другим.

⁷¹ *Crum*. 1915–1917. P. 51–53.

⁷² *Тафт*. 2010. С. 286 (ср. С. 185). Далее Тафт пишет о том, что примеров недостойного поведения перед алтарем в момент причастия (как на Востоке, так и на Западе) можно привести великое множество: Ук. соч. С. 286.

⁷³ *Crum*. 1915–1917. P. 51–54.

⁷⁴ *Ibid*. P. 56–57.

Но есть одна сквозная тема в проповеди Писентия, которую стоит разобрать отдельно: это тема добрачных и внебрачных отношений между полами. Писентий настойчиво возвращается к ней снова и снова (практически с самого начала «Слова»). Квинтэссенцией всего сказанного им на эту тему могут быть следующие его слова:

«Так что мешает тебе взять жену, о мужчина, чтобы не пребывать тебе в блуде? Или кто мешает тебе, о женщина, вступить в брак по закону, чтобы не находить повода ко блуду? Если невозможно вам воздержание – то вот, брак, который чист, предписывает тебе, мужчина, взять женщину по закону, а женщина пусть выйдет замуж, и да не коснется вас грех! Только не творите блуда, ибо убоги вы и не сможете понести скорбей, о (вы), кто марает тело свое блудом – будь то мужчина или женщина, если увидишь ты топор или меч, готовый пасть на тело твое и плоть твою, (то) страх и трепет заставит тебя похолодеть почти как эти камни. И ты будешь сильно молить в слезах, что ты раскаиваешься и обещаешь отныне не грешить (тем) людям, что наказывают тебя. И если ты, о человек, ныне боишься тех, кто наказывает тебя погубелью тела, жалкий ты человек, насколько же более тебе надлежит бояться Бога, Кто может уничтожить твою душу и твое тело в геенне, ибо ты не удалился от греха? И ты услышишь приговор себе во всякое время, о блудодей, ибо говорят тебе: “Того, кто осквернил храм Божий, уничтожит Господь”. И еще слышал ты о тех, кто согрешил, что тела их падут оземь, (когда еще) стоят они на ногах своих, и очи их выльют воду в углы очей, и языки побледнеют в устах их (ср. Зах. 14:12). И еще (сказано): “Червь их⁷⁵ не умрет, и пламень их (не) угаснет и станут они видимы всякой плоти (Ис. 66: 24)⁷⁶».

Почему Писентий уделяет такое значение данному вопросу? Как нам кажется, существует два варианта ответа: либо он слишком плохо знал свою паству, либо он ее знал слишком хорошо. Сравнительный анализ его проповеди и данных агиографической традиции (если, конечно, не «списывать» все ее данные по ведомству топосов и клише)⁷⁷ приводят к выбору второго варианта ответа, и позволяют предполагать, что нравы в египетской глубинке в его время были далеки от идеальных. В одном из эпизодов коптского «Жития» рассказывается, как отец вместе с сыном пришел к епископу Кифта спросить его совета о женитьбе своего чада. Писентий спросил его, а почему он до сих пор не выбрал ему жену, тот ответил, что сын его совсем еще ребенок и ничему еще не обучен. Но тут выяснилось, что это чадо уже совратило девушку и та от него беременна.

---

⁷⁵ В данном случае мы принимаем исправление Крама, поскольку в таком виде фразы более точно соответствует библейской цитате.

⁷⁶ *Crum.* 1915–1917. P. 54–55. Библейская цитата переведена дословно, поскольку, на наш взгляд, она является принадлежностью текста проповеди.

⁷⁷ Естественно, что оформлены почти все эти примеры в строго «агиографический формат», призванный показать прозорливость апы Писентия. Однако именно агиография является поистине бесценным и незаменимым источником данных о повседневных сторонах жизни позднеантичного и средневекового общества.

Писентий и предложил ее пришедшему в качестве жены для его сына⁷⁸. В другой раз к Писентию для благословения приходит пастух, который, как выяснилось, незадолго до этого согрешил с проходящей мимо женщиной прямо в то время, когда пас овец⁷⁹. К этому стоит добавить наставление Писентия к монахам, как вести себя, придя в деревню: помимо прочего, он рекомендует им не общаться с «женщиной, которая грешна»⁸⁰. Но самые интересные подробности мы находим в арабской версии «Жития»⁸¹. Одна женщина завела себе любовника, а когда ее из-за этого бросил муж, пришла в монастырь к Писентию, обвиняя во всем своего супруга⁸². Один городской священник тайно завел себе любовницу. Однажды он не рассчитал время и проспал в ее доме до рассвета. Собираясь впопыхах, он одел ее одежду и помчался в церковь, видимо, совершать службу. Там он был схвачен клиром, уведен из церкви и побит. До этого случая, как утверждает автор «Жития», священник очень любил навещать Писентия⁸³. Еще один священник, тоже любитель приходить к епископу Кифта для духовных бесед, на поверку оказывается прелюбодеем, который после смерти жены несколько лет тайно живет с другой женщиной⁸⁴. Однажды Писентий признался своему ученику Иоанну, что в начале его епископского служения ему было очень непросто, ибо кровосмесительные связи или даже инцест считались нормой⁸⁵, развратом занимались не только простые люди, но клир и начальствующие. Когда он начал с этим бороться, на него смотрели как на безумца и называли тем, кто лезет не в свое дело⁸⁶. Даже если мы отдадим должное свойственным агиографии преувеличениям, все равно неприглядная картина, которая там описана, позволяет говорить о том, что обличения и предостережения Писентия не

⁷⁸ *Budge*. 1913. P. 110-112, 304-305; ср. *O'Leary*. 1930. P. 394-396.

⁷⁹ *Budge*. 1913. P. 106-107, 299-300; *Amélineau*. 1887. P. 121-123.

⁸⁰ *Budge*. 1913. P. 77, 261.

⁸¹ Нельзя исключать, что данные арабского «Жития», которых нет в коптских версиях, – поздние вставки, но, на наш взгляд, это маловероятно. Мы уже приводили точку зрения Р. Деккер о том, что все версии (и арабские, и коптские) происходят от одного источника (Urtext). К тому же данные, приводимые ниже, хорошо согласуются с общим пафосом проповеди Писентия.

⁸² *O'Leary*. 1930. P. 436-442.

⁸³ *O'Leary*. 1930. P. 407-409.

⁸⁴ *O'Leary*. 1930. P. 409-411. Священник упорно отказывается признаваться в своем грехе и только после того, как Писентий угрожает ему муками в аду, сравнив с теми, которые содержатся в его проповеди, он во всем признается.

⁸⁵ Писентий говорит о том, что находил многих, кто женился на дочерях сестер, некоторых, кто женился на двух сестрах, и кто считал законным вступать в связь с матерью и ее дочерью – *O'Leary*. 1930. P. 456.

⁸⁶ *Ibidem*.

являются следствием его мнительности, а, скорее, представляют собой его пастырскую заботу о своей общине и попытку улучшения ее нравов⁸⁷.

Подведем итоги. Проповедь Писентия является блестящим примером того, как можно «работать с культом святого»: она не является набором банальных перечислений подвигов Онуфрия и особенностей его биографии⁸⁸, а является попыткой говорить с паствой о ее проблемах «сквозь» его почитание. Самый подходящий вариант для этого именно тот, который и выбирает Писентий: полная деперсонализация святого. Здесь Онуфрий становится «идеальным святым», уподобление которому тождественно развитию собственных добродетелей, согласно возрасту, социальному положению и достатку каждого члена христианской общины. Имя святого встречается в проповеди несколько раз на всем ее протяжении: в начале он тот, кому следует подражать, в середине – он богат в Царствии небесном, собравший сокровища свои на небесах⁸⁹, или пример воздержания в пище и хранения своего тела в чистоте⁹⁰, и, наконец, в конце Слова он – святой, память о котором необходимо чтить, и заступник за христиан перед Господом. То есть личность Онуфрия является одной из основ общего логического «каркаса» проповеди, оставаясь при этом почти абстракцией.

Стоит остановиться и на более общей проблеме, имеющей, тем не менее, отношение к изучаемому нами предмету. Она заключается в том, что из-за плохого состояния источников (а, отчасти, слабой изученности имеющихся) нерешенным остается вопрос, почему халкидониты полностью проиграли битву за умы и сердца христиан на юге Египта, который стал, без преувеличения, оплотом негласного сопротивления Халкидону. На этот счет уже были высказаны мнения, основанные, главным образом, не на фактах, а на общих рассуждениях. Личность Писентия и известные нам обстоятельства его деятельности, кажется, помогают хоть немного прояснить эту проблему. При этом следует еще раз обратиться к мнению ученых, исследующих в настоящий момент его архив: по мнению Ж. Ван

---

⁸⁷ Преступления на сексуальной почве занимают немало места в архиве Писентия. И до сих в египетских деревнях часты случаи изнасилований и похищений девушек, покидающих свои дома без сопровождения – *Wipszycka*. 2015. P. 38, 41 (n. 45).

⁸⁸ Как верно указал Т. Вивиан, пастырь должен хорошо знать свою аудиторию, чтобы он не проповедовал урчащим желудкам и взглядам в окно. *Vivian*. 1993. P. 168.

⁸⁹ Это упоминание следует после рассуждений Писентия о купце.

⁹⁰ Точнее мысль Писентия такова: ты должен хранить чистоту тела, чтобы уподобиться святому Онуфрию, который завершил свою жизнь «в голоде, жажде и ночных бдениях» (*Crum*. 1915–1916. P. 47). Последнее можно считать риторическим преувеличением, не соответствующим данным «Жития», поскольку Онуфрий накануне своей кончины устроил совместную трапезу с Пафнутием (автором его «Жития»).

дер Влита, во время патриаршества Дамиана в Верхнем Египте складывается полулегальная активно действующая нехалкидонская сеть⁹¹. Не будет особым преувеличением предположить, что основными «ячейками» этой сети были епископы и монахи, аккумулировавшие вокруг себя христианскую общину юга Египта, в основном, в сельских районах. И епископ Кифта, безусловно, был одним из важных ее звеньев. Здесь следует обратить внимание на кадровую политику нехалкидонитов как мы видим ее на примере Писентия: на епископскую кафедру был рукоположен строгий аскет, который безусловно пользовался авторитетом у местной общины, был очень талантливым проповедником, знавшим нужды своей будущей паствы, но не шедший у нее на поводу. Стоит обратить внимание и на то, что на епископскую кафедру был выбран человек из семьи с достатком, т.е. материально независимый как от местных, так и столичных церковных и светских властей⁹². Как действовали в это же время халкидонские власти (светские и церковные) на юге Египта? Никаких свидетельств у нас нет. В данном случае аргумент *ex silentio* более, чем красноречив⁹³. Нам известен только один эпизод вмешательства светской власти в монастырские дела нехалкидонитов: попытки сделать монастырь халкидонским закончились для него катастрофой⁹⁴.

Если взять за основу гипотезу Э. Випшицкой о существовании на юге Египта параллельной иерархии с неформальным разделением сфер влияния (на наш взгляд эта гипотеза весьма правдоподобна), то можно предположить следующее: халкидонский епископат и клир ограничивал свое влияние столицами епархий и действовал в основном номинально и формально, не ведя активной деятельности и ограничиваясь отписками «о проделанной работе», когда центральная власть в очередной раз начинала активно бороться с еретиками. К этому времени вся инициатива находилась в руках у их оппонентов, которые действовали весьма эффективно в рамках своей полулегальной сети. Архив Писентия и данные его «Жи-

---

⁹¹ Эту идею он высказал в докладе «Le prêtre Marc, Psan et Pesynthios: un réseau monophysite autour de monastère de Saint-Épiphane», сделанном на конференции франкоязычной Ассоциации коптологов (AFC), состоявшейся в Лувен-ла-Нев 12-14 мая 2011 г. Ср. в печатном варианте доклада: *Van der Vliet*. 2015. P. 134.

⁹² Мы уже писали об этом в одной из наших рецензий: *Войтенко*. 2008. С. 284.

⁹³ Можно, конечно, сказать, что историю пишут победители и отсутствие каких-либо документов о деятельности халкидонского клира на юге Египта связано с тем, что победившая сторона не заботилась об их сохранении, но такой подход все-таки оставляет без ответа вопрос, почему именно эта партия победила.

⁹⁴ Имеется в виду история, случившаяся в пахомианском монастыре Пбоу, реконструированная Дж. Гёрингом (*Goehring*. 1999; 2012). Но она происходила во время Юстиниана, т.е. в период, предшествующий описываемому.

тия» показывают, что он активно был вовлечен в решение различных вопросов и при этом взаимодействовал с местной администрацией⁹⁵, т.е. действовал как вполне официальное лицо.

Таким образом, можно предположить, что цитатель антихалкидонского сопротивления на юге Египта складывалась постепенно благодаря активной деятельности нехалкидонитов, выстроивших здесь параллельную структуру (или сеть), которая размещала епископские резиденции в монастырях и переносила туда центры влияния на окрестное население⁹⁶, при фактическом бездействии и попустительстве противоположной партии. И весь массив известных нам материалов о Писентии, если присмотреться к нему внимательно, достаточно ясно об этом говорит.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Войтенко А.А. [рец. на:] *Zuckerman C. Du village à l'empire: autour du registre fiscal d'Aphroditô (525/526)*. Paris, 2004. 286 P. + Planches // *Византийский временник*. Т. 67 (92). М., 2008. С. 281-285.
- Войтенко А.А. Культ св. Онуфрия Великого в византийском Египте // *Византийский временник*. Т.70 (95). М., 2011. С. 114-123.
- Мейендорф И, *прот.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
- Тафт Р.Ф. Статьи / Пер. с англ. С. Голованова. Омск, 2010. Т. 1.
- Amélineau E. *Étude sur le Christianisme en Égypte au septième siècle*. Paris, 1887.
- Budge E.A.W. *Coptic Apocrypha in the Dialect of Upper Egypt*. Oxford; London, 1913.
- Calament F. Le programme d'édition des archives de Pesynthios: focus sur les papyrus coptes du Musée du Louvre // *Actes du 26e Congrès international de papyrologie* (Genève, 16-21 août 2010). Genève, 2012. P. 107-118.
- Clemens of Alexandria*. The Exhortation to the Greeks. The Rich Man's Salvation / With Engl. Transl. by G.W. Butterworth. Cambridge, M.A.; London, 1968 [1 ed. – 1919].
- Crum W.E. Discours de Pisenithius sur Saint Onnophrius // *Revue de l'Orient Chrétien*, 2nd series. 10 (20). 1915–1916. P. 38-67.
- Dekker R. Encomium on Pesynthios of Coptos. The Recently Discovered Sahidic Version from Shaykh Abd al-Qurna // *Christianity and Monasticism in Upper Egypt*. Vol. 2. Nag Hammadi-Esna / Ed. by G. Gabra, Hany N. Takla. Cairo; New York, 2010. P. 21-31.
- Dekker R. Bishop Pesynthios (Egypt): "He did not pursue the honour, but it was the honour that pursued him" // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Ed. by J. Leemans, P. Van Nuffelen, S.W. Keough, C. Nicolaye. Berlin, 2011. P. 331-341.

⁹⁵ В архиве Писентия есть сведения, что в комиссию, назначенную Писентием для расследования дела о расторжении помолвки помимо двух клириков входил и так наз. «лашане», т.е. староста деревни, эта должность соответствовала греческому «протокомиту» – см. *Van der Vliet*. 2002. P. 69. В арабском «Житии» указано, что после проведения дознания о вине неверной жене Писентий велит наказать ее, а затем ее передают «правителю», т.е. каким-то светским властям – *O'Leary*. 1930. P. 441.

⁹⁶ Так, напр., нам неизвестно, был ли халкидонский клир в Джеме, но доподлинно известно, что весь окрестный горный массив вокруг этого города был усеян монастырями нехалкидонитов, самый влиятельный из которых (монастырь Фивамона или Дейр эль Бахари) размещался на верхних террасах храма Хатшепсут.

- Detlef C., Müller G., Gabra G. Pisentius, Saint // Coptic Encyclopedia. New York; Toronto et al., 1991. Vol. 6. P. 1978-1980.
- Honigmann E. Évêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VIe siècle. Louvain, 1951. (CSCO, vol. 127. Sub. t. 2. P. 173-174).
- Goehring J.E. Chalcedonian Power Politics and the Demise of Pachomian Monasticism // *idem*. Ascetics, Society, and the Desert: Studies in Early Egyptian Monasticism. Harrisburg, Pa., 1999. P. 162-186.
- Goehring J.E. Politics, Monasticism, and Miracles in Sixth Century Upper Egypt. A Critical Edition and Translation of the Coptic Texts on Abraham of Farshut. Tübingen, 2012.
- Górecki T. Sheich abd el-Gurna (Hermitage in Tomb 1152). Preliminary Report, 2005 // Polish Archaeology in the Mediterranean. Vol. 17. (Warsaw), 2007. P. 263-272.
- Myszor W. Encomion of St. Pisenthios from Sheich abd el- Gurna // Polish Archaeology in the Mediterranean. Vol. 17. (Warsaw), 2007. P. 273-274.
- O'Connell E.R. Ostraca from Western Thebes Provenance and History of the Collections at the Metropolitan Museum of Art and at Columbia University // The Bulletin of the American Society of Papyrologists. Vol. 43 (2006). P. 113-137.
- O'Leary L. The Arabic Life of St. Pisentius according to the text of the two manuscripts Paris Bib. Nat. arabe 4785, and arabe 4794 // Patrologia Orientalis. T. 22. Fasc. 3. Paris, 1930.
- Papaconstantinou A. Le culte des saints en Égypte des byzantins aux Abbases: l'apport des inscriptions et des papyrus grecs et coptes. Paris, 2001.
- Périer A. Lettre de Pisunthios, évêque de Qeft, à ses fidèles // Revue de l'Orient Chrétien, 19 (1914). P. 79-92, 302-323, 445-446.
- Revillout E. Textes coptes extraits de la correspondance de St Pésunthius évêque de Coptos et de plusieurs documents analogues (juridiques ou économiques) // Revue égyptologique. Vol. 9 (1900). P. 133-177; Vol. 10 (1902). P. 34-47; Vol. 14 (1914). P. 22-32.
- Rossi F. Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino con traduzione italiana // Memorie della reale academia delle scienze di Torino. Serie II. T. 37. P. 67-84.
- Till W.C. Koptische Pergamente theologischen Inhalts. Vienna, 1934.
- Van Lent A.M.J.M., Van der Vliet J. De vele levens van Pisentius van Koptos: Een Egyptische heilige aan de vooravond van de Arabische verovering // Het Christelijk Oosten. Tijdschrift van het instituut voor oosters Christendom. Jaargang 48. (Leuven), 1996, 3-4. P. 195-213.
- Van der Vliet J. Pisenthios de Coptos (569-632), moine, évêque et saint. Autour d'une nouvelle édition de ses archives // Topoi. Suppl. 3 (2002). P. 61-70.
- Van der Vliet J. Les archives de Pesynthios: nouvelles découvertes, nouvelles questions // Études coptes XII, Quatorzième journée d'études (Rome, 11-13 juin 2009) / Éd. par A. Boud'hors, C. Louis. Paris, 2013 (Cahiers de la Bibliothèque copte 18). P. 263-270.
- Van der Vliet J. Le prêtre Marc, Psan et Pesynthios: un réseau miaphysite autour du monastère d'Épiphanie // Études coptes XIII, Quinzième journée d'études (Louvain-la-Neuve, 12-14 mai 2011) / Éd. par A. Boud'hors, C. Louis. Paris, 2015 (Cahiers de la Bibliothèque copte 20). P. 127-136.
- Vivian T. Histories of the Monks of Upper Egypt and the Life of Onnoprius by Paphnutius. Kalamazoo, Michigan, 1993. (Cisterian Studies 140) [revised edition – 2000].
- Winlock H.E., Crum W.E. The Monastery of Epiphanius at Thebes. Part I. N.Y., 1925.
- Wipszycka E. The institutional church // Egypt in the Byzantine world, 300-700 / Ed. by R.S. Bagnall. Cambridge, 2007. P. 344-345.
- Wipszycka E. The Alexandrian Church. People and Institutions. Warsaw, 2015 (The Journal of Juristic Papyrology Supplement, 25).

REFERENCES

- Voitenko A.A. [rets. na:] Zuckerman C. Du village à l'empire: autour du registre fiscal d'Aphroditô (525/526). Paris, 2004. 286 p. + Planches // *Vizantiiskii vremennik*. T. 67 (92). M., 2008. S. 281-285.
- Voitenko A.A. Kul't sv. Onufriya Velikogo v vizantiiskom Egipte // *Vizantiiskii vremennik*. T.70 (95). M., 2011. S. 114-123.
- Meiendorf I. prot. *Istoriya Tserkvi i vostochno-khristianskaya mistika*. M., 2000.
- Taft R.F. *Stat'i / Per. s angl. S. Golovanova*. Omsk, 2010. T. 1.
- Amélineau E. *Étude sur le Christianisme en Égypte au septième siècle*. Paris, 1887.
- Budge E.A.W. *Coptic Apocrypha in the Dialect of Upper Egypt*. Oxford; London, 1913.
- Calament F. Le programme d'édition des archives de Pesynthios: focus sur les papyrus coptes du Musée du Louvre // *Actes du 26e Congrès international de papyrologie* (Genève, 16-21 août 2010). Genève, 2012. P. 107-118.
- Clemens of Alexandria. *The Exhortation to the Greeks. The Rich Man's Salvation / With Engl. Transl. by G.W. Butterworth*. Cambridge, M.A.; London, 1968 [1 ed. – 1919].
- Crum W.E. Discours de Pisenthios sur Saint Onnophrius // *Revue de l'Orient Chrétien*, 2nd series. 10 (20). 1915–1916. P. 38-67.
- Dekker R. Encomium on Pesynthios of Coptos. The Recently Discovered Sahidic Version from Shaykh Abd al-Qurna // *Christianity and Monasticism in Upper Egypt*. Vol. 2. Nag Hammadi-Esna / Ed. by G.Gabra, Hany N. Takla. Cairo; N.Y., 2010. P. 21-31.
- Dekker R. Bishop Pesynthios (Egypt): "He did not pursue the honour, but it was the honour that pursued him" // *Episcopal Elections in Late Antiquity / Ed. by J. Leemans, P. Van Nuffelen, S.W. Keough, C. Nicolaye*. Berlin, 2011. P. 331-341.
- Detlef C., Müller G., Gabra G. Pisentius, Saint // *Coptic Encyclopedia*. N.Y.; Toronto et al., 1991. Vol. 6. P. 1978-1980.
- Honigmann E. *Évêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VIe siècle*. Louvain, 1951. (CSCO, vol. 127. Sub. t. 2. P. 173-174).
- Goehring J.E. *Chalcedonian Power Politics and the Demise of Pachomian Monasticism / idem. Ascetics, Society, and the Desert: Studies in Early Egyptian Monasticism*. Harrisburg, Pa., 1999. P. 162-186.
- Goehring J.E. *Politics, Monasticism, and Miracles in Sixth Century Upper Egypt. A Critical Edition and Translation of the Coptic Texts on Abraham of Farshut*. Tübingen, 2012.
- Górecki T. *Sheich abd el-Gurna (Hermitage in Tomb 1152). Preliminary Report, 2005 // Polish Archaeology in the Mediterranean*. Vol. 17. (Warsaw), 2007. P. 263-272.
- Myszor W. *Encomion of St. Pisenthios from Sheich abd el- Gurna // Polish Archaeology in the Mediterranean*. Vol. 17. (Warsaw), 2007. P. 273-274.
- O'Connell E.R. *Ostraca from Western Thebes Provenance and History of the Collections at the Metropolitan Museum of Art and at Columbia University // The Bulletin of the American Society of Papyrologists*. Vol. 43 (2006). P. 113-137.
- O'Leary L. *The Arabic Life of St. Pisentius according to the text of the two manuscripts Paris Bib. Nat. arabe 4785, and arabe 4794 // Patrologia Orientalis*. T. 22. Fasc. 3. Paris, 1930.
- Papaconstantinou A. *Le culte des saints en Égypte des byzantins aux Abbasides: l'apport des inscriptions et des papyrus grecs et coptes*. Paris, 2001.
- Périer A. *Lettre de Pisunthios, évêque de Qeft, à ses fidèles // Revue de l'Orient Chrétien*, 19 (1914). P. 79-92, 302-323, 445-446.
- Revollout E. *Textes coptes extraits de la correspondance de St Pésunthius évêque de Coptos et de plusieurs documents analogues (juridiques ou économiques) // Revue égyptologique*. Vol. 9 (1900). P. 133-177; Vol. 10 (1902). P. 34-47; Vol. 14 (1914). P. 22-32.

- Rossi F. Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino con traduzione italiana // Memorie della reale academia delle scienze di Torino. Serie II. T. 37. P. 67-84.
- Till W.C. Koptische Pergamente theologischen Inhalts. Vienna, 1934.
- Van Lent A.M.J.M., Van der Vliet J. De vele levens van Pistentius van Koptos: Een Egyptische heilige aan de vooravond van de Arabische verovering // Het Christelijk Oosten. Tijdschrift van het instituut voor oosters Christendom. Jaargang 48. (Leuven), 1996, 3-4. P. 195-213.
- Van der Vliet J. Pistentios de Coptos (569-632), moine, évêque et saint. Autour d'une nouvelle édition de ses archives // Topoi. Suppl. 3 (2002). P. 61-70.
- Van der Vliet J. Les archives de Pesynthios: nouvelles découvertes, nouvelles questions // Études coptes XII, Quatorzième journée d'études (Rome, 11-13 juin 2009) / Éd. par A. Boud'hors, C. Louis. Paris, 2013 (Cahiers de la Bibliothèque copte 18). P. 263-270.
- Van der Vliet J. Le prêtre Marc, Psan et Pesynthios: un réseau miaphysite autour du monastère d'Épiphanie // Études coptes XIII, Quinzième journée d'études (Louvain-la-Neuve, 12-14 mai 2011) / Éd. par A. Boud'hors, C. Louis. Paris, 2015 (Cahiers de la Bibliothèque copte 20). P. 127-136.
- Vivian T. Histories of the Monks of Upper Egypt and the Life of Onnoprius by Paphnutius. Kalamazoo, Michigan, 1993. (Cisterian Studies 140) [revised edition – 2000].
- Winlock H.E., Crum W.E. The Monastery of Epiphanius at Thebes. Part I. N.Y., 1925.
- Wipszycka E. The institutional church // Egypt in the Byzantine world, 300-700 / Ed. by R.S. Bagnall. Cambridge, 2007. P. 344-345.
- Wipszycka E. The Alexandrian Church. People and Institutions. Warsaw, 2015 (The Journal of Juristic Papyrology Supplement, 25).

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, cesras@cesras.ru

The shepherd and his flock

The homily by bishop Pistentius of Coptos on the feast day of St. Onnoprius

The article is focused on studies of the structure and content of the homily by Pistentius (569–630), Bishop of Coptos (Upper Egypt), delivered on the feast day of St. Onnoprius. According to the author of the article, the main characteristic of the homily, the absence of any biographical information about St. Onnoprius, is not accidental, but it is a part of Pistentius' homiletic strategy. Since the audience of the homily was the laity and its purpose was a moral admonition, St. Onnoprius, one of the famous Egyptian anchorites, was turned here into an 'ideal saint', almost devoid of individual characteristics. And an imitation of his life is interpreted as an improvement of personal virtues for any Christian, regardless of a social status, sex and age.

Keywords: homiletics, cult of Christian saints, history of Coptic Church.

Anton Voytenko, PhD, Russian Academy of Sciences, Center for Egyptological Studies, Senior Researcher, cesras@cesras.ru

И. И. КОЛЕСНИК

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ УКРАИНЦЕВ

Отправляясь от характеристики понятия «историческое сознание», автор предлагает реконструкцию языковой модели времени в представлениях украинцев.

Ключевые слова: историческое сознание, модель времени, культурные представления.

Большинство исследователей рассматривают историческое сознание как разновидность общественного. По мнению Ю.А. Левады, историческое сознание охватывает «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает... свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени». Вводя в понимание исторического сознания такое измерение, как время, он отождествляет его с социальной памятью¹.

М.А. Барг в статье 1982 года определил историческое сознание как форму общественного сознания, в которой совмещены три модуса времени: прошлое, настоящее и будущее. Историческое сознание в широком смысле слова он понимает как мировоззренческую характеристику эпохи, а в узком – как вид историзма или стиль исторического мышления, которому соответствует определенный тип историографии². Позднее, племизируя с Ю.А. Левадой, он выступил против сведения исторического сознания к «исторической памяти»: это «значило бы отождествить его лишь с опытом прошлого, лишая его измерений настоящего и будущего». Историческое сознание он связывает не с общественным сознанием, а с категорией культуры, видя в нем ее структурирующий элемент, в котором отражаются господствующие в каждую конкретную эпоху представления о мире и месте в нем человека. Словом, историческое сознание «выступает как фундаментальная мировоззренческая характеристика культуры любой эпохи»³. В докладе, прочитанном 17 июня 1987 г. в Научном совете по историографии и источниковедению при Отделении истории АН СССР, Барг говорил о соотношении данной категории с понятием «научное мировоззрение», понимая историческое сознание как форму осознания человеком своего положения в мире, пространстве и времени. Включая в свою структуру представление о Космосе, земном мире, макро-

---

¹ Левада 1969. С.191.

² Барг 1982. № 12. С. 51–53.

³ Барг 1987. С. 5-6.

микрокосме человека, историческое сознание предстает как субъективный аспект мировоззрения эпохи, как изучение мира через изучающего. Это мир, пропущенный через человека. Определение исторического сознания через категорию научного мировоззрения, представляется наиболее конструктивным, поскольку историческое сознание не только рисует картину природного и социального мира и места в нем человека, но и объясняет ее. Историческое сознание каждой конкретной эпохи несет в себе рефлексивный компонент и волевой аспект познающего этот мир.

Итак, важнейшей составляющей исторического сознания является познавательная установка. Согласно Ю.А. Леваде, структуру исторического сознания составляет все многообразие вариантов «сознательного» и «бессознательного», теоретического и практического, научного и мифологического в запоминании человечеством своего прошлого⁴.

Историческое сознание как аспект научного мировоззрения, включает черты, главными из которых В.И. Вернадский считал: 1) картину Космоса, Вселенной; 2) остатки других видов мировоззрения; 3) волевой аспект, т.е. метод познания мира: «Из бесчисленного множества относящихся сюда фактов и явлений научное мировоззрение обуславливается только немногими чертами Космоса. В него входят также теории и явления, вызванные борьбой или воздействием других мировоззрений, одновременно живых в человечестве. Наконец, безусловно, всегда оно проникнуто сознательным волевым стремлением человеческой личности расширить пределы знания, охватить мыслью все окружающее». Основные черты этого мировоззрения, как полагал ученый, остаются неизменными в любой области науки – «будут ли то науки исторические, естественно-исторические или социальные, или науки абстрактные, опытные, наблюдательные или описательные», все они приведут к одному научному мировоззрению, подчеркивая и развивая некоторые его части⁵.

В историческом сознании, как и в научном мировоззрении, важнейшей является космогоническая проблема. В культурной традиции всех народов представления о строении Вселенной служили основой знаний о роли и предназначении человека в окружающем его мире. Историческое сознание каждой конкретной эпохи несет в себе также элементы других мировоззрений и концепций. Так, в первоначальной мифологической форме исторического сознания, полагал А.Ф. Лосев, сосуществуют чистый миф, или абсолютная первобытная мифология; эпическое сознание; классическое полисное сознание; наконец, сознание в виде отрефлекти-

---

⁴ Левада 1969. С. 192.

⁵ Вернадский 1981. С. 43.

рованной системы мифологии у Платона и Аристотеля. В Средние века элементы провиденциалистского сознания переплетались с мифологическим, что нашло воплощение в библейско-христианской традиции. В Новое время на смену античной идее циклизма приходит принцип прогресса, который в конце XVIII столетия уступит место генетической идее, находившейся еще в XVII в. на обочине передовых научных исканий.

Историческое сознание составляет основу стиля исторического мышления, который в свою очередь предопределяет господствующий тип историописания: прагматический рассказ времен античности, средневековая летопись, барочная повесть и, наконец, научная история. Изменение картины мира вело к смене стилей исторического мышления (мифологического, провиденциалистского, рационально-прагматического, спекулятивно-рационалистического, гносеологического, теоретико-методологического. Важнейшим условием смены картины мира, формы исторического сознания и соответствующего ему типа историографии было изменение концепции времени.

Проблема исторического времени

Актуализацию проблемы исторического времени М.А. Барг связывал со сменой парадигм в понимании природы времени и пространства и с ускорением общественной жизни, глобальными социальными переменами, происходящими на глазах одного-двух поколений.

Понятие времени многосложно. Внешнее или календарное (счетное) время непрерывно, однонаправленно, равномерно, ритмично, не знает ускорения, его моменты дискретны. Внутреннее или социально-историческое время аритмично, относительно, в нем возможна цикличность, повторяемость, оно не только накапливается, но и сбрасывается. Социальное время допускает остановки, движение вспять, прерывность не только в виде революций, но и смены «носителя истории в данном ареале» (хетты, Карфаген)⁶. М. М. Бахтин упоминает о биологическом, космическом и социальном времени. Космическое время было осознано человеком в результате появления календарей и астрономических таблиц⁷. Относительно происхождения понятия времени существуют различные мнения, одни исследователи говорят о религиозной природе его генезиса, другие – о социокультурной. Э. Дюркгейм писал о возникновении понятий времени и пространства в области «коллективных представлений». Понятия времени и пространства социальны и формируются на основе опыта не конкретного индивида, а всего коллектива с целью рас-

---

⁶ Барг 1984. С. 62, 63.

⁷ Бахтин 1990. С. 444.

пределения территорий для охоты, установления очередности хозяйственных работ, посвячительных обрядов возрастных групп.

Чувство времени органически присуще человеку, нуждающемуся в историческом пространстве и исторической перспективе. Это изначальное чувство времени кристаллизовалось в таких доступных понятиях, как старость, молодость, быстротечность жизни. Первоначально время воспринималось так, как присуще детям: протяженность времени ограничена, оно почти одномоментно. Затем представление о времени стало включать собственную жизнь человека. У Гомера время – день, а вечность – все дни. День – это сама жизнь, «отнять день», значит, убить. Время выступало как живое существо, Chronos – олицетворение времени, творец огня, воздуха и воды. Позднее в классическом полисном сознании время представлялось более абстрактно – как Судьба, Фортуна, воплощение воли богов. В древнегреческой философской рефлексии время предстало как вечное и непрерывное, имеющее свою структуру и рисунок.

Представления о времени – это способ интерпретации событий в жизни общества. Первоначально пространство воспринималось как «периметр безопасности» внутри какого-нибудь убежища – норы, гнезда, примитивного человеческого жилища. Для кочевников типичным было примитивное «маршрутное», динамическое восприятие пространственно-временных связей. Охотники и скотоводы воспринимали мир, кочуя по местности, что нашло отражение в древней мифологии, эпосе: культурный герой – Гильгамеш, Одиссей – вносит порядок в окружающий мир по пути странствий. Более сложное восприятие пространства и времени было связано с оседлым образом жизни: «оседлый земледелец строит мир концентрическими кругами вокруг своей житницы». Радиальное представление о мире, социальном бытии получило воплощение в библейском мифе о земном рае как центре, средоточии мира, из которого берут начало четыре реки, текущие по четырем направлениям света. В Древней Руси понятия о времени формировались на основе радиального представления о пространственно-временных связях. Прошлое связывалось с тем, что было впереди, в начале, что ближе к центру мира, «житнице». Этимологические остатки этих архаических представлений сохранились в слове «прежде». Заднее – это то, что находится в конце, позади предполагаемого центра. Заднее обозначает недавно случившееся, иногда будущее⁸.

В историческом сознании эпохи средневековья на смену радиальному представлению о мире пришла вертикальная модель, символом которой служил готический стиль. Вся система оценок в средневековом

---

⁸ Лихачев 1978. С. 201-202.

сознании, искусстве и творчестве передавалась в метафорах движения по вертикали: все лучшее было высшим, все худшее – низшим. В рамках вертикально-иерархической картины мира движение мыслилось как горизонталь. Поэтому, согласно М.М. Бахтину, «иерархия представлялась вневременной. Время не имело существенного значения для иерархического подъема. Поэтому не было представления о прогрессе во времени, о движении вперед во времени. Переродиться в высшие сферы можно было мгновенно...». Обесценивал время и присущий средневековому сознанию эсхатологизм. В эпоху Ренессанса вертикальная картина мира стала рушиться, начала складываться новая модель мирового устройства – горизонтальная. Причина тому – изменение доктрины времени.

С точки зрения генезиса историческое время имеет такие составляющие, как мифологическое, теологическое (сакральное), историческое. Самая ранняя форма – мифологическое время с центром в настоящем. Это время неподвижно и постоянно, все изменения в его рамках означали зло, нарушение векового распорядка и уклада жизни. Время же за пределами одной человеческой жизни – это родовое время. Вне «родовой памяти» находится «чистый миф», главная тема которого – начало бытия, происхождение всего сущего. В первоначальном мифе отсутствуют реальные события, личность – и время. Представления о будущем связаны с ритуальными действиями, приготовлениями к загробной жизни, заботами об исходе охоты и судьбе будущего урожая.

В развитом античном сознании мифологическое время приобретает свой рисунок. Символом античного представления о времени становится круг. Видимый мир замкнут, сферичен по аналогии с небесным сводом, что и предопределяло циклическое восприятие времени. Образ времени – движение светил, круг – символ вечности, всеобщей гармонии и совершенства. В целом, циклический рисунок времени – продукт наиболее архаического восприятия времени в соответствии с астрономическими, метеорологическими, биологическими процессами и явлениями, которые обуславливали ритмичность хозяйственной деятельности, цикличность сельскохозяйственных работ, размеренный характер общественной жизни (смерть, рождение, смена поколений, переход из одной возрастной группы в другую и проч.).

Средневековое сознание представлено теологическим временем, которое формируется как результат обобщения социального опыта и религиозной идеологии. Происходит разграничение понятий «земного» и «теологического» времени. Актуализация же «настоящего» связана с христианской идеей «центра времени», нашедшего воплощение в земной истории Христа. Понятие будущего в средневековом сознании име-

ло теологическую окраску и включало представление о загробном существовании, потустороннем мире как смысле жизни человека. При этом теологическое время приобретает линейную направленность, будущее воспринималось как вечность. Круг земного бытия был разорван, все имело свое начало в акте божественного творения и направленность течения от сотворения мира до рождества Христова, от его земного бытия до второго пришествия. Ход истории был предопределен божественным Промыслом, но земное время по-прежнему оставалось циклическим, что соответствовало медленным темпам жизни общества, которая регламентировалась биокосмическими циклами, хозяйственной деятельностью, праздниками и обрядами: смена дня и ночи, времен года, празднества солнцеворота, Купалы, корочуна, проводы зимы, встреча весны, нового года, свадьбы и т.д.

Преобразование социального времени в историческое, формирование концепции времени происходит в эпоху Ренессанса. В результате «интеллектуального скачка» возникло деление времени на исторические эпохи. Именно в этот период, по М.М. Бахтину, появляется исключительно ясное и четкое ощущение современниками «радикальной смены времен, смены исторических эпох». Это историческое ощущение состояло в осознании особенности своей эпохи и в новом отношении к иным векам и эпохам. Смысл новой концепции времени в историческом сознании Возрождения состоял в сочленении трех модусов времени: прошлого, настоящего и будущего в единое целое. Причем настоящее, полагал М.А. Барг, является «динамическим центром исторического времени», это мост между прошлым и будущим⁹. Кроме того, наряду с пониманием настоящего и прошлого оформляется понятие светского будущего.

В Новое время в результате «десакрализации» исторического сознания концепция времени приобретает рефлексивный характер. В XVIII в. благодаря трудам Ж.Л. Бюффона формируется представление о сочлененности времен. Он первый оценил значение огромных промежутков времени, на фоне которых немногие тысячелетия человеческой истории, известные из летописных преданий, поблекли и отошли на второй план перед десятками и сотнями тысяч лет, в которые должны были укладываться явления и процессы в окружающей природе. Сформулированный им принцип истории оказал решающее воздействие на научное сознание, «совершился перелом... в понимании значения времени»¹⁰. Воспринятое у Бюффона понимание времени и вытекающее из него объяснение исто-

---

⁹ Барг 1984. С.78.

¹⁰ Вернадский 1981. С. 205–208.

рической причинности было внесено И. Кантом в немецкую философскую и научную мысль. В немецкой классической философии идея историзма приобрела завершенную теоретическую форму.

Итак, историческое время – важнейшая мировоззренческая категория, которая включает представление о социальном пространстве и служит средством измерения, направленности, ритма общественных процессов, их длительности, протяженности и темпа.

Время в историческом сознании украинцев

В структурах исторического сознания разных народов существуют и различные системы времени. У западных народов распространена монохромная система, предполагающая чуть ли не материальное восприятие времени, его ценности, стремительности и ритма, что означает сосредоточенность только на одном из видов деятельности. Это время как будто подроблено по секундам, фрагментировано, строго организовано. Такое дробление ассоциируется с быстрой сменой ТВ-заставок, рекламных роликов, регулярными прогнозами погоды, новостями, рассказывающими о событиях в мире почти по минутам. У восточноевропейских народов, в частности украинцев, распространено полихромное восприятие времени. Полихромное переживание времени связано с восприятием пространства, как вчувствование в «волнистую мягкость лесостепи» или «бескрайнюю даль степи», что в свою очередь обуславливает стремление к идеальному, бесконечному и недостижимому. В западных же культурах, в частности, немецкой, восприятие пространства связано с образом «закрытых дверей», что символизирует изолированность, ограничение, «поделенность» пространства, это так называемые компарменталистские культуры¹¹.

Присущая украинцам полихромная система времени включает несколько временных потоков¹²: во-первых, «крестьянское» ощущение времени, обусловленное астрономическо-биологическими и хозяйственно-производственными циклами, имеющими циклическую конфигурацию; во-вторых христианское восприятие времени, имеющее линейную направленность, причем центральное место в линейном потоке событий занимает земное существование Христа, от которого и начинается отсчет прошлого и открывается перспектива в «потустороннее» будущее. В-третьих, одновременно с этими двумя времяпотоками в сознании украинцев, как и россиян, присутствует мифологическая темпоральность, представленная идеей «перводействия», «первотолчка» в историческом бытии каждого народа (в России – это реформы Петра I, в Украине – события

¹¹ Носенко. 1999. С 59, 60.

¹² Забужко 1994. С. 154.

эпохи Б. Хмельницкого, Октябрьская революция, провозглашение независимости Украины в августе 1991 года). В-четвертых, для украинцев характерен еще один тип переживания времени в виде «хронологических разрывов» или «квантов экзистенции», нашедших отражение в таких метафорах, как «Руина», «культурно-национальное возрождение», в исторических катастрофах – война, аграрная революция, голод. В систему времени украинцев входят и такие составляющие как календарное, астрономическое, (солнечные и лунные фазы и циклы), декретное, субъективное (психологическое), возрастное, обыденное, семейно-родовое и т.п.

Полихромное восприятие времени обуславливает социальное поведение и специфические поведенческие реакции. Так, в отличие от человека западного мира для украинцев типично одновременное осуществление нескольких видов деятельности, а также необязательность в соблюдении сроков событий, характерное нежелание четко решать вопросы, что часто прячется за фразами: «будем решать», «как-нибудь заходите», «надо подумать». В отличие от опыта людей западного мира, с присущим им чувством страха не успеть, опоздать, выпасть из ритма, что зачастую граничит с ощущением экзистенциальной катастрофы (форма которой – безработица), для украинцев характерно чувство «временного плюрализма», спокойной, тягучей, жизни, чем объясняется неуважение к своему и чужому времени в жизни, в делах, быту¹³.

Структуры сознания тесно связаны с речью, языковой культурой народа. Модель времени включает совокупность языковых категорий – темпоральную лексику, в ее составе – целый спектр существительных, прилагательных и наречий темпорального значения (прошлый, нынешний, будущий, впредь, в прошлом). Наиболее многочисленный класс темпоральной лексики составляют имена существительные. Для украинского сознания ключевыми являются темпоральные понятия «время», «час», определяющие циклическое и линейное время. Час (укр. «година») – темпоральная лексема, отображающая цикличность времени (последовательность, повторяемость однотипных событий, явлений). В украинском языке час/«година» происходит от слова «год» (оно употреблялось довольно редко, вместе с тем слово «рік»/год довольно активно функционирует в русском языке (годовщина, лихая година). Час/«година» означает: 1) единицу измерения времени (3600 сек/60 мин.); 2) оттенок времени, обозначающий события, которые повторяются, имеют регулярный характер (например, академический час); 3) определенный период времени или момент (комендантский час, мертвый/тихий час отдыха, сна); 4) отрезок

---

¹³ Носенко 1999. С. 60.

времени, отмеченный важным политическими событиями (доброе, лихое, тяжелое, героическое). Есть еще одно значение в украинском языке слова «годына» – теплая, сухая, солнечная погода.

«Время» (укр. «час») представляет линейное измерение языковой модели времени-пространства. Время выступает как метафора пути, дороги, разворачивается в одну линию (вперед, назад). Одно из значений, слова «путь», которое дает С. Ожегов, – это место, линия в пространстве, где происходит перемещение, оповещение. Согласно В. Масловой, лексема «время» в русском языке произошла от «веремья», что близко по смыслу к словам «вертеть», «веретено», таким образом, в русской картине мира идея времени связана с идеей повторяемости, регулярности, цикличности. В украинском языковом сознании сохранилась наиболее древняя форма определения потока событий по одной линии – время/«час». Время/«час» воспринимается: 1) как расстояние, которое надо пройти, как движение из определенного места; 2) как заранее начертанное, определенное направление движения (маршрут, курс). То, что время/час – метафора пути, подтверждает тот факт, что в древности это слово означало дорожную меру протяженностью в 5 км. «Путь»/дорога коррелируется с понятием человеческой «жизни» (жизненный путь, последний путь). Есть предположение, что «час» происходит от «частый»: 1) появляется, происходит, случается через короткие промежутки времени; 2) представляет много быстрых действий, движений, звуков; 3) состоит из тесно расположенных однородных предметов, составных частей чего-нибудь; 4) густой, плотный. Время воспринимается как жидкость, нечто текучее, вязкое (время/час течет, час тянется). Однокоренные слова также имеют темпоральные коннотации: «часина» (незначительная продолжительность какого-либо действия, что составляет час/годину или несколько минут), «часопис», «часослов/часословець» (богослужебная книга с текстами религиозных песен и молитв, предназначенных для ежедневных церковных служб), «частивка» (короткая рифмованная песня, преимущественно четверостишие, шуточного, сатирического характера); «частка», «часточка» – жизнь, век человека, «подать на часточку» – пожертвовать на церковь за здоровье ближнего или родственника, а также за упокой души умершего; «часувати» в смысле агонизировать.

Лексические средства, предназначенные для обозначения темпоральности, в специальной литературе называются «темпоральными номинаторами»¹⁴. Так, для восприятия природного времени служат слова: день, ночь, утро, полдень, вечер, сумерки, весна, лето, зима. Антрополо-

---

¹⁴ Маслова 2008. С. 87.

гическую составляющую языковой модели времени представляют возрастные характеристики: детство, юность, зрелость, старость. Циклические события (или обыденное измерение времени) фиксируются в таких словах, как завтрак, обед, ужин, Пасха, Рождество. Слово «пора» относится к номинаторам биологического времени и употребляется для обозначения циклических явлений – «осенняя пора», «пора цветения садов», «пора отлета птиц», «посевная пора», «уборочная пора» и т.п. Примечательно, что в отличие от времени пора не зависит от каких-либо желаний, время можно приблизить, но пора неизменна, приходит в свое время. К группе темпоральных номинаторов относятся: ныне, сегодня, послезавтра, завтра, раньше, в течение.

Линейное измерение времени характеризуют темпоральные номинаторы, означающие отрезки времени неопределенной длительности, к примеру – момент, миг, вечность. Так, миг – эмоционально напряженное время. О том, что время дискретно и может измеряться, свидетельствует группа темпоральных номинаторов для обозначения единиц измерения времени (минута, час, секунда), а также слова, служащие для отсчета времени и фиксирующие отрезки времени определенной длительности (месяц, неделя, сутки). Время имеет и психологические коннотации, если человека привлекает новое, то время ускоряется, если он ориентируется на прошлое, на воспоминания – время как бы замедляется. В литературе даже существует мнение о связи трех «моментов времени» с тремя видами психических переживаний: прошлое – познание, настоящее – ощущение, будущее – воля. Эта мысль принадлежит малоизвестному оригинальному мыслителю В.Н. Муравьеву, который специально занимался проблемой времени, «времявластия». Он писал: «Прошлое есть только познание, и познание есть только уразумение прошлого. Настоящее есть только ощущение, и ощущение живет только в настоящем, Будущее есть только воля, и содержание воли есть только будущее»¹⁵.

Языковая модель времени украинцев

В центре языковой модели времени украинцев находится лексема – год (по укр. «рік»). Примечательно, что украинское слово «рік» по происхождению имеет праздничные коннотации, происходя от слова «роковыны» години/годовины/годовщина, что означало праздник; роковый/годовой (торжественный) (у)рочистий; роковщина (І. Нечуй-Левицький), рокове, годивщина – «дань, вознаграждение» (А. Кримський, С. Єфремов). Год/«рік», век, лето – единица измерения времени человеческой жизни и окружающей среды, которое объединяет в себе

---

¹⁵ Муравьев 1992.

три модуса: близкое прошлое, ожидаемое будущее и продолжающиеся настоящее. Завершенность действий в этом совершенном коротком цикле и есть праздник, который отмечают, помнят и празднуют¹⁶.

У древних славян год был поделен на две части: «зимнюю, совпадающую с Колядой, и летнюю – на Купала, которая символизировала «летнее солнцестояние». Позднее год стал делиться на три части: Зиму, Весну, Лето. Христианский календарь перенес новый год с весны на осень. Именно христианство привнесло Осень в прежнее трехчастное деление года. Новый год праздновали в сентябре. Петр I следуя католической традиции, решил унифицировать русско-украинское летоисчисление и перенес Новый год с сентября на январь. С советских времен в связи с декретированием времени украинцы и россияне празднуют Новый год дважды, 1-го и 14-го января (по старой религиозной традиции). Сакральными считались високосные годы, когда не вступали в брак, не строили жилищ, не покупали скот. С високосным годом и магическим числом «12» связывали мифическое восприятие времени, например, конец света, природные катаклизмы, катастрофы, эпидемии, болезни, беды, напасти.

С времяисчислением связаны и названия дней недели. Считалось, семидневная неделя возникла в Вавилоне вследствие культа семи планет, вавилоняне почитали каждый седьмой день (7-го, 14-го, 28-го), в Китае и Древнем Египте месяцы делились на 3 части – декады (по 10 дней). Позднее в иудейско-христианской традиции европейских народов была принята семидневная неделя. Древние славяне также жили в системе недели дни. В христианстве семидневная неделя официально именовалась как «седмица», в украинском языковом сознании бытует старое название «тыждень», т.е. «тот же день», что и семь дней спустя. Неділя (воскресенье) происходит от «не до діла», понеділок/понедельник от дня, который проходит, т.е. первый день по неділі, вівторок/вторник – второй (вторичный), и т.п. В украинской традиции понедельник был тесно связан с обычаем «понеділкування». «Понеділкувати» могли только замужние женщины: раз в неделю они освобождались от хозяйственных работ и семейных обязанностей, собирались в группы/кружок в одном помещении, где готовили обед, общались, пели, вспоминали девичество, обменивались своими секретами. Этот обычай свидетельствовал о высоком социальном статусе женщины в украинском обществе. Это был способ «психологической разгрузки», релакса, когда они могли гулять или посещать корчму. Поэтому для мужчин и остальных членов семьи понедельник считался тяжелым днем («В понедельник работы не начинай и в до-

---

¹⁶ Языковая модель украинского года реконструируется по: Скуратівський 1996.

рогу не выступай»). «Понедилкування» связано с формами поста, неслучайно все четыре поста Рождественский, Пасхальный, Петровский, Спасский начинались с понедельника. Понедельник имеет и мифологические коннотации как святой день, когда «мир сотворен». Вторник в представлениях украинцев считался «счастливым» днем для любого дела или начинания, потому и говорили: «Во вторник – початков сорок».

Дни недели делились на мужские (понедельник, вторник, четверг) и женские (среда, пятница, суббота). Вот почему несущку на яйца сажали в «женские дни». Легкими «счастливыми» днями считались вторник, среда и суббота, а тяжелыми – понедельник и пятница. Среда «принадлежит Матери Божьей», это день, когда женщины не должны были работать, время поста и посещения дочками своих матерей. Четверг, счастливый день, когда Бог сотворил все планеты, и по обычаям украинцев сватание приходилось на четверг. Пятница символизировала Судьбу как проявление мифического времени и вплоть до XVI в. в народе почиталась как воскресный Праздник (С. Голубинский). Пятница символизировала библейское время (муки и смерть Христа). Суббота – рабочий день, но в украинской традиции с определенными ограничениями (не стоит начинать важное дело). С этим днем ассоциировалось семейно-родственное время – вспоминали предков, в конце каждой недели мылись, одевали чистое белье. Воскресенье/«Неділя» – день, посвященный Богу, представлялся в образе молодой, приветливой женщины, которая могла и покарать тех женщин, которые работали в святое воскресенье. В этот день люди отдыхали, ждали его как праздник, готовились, одевались в белое, весело проводили выходной («Як неділя, то й сорочка біла»).

В языковой модели времени украинцев бытовало сакральное число «12», («двенадцать пятниц», 12 месяцев). В отличие от русских, которые использовали византийскую систему названий месяцев (апрель, май, июнь), украинцы создали свою систему, соответствующую народному восприятию пространства-времени. Январь/«Січень» – месяц, который сечет/рассекает зиму пополам (отсюда и название). Февраль/«Лютий» – от морозов, снегов, кривых дорог, как варианты: «лютень», «крутень», «криводоріг», «межинь» (межа между зимой и весной), «громник» (последнее название – от праздника Сретения (Громница), когда по народным поверьям, Зима встречается с Весною). Март/«Березень», первый месяц весны другие названия: «березоль», «березозорь», «березіль», «соковик», «протальник», иначе «с гор потоки», «капельник»). Название происходит от березы и связано с промыслом изготовления березовой золы и коры, в это время заготавливали березовый сок. Апрель/«Квітень» – пробуждение лесов, рощ, цветения садов, отсюда разнообразие наимено-

ваний: «цвітень», «краснець», «снігогін», «дзюрчальник», «водолій», «лукавець», в это время высевали первые яровые, скот выводили на пастбища. Май/«Травень» названный от «травы», но имеются и другие названия: «май», «травник», у русских встречается название «мур» (от трава – «мурава»). Июнь/«Червень» – первый летний месяц, имеет названия «червець», «ізок», что означало месяц звона цикад, «кресник» (означает летний солнцеворот и происходит от «кресати» огонь, зажигать купальское огнище). Наиболее вероятно – от «червоний»/красный, т.е. период созревания ягод, плодов, цветов. Народное же название второго месяца лета июль/«Липень» прозрачно, это время цветения липы, сбора липового цвета, как целебного средства от простуды и других болезней. Другие названия этого месяца происходят от наименований летних работ и погодных явлений: «липець», «сінокіс», «косень», «грозовик», «іллух» (от пророка Ильи). Последний месяц лета август/«Серпень», связанный со жнивами, серпами. Иные народные украинские названия: «копень» (когда на полях появляются копны жита), «жнивец», «зоряничник» – время созревания зерновых; у русских – «прибериха-припасиха» (сбор запасов на зиму). Первый осенний месяц сентябрь/«Вересень» – название происходит от вереса, медоносного растения, которое цветет в конце сентября. Отсюда «вересовый месяц», т.е. время сбора вересового меда и винограда. Другие древнеукраинские названия: «сівень» (означает пору высевания зерновых), «вереснець», «бабье лето». Октябрь/«Жовтень» – месяц желтых листьев. Существуют и другие названия: «кастрічник», (от древ.-сл. костриця) «весільник» (начало брачного сезона), «хмурень» (от частых хмурых дней). В это время начинали мять лен, коноплю, справлять свадьбы. Ноябрь/«Листопад» – последний осенний месяц (смысл его общеславянского названия прозрачен), называют его также «падолист», «листопадень», «ворота зими». Первый зимний месяц декабрь/«Грудень» получил название от мерзлых грудок земли, еще в Ипатьевской летописи (1118) встречается «мць грудень»; другие названия – «хмурень», «андрієць/андріїв» (от христианского апостола Андрея).

Таким образом, в языковом сознании украинцев вся совокупность темпоральных номинаторов Года отражает тесную связь природных явлений с производственными циклами, видами хозяйственных работ, народными обычаями, обрядами, нормами повседневной жизни. Языковая модель «украинского года/року» включает целый спектр времяпотоков. Доминирует в этой модели **сельское, или циклическое время**, разновидностями которого являются: *астрономическое* (смена дней, месяцев, поры года), *биологическое* (регулярные природные явления – восход и заход солнца, зима меняется на весну, весна на лето, дожди на

метели, жара на мороз), *хозяйственно-производственное* (весенняя вспашка, посевная, сенокос, жатва). В языковом сознании украинцев присутствует и разновидности *линейного времени*: *историческое, социальное, семейно-родовое, обыденное*, которые отражают эволюцию форм производственной деятельности, события общественной и духовной жизни народа. Линейное время фиксирует процессы усовершенствования орудий труда, развитие древнейших верований, разнообразие правил и привычек быта, историю народного костюма и многовековых метеорологических наблюдений. В языковом сознании украинцев присутствует также и *мифологическое время*, олицетворяющее явления и силы природы, их влияние на жизнь людей (Солнце, Луна, Дождь, Мороз). *Библейское (сакральное)* время в структурах украинского сознания – это жизнь и смерть Христа, оно связано с именами христианских святых апостола Андрея, Петра Павла, Божьей Матери, св. Ильи, Параскевы, а также Рождеством, Пасхой. *Психологическое* или субъективное время («год – как век, а век прожить – не ниву перейти») т.п.

Языковая культура отражает восприятие модусов времени. Для русских характерна сосредоточенность на прошлом и будущем. Неслучайно, из двух «главных русских вопросов» – «Кто виноват?» и «Что делать?», первый относится к прошлому/совершенному, а второй – грядущему/будущему. Считается, что, сам язык среагировал на особенности психики: глаголы совершенного вида не имеют формы нынешнего времени, а заменяются будущим; более того возникла привычка обходиться без настоящего времени («Два и три *будет* четыре»). Русская литература традиционно демонстрирует устремленность в будущее, реальное или воображаемое (Обломов, Манилов). В русском языковом сознании главным концептом времени становится модус будущего времени, россияне отдают ему предпочтение, будь то в виде апокалипсиса (образ исчезнувшего града Китежа), или же идеально устроенного общества, социально-политических утопий («светлое будущее – коммунизм»). В русском языковом сознании ценится легкий, сказочно-мифологический путь, печь, ковер-самолет, сани-самоходы, желание-хотение, стремление манипулировать будущим (меняя календари в 1920–30-х гг., намечая строительство коммунизма в 1980 г.). При этом, подчеркивает В. Маслова, русский народ, в отличие от других, думает не о собственном, а о вселенском будущем (философия русского космизма, идея мировой революции). Для менталитета русских характерна «низкая оценка обозримого прошлого». «Начать с чистой страницы» означает игнорирование прежнего опыта. Для русского восприятия времени характерна акцентуация событий, обо-

значаемых с приставкой «после-» или «пост-», к примеру, Россия «послевоенная», «послереволюционная», «постперестроечная» и т.д.¹⁷

В языковой модели времени украинцев, напротив, доминирует модус настоящего (в совершенной или несовершенной форме), в чем убеждает огромный массив фольклорных источников, пословиц, поговорок, загадок. Украинские песни, фольклор, поэзия сосредоточены на сегодняшнем дне, нынешнем, каждодневном – окружающей природе, будничных заботах и трудах, развлечениях и чувствах, действиях, поступках и психологических состояниях. Модус настоящего в структуре времени отображает гармонию окружающего мира и человека, она не погружена в прошлое и не стремится в воображаемое будущее. Такое равновесие сигнализирует о жизненном оптимизме, прагматизме, антропоцентризме сознания украинцев. Приверженность настоящему сближает украинцев с народами Западной Европы, которые привыкли ценить каждую минуту, каждый час, для них настоящее является главным в концепции времени.

Таким образом, языковая картина времени каждого народа представляет собой ризому, совмещающую множество разнонаправленных временных потоков. Модус прошлого соединяет историческое время (фиксируемое прошлое), периферийное время (смутные воспоминания о далеком прошлом) и мифологическое время (за пределами памяти народа). Настоящее – вершина социально-исторического времени, это сам опыт, который и дает ключ к пониманию прошлого и грядущих событий. Именно современность выступает ориентиром в различных временных потоках – календарном, биологическом, профанном, семейном, бытовом, психологическом. Современность создает потребность в самопознании. Модус будущего также включает несколько составляющих: религиозную (второе пришествие Христа, две модели будущего: европейская рождественская и восточная пасхальная), социальную (апокалипсис, утопии), психологическую (сценарий личного будущего). Сама проблема времени служит средством самопознания человека: через настоящее осознать прошлое, предчувствуя и направляя свое будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А. Историческое сознание как фактор историографии // Вопросы истории. 1982. № 12.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Великий тлумачний словник української мови. К., 2004.

---

¹⁷ Маслова 2008. С. 90-93.

- Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
- Забужко О. «Психологічна Америка» й азійський ренесанс, або знову про Карфаген // Сучасність. 1994. № 9.
- Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008.
- Муравьев В.Н. Философские заметки, афоризмы // Вопросы философии. 1992. № 1.
- Носенко Е.Л. Культурно-психологічні проблеми інтеграції України в Європейське співтовариство // Грані. 1999. 2(4).
- Скуратівський Василь. Український рік. К., 1996.

REFERENCES

- Barg M.A. Istoricheskoe soznanie kak faktor istoriografii // Voprosy istorii. 1982. № 12.
- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M., 1984.
- Barg M.A. Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma. M., 1987.
- Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa. M., 1990.
- Velikii tлумachnii slovník ukraїns'koї movi. K., 2004.
- Vernadskii V.I. Izbrannye trudy po istorii nauki. M., 1981.
- Zabuzhko O. «Psikhologichna Amerika» i azijs'kii renesans, abo znovu pro Karfagen // Suchasnist'. 1994. № 9.
- Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyi metod // Filosofskie problemy istoricheskoi nauki. M., 1969.
- Likhachev D.S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni. L., 1978.
- Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika. Minsk, 2008.
- Murav'ev V.N. Filosofskie zametki, aforizmy // Voprosy filosofii. 1992. № 1.
- Nosenko E.L. Kul'turno-psikhologichni problemi integratsii Ukraїni v Evropeis'ke spivtovaristvo // Grani. 1999. 2(4).
- Skurativs'kii Vasil'. Ukraїns'kii rik. K., 1996.

Колесник Ирина Ивановна, доктор исторических наук, профессор; Институт истории Украины Национальной академии наук Украины; ikolesnyk2002@gmail.com

Linguistic model of time in the historical consciousness of the Ukrainians

The author presents an interpretation of the notion of 'historical consciousness' as a starting point, and offers a reconstruction of a linguistic model of time in the views of the Ukrainians

Keywords: historical consciousness, model of time, cultural views.

Irina Kolesnik, Dr.Sc. (History), Professor, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine; ikolesnyk2002@gmail.com

С. С. ЛАЗАРЯН

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1817–1864 гг.)

В статье Кавказская война XIX века трактуется не столько как поле брани, на котором Россия и горские народы Кавказа противостояли друг другу, но, прежде всего, как особое пространство межкультурной коммуникации, принимавшей ту или иную форму, обусловленную местными обстоятельствами.

Ключевые слова: Кавказская война, коммуникация, социокультурное пространство, Россия, горские общества, этнокультурные контакты, диалог, заимствования.

В продолжающейся сегодня полемике вокруг сущности и последствий Кавказской войны мало кто замечает, что «Кавказская война – это не сплошная цепь сражений, растянувшаяся на многие десятилетия. Это еще и сложная история жизни людей разных племен и культур на протяженном и весьма условном стыке между русским и кавказским миром», жизнь, «наполненная самыми разнообразными проявлениями человеческих отношений»¹. В этой связи следует согласиться с Я.А. Гординым, утверждающим, что складывавшееся социально-культурное пространство Кавказской войны «было пространством парадоксальным, не сводившимся только к жестокости и взаимной ненависти»².

Кавказская война, помимо собственно военных проявлений, одновременно сделалась своеобразным способом взаимодействия и познания противоборствующих сторон. Она предлагала её участникам (на выбор), элементы межкультурного взаимодействия, которыми были военные акции (экспедиции и набеги), плен, аманаты, торговля пленными, кавказские милиции, постой войск в горских аулах, русские крепости и города, преобразования окружающих ландшафтов посредством экономической деятельности колонистов, кардинальные перемены в способах невоенного существования. Война принуждала людей к разнообразному диалогу на самых причудливых площадках, где бы только и в какой бы только форме он не возникал.

Мир Кавказа, все горские общества не могли избежать взаимодействия с миром России, который начиная с XVIII в. активно врывается в их географическое и социокультурное пространство на протяжении длительного времени. Привносимые Россией в горскую среду новации вызывали там определенное культурное напряжение, иногда даже куль-

---

¹ Дегоев 2001. С.242.

² Гордин 2008. С.110.

турный шок, так как не укладывались в привычные для горцев условия существования. Поскольку культурные факторы горских обществ, детерминировавшие характер и формы межэтнических отношений, определялись особенностями своего генезиса и находились в сфере координат традиции, то всякая инновация, исходившая извне, из-за пределов традиции, способна была подрвать устоявшуюся повседневность с её целеполаганием, или же значительно осложнить её реализацию.

Традиционалистские этнические общества менее предрасположены к восприятию инокультурных артефактов и смыслов, чем общества открытого типа. Традиционалисты замыкаются в собственной культурной гомогенности и этнических предубеждениях, отторгая все чужеродное. Большинство горских обществ Северного Кавказа формировались и существовали в закрытой социокультурной парадигме, а потому настороженно встречали все инновации, вторгавшиеся в их мир помимо их воли. Война сама по себе не была новым и исключительным явлением для кавказских горских сообществ, развивавшихся на протяжении многих веков в рамках милитарных смыслов военизированного быта. Скорее, война как повседневность была чрезвычайным фактором для мира России. В этой связи определенный культурный шок, распространявшийся в имперской невоенной среде, вынужденной искать приемлемые формы сосуществования с горскими сообществами, на некоторое время стал частью повседневных переживаний. С другой стороны, в силу ограниченности ресурсов и своей исторической локальности, большинство архаических обществ Кавказа не могли остановить культурной экспансии со стороны России, но отчаянно сопротивлялись, противопоставляя силе модерна трудноокрушимую силу традиции. Что же касается общества имперской России, то его необходимо причислять к обществам, направленным на освоение инокультурных и географических пространств, сходным с активизмом открытых обществ европейского модерна.

Диалоговая ситуация, в которой происходит конкретная межэтническая коммуникация, определяется стечением обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах, состоянием климатических условий, состоянием окружающего географического пространства, характером ландшафтов, влияя на актуальность восприятия окружающей обстановки, «усиливая или ослабляя межэтническую солидарность и этнокультурные контакты»³. Перечисленные факторы межэтнической коммуникации приводят к различным для взаимодействующих этносов результатам: простым количественным изменениям, не затрагивающим

---

³ Садохин 2001. С. 208.

сущностные основания этнической культуры, либо к глубоким структурным сдвигам в ней. Поэтому результативность межкультурных контактов предопределяется, как степенью силы натиска, так и степенью силы сопротивления разнохарактерных по своим парадигмальным устройствам и направленности развития этническим сообществам.

Кроме того, в пространстве кавказского мира помимо российского модернизационного проекта действовал исламский проект, который внедрялся имаматом, сумевшим до определенной степени и на продолжительное время убедить кавказские горские народы в своей способности защитить их традиционность и выступить культурной альтернативой российским преобразовательным усилиям. И хотя исламская культурная парадигма не сразу и повсеместно была принята в качестве нового ресурса в противостоянии с российской имперской структурой (это особенно касалось этнических обществ северо-западной части Кавказа), её императивная природа, основанная на универсализме традиционного типа, способствовала укоренению в культурном поле горских обществ. Тем более что на определенном этапе военного и социокультурного противостояния с Российской империей у горских этнических сообществ не осталось иных аргументов.

При взаимодействии культуры вступают друг с другом в сложные отношения, обнаруживая каждая из них свою самобытность и специфику. Одновременно и неизбежно происходят культурные заимствования, обуславливающие изменения социокультурных форм существования, вынуждая приспособляться, осваивать и использовать новые элементы в каждодневной жизни, т.е. происходит процесс аккультурации⁴. Аккультурация как результат длительного контакта горских этнических сообществ и России, представлявших разные культуры, стала выражаться в изменениях исходных культурных моделей, которыми оперировали стороны до начала культурной коммуникации.

Реалии жизни предлагали свой сценарий развития той или иной ситуации. Горские князья и уздени, вообще горцы всех сословий от частых столкновений с русскими не только в местах вооруженного противостояния, но и во всех иных обстоятельствах, многое стали заимствовать у них, хотя первоначально заимствованиям подвергались самые простые и поверхностные элементы инокультурных проявлений.

Так, горцы полюбили чай: узнав его у кунаков, первоначально не понимали его вкуса, потом, привыкнув к нему, обзавелись собственным, а затем втянулись настолько, что уже не уступали русским в любви к

---

⁴ Садохин 2004. С.115.

нему. Отдельные князья и уздени, в подражание русским, пили чай из самоваров с большой важностью. Они стали даже обижаться на своих соплеменников, когда, бывая в гостях, не получали по этому случаю чаю⁵. Другим элементом воздействия была водка. Как отмечал Ф. Юхотников, «этот элемент привился только к высшему сословию, а низшее, несмотря на близость станиц к аулам, на возможность во всякое время посещать их, <...> воздерживается от неё»⁶. Третьим элементом заимствования стали карточные игры. Карты так удачно привились горцам, прежде всего, богатым и именитым, что «иной из них мечет направо и налево, как будто по призванию»⁷. Игра в карты стала обыденностью и для так называемых хищников, которые, по возвращении из своего ночного промысла, коротали свободное время за картами.

Все перечисленные три элемента, составлявшие оттенки российской культурной жизни, в кавказских условиях выходили на передний край повседневного существования в крепостях и других населенных русскими местах. Офицеры в свободное от служебных обязанностей время обычно коротали свой досуг за зелеными столами и попойками. Было также обыкновенным метать банк, не вставая из-за стола, целую ночь до самого утра. Потом утром – на учење, а с учења опять доигрывать до обеда, а после – снова за карты, поскольку развлечений, кроме карт, не было или не находили⁸. Поэтому горцам бросалась в глаза эта нехитрая сторона русской жизни, из-за своей повсеместности воспринимавшаяся как характеристика всего русского. На самом деле эта сторона жизни русской среды была не столько русской, сколько способом существования русских в условиях однообразных будней военного времени. В горской среде было распространено мнение о присущей русским распушенности нравов потому, что они могли наблюдать только особый тип русских людей – кавказских военных, среди которых находилось немало пройдох и людей, сосланных на перевоспитание за разнородные прегрешения. Но иной России и других русских горские жители не могли узнать в силу своей отдаленности и вынужденному общению с периферийными проявлениями русского мира, который из-за своей пограничности сделался не совсем русским, хотя продолжал называться таковым.

Неожиданной формой и способом русско-кавказского взаимодействия сделались горские и вообще кавказские милиции, которые организовывались военными властями Кавказской армии или были инициати-

---

⁵ Там же. С. 30-31.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Новикова-Зарина 2011. С. 33.

вами местных владетельных князей⁹. Они существовали на всем протяжении Кавказской войны. При М.С. Воронцове горские милиции участвовали в Даргинском походе¹⁰, при штурме аулов Салты и Гергебиль и во всех иных мероприятиях военного или полувоенного характера¹¹. Они создавались и за Кавказом из местных народов Грузии или населения мусульманских провинций. Милицейские формирования, хорошо знакомые с природой и ландшафтом края, с нравами местных народов, были не только хорошими помощниками русским в качестве проводников, разведчиков, конвоев, дорожной стражи, участников военных экспедиций, но в наибольшей мере соответствовали местным традициям. В русской военной среде бытовало различное отношение к кавказским милициям, но неизменно милиционеры оставались при войсках в большом ходу, составляя постоянные или временные формирования¹².

Между кавказскими милиционерами и русскими шел постоянный диалог, формы которого определялись специфическими условиями военного быта и военной мужской среды, с их по большей части неписаными правилами. Стороны настороженно всматривались друг в друга, вольно или невольно комментировали все поступки и действия, так или иначе передававшие социокультурную природу собиравшихся там людей. Между милиционерами и войсками возникал естественный обмен способами ведения войны, происходила демонстрация военного искусства, обычаев, мировоззрения и моральных устоев. Сосуществуя рядом, они пристально и пристрастно изучали друг друга, будучи представителями двух разных миров и культур, даже цивилизаций, которые силою обстоятельств обязаны были сожительствовать. Ничего не ускользало из поля зрения, и всему выносилась оценка, формировалось отношение. Русский и кавказский миры в данном ракурсе сближались с наибольшей прямоотой, когда все качества, присущие каждой стороне, проявлялись наиболее выпукло и без всевозможных украшательств, хотя и односторонне, поскольку реализовывались в экстраординарных обстоятельствах военного быта. Здесь стороны привыкали друг к другу, притирались и причуались слушать и понимать друг друга, перенимали повадки и те или иные черты, становившиеся их достоянием, новым опытом, постепенно, вкраплениями, изменявшими прежние устои. Так, присутствие кавказских милиций не только само по себе придавало русским войскам чрезвычайно своеобразный вид, но и наполняло сами действия русских

---

⁹ Лапин 2008. С. 337-339; Зиссерман 1879. С.62.

¹⁰ Бенкендорф 2000. С. 258.

¹¹ Шамиль ставленник султанской Турции... С. 536-537.

¹² Ольшевский 2003. С. 336-337.

ориентальными мотивами. Например, кавказские милиционеры нещадно резали сдававшихся в плен, особенно когда имели с противниками особые счета¹³. Русские постепенно переняли от милиционеров эту привычку и после того, как обнаруживали случаи жестоких расправ над пленными и ранеными солдатами, совершенными непримиримыми горцами, ожесточались и не оставались в долгу.

«Русское завоевание Кавказа сопровождалось страстной увлеченностью завоеванным краем»¹⁴, отчасти даже культурно-психологическим слиянием с ним. Русские люди (дворяне и крестьяне, все по-своему) любили Кавказ – не горцев, полных ненависти к русским и отчаянно борющихся против незваных пришельцев. Русские любили Кавказ, потому что там они становились другими. Там кардинально переменялась их жизнь, мировосприятие, жизненные установки, а привычные понятия российского социума наполнялись иным, первозданным смыслом, который был утерян в суете светского существования среди дворян или растворился из-за социальной несправедливости в крепостнических основаниях крестьянского бытия. На Кавказе люди приобретали свободу, как состояние социального бытия, так и состояния духа. Как свидетельствовал князь К.К. Бенкендорф: «Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком – ничто, а сам человек – всё; страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей; такая страна облагораживает человека, отдавшего ей душой и телом»¹⁵. По мнению Я.А. Гордина, «неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту»¹⁶.

Кавказ рождал даже особую породу русских людей – кавказцев, которые росли в атмосфере нравственной самостоятельности и в живом деле вечной войны, требующем независимости, сметки и решительности. В этой самостоятельности и решительности заключался «ключ к успеху во всякого рода практических делах. А тем более в таком практическом и живом деле как война, да еще и народная». Кавказцы составляли особую «партию», а, скорее всего, некое негласное и естественное содружество лиц и массы, основанием которого являлось «глубокое знание края и любовь к нему»¹⁷.

---

¹³ Лапин 2008. С. 267; Акты... 1866. С. 168-169.

¹⁴ Гордин 2008. С. 35.

¹⁵ Бенкендорф 2000. С. 364.

¹⁶ Гордин 2008. С. 44.

¹⁷ Бенкендорф 2000. С. 364.

Одним из простейших признаков слиянности русских людей с Кавказом было их «подражание горцам в одежде, становившееся естественным обычаем»¹⁸. Солдаты и офицеры по собственной инициативе, получив первый опыт войны и жизни в кавказских условиях, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для Кавказа. Офицеры спешили приобрести себе бурку и меняли казенную шпагу, мало пригодную для настоящего боя, на кавказский клинок¹⁹. Некоторые из них даже форменный сюртук заменяли черкесской²⁰.

Помимо русских дворян кавказские казаки также не оставались в стороне от культурного влияния горских народов, тем более что имели много выходцев оттуда в своей среде²¹. Прежде всего, это влияние также проявлялось в одежде. Например, кабардинская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, через некоторое время в силу её удобства и приспособленности к кавказскому военному быту, стала форменной одеждой казачьих войск²². Современные наблюдатели отмечали, что «приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями <...> не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов»²³. Лошади, на которых воевали кавказские казаки, большей частью были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Посадка казака на лошади была совершенно горской, а потому его трудно было отличить издали от кабардинца²⁴. Линейные казаки переняли у горцев джигитовку, удалство и блестящую храбрость²⁵ и, как отмечал внимательный наблюдатель, «казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скачет»²⁶.

Очень скоро среди кавказских солдат и казаков утвердился обычай, заимствованный ими из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках врагов тела убитых товарищей. С большим укором встречали в войсках части, «не выручившие своих убитых и раненых»²⁷.

---

¹⁸ Гордин 2008. С. 36.

¹⁹ Аноев 1877. С. 406.

²⁰ Каченовский 1863. С. 168.

²¹ Обзор иррегулярных войск в Российской империи. С. 337.

²² Вилинбахов 1982. С. 240-241; Захарьин 1902. С. 289.

²³ Арнольди 1890. С. 8.

²⁴ Беляев 1881. С. 24.

²⁵ Вилинбахов 1982. С. 242; Филипсон 1883. С. 198.

²⁶ Грибоедов 1971. С. 169.

²⁷ Дондуков-Корсаков 2000. С. 424.

Кроме того, в кавказских войсках утвердилось куначество между подразделениями разных полков. Князь А.М. Дондуков-Корсаков вспоминал, что когда часть кунаков проходила через расположение другого полка, то по обыкновению каждая рота или эскадрон угощали соответствующую куначью часть, выкатывали баки, кормили на свой счет артельных лошадей, снабжали кунаков капустой, салом, луком. Такое боевое братство поддерживалось не только между солдатами куначьих полков, но и среди офицеров этих полков; «отношения эти составляли одну из самых дорогих и теплых связей кавказцев»²⁸.

Кавказ был принципиально иным миром для русских. Чтобы принять и понять, чтобы впустить Кавказ в себя, русскому человеку необходимо было отойти на некоторое расстояние от мира России. Дистанция такого удаления и определяла близость к Кавказу. Казаки стояли в этом отношении к кавказскому миру гораздо ближе, чем другие русские. Кавказские военные ближе, чем жители русских губерний.

Для обеих сторон особым средством поддержания отношений и своеобразной местной формой прибыльного бизнеса был обмен пленными. Война между непримиримыми сторонами неизбежно порождала плен как обычное явление всякой войны, но в кавказских условиях плен часто служил «основною задачею войны, её конечною целью, как добыча, как своего рода вознаграждение за военное предприятие, риск»²⁹, прежде всего для горских удалцов. Пожива пленными, например, у черкесов, чеченцев, лезгин и многих других горских кавказских обществ «была одновременно явлением историческим и бытовым. <...> Пленника, ясыря можно было продать, купить и обратить в раба, в рабочую силу»³⁰.

Русским приходилось считаться с таким подходом горцев к пленным. Несмотря на то, что война диктовала свои правила в отношениях между противниками, требуя око за око, ей также принадлежал обычай: «возьми твое и отдай мое». Исходя из последнего обычая, были возможны контакты, в результате которых обратно, к своим, пленные могли попадать посредством выкупа, обмена или побега. Как свидетельствовал Ф.А. Щербина, «у русских самым распространенным способом был выкуп, затем следовал обмен и побег», в то время как горцы «чаще всего шли на обмен, реже на выкуп и меньше всего на побег. Они не уходили из плена как по тому, что трудно было бежать из тюрьмы или крепости, так и потому, что русский плен не был рабством»³¹.

---

²⁸ Там же. С. 419.

²⁹ Щербина 1913. С. 517.

³⁰ Там же. С. 518.

³¹ Там же.

Пленных чужаков обменивали на своих людей, на тела погибших в бою товарищей, на скот, на соль или другие товары, в том числе, на оружие или порох. С обеих сторон имелись для этого специальные агенты. Чаще всего ими были армянские купцы, имевшие в горах кунаков. За это они получали свой процент, а от российского командования именные серебряные медали, которые они очень ценили. Российской стороной выкуп пленных производился за счет войсковых сумм, благотворительных сборов или за счет родственников плененного³².

Русские колонисты, солдаты или казаки были для горских удальцов более желанной целью, нежели горцы-соседи, поскольку это позволяло избегать неизбежного последствия – кровомщения. Среди горцев по обычаям их «все члены каждого семейства обязаны защищать друг друга от врагов и мстить за кровь ближнего»³³. Так, уводы одиночных людей в плен из Кахетии или с Кавказской линии были явлением обыденным. Горцы превратили это занятие в важную статью дохода, получая за пленных значительные деньги³⁴. Молодых женщин, мужчин, детей обоего пола сбывали в Турцию, Египет, Аравию. Благодаря тому, что пленник имел определенную цену рыночного товара, пленных можно было относительно легко выкупить из горского плена, были бы для этого средства или товары, необходимые горцам. После пленения в русские крепости или станицы посылали лазутчиков с предложением о выкупе и сообщали запрашиваемую цену. Потом ждали ответного лазутчика с условиями обмена и деньгами. За казачью старшину, офицеров или членов их семей требовали гораздо большую цену, чем за рядовых солдат или казаков³⁵.

Такой же торговой тактики придерживалась и русская сторона. Русские плененных черкесских князей, дворян и известных наездников оценивали по более высоким ценам, чем рядовых горцев и членов их семей. В то же время «ловкие черкесские воры ценились дороже, чем честные и невороватые горцы»³⁶.

Возвратившихся из плена солдат или казаков не всегда дома ждала теплая встреча, особенно тех, кто нарушал правила военной службы и не подчинялся требованиям дисциплины. Их командиры приказывали пороть возвращенцев палками или нагайками перед строем, чтобы те самовольно не отлучались из подразделений и не становились добычей горских «хищников». Ф.А. Щербина свидетельствовал: «Эта родитель-

---

³² Лапин 2008. С. 268-269.

³³ Анучин 2011. С. 26.

³⁴ Зиссерман 1879. С. 139.

³⁵ Новикова-Зарина 2011. С. 60-64.

³⁶ Щербина 1913. С. 519.

ская мера отцов командиров практиковалась часто»³⁷. Но дальше всех в этом отношении заходил генерал А.П. Ермолов: «Он возвел плен в преступление и карал за это преступление не только тех, кто попадал в плен, а и те семьи, от которых были отторгнуты пленники»³⁸. Грозный генерал строжайше запрещал им выкупать своих родственников и членов семьи, чтобы не поощрять охоты на людей и пленопродавства, превратившегося в систему. Строгие запреты, однако, не исполнялись, и выкупы людей продолжались до самого конца войны, в том числе среди нарушителей был известный на Кубани генерал Г.Х. Засс, который в разное время выкупил и выменял у черкесов 424 русских пленных³⁹. Кавказские власти пытались вразумлять горцев и требовали прекратить торговлю пленными, время от времени, собирая в крепостях влиятельных среди горцев людей или тех, кто был, так или иначе, связан с похитителями. Им грозили карами и разорением аулов. Вразумлениям, однако, мало внимали.

Отдельной стороной русского плена являлись аманаты (заложники), бывшие обыденной повседневностью кавказской действительности на протяжении всего периода Кавказской войны. Институт аманатства был заимствован русскими у горцев, которые пользовались им испокон веку. Сотни аманатов находились у имама Шамиля. Обычай брать аманатов стал частью политической практики в отношениях российских властей с непокорными горскими обществами. Аманатов выдавали на определенный срок в знак гарантии достигнутых между сторонами политических договоренностей. Аманатами чаще всего были дети или родственники горских князей, старшин или ногайских мурз. Самым знаменитым аманатом был сын имама Шамиля Джамал Эддин. Они обладали в кавказской среде высоким статусом в силу своего происхождения и родовой принадлежности. Им полагалось оказывать особые знаки внимания. В инструкциях, даваемых комендантам крепостей, в которых содержались аманаты, предписывалось: «Обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно»⁴⁰. Но предписания и реальная практика разнились. Содержание аманатов обходилось казне недешево и менялось с учетом политической конъюнктуры. Если горские владельцы нарушали договоренности, расходы на содержание аманатов снижались. В то же время сами расходы не всегда были достаточными для поддержания жизни аманатов на должном уровне, осо-

---

³⁷ Там же. С. 521.

³⁸ Там же. С. 529-530.

³⁹ Там же. С. 530.

⁴⁰ Нефляшева Наима 1927.

бенно в первые десятилетия этой практики. Экономия, точнее ненужная скупость, давая ничтожную выгоду казне, по мнению барона Г.В. Розена, много вредила «мерам, принимаемым к покорению горцев»⁴¹.

Дети-аманаты, терпя голод и холод, пренебрежение и грубости от своих надзирателей, уносили с собой самые неприятные впечатления о времени, «так сказать, выстраданном на русской стороне»⁴², которые вместе с их взрослением только усиливались, и которые трудно впоследствии было изгладить из их памяти. Некоторые из аманатов находились среди русских от 13 до 20 лет. Их численность постоянно изменялась, что было связано с политической ситуацией в той или иной части Северного Кавказа. Число аманатов всегда возрастало после русских экспедиций в горы. После взятия непокорных аулов почти всегда были пленные, которых, по возвращении экспедиции в русские пределы, сортировали согласно установившегося опытом порядка. Взрослых мужчин, т.е. старше 20 лет, причисляли без всякого разбора к мюридам и отсылали в арестантские роты сроком на 10 лет, поскольку по имперским понятиям, степень их преступления была одинакова. Пленных, не достигших двадцатилетнего возраста, отсылали в батальоны военных кантонистов⁴³.

В 1840–1850-е гг. положение аманатов стало постепенно меняться. Князь М.С. Воронцов видел в них возможных агентов русского влияния в горских элитах. По его предписаниям местные начальники, в ведении которых были аманаты, стали стараться прививать им элементы российской культуры, передавая их на воспитание в полки, или отправляли в военные училища. Такое обучение не слишком отрывало горских детей от привычной для них культурной среды, полной милитаристских мотивов, позволяло в полной мере развивать их природные и культурные задатки к пользе российских властей и не препятствовало их личностной самореализации. Кавказские власти стали осознавать ту реальную политическую и культурную выгоду, которую можно было извлечь от пребывания аманатов среди русских. В крепостях гораздо шире, чем прежде, стали создавать условия для обучения аманатов, а если не удавалось там открывать школу, отправляли аманатов по городам. Аманатские школы были во Владикавказе, Георгиевске, Гори, Дербенте, Ейске, Екатеринеда-ре, Кизляре, Моздоке, Нальчике, Тифлисе. Горских детей учили говорить, читать и писать по-русски. Многие из них выказывали сметливость и быстро осваивали предлагаемые науки. Овладев русским языком, бывшие

---

⁴¹ АКАК. 1881. С. 651.

⁴² Там же.

⁴³ РГВИА. Ф.13454. Оп. 2. Д. 638. Л. 1-3.

аманаты становились переводчиками, некоторая часть из них продолжала обучение в частных пансионах, гимназиях, кадетских корпусах.

Первый транспорт с малолетними уроженцами Кавказа был направлен в Петербург в 1830 г. С тех пор ежегодно направлялось туда до 30-ти горских детей-аманатов⁴⁴. Российские власти были заинтересованы, чтобы наиболее знаковые для Кавказа аманаты были представлены на русской службе и делали бы там успешную карьеру. Таким аманатом был первый русский генерал из осетин Асланбек Туганов, он воспитывался в семье русского офицера и стал впоследствии командиром собственного Его Императорского Величества Конвоя в Петербурге. Аманатом был и прославленный на Кавказе генерал Мусса Кундухов⁴⁵, а сын Шамиля Джемал Эдин находился в сфере внимания самого императора Николая I, который часто заходил в Александровский кадетский корпус, где тот был воспитанником. Вместе с Джемал Эдином обучались дети горских старшин Аважуко Тулатов, Уруспи Алдатов, Амза Махтиев⁴⁶.

Кавказская действительность предъявляла также как способ своеобразной коммуникации – набег. Дм. Анучин подразделял набеги черкесов на территории, находившиеся под контролем русских, на два вида: «для хищничества и большие военные предприятия против станиц или укреплений, а иногда и селений, лежащих даже за передовыми линиями». Для «хищничества» собиралось несколько смельчаков, которые под предводительством вожака, хорошо знавшего местность, переправлялись через Лабу или Кубань, таились в камышах, выжидая по нескольку дней «оплошных прохожих и проезжих»⁴⁷. Чаще всего в «хищничества» отправлялись те из черкесов, которые не любили работать и получали главную наживу от таких предприятий. Они могли проводить в засаде по нескольку дней, «переноса с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде. <...> Именно они были самыми докучливыми врагами русских»⁴⁸.

Никакая бдительность кордонной стражи не могла уберечь русских рубежей и порубежных жителей от бедствий, причиняемых им «хищниками». Как писал П.П. Короленко: «Темные и бурные ночи, прибрежные тростниковые и кустарниковые заросли и зимняя стужа, обледенившая быстрое течение Кубани, давали полную возможность хищным горцам

---

⁴⁴ Каширин, Муханов 2010. С. 73.

⁴⁵ Бязырова 2014.

⁴⁶ Каширин, Муханов 2010. С. 75.

⁴⁷ Анучин 2011. С. 28-29.

⁴⁸ Лапинский Теофил (Тэфик-бей) 1995. С. 183.

переходить незаметно на нашу сторону для грабежей и разбоев»⁴⁹. Стычки с такими партиями черкесов продолжались беспрерывно, и, по свидетельству очевидцев, «в течение года не проходит и часа, в который враждующие стороны не обменялись бы десятью ружейными выстрелами»⁵⁰. Если «хищники» подъезжали к станицам, то иногда отгоняли стада и табуны или брали в плен попавшихся жителей, а потом стремительно возвращались в свои пределы, часто преследуемые казаками. Если планировалась военная операция против станиц и укреплений, то влиятельные среди черкесов люди объявляли на народном собрании «о намерении своем и необходимости для общей безопасности предпринять набег на Линию»⁵¹. В этом случае на таком собрании определялось, сколько всадников и пеших людей выставит каждое общество. Каждый воин должен был явиться на сборное место, которое указывал предводитель, с оружием, лошадью и запасами продовольствия.

Когда осуществлялся набег в виде военной операции, то его задачей было не столько получить добычу, сколько запугать русских поселенцев, сжечь их дома и посеять между ними панику, создать им невыносимые условия для существования. Проводя военную операцию против станиц, черкесы придерживались стратегии измора, совершая частые и скоротечные рейды на вражескую территорию. Они старались держать людей в систематическом напряжении и страхе, парализовать их хозяйственную деятельность в надежде на то, что русские поселенцы и войска уйдут, как это делали сами черкесы, сталкиваясь с аналогичными угрозами. Если целью атаки было укрепление, то черкесы стремились его разрушить, а гарнизон истребить, т.е. снова устроить и заставить уйти. Давая характеристику таким действиям черкесов, современный исследователь адыгского военного искусства А.А. Остахов подчеркивает, что «антикордонная война» черкесов была нацелена на уничтожение Кавказской линии, путем медленного истощения её потенциала⁵². Казаки не менее горцев были втянуты в набеговую систему войны, поскольку их давние традиции мало чем отличались от горских⁵³, а, кроме того, набегги помогали им умерить пыл их беспокойных соседей, получить компенсацию за причиненный ущерб⁵⁴ и «чтоб нанести им поражение в сердце их оседлости»⁵⁵.

---

⁴⁹ Короленко 1896. С. 42.

⁵⁰ Лапинский Теофил (Тефик-бей) 1995. С. 183.

⁵¹ Анучин 2011. С. 29.

⁵² Остахов 2011. С. 21.

⁵³ Щербина 1913. С. 808-810.

⁵⁴ Лапин 2008. С. 335.

⁵⁵ Короленко П.П. 1896. С. 38.

Казачьим командирам удалось выхлопотать от Петербурга позволение «карать горцев в их земле тотчас же после каждого их нападения»⁵⁶. Пользуясь этим, кордонная стража ничем не стеснялась в преследовании и наказании горцев за чертой пограничной линии. При этом, как свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, «схватки наших линейных казаков с горцами были беспощадны: обе стороны дрались под влиянием чувства личной ненависти и мщения за убитых братьев, за разграбленное имущество, за похищенных жен и детей»⁵⁷. Если казакам приходилось сталкиваться с абреками, самыми изощренными «хищниками», «когда сила брала, истребляли их до последнего человека. Ни казаки, ни черкесы никогда не простили и не давали пощады»⁵⁸.

Ходили в набеги против горцев и покорные русским черкесо-гаи или закубанские армяне, ранее жившие рассеянно среди разных горских народов. Генерал Г.Х. Засс собрал их вместе и поселил одним большим аулом Джаур-Хабль на левом берегу Кубани. Всех жителей данного аула к началу 1840-х гг. насчитывалось до 5000 чел. Проведя долгое время среди черкесов, закубанские армяне приобрели многие черкесские обычаи, но сохранили «по всей его силе промышленный дух, свойственный их племени и отличающий их и донине»⁵⁹. Они вели торговлю среди горцев, говорили на их языках, имели в горах кунаков, хорошо знали горы и Закубанье, давали русским лазутчиков и выставляли милицию. Время от времени и с разрешения начальника Кубанской линии собирали партии для набегов на непокорные племена, для отмщения за грабежи, которым подвергались в горах, нередко отбивая большие табуны и стада.

Проводили набеги-экспедиции против горцев и армейские части Отдельного Кавказского корпуса. В Черкесии или Чечне эффект их был не всегда таким, на какой рассчитывало армейское командование. Если не удавалось застигнуть горцев врасплох, те успевали прятать свои семьи, пожитки и скот в горах или отдаленных лесных чащобах, оказывали жесткое сопротивление, а потом исчезали. Черкесы и чеченцы довольно легко расставались со своими прежними жилищами, возводя без особых трудов новые в скрытном отдалении от русских. В Дагестане, где в одном ауле могло проживать по несколько сотен семей, ситуация была несколько иной. Разорение аула во время войсковой операции там всегда было тяжелым ударом для горцев, так как они в таких аулах

---

⁵⁶ Там же. С. 41.

⁵⁷ Торнау 1999. С. 211.

⁵⁸ Там же. С. 95.

⁵⁹ Анучин 2011. С. 17.

складывали свое продовольствие и их дома строились из камня⁶⁰. Во время таких экспедиций горцам некуда было отступать, а после всегда кровопролитного штурма селения могли быть разрушены настолько, что их возобновление на прежнем месте становилось невозможным из-за материальных и людских потерь, либо требовали весьма длительного времени и значительных трудов.

Несмотря на столь жесткие формы взаимодействия, какими были набеги, проводившиеся с обеих сторон, участники их многому учились и узнавали характер и особенности культуры друг друга. Обогащались не только военные приемы и опыт сторон, изменялось понимание Кавказа русскими, а русских – горцами. Возрастало любопытство с обеих сторон. Например, русские научились у черкесов их необыкновенному искусству «предсказания погоды – по полету бабочек и прыжкам кузнечиков, по состоянию полевых цветов, по цвету, густоте и протяженности облаков, окутывавших горы»⁶¹.

Среди офицеров русской армии и вообще дворян, бывавших на Кавказе, постепенно вошло в обычай, собирать горских детей-сирот и отправлять в гарнизоны или города на воспитание. Некоторые из горских детей отправлялись на воспитание в собственные семьи офицеров-дворян в Россию⁶², где впоследствии получали хорошее образование и знание российской имперской действительности. Как правило, по прошествии многих лет они возвращались в горы, не потеряв своего патриотизма, становились проводниками имперских смыслов в кавказскую среду. Пребывание среди русских, жизнь в Петербурге, Москве, участие в составе российских войск в европейских походах (Кавказский – Горский полускадрон в Польшу в 1830–31 гг. и в Венгрию в 1849 г.); знакомство с европейским образом жизни и яркими представителями русской культуры, светские знакомства, чтение разнообразной литературы, посещение театров, музеев, библиотек; обучение в университетах и гимназиях – всё вместе заряжало горцев новыми ценностями, на базе которых стала формироваться собственная горская интеллигенция, сыгравшая впоследствии роль просветителей своих народов.

Одним из таких мальчиков был 11-летний Лукман Кодзоков. Его привезла с Кавказа мать поэта А.С. Хомякова, ставшего ему крестным отцом. И.Л. Андроников, сообщал, что Кодзоков жил в доме Хомяковых в Москве, а лето проводил с ними в их тульском поместье Богучарове⁶³,

---

⁶⁰ Лапинский Теофил (Тефик-бей). 1995. С. 198.

⁶¹ Дегоев 2001. С. 209.

⁶² Андроников 1977. С. 508-510.

⁶³ Андроников 1977. С. 508.

«пользовался постоянной дружбою своего крестного отца, отдававшего ему значительную часть своего времени»⁶⁴. А.С. Хомяков для получения знаний жизни отправлял своего воспитанника в Петербург к своим друзьям – А.В. Веневитинову, которого просил помочь молодому черкесу советом⁶⁵. С 1830 по 1834 гг. Л. Кодзоков обучался в частном учебном заведении профессора Павлова, где изучал языки: русский, латинский, греческий, французский, немецкий и английский; науки: закон божий, священную и церковную историю, физику, логику, риторику, географию, статистику, русскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, алгебру; искусствам: рисование и музыку. С 1834 по 1838 гг. Л.М. Кодзоков проходил курс в Московском императорском университете, где слушал лекции вместе с Ф.И. Буслаевым, Ю.Ф. Самариным, М.Н. Катковым. Эти люди (Катков) были знакомы, участвовали в кружке Н. Станкевича и дружили с В.Г. Белинским. Среди знакомых Кодзокова были Т. Грановский, В. Боткин, М. Бакунин, братья Киреевские и Аксаковы – «в этой среде должен был сформироваться человек очень высокой культуры»⁶⁶, каким сделался Л.М. Кодзоков⁶⁷. В 1840-е гг. он вернулся в Кабарду.

Принятие горских детей-сирот в русские семьи на воспитание было довольно широко распространено по всей линии соприкосновения русских с горцами и продолжалось весь период вооруженного противостояния на Кавказе. Межкультурные взаимодействия часто осуществлялись скрытно в системе тайной локальности и латентности. Российские власти могли только догадываться по каким-то сопутствующим следствиям о существовании того или иного способа взаимодействия, отражавшегося в панораме событий, рождавшихся от активной деятельности русского мира в социальном пространстве Кавказа. Например, князь М.С. Воронцов, находясь в системе объективных и субъективных координат межкультурной коммуникации, активно искал путей воздействия и появления условий для созидающей интеграции России и Кавказа. Князь-наместник много и активно трудился, пытался понять и услышать Кавказ, пытался говорить ясно и отчетливо, артикулируя кавказскому миру цель России, и надеялся быть услышанным. Происходившие процессы не только определялись стихийными (естественными) факторами и ресурсами народного существования, но совершались также при благорасположении и одобрении наместника там, где он мог оказывать на них прямое или опосредованное влияние.

---

⁶⁴ Лясковский 1896. С. 355.

⁶⁵ Андроников 1977. С. 509.

⁶⁶ Там же. С. 511.

⁶⁷ Кумыков 1962.

Жившие в Тифлисе представители высшего грузинского и армянского дворянства быстро усвоили европейский костюм и образ жизни. Они старались если не перещеголять, то не отставать от русских в убранстве комнат, красоте экипажей или пышности туалетов⁶⁸. Люди, прибывшие с М.С. Воронцовым, и те, кто приезжал туда из столиц позже, вносили в жизнь городского общества новые понятия, взгляды, формы существования, стремления. Европейская культура постепенно стала теснить восточную патриархальность. Модистки из Одессы или Парижа прививали местным модницам вкус к европейским туалетам⁶⁹.

По свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, громкое и аристократическое имя князя Воронцова поглощало и сосредоточивало все интересы местного общества в его доме – «при дворе, как называли его на Кавказе. <...> Неминуемым следствием явилась роскошь в туалетах дам и во всей обстановке прежней Тифлисской жизни»⁷⁰. Своеобразной площадкой межкультурной коммуникации были обеды и собрания у князя-наместника. Здесь у М.С. Воронцова была возможность индивидуального подхода к тем людям, которые по своему местному статусу обладали большим влиянием на туземное общество. Вкрадчивостью и ласковостью обхождения он разворачивал их в сторону России порой более эффективно, чем самые громкие военные акции, проводившиеся суровыми генералами. В отличие от всех предыдущих главных начальников на Кавказе и в Грузии обеды во дворце князя Воронцова производили на всех, включая грузинских аристократов, которые были непременно их участниками, неизгладимое впечатление. Все, происходившее в резиденции наместника казалось местным жителям чем-то необычайным, сшитым по лекалам имперского петербургского света. Это льстило их самолюбию, а наместник, как бы ненароком, давал всем понять, что они уже суть части великой империи, и не просто части, а её избранные. Особенно избранных представителей местной аристократии князь-наместник соблазнял Английским клубом, который он устроил в своем дворце по образцу Петербургского и Московского, а также Одесского Английского «клуба», к учреждению которого Воронцов был причастен. М.С. Воронцов стремился сделать Тифлисский Английский клуб местом общественной и культурной жизни Кавказского края. Английский клуб был также инструментом по внедрению в умы туземной аристократии идей имперского монархизма.

---

⁶⁸ Ольшевский 2003. С. 294.

⁶⁹ Захарова 2001. С. 340.

⁷⁰ Дондуков-Корсаков 1903. С. 167.

Социокультурное пространство других кавказских городов складывалось на иной основе, не менее своеобразной, чем та, что складывалась в Тифлисе, но все они были ступками цивилизационных инноваций, направлявшихся на преобразование кавказской жизни, и наиболее яркими центрами межкультурных контактов. Своеобразие кавказских городов хорошо понимали современники. Так, Н.И. Воронов отмечал: «Ставрополь по составу своих обывателей, оказывается городом <...> оригинальным, отступающим от мерки, прикладываемой <...> к другим собственно русским городам»⁷¹ в силу обстоятельств и места развития. Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представлял собой смешение разнообразного чиновного люда, гражданского и военного, которое само по себе дробилось на армейское, казачье, горское, «со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными чиновниками»⁷². Предприимчивые люди заводили разные промыслы и предприятия, в которых участвовали выходцы из всех сословий и народностей. Открывались разнообразные торги, лавки, устанавливались ярмарки, строились гостиницы и постоялые дворы, заполнявшиеся всяким приезжим людом, среди которого бывало много скупщиков продуктов сельскохозяйственного производства или купцов, привозивших в город разнообразные ткани, серебряные и золотые изделия. Город застраивался домами всякого предназначения и менял свой облик, становясь источником и активным проводником русского образа жизни.

Так происходило не только в одном Ставрополе, но и в других местах русского пребывания. Наблюдатель середины XIX в. отмечал, что все, кто посещал Георгиевск, Пятигорск, Владикавказ, Грозный и прочие места, видел города, оживленные торговлей и русской жизнью, а «там, где еще 25 лет тому назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания»⁷³. Зримые перемены в материальном проявлении русского образа жизни, которые воплощались во внешнем виде городов, оформлении улиц бульварами и садами и другими материальными знаками довольства и достатка, стали привлекать к себе любопытство горских жителей, особенно дворянско-княжескую элиту. Те из них, кто находил в себе силы выходить за рамки своей традиционности и увидел новые возможности для себя в открытии русского мира, постепенно стали втягиваться в орбиту новых для них цивилизационных требований и общественного устройства.

---

⁷¹ Воронов 2011. С. 286.

⁷² Там же. С. 287.

⁷³ Очерки истории Ставропольского края. С. 179.

Межкультурные связи и отношения суть неизбежный атрибут человеческого существования, а потому местное население Кавказского края не могло избежать общения с русским миром, результатом которого сделалась взаимная аккультурация. В силу ограниченности социальных и иных ресурсов горский мир не имел возможности остановить культурную экспансию Российской империи, которая одновременно несла в горскую среду многочисленные элементы обновления, подрывавшего основы существования социальной архаики и традиционализма.

Российская культурная экспансия протекала в постоянном противоборстве, как с местной культурной локальностью, так и с претендовавшей на универсальность исламской культурной парадигмой, пытавшейся конкурировать с российским имперским социокультурным проектом. В свою очередь кавказский мир для русских был не только местом приложения их преобразовательных усилий, но и преобразовывал их самих. Многие русские обретали на Кавказе новое для них состояние социального бытия и состояния духа, выражавшегося в чувстве свободы от многих пут и социальных условностей, которыми изобиловала их прошлая жизнь, которую они вели до приезда на Кавказ. Само пространство кавказского мира, его реакция на приближение к нему мира России, самый экстраординарный способ его освоения, вылившийся в форму Кавказской войны – все эти обстоятельства порождали своеобразные, невозможные в других обстоятельствах площадки межкультурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. 816 с.; 1881. Т. VIII. 1009 с.
- Андроников И.Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М.: Худ. лит., 1977. 647 с.
- Аноев А.А.* Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. 1877. Т. 114. № 4. С. 398-412.
- Анучин Д.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 50 с.
- Арнольди М.* Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. СПб., 1890.
- Беляев А.П.* Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская старина. СПб., 1881. Т. 32. № 9. С. 1-46.
- Бенкендорф К.К.* Воспоминания // Осада Кавказа. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.
- Бязырова В.* Кавказцы в аманатах. Сыны Кавказа в заложниках у российских захватчиков // URL: [http:// iron-adnan. Livejournal.com/21920.html](http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html).
- Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1982. 256 с.
- Воронов Н.И.* Ставрополь // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова и проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. С. 285-290.

- Гордин Я.А.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 288 с.
- Гордин Я.А.* Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 352 с.
- Грибоедов А.С.* Сочинения в двух томах. М.: Изд-во «Правда», 1971. Т. 2. 368 с.
- Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
- Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
- Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания 1845–1846 гг. // Старина и новизна. Исторический сборник. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. Кн. 6. Ч. II. С. 41-215.
- Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 408-505.
- Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. 381 с.
- Захарьин Н.Н.* Кавказ и его герои. Книга 1. Святые, богатства и народы. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. 487 с.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. II: 1851–1856 гг. СПб., 1879. 424 с.
- Каширин В.Б., Муханов В.М.* Заложник двух владык // Кавказский сборник. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Т. 6 (38). С. 63-115.
- Каченовский В.* Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. 1863. № 7. С. 157-178.
- Короленко П.П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696–1896). Исторический очерк. Екатеринодар, 1896. 101 с.
- Кумыков Т.Х.* Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. Нальчик: Эльбрус, 1962. 80 с.
- Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
- Лалинский Теофил (Тефик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1995. 463 с.
- Лясковский В.Н.* Алексей Степанович Хомяков. Его биография и его учение // Русский архив. 1896. № 11. Часть I. С. 337-402.
- Нефляшева Наима.* Аманаты – политические заложники // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.
- Новикова-Зарина Е.* Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.
- Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. № 12.
- Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. 608 с.
- Остахов А.А.* Состояние военного искусства адыгов в XV–XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. 27 с.
- Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. 462 с.
- Садохин А.П.* Этнология. М.: Гардарики, 2001. 256 с.
- Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. 288 с.
- Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1999. 507 с.
- Филипсон Г.И.* Воспоминания // Русский архив. СПб., 1883. Т. 5. С. 73-200.
- Шамиль ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. 558 с.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринодар, б/и., 1913. 880 с.

REFERENCES

- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhologicheskoi komissiei (AKAK). Tiflis, 1866. Т. 1. 816 с.; 1881. Т. VIII. 1009 с.
- Andronikov I.L. Lermontov. Issledovaniya i nakhodki. М.: Khud. lit., 1977. 647 с.
- Anoev A.A. Vospominaniya o boevoi sluzhbe na Kavkaze // Voennyi sbornik. 1877. Т. 114. № 4. S. 398-412.
- Anuchin D. Ocherk gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoi linii. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2011. 50 с.
- Arnol'di M. Boevoe snaryazhenie Kubanskogo kazach'ego voiska. SPb., 1890.
- Belyaev A.P. Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom // Russkaya starina. SPb., 1881. Т. 32. № 9. S. 1-46.
- Benkendorf K.K. Vospominaniya // Osada Kavkaza. Seriya: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000.
- Byazyrova V. Kavkaztsy v amanatakh. Syny Kavkaza v zalozhnikakh u rossiiskikh zakhvatchikov // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html>.
- Vilinbakhov V.B. Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva. 2-e izd., dop. i ispr. Nal'chik: Izd-vo «El'brus», 1982. 256 с.
- Voronov N.I. Stavropol' // Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Anto-logiya: V 3 t. / Pod red. prof. V.A. Shapovalova i prof. K.E. Shtain. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. Т. 2. S. 285-290.
- Gordin Ya.A. Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'. SPb.: ZAO zhurnal «Zvezda», 2008. 288 с.
- Gordin Ya.A. Nichego ne utayu, ili Mir pogibnet, esli ya ostanovlyus'. SPb.: ZAO zhurnal «Zvezda», 2008. 352 с.
- Griboedov A.S. Sochineniya v dvukh tomakh. М.: Izd-vo «Pravda», 1971. Т. 2. 368 с.
- Degoev V.V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse. М.: Russkaya panorama, 2001. 448 с.
- Degoev V.V. Imam Shamil': prorok, vlastitel', vojn. М.: Russkaya panorama, 2001. 374 с.
- Dondukov-Korsakov A.M. Moi vospominaniya 1845–1846 gg. // Starina i novizna. Istoricheskii sbornik. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1903. Kn. 6. Ch. II. S. 41-215.
- Dondukov-Korsakov A.M. Moi vospominaniya. 1845–1846 // Osada Kavkaza. Seriya: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000. S. 408-505.
- Zakharova O.Yu. General-fel'dmarshal svetleishii knyaz' M.S. Vorontsov. Rytsar' Rossiiskoi imperii. М., 2001. 381 с.
- Zakhar'in N.N. Kavkaz i ego geroi. Kniga 1. Svyatyni, bogatstva i narody. SPb.: Tip. A.E. Kolpinskogo, 1902. 487 с.
- Zisserman A.L. Dvadsat' pyat' let na Kavkaze. Ch. II: 1851–1856 gg. SPb., 1879. 424 с.
- Kashirin V.B., Mukhanov V.M. Zalozhnik dvukh vladyk // Kavkazskii sbornik. М.: NP ID «Russkaya panorama», 2010. Т. 6 (38). S. 63-115.
- Kachenovskii V. Pervoe znakomstvo s Kavkazom // Voennyi sbornik. 1863. № 7. S. 157-178.
- Korolenko P.P. Dvukhsotletie Kubanskogo kazach'ego voiska (1696–1896). Istoricheskii ocherk. Ekaterinodar, 1896. 101 с.
- Kumykov T.Kh. Zhizni i obschestvennaya deyatel'nost' L.M. Kodzokova. Nal'chik: El'brus, 1962. 80 с.

- Lapin V.V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv. SPb.: Evropeiskii dom, 2008. 400 s.
- Lapinskii Teofil (Tefik-bei). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba pro-tiv russkikh. Nal'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1995. 463 s.
- Lyaskovskii V.N. Aleksei Stepanovich Khomyakov. Ego biografiya i ego uchenie // Russkii arkhiv. 1896. № 11. Chast' I. S. 337-402.
- Neflyasheva Naima. Amanaty – politicheskie zalozhniki // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.
- Novikova-Zarina E. Odinnadtsat' mesyatsev v plenu u gortsev // V plenu u gortsev. Vyp. 5. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2011. 92 s.
- Obzor irregulyarnykh voisk v Rossiiskoi imperii // Voennyi sbornik. SPb., 1861. № 12.
- Ol'shevskii M.Ya. Kavkaz s 1841 po 1866 god. SPb., 2003. 608 s.
- Ostakhov A.A. Sostoyanie voennogo iskusstva adygov v XV–XIX vv. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Pyatigorsk, 2011. 27 s.
- Ocherki istorii Stavropol'skogo kraia: V 2 t. Stavropol': Kn. izd-vo, 1986. T. I. 462 s.
- Sadokhin A.P. Etnologiya. M.: Gardariki, 2001. 256 s.
- Sadokhin A.P. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Al'fa-M; Infra-M, 2004. 288 s.
- Tornau F.F. Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau. Nal'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1999. 507 s.
- Filipson G.I. Vospominaniya // Russkii arkhiv. SPb., 1883. T. 5. S. 73-200.
- Shamil' stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov. Sbornik dokumental'nykh materialov. Tbilisi: Gosizdat Gruz. SSR, 1953. 558 s.
- Shcherbina F.A. Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska. V 2-kh t. T. II: Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami. (Reprint). Ekaterinodar, b/i., 1913. 880 s.

Лазарян Сергей Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный лингвистический университет»; aflost@yandex.ru

Communication at the time of the Caucasian war (1817–1864)

In the article the Caucasian war of the XIX century is viewed not so much as a field of battle, where Russia and highlanders of Caucasus faced each other, but rather, as a special space of intercultural communication, shaped by local circumstances.

Keywords: Caucasian war, communication, social and cultural space, Russia, highlander societies, ethnic and cultural contacts, dialogue, adoption.

Sergey Lazaryan, PhD in History, associate professor, Pyatigorsk State Linguistic University; aflost@yandex.ru

Г. А. КАЗАНЦЕВА, А. А. КАРПУКОВА, О. С. ЦАРЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО БЫТА РУССКИХ КРЕСТЬЯН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В статье рассматриваются обычно-правовые отношения русских крестьян второй половины XIX в., выразившиеся в символах-знаках, символах-действиях и символах-словесных формулах. Крестьянский мир второй половины XIX в., практически изолированный от правового пространства гражданских правоотношений, урегулированных государством, оказался terra incognita для исследователей-современников. Внимание также уделено эволюции обычного права с XV до второй половины XIX в.

Ключевые слова: *обычай, обычное право, крестьянство, волостной суд, символы.*

Российская империя к началу XX в. оставалась аграрной страной, 85,8% жителей составляло сельское население¹, крайне слабо охваченное нормами положительного, официального права. С.В. Пахман писал в предисловии к своему двухтомнику «Обычное гражданское право в России (юридические очерки)»: «Известно, что громадное большинство нашего населения руководится, в сфере частных гражданских отношений, не писанным законом, а правилами, слагавшимися путем обычая и во многом несогласными с началами законодательства»².

Слабость позиций официального гражданского законодательства в пореформенной Российской империи можно объяснять несколькими причинами. С юридической точки зрения, требовалось создание нового гражданского уложения, а также реформа материальных норм гражданского права, реформирование правового положения физического лица, признание за каждым таким лицом равноправия. К концу существования Российской империи крестьянин, формально получавший все больше прав, в реальности был опутан административными преградами, препятствовавшими их осуществлению. Например, для получения паспорта, который означал свободу передвижения, выбора места жительства и занятий, необходимо было преодолеть сопротивление общины, не желавшей отпускать налогоплательщика, сопротивление, вполне поддерживаемое правительственными административными мерами³. Крестьянин по-прежнему рассматривался как составной элемент единицы налогообложения – общины.

---

¹ Статистический ежегодник России. 1913.

² Пахман 1877. Предисловие

³ Леонтьев 1914. С. 36-54.

Помимо реформирования материального гражданского законодательства требовалось продолжение судебной реформы, расширение ее по кругу лиц, включение в сферу коронного суда крестьян. Реформирование судебной системы, начавшееся в 1864 г. и продолжавшееся до 1917 г., так и не смогло вовлечь в свою орбиту крестьянство. Для него был оставлен волостной крестьянский выборный суд, которому даровалось право не применять нормы законов Российской империи, а использовать в судопроизводстве местные обычаи, «во многом несогласные с началами законодательства». И, кроме самой процедуры коронного судопроизводства, требовавшей серьезной подготовки к процессу каждой из сторон, присутствия тяжущихся во все время процесса, и других препятствий, это «несогласие» крайне затрудняло введение крестьянства в сферу коронного судопроизводства. Правительство предпринимало определенные меры, чтобы исправить положение. Для расширения судебной реформы требовалось понять, насколько крестьянские обычаи отличаются от официальных норм. В 1872 г. комиссия по преобразованию волостных судов исследовала этот вопрос. Вот что писал в 1874 г. М.И. Зарудный, один из членов комиссии, непосредственно контактировавший с крестьянами, характеризуя реформу крестьянского суда как «альфу и омегу» судебной реформы: «Не более трех лет тому назад обычные крестьянские суды, укрепленные Положением 19 февраля 1861 года, представлялись какою-то “terra incognita”, от которой от поры до времени появлялись лишь какие-нибудь летучие заметки»⁴. В задачу комиссии входило, в том числе, выяснить, в чем состоят материальные нормы обычного права, насколько они расходятся с официальными. На основании Трудов комиссии по преобразованию волостных судов был опубликован двухтомник С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России (юридические очерки)». Дальнейшая деятельность правительства по реформированию судебной системы основывалась и на работе В.Ф. Мухина «Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению», подготовленной в 1888 г. по заданию комиссии по составлению нового гражданского уложения. Анализ крестьянских обычаев приводил авторов к противоположным выводам. С.В. Пахман считал, что обычное право русских крестьян по кругу правоотношений аналогично официальному. В.Ф. Мухин, И.Г. Оршанский указывали на значительные отличия. Задача решения вопроса о волостных судах оставалась актуальной до конца существования Российской империи.

---

⁴ Зарудный 1874. С. 3.

В условиях «terra incognita» составлялись программы разных комиссий, изучавших крестьянский быт. Кроме официальной комиссии по преобразованию волостных судов, на основе собственных программ действовали Этнографическое отделение Императорского русского географического общества, комиссия князя Тенишева, отдельные исследователи. Это обстоятельство создавало проблему, поскольку программы составлялись из вопросников, а, как известно, каков вопрос, таков ответ. Крестьяне неохотно общались с чиновниками комиссии, зачастую вообще не понимая сути вопросов. Наибольшую ценность имеют корреспонденции местных участников неправительственных программ, но это были священники, учителя, местные помещики, чиновники, а не сами крестьяне. Преодолеть проблему «взгляда со стороны» уже не удастся: мы имеем либо неполные сведения, либо не вполне достоверные трактовки обычаев и их значения в крестьянской жизни, а, может быть, и то и другое.

Возникновение волостного суда стало возможным вследствие двухсотлетней политики государства по отношению к крестьянству. Постепенное наступление государства на права тяглого населения с XVII в., прикрепление крестьян к земле и одновременно – отчуждение его от права распоряжения этой землей, дополненное потерей возможности защищать свои права в суде лично, направили гражданские правоотношения крестьян в худшем случае в административное русло, в лучшем – внутрь крестьянской общины⁵. Произошла концентрация обычаев внутри определенной категории тяглого сословия, государственных крестьян, и частично в крестьянских общинах крупных оброчных имений, система управления в которых сближалась с системой управления государственными крестьянами. Юридическое вмешательство государства в жизнь крестьян ограничивалось администрированием, в особенности в фискальных целях, преследованием уголовных преступлений и востребованием исполнения рекрутской и иных повинностей⁶. К 1861 г. сложились предпосылки создания волостных судов. Еще с середины XVIII в. в крупных оброчных имениях сформировался тот вид общины, который был привычным явлением века XIX: полная юрисдикция помещика, круговая порука в несении повинностей, самоуправление и самостоятельное решение мелких споров внутри общины⁷. Это дало основание видным историкам XIX в. (например, Б.Н. Чичерину) полагать, что крестьянская община

---

⁵ По реформе 1775 г. был создан сельский суд, предназначенный для государственных крестьян, прообраз волостного суда.

⁶ Семевский 1901. С. 115-129.

⁷ Александров 1984. С. 118-135, 264-265.

в том виде, в котором ее застала реформа 1861 г., есть продукт преднамеренной деятельности государства⁸.

Сходное с оброчными имениями положение сложилось в управлении государственными крестьянами, с той разницей, что последние находились в юрисдикции различных государственных ведомств, занимавшихся сельским населением⁹. Мелкие, незначительные для фискальных целей отношения крестьян по поводу семейных отношений, купли-продажи, займа, залога и др. в принципе не интересовали управителей и отдавались на откуп крестьянскому миру. Интересы крестьян замыкались внутри общины, ставшей единственной инстанцией в регулировании семейных и имущественных правоотношений. Процесс отчуждения крестьян от земельных прав был наиболее интенсивным в центре государства. Нельзя не упомянуть, что крестьяне как помещичьих оброчных имений, так и государственные вполне свободно распоряжались своим земельным наделом, но только в рамках крестьянской общины, что порождало необходимость регулировать и эти отношения. Правительство апробировало различные способы управления крестьянами для дворцовых, экономических и черносошных крестьян. В конечном итоге сложилась система волостного самоуправления крестьян при жестком административном контроле соответствующими ведомствами¹⁰, которая и легла в основу местного самоуправления крестьян в пореформенный период.

Обычное право как основа крестьянской жизни имеет более глубокие корни, чем волостной суд. Не требует доказательств мысль, что фундаментом средневекового права являлся обычай. Для средневековья характерно, что писанные нормы, регулировавшие, в частности, отношения права собственности, не создаются государством, оно инициирует их упорядочивание в виде Жалованных грамот, Судебников, Уложений. Юридические памятники XV – первой половины XVII в. свидетельствуют о развитых, в рамках обычного права, гражданских правоотношениях, в т.ч., и в первую очередь, о сделках с землей: акты купли-продажи, заклада, вклада, аренды, завещания (в т.ч. с участием женщин): купчие, межевые, разъезжие, меновые, рядные и т.д.¹¹ Эти акты, в случаях споров, являлись правовой основой для судебных решений. Акты заключались как привилегированными земельными собственниками: монастырями, вочинниками, служилыми и т.д., так и сельским и посадским тягловым и оброчным населением. Анализ актов данного периода,

---

⁸ Чичерин 1858. С 1-59, 60-142.

⁹ Семевский. 1901. С. 598-606.

¹⁰ Там же. С. 616.

¹¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. С. 318.

в т.ч. судебных, дает возможность сделать вывод о правосубъектности различных разрядов сельского и городского населения¹², которое, совершая сделки, имело возможность иска по ним в суде. Другими словами, крестьяне обладали тем же набором прав, что и посадские жители, они могли разрешать споры, в т.ч. земельные, наравне с другими разрядами населения, и им не было необходимости разрабатывать свои, местные обычаи. Процессу отчуждения от судебных прав сельское население сопротивлялось неосознанно и стихийно, например, засылая исками судебные ведомства в ответ на запрещение продавать землю посадским. В ряде случаев вообще не было возможности сопротивляться воле государства, например, избежать записи в Холопьем приказе, уничтожавшем вольницу в заключении договора на холопство.

Окраины, населенные или постепенно заселяемые русскими крестьянами, сопротивлялись отчуждению их земельных прав до 1830-х гг. (Новгородские, Вятские земли)¹³ и до конца Российской империи (Сибирь)¹⁴. Юридически не имея права приобретать и отчуждать землю, крестьяне окраинных территорий фактически осуществляли такие сделки, приобретая землю займочным, захватным способом, а затем распоряжаясь ею, но, как правило, уже только в пределах общины. Необходимость урегулирования земельных отношений, не признаваемых за крестьянами государством, формировало практику частных способов такого урегулирования на основе сложившихся или складывавшихся обычаев.

Исследователи не пришли к единому мнению о содержании понятия обычного права. В.Ф. Мухин писал: «Под именем обычного или народного права в нашей юридической литературе понимаются обыкновенно юридические обычаи, действующие в крестьянской среде и определяющие, по преимуществу, юридические отношения, входящие в область гражданского права»¹⁵. Современные исследователи обычного крестьянского права, формулируя собственные определения, останавливаются на определении признаков, характерных для этого феномена. Мы попытаемся определить существенные признаки обычного права, характерные именно для крестьянской среды второй половины XIX в.

Среди главных признаков необходимо отметить устный характер изложения и наличие определенной модели поведения, предполагающей представление о «правде-справедливости», носителями которой, по видимому, являлись все крестьяне. Доказательством служит практика

---

¹² Дебольский 1903. С. 83-226.

¹³ Пахман 1877. С. 46.

¹⁴ Кауфман 1897. С. 68-73.

¹⁵ Мухин 1888. С. 3.

выборов волостных судей. Таким судьей мог быть крестьянин не моложе 35 лет, домохозяин, пользовавшийся уважением односельчан, не имеющий недоимок и желательного грамотный. Должность волостного судьи являлась выборной, по одному кандидату от каждого сельского общества¹⁶. Подчеркнем: выбирая волостного судью, общество не устраивало кандидату экзамена на знание местных обычаев, каждый крестьянин мог, и будучи выбран на должность волостного судьи, сохранять модель поведения, присущую ему в повседневной жизни. Устность обычаев не исключала применение меток, знамен, письменных актов при совершении сделок. Письменные акты отличались от официальных не только по форме, они имели специфическое содержание, не известное официальному праву Российской империи, отражая правоотношения, характерные для обычного права. Например, крестьяне заключали письменные соглашения, по которым сторона А передавала свое имущество и усадьбу взамен на обязательство стороны Б содержать до смерти и достойно похоронить сторону А¹⁷. Другой вид письменной сделки так же специфичен: это договор о передаче имущества будущим тестем будущему зятю, если бракосочетание состоится¹⁸. Таким образом, особенностью крестьянских обычаев можно назвать существование «домашнего» делопроизводства, акты которого признавались волостным судом в качестве доказательств.

Волостной суд не был популярен в крестьянской среде, традиционно разрешавшей практически все недоразумения внутри сельского общества/общины/мира на основе обычаев, здравого смысла или большинства голосов, что не требовало от крестьян никаких затрат на судопроизводство и соответствовало их пониманию справедливости. Автор статьи «Поземельная община в Орловском уезде Вятской губернии» Н. Добровровский описал передел, произведенный по результатам ревизии 1859 г. и совершенный по справедливости, как ее понимало большинство схода¹⁹. Сход, состоявший в основном из «малосильных» крестьян с трудом, но настоял на включение в передел и тех земель, которые по традиции исключались из передельного фонда. Речь шла о вновь расчищенных землях, которые назывались «росчисти», «кулиги», «чищобы». Крестьяне Вятской губернии фактически игнорировали формальный запрет на несанкционированные росчисти, прирезая расчищенные лесные земли к своему личному участку и владея им до новой ревизии. Росчисти требовали больших трудовых затрат и поначалу давали небольшие урожан, но

---

¹⁶ Свод законов Российской империи. Т. IX. Особое приложение. 1864. С. 113-114.

¹⁷ Пахман 1877. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Русская мысль. 1884. № 9. С. 26-61.

не были обложены податями и повинностями. Только через несколько лет (для Орловского уезда Вятской губернии – 30-35) они становились общими и включались в передельный фонд. Как правило, расчистить лес под пашню под силу было лишь «семьянистым», зажиточным крестьянам. В описанном случае «справедливость», т.е. аргументы «малосильных», одержали верх, и вся имеющаяся земля была положена в передел.

Возвращаясь к характеристике обычая, отметим, что устность изложения обычая требовала коллективности в исполнении. «Какие нужны доказательства, если весь мир об этом знает», – эта фраза цитировалась практически всеми исследователями, как сторонниками, так и противниками обычного права. Модель обычного права строилась на прозрачности крестьянского мира, одна из сторон которой – привлечение свидетелей к любой, даже малозначимой сделке. К исключениям можно отнести сделки денежного займа, которые совершались втайне и, как правило, под расписку. Привлечение свидетелей, по-видимому, не только удостоверило совершение сделки, но и определенным образом санкционировало ее, делая в глазах крестьян нерушимой и окончательной. Ярким примером служит отношение к заключению брака. Брак считался заключенным по всем правилам и признавался миром не вследствие церковного обряда, а после проведения свадебного пира, на который мог прийти каждый и без всякого приглашения²⁰. Такая открытость свадебного пира становилась процедурой удостоверения, санкционирования брака.

В качестве «коллективных исполнителей» – участников или свидетелей сделки, чаще всего выступали староста и «старики», так называли семейных мужчин независимо от возраста, они привлекались, например, к обходу изгородей (вокруг пашен и покосов) в тех местностях, где изгороди были обязательны²¹. Ко времени обхода крестьянин должен был находиться возле своей изгороди. Поскольку больше всего проблем возникало из-за потрав, за неисправные изгороди прямо на месте крестьянин мог получить порцию розог по приговору стариков. В любом случае, если крестьянин обращался к миру – в лице старосты или стариков, мир учинял коллективный розыск и наказание, не тратя времени на станового пристава или на волостной суд. По мельчайшим деталям крестьяне умели распознать имущество свое и односельчан: по характерной вязке снопа, по его виду, по заломам; по цвету муки, по оттенку цвета зерна, по его чистоте или засоренности, по годовым кольцам срубленных деревьев и т.д. Они могли сличить след, вести опросы, заставить принести клятву, т.е. в их арсенале находилась масса способов дознания и доказывания.

---

²⁰ Ефименко 1884. С. 47.

²¹ Пахман 1877. С. 55.

В наказании за правонарушение ярко выступает следующее свойство обычая: его гибкость в применении к конкретному лицу, в конкретных обстоятельствах, «глядя по человеку». В случае любого спора, и мир, и волостной суд обращали внимание на репутацию сторон либо обвиняемого, материальное положение, влиявшее на способность выплачивать повинности, и на другие обстоятельства, считавшиеся важными в определенной местности. Гражданско-правовые иски лица, имеющего положительную репутацию, утверждались волостным судом даже при отсутствии доказательств о заключении сделки²². Если приходилось прибегать к наказанию, суд устанавливал такие из них, которые не были разорительными для виновного, стараясь сохранить его платежеспособность в отношении повинностей.

Следующее свойство обычая – прогностический характер, направленность на примирение сторон. Разрешая спор, крестьяне не стремились погасить конфликт только на сегодняшний день, а думали о долгосрочных последствиях своего решения, не только для сторон конфликта, а и для всего общества в целом. Обратной стороной примирительного и прогностического характера обычая являются способы избавления от нежелательных соседей или нарушителей спокойствия. Способов, при которых мир самостоятельно, по решению схода, мог избавиться от опасных или нежелательных элементов, существовало, по видимому, всего три, и использовались они довольно редко. Первый способ – отправить в солдаты. Как правило, при отправке в солдаты общество придерживалось обычая тянуть жребий, но в чрезвычайных обстоятельствах, при угрозе платежеспособности мира, когда, например, крестьянин становился хроническим недоимщиком, его могли отправить на службу, несмотря на то, что оставшаяся на хозяйстве жена-солдатка пойдет по миру вместе с детьми. Второй способ – отправка на поселение в Сибирь за счет крестьянского мира. Такое практиковалось, например, при недоказанном подозрении в поджоге, либо если общество признавало какого-либо крестьянина смутьяном. Отправкой на поселение старались избавиться от отбывших наказание уголовников. Это был крайне дорогой способ избавления от нежелательного соседа или соседей²³. Третий способ – убийство, показательно жестокое, применялось в отношении конокрадов и колдунов. Все три способа избавления от недоимщиков, смутьянов и просто опасных для общества, утверждались на сходе, несмотря на то, что по закону самосуд считался преступлением.

---

²² Пахман .1877. С. 68

²³ Пахман . 1877. С. 122

На решения гражданско-правовых споров влиял экономический фактор «круговой поруки». Государству было выгодно существование общины как единого налогоплательщика. Во избежание разорения провинившегося крестьянина сход или суд старался примирить стороны, и это не могло не сказаться на содержании и применении обычаев, на качестве и моральной стороне судопроизводства.

Важным свойством обычая является добровольность исполнения, т.е. внутреннее убеждение в его правомерности. Во второй половине XIX в. крестьянский мир подвергся довольно значительным переменам, в частности, усилилось вмешательство в решения волостных судов со стороны мировых посредников, съездов мировых судей, бесосновательно, с точки зрения закона, требовавших пересмотра уже решенных волостными судами дел²⁴. Например, обычай придерживался практики, выраженной в формуле «сестра при братьях не наследница», что обозначало раздел наследства между братьями, при котором сестры имели право только на приданое, как правило, собранное крестьянкой лично. Вследствие неправомерного давления со стороны контролирующих инстанций, наследственные дела должны были быть пересмотрены и сестры становились полноправными наследницами, что шло в разрез с системой мышления крестьянина и с налаженной практикой раздела, ставя на грань разорения каждый из разделившихся дворов²⁵. Сами волостные суды подвергались преследованию за «неправильно» решенные дела. Во избежание наказаний в дальнейшем они решали дела не по обычаю, а по закону²⁶. В некоторых случаях суды сопротивлялись вмешательству извне и попросту не исполняли решения кассирующей инстанции. Определить соотношение выполнявшихся и не выполнявшихся решений по кассационным делам, по-видимому, уже не представляется возможным.

Крестьяне имели право обратиться в общий суд по гражданским делам, который рассматривал споры исключительно на основании закона, хотя судебный устав допускал применение обычного права. Устав гражданского судопроизводства, ст. 130 гласит: «При постановлении решения мировой судья может, по ссылке одной или обеих сторон, руководствоваться общеизвестными местными обычаями, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев дозволяется именно законом, или в случаях, положительно не разрешаемых законами»²⁷. Это законное право могли реализовать только состоятельные крестьяне. Такие «точечные»

---

²⁴ Оршанский 1879. С. 320.

²⁵ Пахман 1879. С. 80.

²⁶ Там же. С. 86.

²⁷ Судебные уставы. С. 129-130

вмешательства расшатывали уверенность крестьян в правомерности, а главное, в возможности соблюдения обычаев. Внешнее вмешательство стало одним из факторов, разрушавших уверенность крестьян в том, что дальнейшая их жизнь, будет строиться по обычаям. Крестьян старались решать дела «по справедливости». Эта формулировка вызывала негативную реакцию А.А. Леонтьева²⁸, доказывавшего, что неопределенность и неустойчивость крестьянских обычаев не может дать основания к осознанию крестьянами абстрактного, отвлеченного понятия справедливости. Приведенный выше пример передела земли крестьянами в Вятской губернии дает представление о понимании справедливости по-крестьянски.

Итак, мы выделили существенные признаки модели крестьянского права: обычай носил устный, примирительный и коллективный характер, носителями обычаев были все, он добровольно исполнялся, имел прогностический характер разрешения споров и гибкость в применении.

Еще одна особенность обычного крестьянского права – применение различных символов для закрепления практически любого акта. Символы имели универсальный характер. К ним можно отнести символы-действия, символы словесные (выраженные в, условно говоря, юридических формулах, клятвах, «божбе») и символы-знаки. Часть таких элементов можно назвать исчезающими, так как они не применялись в чистом виде, а упоминание о некоторых из них единичны. Устные символические элементы активно смешивались с письменными способами закрепления сделок. Часть сделок записывалась в волостных книгах, часть оформлялась при свидетелях грамотными людьми, как правило, священниками²⁹. Формы актов, удостоверяющих сделки, не соответствовали установленным государством, что не останавливало волостные суды принимать их к рассмотрению. Крестьяне использовали символы-действия, и одновременно письменно фиксировали займы, залоги, завещания, куплю-продажу³⁰.

Среди символов-действий при сделках чаще всего упоминаются рукобитие, передача вещи «из полы в полу» и могарыч. Первым этапом, например, купли-продажи лошади, был осмотр животного, при котором продавец был обязан расхваливать товар. Обязанность выявления недостатков лежала на покупателе. «На гнилой товар да слепой купец»³¹. В ходе осмотра происходил и торг о цене продаваемого, а также о сумме выставяемого могарыча. Если стороны приходили к согласию по обоим

---

²⁸ Леонтьев. 1914. С. 25.

²⁹ Пахман 1877. С. 213.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ Ефименко С. 246.

вопросам, происходило, как правило, рукобитие³². Рукобитие, в отличие от рукопожатия, требовало свидетеля, который и разбивал рукопожатие, фиксируя, таким образом, согласие сторон, а также собственным присутствием и действием придавая сделке законный характер. Количество свидетелей при сделке упоминается редко. Роль, по-видимому, играет не число свидетелей, а их репутация, незаинтересованность и трезвое состояние. Все сделки, совершенные в пьяном виде или с пьяным, аннулировались волостным судом, а их участники, как правило, наказывались розгами³³. Исходя из такой практики, можно прийти к выводу, что свидетели сделки должны быть трезвыми, по крайней мере, до распития могогарыча. На базаре в качестве свидетеля мог привлекаться становой пристав. При купле-продаже лошади удостоверение станового пристава было обязательным и носило характер регистрации средства передвижения: он фиксировал приметы животного, данные продавца и покупателя, а также дату сделки в определенном актовом журнале. После рукопожатия в некоторых местностях копыта лошади обмывали чаем и водкой. Затем крестьяне совершали молитву в сторону церкви, если сделка происходила на улице, или молились на иконы, если сделка совершалась в доме. Следующий этап – символическая передача лошади за поводья «из полы в полу». Поводья передавались из завернутой в полу кафтана (шубы) правой руки продавца в правую руку покупателя, так же завернутую в правую полу кафтана³⁴. После этой процедуры происходило распитие в кабаке могогарыча, как правило, от полуведра до ведра водки. В Ковернинском уезде Костромской губернии бытовало и рукобитие, и подписание письменного договора, которое сопровождалось передачей лошади за узду «из полы в полу», а завершалось все «чаепитием и водкой». Если на один и тот же товар находилось несколько покупателей и все давали одинаковую цену, то тянули жребий. Проигравшим платилось отступное от 20 коп. до двух рублей. Сделка считалась состоявшейся только после того, как лошадь фактически переводилась из двора продавца во двор покупателя, а деньги за нее полностью передавались продавцу. Несколько иную картину рисует корреспондент при сделке на базаре. Речь, видимо, идет о мелкой сделке. Крестьяне, торгуясь, ударяют по рукам, каждый раз называя новую цену, при установлении подходящей для обеих сторон цены, ударяют по рукам, произнося «ну, грех пополам», снимают шапки и крестятся³⁵. Жребий (подробно описан С.В. Пахманом) применяли также в слу-

---

³² Пахман С. 42.

³³ Там же. С. 118.

³⁴ Там же. С. 44-48.

³⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... С. 275.

чаях, если за сторонами признавались равные права, либо обязанности, а за имуществом равная ценность, либо общая собственность.

К символическим действиям относятся разнообразные и многочисленные жесты, предназначенные для огласки среди односельчан, жесты, носившие репутационный характер. Труды комиссии по преобразованию волостных судов приводят примеры «нелепых» крестьянских обычаев, к которым отнесли следующий: в волостной суд обратился крестьянин А. с требованием обязать крестьянина Б. вернуть долг. Крестьянин Б. долг признал, но денег для уплаты не имел. Крестьянин А. согласился простить долг, но потребовал в знак компенсации отрезать хвост у лошади, принадлежавшей должнику³⁶. В данном случае отрезание лошадиного хвоста носило позорящий характер. Кроме этого, животное, подвергнувшееся такому действию, страдало от кровососущих насекомых и могло погибнуть. Такая форма компенсации носила синтетический характер: указывала на репутацию хозяина и одновременно могла нанести ему имущественный вред. И таких примеров позорящих жестов можно привести множество. Если можно так выразиться, степень репутационных потерь от позорящего действия зависела от контекста.

Доказательство собственности с помощью земли – один из древнейших символов. Корреспондент из Ветлужского уезда Костромской волости Кузнецов Яков Иосифович в ответе №111 пишет: «При споре о земле крестьяне целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки. В Хмелевицкой волости в бесполезных спорах берут ком дерна и с ним обходят спорное место. На это редкие выступают: существует твердое убеждение в народе, что, кто неправильно обойдет с этим дерном между, тот непременно исчахнет и умрет»³⁷. В таком кратком ответе мы обнаруживаем перечисление вполне языческих символов-действий и символов-клятв. Из текста не ясно, все ли виды божбы («целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки») применяются одновременно, или эти виды клятв, считавшиеся крестьянами крайним средством, употребляются каждая в определенном случае. Показательно, что такие языческие виды клятв сохранились до конца XIX в. С клятвами связан и такой вид символов как словесные формулы, которые вполне можно назвать юридическими формулами в обычном праве.

Прежде всего проанализируем практику, выраженную в формуле «грех пополам». За двумя словами кроется правило: при отсутствии со-

---

³⁶ Там же. С. 362.

³⁷ Русские крестьяне. 2004. С. 136.

мнений в обоснованности иска и отсутствии доказательств с обеих сторон убытки делятся поровну. Важную роль в применении принципа играет репутация истца или ответчика. Если истец предъявляет иск, не подтвержденный никакими доказательствами, таким доказательством выступает его положительная репутация, и ему присуждают половинную сумму иска. Если же у ответчика репутация недостаточно чистая, и у истца нет доказательств, с ответчика так же берется половинная сумма недоказанного долга³⁸. С.В. Пахман отдает должное принципу «грех пополам», посвятив ему целый раздел с достаточным количеством примеров. Протицируем один из них: «Д. жаловался, что Ф., под видом найма за 3 р. 50 коп., самовольно запахал и засеял его землю, которая по сдаточной цене стоит ему, истцу, 4 рубля. В доказательство найма земли, Ф. свидетелей не представил, но и со стороны Д. о самоволии Ф. в течение одиннадцати месяцев волостному правлению заявлено не было. Суд нашел, что так как заявление Ф. о найме земли у Д. «ничем не подтверждается, но с тем вместе нельзя допустить положительной мысли и на тот предмет, чтобы она действительно была засеяна самовольно, без ведома Д., поводом чему служит долговременное Д. об этом молчание, почему и нельзя дать как той, так и другой стороне полного вероятия». По предложению суда прекратить дело примирением, стороны согласились «уродившийся на спорной земле Д. озимый хлеб разделить между собою пополам, без всякой одного другому уплаты»³⁹». Но приведенный выше фрагмент из «Материалов этнографического бюро», где крестьяне называли «грехом пополам» совершенно иную жизненную ситуацию, с правовой точки зрения можно трактовать как сделку и без прибыли, и без убытка, т.е. куплю-продажу за стоимость, удовлетворяющую обе стороны, по совести, без обмана. Таким образом, формула «грех пополам» отражает, в широком смысле, все названные принципы обычного права: «глядя по человеку», стремление к примирению сторон, решение дела по совести и т.д.

Словесные формулы, пословицы и поговорки необходимо сопоставлять с контекстом их употребления в определенной ситуации и в определенной местности. Известные собиратели систематизировали пословицы по алфавиту⁴⁰ или по отношениям⁴¹. П.К. Симони опубликовал самые древние источники русских пословиц и поговорок, стараясь дать их исчерпывающее описание, в том числе датировку и место фиксирования⁴².

---

³⁸ Пахман 1879. С. 268.

³⁹ Пахман 1879. С. 423.

⁴⁰ Барсов 1770. С. 201; Снегирев 1848. С. 62

⁴¹ Иллостров 1885. С. 11; Даль 1879. С. 48.

⁴² Симони 1899. С. 186.

Наиболее интересны те сборники пословиц и поговорок, в отношении которых есть указание на местность, такие как исследования А.Я. и П.С. Ефименко о быте крестьян Архангельской губернии. П.С. Ефименко приводит перечень пословиц и поговорок, которые можно сопоставить с историко-правовыми исследованиями А.Я. Ефименко. Например, поговорка «Брат брату складчик, а сын отцу сосед»⁴³, в других источниках «Брат брату *складник*, а сын отцу сосед», скорее всего, косвенным образом отражает правоотношения, сложившиеся в среде русского крестьянства в Архангельской губернии, исследованные А.Я. Ефименко в «Крестьянском землевладении на Крайнем Севере»⁴⁴. Авторы статьи сомневаются в том, как оценивать эту крылатую фразу – как юридическую формулу, или как поговоркой, либо как пословицу, использующую общеизвестные правовые обороты «складник» и «сосед» в применении к семейным отношениям. Тем не менее, сама формула крайне интересна для исследования.

В отношении первой части («Брат брату складчик/складник...») можно сослаться на институт складничества, предполагавший совместное долевое владение. Поначалу складниками были только родственники, в основном братья, после раздела отцовского имения, как правило, деревни. Складничество как институт известно со времен Судебника царя Федора Ивановича 1689 г., где складникам посвящены стг. 160, 162, 174, 225)⁴⁵, определявшие право пользования их совместной собственностью⁴⁶. Складничество как правоотношение и историческое явление довольно подробно исследовано как в дореволюционной литературе⁴⁷, так и советскими историками⁴⁸, статус же соседа или «суседа», не попал в орбиту активного интереса историков, возможно, вследствие однозначного толкования понятия «сусед» в Судебнике царя Федора Ивановича 1689 г. как однодеревенца (стг. 225, 169), более того, ст. 225 проводит аналогию между понятиями «складник» и «сусед».

В писцовых и переписных книгах «сусед» упоминается в качестве второстепенного персонажа, перечисляемого следом за домохозяином в числе подсосудков и захребетников. По-видимому, суседи, подсосудки и захребетники не облагались отдельным тяглом (а оброчные земли, что вполне очевидно, они не стремились взять) и жили при домохозяине, мо-

⁴³ Труды этнографического отдела императорского общества... 1877. С. 246.

⁴⁴ Ефименко. 1884. С. 251.

⁴⁵ См.: <http://ru.wikisource.org/>

⁴⁶ К XVIII в., по мнению А.Я. Ефименко, сторонницы теории родового характера русской общины, складничество потеряло родовое начало.

⁴⁷ Островская 1913. С. 77; Ключков 1901. С. 26-51; Ефименко 1884. С. 251.

⁴⁸ Копанев 1984. С. 111-116.

жет быть, в отдельных домах, но без хозяйственных построек, которые называли кельей или избенкой. Живя при домохозяине, они занимали подчиненное к нему положение, выполняя поручаемые им работы⁴⁹. Судебник и писцовые книги по-разному характеризовали суседа как субъекта права⁵⁰. Согласно характеристике, данной суседу писцовыми книгами, это лицо подчиненное. По Судебнику 1689 г., сусед – лицо, проживающее в той же деревне, равное в правах. Как в свете таких противоречивых данных истолковать вторую часть пословицы «Брат брату складник, а сын отцу сосед», не вполне ясно. Еще больше запутывает ситуацию и ставит все с ног на голову В.И. Даль, у которого эта пословица звучит так: «Брат брату складник, а отец сыну сосед»⁵¹.

Но если пословица сложилась из реальных жизненных отношений, а не из установлений Судебника, «дожила» до XIX в, и П.С. Ефименко записывал крылатые фразы за непосредственными их «пользователями», то можно допустить, что вариант «Брат брату складник, а сын отцу сосед» утверждал равноправие братьев при наследовании или разделе, и подчиненное, второстепенное положение сына по отношению к отцу. Это можно подтвердить действовавшим во второй половине XIX в. правом отца решать, в какой мере «наградить» сына, если тот хочет выделиться из отцовского дома и начать собственное хозяйство⁵². Здесь оговоримся, что крестьянская община имела право, при жалобе выделившегося сына на несправедливый выдел (недостаточность выделенного имущества), принудить отца к справедливому выделу, если сын вел правильный, в глазах общины, образ жизни, был трудолюбив, почтителен к родителям и т.д.⁵³ Но и участие общины в выделе не меняет подчиненности невыделенного сына отцу. Таким образом, анализ одной-единственной пословицы заставляет проделать довольно значительную поисковую работу, с неудовлетворительным результатом. Единственное, что можно утверждать, это факт родственного складничества в крестьянской среде Архангельской губернии и подчиненное положение неотделенного сына.

Юридическая формула обычного крестьянского права имеет характерные отличия. Пословица, как правило, имеет предтекст, подтекст и контекст⁵⁴, т.е. она всегда иносказательна, неоднозначна и применима к разным ситуациям. Крылатые фразы, которые призывают не метать бисе-

---

⁴⁹ Островская 1913.

⁵⁰ Копанев 1984. С. 164-172.

⁵¹ Даль 1879. С. 500.

⁵² Мухин 1888. С. 153.

⁵³ Там же. С. 165.

⁵⁴ Темнов 2010. С. 218.

ра перед свиньями и не растекаться мыслью по древу, имеют библейские корни (предтекст), прочитываются отнюдь не буквально (имеют подтекст) и всегда произносятся в неопределенном числе подходящих случаю ситуаций (в контексте), относятся к истинным пословицам. Юридические же формулы конкретны и имеют определенный контекст в виде конкретного правоотношения. «Грех пополам», «чур, мое», «чур, пополам», «сестра при братьях не наследница», «мать при сыне не вотчинница» и др. нельзя считать пословицами в чистом виде, это юридические формулы. Установить перечень юридических формул, найти связь между определенным правоотношением обычного права и юридической формулой нам еще предстоит. К сожалению, собиратели русских крылатых выражений редко затрудняли себя выяснением географической локализации собираемых ими выражений, а уж тем более, не иллюстрировали пословицы зарисовками бытовых ситуаций, в которых они произносились.

Выше уже приводился пример словесных формул-клятв. Они применялись, как правило, к обвиняемым. Сами крестьяне не очень верили в правдивость клятв, но применяли их, объясняя, что грех за ложную клятву останется на душе у клятвопреступника. Мир не сможет наказать за правонарушение, наказанием займется бог.

К третьему роду символов – символам-знакам можно отнести все метки на хозяйственных принадлежностях, эти метки определяли принадлежность вещи определенному домохозяйству. Подробное описание таких меток и их названий дает П.Я. Ефименко⁵⁵. Крестьяне ставили различные знаки на животных и на предметах быта, крестьянки отмечали, например, свои холсты особым узором и т.д. В случае потери или кражи метки служили доказательством собственности. Так, крестьянин опознал свою телегу по особой примете через пять лет после кражи⁵⁶. Интересным видом символических знаков являются бирки, которые употреблялись в случаях поклажи, передачи вещи на переделку (покраску, переработку и т.д.). Они представляли из себя дощечку с нанесенными знаками, символизировавшими количество переданного (полученного) товара. Дощечку, после нанесения знаков, разрезали вдоль. При изменении количества переданного (при возврате) соответствующее количество знаков срезалось с бирки. Переламывание бирки обозначало одностороннее прекращение договора и являлось также позорящим действием. С распространением практики письменных актов применение бирок стало редкостью уже в 1880-х гг. Еще один исчеза-

---

⁵⁵ Ефименко 1874.

⁵⁶ Пахман 1877. С. 268.

ющий вид юридических знаков – «знамена», т.е. метки, определявшие рубежи владения данного лица, в виде разного рода зарубок на деревьях. К юридическим меткам можно отнести и окашивание по периметру сенокосных угодий, опахивание заимки⁵⁷. Такие юридические знаки сохранились в Сибири, как минимум, до конца XIX в.

Перечень приведенных символов не является исчерпывающим. Материал для исследований дают результаты опросов различных комиссий, в формулировках которых называются и жребии, и «грех пополам», и все перечисленные выше символы. При условии, что быт русских крестьян разных местностей довольно значительно различался, а изучение юридической стороны его началось довольно поздно, можно предположить, что на сегодня исследователям известны не все виды юридических символов, использовавшихся в крестьянском обиходе.

Крестьянские юридические обычаи, которые так бережно собирали энтузиасты и сторонники крестьянской общины, и неспешно изучали правительственные чиновники в целях совершенствования волостных судов, исчезли в результате исторических событий первой трети XX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. 255 с.
- Барсов А.А. Собрание 4291 древних Российских пословиц. 1770. 320 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа т. 1, 2. М., 1879.
- Дебольский Н.Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. 440 с.
- Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Выпуск первый. Обычное право М., 1884. 382 с.
- Ефименко П. Юридические знаки // ЖМНП. 1874. С. 53-293.
- Зарудный Н.М. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 224 с.
- Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885. 72 с.
- Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897. 277 с.
- Копанев А.И. Крестьяне русского севера в XVII в. Л.: Наука, 1984. 241 с.
- Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. 372 с.
- Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888. 331 с.
- Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. 96 с.
- Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. 453 с.

---

⁵⁷ Кауфман 1897. С. 76, 168, 184.

- Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). Том 1. СПб., 1877. 463 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии / под рук. В.М. Грусмана СПб.: «Деловая полиграфия», 2004. 568 с.
- Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. тт. 1, 2. СПб., 1901.
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1901.
- Сергеевич В.И. Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века. СПб., 1907. 30 с.
- Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1909. 2 т.
- Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий. СПб., 1899. 216 с.
- Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. 503 с.
- Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914. 333 с.
- Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. 203 с.
- Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск., 1907. 192 с.
- Труды и задачи С.-Петербургского юридического общества: (Речь в юбилейном заседании общества 23 февраля 1902 года) / А.Ф. Кони. С. 65-83.
- Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. 389 с.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем: 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 638 с.

REFERENCES

- Aleksandrov V.A. Obychnoe pravo krepostnoi derevni Rossii XVIII – nachalo XIX v. M., 1984. 255 s.
- Barsov A.A. Sbranie 4291 drevnikh Rossiiskikh poslovits. 1770. 320 s.
- Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda t.1, 2. M., 1879.
- Debol'skii N.N. Grazhdanskaya deesposobnost' po russkomu pravu do kontsa XVII v. SPb., 1903. 440 s.
- Efimenko A.Ya. Issledovaniya narodnoi zhizni. Vyp. pervyi. Obychnoe pravo. M., 1884. 382 s.
- Efimenko P. Yuridicheskie znaki // ZMNP. 1874. S. 53-293.
- Zarudnyi N.M. Zakony i zhizn'. Itogi issledovaniya krest'yanskikh sudov. SPb., 1874. 224 s.
- Ilyustrov I. Yuridicheskie poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M., 1885. 72 s.
- Kaufman A.A. Krest'yanskaya obshchina v Sibiri. SPb., 1897. 277 s.
- Kopanev A.I. Krest'yane russkogo severa v XVII v. L.: Nauka, 1984. 241 s.
- Leont'ev A.A. Krest'yansko pravo. Sistematischeskoe izlozhenie osobennosti zakonodatel'stva o krest'yanakh. SPb., 1914. 372 s.
- Mukhin V.F. Obychnyi poryadok nasledovaniya u krest'yan. K voprosu ob otnoshenii narodnykh yuridicheskikh obychev k budushchemu grazhdanskomu ulozheniyu. SPb., 1888. 331 s.
- Ostrovskaya M. Zemel'nyi byt sel'skogo naseleniya Russkogo Severa v XVI–XVIII vekakh. SPb., 1913. 96 s.
- Orshanskii I.G. Issledovaniya po russkomu pravu obychnomu i brachnomu. SPb., 1879. 453 s.
- Pakhman S.V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki). T. 1. SPb., 1877. 463 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy «etnograficheskogo byuro» knyazy V.N. Tenisheva. T.1 Kostromskaya i Tverskaya gubernii // pod ruk. V.M. Grusmana SPb.: «Delovaya poligrafya», 2004. 568 s.

- Semevskii V.I. Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II. tt. 1, 2. SPb., 1901.
Semevskii V.I. Krest'yanskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX v. T 1. SPb., 1901.
Sergeevich V.I. Krest'yanskie prava i obshchinnoe zemlevladienie v Arkhangel'skoi gubernii v polovine XVIII veka. SPb., 1907. 30 s.
Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava. SPb., 1909. 2 t.
Simoni P. Starinnye sborniki russkikh posloviits, pogovorok, zagadok i proch. XVI–XIX stoletii. SPb., 1899. 216 s.
Snegirev I. Russkie narodnye poslovitsy i pritchi M., 1848. 503 s.
Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1913 g. Izdanie TsSK MVD. SPb., 1914. 333 s.
Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Chast' pervaya. 203 s.
Tenishev V.V. Pravosudie v krest'yanskom bytu. Bryansk., 1907. 192 s.
Trudy i zadachi S.-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva: (Rech' v yubileinom zasedanii obshchestva 23 fevralya 1902 goda) / A.F. Koni. S. 65–83.
Chicherin B.N. Opyty po istorii russkogo prava. M., 1858. 389 s.
Engel'gardt A. N. Iz derevni: 12 pisem: 1872–1887. SPb.: Nauka, 1999. 638 s.

Казанцева Галина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, kazantsga@yandex.ru

Карпукова Альбина Анатольевна, старший преподаватель кафедры Всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, alikata@yandex.ru

Царева Ольга Сергеевна, магистр кафедры Профессионального образования и управления образовательными системами, Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина, olga-car00@rambler.ru

Symbolic elements of the legal traditions of Russian peasants in the second half of the 19th century

The article deals with the customary law of the Russian peasants of the second half of the 19th century, expressed in symbols-signs, symbols-actions and symbols-verbal formulas. Particular attention is given to the analysis of the evolution of customary law from the 15th to the second half of the 19th century. The peasant world of the second half of the 19th century, essentially isolated from the legal framework of civil law relations, regulated by the state, has turned out to be terra incognita for contemporary researchers.

Keywords: custom, customary law, the peasantry, the volost court, symbolic elements.

Galina Kazantseva, PhD in Pedagogy, Associate Professor; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; kazantsga@yandex.ru.

Albina Karpukova, Lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; alikata@yandex.ru.

Olga Tsareva, master, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; olga-car00@rambler.ru.

М. Е. РАЗИՆЬКОВ

«ОНИ МОГЛИ БЫ ДЕРЖАТЬСЯ ГОДАМИ, ЕСЛИ БЫ...»
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ИНТЕРВЕНТОВ О РОССИИ

В статье с помощью методов количественного, герменевтического и имагологического анализа исследуются представления интервентов о Гражданской войне в России (1917–1922). Основной предмет исследования – выявленные автором около 180 оценочных характеристик, данных иностранцами политической, социальной, военной и этнической реальности в России. Получены выводы о преимущественно негативной оценке иностранцами России и россиян, подробно разбирается логика возникновения таких представлений, выявляется многообразие стереотипов, которыми оперировали интервенты для описания увиденного.

Ключевые слова: *Гражданская война в России; интервенция; оценочные характеристики; количественный анализ; герменевтика; имагология; стереотипы.*

Изучение мемуаров, документов, связанных с интервенцией, а также работ по методологии истории и общественной психологии, привели меня к выводу о том, что иллюстративные изытия фрагментов, простой текстологический анализ не объясняют всей сложности мировосприятия иностранца, попавшего в далекую во всех отношениях страну. Тексты, принадлежащие разным людям, но содержащие единообразные сюжеты, касающиеся их переживаний, наводили на мысль об ускользающих закономерностях. Предположение о том, что они связаны, прежде всего, с этнической психологией авторов, подтвердились не вполне. Очевидно, что, характеризуя россиян (не только русских, но и прочие этносы (карелы), субъэтносы (казаки)), иностранцы оперировали оценками их социальных, военных качеств, описывали политическую культуру, т.е. заметно выходили за рамки собственно этнических характеристик. Поэтому, на первом этапе исследования, выявленные оценочные суждения были разделены на четыре группы: социальные, политические, военные, этнические. *Социальные* – описывали россиян как совокупность социальных групп, слоев; а поскольку Россия находилась в состоянии войны, иностранцам приходилось сталкиваться не только с крестьянами, рабочими, буржуазией, но и с такими большими социальными группами военных как офицерство и солдаты. *Политические* – сообщали об особенностях политических режимов, существовавших в России (белых, большевистском, дореволюционном царском), а также о политической культуре, так как специфика режимов увязывалась с их «российскостью». *Военные* – рассказывали о специфике ведения боевых действий, элементах военной

психологии россиян. *Этнические* – останавливались на этнопсихологических и этнокультурных качествах жителей России. Каждая группа оказалась разбита на подгруппы *положительных* и *отрицательных* суждений. Так удалось совершить кодировку информации по типу С(+) – социальные положительные, С(-) – социальные отрицательные, П(+), П(-) и т.д.

Однако проблема заключалась в том, что одни и те же фрагменты содержали информацию сразу по нескольким таким группам. Более того, одно и то же суждение могло нести положительную и отрицательную информацию в рамках одной и той же группы (например, Э(+) и Э(-) одновременно). Поэтому, вторым этапом исследования стало толкование подобных смешанных сюжетов с целью выявить какие-либо закономерности. Наконец, не стоило сбрасывать со счетов и анализ указанных текстов с точки зрения этнической психологии их авторов.

Одна из задач исследования – показать, насколько многообразен может быть методологический инструментарий анализа документальных свидетельств подобного рода. Открытие новых источников может, конечно, значительно уточнить, расширить наши представления о прошлом вообще и о Гражданской войне в частности¹. Однако, как представляется, информационный потенциал уже известных источников еще не исчерпан. Между прочим, открытие и публикация новых источников, касающихся интервенции², только подтверждает тезис о внутреннем сходстве, повторяемости оценочных сюжетов в сознании иностранцев, перенесенном в текст воспоминания.

Следует отметить, что до сих пор в российской историографии изучение непрямого смысла источника, комментирование его, является прерогативой историков средневековья. Собственно, именно оттуда мною были взяты методологические подходы, связанные с представлениями об исторической феноменологии и герменевтике³. Показательно, что сами авторы, специализирующиеся на средневековой проблематике, видят исследовательский потенциал используемой ими методологии в изучении истории новейшего времени⁴. Нельзя игнорировать и количественные методы, тем более, что существуют исследования, доказывающие возможность выявления ментальных установок путем подобного анализа⁵. Между тем, ограниченность доступных источников делает количественный анализ инструментом дополняющим, но не основным.

¹ См., например: Нарский 2001; Посадский 2010; Морозова 2012.

² Барон 2013.

³ См.: Данилевский 1999, 2001; Юрганов 2009; Филошкин 2000, 2007.

⁴ Юрганов 2011.

⁵ См., например: Буховец 1996; Марасинова 1999; Сухова 2008.

Наконец, еще одним источником для пополнения исследовательского инструментария послужила имагология, сосредотачивающаяся на изучении стереотипов, формировании образов «своего» и «чужого»⁶.

Источник и его познавательные возможности

Источниковую базу составили материалы мемуаров 13-ти участников интервенции, один аналитический обзор о состоянии России в первой половине 1918 г. и один документ, связанный с деятельностью союзных миссий на территории Прибалтики. По национальному составу авторов ситуация выглядит следующим образом: пять англичан, ирландец и канадец (объединены в одну группу, поскольку автор-ирландец – житель Северной Ирландии и полковник британской армии, а Канада входила на тот момент в состав Британской империи), четыре француза, четыре американца (США). Все авторы – военнослужащие (11) или дипломаты (4) стран Антанты. Пятеро из них на момент войны находились в чине генерала (Э. Айронсайд, М. Жанен, У. Ричардсон, У. Грейвс, Х. Гоф), двое – в чине полковника (Ф. Вудс, Д. Уорд), один был майором (Ж. Пишон), двое – капитанами (Х. Уильямсон, Э. Эллингтон), один – лейтенантом (Д. Кьюдахи). Двое членов дипломатических миссий были послами (Д. Фрэнсис, Ж. Нуланс), один – секретарем посольства (Л. Робинен). Один политик (У. Черчилль) был членом правительства в ранге министра.

Таким образом, по социальному составу авторов можно определить специфику источника как принадлежащего преимущественно военным (73%), с большой долей лиц, находящихся на высоких руководящих постах (53%), и отсутствием лиц, относящихся к рядовому составу. Стоит отметить, что большинство авторов либо принимали непосредственное участие в боевых действиях, либо имели отношение к политической составляющей союзных миссий (причем, не только дипломаты, но и подавляющее большинство военных (не менее семи человек)). Только один из мемуаристов (У. Черчилль) не был в России на момент ведения боевых действий. Иначе говоря, имеющуюся документальную базу можно считать вполне представительной по всем направлениям анализа (политическому, военному, социальному и этническому).

Вместе с тем, приводимые источники имеют существенные ограничения и особенности, важные для понимания их информативности. Не представлены воспоминания рядовых участников событий. Между тем, по свидетельству некоторых мемуаристов⁷, большевистская пропаганда имела успех в воинских контингентах. Впрочем, неясно, что подразуме-

⁶ Сенявская 2006. С. 3-26; Казакова 2010.

⁷ Зброшенне в небытце...; Черчилль 1932.

валось при этом под «большевистскими симпатиями»: коммунистическая пропаганда или простые антивоенные настроения. В любом случае, повсеместные волнения среди войск интервентов (в т.ч. при отправке в Россию) показывают, что взгляд рядовых участников иностранных континентов на происходившее в России мог быть несколько иным.

Есть и другие ограничения. Изученная мною мемуарная база не включает свидетельства, исходящие от интервентов из Германии, Австро-Венгрии, Японии, не говоря уже о некоторых других странах. Сама форма источника личного происхождения – связные мемуары – предполагает создание «документального приключенческого романа», призванного привлечь внимание читателя, снисходительно относящегося к автору, дает интерпретацию событий именно его глазами. Некоторые мемуары создавались для целей политической борьбы или интерпретировали события, исходя из предпосылки оправдания или обвинения принятых ранее политических решений. Так, У. Черчилль дает широкую панораму «единственно верной» британской политики, на американца У. Грейвса (В. Грэвс) и англичанина Д. Уорда явно повлияла идея осуждения японской агрессии в Азии, американский лейтенант и выпускник Гарварда Д. Кьюдахи все повествование подчинял идее осуждения американского вмешательства в ненужную русскую войну, француз Ж. Пишон создавал свою записку, обслуживая заказ на анализ политической ситуации в России. Ряд деятелей, принимавших явно нестандартные решения (У. Грейвс, М. Жанен, Ф. Вудс), пытались оправдаться, показать, почему именно их решения были наиболее верными. Спецификой мемуаров является их субъективность, выражающаяся в ситуационности взглядов: например, русские солдаты как социальная группа у одного и того же мемуариста в разных местах могут характеризоваться и как увальни, и как вполне бравые парни. Однако подавляющее большинство привлекаемых источников объединяет одно – их авторы пытались осмыслить в описываемых событиях свое «я», ответить на важные для себя вопросы: почему он поступал так, а не иначе, и в какой, по отношению к его личности, ситуации он находился? Сравнительный анализ сразу нескольких мемуаров дает шанс избежать чрезмерной субъективности в восприятии исторической ситуации.

Некоторые количественные закономерности

Указанные выше ограниченности источника не позволяют абсолютизировать количественные показатели. Однако некоторый материал для размышления они дают. В таблице 1 приводится статистика групп оценок о российской действительности: социальная (С), политическая (П), военная (В) и этническая (Э).

Таблица 1⁸**Общие оценки российской действительности со стороны интервентов**

Оценочная группа	Количественный показатель	%	Количественный показатель	%	Оценочная группа
С(+)	9	5	28	15,6	С(-)
П(+)	11	6,2	42	23,5	П(-)
В(+)	16	8,9	25	14	В(-)
Э(+)	19	10,6	29	16,2	Э(-)
Всего	55	30,7	124	69,3	179 (100%)

Как видим, негативные характеристики российской действительности заметно преобладают, составляя большинство по всем избранным параметрам. Общее процентное соотношение составляет 2,2 в пользу негативных характеристик. Из них: по социальным – 3,1; политическим – 3,6; военным – 1,6; этническим – 1,5. Очевидно, таким образом, что интервентов не устраивала скорее социально-политическая ситуация в России, чем военные качества россиян и их этнические особенности.

Таблица 2. **Оценки россиян разными этническими группами интервентов**

Оце-ночная группа	Бри-танцы	%	Фран-цузы	%	Амери-канцы	%	Всего
С(+)	8	5,9	0	0	1	6,7	9
С(-)	22	16	4	14,8	2	13,3	28
П(+)	8	5,9	0	0	3	20	11
П(-)	25	18,2	13	48,1	4	26,6	42
В(+)	12	8,7	1	3,7	3	20	16
В(-)	22	16	3	11,1		0	25
Э(+)	17	12,4	1	3,7	1	6,7	19
Э(-)	23	16,9	5	18,6	1	6,7	29
Всего	137	100	27	100	15	100	179
Всего % от об-щего числа	137	76,5	27	15,1	15	8,4	179 (100%)
Персо-налии	7	46,6	4	26,7	4	26,7	15 (100%)

⁸ Составлено по: Архив русской революции...; Барон 2013; Грэвс В. 1932; Жа-нен; Заброшенные в небытие...; Союзническая интервенция...; Уильямсон 2007; Уорд 1923; Черчилль В. 1932; Diary of Eric Elington...

Очевидно, что привлекаемый источник имеет явно «британский» облик (особенно по числу высказанных оценочных характеристик – 76,5%). Отметим почти полное отсутствие положительных характеристик в адрес россиян со стороны французов, негативные оценки которых достигают своего максимума при описании политических режимов, с которыми им пришлось столкнуться в России. Напротив, американцы, хотя свидетельства их не столь обширны, высказались по поводу почти всех направлений анализа. Небольшое число оценочных характеристик у американцев следует объяснить своеобразием источников: воспоминания Д. Кьюдахи представляют собой, скорее, аналитическую справку, а генерал У. Ричардсон необыкновенно сух в описаниях происшедшего. Напротив, воспоминания У. Грейвса крайне эмоциональны, особенно колоритна содержащаяся в них критика в адрес колчаковского режима и режимов многочисленных атаманов.

Таблица 3 указывает на то, что это взгляд военных: как по числу авторов, так и по оценкам, которые они высказали.

Таблица 3

Оценка россиян социально-профессиональными группами интервентов

Оценочная группа	Военные	%	Дипломаты	%	Всего
С(+)	9	6,2	0	0	9
С(-)	24	16,7	4	11,4	28
П(+)	6	4,2	5	14,3	11
П(-)	29	20,1	13	37,1	42
В(+)	14	9,7	2	5,7	13
В(-)	22	15,3	3	8,6	25
Э(+)	18	12,5	1	2,9	19
Э(-)	22	15,3	7	20	29
Всего	144	100	35	100	179
Всего % от общего числа	144	80,5	35	19,5	179 (100%)
Персоналии	11	73,3	4	26,7	15 (100%)

Обратим внимание, что дипломаты заметно больше рассуждали о политических вопросах, чем военные (если судить по доле политических высказываний от общего процента). Однако они видели в народах, населяющих Россию, прежде всего в русских, гораздо меньше положительных качеств, нежели военные; однозначно негативно оценивали социальное состояние российского общества. Вместе с тем, интерес военных к социально-политической проблематике также очевиден, что

указывает не только на широкий кругозор офицеров, но и на то, что они часто занимались в России политическими проблемами.

Количественные показатели уточняют и особенности смыслового содержания оценочных характеристик. Уточним, что это взгляд преимущественно британца и преимущественно военного.

Таблица 4

Оценочные характеристики личных, военных, социально-политических и национальных качеств россиян интервентами

Отрицательные	Кол-во	Положительные	Кол-во
Агрессивность	28 (19,2%)	Дружелюбие	9 (6,2%)
Угрожающие лица	1	Добросердечные, добродушные	3
Убийцы, кровожадные	8	Любезные	1
Грубые	4	дружелюбные	1
Жестокие	7	гостеприимные	3
Негодяи	3	Мягкий, сговорчивый	1
Фанатики	3		
Экстремисты	1		
Неустойчивая психика	1		
Вялость, апатичность	21 (14,4%)	Энергичность, упорство	16 (11%)
Неуклюжие	3	Хорошо сложенные, крепкие	2
Ленивые	3	Расторопные, энергичные	7
Безразличные, апатичные, фаталистичные, флегматичные	9	трудолюбивые	2
Приспособленцы	1	решительный	1
аполитичные	3	неунывающие	1
нерешительные	2	Упорные, терпеливые	3
Замкнутость	7 (4,8%)	Открытость	4 (2,7%)
Неискренние	2	искренние	4
недоверчивые	3		
замкнутые	1		
Не любят иностранцев	1		
Хитрость	7 (4,8%)	Честность	2 (1,4%)
Коварные	1	Люди чести, честные	2
Хитрые	3		
Пройдохи	1		
Демагоги	2		
Жадность, продажность	2 (1,4%)	Щедрость	1 (0,7%)
Жадные	1	Щедрые	1
коррупцированные	1		

Глупость, отсталость	13 (8,9%)	Ум, рассудительность	5 (3,4%)
невежественные	3	Рассудительные, здравомыслящие	2
Тупоумные, «дураки», глупые	5	Славная ветвь европейских народов	1
недальновидные	1	дальновидный	1
реакционеры	1	талантливый	1
Низкая мораль	3		
Трусость	4 (2,7%)	Храбрость	4 (2,7%)
трусливые	2	храбрость	2
Неустойчивые в бою	2	Высокий боевой дух	1
		мужественный	1
Самоуверенность, Высокомерность	5 (3,4%)	-	0 (0%)
Чрезмерно амбициозные	1		
Самоуверенные	1		
Авантюристы	1		
высокомерный	1		
Гордые	1		
Эгоизм	7 (4,8%)	Верность	3 (2%)
Эгоистичные, «шкурники»	2		
неблагодарные	2	преданные	2
непатриотичные	2	патриоты	1
спекулянты	1		
Неорганизованность	2 (1,4%)	Дисциплинированность	1 (0,7%)
непунктуальные	1	дисциплинированные	1
неуправляемые	1		
Отталкивающий внешний вид	4 (2,7%)	Привлекательный внешний вид	1 (0,7%)
Отталкивающие лица	1	Симпатичный	1
Грязные	1		
Дикий вид	1		
Жалкие	1		
Всего	100 (68,5%)		46 (31,5%)

И здесь видно существенное преобладание негативных характеристик; их можно объединить в смысловые группы. Причем если агрессивность и отталкивающий внешний вид можно списать на военное время, то апатичность, хитрость, глупость и пр., связать с войной сложнее. Иностранцы явно чувствовали себя в российской среде дискомфортно.

Почти у каждой группы негативных характеристик есть своя противоположность в виде группы положительных характеристик. Однако в любом случае, «агрессивный, хитрый, трусливый, замкнутый, туповялый, жадный, самоуверенно-эгоистичный, недисциплинированный и несимпатичный» россиянин боролся в сознании иностранца с «дружелюбным, энергичным, открытым, неглупым, храбрым, организованным и внешне привлекательным», причем первый побеждал.

Опыт комментария оценочных характеристик текста

Выявление оценочных характеристик позволяет составить более-менее подробные комментарии изученных текстов и комбинаций смысловых конструкций. В силу ограниченности объема статьи, мною приведены комментарии только для смешанных характеристик. Впрочем, они представляются наиболее информативными в плане понимания тех идей, которые пытались вложить в свои тексты авторы.

Составляя данные комментарии, я опирался на методологическую базу исторической феноменологии, описывающую «герменевтический круг понимания». Согласно выводам А.В. Каравашкина и А.Л. Юрганова, осознание исторической реальности ограничено источником и существует только в его интерпретации. В связи с этим, задача историка видится в реконструкции источниковой реальности, уяснении самосознания источника, «чужого сознания в собственных семантических границах»⁹. Учитывая, что герменевтика и феноменология стремятся к интерпретации текста, не опираясь напрямую на его повествовательную канву, данное исследование вполне подходит под это определение. Повторяющиеся смыслы, которые нельзя объяснить только проявлением этнических и военных стереотипов заставляют говорить о структурах коллективного сознания эпохи, проявляющихся в изучаемых текстах.

Интервенты увязывали военные неудачи с социокультурной отсталостью российского общества. Об этом говорят повторяющиеся характеристики типа С(-)+В(-). Например, Х. Уильямсон характеризовал солдатскую массу Вооруженных сил Юга России следующим образом: «Это были преимущественно неуклюжие деревенские парни с тенденцией на марше прикреплять полевые цветы к своим винтовкам и разевать рты при виде незнакомых кирпичных зданий. Было известно, что некоторые из них даже тряслись при виде поезда»¹⁰. Россияне, не видевшие кирпичных зданий и поездов, рассматриваются им как необстрелянные увальни. Сходную характеристику русских солдат приводит воевавший в Сибири

---

⁹ Каравашкин, Юрганов, 2005. С. 156-157, 163.

¹⁰ Уильямсон 2007. С. 34.

Д. Уорд, отмечавший, что это «великолепные люди, хорошо сложенные, но еще неповоротливы и неловки в движениях»; настолько неловки, что издавляя он принял их за девушек¹¹! Одновременно отмечается внутренний раскол столь важной для традиционного общества социальной группы как армия. Э. Айронсайда поражало нежелание русских офицеров объединяться ради общей цели, искать неформальных отношений с солдатами (шутить, писать им письма домой)¹². Х. Уильямсон говорил о российских генералах: «Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями, либо ленью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными»¹³. Таким образом, внутренние пороки военной элиты вели, по мнению англичанина, к поражению белых (С(-)+В(-)).

Четко выраженных схем типа С(+)+В(+), С(-)+В(+), С(+)+В(-) в анализируемых текстах нет. Зато на схему С(-)+В(-) накладываются более сложные оценочные характеристики, которые следует рассматривать как объясняющие и дополняющие приведенную бинарную схему. Весьма распространена схема П(-)+С(-)+В(-), присутствующая в воспоминаниях Э. Айронсайда, М. Жанена и письме Х. Гофа. Айронсайд считал, что русские не смогли выдвинуть «национального героя», военно-политического лидера, и «подлинной причиной [этого] была глубокая пропасть, разделявшая офицеров и солдат»¹⁴. Жанен оценивал большевиков как предательский режим. Начальник всех союзных миссий в Финляндии и Прибалтике генерал Гоф, сообщая Юденичу о том, что русские за поставки платят «черной неблагодарностью» и даже хотят обратиться за помощью к немцам, срывался на ругань: «многие русские командиры тупоумны или памятью коротки, что уже открыто хотят обратиться за помощью к немцам... Скажите этим дуракам, чтобы они прочли Мирный договор (Версальский мир. – М.Р.). Все, что Германия имеет, уже ею потеряно»¹⁵. В этом письме русские оцениваются как предатели (В(-)), не разбирающиеся в политической конъюнктуре (П(-)), а их командиры (как социальная группа) – крайне негативно (С(-)).

Глупыми, коррумпированными, беспринципными, некомпетентными, агрессивными душевнобольными называли конкретных представителей военно-политической элиты Белой России М. Жанен и У. Грейвс.

¹¹ Уорд 1923. С. 56, 140.

¹² Зброшенныя в небытыя... С. 318.

¹³ Уильямсон 2007. С. 86.

¹⁴ Зброшенныя в небытыя... С. 328.

¹⁵ Архив русской революции 1991. С. 307.

Чрезвычайно распространена схема П(-)+С(-), согласно которой россияне, в силу глубокого раскола между разными социальными слоями и между политической и социальной сферами общества, имели низкую политическую культуру. При этом, как и в случае с военно-социальными характеристиками, вариации П(+)+С(+), П(-)+С(+), П(+)+С(-) отсутствуют. Х. Уильямсону, Д. Уорду, У. Грейвсу, У. Черчиллю, Ж. Пишону замкнутость, инертность, глупость, агрессивность представляются характеристиками политического поведения целых социальных слоев и элитарных групп. Неумение и нежелание искать компромиссы, бороться за свои права мирным путем поражали иностранцев. Убежденный тредюнионист Д. Уорд писал: «[Лидеры рабочих] отказывались бороться за законы, защищающие труд... Они верят... что единственным способом для рабочего получить права является уничтожение всякого “закона”... Профессиональный русский лидер рабочих – анархист и ничего больше»¹⁶. В свою очередь, рабочие в результате их агитации оказывались уверенными, что «на следующее же утро [они] достигнут полного земного рая»¹⁷. Причем Уорд винит в этом царизм, державший рабочих в невежестве. Социальное поведение рабочих рассматривается как деструктивное (С(-)), что увязывается с их низкой политической культурой (П(-)).

Ж. Пишон упрекал русских в эгоизме, называл «шкурниками», отмечал их политическую безграмотность. В правящих слоях, интеллигенции, духовенстве его поражали пассивность, желание приспособиться к обстоятельствам, отсутствие политической организации, а у сибирской буржуазии – какой-либо конструктивной идеологии. Крестьяне же, не имея политических предпочтений, по его словам, враждебно относились и к «старой», и к «новой» власти¹⁸. Деникинское командование представлено в воспоминаниях Х. Уильямсона как некая замкнутая каста, непримиримая к любому политическому инакомыслию¹⁹.

Распространенные суждения типа П(-)+Э(-) увязывали негативы развития России с этническими чертами народов, населявших ее, прежде всего русских. Упрекая русских, подобно Ж. Пишону, в отсутствии патриотизма, Д. Уорд приводил в пример англичан. Удивляясь, почему русские не вывешивают своего национального флага, он заявлял: «если бы в Англии было 20 революций, то я все-таки не мог представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага»²⁰.

---

¹⁶ Уорд 1923. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 57-58.

¹⁸ Союзническая интервенция... С. 21-36.

¹⁹ Уильямсон 2007. С. 32-33.

²⁰ Уорд 1923. С. 56.

Полковник Вудс, оказавшись в эпицентре этнополитического конфликта белогвардейцев и карелов, желавших перейти под протекторат Великобритании, обратил внимание на то, насколько грубо и униЗИтельно обращались представители белогвардейской администрации с карелами²¹. Французы и англичане в один голос обвиняли русских в неискренности, недоверчивости, политическом коварстве, называя это этнической чертой славянских народов вообще²².

Социокультурная отсталость увязывалась с этническими характеристиками (схема С(-)+Э(-)). Русских крестьян сравнивали с индийцами, отмечали их средневековый (в смысле «варварский») быт. Такие характеристики давали не только побывавшие в России Робиеном, Уорд, Вудс, но и слабо знакомый с российскими реалиями Черчилль, что говорит о воспроизведении им существовавших стереотипов²³. Робиен подчеркивал жадность и хитрость русского крестьянина: «Крестьяне придерживают продукты, отказываясь их продавать в ожидании повышенных цен. Я понимаю, что мы отвергаем большевистские методы, которые, расстреляв нескольких мужиков, в одно мгновение собирали в каждой деревне вереницы нагруженных телег. До этого нам далеко, и мы, забыв, что идет война, позволяем русскому крестьянину, наиболее хитрому и жадному до наживы из крестьян других стран, обманывать себя!»²⁴.

Специфической чертой российского общества считалась его полиэтничность, воспринимаемая как «восточная» экзотика. Однако общество это представлялось социально отсталым или деградировавшим во время войны С(-)+Э(+). Канадский капитан Э. Элкингтон отмечал: «Было очень интересно гулять по городу и приходить в восторг от того, насколько космополитично население Владивостока. В пятнадцатиминутной прогулке по городу я различил 18 разных национальностей. И все они выглядели не очень хорошими представителями своих наций...»²⁵.

Низкая политическая культура элиты и широких слоев российского общества виделась, таким образом, тесно связанной с этническими особенностями россиян и являлась в глазах интервентов важной причиной Гражданской войны и поражения Белого Дела. Вместе с тем, российское общество не рассматривалось однозначно негативно. Поэтому предсказуемо существование компенсаторных механизмов, какими представляются схемы: С(-)+С(+)+В(-) и С(+)+В(+)+Э(+). Так, Х. Уиль-

²¹ Барон 2013. С. 143.

²² Уорд 1923. С. 35; Зброшенныя в небытие... С. 129, 203.

²³ Уорд 1923. С. 45; Барон 2013. С. 25; Черчилль 1932.

²⁴ Зброшенныя в небытие... С. 207.

²⁵ Diary of Eric Elkington...

ямсон писал о российской военной элите: «В основном это были добросердечные и щедрые до абсурда люди, но, кроме страшных клятв отомстить большевикам, пользы от них было немного. Они были ленивы, невежественны и часто трусливы, главным образом потому, что знали, что у их солдат не хватает смелости воевать против своих соотечественников, и потому, что уже видели, как свои солдаты дезертируют и поднимают мятежи»²⁶. В другом месте Уильямсон противопоставлял «эгоистичных», «безразличных» и «коррупцированных» русских офицеров «терпеливым», «добродушным», «трудолюбивым» солдатам, считая этот разрыв традиционным пороком русской армии²⁷. Иначе говоря, при общем социальном и военном негативе выделялись и социально-симпатичные черты (добросердечие, щедрость, трудолюбие).

Схема С(+)+В(+)+Э(+) имеет прямую связь с механизмами этнической психологии. Едва только российские военные начинали напоминать мемуаристу его родной народ, как отношение к ним резко менялось с негативного на позитивное. Напомнившие Уорду английских «Томми» русские солдаты сразу превратились из «неповоротливых женщин» в энергичных вояк: «Русские “Томми” выглядят такими же расторопными, как и наши, и без своих длинных, узких треугольных штыков могут быть легко приняты по ошибке за английские войска»²⁸. Аналогичное воспоминание оставил Вудс. На сей раз речь шла о карелах, похожих на ирландцев: «Через месяц наши силы насчитывали уже 500 человек... причем каждый был замечательным снайпером... Все они ранее служили в российской императорской армии и после небольшой муштры держались в строю так же подтянуто, как любая иностранная армия в обычных обстоятельствах. Их дисциплина не вызывала нареканий: не было ни одного случая нарушения субординации или пьянства, ни одной жалобы от местных жителей... Ни тогда, ни когда-либо позднее не позволял я себе усомниться в искренности и преданности своих карел... они очень напоминали мне ирландских солдат, которые не теряют присутствия духа даже в самых сложных ситуациях»²⁹.

Даже негативные черты российской политической культуры могли восприниматься в положительном ключе, если напоминали иностранцу родину: «Я определенно чувствую, что русские и мы вполне справимся вместе с затруднениями, настолько мы похожи друг на друга. Омск и Уайтхол действительно типичны; каждый из них прежде всего исчерпа-

---

²⁶ Уильямсон 2007. С. 34.

²⁷ Там же. С. 85.

²⁸ Уорд 1923. С. 56.

²⁹ Барон 2013. С. 34-35.

ет все возможные ошибки и, когда больше их уже не останется, вступит на правильный путь»³⁰. (схема Э(+)+П(-))

У военных поводом для похвалы могла стать эффективность самых жестоких действий (схема В(-)+В(+)+Э(-)). Ф. Вудс упоминал, что русские применяли пытки на допросах, причем жестокость рассматривалась им и как компонент именно русской военной культуры (он подчеркивал, что англичане так не делают). Однако, осуждая такие методы, Вудс признавал их действенность: «Русские методы допроса (избиение кнутом. – М.Р.)... были, мягко говоря, грубыми, но давали немедленные результаты». Любопытно, что для английского полковника человек, способный превращать свои жертвы в «сплошную кровоточащую массу» «оказался ... незаменимым союзником. Вскоре он стал хорошим другом всех британцев»³¹. В другом месте воспоминаний, Вудс перечислял факты, когда карелы свеживали финнов, набивая их тела листвою, применяли пытки с помощью топора, убивали всякого пленного финна. Однако он тут же комментировал, что свеживание напрямую связано с охотничьей жизнью карел, а убийство пленных – с необходимостью получать трофейные сапоги и нежеланием кормить лишние рты, естественным для охотника³². Оценивая эти качества как признак этнической «первобытности», Вудс и здесь отмечал эффективность подобных действий, закрывая на многое глаза.

Азарт «путешественника», желание видеть в россиянах не только сообщество дикарей, да и социо- и этнокультурные реалии, вели к выявлению положительных черт народов, населявших Россию. Распространенной является схема С(+)-Э(+), позволяющая иностранцу посмотреть на россиян как на трудолюбивых, сильных, выносливых людей, умеющих постоять за себя (Э. Айронсайд, Ф. Вудс). Излишняя стереотипизация образа русского крестьянина отмечалась У. Грейвсом: «Мне часто говорили, что “русский крестьянин очень груб и невежествен”; а я убедился в том, что если дело идет о чем-нибудь, касающемся его личных интересов, то вы не скажете, что русский крестьянин невежествен. Ошибочным является также распространенное в Соединенных штатах мнение, что русский крестьянин не стремится к образованию. Все то, свидетелем чему я был в Сибири, опровергает это мнение. Если вы проходите по деревне, вы повсюду встречаете детей, идущих в школу, и в этом отношении нет никакой разницы между Со-

---

³⁰Уорд 1923. С. 140.

³¹Барон 2013. С. 66.

³²Там же. С. 54-55.

единенными штатами и Россией, исключая только то, что в России школьники носят книги в ранцах за спиной, как солдаты»³³.

Схема П(+)+Э(+) приводила к признанию значимости российской культуры и России как державы. Так, У. Черчилль признавал русских «могущественной нацией, славной ветвью семьи европейских народов»³⁴, а Д. Уорд говорил о диктатуре А.В. Колчака как о единственной надежде «на спасение остатков русской цивилизации и культуры»³⁵. Имеется немало положительных отзывов интервентов о представителях военной и военно-политической элиты белых, а американцы признавали определенную идейную справедливость и военную эффективность коммунистической агитации в войсках Антанты (схема П(+)+В(+))³⁶.

Невозможность дать однозначную характеристику русским и россиянам вообще, приводила к формам высказываний, в которых положительные характеристики одного типа сочетаются с отрицательными – такого же типа. Примером является относительно часто встречающаяся схема Э(+)+Э(-). Так, Ф. Вудс, сравнивая русскую и британскую мораль, отмечал: «наши нормы более высокие, однако мы их не соблюдаем, у русских же мораль на более низком уровне, однако они изо всех сил стараются следовать ей»³⁷. Жанен указывал в своем дневнике: «Русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев»³⁸. Иногда подобные схемы позволяли иронизировать над негативными чертами россиян, тем не менее, принимая их: «или русский крестьянин – страшный сутяга, или он ошибочно принял систему суда за здоровый английский спорт, который его весьма забавлял» (С(-)+С(+))³⁹.

Наличие смешанных языковых и смысловых конструкций позволяло наполнять обычные высказывания множественным смыслом, но главное – значительно расширять круг интерпретаций одного и того же связанного текста. Для примера, прокомментируем высказывание Уорда о русских офицерах, которые попадая с фронта в тыл «стали приобретать свои старые привычки, начали заполнять увеселительные дома и рестораны города, и очень мало вспоминали о своих полуодетых сотоварищах, продолжавших тяжелую борьбу вдоль Уральских гор»⁴⁰. Первоначаль-

---

³³ Грэвс 1932. С. 74.

³⁴ Черчилль 1932.

³⁵ Уорд 1923. С. 88.

³⁶ Зброшенныя в небытне... С. 426.

³⁷ Барон 2013. С. 24

³⁸ Жанен. Отрывки из моего сибирского дневника...

³⁹ Уорд 1923. С. 45.

⁴⁰ Там же. С. 120.

ный смысл можно определить как С(-), т.е. негативное описание офицеров как социальной группы, которые не просто разлагались в тылу, но и были к этому склонны изначально («приобретали старые привычки»). Однако тот же текст можно наполнить другими смыслами. Прежде всего, здесь можно найти героизм части офицерства («продолжали тяжелую борьбу») В(+), негативную этническую характеристику Э(-), поскольку офицеры были русскими и Уорд мог сравнивать их с англичанами, а также и П(-), поскольку правительство не позаботилось ни об организации быта тыловых офицеров, ни о тех, кто был на фронте («полуодетые сотоварищи»). Подобные комментарии указывают на ограниченную полезность любого количественного подсчета и выявляют полезные качества герменевтического комментария, такие как уточнение смыслов, понимание сущности повторяющихся в разных текстах высказываний.

Военные, этнические и политические стереотипы в структуре воспоминаний иностранцев о России

Исследование было бы неполным без анализа некоторых психологических механизмов, повлиявших на содержание мемуаров. Прежде всего, это комплексы стереотипов, связанных с военной психологией и складывающихся в ходе войны образов «своего» и «врага». Для большинства британцев (в т.ч. канадцев) и французов большевики вполне укладывались в классический образ врага – носителя сугубо негативных качеств. Так, Айронсайд составил себе мнение о большевистских руководителях, как об уверенных в своей исключительной правоте и жестоких деятелях, критически отзывался о способах организации большевистской агитации⁴¹. Уорд писал о Красной Армии как о войсках «террористов»⁴², люмпенов, невежественных людей. Уильямсон без зазрения совести предлагал денкинскому командованию травить красных газами⁴³. Одна из самых резких характеристик большевиков принадлежит Черчиллю: «Что касается России, то ищущие подлинную истину могут убедиться в том, до какой степени страшна господствующая там антидемократическая тирания и до чего ужасны совершающиеся там социальные и экономические процессы, грозящие вырождением»⁴⁴. Большевистский режим назван им «безыменным чудовищем», «пауком»; «Верховный большевистский комитет» – «нечеловеческой или сверхчеловеческой организацией», «сообществом крокодилов, обладавших об-

---

⁴¹Заброшенные в небытие... С. 243, 258-259.

⁴² Уорд 1923. С. 134.

⁴³ Уильямсон 2007. С. 155, 166.

⁴⁴ Черчилль 1932.

разцовыми интеллектами», а сами большевики – «жрецами негодяев и фанатиков»⁴⁵. Французские дипломаты оставили целую серию отзывов о большевистском режиме как «ужасном», голодном, полном эпидемий⁴⁶.

Одновременно американцы были склонны к преодолению однозначной трактовки «образа врага». Приводимые ими факты показывали, что образ красных излишне демонизировался. Д. Кьюдахи вспоминал о том, что вначале французские интервенты считали, что красные зверски расправляются с интервентами, поэтому добивали раненых. Каково же было их удивление, когда французские солдаты стали возвращаться из плена невредимыми, и когда красные перестали стрелять по санитарному отряду⁴⁷. Американцы в Сибири, в т.ч. генерал У. Грейвс, заключали с красными партизанами соглашения о разделе территории и ненападении. Партизанские теракты на железных дорогах воспринимались американцами как недоразумение и служили причиной переписки с красными⁴⁸.

Дело в том, что у американцев, как и у прочих интервентов, не сложился положительный образ «своего» в лице белых режимов. Грейвс отмечал непримиримость колчаковского режима к любой оппозиции, осуждал сотрудничество А.В. Колчака с «преступными» и «безжалостными» П.П. Ивановым-Риновым, Г.М. Семеновым, И.П. Калмыковым, приводил многочисленные случаи белого террора, постоянного насилия над мирными жителями⁴⁹. «В Восточной Сибири, – писал Грейвс, – совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 чел., убитых антибольшевистскими элементами»⁵⁰.

Генерал М. Жанен отмечал, что большинство французских офицеров в Сибири испытывали отвращение к жестокому режиму Колчака. В его дневниках председатель колчаковского правительства П.В. Вологодский предстает человеком «с трясущимся и заросшим бородой лицом», хотя и «довольно любезным», министр финансов И.А. Михайлов – «канальей», связанной с политическими убийствами, управляющие делами Совета министров Г.Г. Тельберг и Г.К. Гинс – лицами, связанными с денежными хищениями. Самого Колчака он характеризовал как болез-

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Заброшенные в небытие... С. 121-122, 183-184, 202.

⁴⁷ Там же. С. 427.

⁴⁸ Уорд 1923. С. 155-159.

⁴⁹ Грэвс В. 1932. С. 76-77, 80-81, 108, 113-115, 118-119, 147, 203.

⁵⁰ Там же. С. 80.

ненно неуравновешенного человека, не разбирающегося в сухопутном военном деле, и слабого политика, одержимого манией величия, пришедшего к моменту поражения к нервному заболеванию и неадекватности. «Вождем банды убийц» назвал он и Г.М. Семенова. Полемизируя в середине 1920-х гг. с А. Ноксом, французский генерал назвал Российское правительство «пройдохами, спекулянтами и реакционерами, собравшимися в Омске и представляющими прежнюю Россию»⁵¹.

Надо сказать, что и британцы оценивали белогвардейские режимы отнюдь не комплиментарно. Крайними точками здесь являются, пожалуй, воспоминания Вудса и Черчилля. Для Вудса белый режим на Севере представлял сборище опасных даже для интервентов заговорщиков (он утверждал, что белыми офицерами на него неоднократно готовились покушения). Черчилль, напротив, не скупился на положительные характеристики. Участники антибольшевистских восстаний на Дону, Добровольческой армии выступали у него не иначе как «русскими патриотами», которым «были драгоценны честь русского оружия и наследие Петра Великого», а первые сражения Добрармии с большевиками он сравнивал с битвами Гарибальди. М.В. Алексеев назван им «крупным стратегом, не уступавшим Фошу и Людендорфу», а А.И. Деникин – генералом, который обладал «всеми достоинствами и недостатками упорного, рассудительного, спокойного и честного вояки». Очень положительно отзывался Черчилль и о фигуре А.В. Колчака⁵². При этом стоит обратить внимание на тот немаловажный факт, что Вудс был в центре событий Гражданской войны на Севере, в то время как Черчилль рассуждал, пользуясь информацией с чужих слов. Его мемуары крайне стереотипизированы, доверять им полностью – значит пускаться в рискованное ментальное путешествие по вымышленной России. С другой стороны, Черчилль оказался одним из немногих, кто попытался преодолеть другой стереотип, а именно о том, что Гражданская война в России – это война русских с русскими. Именно Черчилль рассматривал ее как сложное многонациональное явление, привлекал к анализу событий материал об Украине, Польше, Литве, Латвии, Эстонии и других государствах, образовавшихся на территории бывшей империи.

Другой комплекс стереотипов, связанный с механизмами этнической психологии, включал ощущение превосходства «цивилизованного» европейца над «северным» (и даже «восточным») народом, иначе говоря, этноцентризм. Так, бригадный генерал У. Ричардсон, подчерки-

---

⁵¹ Жанен. Отрывки из моего сибирского дневника...

⁵² Черчилль 1932.

вая «варварство» русских, заявлял, что Архангельск – «очень восточный» город, расположенный «где-то к востоку от Суэца»⁵³. Англичане, не видели особых различий между русским и индийскими крестьянами. Сравнение жизни в России с жизнью в колониях характерно для Вудса, Айронсайда, Черчилля. Негативные характеристики русского этноса, такие как флегматичность, инертность, лень, глупость, вероломство, неблагодарность, излишний фатализм и фанатизм, отсылали к образу «скрытного», «стадного» и в то же время опасного азиата (см. Таблицу 4). Образ «диких» русских прослеживается и в воспоминаниях французских дипломатов: «Мы проезжали мимо Соловецких островов, известных своим монастырем, куда столько русских, во власти религиозного фанатизма, присущего только их нации, приезжали, чтобы укрепить свою веру вдали от мирской суеты» (Ж. Нуланс, лето 1918 г.)⁵⁴.

Этнические стереотипы также содержали устоявшуюся норму о «широкой русской душе», добродушии и «простодушии» русских. Представление о «простодушных русских» сыграло определенную роль в формировании мотивации пребывания в России, поскольку многие авторы мемуаров были уверены, что русский народ ожидает их помощи. Расхождения позитивных стереотипов с реальностью подчас оказывались трагическими. Айронсайд признавался, что мятеж в русском Дайеровском батальоне (лето 1919 г.), который он ранее очень хвалил, стал «большим потрясением, чем я допускал даже в глубине души»⁵⁵.

Разрушение положительных стереотипов вело к деконструкции мотивации пребывания в России, сведению ее к простому выполнению приказа, тем более что при «ближайшем» рассмотрении «русский народ», включая белых, показался практически всем интервентам малосимпатичным, а Россия – богатой, но девственно-суровой страной. Нападки мемуаристов на российские политические режимы связаны с несоответствием увиденного сложившимся политическим стереотипам. В мемуарах мы видим правдоподобные характеристики белого режима как типичной авторитарной диктатуры с преследованием политической оппозиции, без правовой защищенности личности. «В Сибири, – писал Грейвс, – никто кроме лиц, принадлежавших к сторонникам Колчака, не пользовался такими благами современной цивилизации, как свобода слова, печати, собраний и легальных действий, т.е. теми свободами, которые являются общепризнанным достоянием каждого цивилизованного народа»⁵⁶. Уже

⁵³ Зброшенныя в небытыя... С. 398.

⁵⁴ Там же. С. 93.

⁵⁵ Там же. С. 350, 422.

⁵⁶ Грэвс В. 1932. С. 76.

тогда американцы видели в себе рыцарей демократии. Американский посол Д. Френсис рассуждал о «великой демократической миссии» США в мире: «Ленин и Троцкий называют американское правительство империалистическим и капиталистическим..., находя при этом тысячи слушателей, которые верят им, поскольку европейцу трудно понять, почему люди, живущие за тысячи миль от них, вмешиваются в дела, не влияющие на их материальное благополучие. Было очень трудно разьяснять им, что Америка борется за принципы, за гуманность, за цивилизованность, за само общество (курсив мой. – М.Р.)»⁵⁷). Французам видеть союзников в белых диктатурах мешало еще и революционное прошлое их страны. Не желавшие плыть в Россию матросы заявляли: «Пусть воюют те, кто развязал войну. Нам в России нечего защищать, кроме той свободы, за которую борются русские революционеры...» (Бизерта, Тунис, 1919 г.)⁵⁸.

Заключение

Комплексный анализ мемуаров и некоторых документов, связанных с интервенцией, показал, что иностранцы описывали социальную, политическую, военную и этническую реальность в России преимущественно негативно. Насколько можно судить по привлеченным источникам, наиболее отрицательно оценивалась социально-политическая реальность, а дипломаты и французы оказались более склонными к критическому взгляду на Россию, нежели военные, британцы и американцы.

Логика формирования этих негативных представлений многообразна. Неспособность русских вести успешные боевые действия связывалась с их социокультурной отсталостью, расколом, как всего общества, так и отдельных социальных слоев. С идеей социальной отсталости, этнокультурной «дикости» народов, населявших Россию (прежде всего, конечно, русских) связано и представление о низкой политической культуре, не позволяющей обществу найти точки соприкосновения, что провоцировало Гражданскую войну и создавало основу для поражений белых армий.

Одновременно, возмущение, с которым иностранцы писали о России, указывает на то, что до прибытия сюда (либо же до Гражданской войны) они думали о ней лучше. Русская реальность 1917–1922 гг. никак не согласовывалась с тем, что хотели видеть в ней иностранцы в области политической, военной и этнокультурной. В результате у них так и не сформировалось полноценного образа «своего» в лице белых. Разрушение прежних положительных стереотипов, вероятно, привело к тиражированию на Западе новых негативных представлений о России.

⁵⁷ Заброшенные в небытие... С. 68.

⁵⁸ Ле Рамей Ж., Воттеро П. 1976. С. 134.

С другой стороны, авторы признавали значимость российской культуры, искали точки схождения с культурой Великобритании, Ирландии, США. Количественные данные показывают, что порядка трети оценочных характеристик являются положительными. Думается, многие из интервентов понимали, что видят Россию не в лучшие времена.

Реакции, порожденные этими впечатлениями, были многообразны. Одни, как Ф. Вудс, в некоторой степени идентифицировали себя с российской борьбой, другие, как Д. Кьюдахи, У. Грейвс, посчитали вмешательство в русские дела ненужным, третьи, как У. Черчилль, Х. Уильямсон и американский посол Д. Фрэнсис, полагали, что в России шла борьба за общечеловеческие ценности, наконец, четвертые, как М. Жанен, унесли из России лишь чувство отвращения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Архив русской революции. В 22 т. М.: Terra, Политиздат, 1991. Т. 1. 312 с.
- Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 346 с. (Эпоха войн и революций; вып. 3).
- Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М.: Госвоениздат, 1932. 248 с.
- Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Скепис: научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.ru/library/id_1981.html
- Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. 505 с.
- Ле Рамей Ж., Воттеро П. Восставшие на Черном море. М.: Прогресс, 1976. 268 с.
- Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона / под ред. Вл. Виленского-Сибирякова. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. 96 с.
- Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
- Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 172 с.
- Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л.: Госвоениздат, 1932 // Военная литература. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html>

Литература

- Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М.: Мосгорархив, 1996. 398 с.
- Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1999. 399 с.
- Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
- Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6–17.
- Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М.: РОССПЭН, 1999. 302 с.

- Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: Из-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. 416 с.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
- Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. 624 с.
- Филошкин А.И. Методологические инновации в современной российской науке // АСТЮ NOVA 2000 / отв. ред. А.И. Филошкин. М.: Глобус, 2000. С. 7-52.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2009. - 368 с.
- Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
- Diary of Eric Elkington, n.d. (c. January 1919), p. 2, E.H.W. Elkington Family Collection (private collection), Ladysmith, BC. // Canada's Siberian Expedition. [University of Victoria, 2012]. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/asian_communities.php

REFERENCES

Istochniki

- Arkhiv russkoi revolyutsii. V 22 t. М.: Terra, Politizdat, 1991. Т. 1. 312 с.
- Baron N. Korol' Karelii. Polkovnik F. Dzh. Vuds i britanskaya interventsia na severe Rossii v 1918–1919 gg.: istoriya i memuary. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 346 s. (Epokha voin i revolyutsii; vyp. 3).
- Grevs V. Amerikanskaya avantюра v Sibiri (1918–1920). М.: Gosvoenizdat, 1932. 248 s.
- Zhanen M. Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika // Skepsis: nauchno-prosveti-tel'skii zhurnal. URL: http://scepisis.ru/library/id_1981.html
- Zabroshennye v nebytie. Interventsiya na Russkom Severe (1918–1919) glazami ee uchastnikov / sost. V.I. Goldin. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 1997. 505 s.
- Le Ramei Zh., Vottero P. Vosstavshie na Chernom more. М.: Progress, 1976. 268 s.
- Soyuznicheskaya interventsia na Dal'nem Vostoke i v Sibiri. Doklad Pishona / pod red. VI. Vilenskogo-Sibir'yakova. М.; L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925. 96 s.
- Uil'yamson Kh. Proshchanie s Donom. Grazhdanskaya voina v dnevnikakh britanskogo ofitsera. 1919–1920. М.: Tsentrpoligraf, 2007. 304 s.
- Uord D. Soyuznaya interventsia v Sibiri. 1918–1919. М.; Pg.: Gos. izd-vo, 1923. 172 s.
- Cherchil' V. Mirovoi krizis. М.; L.: Gosvoenizdat, 1932 // Voennaya literatura. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html>

Literatura

- Bukhovets O.G. Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka. М.: Mosgorarkhiv, 1996. 398 s.
- Danilevskii I.N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): Kurs lektsii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. М.: Aspekt Press, 1999. 399 s.

- Danilevskii I.N. Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsii. M.: Aspekt Press, 2001. 389 s.
- Kazakova O.Yu. Granitsy mezhdistsiplinnosti: terminy, definitsii, ponyatiya // Rossiiskaya istoriya. 2010. № 5. S. 6–17.
- Karavashkin A.V., Yurganov A.L. Region Doksa. Istochnikovedenie kul'tury. M.: RGGU, 2005. 210 s.
- Marasynova E.N. Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. M.: ROSSPEN, 1999. 302 s.
- Morozova O.M. Antropologiya grazhdanskoi voyny. Rostov-na-Donu: Iz-vo YuNTs RAN, 2012. 560 s.
- Narskii I.V. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M.: ROSSPEN, 2001. 632 s.
- Posadskii A.V. Ot Tsaritsyna do Syzrani: ocherki Grazhdanskoi voyny na Volge. M.: AIRO-KhKhI, 2010. 416 s.
- Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh KhKh veka: Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Sukhova O.A. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo KhKh veka) po materialam Srednego Povolzh'ya. M.: ROSSPEN, 2008. 679 s.
- Filyushkin A.I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: Prosopograficheskoe issledovanie i germenevicheskii kommentarii k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu. SPb: Izd-vo SPbGU, 2007. 624 s.
- Filyushkin A.I. Metodologicheskie innovatsii v sovremennoi rossiiskoi nauke // ACTIO NOVA 2000 / otv. red. A.I. Filyushkin. M.: Globus, 2000. S. 7–52.
- Yurganov A.L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury. M.; SPb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2009. - 368 s.
- Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma. M.: RGGU, 2011. 765 s.
- Diary of Eric Elkington, n.d. (c. January 1919), p. 2, E.H.W. Elkington Family Collection (private collection), Ladysmith, BC. // Canada's Siberian Expedition. [University of Victoria, 2012]. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/asian_communities.php

Разиньков Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета; razinkov_mihail@mail.ru

“They could keep for years, if...”: an analysis of the experience of complex interventionists about Russia

The author has used the methods of quantitative, imagology and hermeneutical study to analyse the representations of the intervention during the Civil War in Russia (1917–1922). The author reveals about 180 assessment characteristics, of the foreigners political, social, military and ethnic reality in Russia, which became the main subject of study. The author concludes that the views of Russia and Russians expressed by the foreigners were mostly negative, analyses the logic of such representations, and reveals the variety of stereotypes that forced operated interventionists to describe what they saw in a particular way.

Keywords: Civil War in Russia; intervention; estimated characteristics; quantitative analysis; hermeneutics; imagology; stereotypes.

Mikhail Razinkov, PhD (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forestry University; razinkov_mihail@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. А. ВАСИЛЬЕВА

«ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В XVIII ВЕКЕ

Статья посвящена изучению влияния конфессионального фактора на трансформацию системы уголовных наказаний в Великобритании в XVIII в. Автор считает, что «революция в уголовном правосудии» и «эра карательной сдержанности» (М. Фуко) были обусловлены не только влиянием европейского Просвещения, но также философскими, теологическими и политическими взглядами «Религиозного общества друзей». Именно в публицистических работах английских квакеров впервые появился призыв к отмене смертной казни и переходу к исправительному тюремному заключению. Квакеры экстраполировали идеалистические представления о природе человеческого духа на систему исполнения наказаний, в результате чего был заложен гуманистический фундамент пенитенциарных реформ в XIX в.

Ключевые слова: «Общество друзей», Великобритания, реформа уголовного правосудия, квакеры, отмена смертной казни.

Бесспорным достижением XVIII столетия – века гуманизма и Просвещения – стало изменение отношения общества и государства к исполнению уголовного правосудия. Одним из поворотных моментов на этом пути стала знаменитая работа итальянского философа Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», опубликованная в 1764 г. Философ выступал с жесткой критикой уголовных кодексов Европы, протестовал против применения мучительных пыток и выдвигал убедительную аргументацию в пользу отмены смертной казни. В своих трудах он утверждал, что следует заниматься превенцией и профилактикой преступления, а не совершенствовать систему суровых наказаний – наследия средних веков. Беккариа последовательно проводил мысль о том, что осознание преступником неотвратимости и незамедлительности даже незначительного наказания гораздо эффективней, чем страх перед более суровым наказанием, которого возможно избежать. Жестокость наказания при отсутствии стройной системы исполнения такового сродни азартной игре, считал Беккариа, в которой всегда есть шанс его избежать!¹ Так, например, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35000 чел., но фактически в испол-

---

¹ Maestro 1973. P. 26.

нение была приведена лишь пятая часть приговоров². Британский историк Дж. Тревелиян убежден, что «для уголовных преступников было легко с помощью мудрых законодателей ускользнуть на основе чисто формальных юридических ухищрений из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры. Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали. Но, пожалуй, всех шестерых можно было удержать от преступления, если бы все они были твердо убеждены, что им неизбежно придется отбывать за него определенный срок заключения»³.

В контексте критики «нелогичного хаоса законов», Ч. Беккариа поднимает еще один важный вопрос – о праве государства на возмездие и лишение жизни гражданина: «Мне кажется абсурдом, когда законы, представляющие собой выражение воли всего общества, законы, которые порицают убийство и карают за него, сами совершают то же самое»⁴. Смертная казнь, рассуждал ученый, неоправданна ни с юридической точки зрения (так как приговор может стать результатом судебной ошибки, которая уже непоправима), ни с моральной, так как способствует распространению безнравственности и жестокости в народе. В юридической литературе Беккариа считают основоположником классической школы уголовного права и современной пенитенциаристики, а его аргументацию в пользу отмены смертной казни – «практически первым в истории теоретически убедительным выступлением такого рода»⁵. Но есть основание полагать, что первые доводы против самого распространенного в XVI–XVIII вв. вида наказания были сформулированы на столетие раньше великого реформатора. И если итальянский ученый подошел к этому вопросу с позиций гуманизма, просвещения и торжества гражданских прав, то идеологи «Религиозного общества друзей», о которых речь пойдет в данной статье, – с позиций христианских идеалов и триумфа силы Духа, совершающего в человеке гигантские моральные преобразования.

«Религиозное общество друзей», христианское движение, более известное как квакеры, возникло в Англии между 1648 и 1652 гг. Основным стержнем веры и религиозных практик квакеров стало убеждение в том, что истину следует искать не в Священном писании, а прежде всего в душе, через которую Бог общается с человеком напрямую. Убежденность в том, что «внутренние качества христианина имеют большее значение,

---

² Gatrell 1994. p. 9.

³ Тревелиян 2002. С. 376.

⁴ Беккариа 2000. С. 128.

⁵ История политических и правовых учений 2000. С. 299.

чем христианская догма»⁶, предопределила общественные взгляды «друзей»: отрицание рабства, войны и смертной казни, веру в равенство людей, требования реформы законов и всеобщего образования. Квакеры вели активную проповедническую и публицистическую деятельность: в период до 1715 г. они написали около 2750 трактатов и книг и собрали более 1000 писем, только за 1652–1665 гг. выпустили 25 тыс. печатных страниц и 3 тыс. рукописей⁷. Благодаря этому наследию можно проследить эволюцию взглядов «друзей» от протеста в отношении смертной казни за преступления против собственности до формирования первых программ пенитенциарной реабилитации преступника.

Основоположник квакеризма Дж. Фокс, находясь в заключении в 1659 г., в петиции к Парламенту впервые выразил протест против смертной казни: «И пусть никто не будет предан смерти за кражу крупного рогатого скота, или денег, или любых других вещей, ибо по закону Божию необходимо были восстановить их стоимость в четыре раза, и если не сможет, то пусть продадут его для уплаты за украденное им»⁸; апостол же говорит в Евангелие: кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»⁹. Фокс обращается одновременно к Книге Исхода (Ветхий Завет) и Евангелию. Подобное сопровождение судебных постановлений библейскими изречениями было широко распространено в средневековье и сохранялось в европейских судебных практиках вплоть до начала XIX века.

Историки права и теологи детально описали религиозный дискурс трансформаций в системе английского уголовного правосудия в XVII–XVIII вв. Р. Макгоуэн писал, что виселица и пытки интерпретировались в качестве адовых мук и визуализации небесной кары, когда «божественная справедливость служила нормативной моделью для справедливости человеческой»¹⁰. Проанализировав более 200 судебных протоколов уголовных процессов, опубликованных в 1600–1700 гг., он выделил наиболее частые обращения к священным текстам для оправдания назначенного наказания. Самое распространенное цитирование Исхода «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти», «а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за

---

⁶ Тревельян 2002. С. 290.

⁷ Асланов 2001. С. 372.

⁸ Ветхий Завет. Книга Исход 22:1 «Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу».

⁹ Новый Завет. Послание к Ефесеям 4:28 // *The Works of George Fox...* P. 264.

¹⁰ McGowen 1988. P. 68.

обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб»¹¹, и это самое популярное обоснование права государства и общества на возмездие, оправдание жестокости земного наказания: «ибо возмездие за грех – смерть»¹². Обращение к Писанию также часто практиковалось для подтверждения особого статуса судьи, выносящего смертный приговор, как обозначение его права на назначение кары: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое»¹³. Таким образом, смертная казнь трактовалась как восстановление нарушенного общественного порядка, своеобразный ритуал отмщения и возмещения за причиненное зло, а зрелищность этой процедуры предположительно выполняла дидактические функции – суровое наказание внушало народным массам чувство страха, которое обеспечивало повиновение и послушание.

Свои первые аргументы в пользу отмены смертной казни квакеры черпали в тех же священных текстах, только трактуя их в духе ранних христиан-мучеников, которые никогда не присутствовали при казнях преступников, потому что считали для себя осквернением смотреть на это зрелище, а должности, которые связаны были с обязанностью судить преступников и произносить смертные приговоры, считали несовместными с учением, которое они исповедовали. Известный русский криминалист А.Ф. Кистяковский в своей магистерской работе «Исследование о смертной казни» приходит к мысли о том, что «первое важное событие, имеющее значение в истории смертной казни, есть появление христианства... Учение Иисуса Христа проникнуто духом любви и снисхождения к человеку; Бог христианский есть Бог любви и милости, желающий не мести и кары, а исправления падшего человека, в противоположность ветхозаветному Богу, который есть Бог гнева и мести»¹⁴. А поскольку Дж. Фокс и его последователи были проникнуты стремлением восстановить первобытную чистоту учения Христа Спасителя и обрести опору во «внутреннем свете живого Христа», свой протест они подкрепляли обращением к Новому Завету.

Если у Фокса встречаются аргументы против смертной казни как наказания за преступления против собственности, то его последователь Дж. Беллерс восходит к обобщению учения о неприкосновенности жизни человеческой, которое ляжет в основу дальнейших реформаторских

---

¹¹ Ветхий Завет. Книга Исход. 21:12; 23-25.

¹² Новый Завет. Послание к Римлянам Святого апостола Павла. 6:23

¹³ Послание к Римлянам 13:4

¹⁴ Кистяковский 2000.

проектов квакеров Европы и Америки в XVII–XVIII вв. В 1699 г. Беллерс пишет эссе «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни», где клеймит «высшую меру» как «пятно на религии» и сравнивает положение преступника в обществе с положением «блудного сына» в семье. «Как если бы родной человек оступился, впадши в преступление, семья сделала бы все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, и направить ее таким образом, чтобы он смог измениться к лучшему, так и тюремное заключение может стать той возможностью изменения к лучшему и предупреждения совершения дальнейших преступлений. Любой преступник по отношению к обществу – тот же “блудный сын” для семьи»¹⁵. Так у Беллерса, практически на столетие раньше идеологов европейского Просвещения и на две сотни лет раньше тюремных реформаторов XIX века, звучит идея исправительного наказания и пенитенциарной ресоциализации. Апеллируя к Евангелию, он взывал служителей закона к христианскому милосердию: «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»¹⁶, осуждая жестокость нравов, допускающих публичные казни, напоминал: «Прости нам долги наши»¹⁷. Развивая тему трансформации общества на основе морального закона, Беллерс требует «изменения отвратительных условий в тюрьмах и освобождения тюрем от эксплуатации тюремщиков-спекулянтов»¹⁸. Иронизируя по поводу состояния английских тюрем, современных Беллерсу, Тревельян называет их «национальным позором», «обителями горя и страданий», где «тюремщики мучили должников до смерти, пытаясь извлечь деньги у людей, которые потому и попали сюда, что у них не было денег»¹⁹. Такое обращение к христианским идеалам, отраженным, в частности, в Нагорной проповеди Христа, характерно для моральных стандартов ранних квакеров, и перекликается с менее известной работой – «Размышления о внутреннем свете».

Однако, рассматривая доводы в пользу отмены смертной казни, Беллерс идет намного дальше идеалистических воззрений и моральных требований. Выдвигаемые им предположения в некотором смысле предвосхитили криминологическую теорию о влиянии социальной среды на противоправное поведение. В «Очерках о бедных, промышленниках, торговцах и морали» он размышляет о частичной ответственности общества за преступления: «окружение закладывает негативные при-

---

¹⁵ Bernstein 1930. P. 275.

¹⁶ Св. Евангелие от Луки 6:36.

¹⁷ Св. Евангелие от Матфея 6:12.

¹⁸ Bernstein 1930. P. 275.

¹⁹ Тревельян 2002. С. 374.

вычки – такие как леность и невежество, которые неискоренимы и влекут злодеяние», и предполагает, что при соответствующем гуманном обращении «даже самый злостный негодяй может исправиться»²⁰. Более того, в вышеупомянутом эссе «Доводы в пользу отмены смертной казни» есть зерно марксистской теории об использовании государством принудительного труда заключенных и «выжимании золотого пота»: «общество несет экономические убытки, убивая преступников, вместо использования их труда в пенитенциарных учреждениях». За год до своей смерти в 1724 г. Джон Беллерс публикует «Послание к ежегодным, ежеквартальным и ежемесячным встречам», где он наставляет последующие поколения квакеров и настоятельно рекомендует «активно заботиться о заключенных в тюрьмах и больницах, частично в целях пропаганды своих взглядов, но больше в целях улучшения их материального положения, насколько это возможно»²¹. Несколько десятилетий спустя этот совет будет воспринят и исполнен в буквальном смысле, с возникновением квакерского «Общества улучшения условий тюремного содержания и исправления малолетних преступников» в 1818 г.

Синтезом религиозных выкладок ранних квакеров и философско-правовых взглядов Ч. Беккариа стала позиция «отца» и вдохновителя реформ английской системы уголовного правосудия Самуэля Ромилли. Близкий к лондонским квакерам политик первым выступил с законодательной инициативой ограничения смертной казни и изменения условий содержания преступников. В духе идей «Религиозного общества друзей» С. Ромилли заявлял: «...всякий раз, когда законодательный орган, назначает за любое преступление наказание более суровое, чем это необходимо (*например, смертную казнь за преступления против собственности*), чтобы предотвратить совершение повторного преступления, он является автором ненужного зла»²², тогда как уголовное законодательство должно быть не только эффективной мерой в борьбе с преступностью, но и средством укрепления морали в обществе. В дебатах, развернувшихся вокруг вопроса об отмене смертной казни, Ромилли и его прогрессивные единомышленники утверждали, что угроза эшафота вряд ли уменьшит число преступлений. Вдохновленный работами Ч. Беккариа, реформатор выступая перед парламентом, настаивал: «Хотя конечная цель наказания в том, чтобы удержать от повторных преступлений, эта цель не должна стоять таким образом, что любое

---

²⁰ Fitzroy 1936. P. 245.

²¹ Bellers 1935. P. 68.

²² Sir Samuel Romilly Observations... 1786. P. 27.

средство будет являться законным и действенным». Таким образом Ромилли способствовал переходу дискуссии, начатой квакерами в проповедях и на страницах эссе и памфлетов, в плоскость парламентских постановлений. Итогом этого нового этапа борьбы за реформу уголовного правосудия стал переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности – к уголовно-исполнительной системе, главной целью которой стала задача исправления и реабилитации правонарушителя.

Историки, правоведы, криминологи детально изучали глубинные причины коренных изменений в системе уголовного правосудия Англии в начале XIX в. Пожалуй, одна из самых шумевших теорий французского философа М. Фуко, изложенная в его работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», представляет этот процесс как результат изменения социальной природы наказания. Если целью и смыслом наказания в средние века был карательный захват «тела» и публичное причинение страдания, то новая уголовно-исполнительная система, по Фуко, становится «нетелесной». Она задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к юридическому лицу, обладающему правом на жизнь²³. Исследователи марксистского направления, обратив внимание на систему становления исправительно-трудовых учреждений в указанный период, увидели в этом закономерный итог развития капитализма в странах Европы и Америки и один из способов формирования источника трудовых ресурсов²⁴. Не менее популярна и актуальна теория «социального контроля», предложившая более глубокий анализ тюремной системы как основы сохранения стабильности общественного порядка. Ревизионисты утверждали, что реформаторы тех времен руководствовались не столько гуманизмом, сколько желанием установить жесткую дисциплину и социальный контроль над «опасными нестабильными членами общества»²⁵.

Принимая во внимание существующие теории, мы не беремся утверждать, что именно социальная активность и религиозные взгляды квакеров стали радикальным или решающим фактором в либерализации уголовных наказаний. Однако нельзя не отметить их значительный вклад в обосновании моральных принципов грядущей реформы правосудия. По мнению Р. Макгоуэна, большинство реформаторов XIX века находились под властью филантропии и неведомой раньше чувствительности, ведущими, в итоге, к нравственному прогрессу, который

---

²³ Фуко 1999.

²⁴ McKelvey 1977; Melossi, Pavarini 1981.

²⁵ Platt 1994. P. 72-79.

ликвидировал необходимость запугивания народных масс висельницами и эшафотами²⁶. Еще один историк права В. Гэтрелл в исследовании «Висельница: смертная казнь и английский народ. 1770–1868 гг.» отмечал «возрастающий гуманизм» правящих классов в начале века, расценивая его как «знак сострадания и желания облегчить участь несчастного»²⁷. Тревельян называет это время «веком Филантропии», когда «пылко религиозные люди» старались применять милосердие Нового Завета вместо грубых наставлений Ветхого. По его мнению, «большая чуткость к нуждам и страданиям других людей, особенно бедноты... смягчала суровое благоразумие государственных людей»²⁸. Таким образом, заслуга «Религиозного общества друзей» и вдохновленных ими политиков состояла в том, что они в течение столетия настоятельно зывали к христианскому милосердию в области уголовных наказаний, предвосхитив главную тенденцию развития пенитенциарной реформы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bellers, John. *Essays about the Poor, Manufacturers Trade, Plantations, and Morality*; reprinted in A.R. Fry. London, 1935. 80 p.
- Bernstein Ed. *Cromwell and Communism, Socialism and Democracy in the Great English Revolution*. L.: George Allen&Unwin, 1930.
- Fitzroy H.W.K. *The Punishment of Crime in Provincial Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 60. Issue 3. July, 1936. P. 242-269.
- Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford, 1994. 656 p.
- Maestro M. *Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms*. Philadelphia: Temple University Press, 1973. 179 p.
- McGowen R. *A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // Journal of British Studies*. Vol. 25. № 3. July, 1986.
- McGowen R. *The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History*. 1988. № 9. P. 63-98.
- Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly*. Vol. 1. London: J. Murray, 1840. 456 p.
- The Works of George Fox: Gospel truth demonstrated, in a collection of doctrinal books, given forth by that faithful minister of Jesus Christ, George Fox: containing principles essential to Christianity and salvation, held among the people called Quakers*. Philadelphia; N.Y., 1831. V. IV. 264 p.
- Асланов Л.А. *Культура и власть. Философские заметки*. Кн. 1. М.: ИТРК, 2001. 496 с.
- Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М.: Международ. отношения, 2000. 240 с.
- Васильева С.А. *К вопросу о влиянии общественных и религиозных организаций США и Великобритании на процесс реформирования национальных пенитенциарных систем в XVIII– XIX вв. // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты/ под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосева. Рязань, 2012. С. 20-24.*

---

²⁶ McGowen 1986. P. 316.

²⁷ Gatrell 1994. P. 226.

²⁸ Тревельян 2002. С. 375.

- История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: «Зерцало». 2000. 688 с. <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovykh-ucheniy-1/67.htm>
- Кистьяковский А.Ф. Исследование о смертной казни (Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев). Тула: «Автограф», 2000 (<http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=43>)
- Тревельян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
- Чугунова Т.Г. Трактовка ключевых библейских терминов в английском переводе Библии У. Тиндела // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 82-99.

REFERENCES

- Aslanov L.A. Kul'tura i vlast'. Filosofskie zametki. Kn. 1. M.: ITRK, 2001. 496 s.
- Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2000. 240 s.
- Vasil'eva S.A. K voprosu o vliyaniy obshchestvennykh i religioznykh organizatsii SShA i Velikobritanii na protsess reformirovaniya natsional'nykh penitentsi-arnykh sistem v XVIII– XIX vekakh // Evropa, Rossiya, Aziya: sotrudnichestvo, pro-tivorechiya, konflikt: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. I.M. Erlikhson, Yu.I. Loseva. – Ryazan', 2012. S. 20-24.
- Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii / pod red. O.E. Leista. M.: «Zertsalo». 2000. 688 s. Dostupen: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovykh-ucheniy-1/67.htm>
- Kistyakovskii A.F. Issledovanie o smertnoi kazni / Vosproizvoditsya po izdaniyu 1867 g., Kiev. Tuла: «Avtograf», 2000. <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=43>Gl. 6
- Trevel'yan Dzh. M. Sotsial'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii. Smolensk: Rusich, 2002. 624 s.
- Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M.: «Ad Marginem», 1999. 479 s.
- Chugunova T. G. Traktovka klyuchevykh bibleiskikh terminov v angliiskom perevode Biblii U. Tindela // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 38. S. 82-99.

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань); vasi-svetlana@yandex.ru

The “Society of Friends” and the transformation of execution of criminal sanctions in the 18th century

The article presents a study of the influence of the confessional factor in the transformation of the system of criminal punishment in Britain in the XVIII century. The author is convinced that the "revolution in criminal justice" and "punitive era of restraint" (according to M. Foucault) were predetermined not only by the influence of the European Enlightenment, but also by philosophical, theological and political views expressed by the "Religious Society of Friends". The English Quakers were the first to call to abolish the capital punishment and the transition to a correctional prison. Quakers extrapolated idealistic views on the nature of the human spirit to the prison system, with the result that the foundation was laid for humanistic prison reform in the 19th – century.

Keywords: “Society of Friends”, the United Kingdom, the reform of criminal justice, the Quakers, the abolition of the death penalty.

Svetlana Vasileva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Philosophy and History of the Academy of Penal Service of Russia; vasi-svetlana@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ДИСПЕРСНЫХ ЭТНОСОВ ЮГА РОССИИ

В статье рассматривается отношение к Первой мировой войне немецкого и армянского населения Юга России – наиболее крупных дисперсных этносов в регионе в начале XX в. Их «материнские нации» оказались по разные стороны фронтов, поэтому отношение к начавшейся войне стало индикатором верности России. Автор показывает в целом лояльное отношение немецкого населения ко второй родине и полную поддержку российской политики со стороны армянской общины.

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Юг России, национальные меньшинства, дисперсные этносы, община, добровольцы, геноцид.*

Настоящая статья поднимает лишь одну проблему военного периода – восприятие войны дисперсными этносами южнороссийского региона России, чьи «материнские нации», от которых они в свое время по разным причинам «откололись», оказались в войне по разные стороны фронтов. В качестве примера рассмотрим отношение к этой войне представителей наиболее крупных дисперсных этносов – немцев и армян.

Хорошо известно, какую роль в войне сыграли Германия и Австро-Венгрия, т.е. государства, являющиеся родиной российских немцев. Как предполагало царское правительство и военные круги, немцы, в большинстве проживавшие в моноэтнических колониях и выработавшие сильный механизм защиты от ассимиляции, должны были стать «пятой колонной» Германии в начавшейся войне. Тем более такой повод давало германское командование, питавшее надежду на поддержку со стороны российских немцев¹.

Следует отметить, что предки российских немцев стали обосновываться в России, когда на их исторической родине, представлявшей собой многочисленный конгломерат государственных образований (до 1867 г.), еще не завершился процесс оформления единой нации, и не сформировалось национальное самосознание. Вот почему долгое время российские немцы называли себя швабами, австрийцами, баварцами и др. К тому же, в России немцами называли также выходцев из сопредельных с Германией стран Запада (голландцев, фламандцев, швейцарцев и др.), многие из которых со временем действительно вливались в немецкое население

---

¹ Звонарев 2003; Кадол 2012; Оболенская 2001.

Российской империи. Однако, например, имевшие голландские корни меннониты, держались особняком от остальных российских немцев.

Уже сам факт того, что российские немцы были представлены различными субэтническими и конфессиональными группами со слабой степенью национальной консолидации в масштабах всего российского государства, не способствовал поддержке ими внешнеполитического курса Германии, шедшего вразрез с интересами самих российских немцев. Своим «поведением» российские немцы не давали серьезного повода усомниться в их *лояльности* России. Конечно, в завуалированной форме у них могли иметь место «национальные предпочтения» и симпатии, но их усилению больше способствовали превентивные действия российских военных и гражданских властей.

С началом войны у правительства возникли опасения, что Германия попытается использовать немецкую диаспору в своих экспансионистских целях. В этой связи 2 февраля 1915 года был принят закон о ликвидации иностранного землевладения и землепользования германских выходцев в приграничных местностях. Хотя он предусматривал экспроприацию земельной собственности и промышленных предприятий немцев в пределах стокилометровой приграничной зоны России, репрессивные меры проводились и на территории ряда районов Юга России. При этом экспроприацию собственности распространили как на немцев, не принявших российского подданства («неприятельских подданных»), так и на принявших его в разное время («неприятельских выходцев»). Впрочем, процесс отчуждения собственности у немцев Северного Кавказа проводился частично и больше сводился к установлению контроля над колонистами, ограничение их перемещения и т.д. Так, в одном секретном документе из Канцелярии Наместника на Кавказе от 18 октября 1915 года сообщается: «Помощник по гражданской части Наместника Его Императорского Величества на Кавказе преподавал Начальникам губерний руководящие указания по осуществлению наиболее близкого и действительного надзора со стороны органов местной власти за немецкими колонистами,.. призвав обеспечить общественное управление колониями лицами вполне благонадежными, преданными русской власти, которым совершенно чужды немецкие националистические тенденции, собрав предварительно, при участии чинов Отдельного Корпуса Жандармов, сведения, характеризующие облик каждого из должностных лиц колоний и удалив тех из них, кои окажутся не отвечающими своему назначению»². В документе от 13 ноября 1915 г. рекомендуется «во все немецкие колонии ныне же

---

² Немецкое население Северного Кавказа... С. 99-100.

назначить правительственных старшин и писарей, с назначением всем им содержания за счет населения подлежащих выселению колоний, и с откомандированием в помощь старшинам полицейских стражников»³.

Патриотическим целям служила также кампания замены немецких названий населенных пунктов на русские и иные ненемецкие.

Немецкое население, проявлявшее лояльность к своей новой родине, с обидой восприняло жесткие меры в их отношении. Так, в письме колонистов Донской области в Государственную Думу говорилось, что российским немцам «никогда не приходило в голову изменять своей присяге Русским императорам... и что при сельскохозяйственном нашем хозяйстве нам некогда думать о какой бы то ни было внешней политике, и что мы являемся покорными слугами Русского Отечества»⁴. Однако и желание показать свою верноподданность могло быть истолковано негативно. Немцы-лютеране – жители колонии Навагинки Сочинского округа – 18 октября 1914 г. после молебна по поводу уборки урожая собрали пожертвования для направления в Московскую евангелическую лютеранскую консисторию, которая содержала лазарет для раненых воинов. 16 декабря 1914 г. газета «Русское слово» поместила непроверенную информацию, в которой сообщалось, что немцы Навагинки собрали 5000 руб. в пользу Германии. 23 декабря колонисты провели сельский сход, принявший ходатайство «о привлечении виновных в получении ложных сообщений в газете “Русское слово” к законной ответственности»⁵.

Уездные исправники регулярно доносили вышестоящим властям о положении в колониях, настроениях немцев. Медвеженский уездный исправник Ставропольской губернии 2 ноября 1915 года сообщает губернскому правлению: «С начатием войны немцы... стали вести себя тише, с русскими жителями стали обращаться более вежливо, чем раньше, но не стараются особенно дружить, относятся к русским с недоверием... Заметно было, что, когда по газетным сведениям германские войска имели успех, настроение у местных немцев веселее, а когда наши войска побеждают германских, они становятся печальнее»⁶.

Александровский уездный исправник 6 ноября 1915 года сообщал, что в колониях: Великокняжеская Долина, Николаевская Степь, Ареваль, Лаварово, Цветополь, Ташенак, Марьины Колодцы, Сарона, в поселке Темпельгофе и в хуторах Екатеринославском, Генриха Гирса и Ивана

---

³ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 9.

⁴ Немецкое население Северного Кавказа... С. 96-97.

⁵ Немецкое население Северного Кавказа... С. 98.

⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13,13 об., 14.

Энбрехта «в отношении переживаемых событий колонисты проявляют большую сдержанность, открытых симпатий германцам не выражают, все повинности по поставкам в войска лучших лошадей выполнили добросовестно...»⁷. Наоборот, в докладе управляющего делами Ставропольского губернатора полковника князя Оболенского от 14 марта 1916 г. делаются совершенно иные выводы и предлагаются соответствующие меры. Он сообщал в столицу: «По вопросу о политическом настроении этих колонистов приходится констатировать, что и здесь, в Ставропольской губернии, они, во всяком случае, представляются элементом подозрительным и, несомненно, враждебно настроенным к Государству и ко всему русскому; будучи вообще сдержанными в проявлении питаемых ими чувств пангерманизма, они, однако, позволяют себе иногда демонстративное издевательство над нашими военными неудачами...»⁸. По мнению Оболенского, Ставропольская губерния благодаря близости к Черноморскому и Закавказскому фронту, ныне признана находящейся «на театре военных действий». В силу этого чиновник считал, что действие закона 2 февраля 1915 года о землевладении и землепользовании «подданных воюющих с Россией держав должно быть распространено и на Ставропольскую губернию... которая может быть трактуема, как территория, входящая настоящим положением дела временно в состав Кавказского края, где применение указанного закона обязательно»⁹.

С целью избежать репрессий, некоторые субэтнические группы пытались отмежеваться от своей принадлежности к немецкой нации. Так, меннониты настаивали на своем голландском происхождении. Однако именно их власти зачастую признавали самыми опасными из всех российских немцев, приводя в качестве аргументов их обособленность и отказ от несения традиционной военной службы¹⁰. В то же время, несмотря на освобождение от службы в действующей армии, меннониты использовались военным ведомством на лесозаготовках и в санитарных учреждениях. К исходу 1915 г. более 60 % призванных на службу меннонитов находились в санитарных отрядах и госпиталях¹¹.

Основная масса немецкого населения в годы войны еще в большей степени «замкнулась в себе». Наоборот, представители немецкой общности всячески демонстрировали лояльность стране пребывания.

Совершенно иная картина наблюдалась в среде *российских армян*.

---

⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 9, 9 об.

⁸ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 44-45.

⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 45.

¹⁰ Алишина 2013. С. 349-354.

¹¹ Нелипович 2009. С. 100.

До Первой мировой войны большая часть армянского народа проживала на исторической родине: в Западной Армении (османских вилайетах Ван, Муш, Эрзерум, Сасун, Зейтун) и значительно меньше в Восточной (Русской) Армении. Османская империя, выступив в мировой войне на стороне Германии и Австро-Венгрии первой начала военные действия против России на кавказском направлении. Кульминацией геноцида, осуществляемого с конца XIX в. турецким правительством в отношении западных армян, стало массовое уничтожение армянского народа в годы войны. Причем предлогом для окончательного «решения армянского вопроса» по-турецки стали подозрения в симпатиях армян к России и участие восточных армян в составе действующей российской армии, хотя истинная причина крылась в стремлении уничтожить «армянский клин», препятствовавший реализации пантюркистских планов.

В армянских общинах России глубоко сопереживали соотечественникам. Особую активность проявляли национальные революционные партии (Дашнакцутюн, Гнчак, Рамкавар), деятельность которых ранее царскими властями была запрещена. Нападение Турции на Россию вызвало небывалый патриотический подъем и надежды на освобождение Западной Армении. Российские власти, заинтересованные в привлечении армянского населения на свою сторону, изменили отношение к армянским партиям. Предвидя войну с Турцией, 17 сентября 1914 г. Николай II обратился с воззванием к армянам, в котором обещал окончательное освобождение от турецкого гнета. В связи с объявлением 22 октября войны с Турцией в армянских общинах создаются комитеты, приступившие к организации отрядов добровольцев и отправки их на Кавказский фронт. Видные представители общественности Нахичевани-на-Дону, Ростова, Армавира, Екатеринодара, Новороссийска, Пятигорска, Ставрополя, Святого Креста, Владикавказа, Грозного, Моздока, Кизляра, Дербента и других населенных пунктов, в своих обращениях отмечали, что создание добровольческих дружин являлось для российских армян возможностью выполнить свой долг перед родным народом и Российским отечеством. 26 октября 1914 года в армянских церквях Северного Кавказа был оглашен обращенный ко всем соотечественникам указ Католикоса всех армян о начале войны. В армавирской церкви Сурб Аствацацин выступивший перед паствой священник Геворг Сеферянц заявил: «Мы как граждане великой России и как сыны армянского народа не остановимся ни перед какой жертвой, те, кто в силах и в состоянии носить оружие, должны стать на ноги и, если понадобится, пожертвовать жизнью»¹².

---

¹² Погосян 1981. С. 127.

Среди армянских общин, внесших вклад для успеха российского оружия, выделялась нахичеванская колония, объединявшая город Нахичевань-на-Дону и окрестные села, которые многие десятилетия имели самоуправление, дарованное Екатериной II¹³. 19 ноября 1914 г. в нахичеванском соборе Св. Григория Просветителя состоялась церемония освящения боевого знамени армянских добровольцев Донской области, отправлявшихся на русско-турецкий фронт. Нахичеванская община организовала экипировку отрядов, их обучение, а затем и проводы в Тифлис, а оттуда на фронт. Женщины во главе с госпожой Е. Берберьян создали специальный комитет, который занимался обеспечением добровольцев бельем, теплой одеждой, пропитанием¹⁴. Только на территории Кубани с начала войны было сформировано четыре добровольческих армянских отряда¹⁵. В списках армянских предпринимателей Екатеринодара, ежегодно жертвовавших внушительные средства на нужды войны, находим следующие фамилии и названия фирм: «Т-во мануфактур бр. Тарасовых», Б.В. Черачев, «Т-во бр. Богарсуковых», Торговый дом «Иван Тарасов с сыном», Х.Р. Хачадуров, «Т-во бр. Арзомановых», «Т-во К.А. Демержиев», «Арзуманов Л.Г. и К⁰», А.А. Аведов, «Алавердов Х.Е. с сыном» и десятки других¹⁶. Небывалый патриотизм демонстрировали жители городов Кавминвод, Ставрополя и Святого Креста. «Город Св. Креста (Карабагла), этот заброшенный уголок... – читаем в губернской газете, – покрытый густым налетом городских сплетен, с маленькой группой интеллигентных сил, обыкновенно далекий от интересов общечеловеческих, и он встряхнулся, и он заявил о своей готовности послужить родине»¹⁷. 31 октября 1914 г. в газете «Северокавказский край» священник С. Тер-Ованнисянц выступил с воззванием, заканчивавшимся такими словами: «Настал суд Божий, и он зовет нас на ратный подвиг во имя спасения Армении под протекторатом великой России»¹⁸.

В период войны в города и села Юга России происходило переселение тысяч западных армян, чудом избежавших гибели от турецкого

---

¹³ «К чести нахичеванских крестьян и горожан, – писал видный театральный деятель А. Абелян в газете «Мшак», – считаю нужным констатировать публично, что... ни один из наших городов не может похвалиться перед Новой Нахичеванью таким множеством своих богоугодных учреждений, которыми так изобилует Новая Нахичевань и содержание которых пало на плечи новонахичеванцев, которые безропотно, добровольно каждый год платят налоги, подати». (Бархударян 1996. С. 331).

¹⁴ Бархударян 1996. С. 328.

¹⁵ Карапетян 2001.

¹⁶ Симонян 2003.

¹⁷ Северокавказский край. 1914. 2 авг.

¹⁸ Северокавказский край. 1914. 31 окт.

ятагана. Для оказания им помощи среди местных армян развернулось широкое движение. Значительную роль играли благотворительные организации. Наибольшую активность проявляли отделения Армянского Благотворительного общества на Кавказе, женские организации, церковные попечительские советы, партии и отдельные предприниматели. Они выдавали продовольствие и одежду нуждающимся, организовывали единовременные или периодические выплаты денежных пособий, занимались трудоустройством беженцев, устраивали богадельни и приюты для стариков, размещали детей в учебные заведения и сиротские дома.

В 1914 г. в Тифлисе прошел съезд, в котором приняли участие 39 делегатов от провинциальных отделений Армянского благотворительного общества и около 300 представителей педагогических, литературных и других организаций России. Это собрание постановило открыть лазареты и госпитали, что было весьма актуально в условиях войны¹⁹. Екатеринодарская комиссия по делам беженцев, возглавляемая Е. Пирумовой, взяла на попечение 350 человек, еще 900-м помогла выехать в Закавказье. В 1915 г. в Екатеринодаре благотворительное общество открыло для беженцев лазарет, главным врачом стал Н.А. Сырмакешев²⁰. В Нахичевани-на-Дону с целью придать организованный характер сбору пожертвований местный армянский комитет разбил город на 26 участков и для каждого назначил ответственное лицо. В январе 1915 г. нашедшие в Нахичевани пристанище около пятисот армянских беженцев, преимущественно из приграничных Карской и Батумской областей, начали получать помощь от местных благотворительных организаций, церковного попечительского совета и армянского комитета. Кроме того, для нужд беженцев, поселившихся в городах Закавказья, ими было на имя католико-косу переведено 20 тыс. руб. и значительная партия одежды. Армянская интеллигенция Таганрога в начале года организовала в городском театре благотворительный вечер, в пользу беженцев было собрано 1000 руб. 30 августа 1915 года собрание представителей армянской общественности в Нахичевани приняло решение открыть детский приют и взять на попечение общества 250 сирот. Для организации приюта и ведения его дел была назначена комиссия (Г. Бахчисарайцев, Е. Шахазиз и др.). Армянских беженцев не оставили без внимания и представители ряда официальных учреждений России. В январе 1915 года Московская городская дума приняла решение выделить в пользу беженцев 100 тыс. руб.²¹

---

¹⁹ Ованесов 2009. С. 58.

²⁰ Бархударян 1996. С. 329.

²¹ Бархударян 1996. С. 330.

В январе 1917 года на Северный Кавказ прибыл национальный герой генерал Андраник. Его пламенные выступления перед представителями общественности способствовали мобилизации сил и средств на помощь беженцам. Он обличал тех национальных политиков, которые во имя своих узко партийных и классовых интересов, забывают о главном – национальном выживании. «Политика всеобщего уничтожения – политика геноцида – уже осуществлена в самых широких масштабах и в самом жестоком виде. И в силу этого классовые различия среди турецких армян... стухивались – они все стали жертвами одной судьбы, одного правового положения, они все живут единым идеалом, единым горем, имея перед собой одного общественного врага... В разоренной нашей стране партии пусть проповедают не отвлеченные теоретические учения, а то, каким способом обеспечить физическое существование уцелевших остатков истребленного народа... Нам надо подумать о спасении уцелевших, чтобы завтра или послезавтра мы могли перестроить армянское общество на той же родине в соответствии с ее исторической миссией и чаяниями...»²². Эти слова он произносил в Тифлисе, Армавире, Пятигорске и в других городах. Местные армяне, вняв его призыву, собрали крупную сумму для помощи беженцам и раненым военнослужащим.

Кипучую работу развернуло пятигорское отделение Кавказского армянского благотворительного общества. В 1915 г. в парке Цветник состоялось открытие здания Всесословного общественного клуба, или Народного дома, построенного на средства армянских предпринимателей – Нацвалова, Карапетяна, Ходжаева и Тер-Теряна. В помещениях клуба проводились благотворительные вечера, во время которых выступали видные представители армянской и русской культуры. Спасшимся от геноцида армянам оказывали помощь и представители русской общественности. Так, благотворительные вечера и спектакли в 1915 г. в пользу беженцев-армян и раненых солдат устраивала супруга директора Пятигорского городского общественного банка Е.К. Кузнецова. 3 августа 1917 года в Народном доме состоялся благотворительный вечер-встреча с выдающимся армянским поэтом Ованесом Туманяном. На эту встречу специально приехали Валерий Брюсов, Сергей Городецкий и Бальмонт. Классик армянской литературы, обращаясь к переполненному залу, сказал: «Наше будущее, как я и говорил всегда, и вы это знаете, связано с Россией, а чем свободнее будет Россия, тем лучше для Армении и для всего мира!»²³.

---

²² Андраник Озанян. Документы и материалы. С. 223.

²³ Акопян 2005.

Таким образом, отношение к войне национальных меньшинств Северного Кавказа, в частности, армян и немцев, стало индикатором лояльности и, более того, верности их второй родине. При всей трагичности и неоправданности репрессивной политики в отношении немцев в период Первой мировой войны она совершенно несопоставима с геноцидом армянского народа, осуществленного 100 лет назад в Османской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акопян В.З. Краткий очерк по истории немцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 60 с.
- Акопян В.З. История прихода армянской апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 176 с.
- Андралик Озаян. Документы и материалы // Вестник архивов Армении. 1991. № 89-90. 494 с.
- Алишина Г.Н. Критерии выявления «внутренних врагов» в Российской империи в годы Первой мировой войны // Два с половиной века с Россией: Материалы 4-й международной научно-практической конференции. М., 2013.
- Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
- Звонарев К.К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 2. М., 2003. 224 с.
- Кадол А.Н. Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармско-полицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией. М., 2013.
- Карапетын Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX века – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001.
- Нелипович С.Г. Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. М., 2009. С. 100-101.
- Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.). Сб. док-тов. Ставрополь 2002. С. 99-100.
- Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления о немцах в России в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 175-197.
- Ованесов Б.Т. Благотворительность армянских общин Российской империи на Северном Кавказе // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2009. № 5 (34). С. 58.
- Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. 181 с. Северокавказский край. 1914. 2 авг.; 31 окт.
- Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, профессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX в.). Дис... к.и.н. Краснодар, 2003.

REFERENCES

- Akopyan V.Z. Kratkii ocherk po istorii nemtsev Severnogo Kavkaza. Pyatigorsk: PGLU, 2005. 60 s.
- Akopyan V.Z. Istoriya prikhoda armyanskoi apostol'skoi tserkvi goroda Pyatigorska. Pyatigorsk: PGLU, 2005. 176 s.

- Andranik Ozanyan. Dokumenty i materialy // Vestnik arkhivov Armenii. 1991. № 89-90. 494 s.
- Alishina G.N. Kriterii vyyavleniya «vnutrennikh vragov» v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny // Dva s polovinoi veka s Rossiei: Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2013.
- Barkhudaryan V.B. Istoriya armyanskoi kolonii Novaya Nakhichevan' (1779–1917). Erevan: Aiastan, 1996. 528 s.
- Zvonarev K.K. Agenturnaya razvedka: Germanskaya agenturnaya razvedka do i vo vremya voiny 1914–1918 gg. Kn. 2. M., 2003. 224 s.
- Kadol A.N. Doktrina nemetskogo shpionazha v etnopolitike tsarizma v period Pervoi mirovoi voiny i rol' zhandarmsko-politseiskikh vlastei v «nemetskom voprose» (na materialakh yuzhnykh gubernii Rossiiskoi imperii) // Dva s polovinoi veka s Rossiei. M., 2013.
- Karapetyan L.A. U istokov rossiiskoi mnogopartiinosti: Severo-Kavkazskii region (konets 90-kh gg. XIX veka – fevral' 1917 g.). Krasnodar, 2001.
- Kubanskii krai. 1915. 22 maya; 17 iyunya; 2 sent.
- Nelipovich S.G. Voennoe vedomstvo i mennonity Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914–1918 gg.) // Etnicheskie nemtsy Rossii: Istoricheskii fenomen «naroda v puti». Materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M., 2009. S. 100-101.
- Nemetskoe naselenie Severnogo Kavkaza: sotsial'no-ekonomicheskaya, politicheskaya i religioznaya zhizn' (poslednyaya chetvert' XVIII – seredina KhKh v.). Sb. dok-tov. Stavropol' 2002. S. 99-100.
- Obolenskaya S.V. «Nemetskii vopros» i predstavleniya o nemtsakh v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny // Rossiya i Germaniya. Vyp. 2. M., 2001. S. 175-197.
- Ovanesov B.T. Blagotvoritel'nost' armyanskikh obshchin Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Krasnodar, 2009. № 5 (34). S. 58.
- Pogosyan L.A. Armyanskaya koloniya Armavira. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1981. 181 s. Severokavkazskii krai. 1914. 2 avg.; 31 okt.
- Simonyan M.S. Armyanskaya diaspora Severo-Zapadnogo Kavkaza: formirovanie, konfessional'nyi oblik, vzaimootnosheniya s vlast'yu, obshchestvennymi i religioznymi ob'edineniyami (konets KhVIII – konets XX veka). Dis. ...kand. ist. nauk. Krasnodar, 2003.

Акопян Виктор Завенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин Пятигорского государственного лингвистического университета; zaven2005@yandex.ru

Attitude to the First World War of dispersed ethnic groups of Southern Russia

The article is devoted to attitude to the First World War of German and Armenian population of the South of Russia – the largest of dispersed ethnic groups in the region in the early twentieth century. Their ‘mother nations’ appeared in the war on the opposite sides of the front, and the attitude to the outbreak of war has become an indicator of loyalty and allegiance to Russia. The author shows the overall loyalty of the German population to the ‘second home’ and the full support of the Russian policy on the part of the Armenian community.

Keywords: First World War, the South of Russia, national minorities, dispersed ethnic groups, community, volunteers, genocide.

Victor Akopyan, PhD (History), Associate Professor, Pyatigorsk State Linguistic University; zaven2005@yandex.ru

С. Ю. ШЕНИН

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА О ПРОБЛЕМЕ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА (1941–1945)

Статья посвящена изучению подходов различных групп внутри американской правящей элиты к проблеме формулирования основных параметров послевоенного мирового порядка. Кроме того, представлены характеристики самих группировок в контексте их экономических интересов, доминировавших экономических теорий, а также личного влияния президента Ф. Рузвельта на расстановку сил внутри американского истеблишмента в период Второй мировой войны.

Ключевые слова: *мировой порядок, национальный капитализм, кейнсианство, фритрейдеры, бреттон-вудская конференция, ялтинская конференция.*

Ближе к концу Второй мировой войны внутри американской правящей элиты росло понимание того, что Америка располагает такой военной и экономической мощью (составлявшей около 50% мирового промышленного производства), при помощи которой можно попытаться продиктовать мировому сообществу правила послевоенного «нового мирового порядка», устраивавшего, в первую очередь, сами США. Однако о мировой гегемонии в администрации Ф. Рузвельта, по-видимому, серьезно не помышляли. Тому было две весомые причины. Во-первых, предполагалось, что после войны Европа быстро встанет на ноги и сможет по-прежнему жестко отстаивать свои интересы. Соответственно, огромное экономическое превосходство США будет ощущаться недолго, и этого времени явно не хватит на установление гегемонии.

Во-вторых, в серьезную проблему превращались колоссальный объем промышленного производства и высокий уровень занятости, которые стали следствием активного вмешательства американского государства в экономику. Предполагалось, что после войны, когда это регулирующее вмешательство будет неизбежно отменено, экономику США, с большой долей вероятности, будут ожидать (как и всегда после больших войн) серьезные потрясения. Возможно, это произойдет не сразу и несколько лет спрос будет поддержан на военном уровне за счет повышенного отложенного внутреннего спроса и внешних промышленных заказов на восстановление со стороны пострадавших в войне государств. Однако, когда потенциал такого спроса неизбежно снизится, уровень безработицы резко возрастет и экономика может покатиться в пучину новой жестокой депрессии. Эти страхи разделялись практически всеми группами американской политической элиты.

Как известно, администрация Рузвельта являлась по сути коалиционным образованием. Однако, группа так называемых «ньюдилеров» (сторонников кейнсианской идеи «национального экономического планирования», ориентировавшихся на построение так называемого «национального капитализма»¹) все же занимала к середине войны более прочные позиции, в первую очередь, из-за господства в экономике США «военно-кейнсианских» тенденций, и, во-вторых, из-за личной поддержки президента. В отношении послевоенных проблем «ньюдилеры», во главе с Гарри Декстер Уайтом, утверждали, что усиление регулирующей роли государства в экономике является обязательным условием для обеспечения полной занятости. Они полагали, что государство за счет дефицитного финансирования социальной сферы и развития промышленной инфраструктуры (проекты типа знаменитого государственного проекта освоения долины реки Теннесси – TVA), а также регулирования частных инвестиций, сможет предотвратить сползание страны в пучину новой депрессии. Таким образом, предполагалось снять эту конкретную угрозу за счет исключительно внутренних мероприятий².

Хотя подавляющая часть американского бизнеса была настроена консервативно, считая, что правительство должно жить по средствам и не вмешиваться в экономику³, наиболее дальновидные представители этого «фритрейдерского» направления в администрации понимали, что если следовать жестко принципу *laissez faire*, то, сорвавшись в депрессию, можно дожидаться не только укрепления позиций «ньюдилеров», но даже «кого похуже». Поэтому они полагали, что некоторое правительственное регулирование могло иметь место, но эти меры должны были касаться только создания максимально эффективных условий для работы бизнеса (налоговые стимулы, страхование инвестиций, прямая поддержка общественными работами и т. п.), а не подмены этого сектора государственным. Предполагалось, что при такой поддержке частный капитал сможет удержать экономику без серьезного раздувания роли и функций правительства. Тем не менее, эти идеи не были сформулированы в четкую программу, и поэтому не было серьезных попыток их реализации⁴.

---

¹ Концепция «национального капитализма» Дж.М. Кейнса заключалась в том, что «государственное вмешательство и планирование должно использоваться для поддержания полной занятости и местного промышленного производства. Даже если некоторые товары можно произвести дешевле в других странах, эффект от достижения полной занятости в случае производства их дома настолько предпочтительнее, что оправдывает ограничения по импорту». – *Block 1977*. P. 8.

² *Block 1977*. P. 34.

³ *Kunz 1997*. P. 6; *Gardner 1980*. P. 1-23; *Eckes 1975*.

⁴ *Block 1977*. P. 35.

На этом фоне активизировалась часть «фритрейдерских» элементов, искавшая спасение от грядущих потрясений в сфере внешнеэкономической политики. К их числу относились влиятельнейшие политики: К. Халл, У. Клэйтон, Д. Ачесон, Дж. Маклой, Дж. Форрестол, Г. Стимсон. Они очень энергично поддержали программу профессора Йельского университета П. Бидуэлла, смысл которой заключался в том, чтобы наладить сбыт излишков промышленного производства на внешних рынках.

Профессор утверждал, что положительное внешнеторговое сальдо в 5-10 млрд. долл. могло оказать достаточный стимулирующий эффект на национальную экономику. Эта цифра приблизительно равнялась сумме всех частных инвестиций или уровню правительственного дефицитного финансирования. Именно таким образом предполагалось избежать болезненной перестройки многих секторов экономики и сохранить высокий уровень занятости. Вопрос упирался в самую малость: где найти эти дополнительные рынки в условиях, когда мир был поделен на колонии и сферы влияния. Именно этот вопрос и предопределил повышенный интерес значительной части «фритрейдеров» к старой вильсонской идее открытой мировой экономики, к идее многосторонних равноправных отношений (multilateralism⁵). Ее смысл заключался в ликвидации всех экономических привилегий, получаемых имперскими державами в своих колониях и сферах влияния, прекращении особых двусторонних торговых и платежных отношений (bilateralism) и создании системы открытой мировой торговли, где все ее участники играют по одним и тем же правилам, а товары и капиталы, не сдерживаемые протекционизмом, пересекают национальные границы, подчиняясь только закону «спроса и предложения». Соответственно, в таких условиях свои товары мог продать только тот, у кого самая низкая себестоимость продукции.

Однако было ясно, что формировать такой «многосторонний мир» и поддерживать общие правила финансово-экономической игры было невозможно рыночными методами. Комитеты (как «фритрейдерской», так и «ньюдиловской» ориентации), разрабатывавшие рекомендации по строительству послевоенного порядка, были едины в решении этой проблемы: необходимо использовать регулирующие специализированные институты⁶, которые должны были сохранять и воспроизводить (даже в случае возможного ослабления США) так называемые «международные режи-

---

⁵ Многосторонние отношения – «институциональная форма, координирующая отношения между тремя и более государствами на основе общих принципов поведения... без учета специфических интересов сторон или их стратегических устремлений, которые могут возникнуть при особых обстоятельствах». – *Ruggie* 1993. P. 14.

⁶ *Block* 1977. P. 135.

мы»⁷, т.е. порядки в различных сферах мировой политики и экономики, удобные для Америки. Планировалось создать такие «режимы», как валютно-финансовый, торговый, энергетический, морской, военной безопасности и т.д. Таким образом, ткань нового мирового экономического порядка должна была быть соткана из отдельных «режимов»⁸.

Особое внимание «фритрейдеры-интернационалисты» уделяли валютно-финансовому режиму, который должен был обеспечить конвертацию всех валют на базе «золотого стандарта». Организованная в таком духе мировая экономика создавала неограниченные возможности как для продажи излишков американской промышленной продукции, так и для инвестирования свободных капиталов.

Идеологи этой группы уделяли повышенное внимание судьбам тех стран, которые могли серьезно повлиять на реализацию этой модели. Особую опасность представлял Советский Союз в связи с его колоссальным влиянием на страны Восточной Европы и невозможностью втянуть в многостороннюю систему. Поэтому считалось, что единственным выходом является его изоляция. Очень важным представлялось возрождение Германии, без которого было невозможно наладить в Западной Европе систему многосторонней торговли и «сдерживание» СССР. Подчеркивая особую важность дальнейшего развития американо-британских связей, «фритрейдеры-интернационалисты» указывали одновременно и на необходимость создания рычагов влияния на британскую политику с целью заставить Лондон принять многостороннюю схему и открыть границы своей колониальной империи для американских товаров и инвестиций⁹.

Сторонникам «национального экономического планирования», т.е. «ньюдилерам», не нравилась идея создания многосторонней мировой экономики, чтобы продавать излишки промышленного производства на внешних рынках. Они считали, что мировая система должна состоять из стран «национального капитализма», в которых, в первую очередь, должна обеспечиваться полная занятость за счет местных ресурсов, а потоки товаров и инвестиций должны быть под жестким контролем правительств, поскольку природа частных инвестиций (и «золотого стандарта» – неизбежного инструмента многосторонних отношений) представлялась «ньюдилерам» скорее разрушительной, чем конструктивной¹⁰.

---

⁷«Международный режим» – это совокупность процедур, норм, правил или институтов, регулирующих и контролируемых определенных сферы межнациональных и межгосударственных отношений. – *Keohane, Nye* 1989. P. 19.

⁸ *Spero* 1990. P. 21; *Russet, Harvey* 1992. P. 460-490; *Ruggie* 1993. P. 28.

⁹ *Шенин* 1994.

¹⁰ *Kunz* 1997. P. 6; *Gardner* 1980. P. 1-23; *Eckes* 1975; *Block* 1977. P. 35-36.

С другой стороны, приверженцы «национального планирования» были согласны с тем, что США не должны впасть в рецидивы своего «безответственного» поведения на международной арене образца 1920–1930-х гг. Колоссальное экономическое превосходство неизбежно выдвинет США на заглавную роль в мировой экономике. Однако они отрицали многостороннюю модель мирового экономического порядка в трактовке «фритрейдеров-интернационалистов», считая, что американскому правительству следует использовать свои экономические возможности для проведения глобальных социально-экономических реформ. В этом контексте они, например, полагали, что США должны настолько снизить таможенные тарифы, чтобы другие страны были в состоянии продавать свои товары на американском рынке. Они также предлагали создать международные институты, которые смогли бы направить общественный капитал на развитие слаборазвитых регионов. Таким образом, они видели будущее мировой экономики в виде контролируемой (из Америки) системы перераспределения ресурсов, т.е. глобального «ньюдила».

В отношении Британии «ньюдилеры» разделяли мнение «фритрейдеров-интернационалистов» о необходимости иметь рычаги влияния на политику этой страны, но не для того, чтобы «раскрыть» ее империю, а чтобы втянуть в свои планы реорганизации мировой торгово-финансовой системы. Германию предполагали расчленить и ликвидировать как единое государство (сильная Германия не нужна в Европе, где будет господствовать «национальный капитализм»). Что касается СССР, то Г.Д. Уайт и его сторонники считали необходимым максимально развивать с ним все возможные экономические связи, поскольку советская государственная торговля вполне укладывалась в лоно глобального «нью-дила»¹¹.

В этот период (приблизительно 1943–1944 гг.) сам Рузвельт и его ближайшие соратники, Г. Гопкинс и Г. Моргентау, рассматривали будущее устройство мира в основном с точки зрения стратегической безопасности Соединенных Штатов (взгляды Рузвельта на экономическое содержание нового мирового порядка были «неясными»¹²). Они полагали, что национальная безопасность имеет два главных измерения: военное и экономическое. Соответственно, главную угрозу для США несли с собой мировые войны (а океаны уже не являлись надежными защитными барьерами) и экономические депрессии. Причины обеих угроз коренились в одном – в расчленённости мировой экономики на закрытые экономические блоки, сферы влияния, преференциальные зоны и т.п. Поэтому глав-

¹¹ Ibid. P. 15-17, 41-42; Gardner R. Op. cit. P. 18-20, 40-47.

¹² Block F. Op. cit. P. 42.

ной целью политики США должно было стать создание единой универсальной мировой экономики с равноправным доступом всех стран ко всем сырьевым ресурсам и рынкам сбыта. Когда все будет в равных условиях, считали они, то причин для новых мировых войн не появится.

Отрегулировать нужным образом межгосударственные отношения предполагалось при помощи представительных и полномочных международных институтов (тех же «режимов»), хотя это и поведёт к частичной потере странами своего суверенитета. А поскольку в этих институтах США будут неизбежно доминировать, то это потерянное автоматически перейдёт к ним. Следовательно, установятся политическая гегемония и мировые экономические порядки естественные для американского общества. Взамен нужно будет помочь слаборазвитым народам (ибо «лучшие соседи – это процветающие соседи»), что, по замыслу стратегов Рузвельта, можно было обеспечить через всемерное развитие системы международного разделения труда. Созданная таким образом тесная взаимозависимость стран, станет непреодолимым препятствием для любого потенциального агрессора, который никак не сможет восполнить потерянные связи, что обречёт его на военное поражение. Создание открытой взаимозависимой многосторонней политико-экономической системы снимет мировые войны с повестки дня человечества.

Однако и у Рузвельта, и в его окружении имелись опасения, что многие страны, не привыкшие играть по американским правилам (Англия и СССР, в первую очередь), не согласятся на создание открытой системы, обрекающей их на роль статистов. Поэтому на начальном этапе предполагали создать атмосферу максимального доверия через политику уступок, частичного сохранения рудиментов старой системы баланса сил («пояса безопасности» для СССР и британской колониальной империи) и «покупку лояльности» через гигантские кредиты на послевоенное восстановление. Втянув таким образом потенциальных конкурентов в систему экономической взаимозависимости, в дальнейшем планировалось сдерживать их внеэкономические амбиции (в первую очередь, СССР, который претендовал на роль глобальной супердержавы) через организацию системы международной коллективной безопасности¹³.

В правящую элиту США входили еще две достаточно представительные группы, которые потенциально могли оказать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений, но на том этапе (1943–1944) они не были настолько сильны, чтобы заставить Рузвельта прислу-

---

¹³ О стратегических замыслах Ф. Рузвельта см.: *Gaddis* 1982. P. 9-13, 51-52; *Pollard* 1988. P. 11-17; *Сивачев, Язьков* 1972. С. 151.

шиваться к их мнению. Во-первых, это т.н. «интернационалистское крыло» республиканской партии, отражавшее интересы международных сырьевых корпораций и представленное в конгрессе республиканцами Кристианом Гертером и Джоном Борисом, а в администрации Нельсоном Рокфеллером. Схема многосторонних отношений явно не соответствовала представлениям этой группы о послевоенном устройстве мировой экономики. С точки зрения корпораций, США, используя свое военное и экономическое превосходство, должны были взять курс на расширение сфер влияния через *двусторонние договоры*, направленные на создание благоприятного политико-экономического климата для инвестиций американского корпоративного капитала. При этом предлагалось использовать такие меры, как субсидирование, протекционизм, вытеснение конкурентов, давление на страны-реципиенты и т.п. Международные сырьевые гиганты считали, что частный капитал во главе с сырьевыми корпорациями при поддержке государства должен взять на себя «цивилизаторскую миссию» освоения всего мирового экономического пространства. Соображения доходности выходили при этом на первый план. Основой такого мирового порядка должны были стать двусторонние отношения между США и странами остального мира.

Еще одну группу – «изоляционистское крыло» республиканской партии – возглавлял сенатор Роберт Тафт. Он не верил в возможность реализации схемы многосторонней мировой экономики с полной конвертацией всех валют. Не принимал он и более радикальные планы сторонников «национального планирования». Он считал глупым использовать ресурсы США для перестройки мира под какой-то идеальный образец: лучше было бы направить эти ресурсы на совершенствование традиционных консервативных структур и отношений в самой Америке¹⁴.

Таким образом, три основные силы, определявшие развитие американской внешней политики («фритрейдеры-интернационалисты», «нюддиллеры» и рузвельтовский Белый дом) были в целом едины в том, что многосторонний мир надо строить и что возглавить этот процесс должны Соединенные Штаты. Кроме того, они сходились в необходимости использовать для поддержания этого процесса методологию «международных режимов». Они, правда, расходились в том, ради чего этот мир должен быть создан, на достижение каких целей и задач он должен был ориентироваться. Но единодушие в основных вопросах позволило им на данном этапе проигнорировать мнение двух других влиятельных групп (сырьевых корпораций и «неоизоляционистов») и обеспечить быстрое и

---

¹⁴Сивачев, Язьков 1972. С. 153; Block 1977. P. 72-73.

эффективное продвижение внешней политики США в общем для них направлении американского «регулируемого интернационализма»¹⁵.

Однако осознание необходимости совместного движения к реализации общей идеи несколько не смягчило конфликт между «ньюдилерами» и «фритрейдерами». Внутри администрации этот конфликт проявлял себя в ожесточенной борьбе между казначейством, вокруг которого сгруппировались сторонники идеологии «национального планирования» и которое возглавлялось Г. Моргентау и Г.Д. Уайтом, и государственным департаментом, сплотившим ряды борцов за открытый многосторонний мир и внешние рынки во главе с К. Халлом, В. Клейтоном и Д. Ачесоном. Каждый из этих двух центров принятия решений пытался разработать свой план мировых реформ и получить «подряд» от Рузвельта на его реализацию. В конечном итоге, победу одержало казначейство, во-первых, потому, что план «ньюдилеров» был ближе представлениям Ф. Рузвельта о путях достижения «стратегической безопасности» США, и, во-вторых, из-за близких личных отношений президента и Моргентау¹⁶.

Реализация плана создания нового экономического мирового порядка, главным составителем которого стал Г.Д. Уайт, началась задолго до окончания войны. Представители 44 государств «свободного мира», включая СССР, собрались летом 1944 года в небольшом городке Бреттон-Вудс (Нью-Хемпшир), чтобы основать ряд международных экономических институтов. Так, Международный банк реконструкции и развития (IBRD) предназначался для выравнивания уровней развития стран системы через долгосрочные кредиты. Краткосрочные заимствования Международного валютного фонда (IMF) должны были, по замыслу Уайта, создать инструмент давления и формирования условий для перехода стран к модели «национального капитализма»¹⁷. Чуть позже было решено создать Организацию международной торговли (ИТО¹⁸), регулирующую условия мировых торговых отношений¹⁹.

Следующим шагом плана Рузвельта–Уайта стали ялтинские соглашения 1945 г., первый блок которых был посвящен созданию ООН как

---

¹⁵ Сивачев, Язьков 1972. С. 152.

¹⁶ Block F. Op. cit. P. 42; Eckes A. Op. cit. P. 41-42.

¹⁷ Функция обеспечения всеобщей конвертируемости валют не предусматривалась Г.Д. Уайтом – это была враждебная для «ньюдилеров» идея. IMF был переориентирован на поддержку «золотого стандарта» несколько позже, когда госдепартамент устранил конкурента в лице казначейства.

¹⁸ International Trade Organization.

¹⁹ О формировании бреттон-вудской системы см., напр.: Eckes 1975; Kurtz 1997. P. 8-10; Block 1977. P. 47-49; Dam 1982. P. 84-109.

«представительного мирового правительства». Кроме функций по координации деятельности экономических институтов и «режимов», ООН должна была стать «демократической, единой системой международной безопасности», т.е. выполнять также и функции «режима безопасности» для процессов становления и функционирования бреттон-вудского экономического механизма на основе геополитической концепции «четырёх полицейских»²⁰. Таким образом, общие контуры послевоенного мирового окончательно сформировались²¹. Вторым блоком стали договоренности о сохранении или разделе сфер влияния между державами-победительницами, как необходимая уступка, позволявшая, по замыслу Рузвельта, безболезненно втянуть СССР и Англию в новые мировые отношения. Об антиколониализме речи здесь уже не шло²². Слаборазвитый мир был снова поделен, но уже для того, полагал Рузвельт, чтобы по частям втянуть его в бреттон-вудскую систему, а затем отделить от метрополий при помощи «международных режимов». О взаимосвязи развития отсталых регионов и стабильности на планете Рузвельт стал говорить сразу после Ялты. Возвращаясь из Европы на борту «Квинси», президент с энтузиазмом рассказывал журналистам о необходимости помочь Ирану и другим странам Ближнего и Среднего Востока в их борьбе с бедностью через осуществление проектов ирригации, восстановления лесов, образования и здравоохранения²³. Слаборазвитые страны должны были ещё некоторое время существовать в рамках старого мирового порядка, оставаясь объектами грядущей бреттон-вудско-ялтинской перестройки. Они были просто не готовы стать его субъектами, и в этом заключался ещё один аргумент в пользу уступок отживающему мироустройству.

Как уже отмечалось, базовые элементы и общее направление развития мирового порядка Рузвельта–Уайта были разработаны приблизительно в конце 1943 – первой половине 1944 г. Однако к весне 1945 года, т.е. к самому концу войны, соотношение сил между различными группами американского истеблишмента серьезно изменилось. Чаша политического и общественного влияния стала заметно склоняться в пользу группы «фритрейдеров» (включавшую «интернационалистов», «изоляционистов» и сырьевые корпорации)²⁴. Тем не менее эта группа, по-прежнему отстраненная от участия в принятии главных решений, не могла влиять на процесс разворачивания строительства глобального

²⁰ Burley P. 139; Gaddis J. L. *Strategies of Containment*. P. 10.

²¹ Мою трактовку процесса генезиса нового мирового порядка см.: Шенин 1998.

²² Iriye 1974. P. 93-97.

²³ Acheson 1952. P. 1.

²⁴ Kunz 1997. P. 7.

«ньюдила» и с ужасом наблюдала (особенно после Ялты), как президент со своими соратниками вел дело к очередной катастрофе (по образцу 1937–1938 гг., но уже во всемирном масштабе).

Собственно, фигура Рузвельта являлась главной и единственной опорой «миростроителей» из казначейства. Поэтому практически мгновенно после смерти президента в апреле 1945 года расстановка сил в администрации была приведена в соответствие с результирующим вектором политико-экономического влияния. «Ньюдилеры» были отброшены от рычагов управления строительством нового мирового порядка, и вместо них руководство этим процессом прочно перешло к «фритрейдерам-интернационалистам» из госдепартамента.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Acheson D.* What is Point Four? Economic Cooperation Series 30. Pub. 4487. Department of State Publication. No 4487. Washington, D.C.: GPO, February, 1952.
- Block F.* The Origins of International Economic Disorder. A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977.
- Burley A.-M.* Regulating the World: Multilateralism, International Law, and the Projection of the New-Deal Regulatory State // *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of Institutional Form* / Ed. by J.G. Ruggie. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1993. P. 135-161.
- Dam K.* The Rules of the Game. Reform and Evolution in the International Monetary System. Chicago and London: University of Chicago Press, 1982.
- Eckes A.* A Search for Solvency. Bretton Woods and the International Monetary System, 1941–1971. Austin and London: University of Texas Press, 1975.
- Gaddis J. L.* Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. New York: Oxford University Press, 1982.
- Gardner R.* Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective. The Origins and the Prospects of our International Economic Order. New York: Columbia University Press, 1980.
- Iriye A.* The Cold War in Asia: A Historical Introduction. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1974.
- Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence. Boston: Little-Brown, 1989.
- Kunz D.* Butter and Guns: America's Cold War Economic Diplomacy. N.Y.: Free Press, 1997.
- Pollard R.* Economic Security and the Origins of the Cold War. New York: Columbia University Press, 1988.
- Ruggie J.G.* Multilateralism: The Anatomy of an Institution // *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of Institutional Form* / Ed. by J.G. Ruggie. New York: Columbia University Press, 1993. P. 14-35.
- Russett B., Harvey S.* World Politics. The Menu for Choice. New York, Freeman, 1992.
- Spero J.E.* The Politics of International Economic Relations. N.Y.: St. Martin's Press, 1990.
- Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф.* Новейшая история США. 1917–1972. М.: МГУ, 1972.
- Шенин С.Ю.* Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект // США – Экономика, политика, история. 1998. № 4-5.
- Шенин С.Ю.* Холодная война: истоки «великого поворота» // США – экономика, политика, история. 1994. № 12. С. 66-78.

REFERENCES

- Acheson D. What is Point Four? Economic Cooperation Series 30. Pub. 4487. Department of State Publication. No 4487. Washington, D.C.: GPO, February, 1952.
- Block F. The Origins of International Economic Disorder. A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977.
- Burley A.-M. Regulating the World: Multilateralism, International Law, and the Projection of the New-Deal Regulatory State // Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of Institutional Form / Ed. by J.G. Ruggie. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1993. P. 135-161.
- Dam K. The Rules of the Game. Reform and Evolution in the International Monetary System. Chicago and London: University of Chicago Press, 1982.
- Eckes A. A Search for Solvency. Bretton Woods and the International Monetary System, 1941–1971. Austin and London: University of Texas Press, 1975.
- Gaddis J. L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. New York: Oxford University Press, 1982.
- Gardner R. Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective. The Origins and the Prospects of our International Economic Order. New York: Columbia University Press, 1980.
- Iriye A. The Cold War in Asia: A Historical Introduction. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1974.
- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little-Brown, 1989.
- Kunz D. Butter and Guns: America's Cold War Economic Diplomacy. N.Y.: Free Press, 1997.
- Pollard R. Economic Security and the Origins of the Cold War. New York: Columbia University Press, 1988.
- Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution // Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of Institutional Form / Ed. by J.G. Ruggie. New York: Columbia University Press, 1993. P. 14-35.
- Russet V., Harvey S. World Politics. The Menu for Choice. New York, Freeman, 1992.
- Spero J.E. The Politics of International Economic Relations. N.Y.: St. Martin's Press, 1990.
- Sivachev H.V., Yaz'kov E.F. Noveishaya istoriya SShA. 1917–1972. M.: MGU, 1972.
- Shenin S.Yu. Eshche raz ob istokakh kholodnoi voyny: Bretton-Vudskii aspekt // CShA – Ekonomika, politika, istoriya. 1998. № 4-5.
- Shenin S.Yu. Kholodnaya voina: istoki «velikogo povorota» // SShA – ekonomika, politika, istoriya. 1994. № 12. S. 66-78.

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; shenins@yahoo.com

American political elite on the problem of post-war world order (1941-1945)

The article is devoted to the study of various groups approaches within the U.S. ruling elite toward the problem of formulating basic parameters of the postwar world order. Besides, characteristics of these groups are presented in the context of their economic interests, dominating economic theories and personal influence of president F. Roosevelt on the balance of powers inside of the American establishment during the Second World War.

Keywords: world order, national capitalism, Keynesianism, Free-traders, Bretton-Woods conference, Yalta conference.

Sergey Shenin, Dr.Sc. (History), Professor, Saratov State University; shenins@yahoo.com

О. С. НАГОРНАЯ

**«...КОГДА СССР СТАЛ СИЛЬНЫМ И МОГУЧИМ...
МНОГИЕ НАРОДЫ НУЖДАЮТСЯ В НАШЕЙ ДРУЖБЕ»
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ (1949–1989)**

В статье представлены перспективы изучения транснациональной истории социалистического лагеря через призму советской культурной дипломатии. В центре внимания находятся институты и каналы культурного трансфера, механизмы и инструменты официальной и неформальной коммуникации, биографические траектории «неофициальных послов», внутренний и внешний дискурс о социалистической интеграции и ее культурном измерении.

Ключевые слова: транснациональная история, социалистический лагерь, культурная дипломатия, культурный трансфер.

Окончание Холодной войны и развал «Восточного блока» привлекли повышенное внимание исследователей к изучению западноевропейской интеграции как образцовой модели формирования единого экономического, правового и мировоззренческого пространства. Объединительные процессы и структуры, развивавшиеся во второй половине XX в. в социалистическом лагере, были оценены как изначально нежизнеспособные, лишенные инновационного потенциала; решающим сплывающим фактором для них было признано насильственное советское господство. Бесспорно, отрицать значимость этого фактора трудно, однако он не объясняет многих явлений: периодов относительной стабильности блоковых структур, распространения (н)остальгии по социалистическому прошлому, устойчивости социалистических брендов и коммуникативных сетей. Неслучайно, в последнее время в исследованиях все чаще стали звучать призывы к отказу от шаблонного подхода и более детальному изучению истории социалистической интеграции в экономическом, социальном и культурном ракурсах¹.

Как представляется, созданию новых интерпретационных моделей может послужить исследование коммуникативного измерения истории соцлагеря как пространства взаимодействия общественных организаций и индивидов (транснациональных каналов и механизмов коммуникации), развивавшегося в рамках и вне официальной пропаганды и традиционной дипломатии. Тем более, что новейшие исследования советской культур-

---

¹ Ahrens 2000; Jajesniak-Quast 2007; Нагорная 2013.

ной дипломатии² концентрируются на межвоенном периоде и ограничиваются обобщенными характеристиками послевоенного времени как истории провала или, в лучшем случае, истории отдельных успехов в странах «третьего мира», оставляя за пределами анализа насыщенные конфликтами и противоречиями транснациональные интеракции в странах Восточной Европы. Включение данной проблематики в научные исследования видится актуальным и в рамках развивающихся сегодня концепций *soft-power*, культурного маркетинга и культурного трансфера.

В литературе присутствует множество понятий, характеризующих исследуемый феномен – культурная, гражданская, публичная, народная, общественная дипломатия, которые в зависимости от контекста употребления получают строго эпитетскую, либеральную или иную окраску. Если при формировании термина в 1930-х гг. под «культурной дипломатией» понимали манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях (Ф. Баргхорн)³, то в современных исследованиях термин стал более объемным и подразумевает «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»⁴. Еще шире и нейтральнее это понятие у М. Дэвида-Фокса: «Культурная дипломатия – систематическое включение культурной составляющей в отношения с иностранными государствами или формальное канализирование внимания и ресурсов в сферу культуры в рамках внешней политики»⁵. С другой стороны, представляется необходимой дальнейшее развитие терминологической дискуссии при включении т.н. «перспективы снизу» – партисипативных претензий и культурной активности граждан и общественных групп.

Проявления советской послевоенной культурной дипломатии следует рассматривать в рамках трех тематических полей. Структурное измерение транснациональной коммуникации охватывает каналы, институты-трансляторы, механизмы и инструменты внутриблоковой культурной дипломатии, факторы трансформации целеполаганий и структур. Помимо обществ дружбы, женских, молодежных, детских организаций, специализированных объединений необходимо уделять внимание профессиональным отраслевым ассоциациям, международным ярмаркам и выставкам, фестивалям и пр. Особую роль в развитии и трансформации подобных организаций играли кризисы социалистического лагеря (1953, 1956, 1968

---

² Голубев 1997; 2004; Дэвид-Фокс 2015; Фокин 1999.

³ Цит. по: Голубев 2004. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Дэвид-Фокс 2015. С. 5-41.

г.), требовавшие обновления устаревших форм и концепций, а также активизации инструментов (псевдо)общественной активности.

В исследованиях по межвоенному периоду не раз отмечалось снижение авторитета Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) в бюрократических советских структурах, а его расформирование представлялось как закономерный итог предыдущего развития⁶. Архивные документы рисуют более динамичную картину: ВОКС без радикальных трансформаций пережил окончание Второй мировой войны и функционировал в неизменном виде еще с десятков лет, несмотря на необходимость репрезентации СССР на международной арене в совершенно новой роли державы-победителя. Поводом для роспуска организации послужили события в Венгрии 1956 г., острота и драматичность которых были признаны следствием неудовлетворительной работы ВОКС «по развитию дружбы с венгерским народом». Ликвидация старой централизованной структуры, признанной «политическим ляпсусом», и становление спектра новых рассматривалось как советский ответ на возникшую в западных странах активизацию общественности: предполагалось, что общества дружбы продемонстрируют преодоление культа личности, демократизм советской действительности, окажут воспитательное воздействие, в том числе на советскую молодежь⁷.

Понятно, что идея соучастия была в большей мере пропагандистским приемом, на деле общества дружбы с зарубежными странами оставались в финансовых рамках и под бдительным контролем государственных структур (в т.ч. КГБ). Однако не стоит недооценивать и энтузиазм советского населения, которое воспринимало созданные рамки партисипативного государства как реальность: в новообразованные общества сотнями и тысячами поступали письма от представителей разных социальных групп, интересующихся языком и культурой той или иной страны⁸. Примечательно, что часть из них уже имела длительные письменные контакты с гражданами стран народной демократии, установленные в том числе в ходе «заграничного похода Красной Армии». Масштабы такой активности позволяют несколько скорректировать метафору Я. Берендса с «изобретенной дружбы»⁹ на «управляемую дружбу». Есть свидетельства, что и население стран народной демократии серьезно воспринимало

⁶ Там же. С. 533.

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 43–91.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 22а, 38, 288, и др.

⁹ Behrends 2006.

транслируемое сверху предложение и пыталось использовать созданные структуры как канал реализации личных или культурных интересов¹⁰.

В целом, сквозь призму культурной дипломатии возможно выйти на более широкие исследовательские контексты – специфику коммуникации между СССР как «слабым гегемоном» (Р.В. Стоун) и странами Восточной Европы. Параллельно с шаблонными фразами о братстве и равноправии в рамках интеграционных структур, общественных организаций и личных контактов открыто озвучивались критические позиции, отстаивались национальные интересы, выстраивалась иерархия социалистических стран. К примеру, стремительно развивавшиеся в европейских странах средства массовой информации могли бесконтрольно уклониться от распоряжений печатать советские материалы, если те не отвечали требованиям новых массмедиа: актуальности, художественности и наличия качественных фотоматериалов¹¹. В ГДР партийное руководство открыто отказывалось от публикации произведений советских писателей, разоблачавших культ личности, как от «несвоевременных и не способствующих развитию социализма»¹². Чехословацкие функционеры в протокольных беседах критиковали СЭВ за средневековые формы сотрудничества, низкий авторитет и бесполезность¹³. К тому же, в процессе согласования мероприятий т.н. пропаганды Советского Союза в странах соцлагеря политические деятели этих стран стремились выговорить для себя крупные преференции, например, безвозмездное возведение крупных объектов для демонстрации населению советской помощи. Беспроигрышным инструментом в достижении желаемого стало использование фактора конкуренции СССР с западными странами: достаточно было лишь упомянуть, что тот или иной вид поддержки уже получен от какой-либо западной страны¹⁴. В целом, несмотря на все усилия культурно-дипломатических органов, представление о взаимовыгодности социалистического партнерства было камнем преткновения и предметом постоянных разногласий. Здесь виден в действии механизм приписывания населением собственных смыслов официальным канонам: в то время как жители соцстран высказывали претензии, что Советский Союз ущемляет их экономические интересы, организовав вывоз определенных видов

---

¹⁰ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 12.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 678. Л. 105.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 151. Л. 21.

¹³ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 257. Л. 55.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502. Л. 4.

продукции, советское население было уверено, что восточноевропейские страны используют СССР как «дойную корову»¹⁵.

Второй ракурс исследования – субъектное измерение культурной дипломатии: биографии наиболее значимых (типичных) транснациональных акторов, выполнявших функции общественных дипломатов, принципы их отбора и выдвижения, поколенческая, возрастная и гендерная специфика карьерных стратегий. Биографический подход позволит реконструировать процессы профессионализации «общественных деятелей», карьерные схемы во внешнеполитической сфере, узловые пункты и границы сформировавшихся в тот период транснациональных социальных сетей. С одной стороны, анализируя портретный ряд деятелей советской культурной дипломатии, мы можем проследить явные линии континуитета с предыдущей эпохой. Так в непосредственно послевоенный период центральными фигурами на пространстве социалистического лагеря оставались крупнейшие представители художественной интеллигенции: И. Эренбург, К. Федин, А. Фадеев, А. Корнейчук, которые привлекались к мероприятиям ВОКС и ранее. В странах Восточной и Западной Европы в качестве проводников советской культурной дипломатии продолжали функционировать друзья СССР межвоенного периода, один из ярких примеров – Зденек Неedly, бывший глава чехословацкого общества друзей СССР, занявший уже после войны ведущую позицию в сфере культуры ЧССР. С другой стороны, изменение геополитической обстановки, новые явления и медийные поля способствовали дифференциации культурно-дипломатической сцены и появлению новых групп: в эпоху прославления научно-технического прогресса одну из важных ниш здесь заняли узкие специалисты (физики, юристы, медики), востребованные благодаря своему научному авторитету. Особая среда была представлена т.н. «медийными лицами» и брендовыми коллективами: спортсменами, космонавтами, театральными и художественными коллективами (Большого театра, Ансамбля Советской армии, Ансамбля И. Моисеева), за приезд которых серьезно соперничали страны Восточной Европы. Кроме того, появился и широкий круг т.н. общественных деятелей, которые утратили свои профессиональные корни и занимались исключительно публичной деятельностью – таковы, например, функционеры интернациональных женских и молодежных организаций.

Для первой группы характерно совмещение ряда международных публичных позиций: например, И. Эренбург являлся одновременно членом президиума Всемирного совета мира, комитета Международных

---

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 127.

премий мира, председателем советско-французского общества дружбы и т.д. Специфическим признаком группы общественных деятелей стала профессиональная специализация – все большее число из них получали специальное образование (в Академии общественных наук), либо переводились на эти позиции из государственных ведомств, где они приобрели опыт организации внешних связей (к примеру, деятельницы Комитета советских женщин). На основе исследования кадровых перемещений этих фигур предстоит выявить институциональную и карьерную иерархию советских интернациональных общественных организаций. Ротация видных фигур общественной дипломатии отражает смену поколений и влияние новой медийной волны: так в 1968 г. главу Комитета советских женщин Нину Попову, методично руководившую организацией со времен войны, сменяет харизматичная Валентина Терешкова¹⁶, являвшаяся внеконкурентным и признанным во всем мире воплощением успехов советской женщины. Заслуженная Попова перемещается на позицию главы Советского фонда мира, денежная поддержка которого в адрес стран третьего мира являлась изначально успешным фактором влияния и требовала не столько ярких личностей, сколько методичных функционеров.

Внутриведомственный дискурс и состав органов общественной дипломатии подтверждают постепенное смещение советских установок в связи с реальной проницаемостью железного занавеса и возрастающей дисперсностью культурно-дипломатических интересов. Вопреки официальным атеистическим установкам советского государства в состав общественно-дипломатических органов вводились священники (знаковой фигурой стал митрополит Николай Крутицкий)¹⁷, лидерам религиозных конфессий стран Восточной Европы целенаправленно вручались Ленинские премии мира¹⁸. Несмотря на подозрительное отношение к т.н. «нерепатриантам» (соотечественникам за рубежом), каналом культурного влияния были признаны русские общины на территории стран соцлагеря. Причем, в ситуации кризиса доверия со стороны населения стран Восточной Европы (например, в 1956 г.) им передавались функции государственной пропаганды, к примеру, популяризация советских фильмов¹⁹.

Набор инструментов влияния был достаточно обширен и варьировался в зависимости от ситуации. Личные связи общественных деятелей СССР использовались как инструмент нормализации обстановки в период обострения отношений с отдельными социалистическими странами.

---

¹⁶ Курковская 1982. С. 12.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502. Л. 11.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 132.

Это ярко прослеживается на примере Венгрии 1956 г.: в обстановке резкого снижения интереса к советской культуре ее планировалось подспудно транслировать не только через столпов советской литературы и искусства, но и через представителей интеллигенции других социалистических стран – А. Зегерс, М. Садовяна²⁰. В тот же период на политических деятелей Польши планировалось повлиять через более лояльных чешских друзей: «Это был бы один из путей убеждения поляков по тем вопросам, по которым они ошибаются»²¹. Напротив, лояльность ведущих венгерских артистов в ситуации экономических трудностей планировалось завоевать массовыми приглашениями коллективов в Советский Союз с выплатой значительной части гонорара в венгерской валюте²². Широким жестом в периоды кризисов соцлагеря СССР раздаривал культурные ценности, связанные с историей той или иной страны²³.

Следует также изучить роль фактора заграничных путешествий и материального благосостояния в деятельности высшего и низшего звена культурной дипломатии. Количество встреч, совещаний, ознакомительных поездок, зафиксированных в документах, не согласуется с представлением о «невъездном характере» советских людей. Постоянная деятельность в международных организациях оплачивалась достаточно высоко. Неслучайно, один из ироничных чешских функционеров именовал структуры социалистической интеграции «раем для любящих путешествовать хозяйственных работников»²⁴.

Третьим тематическим полем в исследовании культурной дипломатии в социалистическом лагере является медийная и дискурсивная среда. В центре изучения находятся образы социалистической интеграции, которые транслировались в рамках культурной/общественной дипломатии в странах социалистического лагеря и во вне: позиционирование (в форме СЭВ и не только) в международных организациях, «брендинг» отдельных явлений и лиц в истории и современности Советского Союза и стран Восточной Европы. В качестве последних выступали не только воплощения европейской революционной культуры, но и образ покорителей космоса и крупнейших совместных социалистических проектов – трудовоида «Дружба», комбината «Сталинварош» и т.д. Наряду со сбоями в функционировании проекта «Социалистическое содружество» и многочисленными конфликтами в эшелонах управления социалистического лагеря в

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 166.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 483. Л. 6.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 165.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17.

²⁴ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 257. Л. 55.

рамках наднациональных организаций и международных общественных и профессиональных ассоциаций страны Восточной Европы чаще всего выступали единым фронтом, при этом принимали на себя роль инициаторов формирования солидарной позиции даже в отсутствие «руководящей роли Москвы». В свою очередь они ожидали, что Советский Союз, имеющий больше культурно-дипломатических ресурсов на международной арене, будет неустанно продвигать их интересы, и возмущались, если по каким-то причинам эти ожидания не оправдывались.

В целом, советские чиновники от культурной дипломатии часто и охотно регистрировали любое проявление «обиды» со стороны своих партнеров: по поводу редких публикаций в советской прессе о жизни страны, по поводу формального отношения к переписке, отсутствия у советского населения знаний о национальной литературе²⁵. Подобная чувствительность может объясняться распространенностью определенных интерпретационных моделей по отношению к «периферии» социалистического лагеря, основанных на «чувстве имперской вины».

* * *

Как отметил в своем исследовании о СССР в межвоенный период М. Дэвид-Фокс, дискуссии о культурной дипломатии в Советском Союзе прямо и косвенно оказывали влияние на саморепрезентации советской элиты и выработку определенных политических практик²⁶. Это утверждение справедливо и для послевоенного двадцатилетия. Определяя задачи Союза советских обществ дружбы, один из партийных функционеров в своей докладной записке следующим образом описал изменение функций советской культурной дипломатии: «В гг., когда СССР был слабым, мы нуждались в каждом проявлении дружбы из-за рубежа... Теперь, когда СССР стал сильным и могучим... вполне логично создать советские общества дружбы с другими народами, т.к. многие народы нуждаются в нашей дружбе и ищут ее»²⁷. Здесь хотелось бы отметить амбивалентность советского «культурного империализма». С одной стороны, соответствующие ведомства различными средствами стремились укоренить советские установки в странах народной демократии. С другой – очень часто встречались и глубокие рефлексии по этому поводу. Например, тот же автор пытался предупредить распространение советского ориентализма по отношению к странам социалистического лагеря, критикуя отсутствие интереса к изучению языков и стремление обойтись

---

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 461. Л. 26; Д. 460. Л. 219.

²⁶ Дэвид-Фокс 2015. С. 41.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 59.

только русским: «Такое отношение к языкам братских социалистических стран иначе как барско-пренебрежительным назвать нельзя. Пренебрежение к языкам стран народной демократии не содействует укреплению дружбы между странами, а скорее наоборот. Может быть это открыто никто пока не высказывает, но что пренебрежительность к их языкам им не нравится – это бесспорно»²⁸.

В качестве маркеров эффективности культурной дипломатии и транслируемых ею кодов могут выступить элементы современного ностальгического дискурса по транснациональному социалистическому прошлому²⁹. Ярким примером здесь является образ восточногерманского Гагарина – первого космонавта ГДР З. Йена в популярном фильме «Гуд-бай, Ленин!» (реж. В. Беккер, 2003 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahrens R. Gegenseitige Wirtschaftshilfe? Die DDR im RGW. Strukturen und handelspolitische Strategien 1963-1976. Koeln: Boehlau, 2000.
- Behrends J. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Koeln: Boehlau, 2006.
- Jajesniak-Quast D. Reaktionen auf die westeuropäische Wirtschaftsintegration in Ostmitteleuropa. Die Tschechoslowakei und Polen von den fünfziger bis zu den siebziger Jahren // *Zeitraume*. Berlin, 2007. S. 140–145.
- Голубев А. «Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920-30-х гг. – М.: ИРИ РАН, 2004.
- Голубев А. Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // *Россия XXI*. – 1997. – № 1–2. – С. 112–134.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: НЛЮ, 2015.
- Курковская Е.И. Комитет советских женщин. М., 1982.
- Нагорная О.С. Восточногерманские студенты в СССР 1950-60-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети» // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2013. – № 5. – С. 531–540.
- Орлова Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // *Неприкосновенный запас*. 2007. №4(54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/>
- Фокин В. И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30 гг. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

REFERENCES

- Ahrens R. Gegenseitige Wirtschaftshilfe? Die DDR im RGW. Strukturen und handelspolitische Strategien 1963-1976. Koeln: Boehlau, 2000.
- Behrends J. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Koeln: Boehlau, 2006.

---

²⁸ Там же.

²⁹ См., например: Орлова 2007.

- Jajesniak-Quast D. Reaktionen auf die westeuropäische Wirtschaftsintegration in Ostmitteleuropa. Die Tschechoslowakei und Polen von den fünfziger bis zu den siebziger Jahren // *Zeitraeume*. Berlin, 2007. S. 140–145.
- Golubev A. «Vzglyad na zemlyu obetovannuyu»: Iz istorii sovetskoj kul'turnoj diplomatii 1920-30-kh gg. – M.: IRI RAN, 2004.
- Golubev A. Intelligentsiya Zapada i sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v mezhoennyi period // *Rossiya KhKh1*. – 1997. – № 1–2. – S. 112–134.
- Devid-Foks M. Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody. – M.: NLO, 2015.
- Kurkovskaya E.I. Komitet sovetskikh zhenshchin. M., 1982.
- Nagornaya O.S. Vostochnogermanskije studenty v SSSR 1950-60-kh gg.: transnatsional'nye prostranstva i sotsialisticheskie «seti» // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2013. – № 5. – S.531–540.
- Orlova G. «Traktor v pole dyr-dyr-dyr, / Vse my boremsya za mir»: sovetskoe mi-rolyubie v brezhnevskuyu epokhu // *Neprikosnovennyi zapis*. 2007. №4(54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/>
- Fokin V.I. Mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen i SSSR v 20–30 gg. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, проректор по научной работе, Южно-Уральский институт управления и экономики, nagornja.oxana@mail.ru

“When the USSR became strong and powerful ... many nations seek our friendship”: aspects of the studies of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989)

The article presents the research perspectives of Soviet cultural diplomacy in the socialist camp: institutions and channels of cultural transfer, mechanisms and tools of formal and informal communication, biographical trajectory of "unofficial ambassadors", internal and external discourse about the cultural dimension of the socialist integration.

Keywords: transnational history, the socialist camp, cultural diplomacy, cultural transfer.

Oksana Nagornaya, Dr. Sc. (History), pro-rector for research, South Ural Institute of Management and Economics (Cheljabinsk), nagornja.oxana@mail.ru

А. И. САВИН, В. ДЕННИНГХАУС

НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАДАПТАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭРУ¹

В статье предпринята попытка рассмотреть периода брежневского «застоя» как итога длительного процесса взаимной адаптации советского политического режима и общества. Авторы приходят к выводу, что адаптация в политической сфере носила в 1960–1980-е гг. преимущественно обоюдный и встречный характер. Ее важнейшим условием стал фактический отказ брежневского режима от массовых репрессий по политическим мотивам и внеэкономического принуждения к труду, а также курс в экономике на повышение благосостояния народа. В ответ население демонстрировало власти свою лояльность и не подвергало открытому сомнению официальные правила и нормы. Большое внимание в статье уделяется личной роли Л.И. Брежнева в достижении устойчивого компромисса между властью и народом.

Ключевые слова: советская власть, общество, политическая адаптация, Л. Брежнев.

Советский период стал одной из точек бифуркации в историческом развитии России, периодом кардинальных изменений условий существования всех без исключения страт и групп населения, что в свою очередь остро поставило перед ними проблему адаптации к новой общественно-политической среде. В результате население выработало ряд специфических стратегий приспособления, которые потом применяло с разной степенью успешности в течение всего советского периода истории России.

«Оружие слабых»: стратегия выживания

В 1920–1930-е годы среди активных форм адаптации преобладало инкорпорирование в существующую политическую систему, в структуры и элиты «нового общества», усвоение и трансляция «социалистических» ценностей. В первую очередь речь шла о членстве в коммунистической партии, комсомоле, профсоюзах. Подобное поведение являлось необходимым условием карьерного роста, более высокого уровня оплаты труда, получения разнообразных льгот и преференций. Включение в систему могло быть как искренним, так и лицемерным. Пассивные формы адаптации были более разнообразны и изобретательны. Главные из них заключались в попытке перемещения в более благоприятную социальную среду (разнообразные виды миграций) и отклоняющемся (девиантном) поведе-

---

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта Германского исторического института в Москве в кооперации с РГАНИ по подготовке к публикации рабочих записей («дневников») Л.И. Брежнева.

нии. Так, в условиях массовой коллективизации и раскулачивания главным «оружием слабых» (Дж. Скотт) стало бегство крестьян из деревень в города, а для колхозного крестьянства – политическая мимикрия, в первую очередь в форме сознательного изменения (понижения) своего социального статуса в результате так называемого «самораскулачивания», дробления больших семей, перераспределения традиционных социальных ролей. Постепенно крестьяне также выработали ряд поведенческих стратегий, позволявших амортизировать налогово-податной пресс. Массовыми способами адаптации сельских жителей к новым условиям стали бурное развитие личных приусадебных хозяйств, отходничество, систематическое уклонение от работы, безынициативность, «работа спустя рукава», мелкое хищение колхозного имущества. Рабочие, как и крестьяне, в довоенные годы были поглощены задачей личного выживания в трудных условиях постоянного дефицита и потогонной системы ударного труда. Они часто демонстрировали свое неприятие новых трудовых порядков, что выражалось в огромной текучести кадров, пьянстве, «вольныхках». В то же время рабочие ощущали себя передовым отрядом борьбы за социализм, за лучшую жизнь трудового народа, что позволяет говорить даже о некоей «гармонии» между рабочим классом и сталинским режимом, объясняющей факт отсутствия массового рабочего протеста.

Великая Отечественная война с ее нововведениями в уголовном и административном законодательстве поставила крест на основных адаптационных практиках, выработанных в предыдущие годы: теперь рабочие под страхом уголовного наказания не могли самовольно покидать предприятия в поисках лучших условий работы и оплаты труда, а опоздания, прогулы и проч. нарушения трудовой дисциплины расценивались как серьезное преступление и соответственно карались. В деревне в результате усиления налогово-податного пресса также произошло существенное ограничение сферы «свободы действий» колхозного крестьянства и урезание адаптационных практик, выработанных в 1930-е гг. Так, прекрасно осознавая важность личного приусадебного участка в стратегиях выживания колхозного крестьянства, власть угрожала трудоспособным колхозникам, не выполнившим минимума трудовой, лишением огорода. В этих условиях главным позитивным стимулом выполнения возложенных на крестьян обязательств было неподдельное желание внести свой вклад в приближение победы над врагом.

Тем не менее, несмотря на страх быть убитым или покалеченным на фронте, беспокойство за судьбы детей и близких, тяготы повседневной жизни, а также неприятие довоенной политики сталинского государства, главные интересы основной массы населения и власти в годы

Великой Отечественной войны в целом совпали, во многом сняв остроту политической адаптации, свойственную 1920–1930-м гг. Эффективным ментально-психологическим «буфером» для народа послужили надежды на послевоенные реформы, которые в определенной степени нашли свое подтверждение в патриотической риторике режима и изменении политики в отношении церкви. В последние годы жизни Сталина режим в значительной мере вновь стал воспроизводить модель взаимоотношений власти с обществом, сложившуюся к концу 1930-х гг., хотя репрессии и стали менее частыми и жестокими, утратив интенсивность, свойственную им в довоенный период. Народ, дорогой ценой заплативший за победу в Великой Отечественной войне, не дождался исполнений своих чаяний – колхозная система осталась незабываемой, а жизнь в городах протекала в тяжелых условиях постоянного дефицита. Следует признать, что адаптационные стратегии, выработанные крестьянами в 1930-е годы, оказались малоэффективными в обескровленной и обезмужичившей послевоенной колхозной деревне, пребывавшей в состоянии крайней нищеты и глубокого кризиса. В свою очередь это привело к дальнейшему оттоку сельского населения в города.

«Оттепель»: волнообразный характер адаптации

Хрущевская «оттепель» характеризовалась двумя ярко выраженными периодами, и соответственно, двумя типами адаптации населения к политическому режиму. Первый период (1953 – конец 1950-х гг.) может быть охарактеризован как уравнивание – тип адаптации, подразумевающий установление определенного равновесия между властью и народом, которые проявляли взаимную терпимость к системе ценностей и стереотипам друг друга. Наследники Сталина буквально сразу же после его смерти провели достаточно серьезные реформы. Весной–летом 1953 г. начала осуществляться трансформация лагерной системы и избирательная реабилитация заключенных, закончившаяся массовой реабилитацией и ликвидацией системы ГУЛАГа. В 1953 г. произошло упразднение системы спецпоселений (крестьянской ссылки), а в 1955–1956 гг. – этнической ссылки. Снижение налогов на крестьянство, рост закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию сопровождалось сокращением капитальных вложений в тяжелую промышленность и военно-промышленный комплекс, что не замедлило положительно сказаться на жизни народа. Отказ от избыточной репрессивности существенно изменил характер политического режима, сделав его более предсказуемым и способным к реформам. В этих условиях власть быстро завоевала определенный кредит доверия у населения.

Стрелка процесса политической адаптации, носившей волнообразный характер, стала указывать в начале хрущевского правления на преобладание позитивных поведенческих адаптационных стратегий населения. Однако второй период «славного десятилетия» (конец 1950-х – 1964) характеризовался амбициозными планами Хрущева, связанными с целинной кампанией и его курсом «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», что вызвал новую волну диктата и мер принуждения в отношении сельского хозяйства. Особенно болезненно население воспринимало кампанию по укрупнению колхозов, которая должна была послужить цели ликвидации «мелкобуржуазных» пережитков в жизни крестьянства, практику навязывания колхозам повышенных производственных и заготовительных заданий, а также сокращение личных подсобных хозяйств. В результате на первое место вновь выступили пассивные формы адаптации, приведшие к усилению процесса раскрестьянивания и повышенному оттоку сельского населения в города. Механизмы активной (позитивной) адаптации к власти стали давать сбой, нарастало протестное поведение населения. Адекватным индикатором утраты властью диалога с населением выступала политика государства в отношении церкви. Антицерковная кампания, стартовавшая в конце 1958 г., привела к массовым закрытиям церквей и ликвидации приходов.

«Они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем»

Период так называемого брежневского «застоя» (1964–1982 гг.) во многом можно расценивать как итог длительного процесса коадаптации. Джемс Миллар охарактеризовал сложившуюся систему взаимной адаптации политического режима и населения в годы правления Брежнева как «Little Deal», «маленькую сделку», которая заключалась в том, что государство обеспечивало население социальную безопасность и определенный уровень благосостояния, а также закрывало глаза на личное хозяйство колхозников, «теневую экономику» и низкую производительность труда². Советский народ весьма емко выразил одно из главных условий «маленькой сделки»: «Они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем». Таким образом, население демонстрировало свою лояльность власти, не подвергая открытому сомнению официальные правила и нормы, что во многом сняло для подавляющего большинства жителей СССР остроту адаптации к режиму.

Спецификой брежневского периода следует признать то обстоятельство, что процесс адаптации носил преимущественно обоюдный и

---

² Millar 1985. P. 697-698.

встречный характер. Приспособление народа к власти и власти к народу осуществлялось на «встречных курсах» – если власть фактически отказалась от массовых политических репрессий и внеэкономического принуждения к труду, сделав главную ставку на идеологию и моральные стимулы поощрения, то население во многом усвоило как свои собственные главные «социалистические» ценности и идеалы. В результате возобладали два взаимодополняющих типа адаптации: приноравливание (признание и принятие населением основных систем ценностей власти, взаимные уступки) и уподобление (психологическая переориентация населения, трансформация прежних взглядов, ориентаций, установок общества в соответствии со сложившейся ситуацией).

«Вегетарианские времена»: статистика репрессий

Без сомнения, важнейшим условием «маленькой сделки» был фактический отказ от политических репрессий. Период нахождения у власти Л.И. Брежнева характеризовался самыми низкими показателями деятельности тайной полиции в СССР. Так, если при «десталинизаторе» Хрущеве в 1956–1965 гг. за антисоветскую пропаганду и агитацию в среднем ежегодно осуждалось около 575 человек, то при Брежневе в 1966–1980 гг. этот же показатель составил 123 чел., а с учетом данных за 1981–1985 гг. еще меньше – 119 чел.³ Например, за первое полугодие 1980 г. органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности 243 чел., из них за особо опасные государственные преступления – 59 чел., в том числе 18 – за измену родине, а также 40 активных антисоветчиков и 94 контрабандиста и валютчика⁴. Само собой разумеется, эта статистика не отражает все политические репрессии. Например, религиозные диссиденты, как правило, осуждались по статьям 142, 143 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, причем количество репрессированных «религиозников» сопоставимо с числом осужденных «антисоветчиков». Часть инакомыслящих осуждалась по уголовным статьям или подвергалась принудительному психиатрическому лечению. Тем не менее, органы госбезопасности при Брежневе все в большей степени заменяли репрессивные практики т.н. «профилактированием». Если перефразировать Анну Ахматову, то в СССР вновь наступили «вегетарианские времена»⁵. Отказавшись от массовых политических репрессий как одной

³ См.: Крамола... С. 36. Речь идет о репрессиях в отношении т.н. «антисоветчиков» и диссидентов – мнимых и реальных противников коммунистического режима.

⁴ РГАНИ, ф. 89, оп. 51, д. 4, л. 2-3.

⁵ Однако общий уровень преступности в СССР и, соответственно, показатели деятельности карательного аппарата, продолжали оставаться высокими. Согласно записке Н.А. Щелокова Брежневу от 20 февраля 1971 г. ежегодно в места лишения

из главных структурных составляющих советской цивилизации, Брежнев и его «команда» довольно успешно предприняли попытку заменить карающий «кнут» наказания «пряником» материального и морального поощрения, в том числе создав настоящую индустрию награждений⁶.

Рабочие записи Генерального секретаря

Стремление минимизировать репрессии по политическим мотивам нашло косвенное отражение в рабочих записях Брежнева. Так, одна из записей конца 1967 года гласит: «О награждении кабардинцев – карачаевцев и других кого выслали во время войны их зажимали [–] к дню победы наградить»⁷. Еще одно яркое выражение готовности идти на компромисс – запись, которую генсек внес в рабочий «дневник» 6 октября 1972 г.: «Как бы Указ о евреях не отменять, а де фактом не применять». Эта брежневская идея позволила снять остроту вокруг вопроса о еврейской эмиграции из СССР, которая возникла после пресловутого «налога на образование», введенного в отношении эмигрантов постановлением Совета министров СССР от 3 августа 1972 г.⁸ 15 марта 1978 г. Брежнев с удовлетворением записал: «Ликвидировал проект решения о запрете выезда [за границу] с мужьями жен – без спец[иального] на то решения».

Поразительно редко в рабочих записях упоминаются имена главных диссидентов СССР и вообще все, что связано с деятельностью КГБ⁹. Так, А.Д. Сахаров упоминается лишь дважды. 8 сентября 1973 г. Брежнев писал: «Разговор с А.Н. Косыгиным о Сахарове – принимать или нет. Еще раз посоветуюсь в ЦК [...] Еще раз поговорить с Алексей Николаевичем о приеме Сахарова». Фамилия Сахарова вновь возникает в брежневском «дневнике» в записях от 23 января 1980 г.: «Переговорил по телефону с Черненко – о Сахарове. Переговорил с Сусловым М.А. – тоже о Сахарове

свободы для отбывания наказания отправлялось 450–460 тыс. чел., примерно такое же количество освобождалось, а различным мерам наказания (в основном административным) ежегодно подвергалось 20–25 млн. чел. За 1966–1970 гг. в СССР было совершено около 5 млн. уголовных преступлений, из них более 1 млн. – в 1970 г. Количество административных правонарушений составило в 1969 г. 18,8 млн., в 1970 г. – 25,2 млн. Число убийств на один миллион населения в СССР равнялось в среднем 63. Для сравнения Щелоковым были приведены аналогичные показатели для Великобритании – 5, и для США – 69. См. РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 100, л. 21–22.

⁶ Подробнее см.: Деннингхаус, Савин 2014.

⁷ Рабочие записи Л.И. Брежнева хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 80, оп. 1, д. 974, 975, 977–990. Отдельные листы записей также включены в состав других дел личного фонда Брежнева. При цитировании указывается дата соответствующей записи без дальнейшей ссылки на архив.

⁸ См: Деннингхаус, Савин 2013; 2013/2014.

⁹ Впрочем, рабочие записи Брежнева в целом характеризуются значительной избирательностью и серьезными лакунами.

— что сделать. Дал задание [В.В.] Загладину и [Ю.А.] Жукову – встретиться с [Ж.] Шабан-Дельмас¹⁰ и разъяснить проделки Сахарова. Разговаривал с Андроповым и о Сахарове». О Солженицыне Брежнев не написал ни разу; дважды – 16 и 21 марта 1978 г. – в связи с лишением советского гражданства упоминаются М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневецкая¹¹. Разумеется, эти краткие записи отнюдь не пышут любовью к диссидентам, но даже они являются ярким свидетельством нового качества советской карательной политики и относительной либеральности Брежнева. То обстоятельство, что КГБ сравнительно легко удалось нейтрализовать немногочисленное и разрозненное движение «светских» диссидентов (в отличие от религиозных диссидентов и «националов»), во многом объясняется конформизмом основной массы населения. В этом конформизме нет ничего удивительно, ведь даже диссиденты отнюдь не исключали возможности прийти к приемлемому модус вивенди с брежневской властью. По этому поводу писатель Василий Ерну меткое подметил, что «диссидент – продукт коллаборационизма между советскостью и антисоветскостью»¹².

«...Я попросил – ГДР-ский фен»

Второй важной составляющей «маленькой сделки» стал брежневский курс на «неуклонный рост благосостояния советского народа». Спустя 20 лет после войны и десятилетие после смерти Сталина советский человек все еще продолжал существовать в условиях дефицита самых обычных вещей и продуктов питания. Даже первые советские космонавты, начиная с Гагарина, после успешного завершения полета получали от правительства не только золотые звезды Героев Советского Союза, но и «приданое» для себя и своих ближайших родственников, в которое входила бытовая техника, предметы быта и одежда, включая трусы и носки¹³. С дефицитами советской экономики сталкивался даже сам Брежнев, и разрешал их довольно типичным для обыкновенного советского человека способом – доставал по знакомству, «по благу». Брежнев, последовательно прошедший все ступени карьеры партийного и советского работника, прекрасно понимал истинную цену вещей и продуктов в мире

---

¹⁰ Французский политик, голлист, председатель Национального собрания Франции в 1978–1981 гг. Находился в конце января 1980 года с официальным визитом в СССР. После получения информации о высылке А.Д. Сахарова в Горький вернулся во Францию, прервав свою поездку.

¹¹ В частности, 21 марта 1978 года Брежнев записал: «Работал с Г. Дорошиной – [Л.М.] Замятин – о Ростроповиче [так – В.Д., А.С.] и Вишневецкой. Андропов Ю.В. по этому же вопросу, я просил связаться с т. Замятин[ым]»

¹² Ерну 2007. С. 178.

¹³ См., например, Постановление Президиума ЦК КПСС «О подарках тов. Гагарину Ю.А. и членам его семьи...» (Документ носил гриф «сов. секретно»).

плановой экономики, его «дневники» пестрят бытовыми записями такого рода: «Говорил с Абрагимовым П.А.¹⁴ [...] я попросил – ГДР-ский фен»¹⁵; «Отправил 5 коробок конфет Вик[тории] Петровне. Отправил Галочке помадки – тоже со стола, но привезенные вчера»¹⁶; «Получил запонки от Кендала»¹⁷; «Михаил Евстафиевич¹⁸ – прислал синюю рубашку с пуговочками до низу – но не шерстяная. Спросить у Н.А. [Тихонова] – в какой он был у нас 4го Апреля»¹⁹; «Получил костюм спортивный от легкой промышленности»²⁰; «Шубка-курточка прислал [...] генсек Аргентины»²¹.

«Я сам люблю, например, макароны по-флотски...»

Когда в декабре 1978 г. Брежневу вручали третью медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и очередной орден Ленина, он произнес знаменательную фразу: «Недавно в беседе с одним иностранным товарищем я откровенно сказал, что есть две вещи, которые всегда были и будут наиболее близки моему сердцу, всегда были и будут предметом моих главных забот. Это хлеб для народа и безопасность страны»²². Брежнев не кривил здесь душой. Его рабочие записи показывают, что из всего многообразия вопросов народного хозяйства наиболее близким для него был вопрос обеспечения населения продуктами питания в частности и развития сельскохозяйственного сектора – в целом. Не будет преувеличением утверждать, что уникальность Брежнева как лидера партии и государства в первую очередь заключалась в том, что он «заглянул в тарелку», стоявшую на столе у советских людей, причем не с привычной целью ополовинить ее содержимое, а с искренним желанием наполнить ее. Выступая в 1971 г. на XXIV съезде КПСС, Брежнев заявил: «Лук нельзя заменить картошкой, а подсолнечное масло – томатным соком: на столе советского человека должно быть всё». Делая это, он по сути оседлал на съезде своего «любимого конька».

К теме сельского хозяйства и продуктов питания Брежнев неоднократно возвращался в своих публичных речах, особенно во второй половине 1960 – начале 1970 гг. Так, выступая 12 июля 1965 г. перед партий-

¹⁴ Советский посол в Германской Демократической Республике.

¹⁵ Запись от 21 июля 1977 г.

¹⁶ Запись от 20 марта 1979 г. Речь идет о жене Брежнева и его правнучке Галине Филипповой.

¹⁷ Запись от 5 ноября 1976 г. Дональд Кендалл - председатель совета директоров и главный исполнительный директор компании «Пенсико».

¹⁸ М.Е. Могилевец – зам. управделами ЦК КПСС.

¹⁹ Запись от 5 апреля 1976 г.

²⁰ Запись от 14 сентября 1976 г.

²¹ Запись от 12 января 1977 г.

²² РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1210. Л. 57.

но-советским руководством Ленинграда, Брежнев красочно и со знанием дела рассуждал о рационе питания советской семьи: «У нас должна быть манная и перловая крупа в неограниченном количестве и ячневая крупа, крупу гороховую можно приготовить, гречневую муку можно приготовить с сахаром и медом под блины. Когда широкий ассортимент круп, макарон, вермишели и прочего, то рабочая семья при том же самом бюджете, который она имеет, может легче построить снабжение своей семьи. Сегодня ячневую крупу приготовит, завтра перловую, послезавтра рис себе позволит, один раз подороже возьмет рис, другой раз подешевле, это не так надоедает, пища должна быть разнообразной [...] Если у нас есть подсолнечное масло, маргарин и сливочное масло, то человек один раз возьмет подсолнечное масло, поджарит лук, заправит и все. А если будет одно животное масло, а нет постного, хозяйке надо думать, как выходить из положения. Муж приходит с работы и сын, их надо чем-то кормить»²³.

В 1972 г., произнося речь перед руководящим составом Вооруженных сил СССР, Брежнев пространно рассуждал: «[...] А потом, [даже] если овес и ячмень, скажем, родит выше [чем пшеница и рожь], ни ячменем, ни овсом ни рабочий класс, ни колхозное крестьянство, тем более генералов, кормить нельзя. Надо думать о пшенице. Изредка употребляем в охоту черный хлеб, преимущественно кушаем белый. Я по маршалу сужу [...] Во всяком случае, мы настроены оптимистично и дело будем вести к тому, чтобы [избегать] колебаний во внутреннем рынке и [в деле] снабжения населения хлебом и всеми продуктами – макароны, вермишель, что также военнослужащие очень любят, и я сам люблю, например, макароны по-флотски особенно, и когда [были] у адмирала Горшкова на корабле и подали черт знает чего, какой-то бифштекс, понимаете. Откуда они его взяли? Спрашиваю, где макароны по-флотски? На второй день только дали. И то после критики. Вот чтобы было бесперебойно, эту линию мы выдержим, на это у нас есть ресурсы. Так что нам делать, это наш вопрос. Население не должно знать этого. Это правительство должно ломать голову, а население бесперебойно снабжаться»²⁴.

И даже ностальгия по годам молодости иногда приобретала у Брежнева кулинарный оттенок. Во время своего визита в Омск 30 марта 1978 г. он неожиданно прервал первого секретаря Омского обкома КПСС С.И. Манякина: «Я прошу меня извинить, я вот вспомнил, когда я работал землемером, то на работу в поле мы брали банки тушенки, которая производилась у вас. Сохранился ли этот консервный завод?». Изумлен-

²³ Вестник Архива Президента... 2006. С. 33.

²⁴ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 261. Л. 15-16.

ный Манякин заверил генерального секретаря в том, что завод сохранился, «только качество теперь стало еще лучше»²⁵.

«Мы шарахаемся из стороны в сторону»

Политика в области сельского хозяйства, как и вся брежневская политика в целом, во многом являлась производной отказа от амбициозных «хрущевских» планов построения коммунизма в обозримом будущем и стремления «догнать и перегнать Америку». Отсюда вытекали два главных момента, которые характеризовали линию партии, особенно в начале брежневской эпохи – повышенное внимание к личному хозяйству колхозников и реалистичность в планировании и руководстве сельском хозяйством. На октябрьском 1964 г. пленуме ЦК КПСС Брежнев набросал в своем дневнике: «Мы шарахаемся из стороны в сторону. 2-3 плана. Рязанское дело – позорное дело [...] Животноводство – и чем его кормить то картошкой – то сахарной свеклой. То мы ликв[идируем систему] Вильямса, то вновь даем задание сеять люцерну»²⁶. Однако, отказавшись от крайностей «хрущевской» политики, Брежнев воспринял ее ядро – повышение жизненного уровня советских людей, в первую очередь, в области потребления продуктов питания.

«В начале больших дел» Брежнев был полон энтузиазма и весьма трезво оценивал ситуацию в сельском хозяйстве. Причины отставания сельскохозяйственного производства он видел не только в технической недооснащенности и слабой химизации сельского хозяйства, но и в политике заготовок, которая была причиной недостаточной заинтересованности колхозников, недооценке и игнорировании экономических законов развития, серьезных недостатках в планировании, ценообразовании и финансировании, а также практике «администрирования» и командования колхозами и совхозами. В результате был взят курс на установление твердых плановых заданий на пятилетку, введение хозрасчетных отношений, колхозам дали право самостоятельного планирования севооборотов, отказались от «искусственного сближения» колхозов и совхозов. Демонстрируя готовность закупать сверхплановую закупку основных продовольственных культур по повышенным ценам, вкладывать огромные деньги в сельское хозяйство и одновременно «списывать» долги колхозов, Брежнев четко сформулировал главную цель – укрепление экономического положения колхозов, а в итоге – снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции. Все это постепенно позволило колхозникам расстаться со своим статусом граждан «второго сорта». Большую роль в этом также сыграла выдача им паспортов, начиная с 1974 г.

²⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 385. Л. 76.

²⁶ Запись от 13-14 октября 1964 г.

«Ручное управление» эпохи «застоя», или Традиция «обзвона»

Однако довольно быстро брежневский энтузиазм сменился рутинной ежегодных сельскохозяйственных кампаний – посевной и хлебозаготовок, трансформировавшихся в брежневские времена в привычную «борьбу за урожай». Как известно, Брежнев не пошел дальше по пути реформирования советского сельского хозяйства, сделав выбор в пользу консервации колхозно-совхозной системы, дотаций селу и ежегодного экспорта миллионов тонн зерна из-за рубежа. В такой ситуации ему оставалось только лично поддерживать сложившееся в отрасли статус-кво в режиме «ручного управления». Методично, раз за разом и из года в год, начиная примерно с 1972 г., Брежнев начинает фиксировать в дневниках результаты своих телефонных разговоров с первыми секретарями ЦК компартий союзных и автономных республик, крайкомов и обкомов КПСС, которые он вел в связи с сельским хозяйством. Основные вопросы, которые Брежнев обсуждал с региональной партийной элитой на протяжении всех восемнадцати лет его правления, однотипны – погодные условия, ход посевных и уборочных работ и настроения населения. Вот несколько типичных записей: «12 мая 1972 г. 8 ч[асов] утра. Приморский край – Владивосток – Ломакин Виктор Павлович: Тяжелая весна – не было зяби, стоит сухая погода. Отстают по молоку. Настроение народа хорошее. Т[оварищ] Черный А.К., Хабаровский край: Весна в этом году – лучше чем в прошлом году. Сев проходит нормально – всходы хорошие. Настроение у народа хорошее»; «12-ое августа 1973 г. Бондаренко – Ростов. Назвал – 270 млн. пудов – после разговора обещал дотянуть до 300 млн.»; ««7-ое Мая 1976 г. Курск – Гудков – на полях пока хорошо, влага есть – озимые хорошие»; «23 июня 1977 г. Алтай – Аксенов Николай Федорович. Положение немного улучшилось, кое-где прошли дожди. Как идет заготовка сена – вообще корма для скота»; «29 августа 1977 г. «Переговорил с Косыгиным – главные вопросы покупка хлеба. Затем я поставил задачу – хлеб купить, но надо набрать машин – резины, иначе мы не справимся с вывозкой сахарной свеклы» и т.п.

Под конец жизни Брежневу становилось все труднее заниматься рутинной личной «ручного управления» и контроля за сельским хозяйством. Тем не менее традиция «обзвона» была сохранена. Примерно с конца мая 1981 г. секретари Брежнева начинают регулярно звонить во все обкомы, крайкомы и республиканские комитеты КПСС на предмет «будущего урожая». К примеру, 31 мая его секретарь А. Бычков звонил в Белгород, Курск, Орел, Брянск, Калугу, Тулу, Тамбов, Харьков, Ростов, Рязань, Кострому, Ульяновск, Владимир, Волгоград, Запорожье, Краснодар и Ставрополь, требуя сведений о состоянии озимых посевов и

прошедших за последние дни дождей в этих областях и краях. «Результаты доложены Л. И. по телефону на дачу» – записал Бычков²⁷. 3 июня 1981 г. уже другой секретарь, Н. Суходольский, «по поручению Л. И.» позвонил в Курск, Тулу, Орел, Кострому, Новгород, Белгород, Барнаул, Оренбург, Харьков, Тамбов, Калугу, Липецк, Ульяновск, Горький, Воронеж. Полученные сведения были доложены Брежневу и по его указанию разосланы членам Политбюро. 6 июня секретарь А. Кечин перезвонил в 19 областных городов с целью получения сведений о состоянии посевов и «прошедших дождях на 6.VI. в 19 областях черноземной и нечерноземной зон». На следующий день, в воскресенье Брежнев лично звонил в приемную Кремля, чтобы получить сведения, собранные Кечиним. 10 июня сведения с мест, которые собрал Суходольский, «Л. И. взял с собой. После ознакомления переслал т. Черненко». Сведения о погодных условиях и состоянии посевов регулярно пересылались секретарями утренней и вечерней почтой на дачи в Заречье и Завидово. В результате с середины июня первые секретари обкомов и крайкомов КПСС сами наперебой звонили в приемную генсека и докладывали о состоянии зерновых и погодных условиях, не дожидаясь звонков брежневских секретарей. С одной стороны, такие практики отображали стремление Брежнева не выпускать власть из своих рук вплоть до последнего дня своей жизни, демонстрируя «недреманное око», с другой стороны, их также можно трактовать как выполнение Брежневым своей части «маленькой сделки». Даже за несколько месяцев до смерти, в июне 1982 г., мы находим у Брежнева давно уже ставшие традиционными для него записи: «Кунаев – обстановка нормальная [...] Кустанай – хорошо [...] Шакиров – Башкирия – вполне удовлетвор[ительная обстановка], рассчитыв[ает] на средний урожай. Оренбург – средний урожай не получится. Липецк – все хорошо»²⁸ и т.д.

«Народ не понимает и не желает понимать...»

Политика «маленькой сделки» существенно облегчила жизнь советского населения, но она же фактически завела руководство КПСС в ловушку. Как констатируют публикаторы выступления Л.И. Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г., «взяв курс на всемерное повышение жизненного уровня населения, советское руководство неожиданно осознало, что народ не понимает и не желает понимать, сколь сложна эта задача для советской экономики». Низкие цены на продукты

---

²⁷ Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева за 1981 г. см.: РГАНИ. Ф.80. Оп.1. Д.351. Л. 1-185.

²⁸ Запись от 29 июня 1982 г.

питания и тенденция роста заработной платы, повсеместно опережавшей производительность труда, стали серьезным бременем для народного хозяйства и вызывали нешуточную озабоченность руководства партии и государства. «Я часто задумываюсь над таким вопросом, – признавался Брежнев – Надо серьезно удовлетворять потребности народа, я задаю себе вопрос: где грань этим потребностям?»²⁹.

Брежневская эпоха – уникальный период истории советского государства, в ходе которого его граждане были как никогда сыты, одеты, обуты, а многие вещи, которые до этого оставались для них лишь недостижимыми символами «красивой» жизни – автомобили, мотоциклы, велосипеды, часы, бытовая техника – перестали быть только символами. Именно курс на «неуклонное повышение материального благосостояния советских людей», а не построение коммунизма можно считать главной национальной идеей эпохи Брежнева. Четвертый советский вождь был, как бы это парадоксально не звучало, истинным предтечей перестройки, поскольку ее корни лежали именно там, в брежневском времени, когда идея коммунизма отошла на второй план, а на первом плане оказался рубль, несмотря на все дефициты социалистической экономики. Еще одним главным результатом брежневской политики стала фактическая коадаптации политического строя и народа: «маленькая сделка» привела к тому, что вплоть до развала СССР большинство населения мыслило реформы только в рамках советской системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. 1964–1982 / под ред. С. Кудряшова. М., 2006.
- Деннингхаус В., Савин А.И. «Как бы Указ о евреях не отменять, а де факто не применять». Л.И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР // Россия. XXI век, 2013. № 1. С. 130–159. (Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It” L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // Russian Studies in History. V. 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.
- Деннингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то “Знак Почета” попадает...». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.
- Ерну В. Рождённый в СССР. М.: Ad Marginem, 2007.
- Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. М., 2005.
- «Наши недостатки, трудности и проблемы не такие мелкие, чтобы можно было себе позволить закрывать на них глаза»: Засекреченное выступление Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Г.М. Ивановой и О.В. Ивановой // Россия. XX век. Архив А.Н. Яковлева. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).

²⁹ «Наши недостатки, трудности и проблемы...» 2011.

Постановление Президиума ЦК КПСС «О подарках тов. Гагарину Ю.А. и членам его семьи» от 18 апреля 1961 г. // Вестник Архива Президента. Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина / под ред. С. Кудряшова. М., 2011. С. 354-358.

Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985), P. 697-698.

REFERENCES

Vestnik Arkhiva Prezidenta. Spetsial'noe izdanie. General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev. 1964–1982 / pod red. S. Kudryashova. M., 2006.

Dennigkhaus V., Savin A.I. «Kak by Ukaz o evreyakh ne otmenyat', a de fakto ne primenyat'». L.I. Brezhnev, razryadka i evreiskaya emigratsiya iz SSSR // *Rossiia. XXI vek*, 2013. № 1. S. 130–159.

Denningkhaus V., Savin A.I. «Smotrish', i Mane i Tane kakoi-to “Znak Pocheta” popadaet...». Brezhnevskaya «industriya» nagrazhdenii i sovetskoe obshchestvo // *Rossiiskaya istoriya*. 2014. № 2. S. 127–149.

Ernu V. *Rozhdennyi v SSSR*. M.: Ad Marginem, 2007.

Kramola. Inakomyслиe v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo Suda i Prokuratury SSSR. M., 2005.

«Nashi nedostatki, trudnosti i problemy ne takie melkie, chtoby mozno bylo sebe pozvolit' zakryvat' na nikh glaza»: Zasekrechennoe vystuplenie L.I. Brezhneva na Plenumе TsK KPSS 15 dekabrya 1969 g. Vstup. stat'ya, podgot. teksta, kom-ment. G.M. Ivanovoi i O.V. Ivanovoi // *Rossiia. XX vek. Arkhiv A.N. Yakovleva*. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).

Postanovlenie Prezidiума TsK KPSS «O podarkakh tov. Gagarinu Yu.A. i chlenam ego sem'i» ot 18 aprelya 1961 g. // Vestnik Arkhiva Prezidenta. Sovetskii kos-mos. Spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina / pod red. S. Kud-ryashova. M., 2011. S. 354-358.

Dönninghaus V., Savin A. Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It? L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // *Russian Studies in History*. Volume 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.

Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review* 44 (1985), P. 697-698. Vestnik Arkhiva Prezidenta. Spetsial'noe izdanie. General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev. 1964–1982 / pod red. S. Kudryashova. M., 2006.

Dennigkhaus V., Savin A.I. «Kak by Ukaz o evreyakh ne otmenyat', a de fakto ne primenyat'». L.I. Brezhnev, razryadka i evreiskaya emigratsiya iz SSSR // *Rossiia. XXI vek*, 2013. № 1. S. 130–159.

Denningkhaus V., Savin A.I. «Smotrish', i Mane i Tane kakoi-to “Znak Pocheta” popadaet...». Brezhnevskaya «industriya» nagrazhdenii i sovetskoe obshchestvo // *Rossiiskaya istoriya*. 2014. № 2. S. 127–149.

Ernu V. *Rozhdennyi v SSSR*. M.: Ad Marginem, 2007.

Kramola. Inakomyслиe v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo Suda i Prokuratury SSSR. M., 2005.

«Nashi nedostatki, trudnosti i problemy ne takie melkie, chtoby mozno bylo sebe pozvolit' zakryvat' na nikh glaza»: Zasekrechennoe vystuplenie L.I. Brezhneva na Plenumе TsK KPSS 15 dekabrya 1969 g. Vstup. stat'ya, podgot. teksta, kom-ment. G.M. Ivanovoi i O.V. Ivanovoi // *Rossiia. XX vek. Arkhiv A.N. Yakovleva*. 2011. (URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759>).

Postanovlenie Prezidiuma TsK KPSS «O podarkakh tov. Gagarinu Yu.A. i chlenam ego sem'i» ot 18 aprelya 1961 g. // Vestnik Arkhiva Prezidenta. Sovetskii kos-mos. Spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina / pod red. S. Kud-ryashova. M., 2011. S. 354-358.

Dönninghaus V., Savin A. Don't Be Seen Repealing the Decree on the Jews—Just Don't Enforce It" L.I. Brezhnev, Détente, and Jewish Emigration from the USSR // Russian Studies in History. V. 52, № 4 (Summer 2013-Spring 2014). P. 19–44.

Millar James R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slav-ic Review 44 (1985), P. 697-698.

Андрей Савин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН; a_savin_2004@mail.ru

Виктор Деннингхаус, доктор исторических наук, профессор кафедры восточноевропейской истории Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига (г. Фрайбург, Германия), заместитель директора Нордост-института (Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе, г. Люнебург, Германия)

Course of compromise

Political mutual adaptation of power and society under Brezhnev

This article offers an attempt to answer the question whether the time of the Brezhnev-‘stagnation’ really was the result of a long process of mutual adaption of the Soviet political system and society. The authors conclude that the political system and society largely adapted to each other in the 1960s – 1980s. The most important precondition was that Brezhnev’s regime in fact rejected mass persecutions for political reasons and enforced labour. Instead, it concentrated on its efforts to raise people’s living standard. Popular response was loyalty towards authorities; furthermore, ordinary people did not question official orders and rules in public. In the article, the authors focus his attention to the personal role of Leonid Brezhnev who achieved this stable compromise between power and people.

Keywords: Soviet political system, society, power, adaptation, Leonid Brezhnev.

Andrey Savin, PhD in history, senior research fellow, Centre for history of social and political development, Institute of History, Siberian branch of the RAS; a_savin_2004@mail.ru

Viktor Denninghaus, Dr Sc. (History), Professor, Department of History of Eastern Europe, University of Freiburg (Germany), deputy-director, Nord-Ost Institut (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa, Lüneburg, Germany)

Е. Г. ПУТИЛОВА

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

На основе архивных документов, автор реконструирует историю Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», предлагая ее периодизацию: формирование Движения «Мемориал» (1986–1990), становление (1990–е), зрелость/расцвет (2000–2011). Жизнеспособность и актуальность «Мемориала» на всех этапах определяется сочетанием его историко-просветительской и правозащитной деятельности.

Ключевые слова: историческая память, гражданское общество, «Мемориал».

Общество «Мемориал» – одна из первых отечественных НКО, активно развивающаяся по сей день. Как массовое движение, «Мемориал» начал формироваться в 1986–1990 гг., когда в центре общественного внимания находилась тема политических репрессий советской эпохи, прежде всего – сталинского периода. Раскрытие правды о трагических страницах советской истории, юридическая и моральная реабилитация жертв политического террора, были необходимым условием реализации демократических реформ. Для того, чтобы это условие было выполнено, требовались целенаправленные усилия со стороны демократической общественности, поскольку сопротивление коммунистической идеологии и структур власти было ещё достаточно сильно, а политические организации демократической направленности практически отсутствовали.

За первые четыре года периода своего формирования, «Мемориал» сделал значительный шаг вперёд: от Демократического клуба «Перестройка», Инициативной группы «За увековечение памяти о жертвах беззаконий и репрессий в прошлом нашей страны» и группы «Памятник»¹ в 1986–1987 гг. до учреждения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», оформления его организационной структуры и местных отделений в 1988–1990 гг.

Создание «Мемориала», независимого от контроля государства и КПСС, само по себе было существенным фактором в борьбе за демократию, значительным этапом в строительстве гражданского общества. Около 200 отделений Общества в СССР в этот период объединяли несколько десятков тысяч активистов. В состав организаций–учредителей «Мемориала» вошли: союзы архитекторов, кинематографистов, театральных деятелей, художников, дизайнеров, «Литературная газета» и

---

¹ Путилова 2013 С. 14-16.

журнал «Огонек». Тогда же был объявлен Общественный совет «Мемориала», в который вошли А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Карякин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава. А. Рыбаков, М. Ульянов, Л. Разгон, М. Шатров. Председателем совета был избран А.Д. Сахаров. Преодолевая сопротивление власти, «Мемориал» будировал в общественном сознании тему политических репрессий (и тему массовых нарушений прав человека тоталитарным режимом) – этим определялась его актуальность и место на общественно-политической сцене. Работа «Мемориала» носила характер широкой общественно-просветительской деятельности (массовые акции, уличные выставки, «вечера памяти» и т.д.), не имела заранее определённого плана и разделения по направлениям. Именно в эти годы, «Мемориал» сформулировал приоритетные условия построения демократического правового государства в России: тоталитарное прошлое должно получить однозначную нравственную, правовую и политическую оценку; оно должно быть осуждено, и это осуждение должно быть зафиксировано и в государственных актах, и в общественном сознании; высшей ценностью в государственной и общественной жизни России впредь должны быть признаны права личности². Реализация данных принципов легла в основу совместной деятельности с властью в вопросах разработки соответствующих законодательных актов.

В 1987–88 гг. советское руководство поручило ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС создать из представителей партийных, советских органов, органов прокуратуры, КГБ и МВД общественных организаций Комиссии по увековечению памяти жертв политических репрессий. В составе комиссий активно работали мемориальцы. К 1989 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в ходе проверок выявил, что работа по увековечению памяти жертв политических репрессий в ряде республик, краев и областей велась недостаточно последовательно. «Мемориал» (вместе с Московским объединением лиц, пострадавших от необоснованных репрессий) стал также настаивать на том, что Постановление ЦК КПСС об увековечении памяти погибших не выполняется, и именно с «подачи» «Мемориала» впервые был поставлен вопрос о создании государственной комиссии и издании указов по увековечению памяти погибших и защите интересов реабилитированных и членов их семей³. «Мемориал» принимал активное участие в разработке реабилитационного законодательства, в частности, в подготовке важного для страны ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий».

---

² Развитие «Мемориала». Основные достижения (1988–1995). С. 1.

³ Путилова 2012. С. 55-56.

Период формирования Движения был ознаменован и зачатками оформления основных направлений его деятельности. Одним из первых основных видов работ «Мемориала» стала правозащита (участие в разработке реабилитационного законодательства было одним из её видов).

Индивидуальными делами занималась созданная при «Мемориале» в 1988 г., Юридическая служба (группа), а чуть позже Правозащитный Центр «Мемориал». Основными задачами Юридической группы являлись: осуществление юридических мер по полной реабилитации жертв политического произвола и репрессий, содействие в восстановлении прав лиц, пострадавших в результате нарушения законности и нуждающихся в правовой защите. Ведение дел было связано, как правило, с направлением официальных запросов в государственные учреждения, включая органы прокуратуры, МВД, КГБ (если речь шла о реабилитации, получении сведений о погибших родственниках, выдаче справок об отбытии срока, компенсации за конфискованное имущество) или в исполнительные органы местного уровня, куда направлялись ходатайства об увеличении пенсий, предоставлении жилья, улучшении жилищных условий, прочих льгот жертвам репрессий и их родственникам⁴. В Юридическую группу (юристы А.В. Викторов, О.Н. Косорез, В.С. Бобылева) нередко обращались пострадавшие от психиатрических репрессий. Они направлялись на прохождение независимой психиатрической экспертизы, а затем следовали дальнейшие шаги по восстановлению их прав. Именно психиатрическим репрессиям в СССР был посвящен доклад А.В. Викторова, представленный на Вторую международную конференцию в Ленинграде, с примерами из повседневной практики Юридической группы⁵. Юридическая помощь, включая консультации по телефону и по почте ежегодно с 1989 г. оказывалась не только москвичам, но и жителям других городов и областей страны. Контингент лиц, обращавшихся в «Мемориал» весьма обширен: это жертвы коллективизации – дети раскулаченных крестьян, представители народностей, подвергавшихся принудительной депортации, пострадавшие от психиатрических репрессий и административного произвола, беженцы из районов межнациональных конфликтов. К правозащитному направлению работы относились также массовый сбор подписей, участие в пикетах; выявление узников совести и политических заключенных, распространение их списков и другие акции в их защиту.

С начала своего существования «Мемориал» проводил работу по оказанию материальной помощи нуждающимся жертвам репрессий (как правило, из средств, собранных на благотворительных акциях). С 1989

---

⁴ Юридическая служба «Мемориала»: С. 3.

⁵ «Мемориал» за три года: С. 2.

г. под эгидой «Мемориала» осуществлялась также программа по бесплатной медицинской и патронажной помощи «Сострадание».

Второй период обозначается нами как становление Движения «Мемориал», и охватывает 1990-е гг. В связи с масштабными политическими переменами в стране в начале 1990-х (упразднение КПСС, распад СССР, свободные выборы, формирование демократических институтов власти), шли процессы специализации и профессионализации работы «Мемориала», чётко выделились основные направления его деятельности: изучение и публикация материалов по истории политических репрессий и массовых нарушений прав человека в советский период; сохранение памяти о погибших от государственного насилия; сбор, анализ и предание гласности информации о нарушениях прав человека в настоящем; помощь людям, чьи гражданские и политические права нарушались и нарушаются⁶.

Для лучшей организации работы по данным направлениям, в «Мемориале» были созданы специализированные структуры – Правозащитный центр (ПЦ) и Научно-информационный и просветительский центр (НИПЦ), учреждена должность исполнительного директора; появились элементы полноценного планирования в работе; достигались серьёзные результаты в отдельных областях – от докладов о нарушениях прав человека в той или иной сфере до исследований в архивах КГБ и КПСС. Мемориальцев стали активно привлекать в качестве экспертов по вопросам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий. Почти повсеместно активисты «Мемориала» входили в региональные Комиссии по реабилитации и другие государственные и общественно-государственные структуры, занимающиеся проблемами прав человека. В рамках сотрудничества с Комитетом по правам человека ВС РФ и Комиссией по правам человека при Президенте РФ специалисты «Мемориала» участвовали в создании «Доклада о положении в области прав человека в России за 1993 год», а также «Федеральной программы действий в области прав человека», ряда других официальных документов.

В этот же период в числе структурных частей НИПЦ «Мемориала» появляются архив, библиотека и музей, открытые всем исследователям. Архив включил в себя документы, фотографии и записи устных рассказов по истории репрессий, по сопротивлению тоталитарному режиму (в том числе, богатейшая в России коллекция самиздата и материалов о диссидентах 1950–80-х гг.), а также о деятельности «Мемориала». Библиотечные фонды хранили литературу по исторической и правовой тематике, коллекцию прессы эпохи «перестройки». В музейной коллекции

---

⁶ Развитие «Мемориала». Основные достижения (1988–1995). С. 2.

собралась коллекция живописи и графики художников, побывавших в лагерях и ссылках, предметы лагерного быта, изделия ремесла.

Заметно расширяется правозащитная работа. Во-первых, начинается активное взаимодействие со СМИ: с 1991 г. сотрудники ПЦ выступали в ежедневной радиопередаче «Выбор», посвященной правам человека (Российская программа). Кроме этого, правозащитная информация регулярно передавалась в Агентство новостей и информации (АНИ), в агентства «Постфактум», «Интерфакс», «Ежедневная гласность»; сотрудники ПЦ неоднократно выступали на радиостанциях «Эхо Москвы», «Свобода», «ВВС», «Немецкая волна» и др.⁷ Во-вторых, после принятия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» мемориальцы ставили своей целью помочь государству осуществлять реабилитационную политику. Они понимали, что большинство бывших репрессированных (или пострадавших) были безграмотны в правовом отношении, не могли изложить свою позицию в судах и предъявить в качестве доказательств что-либо, кроме пересказов своей горькой судьбы. Содействуя восстановлению прав политических репрессированных, в ряде городов нашей страны, Общество разрабатывало проекты, цели которых были примерно одинаковы: осуществление контроля за выполнением Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». В-третьих, в рамках ПЦ стали проводиться экспедиции в «горячие точки», которые со временем образовали самостоятельную программу (с 1991 г. она получила финансовую поддержку Международного фонда «Культурная инициатива»). Результаты наблюдательных миссий послужили материалом для выступлений на многочисленных конференциях и семинарах. В отличие от специальных депутатских миссий и командировок журналистов в «горячие точки», правозащитная экспедиция, как правило, была более длительной, а ее результаты основаны на изучении позиций и интересов всех сторон конфликта, на осмыслении политического фона, предыстории. Свои материалы и доклады о положении человека в «горячих точках», ПЦ «Мемориал» предоставлял в Комитет по правам человека (а затем и в Комиссию по правам человека при Президенте РФ).

В целом, в число задач Правозащитного Центра «Мемориал» входили: правозащитная деятельность на территории всего бывшего СССР, координация такой деятельности в Москве и на территории бывшего СССР. Руководил деятельностью Правозащитного Центра Совет из 15 человек (образован весной 1991 года), включая 4-х членов Правозащитной комиссии Межреспубликанского «Мемориала».

---

⁷ Правозащитный Центр «Мемориал» (отчет по состоянию на осень 1991 года).

В указанный период продолжала развиваться благотворительная деятельность, хотя она и носила узко профилированный характер: благотворительная помощь оказывалась бывшим политрепрессированным и их семьям. Если обобщить, то, благотворительная работа осуществлялась «Мемориалом» по нескольким направлениям. Во-первых, проводился сбор информации о нуждающихся. Система сбора информации была значительно модернизирована: теперь, в каждом микрорайоне города стал работать свой координатор, т.е. кроме 19 «старших» районных координаторов (какие существовали прежде), 167 чел. стали заниматься подобной работой на микрорайонном уровне. Оказывалась прямая денежная помощь, она оставалась для «Мемориала» первой статьёй расходов. Помощь выделялась фондом индивидуально, по решению комиссии социальной помощи Общества. Общество также участвовало в распределении гуманитарной помощи, в организации досуга и проч.

Помимо этого, «Мемориал» оказывал социально-правовую поддержку жертв репрессий через общественные приемные, помощь в открытии памятных знаков, юридическую помощь, в том числе в судах, помощи в получении справок о реабилитации. Вся эта работа по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий проводилась на безвозмездной основе⁸.

Помимо усложнения оргструктуры, активной правозащитной деятельности, с 1990-х г. начинает набирать обороты и такое направление деятельности «Мемориала» как издательская работа, проводившаяся в рамках исследовательских программ НИПЦ; оказывается консультационная помощь сторонним исследователям и журналистам; по запросам российских и иностранных граждан, «Мемориал» ведёт поиск пропавших без вести, получает информацию о репрессированных из государственных органов; с помощью «Мемориала» устанавливаются места захоронений погибших от террора, ставятся памятники и мемориальные знаки. В рамках деятельности НИПЦ «Мемориал» в период становления Общества, реализовывались программы: «История исправительно-трудовых учреждений СССР», «История диссидентского движения», «Польская» программа, «История карательных органов», «Статистика репрессий», «Жертвы двух диктатур», «Сопrotивление режиму. 1920–50-е гг.», «Репрессированные востоковеды»⁹.

В период становления Движения, помимо окончательного оформления трёх основных направлений деятельности и их успешного разви-

---

⁸ Путилова 2013: 61.

⁹ Краткая информация о структурах и программах НИПЦ «Мемориал»: 1–4.

тия, одним из важных достижений, косвенным признанием его общественного статуса стала передача «Мемориалу» муниципальными властями Москвы отдельного дома в долговременную аренду (25 лет). Дом в центре города позволил «Мемориалу» не только разместить свои коллекции и выполнять запланированную работу, но и стать постоянным местом проведения акций других правозащитных организаций.

В начале 2000-х наступает период серьезных изменений и развития. Изменились не только внешние условия, но и состав активистов (многие активисты, бывшие политические заключённые ушли из жизни). Правление приступило к обсуждению стратегии дальнейшего развития, вопросам её совершенствования. В обсуждении приняли участие руководители региональных организаций, активисты, внешние эксперты. В результате была уточнена формулировка миссии «Мемориала», она стала звучать как «гражданская деятельность, направленная на осмысление исторического опыта XX века и укоренение в общественном сознании и в государственной практике ценностей человеческой жизни, свободы, демократии и права, а также пробуждение в обществе гражданской активности, направленной на те же цели»¹⁰. Кроме того, были более чётко сформулированы направления деятельности: историческое (выявление, сбор, осмысление и представление обществу информации о преступлениях тоталитарных режимов XX века и общественном сопротивлении тоталитаризму); правозащитное (сбор, систематизация, анализ и представление обществу информации о сегодняшних нарушениях прав человека; оказание правовой помощи жертвам массовых и грубых нарушений прав человека в прошлом и настоящем, в первую очередь жертвам репрессий по политическим мотивам); просветительское направление (систематическое представление обществу информации с целью укоренения в общественном сознании ценностей, обозначенных в Миссии и целях «Мемориала»); инициирование широких общественных дискуссий по ключевым проблемам прошлого и настоящего; привлечение внимания общества, прежде всего молодёжи, к проблеме взаимоотношений государства, общества и личности в прошлом и настоящем); благотворительное направление (оказание социальной помощи жертвам массовых грубых нарушений прав человека в прошлом и настоящем, в первую очередь, жертвам политических репрессий); активное взаимодействие с другими организациями, деятельность которых направлена на достижение тех же целей; лоббирование законов, направленных на защиту интересов жертв политических репрессий). В этот период «Мемориал» заметно расширяет свои

---

¹⁰ Седьмая отчетно-предвыборная конференция... С. 17..

связи, целевую аудиторию: возрастает число социальных медиаторов, посредством которых Общество распространяет свои идеи: т.н. «посредниками» становятся учителя школ, преподаватели ВУЗов, журналисты, гражданские активисты, молодёжь, академическое и научное сообщество, сообщества библиотечных и музейных, архивных работников, и т.д. Это сотрудничество проходит на базе различных мероприятий «Мемориала» (например, благодаря школьному конкурсу «Человек в истории»; развитию архива-музея-библиотеки; активной научно-просветительской и издательской деятельности; развитию сайта самого общества «Мемориал», и сайтов, порталов его основных программ и проектов).

В 2000-е гг. возникла необходимость учитывать как демократическую специфику всей структуры организации, существующие неформальные правила и клубные традиции, так и внешние реалии – ужесточение законодательства, обеспечить внутреннее упорядочение и консолидацию сетевой структуры за счёт создания единого информационного пространства и пространства «профессионального общения»; развитие сетевых проектов и программ; усиление и более эффективное использование ресурсов общего доступа (библиотеки, архива, музея, выставочного центра, сайта, газеты, информационного бюллетеня, конференц-зала в Москве)¹¹. Среди основных сетевых межрегиональных и информационных проектов «Мемориала» 2000-х гг. можно отметить проекты по увековечению памяти жертв репрессий (издание Книг памяти и электронных Книг памяти; День памяти жертв политических репрессий; проект «Преследование поляков и польских граждан»; «Жертвы двух диктатур»; «Виртуальный музей ГУЛАГа»; «Некрополь ГУЛАГа»; «Сетевая библиотека общественных организаций»), а также правозащитные проекты (программа «горячие точки»; программа мониторинга прав человека в Центральной Азии; «Миграция и право»; «Этническая дискриминация»; «Защита прав граждан России в Европейском суде по правам человека»), молодёжные проекты (всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия - XX век»; стипендии имени Генриха Бёлля), информационные проекты (разработка сайта Международного «Мемориала»; развитие интернет-портала «Права человека в России»; издание газеты «30 октября» и «Вестника Международного «Мемориала»).

В целом, «Мемориал» стал первой организацией в России (и в СССР), создавшей действующую разветвлённую сеть региональных отделений, вокруг которых кристаллизовались активисты будущих по-

---

¹¹ Седьмая отчетно-предвыборная конференция... С. 20.

литических партий демократической ориентации и различных правозащитных групп. По инициативе Общества, создавались и создаются многие другие общественные организации (например, объединения жертв политических репрессий и других, ущемлённых в прошлом, лиц; общественные приёмные, просветительские центры).

Как и любую организацию, «Мемориал», с момента его формирования и по мере становления, развития, не обходили разные проблемы.

В первую очередь – кадровая проблема. Первоначально, в конце 1980-х гг., значительную часть «Мемориала» составляли бывшие репрессированные и их родственники. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. «Мемориал» стал «стареть»: многие молодые и энергичные активисты стали уходить в политику. Если бы не интерес общественности к проблемам реабилитации жертв политических репрессий, то, возможно, движение «Мемориал» пошло бы на явный спад. Однако, оставшиеся «старики» занялись решением насущных вопросов: начинается борьба за Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», выбивание льгот, пенсий, компенсаций, материальной помощи жертвам репрессий. Возможно, именно этим моментом объясняется ситуация с численным ростом местных отделений «Мемориала» до лета 1991 года.

По мнению самих мемориальцев, в конце 1980-х–1990-е гг., возникали определенные трудности (разногласия), «ножницы» между «неформальным» духом организации и профессиональным подходом к управлению. Мемориальцы понимали, что их работа требует высокого мастерства исполнителей, но эту проблему нельзя решать только путем найма специалистов. Если попытаться это сделать, то «Мемориал» будет не Обществом, а обычной структурой, и, скорее всего, перестанет существовать. В самом деле, какой наемный работник способен месяцами «бомбить» запросами всевозможные архивы, чтобы отыскать безнадежно затерянную справку, необходимую для получения реабилитации 85-летней одинокой старушки? Или, за какую зарплату штатный сотрудник (и какой конторы?) согласится поехать в «горячую точку» в качестве наблюдателя? И то, и другое под силу только мемориальцу, который, между тем вынужден ограничивать время своей работы в организации из-за необходимости где-то зарабатывать «на хлеб». Таким образом, на начало 1990-х гг., перед «Мемориалом» стояла серьезная проблема: уровень задач, которые бралось решать Общество, требовало профессионального подхода к исполнению и управлению, а работа организаторов велась практически на волонтерской основе¹².

---

¹²Рязанское региональное отделение. С. 3-4.

Отсюда вытекала и вторая проблема «Мемориала» – подбор и привлечение к работе новых членов и добровольцев. Организация нуждалась не только в моральной поддержке со стороны населения, но и в притоке новых сил, профессионалов, которые сотрудничали бы с «Мемориалом» в той или иной форме, хотя обычный найм сотрудников далеко не всегда может быть эффективной формой кадровой политики, тем более, при отсутствии средств у организации. Было необходимо привлечь близких по духу людей, одновременно способных, в силу своих профессиональных навыков, решать сложные задачи (юридические экспертизы тех или иных законов, документов; консультации граждан по сложным правовым вопросам и т.д.), но не всегда такие люди имели достаточно информации о целях, задачах и возможностях «Мемориала».

Еще одна проблема связана с привлечением молодежи. В период становления эта проблема не стояла перед «Мемориалом» столь остро, как в более поздний период функционирования общества.

Во второй половине 1990-х гг. мемориальцы пришли к необходимости создавать такие формы и методы работы, которые позволили бы эффективно реализовывать как долгосрочные планы, так и задачи, возникающие в экстремальных ситуациях. Наиболее проблемным было планирование финансовой деятельности (на 1994 год долгосрочного планирования этой деятельности в «Мемориале» еще не было). Было необходимо найти средства для такой финансово убыточной, но духовно и нравственно нужной работы, которой занимается «Мемориал»¹³.

2000-е гг. стали определяющими для формирования образа и репутации «Мемориала», который задумывается о создании своего «имиджа», что является показателем развития организации. В 2006 г. на отчетно-предвыборной конференции было решено: «...в связи с тем, что “Мемориал” является организацией, существующей в виде многих юридических лиц, но под единым брендом “Мемориал”, нам придётся считаться с объективно сложившимся имиджевым разнообразием... Требуются специальные усилия по активизации деятельности членов мемориальской сети в формировании адекватной репутации “Мемориала”. Мы хотим, чтобы “Мемориал” имел репутацию крупной сетевой устойчивой современной гражданской организации, занимающейся актуальными направлениями деятельности в адекватных содержанию формах, имеющей демократическую систему управления, эффективную организационную структуру и специфическую “общественную” культуру»¹⁴.

---

¹³ Даниэль 1995: 1.

¹⁴ Седьмая отчетно-предвыборная конференция... С. 21.

К 2000-м гг. окончательно оформились общие цели деятельности Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»: восстановление справедливости в отношении жертв нарушений прав человека в прошлом и настоящем; защита основных прав и свобод человека, содействие их соблюдению; восстановление и сохранение исторической правды о преступлениях тоталитаризма и о сопротивлении ему (увековечение памяти жертв государственного террора; актуализация исторического опыта в общественном сознании; развитие гражданского общества в странах с тоталитарным прошлым). Таким образом, сегодня в основе идеологии «Мемориала», как и на более ранних этапах, лежат идеи исторической памяти и прав человека. Неразрывность и взаимообусловленность этих идей составляет основу деятельности Общества. Сочетание историко-просветительской работы, основанной на осмыслении трагического опыта прошлого, с правозащитной работой, направленной на искоренение сегодняшних нарушений прав личности, должно привести к укоренению в общественном сознании и практике государственной жизни ценностей прав личности, демократии и гражданского общества. Возможно, именно при таком сочетании (изучение проблем прав человека через прошлое и настоящее), и сохраняется актуальность и эффективность деятельности «Мемориала». Как организация, в 2000-е годы «Мемориал» достиг своей «зрелости». Сейчас, мы говорим о «Мемориале», как о старейшей отечественной НКО, пережившей и СССР, и тяжёлые 1990-е годы; организации, сумевшей на протяжении почти 30 лет отстаивать свои права и защищать права граждан своей страны; организации, одним из важных идеологических принципов которой, является сохранение памяти о жертвах политических репрессий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Даниэль А. Душевные порывы и плановая работа // *Мемориал-аспект*. 1995. № 14. Краткая информация о структурах и программах НИПЦ «Мемориал» // Архив Международного Общества «Мемориал». г. Москва. Папка № 59.
- «Мемориал» за три года // Свобода и культура. 1991. № 1 // Там же. Папка № 60.
- Правозащитный Центр «Мемориал» (отчет по состоянию на осень 1991 года) // Архив Международного общества «Мемориал». Папка № 77.
- Путлова Е.Г. «Мемориал»: становление. Москва: Изд-во «Перо». 2013. 183 с.
- Путлова Е.Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 – начало 2000-х гг.). Уфа: Изд-во «Инфинити», 2012. 144 с.
- Развитие «Мемориала». Основные достижения (1988-1995) // Архив Международного общества «Мемориал». Папка № 59.

- Рязанское региональное отделение Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»: Материалы буклета «Мемориал». Рязанское отделение. 1989-1996 // Архив автора.
- Седьмая отчетно-предвыборная конференция Международного общества «Мемориал» // Архив Международного общества «Мемориал». Папка № 24.
- Юридическая служба «Мемориала» // Мемориал-аспект. 1991. № 3 // Архив Международного общества «Мемориал». Папка № 49.

REFERENCES

- Danijel' A. Dushevnyye poryvy i planovaja rabota // Memorial-aspekt. 1995. № 14.
- Kratkaja informacija o strukturah i programmah NIPC «Memorial» // Arhiv Mezhdunarodnogo Obshhestva «Memorial». g. Moskva. Papka № 59.
- «Memorial» za tri goda // Svoboda i kul'tura. 1991. № 1 // Tam zhe. Papka № 60.
- Pravozashhitnyj Centr «Memorial» (otchet po sostojaniju na osen' 1991 goda) // Arhiv Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial». Papka № 77.
- Putilova E.G. «Memorial»: stanovlenie. Moskva: Izd-vo «Pero». 2013. 183 s.
- Putilova E.G. Istorija gosudarstvennoj rehabilitacionnoj politiki i obshhestvennogo dvizhenija za uvekovečenje pamjati zhertv političeskikh repressij v Rossii (1953 – nachalo 2000-h gg.). Ufa: Izd-vo «Infiniti», 2012. 144 s.
- Razvitie «Memoriala». Osnovnyye dostizhenija (1988-1995) // Arhiv Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial». Papka № 59.
- Rjazanskoe regional'noe otdelenie Mezhdunarodnogo istoriko-prosvetitel'skogo, pravozashhitnogo i blagotvoritel'nogo obshhestva «Memorial»: Materialy buk-leta «Memorial». Rjazanskoe otdelenie. 1989-1996 // Arhiv avtora.
- Sed'maja otchjotno-predvybornaja konferencija Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial» // Arhiv Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial». Papka № 24.
- Juridicheskaja sluzhba «Memoriala» // Memorial-aspekt. 1991. № 3 // Arhiv Mezhdunarodnogo obshhestva «Memorial». Papka № 49.

Путилова Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры социальной работы, управления и права, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Нижний Тагил), putilovaelena2011@mail.ru

The International “Memorial” movement: its establishment and development

The author has used archival documents to reconstruct the history of International “Memorial” movement: the forming period (1986–1990), the beginning (1990s), and the maturity/bloom (2000–2011). The author concludes that the reason of the vitality and actuality of the “Memorial” movement since 1980s to our days is a combination of the two directions of activities (historical and educational, human rights).

Keywords: historical memory, civil society, “Memorial” movement.

Elena Putilova, PhD (History), Associate professor of the Department of social work, management and law, The State Professional and pedagogical university, Nizhniy Tagil; putilovaelena2011@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

А. А. ПАВЛОВ

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ О ВОЗРАСТАХ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется концепция возрастов человека, излагаемая Исидором Севильским в его сочинении «Этимологии, или Начала»; сопоставляются трактовки возрастов в «Этимологиях» и других сочинениях Исидора, выявляются его источники. Публикуется перевод посвященного человеку фрагмента XI книги (главы 2, 3 и 4) из «Этимологий», в котором Исидор описывает особенности каждого возраста человека, рассматривает знамения, выражающиеся в рождении людей с различными уродствами, отмечает метаморфозы, происходящие с людьми.

Ключевые слова: «Этимологии», Исидор Севильский, антикварная, грамматическая традиция Античности и раннего Средневековья, человек, мир, возраст.

XI книга «Этимологий, или Начал» Исидора Севильского (ок. 560–636)¹, «пионера средневекового энциклопедизма»², посвящена человеку (*De homine et portentis*)³. Она открывает вторую декаду сочинения, посвященную в основном тому, что римляне именовали *historia naturalis*⁴. Учитывая, что X книга представляет собой выбивающийся из предметного построения труда алфавитный глоссарий, XI книга, наряду с IX (*De linguis, gentibus, regnis, militia, civibus, affinitatibus*), посвященной культурным, политическим, социальным аспектам человеческого существования⁵, занимает центральное положение в структуре «Этимологий», где человеку отводится центральное место в мироздании⁶. О тесной связи человека и мира (микро- и макрокосма) в картине мира Исидора говорит и концепция возрастов человека, изложенная во второй главе XI книги.

---

¹ О жизни Исидора Севильского и его труде см.: Павлов 2014а. С. 244–251.

² Ribémont 1995. P. 69–86.

³ Книга состоит из четырех глав. В первой человек рассматривается как биологическое существо через анализ составляющих его элементов; во второй описываются различные возрасты человека, в третьей речь идет об отклонениях природы человека, которые позиционируются как предзнаменования, в четвертой приводятся мифологические примеры метаморфоз – трансформаций человеческой природы.

⁴ Тематика последующих книг соответствует тематике книг “*Naturalis historia*” Плиния Старшего. Книга XII «Этимологий» посвящена животным, XIII – космосу, XIV – земле, XV – строениям и землеустройству, XVI – камням и металлам, XVII – вопросам сельского хозяйства, XVIII – войнам и состязаниям, XIX – инструментам и посуде, XX – кораблям, строительству и одежде.

⁵ Подробней см.: Павлов 2014б. С. 530–533. Там же (С. 535–548) дан частичный перевод книги IX.

⁶ См.: Gasti 1998. P. 12–15.

Античные философы, антиквары, грамматики и юристы, а также авторы христианских экзегетических сочинений не раз обращались к объяснению возрастов человека⁷; поэтому концепцию Исидора можно сопоставить с античной и христианской традицией предшествующего периода; определить его источники и выявить методы работы автора.

Глава о возрастах человека состоит из 37 параграфов. В первых восьми (§§ 1-8) Исидор заявляет о существовании шести возрастов: *infantia* (младенчество), *pueritia* (детство), *adulescentia* (юность), *iuventus* (молодость), *gravitas* (зрелость), *senectus* (старость), и дает их краткую характеристику. В последующих §§ 9-37 он рассматривает этимологию латинских слов, связанных с этими возрастными категориями человека. Так, первому возрасту у него соответствует лишь *infans* (младенец), второму (§§ 10-14) – *puer* (мальчик), *puella* (девочка), а также *pupilli* (сироты), *puberes* (половозрелые) и *puerperae* (юные роженицы); третьему (§ 15) – *adolescens* (юноша), четвертому (§§ 16-24) – *iuvenis* (юноша), *vir* (мужчина), *mulier* и *femina* (женщина), *virgo* (девушка). Далее (§§ 25-26) обсуждается специфика термина *senior*, характеризующего возраст зрелости; затем (§§ 27-30) рассматриваются термины, связанные со старостью (*senex*, *anus*). Заключительная, весьма просторная часть посвящена смерти (§§ 31-37). Здесь автор анализирует такие слова как *mortuus*, *funus*, *cadaver*, *corpus*, *sepultus*.

Деление жизни на шесть возрастов не было новацией Исидора. Он ссылается на философов (§ 8) и *sapientes* (Diff. II. 74). Чаше других такое деление встречается у Августина⁸, за ним и следует Исидор⁹, хотя его терминология восходит к ранним римским антикварам, в частности к Варрону¹⁰. Влияние Августина прослеживается и в заимствовании Исидором термина *gravitas*, не характерного для других авторов (*Aug. Divers. quaest.* 58, 2), и в описании пятого возраста, где он, подобно Августину, сравнивает латинские термины с греческими, а сам пассаж во многом перекликается с таковым у Августина¹¹. Причем, несмотря на знание ра-

⁷ Подробный анализ возрастных категорий, встречающихся в латинской традиции, см.: Eyben 1973. S. 150-190.

⁸ *Aug. Divers. Quest.* 58, 2; *Idem. De gen. contra Manich.* I. 23. 35-40; *Idem. Ver. Rel.* 26, 48; *Idem. Sermon.* 216, 8, 8. См. также: *Ambr. Psalm.* I. 9; *Drac. Satisf.* 221sq.

⁹ *Aug. Divers. quaest.* 58. 2: “Sunt enim aetates sex etiam in uno homine: infantia, pueritia, adolescentia, iuventus, gravitas et senectus”. О заимствованиях Исидора у Августина см.: Martin 2013. P. 1193-1196.

¹⁰ Варрон, придерживаясь пятеричного деления, называет следующие возраста: *infantia*, *pueritia*, *adulescentia*, *iuenta*, *senecta* (ap. *Serv. Aen.* 5, 295); *puer*, *adolescens*, *iuvenis*, *senior*, *senex* (ap. *Censor. Nat.* 14, 2).

¹¹ *Aug. De gen. contra Manich.* I. 23, 39: “... quinta aetas, scilicet declinatio a iuventute ad senectutem, nondum senectus, sed iam non iuventus: quae senioris aetas est, quam Graeci πρεσβυτην vocant. Nam senex apud eos non πρεσβυτης, sed γερων dicitur” (Пятый возраст,

боты Варрона, Исидор в систематике возрастов все же следует Августину. Ему известно и троичное деление возрастов¹², часто встречавшееся в ранней латинской традиции¹³, однако Исидор придерживается шестеричного деления, увязывая его с общей картиной христианского мироздания.

В других своих работах, прежде всего в «О различиях»¹⁴ и в «Книге о числах»¹⁵, Исидор также придерживается шестеричного деления, но его порядок и терминология двух последних возрастов иные. В отличие от «Этимологий», где пятым возрастом названа «зрелость» (*gravitas*), а шестым – «старость» (*senectus*), в этом месте пятый возраст – «старость» (*senectus*), а шестой – «дряхлость» (*senium*). Христианские авторы по-разному определяли эти два периода. В «Проповедях» Августина мы встречаем именно эти два возраста (*Serm.* 216, 8, 8), но в обратной последовательности. Это приводит к мысли, что Исидор, используя пассаж Августина, намеренно изменил его порядок следования возрастов. Различия в отношении порядка и терминологии возрастов у Исидора, вероятно, связаны с различиями в источниках, которыми он пользовался. Вместе с

разумеется поворот от молодости к старости, еще не старость, но уже и не молодость; это возраст старшинства (*senior*), который греки именуют *πρεσβύτης*. Ибо старика они зовут не *πρεσβύτης*, а *γέρων*). Ср.: *Isid. Etym.* XI. 2. 6.

¹² *Isid. Etym.* V. 38. 5; XI. 2. 32.

¹³ Троичного деления придерживались Туберон (ар. *Gell.* X. 28. 1-2), Гракх (ар. *Isid. Etym.* II. 21. 4), Цицерон (*Tusc.* I. 39. 94), Сенека (*Epist.* 121, 16), Плиний Младший (*Epist.* VI. 26. 1), Марциал (VII. 88. 3), Тацит (*Germ.* 32. 3; 46. 4). Шестеричное деление стало удвоением первоначального троичного (детство, юность, старость) деления.

¹⁴ *Isid. Diff.* II. 74-76: «Между младенчеством (*infantia*) и детством (*pueritia*), и между прочими возрастами, мудрецы устанавливают следующие границы. Первый возраст человека – младенчество (*infantia*), второй – детство (*pueritia*), третий – юность (*adolescentia*), четвертый – молодость (*iuventus*), пятый – старость (*senectus*), шестой – дряхлость (*senium*). Каждый из двух первых возрастов ограничивается одним семилетием, в силу простоты жизни. Ибо младенчество ограничивается седьмым годом, четырнадцатым – детство, следующий за ним возраст юности включает два семилетия, поскольку является возрастом разума (*intellectus*) и самостоятельного действия (*actio*) – ни то, ни другое не было присуще детям – длится же этот возраст с пятнадцатого до двадцать восьмого года. Следующий за ним возраст молодости длится три семилетия по этим трем причинам – это возраст разума, самостоятельного действия и телесной силы. Этот возраст начинается в 28 лет и завершается в 49, тогда же и женщины утрачивают способность к рождению. Возраст старости, в свою очередь, охватывает четыре семилетия, поскольку к трем отмеченным выше основаниям добавляется крепость души и тела. Начинается этот возраст с пятидесятого года, а ограничен семьдесят седьмым. Последний же возраст не ограничивается никаким конкретным годом, а ограничен лишь концом самой жизни».

¹⁵ *Isid. Lib. num.* 31: «Кроме того, совершенство этого числа проявляется и в возрастах человека <...>. Ведь жизнь смертных ограничивается шестью возрастами, то есть младенчеством (*infantia*), детством (*pueritia*), юностью (*adolescentia*), молодостью (*iuventus*), старостью (*senectus*), дряхлостью (*senium*)».

тем, он не просто компилирует сведения источников, но и вносит новации, соответствующие его видению материала. В отличие от Августина Исидор более внимателен к грамматическим вопросам, связанным с этимологией. Сочетая в «Этимологиях» градацию возрастов с августиновой терминологией из «О различных вопросах», Исидор счел необходимым поместить в общую систематику и возраст *senium*, представленный в христианских текстах (Psalm. 70:18) и в «Проповедях» Августина (Serm. 216, 8, 8), определяя его как крайнюю фазу старости (*senectus*).

Между «Этимологиями» и «О различиях» имеются несоответствия в делении возрастов (особенно двух последних) на части, которые проявляются в их числовом выражении. Здесь виден общий принцип деления возрастов по семилетиям¹⁶, который, с одной стороны, использовался многими греческими авторами, а с другой – не совпадает с делениями Солона, Гиппократ и Стасея¹⁷. Подобно Солону, Исидор в «Этимологиях» исходит из десяти седмиц, но толкует и структурирует их иначе¹⁸, положив в основу связанные с соответствующими возрастными психофизические и умственные трансформации. В силу этимологического характера труда, Исидор близок в своей трактовке возрастов Варрону¹⁹. Что

¹⁶ Etym. XI. 2. 1-8	годы/седм.	Diff. II. 74-76	годы/седм.
Infantici	0-7 (1)	Infantia	0-7 (1)
Pueritia	8-14 (1)	Pueritia	8-14 (1)
adulescentia	15-28 (2)	Adolescentia	15-28 (2)
iuventus	29-49 (3)	Iuventus	29-49 (3)
gravitas	50-70 (3)	Senectus	50-77 (4)
senectus	>70	Senium	>77

¹⁷ См: *Philo. Opif.* 103-105; *Ambr. Epist.* VI. 31, 13-14; *Censor. Nat.* XIV. 3-4.

¹⁸ *Censor. Nat.* XIV. 7 (пер. В.Л. Цымбурского): «Из всех наиболее приблизились к природе те, что измерили человеческую жизнь семилетиями. Ведь почти после каждого седьмого года создает природа некие члены тела или являет что-то новое в них, как можно узнать и из элегии Солона. Говорит он: ведь в первое семилетие падают зубы, во втором – появляется пушок, в третьем – растет борода, в четвертом – силы, в пятом – созреваем для того, чтобы оставить потомство, в шестом – умеряются страсти, в седьмом – преисполняемся благоразумия и красноречия, в восьмом – то же самое (иные говорят, что в это время притупляется зрение), в девятое все слабеет, в десятое – человек созревает для смерти».

¹⁹ *Censor. Nat.* XIV. 2: «Варрон думает, что существуют пять равномерно распределенных ступеней жизни, и каждая, кроме последней, – по 15 лет. На первой ступени до 15-го года – *pueri* “дети”, называемые так, поскольку они чисты (*purii*), то есть безбороды; на второй – до 30 лет – *adolescentes* “подростки”, прозванные так оттого, что они растут; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь “юношами” (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года – величаемые “старейшинами” (*seniores*), потому что тогда тело впервые начинает стариться. А отсюда до конца жизни у каждого – пятая ступень, а тех, кто на ней, именуют “стариками” (*senes*), так как в этом возрасте тело уже страдает от старости».

касается различий между «Этимологиями» и трактатом «О различиях», то в последнем Исидор исходит из одиннадцати седмиц, завершая свой отсчет семьдесят седьмым, а не семидесятым годом, как в «Этимологиях»²⁰. Такое деление не встречается в известных нам источниках и возможно является плодом систематики самого Исидора.

Согласно библейской и экзегетической традициям, а также в соответствии с сочинениями Августина, все возрасты человека Исидор тесно увязывает с возрастными мира, а числа шесть и семь считает совершенными в контексте библейской символики зарождения мира и его трансформации (*Isid. Lib. num. 29*)²¹. В книге V, именуемой «О законах и временах» (V. 38. 5), он дает такое определение слову «возраст»:

«Слово же “возраст” (*aetas*) используется в двух значениях: либо как возраст человека, каковы младенчество (*infantia*), юность (*iuventus*), старость (*senectus*), либо как возраст мира; из возрастов мира первый – от Адама до Ноя, второй – от Ноя до Авраама; третий – от Авраама до Давида; четвертый – от Давида до переселения Иудейского царства в Вавилон; пятый – с этого момента [переселения в Вавилон] до появления Спасителя во плоти; шестой – тот, что протекает сейчас, и которым завершится сам этот мир».

Эта идея тесной взаимосвязи возрастов человека и мира имеет прямые параллели с августиновым трактатом «О бытии против Манихеев» (I. 35-41), где Августин увязывает первый день творения мира с первым возрастом (*infantia*) человечества (от Адама до Ноя), шестой же возраст человека, предшествующий смерти, – с эрой Христа²².

***

Предлагаемый перевод четырех глав XI книги «Этимологий» выполнен по изданию: *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / W.M. Lindsay. Oxford, 1911*; сверен с современным английским переводом: *The Etymologies of Isidore of Seville / St.A. Barney, W.J. Lewis, J.A. Beach, O. Berghof. Cambridge: Cambridge University Press, 2006*. О современных переводах труда на европейские языки см.: *Павлов 2014b*. С. 528. Прим. 3.

²⁰ Перипатетик, современник и друг Цицерона Стасей исходил в отличие от Солона из 12-ти седмиц, доводя возраст жизни человека до 84 лет. *Sensor. Nat. XIV. 5*: «Перипатетик Стасей к этим десяти семилетиям Солона прибавил еще два и сказал, что полная протяженность человеческой жизни – 84 года, а если кто минует этот срок, то поступает так же, как бегуны и колесницы проскакивающие за финишную черту».

²¹ К символике числа 6 Исидор возвращается в «Этимологиях» не только в V и XI книгах. Так, например, говоря о кровном родстве (IX. 6. 29), Исидор отмечает, что оно заканчивается на шестой степени, подобно возрастам человека и мира.

²² См. также: *Aug. Divers. quaest. 58. 2; Idem. Civ. 22, 30*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Павлов А.А. [a] «Этимологии, или Начала» Исидора Севильского // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 22. С. 244-251.
- Павлов А.А. [b] Исидор Севильский и его «Этимологии» // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред. А.В. Махляука и О.Л. Габелко. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2014. С. 527-534.
- Eyben E. Die Einteilung des menschlichen Lebens im romischen Altertum // Rheinisches Museum. 1973 / 116. S. 150-190.
- Gasti F. L'antropologia di Isidoro. Le fonti del libro XI delle *Etimologie*. Como: Edizioni new press, 1998.
- Martin J.C. Isidore of Seville // The Oxford guide to the historical reception of Augustine / Ed. W. Otten. – Oxford: Oxford University Press, 2013. Vol. 2. P. 1193-1196.
- Ribémont B. De natura rerum. Etudes sur les encyclopédies medieval. Orléans: Paradigme, 1995.

REFERENCES

- Pavlov A.A. [a] «Etimologii, ili Nachala» Isidora Sevil'skogo // Adam i Eva. Almanah gendernoy istorii. – M.: IVI RAN, 2014. Vyp. 22. S. 244-251.
- Pavlov A.A. [b] Isidor Sevil'skiy i ego «Etimologii» // ANTIQVITAS AETERNA. Povolzskiy anikovedcheskiy zhurnal. Vyp. 4: Istoria ponyatiy, kategorialnyy apparat sovremennoy istoricheskoy nauki i problemy (re)konstruktsii prošlogo / Pod red. A.V. Machlayuka i O.L. Gabelko. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2014. S. 527-534.
- Eyben E. Die Einteilung des menschlichen Lebens im romischen Altertum // Rheinisches Museum. 1973/116. S. 150-190.
- Gasti F. L'antropologia di Isidoro. Le fonti del libro XI delle *Etimologie*. Como: Edizioni new press, 1998.
- Martin J.C. Isidore of Seville // The Oxford guide to the historical reception of Augustine. Oxford: Oxford University Press, 2013. Vol. 2. P. 1193-1196.
- Ribémont B. De natura rerum. Etudes sur les encyclopédies medieval. Orléans: Paradigme, 1995.

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран СГУ им. Путиряма Сорокина; aapavlov@rambler.ru

Isidore of Seville on the ages of the person

The *Etymologies* of Isidore, bishop of Seville (c. 560-636), one of the famous Fathers of Church, is the most important encyclopedic work of the early Middle Ages. This issue contains a translation of the XI book (chs. 2, 3, 4). In these chapters the author analyses terms on ages of the person, on signs expressed in a birth of people with various uglinesses, and also on metamorphoses occurring with people. The foreword presents an analysis of the conception of ages of the person by Isidore of Seville (its sources and specificity) and compares the treatment of age offered in *Etymologies* and in his other works.

Keywords: Isidore of Seville, 'The Etymologies', antiquarian and grammatic tradition of Antiquity and early Middle Ages, Isidore's conception of age of a person and of the world

Andrey Pavlov – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ

ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА
КНИГА XI. О ЧЕЛОВЕКЕ И ЧУДЕСАХ
ГЛАВА II. О ВОЗРАСТАХ ЛЮДЕЙ

(1) Существует шесть возрастных градаций: младенчество (*infantia*), детство (*pueritia*), юность (*adolescentia*), молодость (*iuventus*), зрелость (*gravitas*) и старость (*senectus*). (2) Первый возраст – младенчество – возраст появления новорожденного на свет, он длится семь лет. (3) Второй возраст – детство (*pueritia*), то есть возраст «чистый» (*purus*) и не подходящий для порождения; он продолжается вплоть до четырнадцатого года. (4) Третий возраст – юность (*adolescentia*) – уже подходит (*adultus*) для порождения, он длится вплоть до двадцать восьмого года. (5) Четвертый возраст – молодость – самый лучший из всех возрастов, завершается на пятидесятом году. (6) Пятый возраст – возраст старшинства, то есть зрелость (*gravitas*), он является переходным от молодости (*iuventus*) к старости (*senectus*); это еще не старость, но уже и не молодость; это тот возраст старшего поколения, который греки называют *πρεσβύτερς*. Действительно, старика греки называют не *presbyter*, но *γέρων*. Этот возраст, начинаясь на пятидесятом году, заканчивается семидесятым. (7) Шестой возраст – старость (*senectus*), он не ограничивается никакими конкретными годами; но после пяти предыдущих возрастов всякое время жизни оценивается как старость. (8) *Senium*, однако, – последний отрезок старческого возраста (*senectus*), назван так потому, что является окончанием шестого возраста¹. Соответственно философы разделили человеческую жизнь на эти шесть периодов, в рамках которых она протекает, изменяется и подходит к границе смерти. Итак, кратко рассмотрим далее упомянутые выше возрастные этапы, демонстрируя их этимологию на примере возрастов человека. (9) Младенцем (*infans*) называют человека первого возраста; назван же он так потому, что в этом возрасте он еще *fari nescit*, то есть «не умеет говорить». Ведь пока не завершилось формирование [его] зубов, страдает артикуляция речи. (10) [Слово] *puer* (мальчик) произошло от *puritas* (чистота), потому что он чист (*purus*), не имея еще на щеках и подбородке никакого юношеского пушка. Их же именуют эфебами (*ephebi*), ибо названы так от Феба (*Phoebus*)², пока они еще не [зрелые] мужи, а нежные юноши. (11) Слово *puer* (ребенок), однако, используется в трех контекстах: когда речь идет о рождении, как у Исайи: «*Puer natus est nobis*» (Ибо младенец родился нам)³; когда речь идет о возрасте, как [в выражениях] «восьми-

¹ Автор связывает существительное с числительным *seni* (по шесть; шесть).

² То есть Аполлона, греческого бога света, покровителя искусств и наук.

³ *Isai. 9:6*. Цитаты из Библии приводятся в Синодальном переводе, если то не оговорено особо.

летний», «десятилетний» [ребенок]. Оттуда следующее выражение: «*Iam puerile iugum tenera cervice gerebat*» (Носил он уже детский хомут на нежной шее). Наконец, когда речь идет о послушании и чистоте веры, как в словах Господа, [обращенных] к пророку: «*Puer meus es tu, noli timere*»⁴ (Ты – дитя мое, не бойся), хотя Иеремия годами давно уже вышел из детства. (12) *Puella* (девочка) есть *parvula* (дитя), как бы *pulla* (цыпленок). Отсюда и сироту мы называем *pupillus* не в силу его правового состояния, но в силу юного (*puerilis*) возраста. Сироты (*pupilli*) названы так оттого, что оставшись без родителей, они как бы лишены зрения⁵. Те правильно именуются *pupilli* (сироты), чьи родители умерли прежде, чем они получили от них [свое] имя. Прочих же сирот называют *orphani*, хотя их же называют и *pupilli*; ведь первое – слово греческое, а второе – латинское. Так и в псалме, где читаем: «*Pupillo tu eris adiutor*» (Ты будешь помощником сироте⁶), в греческом тексте стоит слово ὀρφανός□ (13) *Puberes* (возмужалые) названы так от *pubes*, то есть от срамных частей тела, поскольку тогда впервые на них появляется пушок. Некоторые, однако, связывают половозрелость с возрастом; по их мнению, *pubes* – это тот, кому исполнилось четырнадцать лет, даже если половой зрелости он достигнет гораздо позже; совершенно ясно, однако, что *pubes* – это тот, кто демонстрирует зрелость как [всем] видом своего тела, так и способностью порождать потомство⁷. (14) *Puerperae* – девушки, которые рожают в юном (*puerilis*) возрасте. Отсюда Гораций [говорит]: «*Laudatur primo prole puerpera [nato]*» (Славят юную роженицу, принесшую первенца)⁸. Роженицы (*puerperae*) названы так либо оттого, что беременны первым чадом (*primo partu*), либо оттого, что рожают детей впервые (*pueros pariunt*). (15) *Adolescens* (юноша) назван так оттого, что достаточно зрел (*adultus*) для того, чтобы породить потомство, или от *creocere* (расти) и *augere* (приумножать). (16) *Iuvenis* (юноша) назван так оттого, что оказывается уже способным помогать (*iuvare*); так, когда молодых бычков (*iuveni*) отделяют от телят, их считают уже быками (*boves*). А юноша в силу своего возраста наделен необходимой силой и способен оказать помощь. Действительно, помогать (*iuvare*) свойственно человеку, принимающему участие в некоем общем деле. Как у людей тридцатый год – время расцвета сил, так у домаш-

⁴ *Ierem.* 1:7. Перевод наш.

⁵ Латинское *pupilla, ae* (сирота) имеет также значение «зрачок».

⁶ *Psalm.* 10:14. Перевод наш.

⁷ Ср.: *Gai.* *Inst.* I. 196 (пер. Ф. Дыдынского): «Дети мужского пола освобождаются от опеки, когда достигают возмужалости; притом Сабин, Кассий и другие приверженцы нашей школы считают возмужалым (*pubes*) того, который выказывает половую зрелость, т.е. который может производить потомство; <...> но приверженцы других школ полагают, что возмужалость следует определять по годам, т.е. они считают того возмужалым, кому кончилось 14 лет от роду».

⁸ *Hor.* *Carm.* 4, 5, 23.

ней скотины и тягловых животных третий год – год, когда они приобретают наибольшую крепость. (17) Мужчина назван *vir* оттого, что у него силы (*vis*) больше, чем у женщины; оттуда произошло и слово *virtus* (достоинство); либо оттого, что он держит женщину [в своей власти], обладая силой. (18) Женщина же от *mollities* (мягкость) названа *mulier*, как бы *mollier*, в силу утраты или замены буквы. (19) Мужчины и женщины отличаются [меж собой] силой и слабостью тел. Но все же муж наделен большей силой, а жена меньшей, дабы она подчинялась мужу; разумеется [это устроено было так для того], чтобы жены не противились [мужьям], ибо тогда страсть побуждала бы мужей искать кого-то на стороне или заниматься любовью с лицами своего пола. (20) Женщина (*mulier*) зовется так в силу ее [принадлежности к] женскому полу, а не [по причине] утраты ею невинности; это следует и из сказанного в Священном писании. Действительно, Ева названа в Писании (*Genes. 2:23*) женщиной, как только была создана из ребра своего мужа, не имея с ним еще никакой связи: «*Et formavit eam in mulierem*» (И создал он из него жену). (21) [Слово] «девушка» (*virgo*) произошло от «зеленого» возраста (a *viridiori aetate*), как и [слова] *virga* (росток) и *vitula* (теленок). По другой этимологии – от непорочности, [*virgo* есть] как бы *virago* (дева-воительница), поскольку не ведает она женской страсти. (22) *Virago* названа так оттого, что она *virum agit*, то есть занимается мужскими делами и ей присуща мужская сила (*viror*). Древние называли так храбрых женщин. Девушку (*virgo*), однако, неверно называть *virago*, если она не исполняет мужских обязанностей. Женщина (*mulier*) же, если она исполняет таковые, правильно именуется *virago*, так, например, называют амазонку. (23) Тех, кого сейчас называют *femina* (женщина), в древние времена называли *vira*; так же как от *servus* (раб) [происходит] *serva* (рабыня), от *famulus* (раб) – *famula* (рабыня), так и от *vir* (мужчина) – *vira* (женщина). Некоторые полагают, что и слово *virgo* (дева) [происходит] от него же. (24) Слово «женщина» (*femina*) произошло от тех частей бедер (*femora*), где проявляется отличие ее пола от мужчины. Другие полагают, что в греческом языке [слово] «женщина» производно от [выражения] «огненная сила» (*igneae vi*), ибо женщина «страстно желает», ведь женщины более чувственны, чем мужчины, и это касается как женщин, так и [самок] животных. Отсюда древние называли страстную любовь – «женской» (*femineus*). (25) Возраст зрелости (*senior*) все еще достаточно мужественен. В шестой книге [«Метаморфоз»] Овидий говорит: «*Senior, Inter iuvenemque senemque*» (Возрастом был уж не юноша он, но еще и не старец⁹). И Теренций: «*Quo iure sum us(us) adulescentior*» (Тем правом, что я пользовался юношей¹⁰). (26) <*Adulescentior*> есть несомненно не «более взрослый», но «более юный»; так же и *senior* означает «менее старый», где

⁹ Ovid. *Metam.* 12, 464. Пер. С. Шервинского.

¹⁰ Teren. *Нес.* 11. Пер. А. Артюшкова.

сравнительная степень указывает на уменьшение по отношению к положительной. Следовательно, *senior* имеет значение «не вполне старый», точно также как *iunior* – «более молодой из юношей», а *pauperior* – «менее богатый» и «более бедный». (27) Некоторые же полагают, что *senes* (старики) произошло от помрачения рассудка (*sensus*), поскольку они поступают неразумно в силу старости. Действительно, натурфилософы (*physici*) утверждают, что у глупых людей кровь холоднее, а у мудрых – горячее; поэтому и старики, у которых кровь уже стынет, и дети, у которых она еще не разогрета, обладают меньшим разумением. Это та причина, почему младенчество и старость напоминают друг друга: ведь старики несут чепуху, оттого что слишком стары, дети же не осознают того, что делают, в силу шаловливости и наивности. (28) Слово *senex* (старик), однако, бывает только мужского рода, так же как *anus* (старуха) – только женского; действительно, только женщину называют *anus*. Зовется же она так от множества прожитых лет (*annus*), как бы *annosa*. Действительно, если бы слово *senex* имело и мужской и женский род, зачем Теренцию говорить: «*senem mulierem*» (бабу-старика¹¹)? Отсюда и «старушка» (*vetula*), поскольку – «старая» (*vetusta*). Как *senectus* (старость) [произошло] от *senex* (старый), так и *anilitas* (женская старость) от *anus* (старуха). (29) *Canities* (седые волосы) произошло от *candor* (белизна), как бы *candities*. Оттуда следующая фраза: «*florida iuventus, lactea canities*» (цветущая молодость, молочная старость), как если бы говорилось «белая (*candida*) старость». (30) Старость приносит с собой и много хорошего, и много плохого. Хорошего, потому что она освобождает нас от надменных хозяев, ставит предел желаниям, укрощает напор страсти, добавляет мудрости, дает зрелые советы. Плохого же, потому что старость является худшим из возрастов в силу присущей ей дряхлости и апатии. Ведь как у Вергилия: «*subeunt morbi tristisque senectus*» (подойдут болезни и грустная старость¹²). Действительно, есть две вещи, которые уменьшают телесные силы – старость и болезнь. (31) [Слово] *Mors* (смерть) произошло оттого, что она горька (*amarus*), либо от Марса (*Mars*), того, кто является творцом смерти; либо *mors* произошло от *morsus*, то есть от *вкушения* плода запретного дерева первым человеком, который через это обрёл смерть. (32) Существует три вида смерти: «горькая» (*acerba*), «преждевременная» (*immatura*) и «естественная» (*naturalis*). «Горькая» – смерть детей, «преждевременная» – молодых людей, «достойная», то есть «естественная», – стариков. (33) Неясно, однако, в соответствии с какой частью речи следует склонять *mortuus* (мертвый). Действительно, как допускает Цезарь, причастие прошедшего времени от глагола *morior* (умирать) должно заканчиваться на “tus”, с одной, разумеется, U, а не с двумя. Ведь там, где буква U двояна в именительном падеже,

¹¹ *Terent. Eun.* 357. Пер. А. Артюшкова.

¹² *Verg. Georg.* 3, 67. Пер. С. Шервинского.

это не причастие, именно так в [словах] *fatuus* (глупый) и *arduus* (трудный). Соответственно это означает одно: как нельзя избежать того¹³, что это слово означает, так нельзя просклонять и само это слово. Всякого мертвеца, однако, называют либо *funus*, либо *cadaver*. (34) Если его хоронят, то [он именуется] *funus*. А назван он *funus* от зажженных бечевков (*funes*), что носили, завернув в навощенный папирус, перед носилками. (35) Если же оставляется он непогребенным, то [его именуют] *cadaver*. Действительно, *cadaver* он назван от *cadere* (падать), потому что не может больше стоять. Процессию, когда умершего несут [к месту захоронения], мы называем *exsequiae*; то, что остается от него в случае кремации – *reliquiae* (прах); после того, как предан земле он – *sepultus* (похороненный). По обыкновению, покойника называют и *corpus* (тело), как в известной строке Вергилия: «*Tum corpora luce carentum*» (тела, постигнутых смертью¹⁴). (36) Покойник назван *defunctus* оттого, что исполнил он жизни службу, ведь мы называем «исполнившими службу» (*functos officio*) тех, кто исполнил должные обязанности; отсюда также и выражение «*honoribus functus*»¹⁵. Следовательно, он *defunctus*, либо потому, что освободился от жизненных обязанностей, либо потому, что подошел срок (*diem functus*). (37) *Sepultus* (погребенный) же назван так оттого, что он уже *sine pulsus et palpitacione*, то есть «недвижим». «Захоронить» (*sepelire*) же означает «сокрыть тело». Действительно, вместо *obruere* (погребать) мы говорим *humare*, то есть «предавать земле».

ГЛАВА III. О ЧУДЕСАХ

(1) Варрон говорит, что *portenta* – это те существа, которые, как кажется, рождаются вопреки природе; но на самом деле они не противоречат природе, поскольку появляются в соответствии с божественной волей, а воля Создателя и является природой всякого творения. Отсюда и сами язычники именуют Бога то *Natura* (Природа), то *Deus* (Бог). (2) Следовательно, предзнаменование (*portentum*) становится возможным не вопреки природе, но вопреки тому, что считается соответствующим природе. Предзнаменования (*portenta*) оттого именуются *ostenta*, *monstra*, а также *prodigia*, что они, как кажется, предвещают (*portendere*) и сулят (*ostendere*), указывают (*monstrare*) и предсказывают (*praedicare*) какие-то грядущие события. (3) Действительно, полагают, что *portenta* произошло от *portendere*, то есть «предупреждать заранее». *Ostenta* же оттого, что [эти знамения], как кажется, что-то сулят (*ostendere*) в будущем. *Prodigia* – оттого, что *porro dicant*, то есть «предсказывают будущее». *Monstra* же произошло от *monitus* (предсказание), потому что они указывают на что-то, подавая знак, либо потому, что они прямо указывают (*statim monstrant*) на то, что случится; и таково соб-

¹³ То есть смерти.

¹⁴ Verg. Georg. 4, 255. Пер. С. Шервинского.

¹⁵ Исполнять какую-либо почетную обязанность, т.е. занимать магистратуру.

ственное значение слова, хотя оно искажается многими авторами не соответствующим ему употреблением. (4) Некоторые же из чудес (*portenta*), как кажется, предсказывали будущие события. Ведь Бог иногда хочет сообщить о том, что должно случиться, через какие-либо дефекты у новорожденных, а также через сны и через прорицания, таким способом он предвещает будущее бедствие, грозящее определенным народам или людям; и это действительно подтверждено многими реальными фактами. (5) Так лиса, рожденная кобылой, стала для Ксеркса предвестием разрушения державы. Александру порожденное женщиной чудовище, у которого верхние части тела были человеческими, но мертвыми, а нижние – от различных животных, но живые, предсказало внезапную гибель царя: ведь худшие части пережили лучшие. Но те чудовища, которые появляются при предзнаменованиях, не живут долго, они умирают, как только рождаются. (6) Есть различие между *portentum* и *portentuosus*. Действительно, *portenta* – это те существа, которые претерпели [полную] трансформацию; так, например, сообщают, что в Умбрии женщина родила змею. Откуда Лукан говорит: «*Matremque suos conterruit infans*» (И ужасал свою мать ребенок¹⁶). *Portentuosa* же [в строгом смысле называют тех], кто имеет незначительное отклонение, как, например, родившихся с шестью пальцами. (7) Итак, [несущие предзнаменования] чудовища (*portenta*) или же уродцы (*portentuosus*) отличаются от обычных людей: одни – огромным размером всего тела (таковым, по свидетельству Гомера, был Титион, занимавший [своим телом] девять югеров¹⁷); другие – малым его размером, каковы карлики, или те, кого греки называют пигмеями, потому что они с локоть ростом¹⁸. Третьи – величиною отдельных его частей, как, например, деформированной головой или лишними частями тела, как двухголовые и трехрукие, или как, например, кинодонты¹⁹, у которых клыки выступают вперед. (8) Одни – дефектом каких-то частей тела, у них одна часть тела значительно отличается от другой, как, например, одна рука от другой, или одна нога от другой. Другие – отсутствием какой-то части тела, как, например, рожденные без руки или головы, которых греки называют *steresios*²⁰. Третьи – отсутствием большинства частей, когда рождается только голова или голень. (9) Одни меняют какую-либо часть своего тела, как те, что имеют обличье льва или собаки, либо голову или тело быка, как о том говорится в случае Минотавра, рожденного от Пасифаи; греки именуют это словом *ἑτερομορφία*. Другие полностью меняют свою сущность как, например, при рождении неподобающего роженице существа, как в случае с теленком, рожденным от женщины. Третьи, не меняя тела в целом,

¹⁶ *Lucan. Phar.* 1, 563. Пер. Л.Е. Остроумова.

¹⁷ Югер – римская мера земельной площади равная 2519 м².

¹⁸ Πυγμῖ □ (греч.) – локоть.

¹⁹ Букв.: «собакозубые».

²⁰ Греч.: στέρησις. □

имеют изменения в отдельных его частях, как, например, имеют глаза на груди или на лбу, уши на макушке головы; или, как сообщает Аристотель, имеют печень с левой стороны, а селезенку – с правой. (10) Одни – в силу врожденных дефектов, когда, например, на одной руке оказывается больше сросшихся пальцев, на другой – меньше, то же на ногах. Другие – в силу недоразвитости и несвоевременности рождения, как те, кто рождается с зубами или с бородой или с седыми волосами. Третьи – в силу сочетания многочисленных отклонений, как в случае с предзнаменованием в отношении Александра, о котором мы говорили выше²¹. (11) Иные – от смешивания полов, как те, кого именуют ἀνδρόγυναι (андрогины) и ἑρμαφροδίται (гермафродиты). Гермафродиты же названы так оттого, что у них проявляются признаки обоих полов. Ведь греки называют мужчину Ἐρμῆς, а женщину – Ἀφροδίτη. Они, имея правую грудь мужскую, а левую – женскую, вступая взаимно в половую связь, и порождают, и рожают. (12) Как у отдельных народов появляются монстры среди людей, так и внутри самого человеческого рода некоторые народы выглядят монстрами, как, например, гиганты, кинокефалы, циклопы и другие²². (13) Гиганты названы так в соответствии с этимологией греческого слова; греки называют их γίγαντες, то есть, «рожденные из земли», поскольку в соответствии с легендой они были порождены матерью-землей по ее образу и подобию в виде огромной глыбы. Действительно, земля зовется у греков γῆ, а народ – γένος. Так ведь и тех, чье происхождение сомнительно, в народе зовут «сыновьями земли». (14) Но некоторые несведущие неверно полагают из Священного Писания, что грешные ангелы сошлись с дочерьми людей до Потопа, отчего и родились гиганты, то есть чрезмерно большие и сильные мужчины, которые заполнили землю. (15) Кинокефалы именуются так оттого, что имеют собачьи головы, один их лай уже явно показывает, что они скорее животные, чем люди. Они происходят из Индии. (16) Из той же Индии происходят и циклопы. Как полагают, названы они Циклопами оттого, что посреди лба у них только один глаз. Их же называют и ἄκυροφαῖται, поскольку едят они исключительно мясо диких животных. (17) Говорят, что блеммии в Ливии рождаются словно обрубки, без голов, а рот и глаза у них на груди. Другие же рождаются без шей, а глаза у них на плечах. (18) Пишут, наконец, о безобразных лицах народов Востока: одни имеют бесформенный лик, они без носов, поверхность всего лица у них ровная; у других нижняя губа настолько выдвинута вперед, что, когда они спят, она защищает все их лицо целиком от солнечного света; у третьих рты сделаны так, что они втягивают пищу только через маленькое отверстие овсяной соломинки. Говорят, что у некоторых нет языка и вместо речи они используют поклоны или жесты.

²¹ См. § 5.

²² Ср.: *Plin.* NH. VII. 6-36.

(19) Рассказывают, что у панотиев в Скифии такие огромные уши, что они прикрывают ими все свое тело. Действительно, греческое слово *πᾶν* означает «весь», а *ὄτα* – «уши». (20) Сообщают, что артабаты в Эфиопии ходят на четвереньках, словно скот; никто из них не живет более сорока лет. (21) Сатиры – маленькие люди с крючковатыми носами; на лбу – рога, ноги подобны козьим; такого сатира видел Святой Антоний во время своего уединения. Говорят, что спрошенный рабом божьим, он ответил: «*Mortalis ego sum unus ex accolis heremi, quos vario delusa errore gentilitas Faunos Satyrosque colit*» (Я смертный, один из обитателей пустыни, которых прельщенное всякими заблуждениями язычество чтит под именем Фавнов и Сатиров)²³. (22) Говорят, что так называют и лесных людей, которых некоторые именуют фиговыми фавнами. (23) Сообщают, что у скиоподов (племя в Эфиопии) только одна нога, но они удивительно быстры. Греки называют их *σκιόποδες* оттого, что во время жары они, лежа спиной на земле, прячутся в тени своих огромного размера ступней. (24) Антиподы в Ливии имеют ступни, вывернутые назад, а на ступнях у них по восемь пальцев. (25) Гиппоподы живут в Скифии, они имеют человеческий облик, но ноги у них лошадиные. (26) Говорят, в Индии есть племя, их называют *Μακρόβιοι* (макробии), ростом двенадцати футов. Есть там и племя ростом в локоть, отчего греки их называют пигмеями, о них я говорил выше²⁴. Они живут в горных областях Индии, что рядом с океаном. (27) Утверждают также, что в той же Индии есть племя женщин, которые беременеют в пятилетнем возрасте и не доживают до восьми лет. (28) Говорят и о других невероятных человекообразных чудовищах, которые не существуют в реальности, но выдуманы, чтобы объяснять причинность вещей, как, например, Герион, царь Испании, изображавшийся в виде существа, имевшего три тела. На самом же деле были три брата, которые находились между собой в таком согласии, что, казалось, имели в трех телах одну единую душу. (29) Таковы и блудницы Горгоны, покрытые змеями вместо волос; они будто бы обращали в камень любого смотрящего на них, имея единственный глаз, которым пользовались поочередно. На самом же деле были три сестры, все единой красы, отсюда, как будто бы с единственным на всех глазом; краса завораживала взиравших на них настолько, что, казалось, обращала их в камень. (30) Выдумывают также, что были три Сирены, отчасти девы, отчасти – крылатые существа, имеющие крылья и когти; одна из них заманивала голосом, другая – игрой на флейте, третья – на лире. Завлекая своим пением моряков, они доводили дело до кораблекрушения. (31) По правде же, были они блудницами, которые обирали встречных до нитки, за что им и приписывали кораблекрушения. А описывают их с крыльями и когтями, поскольку любовь и окрыляет,

---

²³ *Hieron. Vita Pauli*. 8. Пер. наш.

²⁴ См. § 7.

и ранит. Они, как говорят, потому обитали среди волн, что волны породили Венеру. (32) Болтают и о Сцилле, женщине с собачьими головами, изрыгающей громкий лай, по той причине, что проплывая Сицилийский пролив, напуганные водоворотами волн, сталкивающиеся меж собой, моряки говорят, что вздыбленные волнением лают волны, сталкиваемые друг с другом морской пучиной. (33) Выдумывают и некоторых чудовищ из числа мифических живых существ, как то Цербера, собаку преисподней, три ее головы означают те три возраста, когда смерть пожирает человека, то есть младенчество (*infantia*), молодость (*iuventus*) и старость (*senectus*). Некоторые полагают, чудовище это оттого прозвано Цербером, что происходит от [греческого слова] κρεοβόρος, то есть «пожирающий плоть». (34) Говорят также о Гидре, змее с девятью головами, которую оттого по-латыни именуют *exetra* (водная змея), что, когда одну ее голову отрезали (*caedere*), [на ее месте] вырастали три. Однако известно, что Гидрой именовалось место, откуда извергалась вода, разрушая близлежащие общины; при закупоривании одного отверстия, вода прорывалась вновь во многих других. Видя это, Геркулес осушил все пространство целиком и таким образом прекратил истечение воды. (35) Действительно *hydra* означает «вода». Амвросий упоминает о ней, сопоставляя с ересями. Он говорит: «*Haeresis enim velut quaedam hydra fabularum vulneribus suis crevit; et dum saepe reciditur, pullulavit igni debita incendioque peritura*» (Ересь ведь подобна той мифической гидре, что множилась от собственных ран: как бы часто ее не обрезали, она становилась только больше; так что должно вытравить ее огнем да пожарищем)²⁵. (36) И Химеру изображают в виде животного, имеющего морду льва, заднюю часть туловища – от дракона, а среднюю – от козы. Некоторые физиологи говорят, что это не животное, а гора в Киликии, на которой местами кормятся львы и козы, местами изрыгается огонь, а местами она полна змей. Сообщают, что ее облюбовал Беллерофонт²⁶, почему и убил химеру. (37) Кентавры получили свое имя от внешности, ибо *Centaurus* означает «человек, соединенный с лошадьей». Некоторые говорят, что ими были всадники из Фессалии; поскольку, когда они неслись в сражение, казалось, что лошади и всадники имеют единое тело, оттуда и стали признавать существование неких вымышленных кентавров. (38) Кроме того, говорят, что Минотавр получил свое имя от быка (*taurus*) и человека (*homo*), а само это мифическое животное было заперто в Лабиринте. О нем Овидий: «*Semibovemque virum, semivirumque bovem*» (Бык-получеловек и человек-полубык)²⁷. (39) Оноцентавр (*Onocentaur*) же, как полагают, зовется так оттого, что наполовину он выглядит как человек (*homo*), а наполовину как осел (*asinus*). Аналогичным обра-

²⁵ *Ambr. De fid.* 1, 4. Пер. наш.

²⁶ Беллерофонт («убийца Беллера») – в греческой мифологии прозвище Гиппона, сына Главка и Евримеды (*Apoll.* I. 9. 3), убившего случайно коринфянина Беллера.

²⁷ *Ovid. Ars am.* 2, 24. Пер. М.Л. Гаспарова.

зом полагают, что гиппоцентавры (Hippocentauri) именуется так оттого, что соединили в себе лошадиную и человеческую природу.

ГЛАВА IV. МЕТАМОРФОЗЫ

(1) Пишут, однако, и о некоторых странных трансформациях и превращениях людей в животных, как, например, о печально известной Цирcee, которая, как говорят, превратила в зверей товарищей Улисса²⁸; сообщают и об аркадянах, которые, ведомые роком, переплывая какой-то водоем, превратились в волков. (2) Действительно, утверждают, опираясь не на лживое баснословное, а историческое доказательство, что и товарищи Диомеда²⁹ были превращены в птиц. Некоторые же заявляют, что и колдуньи (Striga) происходят из людей. Так ведь и облик разбойников зачастую меняется при совершении преступлений, и они полностью превращаются в диких животных посредством либо магических заклинаний, либо волшебного снадобья. (3) Но многие существа изменяются естественным образом в соответствии с природой и, подвергшись трансформации, превращаются в иные существа; так, например, пчелы происходят из гнилой плоти падших телят, жуки – от таковой лошадей, саранча – от мулов, скорпионы – от крабов. Овидий пишет: «*Concava litorei si demas brachia cancri, scorpio exhibit, caudaque minabitur unca*» (Если округлых клешней ты лишишь прибрежного краба, / А остальное в земле погребешь, то из части закрытой / Выйдет на свет скорпион, искривленным хвостом угрожая³⁰).

Принятые сокращения

Ierem. – Ieremias

Biblia Sacra. Liber Ieremiae

Isai. – Isaias

Biblia Sacra. Liber Iesaias

Genes. – Biblia Sacra. Genesis

Psalm. – Biblia Sacra. Liber Psalmorum

Ambr. – Sanctus Ambrosius Mediolanensis Episcopus

De fid. – De fide ad Gratianum

Psalm. – Explanatio psalmorum

Epist. – Epistulae

Apoll. – Apollodorus

Bibliotheca

²⁸ Греч. Кирка. В греческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды (*Hesiod. Theog.* 956). Превратила в свиней спутников Одиссея, занесенных во время своих блужданий на ее остров.

²⁹ В греческой мифологии – мифический царь Аргоса, участник Троянской войны, жених Елены. Согласно Антонину Либералу, Зевс превратил его спутников в птиц (*Metam.* 37. 4-5).

³⁰ *Ovid. Metam.* 15, 369. Пер. С. Шервинского.

- Aug. – Sanctus Augustinus
     Civ. – De civitate Dei
     Div. Quest. – De diversis Quaestionibus
     De gen. contra Manich. – De genesi contra Manichaeos
     Ver. Rel. – De vera religione
     Serm. – Sermones
 Censor. – Censorinus
     Nat. – De die Natali
 Cic. – M. Tullius Cicero
     Tusc. – Tusculanae disputationes
 Drac. – Blossius Aemilius Dracontius
     Satisf. – Satisfactio
 Gai. – Gaius
     Inst. – Institutiones
 Gell. – Aulus Gellius
 Hesiod. – Hesiodus
     Theog. – Theogonia
 Hieron. – Sanctus Hieronimus
 Hor. – Q. Horatius Flaccus
     Carm. – Carmina
 Isid. – Isidorus Hispalensis
     Etym. – Etymologiarum sive originum libri
     Diff. – De differentiis
     Lib. Num. – Liber numerorum
 Lucan. – M. Annaeus Lucanus
     De bello civili sive Pharsalia
 Ovid. – P. Ovidius Naso
     Metam. – Metamorphoses
     Ars. Am. – Ars amatoria
 Philo. – Philo
     Opif. – De opificio Dei
 Plin. – C. Plinius Secundus
     NH – Naturalis Historia
 Plin. – C. Plinius Caecilius Secundus
     Epist. – Epistularum libri
 Sen. – L. Annaeus Seneca
     Epist. – Epistulae morales ad Lucilium
 Serv. – M. Servius Honoratus
     Aen. – In Vergilii Aeneidem comentarii
 Tac. – P. Cornelius Tacitus
 Germ. – Tac. – Tacitus
     Germ. – Germania
 Teren. – P. Terentius Afer
     Hec. – Hecyra
     Eun. – Eunuchus
 Verg. – P. Vergilius Maro
     Georg. – Georgicon

О. С. ХИЖНЯК, Е. А. ТЕРЮКОВА

ИЗ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА. 1912 ГОД
АГИНСКИЙ ДАЦАН ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ)

Авторы представляют первую полную публикацию дневника студента Казанской духовной академии В.И. Иванова, в котором описаны быт и религиозная жизнь Агинского буддийского монастыря в начале XX в. Рукопись хранится в Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург) и является уникальным свидетельством миссионерской деятельности Русской православной церкви в Забайкалье, сопровождаемой изучением традиционных для этого края религиозных верований.

Ключевые слова: буддизм в России, дацан, миссионерская деятельность Русской православной церкви.

Дневник студента Казанской духовной академии В.И. Иванова «Агинский дацан Забайкальской области», хранится в Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург)¹. Агинский дацан расположен в Читинской области. Его основание относится к 1811 г., когда вместо молельной юрты был заложен каменный храм. Как и все другие буддийские монастыри, он был закрыт в годы гонений на религию, но оказался первым восстановленным дацаном в 1943 г., когда началось некоторое изменение государственной политики по отношению к религии и церкви. В 1990-е гг. дацан развернул восстановление разрушенных в советский период зданий. Теперь он полностью обрел свой исторический облик, вернул многие утраченные ранее святыни и возродил религиозную жизнь в регионе.

Автор дневника В.И. Иванов был одним из тех, кого в дореволюционной России готовили к православной миссионерской деятельности, что требовало изучения религий народов Российской империи. Казанская духовная академия была создана в 1797 г. Отличительную черту академии составляло вызванное местными потребностями преподавание языков турецко-татарского, арабского, монгольского и калмыцкого. В 1854–1855 гг. в академии были открыты миссионерские отделения, направленные на работу в среде старообрядцев («противораскольничье»), мусульман («противомусульманское»), буддистов («противобуддийское»), а также марийского и чувашского народов, исповедовавших архаичные верования.

---

¹ Архив ГМИР. Ф.1. Оп.1. Д. 103.

В августе 1917 года Казанская духовная академия была выселена Временным правительством из своего здания, и занятия продолжались в других помещениях, в основном в здании духовной семинарии. В 1918 г. в академии прошли последние выпускные экзамены и защита магистерских сочинений, выданы последние дипломы. В марте 1921 года был арестован ректор академии епископ Анатолий (Грисюк) и двадцать её преподавателей. В ноябре академическая корпорация, пытаясь приспособиться к новым условиям, организовала Богословский институт, но просуществовал он менее года. Впоследствии многие из выпускников Академии и семинарии подверглись преследованиям. В эпоху перестройки некоторые из них были причислены к лику священномучеников.

В дореволюционной России выпускники Казанской духовной Академии внесли существенный вклад в дело православной миссии среди народов Российской империи. В Забайкалье – регионе, где буддизм начал утверждаться с начала XVIII века, одним из них был Владимир Иосифович Иванов. Публикуемый дневник был составлен им во время учебной, студенческой командировки в Агинский дацан в 1912 г. Этот документ представляет значительный интерес для исследования как буддизма в данном регионе, так и миссионерских настроений автора. Он представляет собой рукописную тетрадь из пронумерованных страниц, исписанных убористым подчерком. Текст перемежается вклеенными черно-белыми, частично выцветшими от времени, фотографиями. Автор дает общее описание дацана, проводимых в нем праздников и ритуалов, характеризует состав духовенства, объясняет содержание и значение предметов культа. Несмотря на низкое качество фотографий, они представляют зримую картину жизни дацана и основ буддийской иконографии. Следует учитывать, что к началу XX века знания о буддизме среди бурят были еще не достаточны. Студенту духовной академии приходилось собирать устную информацию от носителей веры, при этом иногда вкрадывались неточности в написании имен и названий. Хотя монгольский язык изучался в академии, но он имеет отличия от бурятского языка. Религиозные обычаи двух родственных народов так же не совпадают полностью. Этим объясняется ряд ошибок в тексте дневника.

Сведения, содержащиеся в рукописи, не утратили своего значения и поныне. Дневник по праву может служить источником для изучения бытования буддизма среди бурят в начале XX века. Тем не менее, студент Духовной академии не мог не дать критику буддизма с позиций православия. Его высказывания эмоционально окрашены и носят ярко выраженный вероисповедный характер. Эти страницы завершают дневник и,

таким образом, не мешают восприятию содержащейся в нем информации. Вместе с тем, они свидетельствуют о невозможности принятия православным человеком некоторых сторон буддизма, прежде всего значительного сонма гневных божеств, воспринятых из архаичных верований. По этой причине он называет их изображения «идолами» или «истуканами», храмы - «капищами», а лам «жрецами-волшебниками». Отношение автора к иной вере нельзя оценивать с позиций современных представлений о «толерантности», необходим исторический подход в оценке взглядов, высказанных столетие назад. Одновременно надо учитывать, что автор вел дневник не только для своих дальнейших научных и учебных целей, но и для предоставления его текста в Духовную православную академию. Однако, искренность автора не вызывает сомнений. Он с горечью пишет о том, что местные представители государственной власти не оказывали должной поддержки миссионерам.

Необходимо отметить, что наряду с учеными, выпускниками университетов, православные авторы внесли заметный вклад в изучение буддизма в России². Эти исследования были необходимы Церкви для миссионерской деятельности. С точки зрения содержащейся в них информации они могут быть интересны и в наше время, поскольку чаще всего основаны на «полевых материалах», как теперь принято говорить. Дневник студента В. И. Иванова вписывается в эту линию исследований. Его автор окончил Академию в 1913 г. и был назначен служить в Иркутскую епархию³. В последующие годы он сделал публикации по своим материалам в журнале «Инородческое обозрение», являвшемся приложением к изданию «Православный собеседник»⁴.

К сожалению, о дальнейшей судьбе автора дневника нам ничего не известно.

Учитывая сложность буддийской терминологии, авторы снабдили «Дневник» именным и предметным указателями, в которых приводятся бурятское, тибетское и санскритское написание терминов⁵.

---

² Кожевников 1916; 1997; Мефодий, иеромонах 1902; Нил, архиепископ 1858; Остроумов 1887; Попов 1898; 1900.

³ Выпускники КДА 1846–1916 гг. ([www.petergen.com/bovkalov/kazda.html](http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/kazda.html)).

⁴ Иванов 1915; 1916. В упомянутых работах имя автора дано как «В.О. Иванов», в то время как в Дневнике обозначены инициалы «В.И.». Проф. В.Л. Успенский в статье, посвященной монголоведению в Казанской духовной академии, предложил такое объяснение этого расхождения: имя Иосиф часто читалось как Осип, соответственно отчество Иосифович – как Осипович. (Успенский 1994).

⁵ Авторы благодарят за консультации доцента кафедры тибетской и монгольской филологии, к. филол. н. Б.М. Нармаева.

В.И. Иванов

Агинский дацан Забайкальской области (Из дневника студента)

Рукопись, стр. 1.

3 июля 1912 года. Станция Могойтуй Заб. жел. дороги... Поезд останавливается... Я выхожу из вагона... Какой простор!.. Длинная степная впадина между постепенно повышающимися безлесными хребтами. Это частица Агинской степи...

На станции русские и буряты... Ко мне подходят и спрашивают: кто? откуда? куда? зачем? – Я, удовлетворяя праздному любопытству, говорю о своем звании, происхождении и намерении посетить Агинский дацан. Вот подходит ко мне один русский мальчик лет 12-ти и предлагает услугу довести меня за 2 рубля до Агинского села (от Могойтуля до с. Аги – 35 верст), находящегося в 6-ти верстах от Агинского дацана. Я соглашаюсь.

[Фото 1. Общий вид Агинского дацана Забайкальской области]

Дорога гладкая. Лошади бегут весело.

Рукопись, стр. 2

Мы незаметно забегает на хребты, спускаемся в долины и опять поднимаемся... Во впадинах, то там, то тут, разбросаны кочевья бурят; кое-где появляются степные всадники; бродят лошади и рогатый скот.

Мой возница с удовольствием отвечает на мои расспросы о жизни Агинского села, об Агинском дацане, о бурятах и пр. Между прочим, он сообщает мне о том, что русское население Агинского села почти все знает бурятскую разговорную речь. Сам он вполне свободно говорит по-бурятски. Я пробую начать с ним бурятский разговор. И тут я убеждаюсь в том, что мое «чи», «саин» и вообще монгольское произношение букв «ч» и «с» идет в разрез с бурятской речью. Оказывается, что Агинские буряты, как и Иркутские, в большинстве случаев произносят монгольский звук «ч» подобно русскому «ж» (французскому ch), а звук «с» - подобно русскому мягко придыхательному «х» (французскому придыхательному h).

Разговоры прикрывают время, сокращают путь. Мы уже на спуске в долину реки Аги. Она, окаймленная по своим берегам кустами тальника, темной извилистой полосой проходит по открытой долине. Один хребет, образующий эту долину, на склоне которого лежит наш путь, совершенно лишен лесной растительности, и другой хребет, лежащий по ту сторону р. Аги и идущий параллельно ей, покрыт преимущественно березовым лесом. Березки ютятся на вершине и среднем склоне хребта и, почти совсем отсутствуя при подошве её, придают какую-то особенную прелесть всему хребту, являющемуся счастливым исключением среди безлесной местности.

Вот и село!.. Белая церковь резко выделяется среди прочих самых обыкновенных сельских построе-

Рукопись, стр. 3.

ний... Мы в селе.

4 июля. Я еду в дацан... Ровная дорога идет полем. Дацан виден со всех точек моего пути. Он расположен на склоне хребта. Там группа в несколько сот небольших домиков, среди которых особенно выделяются три здания восточной архитектуры. Это буддийские храмы («сумэ» или «дацаны»). В центре поселка, окруженное садом из молодых сосен, стоит сумэ посвященное будде Шигемуни («Шигэмунин сумэ»), направо и вверх от него – сумэ бурхана Майдари («Майдарыйн сумэ»), а налево и вниз – сумэ бурхана Абиды («Абидайн сумэ»). Два первых здания кажутся окрашенными в темно-желтую краску, а последнее выглядит белым со светло-коричневой крышей. Кроме этих трех главных зданий виднеются плоские крыши и прочих пяти сумэ.

Перед въездом в улицы дацана стоит намяжник⁶ («субурган»), сделанный из кирпича и покрытый сверху известью. По своей форме он представляет пирамиду, имеющую четырехугольное (величиною около 4-5 кв.арш.) основание, конусообразную, постепенно суживающуюся к верху, среднюю часть и шпиг с двумя спускающимися от него под косым углом деревянными лесниками. Высота субургана равна приблизительно 5-6 аршинам.

[Фото 2. Субурган будды Шигемуни]

Вот и сам дацан!.. Прямые улицы... По обеим сторонам их расположены ограды, имеющие внутри себя по три – по четыре домика. Дома небольшие – окна в два – в три. Тут и там встречаются буддийские мо-

Рукопись, стр. 4.

нахи. Все они носят одинаковую верхнюю одежду:

а) рубашку желтого цвета с красными обшлагами без рукавов («док-ик»)⁷ б) «шантаб» красного цвета, имеющий вид простыни и прикрывающий только от пояса до ног и с) «орхимжи», т.е. полосу красной материи аршина 1½ ширины и несколько (5-10) аршин длины, перекидывающуюся через левое плечо и обвивающуюся около рук. Почти все ламы ходят без шапок и без сапог.

Я заезжаю на земскую квартиру к ламе Шюэпсин Бадлуеву.

[Фото 3. Ламаиты-монахи в доме]

[Фото 4. Ламаиты-монахи (хувараки). Дом их]

Бадлуев оказался человеком очень любезным. Он заинтересовался мной и начал расспрашивать меня с помощью своего переводчика о моем звании, происхождении и о цели моего приезда в дацан. Когда он познакомился со мной, и когда узнал о моем намерении прожить в дацане в течение одного-двух месяцев, то позаботился об устройстве меня на частной и дешевой квартире у дацанского старосты ламы Бал-

---

⁶ Слова «намяжник» в бурятском языке нет. Возможно, автор услышал бурятское искажение русского слова «памятник», которым в разговорной речи вполне можно обозначить субурган.

⁷ В данном случае автор допускает ошибку. Докиком или додиком называется пелерина с фистонами пяти цветов, надеваемая во время служб, посвященных гневным божествам. Упомянутая в тексте рубашка - цацца.

Рукопись, стр. 5.

дана Аюшиева. За отсутствием последнего определение меня на новую постоянную квартиру состоялось при помощи ширетуя, т.е. настоятеля дацана, к которому я и явился по указанию Бадлуева.

[Фото 5. Хуvaraки (ламаиты-монахи)]

Ширетуй Вампил Джамсаранов, приблизительно 65-летний старичок, принял меня любезно. Дело насчет квартиры было быстро улажено. Пока я сидел у ширетуя и вёл с ним с помощью переводчика разговор, в это время пришёл один из хуvaraков (духовн. лицо) моего нового хозяина квартиры и выразил желание провести меня в свой двор. Я поспешил воспользоваться его услугой, распрощался с ширетуем, который приглашал меня заходить к нему на чаепитие и в будущее время, и пошел на свою квартиру. Там провёл я остаток дня за чаем и за беседой с хуvaraками. В моей квартире появлялись все новые и новые лица, слышалась бурятская речь... Мне было приятно сидеть, смотреть на молодых лам, и вслушиваться в ту речь, которая, интересую меня, лилась из уст моих посетителей.

[Фото 6. Ширетуй Агин. дацана В. Джамсаранов]

5 июля. Сегодня вечером я побывал на хурале (богослужении), являющемся одной из тех рядовых

Рукопись, стр. 6.

служб, которые совершаются в течение 16 суток (с 1 по 16 число месяца) и посвящаются празднику под названием «Цаган-сара» (т.е. белый месяц). Последний празднуется несколько раз в течение года⁸ по случаю воспоминаний некоторых событий из жизни Будды Шигемуни, – в воспоминание факта распространения им своего учения, в воспоминание побед, одержанных им над лжеучителями и проч.

Хурал совершается вне дацана на берегу р. Аги. Там стоит один большой парусиновый шалаш. Внутри его на полу лежат ковры – сидения для молящихся лам («джабдан»); впереди посредине шалаша стоит кресло («гушилгэту ширэ») со столом («ширэту-ин ширэ»). На кресле восседает в хуральном облачении главный жрец («хуралун ширэту»). Направо от входа находится место второго служителя хурала – блюстителя порядка и тишины во время службы («гэхсыя»). В первом ряду хуvaraков (направо от входа) около главного хурального ламы выделяется еще одно место; это место третьего из главных лам хурала – уставщика и коноарха («унзата»), пред которым стоит небольшой столик с книгой на тибетском языке («номом»). Все

⁸ Автор дает правильное описание праздника, но ошибается относительно того, что он отмечается несколько раз в году. Цаган-сара – праздник Нового года, который по восточному лунному календарю приходится на период конец января – начало марта. Очевидно, информатор сообщил ему о том, что в течение года в буддийских монастырях отмечается несколько праздников (шесть основных), посвященных разным событиям буддийской истории и мифологии.

ламы в полголоса читают одну из богослужебных тибетских книг. Чтение носит, видимо, механический характер: кто читает, кто молчит, кое-кто и разговаривает. Книг мало, около одной книги – несколько хуварак. Чтение оканчивается, делается перерыв. Три главных служителя хурала, одетые в темно-коричневые одежды, неимеющие рукавов («джанжи»), и в хуральные шапки («шисарь»), похожие на боль-

1. Примеч. Подробные сведения о назначении и совершении ламаистского праздника «Цаган-сара» даются в трудах проф. Поздеева: «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу». СПб. 1887. Стр. 276-289

Рукопись, стр. 7.

шой петушиный гребень, - уходят в один приготовленный, видимо, специально для них шалаш. Все прочие хуварак, одетые в те же джанжи и шисары, расходятся вокруг главной хуральной палатки...

Во время перерыва меня пригласили в один из убранных тибетскими коврами шалашей, где пять молодых лам («гэбши»), пользуясь перерывом хурала, наслаждались питьем кумыса. Мне предложили чашку кумыса и печенье. Началась мирная беседа: ламы интересовались мной, я – ими.

После получасового перерыва хурал возобновился. Хуварак заняли свои места. Теперь ламы читали тарнистические изречения – молитвы. В один из моментов службы подростки-хуварак разнесли молящимся чай. Чаепитие совершалось при чтении молитв. Затем опять началось чтение «тарни» (магических изречений). Потом, спустя несколько минут, те же подростки-хуварак, начинания со старших лам и кончая молящимися задних рядов, всем разнесли завернутые в новые платки и накрытые «хадаками» (шелковыми платками) кирпичи чаю и печенье в форме кренделей. Теперь моление продолжалось при курящейся желтой свече («тара хучжи»), которая передавалась ламами из рук в руки. Тот лама, которому передавали свечу, обязывался начать определенную молитву, а все остальные ламы дружным хором октав подхватывали её. В конце хурала, когда каждому из молящихся лам было предложено по горсти ярицы (будун таря), моление совершалось под звуки речитативного чтения

[Фото 7. Ламы пьют кумыс после совершения хурала в празд. «Цаган-сара» на берегу р. Аги]

Рукопись, стр. 8

молитв и сопровождалось бросанием вверх и во все стороны зерен ярицы. Этим действием хурал и закончился. Ламы, имея в своих руках хуральные дары, возвращались в дацан...

[Фото 8. Субурган будды Шигэмуни, построенный во дворе большого сумэ Агинского дацана. Примеч. Этот рисунок относ. к стр. 26.]

6 июля. Сегодня во время прогулки по дацану я зашел в сумэ бурхана Абида («Абидан сумэ»). Это небольшое двухэтажное здание. Внутри сумэ, в

нижнем и верхнем, соединенных между собою этажах, за стенами, представляющими из себя рамы со стеклами, устроено царство будды Абида. Абида – большой бронзовый истукан (величина его раза в два-три больше роста человека) с красным лицом и с синим «усниром» (головной прической) на голове восседает под листвою большого искусственного дерева («боди»), верхушка которого поднимается до окон второго этажа. Над деревом боди виднеется бронзовое изображение долговечного будды Аюши. В правом углу изображается дворец металлический дворец (модель дацана) Абида, а в левом углу такой же дворец Аюши. Позади дерева стоит изображение одиннадцатипятиког бурхана Ариявалы. Направо и налево у подножия Абида находятся небольшие бронзовые фигуры учеников его; из них четыре ученика расположены в ряд по одну сторону своего учителя и четыре по другую сторону его. Тут же, у подножия Абида, помещаются изображения двух богинь: Цаган-дара-эхэ – с одной стороны и Ногон-дара-эхэ – с другой стороны, а между ними неболь-

Рукопись, стр. 9.

шое изображение Ариявалы. Далее, налево от Абида и ближе к середине сумэ стоит небольшая статуя Аюши с красным лицом и с короной на голове. Перед ним красуется небольшая модель сумэ. Налево от Абида и параллельно Аюши находится такая же статуя многорукого Ариявалы. Перед Ариявалой опять модель небольшого дацана. Между этими изображениями Аюши и Ариявалы стоят фигуры нескольких коленапреклоненно молящихся перед Абидой лам. Затем, на правой и на левой сторонах, ближе ко входу в сумэ, находятся два небольших изображения Абида, окруженного своими учениками. В углах, у передней стены – рамы, устроены модели трех парков с искусственными деревьями, а между парками – изображения двух озер с плавающими птицами.

[Фото 9. Схематическое изображение царства будды Ариявалы или Арияболо. Это – «многомилостивый», имеет эпитеты «Манихадма» как эманыции Амитабы, этого известнейшего, после Шигемуни, будды, живущего на Западе в царстве Сукавади, переродится в котором составляет предмет самых горячих молитв благочестивых буддистов. Это божество считается у буддистов олицетворением божеской любви к миру». См. «Бурханы – свящ. Изображения буддистов – монголов. Н. Остроумов. Казань. 1887. Стр. 33]

Рукопись, стр. 10.

Между прочим, в каждом из четырёх углов находится изображение человека в ламском одеянии, перелетающего по воздуху к будде Абиде.

[Фото 10. Богиня Цаган-дара-эхэ.]

[Фото 11. Богиня Ногон-дара-эхэ.]

Подобного рода изображения означают новых обитателей царства Абида, возродившихся ....уса (слово прикрыто фотографией) и летящих в первый раз за благословением к своему владыке.

[Фото 12. Схемат. изображение царства бог. Цаган-дара-эхэ.]

[Фото 13. Схемат. изображение царства бог. Ногон-дара-эхэ.]

Рукопись, стр. 11.

В сумэ царства будды Абида, кроме вышеописанного царства бурхана¹, ничего нет: ни божниц, ни жертвенных столов, ни мест для совершения хуралов. Назначение этого сумэ состоит, надо полагать, главным образом в том, чтобы служить наглядным пособием для последователей ламаизма в представлении одного из счастливейших царств – царства Абида или царства Сукавади, того царства, которое, по словам проф.о. Ś. Попова, «из всех мест ламайского блаженства получает пальму первенства²».

8го июля я побывал на обучении хуvaraков «цаниту³» (т.е. высшей мудрости), совершавшемся на паперти храма богини Дара-эхэ.

Когда я вошел в ограду сумэ, то увидел тут куч-

[Фото 14. Сумэ богини Дара-эхэ в Агинском дацане.]

1. Примечание. Картина одного из блаженных царств, в которые верят ламаты – царства Абида, наглядно представленная в сумэ Агинского дацана под названием «Абидаин сумэ» - может служить прекрасной иллюстрацией для монгольской рукописи, называемой так «Амухуланг-ту Сукавади – ин орон – у зохийял – ун сутур аротита», т.е. «Сутра об устройстве блаженного царства Сукавади», где в ярких красках описываются все чудесные свойства и качества блаженной области Сукавади или, что одно и то же, блаженного царства будды Абида.

2. Св. Ś. Попов. Критический обзор главнейших основоположений ламаизма с точки зрения христианского учения. Казань, 1900. Стр. 47

3. Примеч. Тибетское слово «цанит», по словам профессора Позднеева, состоит из двух слов: «цана» - мудрость и «нит» - основное свойство, сущность; т.е. учение, излагающее сущность мудрости; в буддийской терминологии так называется учение высшей догматики буддизма. Соответственно цанит есть упорядоченное толкование на части ганьчжура». Позднеев. Очерки быта буд. монаст. стр. 193-4

Рукопись, стр. 12.

ками расположившихся хуvaraков (в каждой кучке было около 10 человек). Все хуvaraки были одеты в свои хуральные джанжи и в свои шисары. В каждой группе одни из хуvaraков сидели в ряд, а другие стояли пред ними. Последние, держа четки («эрхи») в правых руках, как будто наступали на первых: они хлопали ладонями, разводили руками, кричали: «хо-ро-ро-дис!» - и дотрагивались до плеча своих vis-a-vis.

[Фото 15. Тибетский лама Панчен Наван-Тай.]

На первых порах мне показалось, что тут шла игра, но потом я узнал, что тут велся ученый диспут. Стоявшие хуvaraки являлись совопросниками тех, которые сидели. Каждый из первых задавал одному из сидевших хуvaraков определенный вопрос из книги (из какой-либо части ганьчжура¹) и, если тот ничего не отвечал, то он, ударив в ладоши, повторял свой вопрос и ждал ответа; когда вопрошаемый не отвечал и в этот раз,

1. Ганьчжур – сборник буддийских священных книг канонического характера в числе 108 томов. Ср. Архиеп. Нил. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающ. в Сибири. СПб, 1858, Стр. 105.

Рукопись, стр. 13.

то хуварак-совопросник, торжественно выкрикнув: «хо-ро-ро-дис!», - повторял еще раз свой вопрос. При дальнейшем молчании своего противника он дотрагивался до плеча его в знак своей победы над ним и переходил к следующему хувараку. При благоприятных ответах вопрошающий хуварак задавал своему противнику за первым вопросом второй, третий и т.д.

Я пошел на паперть сумэ, где сидели хуварак и вели разговор.

Паперть большая: длина её равна приблизительно 10 сажням, а ширина – 4. Тут стоит 16 деревянных круглых, окрашенных в бурый цвет, колонн.

[Фото 16. Тибетский лама (бурхан) Лавон-Дава-Дахва]

Прошло несколько минут... Вот лама – надзиратель («гэсхий») хлопнул два раза в ладоши – все хуварак собрались и уселись рядами в виде полукруга. Один из пожилых лам, сидящих в середине, принял на себя роль унзата и начал чтение тарнистических молитв. Молитвы читались недолго, но для многих хуварак показали, надо полагать, утомительными. Утомлению способствовал и ме-

Рукопись, стр. 14.

ханизм чтения молитв: одни читали их, другие вели разговор, третьи дремали. Лама-надзиратель раза три призывал двух мальчиков к молению. Один из хуварак, сидящий на краю, недалеко от меня, пользуясь большим ростом своих соседей, зевал, ложился на пол и лежал, подложив под голову свой писарь, до тех пор, пока кто-либо из соседей не одергивал его: этот хуварак рисовался передо мной. По знаку гэсхья чтение молитв окончилось; хуварак снова разошлись по ограде сумэ и занялись учеными спорами. Через некоторое время лама-надзиратель распустил всех по домам.

Возвращаясь домой, я получил от лам сведения, во-первых, о том, что все молодые хуварак, неполучившие ученого звания "гэбши", изучают цанит, во-вторых, о том, что в летнее время обучение цаниту происходит так: в течение трех вечеров все хуварак на улице вслух заучивают определенные уроки, а на четвертый вечер они собираются на паперть "Дара-эхэ-ин сумэ" и здесь в присутствии гэсхья ведут заученные диспуты и, в-третьих, наконец, о том, что храм богини Дара-эхэ обслуживает роль цанитской школы, куда стекаются хуварак из разных концов Забайкалья, пополняя то население дацана, которое состоит исключительно из лам – людей "белой кости" ("цагань ясун'у"¹⁾).

1. Примеч. Мы не можем определенно указать число населения Агинского дацана. Не дают нам его и "Труды Агинской экспедиции", изданные Читинским отделением Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества в 1911 году. Там мы читаем, между прочим, следующее: "Переходя к населению двух дацанов Агинской степи (Агинскому и Цугалтскому)..., к сожалению, не можем учесть численность населения каждого дацана в отдельности, так как ни при регистрации проживающих отдельных членов семьи в дацанах, ни, след., при подсчетах, дацаны не разделялись... численность населения 2-х дацанов Агинской степи определяется в размере 1550 человек (1544 мужчин и 6 женщин). См. "Население". Д.М.Головачев. Ч.1. Стр. 16.

Рукопись, стр. 15.

[Фото 17. Схематическое изображение царства бурхана «Данш».

Примеч. Название бурхана «Данш» - чисто народное. За верность названия этого бурхана нельзя поручиться.]

9-ое июля – день посещения мною хурала под названием "Арамнэй" или "джутба хурал"¹, который совершался в течение почти целых полсуток (приблиз. сь 8 ч. утра и до 6 ч. вечера) в сумэ, называемом "Дэмшик сумэ", т.е. в сумэ бурхана Дэмшик. Это сумэ одно из пяти главных Агинских сумэ. Оно состоит из двух частей: а) крыльцо и в) самого сумэ. Крыльцо по своей ширине равно сажням 12-ти, а по своей длине – сажням 2/2-3. В дацан ведут три двери. Сам дацан представляет из себя квадрат, имеющий сажень 12 ширины и сажень 10 длины. По середине его 6 рядов колонн, между которыми кое-где висят вертящиеся колонны ("джансалы"), убранные разноцветной китайской материей. Между средними колоннами около передней стены возвышается седалище высших лам ("тушилгэту ширэ"). Направо от этого сидения находится другое почетное кресло, занятое главным служителем хурала («хурал-ун-

1. Примеч. Названия хурала "Арамнэй" и "Джутба" взяты из разговорной речи бурят. Нам думается, что этот хурал праздника Цаган-сара тот самый хурал, на котором бывает, по словам профессора Позднеева, чтение гимнов докшиту (грозному божеству) Хлама, при (котором) возносится балин (жертвенный хлеб), тибетское имя которого Дан-рак-дурма, а по-монгольски он называется «ачилаху балин». Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей. Стр. 283-4.

Рукопись, стр. 16.

ширэту»), пред которым стоит стол с хуральными принадлежностями, каковы: «бумба» (священный сосуд с жертвенной водой - «бумбэин рашиян») с кропилом, связываемым из красивых павлиньих перьев и вкладываемых в узкое горлышко сосуда, священная книга («ном»), завернутая в шелковый плат («хадак»), серебряный колокольчик («хонхо») и неразлучный с ним «очирь» (род небольшого скипетра) и пр.

Налево от главного ламского седалища стоит стол с различными священными предметами: тут находятся «толи» (т.е. зеркало) или металлический круг из желтой блестящей меди, употребляемый для освящения рашияна, несколько сосудов («бумба») с жертвенной водой, несколько тарелочек с жертвенным маслом и проч. Вся передняя сторона представляет из себя огромный шкаф, разделенный на несколько частей, в которых помещаются различные идолы. Вот порядок распределения богов: в левом (от входа) углу под хадаками помещаются Махагала, Эрлик-хан и Ямандага, далее, направо, находится модель жилища бурхана Ямандаги (это - небольшой дацан, окруженный различными фигурками живых существ), дальше стоит бурхан Шигемуни с двумя учениками у подоножия его, ещё далее, помещается изображение Богдо-Дзонхавы, затем красуется модель жилища богини Сэндумэ, статуя, которой помещается ещё далее, под жёлтой парчой; по обеим сторонам богини Сэндумэ находятся два небольших бур-

Рукопись, стр. 17.

[Фото 18. Гонбо-бурхан (грозный бог – докшит)]

[Фото 19. Яман-дага. Грозный бог (докшит)] [Фото 20.]

хана: налево – Шигемуни, а направо – Маньчжуши; позади последнего висит на стене полотняное изображение бурхана Дэмшика; в правом углу, закрытом хадаками, виднеется опять изображение Ямандаги. Кое-где, пред богами, стоят на столах различные жертвоприношения в небольших металлических чашечках, как-то: вода, масло, семена разных сортов, орехи, конфеты и пр. На правой стороне дацана ничего нет, на левой же стоит стол, на который хувараки, прислуживающие при совершении хурала, составили металлические чашечки с различными семенами – горохом, ячменем, ярицей, пшеницей, ри-

Рукопись, стр. 18.

сом, крупой и пр., несколько фигурок «балина» т.е. жертвенного хлеба, подслащенного разными пряностями.

В сумэ мрак. Главная сторона с идолами скрывается за множеством колонн и висячих столбов - украшений.

[Фото 21. Изображение будды «Шигемуни» или «Бурхана-бакши» («Будды – учителя»). Шигемуни или Сакья-муни – основатель буддийской религии. «Шигэмуни изображается со своими неразлучными спутниками – ламами Чамбо и Дзонхава». Н. Остроумов. Стр. 32. Вверху, по углам, изображение богинь – Цаган и Ногон-дара-эхэ.]⁹

Хурал совершается множеством лам (человек 40-50), во главе которых стоит хуральный ширетуй, сидящий в кресле у передней стороны дацана и его помощник, находящийся около ширетуя и сидящий в первом ряду среди прочих лам. Перед ним стоит накрытый шелковым платом столик («лу ширэ»), на котором лежат бумба, хонхо, кусок пшеничного хлеба (около ½ ф) и кусок белаго масла. Прочие ламы сидят в четырёх рядах около средних колонн. В середине первого левого ряда сидит третий главный служитель – унзат, пред которым стоит лу-ширэ с теми же принадлежностями, какие находятся и у второго главного ламы. На столике унза-

Рукопись, стр. 19.

та находится между прочими вещами и «цан», т.е. музыкальный инструмент в виде двух медных тарелочек с головками по середине, которые служат рукоятками при поддерживании тарелок в руках и при ударах ими одной по другой. Перед каждым из прочих служащих лам лежит на полу коврик с серебряным колокольчиком, вачиром, деревянной чашкой, куском масла и куском пшеничного хлеба. Все ламы сидят на своих седалищах («джабданах»), поджавши под себя ноги. На каждом из них кроме будничных одежд находится джанджи и желтая орхимжи, около каждого из них лежит хуральная шапка («шисарь»).

[Фото 22. Дзонхава – основатель ламаизма и его последователи.]

---

⁹ Относительно «спутников» автор ошибается, у трона Будды предостоят его ученики Шарипутра и Маудгальяна.

Вся служба заключается в чтении тарнистических молитв, каждый раз заканчивающихся битьем в цан со стороны унзата и звоном колокольчиков со стороны прочих лам. Чтение молитв сопровождается различными жестами, выполняемыми ламами при помощи рук, колокольчиков и вачиров. Молитва прерывается на несколько минут, во время

Рукопись, стр. 20.

которых ламы пьют чай, едят хлеб и масло – и снова возобновляется: снова слышится хоровое чтение молитвы множества октав, производящих какое-то странное слуховое впечатление у постороннего посетителя. Молитва сопровождается различными действиями. Вот хуральные служки – хувакаки ставят пред унзатом мандалу, т.е. металлическое блюдо, на котором выковано изображение мира в том виде, в каком он существует по понятиям ламайской космогонии, - металлическое блюдо, усыпанное зернами ярицы, и раздают по горсти зерен ярицы каждому из лам, - ламы берут зерна ярицы, делают руками таинственные жесты и одновременно бросают зерна вверх и во все стороны; вот служки-хувакаки появляются с бумбами в рукавах, разнося рашиян каждому из лам; ламы схватывают капли рашияна и подносят ламам курящиеся свечи (главным ламам – черные свечи, а всем прочим – желтые), ламы воскуряют их и читают таинственные тарни.

Одним из выдающихся действий, совершенных ламами во время этого хурала, является освящение рашияна (жертвенной воды). Обстоятельства, сопровождающие это действие, таковы.

Из рядов лам, находящихся на правой стороне от входа, встают 10 человек и уходят на левую сторону сумэ. Там они надевают на свои плечи желтую парчевую орхимжи, набрасывают на себя джанжи, налагают на свои левые плечи новые шелковые цветные шали («дэнжаб»), надевают на головы шисары и берут в свои руки цветные шелковые платки («арчул»). Все десять лам встают в два ряда между главным ширегуем («хуралун ширэту») и столом с жер-

Рукопись, стр. 21.

твами. Один служка-хувакаки передает каждому из них бумбу. В это время другой хувакаки ставит на стол хурального ширегуя толи. Начинается такая процедура: ламы, не сходя с места, передают друг другу свои, поддерживаемые арчулами, бумбы; последний лама передает одну бумбу за другой ширегу, который выливает воду из бумбы на толи (вода стекает с толи в подставленный для него небольшой таз) и передает бумбу ламам, а те при помощи хувакаки ставят ее на жертвенный стол. Все бумбы перебраны, ламы поочередно получают благословение от главного служителя хурала, расходятся, раздеваются и занимают свои места среди прочих лам. Последние, во все время освящения рашияна, сопровождают каждое действие ширегу хурала чтением молитв и звоном в хонхо.

Далее хурал продолжается в прежнем виде: то же молитвенное гудение лам, те же жесты рук, тот же звук цан и тот же звук колокольчиков.

Между тем в ограде дацана был приготовлен хуvaraками из серого песка четырехугольник, поверхность которого была тщательно выглажена. На поверхности посредством желтого песка была нарисована круглая фигура небольшого размера, похожая на колесо со спицами во все стороны. На этой фигуре были разложены в виде звезды небольшие березовые дрова. Позади устроенного в таком виде четырехугольника было приготовлено тушилгэту ширэ (кресло) для хурального ширэтуя и лу-ширэ (столика) с его принадлежностями, каковы: бумба, хонхо с вачиром и особый сосуд «габала», сделанный из человеческого черепа и обделанный в своей середине и по краям серебром. На правой стороне от сидения главного жреца был приготовлен стол, на котором

Рукопись, стр. 22.

были поставлены 10 чашек с различными семенами и мукой, 10 небольших чашек с теми же предметами 5 штук балинов (жертвенных хлебов) и прочие виды жертв. Под столом были положены пучки небольших палочек тальника, пучки травы, пучки хлебных растений и пр. Около стола был поставлен сосуд с топленным маслом, и тут же были положены длинная палка (арш. 2) с металлической решеткой на конце («лугсар») и такая же палка с ковшем на конце («гансар»). Позади сидения ширэтуя были приготовлены сидения («джабдан») и для прочих лам; причем пред первым местом помощника хурального ширэтуя и пред находящимся в середине ряда местом унзата были поставлены лу-ширэ с их принадлежностями.

Как только все это было приготовлено, в дацане хурал окончился, и все ламы в своей домашней одежде вышли в ограду. Хуvaraки принесли хуральную одежду, ламы (человек 15) одели ее и заняли свои места. Снова началось чтение молитв, и снова раздался звон колокольчиков. Через несколько минут наступил момент принесения жертвы очищения («ачилаху-ин тахил»). Главный ширэтуя, окропив рашияномъ костер дров и обильно полив его топленным маслом, при помощи хуvaraков поджег его. Когда костер разгорелся, то главный жрец начал под звуки молитв прочих лам жечь на нем все приготовленные вещи; при этом, бросая в огонь каждый предмет жертвы, он

Рукопись, стр. 23.

через решетку («лугсар») и при помощи ковша («гансар») выливал в огонь большое количество масла. Когда было сожжено около половины заготовленных жертв, тогда было приступлено к торжественному выносу из сумъ священного предмета под названием «зай» («зай» - священный настой травы, привозимый из Тибета). Лама - помощник ширэтуя встал со своего места, одел на себя желтую парчевую орхимжи и шисарь, накрылся своей мантией (джанжи) и пошел в дацан.

[Фото 23. Дворец Далай-Ламы в тибетском г. Лхасе. Вверху портрет Далай-Ламы]

В это время раздались звуки музыкальных инструментов: два мальчика производили звуки, похожие на звуки рога, при помощи морских раковин («дун-бурэ»), два хуvaraка играли на небольших трубах («джихур»), два взрослых хуvaraка били в «цэल्पины» (род медных тарелок, похожих на цан, два хуvaraка ударяли в барабаны («кэнгэргэ») и двое из взрослых хуvaraков играли на больших длинных трубах («ухэрь-бурэ»), поддерживаемых впереди мальчиками. Среди музыкантов были два хуvaraка, держащие в своих руках шесть с продолговатыми цилиндрами на концах («джалцан»), устроенными из разноцветной шелковой материи, а один хуварак, держащий большой круглый, имеющий аршина 2 в диаметре, шелковый зонтик («шухур»). Оркестр беспре-

Рукопись, стр. 24.

ривно гремел в то время, когда помощник ширетуя ходил в сумэ, чтобы взять «зай» и когда он, прикрытый тухуром и сопровождаемый множеством хуvaraков, обходил кругом сумэ. «Зай» был передан главному жрецу. Музыка затихла. Хурал продолжался. Ширетуй прикоснулся рукой к «заю» и сделал особый жест над костром. Потом он снова начал бросать в огонь семена, хадаки (три хадака: желтый, белый и синий), балины, и снова начал лить масло на огонь. Когда все вещи были брошены в огонь, тогда «зай» при звуках музыки был отнесен в дацан. Прошло еще несколько минут и хурал окончился.

Второй хурал, на котором я был сегодня около десяти часов утра, посвящался грозному богу (докишту) Хаинкиров (тиб. Дам-Дину) и совершался в сумэ бурхана Аюши¹⁰.

[Фото 24. Встреча нового ширетуя (Джамсаранова) в Агинском дацане.]

«Аюшин сумэ» - новое, в течение двух лет строящееся одноэтажное сумэ, выделяющееся из ряда прочих построек дацана своей черной, сделанной из листового железа крышей. В сумэ ведет одна дверь. При входе в сумэ представляется такая картина: мрачная комната, имеющая сажень 7 длины и приблизительно столько же сажень ширины; по середине ее, в виде четырех рядов, стоит 16 колонн; впереди стена, представляющая из себя

Рукопись, стр. 25.

как бы огромный шкаф. Там место немногих богов. Около левого угла в большом шкафу помещается бурхан Аюша. Направо от него в таком же шкафу находится Дзонхава с двумя учениками у подножия. Еще далее направо, в открытом месте, виднеется небольшое изображение того же Аюши. В правом углу – загородка, увешанная хадаками. Там стоят столы с чашечками всевозможных жертв.

Так называемый «Дамыйн хурал» совершался здес хуральным ширетуюем и 12-ю ламами: Ширетуй восседал впереди, направо от входа. Перед ним стоял стол с бумбой, хонхо и др. принадлежностями. В середине, между колоннами, сидели друг против друга четыре ламы, из которых один, имея пред собой лу-

---

¹⁰ В имени «Ханкиров» содержится ошибка, правильное написание «Хаягрива».

ширэ с бумбой, выполнял роль унзата. Каждый из этих лам имел в руках «цэйнпы» (род тарелок). Следующие ламы (6 человек), находящиеся тоже между средними колоннами, имели при себе барабаны («кэнгэргэ»). На левой и на правой сторонах от этих 10-ти лам сидели еще два хуварака, которые имели в своих руках длинные трубы («ухэр бурэ»). Перед всеми ламами были священные книги. Все содержание хурала заключалось в чтении этих книг под аккомпанемент вышеназванных музыкальных инструментов.

11 июля. Сегодня я побывал в самом большом сумэ Агинского дацана – «вэ Шигэмуни сумэ», где совершалось чтение ганьчжура.

Сумэ бурхана Шигемуни самое большое и самое богатое сумэ. Оно окружено большим садом из молодых сосен. В саду, перед фасадом дацана, выстроены два каменных субургана и окрашены в белую краску. Оба субургана по своей величине и фигуре аналогич-

Рукопись, стр. 26.

ны тому субургану, который мы видели при въезде в дацан. Один из этих субурганов посвящен будде Шигемуни, а другой – реформатору буддийской религии Богдо-Дзонхаве. В ограде, позади сумэ, устроен под деревянным навесом длинный ряд молитвенных мельниц («хурдэ»), т.е. вращающихся цилиндров, наполненных письменами с различными тарнистическими изречениями. Механическое вращение этих цилиндров равняется, по верованию ламаитов, огромному числу устных чтений самой распространенной в ламаиском мире тарнистической молитвы: «ом-мани-пад-мэ-хум»). Пред входом в самый дацан устроена паперть, на которой красуется несколько массивных колонн с основаниями из белого мрамора. С паперти в дацан ведут три двери, украшенные резьбой восточной архитектуры. Само сумэ состоит из трех этажей.

[Фото 25. «Абидаин-сумэ» Агинского дацана. Примеч. Этот рис. относится к стр. 8.] [Фото 26. «Большое сумэ Агинского дацана. Часть постройки»]

Нижний этаж представляет из себя большую комнату, имеющую приблизительно сажень 15 длины и сажень 12 ширины. По середине ее стоят в пяти рядах 25 колонн с

Рукопись, стр. 27.

рисунками восточной живописи. В центре между колоннами висит несколько устроенных из шелковой материи столбов-украшений храма («джансалы»). Впереди стена-шкаф с идолами. Идолы расставлены в таком порядке: в середине находятся два больших, вылитых из бронзы, бурхана – Шигемуни или Бурхан-Бакши (направо от входа) и Абида (налево). Направо от будды Шигемуни находится Дзонхава; еще правее помещается небольшое изображение Арьябалы с небольшими статуями Абида (налево), Дзонхавы (направо) у подножия. Налево от центрального Абида стоит многоликий Арьябала. Остальные три стены сумэ ничем не украшены, и только кое-где на них висят полотняные священные изображения. К числу последних относится, между прочим, изображение мировой системы («сансарыйн-хурдэ»), находящееся на задней стене дацана.

Второй этаж «большого сумэ» по своей величине немного уступает первому: он ниже первого. Там приблизительно штук 25 деревянных, ничем неукрашенных колонн. Из бронзовых изображений ламаиских богов тут находится только небольшое изображение будды Шигемуни с двумя учениками при нем. Вместо бронзовых богов тут множество полотняных изображений бурханов. Эти изображения привинчены к потолку между рядами колонн. Здесь можно видеть изображения и Шигемуни, и Дзонхавы, и Абиды, и Аюши, и Очирвани и пр. богов.

Рукопись, стр. 28.

На передней стене направо от бронзового изображения Шигемуни выделяется полотняное изображение тэнгрия Махадэвы, а налево от него – такое же изображение Дзонхавы со множеством последователей его.

[Фото 27. Сансарыйн хурдэ.]

Третий этаж дацана – небольшая комната, имеющая по своей величине сажень пять в квадрате. Там, в углах, стоят два полотна, забитые досками загородки, между которыми стоит ряд литых изображений бурханов, завешанных от потолка целой стеной хадаков. Тут в числе бурханов помещаются Очирвани, Хлама, Намсарай, Аюша и др.

Все 18-ть рядов ламских сидений нижнего этажа дугана были заняты хувакарами, которые читали ганьчжур.¹ Впереди, между средними колоннами, на почетном ламском кресле, сидел (хуварак-хубилган) (перерожденец) одного умершего ширетуя Данджинова и читал тот же самый ганьчжур. По левую сторону кресла хубилгана

1. Примеч. "В некоторых (буддийских) монастырях" говорит проф. Позднеев "в течение последних дней праздника Цаган-Сара, 13, 14 и 15-го чисел, служат ганьчжурский хурал, причем вес ганьчжур прочитывается от доски до доски". Позднеев. Быт буд. монаст. стр. 284.

Рукопись, стр. 29.

находилось место ламы-унзата. В каждом ряду у крайнего хувакара был том ганьчжура. Он передавал один лист за другим в свой ряд хувакаров. В конце ряда все прочитанные листы складывались в кучу. Чтение совершалось вполголоса и чисто механическим путем. Было видно, что многие хувакары не читали, а просто передавали друг другу нечитанные ими листы ганьчжура. За ходом службы следили два гэсхья, для которых были приготовлены кресла около входа (на правой и левой сторонах от центральной двери дацана), и два помощника их гэсхья. В руках гэсхьев были отличительные знаки их должности – металлические жезлы ("чжукбо") с навешанными на них хадаками. Въ один из моментов хурала книги по приказанию главного гэсхья были собраны¹, и всем хувакарам был разнесен чай. После чая опять началось чтение. В таком виде хурал продолжался в течение нескольких часов.

12-ое июля – это день моей прогулки по окрестностям дацана. Вот то, что я увидель во время этой прогулки. На двух крайних вершинах горы, лежащей к северу от дацана, и между ними находятся три "обо". Обо – это куча камней с воткнутыми шестами, на которых висят куски полотна ("хи-морины") с отпечатанными на них тарнистическими изречениями, между которыми самым распространеннымъ является тарни: "ом-мани-пад-мэ-хум". Между средним и восточным обо находится субурган. Субурган сделан отчасти из простого камня (фундамент), а отчасти из мрамора (середина и верх). Внутри субургана, по словам моего спутника – ламы,

1. Примеч. Каждый том ганьчжура обычно складывается между 2 досками величиною с лист книги и тщательно завертывается в желтый плат.

Рукопись, стр. 30.

[Фото 28. Разрушенное «обо»]

заделаны изображения бурханов Шигемуни, Дзонхавы и др. При спуске с горы, со стороны восточного обо, стоит старый кирпичный субурган, на лицевой стороне которого с планы изображения трех божеств – Очирвани, Маньчжушри и Ариявалы. На пути от среднего обо к дацану лежат два мраморных камня: один в 1/2 кв. арш. величиной и в 1 четверть толщиной, а другой – в 1^{1/2} кв. аршина величиной и в 1^{1/2} четверти толщиной. На лицевой стороне обоих камней вырезана молитва «ом – мани – пад – мэ – хум» (на первом камне только по-тибетски, а на втором – и по-тибетски, и по-санскритски). На тыльной стороне камней отмечены имена и фамилии вырезавших молитвы и год постановки камней на места (постановка первого камня относится к 1912 году, а второго – 1902). Ниже этих каменных плит находится разрушенное обо, а еще ниже – мраморная доска, имеющая 1^{1/2} арш. вышины, 1 арш. ширины и 1^{1/2} четверти толщины. На той стороне этой доски, которая обращена к дацану, вырезано изображение (барельеф) бурхана «Джэвзын-Сынгы-ды» (это – бурятское произношение), а на обратной стороне плиты находится начертание молитвы «мани» тибетскими буквами. При спуске с горы на запад от этого мраморного камня стоит небольшой домик – молельня. Внутри это-

Рукопись, стр. 31.

го домика, у передней стены, в шкафу, устроена модель жилища-дацана бурхана Ариявалы, над которой развешаны картины небольших размеров, на которых изображается царство Ариявалы. Перед моделью дацана стоят жертвенные чашечки с семенами, с маслом и пр. В западной стороне комнаты стоит двухчастная хурдэ – верх ее состоит из маленького цилиндра, а низ из такого цилиндра, который в несколько раз больше первого.

[Фото 29. Сумэ – молельня Агинского дацана.]

13-го июля. Сегодня я посетил «Майдарыйн-сумэ», т.е. сумэ бурхана Майдари.

[Фото 30. Сумэ бурхана Майдари в Агинском дацане.]

Это – небольшое сумэ: и длина, и ширина его не больше 4 сажень; высота же его равна приблизительно 15 сажням. Главный объект сумэ – это громадный истукан Майдари, вылитый из бронзы. Величина бурхана такова: высота его равна, по словам лам, 7 локтям, а толщина $2^{1/2}$ сажням. Голова его помещается в надстройке, имеющей вид мезонина. По обоим сторонам Майдари, у подножия его, восседают две бронзовых фигуры в рост человека, – это ученики Майдари. Огромный белый шелковый хадак спускается с плеч Майдари к обоим ученикам. Кроме этого хадака от плеч бурхана, одетого, к стати сказать, в желтую джанжи, тянется широкая парчовая лента и прикрывает ноги идола. В руках Майдари

Рукопись, стр. 32.

находясь три больших трехцветных хадака (белый, желтый, голубой). Над плечами бурхана устроены два искусственных дерева. Перед Майдари стоит жертвенный стол, на котором находятся бумба, несколько чашек с водой и др. принадлежности. На правой стороне стола помещается небольшое изображение Майдари (высота его равна приблизительно $1\frac{1}{2}$ арш.), перед которым стоит небольшой жертвенный столик с различными жертвами. Позади статуи Майдари у задней стенки дацана в стекленном шкафу устроено царство бурхана. В центре этого царства находится модель жилища Майдари, внутри которой находится сам бурхан, а у входа в нее – его два ученика. Направо от жилища Майдари стоит сумэ (модель) Дзонхавы. У передней стенки шкафа налево изображается модель жилища богини Цаган-дара-эхэ, а налево – модель дацана бога Маньчжуши. Между всеми указанными изображениями жилищ бурханов помещаются различные фигуры: тут и Майдари, беседующий со своими учениками, тут и молящиеся ламы, тут и покоящиеся на цветках логоса ламы, тут же и цветы, деревья, птицы и пр. Вся задняя стенка сумэ представляет из себя место для 500 небольших бронзовых изображений будд. Столько же изображений будд находятся в «Абидаин сумэ», на задней стенке дацана, за тем деревом, под которым восседают владыка царства Сукавади – Абида. В общем, и тут, и там изображается та «тысяча будд», в которых верят ламаиты, как в будущих просветителей и спасителей всех тварей на определенном мире. Выше рассмотренный громадный истукан Майдари

Рукопись, стр. 33.

считается племенем будущим буддой – преемником будды Шигемуни.

Вот пред нами одно из ламаиских легендарных сказаний, которое о времени наступления царства Майдари на нашей земле («замбутибы») говорить, между прочим, следующее: «(Тогда) возраст жизни людей будет беспрерывно уменьшаться, все радости будут постоянно отниматься (у людей) и в конце всего старость будет совпадать с 10-ти-летним возрастом (человека). В это время люди будут строить друг на друга козни. Ребенок, рожденный ночью, утром будет братья за огонь (за оружие). Пятилетний мужчина будет жениться. Тогда в течение семи лет не будет вырастать хлеб и наступит

ужасное время голода, называемое калпой (периодом) голода. Кроме того, тогда в течение семи месяцев будет свирепствовать моровая язва и многие люди умрут, - это время будет называться калпой моровой язвы. Затем, некоторые добродетельные люди услышат с неба голос: «В течение семи ночей будет продолжаться период усечения мечом!». Праведники услышат эти слова, возьмут пищу на семь ночей и скроются в горных ущельях. Тогда наступит калпа усечения мечом, и все будет уничтожено. В этот период земля покроется кровью, телами и костями, но пойдет большой дождь, и кровь, тьма и кости будут унесены в море. Затем пойдет дождь благоуханий, и земля освятится. После этого пойдет дождь, состоящий из пищи, одежды и различных благородных металлов. Теперь они будут смотреть друг на друга так, как смотрит дитя на свою мать или на своего

Рукопись, стр. 34.

отца: они будут улыбаться и всегда радоваться в своих добродетелях. Добрый Майдари появится на замбутибе в качестве хубилгана. Когда маленькие люди замбутиба увидят этого весьма величественного (бурхана), то спросят: «Каким образом ты сделался таким большим и величественным?». На этот вопрос Майдари ответит так: «Я отстранил от себя злые желания и чувства, я заботился о живых тварях, и в силу этого я стал столь величественным и столь большим. И вы отстраните от себя худые пожелания, совершайте добродетельные поступки и уподобляйтесь мне!» После таких слов люди будут постоянно уклоняться от порочных дел, блаженство их будет постоянно расти, а возраст жизни их увеличится до 80 лет¹.

14-е июля. В течение всего дня в «Большом сумэ» читается ганьчжур. В дацане тот же унзат, те же гэхьши, гэики и хуваракы.

В виду приближения последних и самых торжественных дней праздника Цаган-сара колонны сумэ украшены новыми цветными тибетскими коврами, а джабдапы – небольшими новыми ковриками («олбоками»); количество висячих разноцветных колонн, украшающих сумэ, увеличено.

Сегодня заметно появление простых бурят и буряток, т.е. людей «черной кости» («хара ясун-у зон»). Они, перебирая четки и читая «мани», или ходят вокруг сумэ, или сидят около сумэ, или, держа молитвенно сложенные ладони у груди, заходят в само сумэ, тихо подходят к бурханам, дотрагиваются до них своей головой

1. Der Weltspiegel. Eine mongolische Kunde. Из сочинения В. Bergmann'a: Nomadische Streifereien unter den Kalmuken. В. III. S.S. 2148217. Ср. Калмыцкая рукопись «Йэртүнцүин толи» («Зеркало мира»). Гектогр. изд. Казань. 1900. Ч. II

Рукопись, стр. 35.

и выходят обратно.

15-е июля. Сегодня с самого утра в «Большом сумэ» совершалось несколько хуралов, посвященных грозным богам (докшитам). Во время этих хуралов молящиеся ламы, принося жертвы (балины), просили своих богов

истребить всех врагов веры и те препятствия, которые встречает человек на своем пути к совершенству.

[Фото 31. Простой бурятский народ («Черная кость» - «хара ясун»).]

[Фото 32. Простой бурят в нарядном костюме.]

Из всех хуралов особенной торжественностью отличался хурал под названием «Дук-чжубыйн хурал». В совершении этого хурала принимали участие сам ширетуй дацана, унзат, оба гэсхья и множество лам. Во время этого хурала между средними колоннами были поставлены три столика («лу-шире»). На средний из них при звуках музыки была помещена особая фигура под названием «дук-чжуб» (тиб. «сор»), представляющая из себя высокий (арш. 2^{1/2}) шест, украшенный белыми, синими и черными кружевами и хадаками и похожий на треугольник, обращенный своим острым концом вверх¹. Перед дук-чжубом были постав-

1. Примеч. Такое устройство «сора» или «дук-чжуба» гораздо проще того, о котором свидетельствует проф. Позднеев в своем труде «Очерки быта буддийск. монаст.»: «Сором называется, говорит он, высокая, трехугольная и внутри пустая пирамида, приготовленная из теста и окрашенная румянами. Резцом на ней вырезают разные в роде цветов, кружков, огненных языков и проч., отчего вся эта пирамида представляется сквозного и общий вид похож на огненный пылающий костер». Стр. 382.

Рукопись, стр. 36.

лены балины, были зажжены лампы и свечи. Простые буряты возлагали хадаки на те столики, которые стояли по обеим сторонам дук-чжуба... [*чернила размыты, прим. авт.*] ...молились... всего об ...дук-чжуба о том, чтобы боги даровали ему силу истребить всех врагов и все препятствия веры. Около дук-чжуба сидел один из старейших лам и молился: он то переставлял балины с одного места на другое, то перебирал зерна ярицы в мандале и бросал их на дук-чжуб. Прочие ламы сопровождали каждое действие его чтением тарнистических молитв – похвал дук-чжубу и при помощи своих инструментов издавали громкие звуки музыки. Когда это моление окончилось, то все стали готовиться к выходу из сумэ.

[Фото 33. Простые буряты.]

[Фото 34. Бурятские женщины.]

Сначала вышли из сумэ два небольших хуварак-

Рукопись, стр. 37.

ка с кадилницами в руках, за которыми следовал третий хуварак, несший бумбу. Затем шли музыканты в числе 10 барабанщиков, 8 трубачей и 2 хуварак с раковинами. Тут же шли и ламы, в руках которых были «чжалцаны», т.е. шесты с разноцветными цилиндрами на концах. Далее шествовали ламы с дук-чжубом на руках. Следом за этими ламами торжественно шел ширетуй дацана; рядом с ним следовал хубилган ширетуя Данджинова. И тот, и другой, имели одинаковые хуральные одежды и одинаковые желтые шапки на головах («оботай»). За ширетуем и хубилганом шли все ламы, совершавшие хурал, и весь собравшийся народ. Музыка отчаянно гудела во все время этого шествия.

[Фото 35. Бурятки – девушки в праздничном костюме.]

[Фото 36. Лама в нарядном костюме.]

Процессия остановилась в поле, на южной стороне дацана, где был приготовлен покрытый сухим сеном шалаш с отверстием на одной из своих сторон. Шалаш был подожжен. Сам ширетуй взял в руки дук-чжуб и под звуки

Рукопись, стр. 38.

музыки и под гул молитвы лам, говорящей о сожжении дук-чжуба, сначала трижды покружил его в воздухе, а потом с размаху бросил его в пылающий костер. Дук-чжуб запылел, шалаш упал, музыка стихла. Ламы тихо возвратились в сумэ, сняли свое облачение и разошлись по домам.

16-ое июля – последний и самый торжественный день праздника Цаган-сара.

Утром, при восходе солнца, начался хурал, называемый «сочжином», на котором могли присутствовать только пожилые ламы – гэлуну и гэцули, принявшие во всей полноте обеты монашества.

Идущие на хурал ламы имели кроме обычной красной орхимажи, желтую одежду называемую «лагой», которая по своей длине и ширине равна орхимажи и, подобно последней, набрасывается на левое плечо. За поясом этих лам был пристегнут «цабари», т.е. квардартый мешочек в четверть аршина величиной, сшитый из красного сукна и имеющий небольшую фляжку с освященной водой («рашияном»); в руках их был красный полотняный коврик («динва»), имеющий в длину три локтя, а в ширину два локтя. Сочжин, являющийся таким хуралом, во время которого ламы приносят раскаяние в сделанных ими грехах, - тихо совершался в нижнем этаже «Большого сумэ» при закрытых дверях. Он окончился в 10 часов утра.

В 12 часов дня начался «Майдарыйн хурал» или «церемония круговращения Майдари¹»; совершающаяся, по объяснению лам, в знак будущей проповеди бурхана там, где будет переноситься кумир его.

Для этой церемонии была приготовлена и поставлена перед дацаном колесница («тэрчэн»), представляющая из се-

1. Примеч. Под таким именно названием описывается хурал, посвященный Майдари, в трудах проф. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей». Стр. 384-392.

Рукопись, стр. 39.

бя большую раскрашенную четырехколесную телегу, на которой стоит небольшая модель сумэ. По углам этой модели были поставлены четыре шелковых пятицветковых чжальцана, а внутри ее был постлан небольшой коврик. В колесницу была впряжена лошадь, сделанная из дерева и окрашенная в зеленую краску. На спине этой лошади было сделано священное изображение («чиндамани эрдэни»), имеющее вид большого древесного плода с пятью разноцветными наростами. Грива лошади была устроена из шелка. Богомольцы-буряты увешали узду ее хадаками, а в рот ее натолкали конфет и сахару. Перед лошадьёю на земле лежали большие носилки, на которых находилась модель

сумэ, устроенная так же, как и мебель, стоящая на колеснице. Все эти три вещи были обращены своими передними частями к сумэ.

[Фото 37. Выход высших лам-монахов из сумэ Шингэмуни по окончании «сочжин-хурала». Около сумэ видна колесница Майдари.]

Когда пришли в сумэ гэсхьи и гэики, то началось раздавание книг ганьчжур-даньчжура простым бурятам и буряткам. Буряты, получив книги, заняли места позади телеги Майдари. К ним подошли 10 лам с цэльпинами, 10 барабанщиков, 8 трубачей, 2 музыканта с раковинами, 10 человек с большими зонтами (шухурами), 10 человек

Рукопись, стр. 40.

с раскрашенными фонарями из шелковой материи («джансалы»), 15 хуваракос с шестами (арш. 2 высотой), на вершинах которых были устроены священные изображения – символы восьми жертв («найман тахиль») и семи драгоценностей («долон эрдэни»), 2 хуварака с дощечками, на которых находились башины, хуварак с бумбой и 2 хуварака с кадилницами. Когда вышли в ограду дацана все эти лица, тогда один из лам вынес из сумэ бронзовое изображение бурхана Майдари и поместил его на телегу, куда посыпались хадаки - жертвы со стороны бурят.

Непосредственно за этим на паперти дацана начался хурал. Ламы, поднося бурхану мандалы, молились о том, чтобы он - будущий будда - сподобил их услышать его учение и стать его последователями. После этой непродолжительной молитвы ширегуй дацана вместе с мальчиком хубилганом открыл шествие из сумэ, ударил в хонхи. Раздались звуки музыки. Началось движение.

Впереди процессии шли гэсхьи со своими посохами в руках и их помощники гэики. За блюстителями порядка шли попарно в вид двух рядов ламы-музыканты, все ламы, имеющие в своих руках какие-либо хуральные предметы, все буряты с томами ганьчжур-даньчжура и пр. Дальше следовала колесница Майдари со спяженною в нее зеленою лошадейю: человек двадцать бурят при помощи ремней тянули эту колесницу. За колесницей несколько лам несли носилки Майдари. Их сопровождал ширегуй и высшее духовенство. Таков был центр процессии, в котором двигалась колесница Майдари. Кругом колыхалась тысячная разряженная толпа народа.

Процессия остановилась в поле на южной стороне дацана. Там были устроены в виде полукруга ламайские сидения (джабданы), среди которых стоял стол с жертвенными принадлеж-

Рукопись, стр. 41.

ностями; с общих сторон от джабданов стояли столы, предназначенные для чапития.

Когда все заняли свои места, то ламы приступили к совершению нового хурала: они восхваляли Майдари как всё победившего будду и как ревностного защитника ламайской веры.

По окончании хурала началось общее чаепитие и угощение. В это время два юноши-ламы по благословиению ширетуя начали цанитский, т.е. философский диспут: один из диспутантов торжествующе похаживал, перебирая свои четки, хлопая в ладоши и выкрикивая: «хо-ро-ро-дис!», и другой разыгрывал роль побежденного сначала, а потом, через несколько минут, и совсем сдался, позволив ему прикоснуться к своему плечу.

После диспута, когда истукан Майдари был снят с колесницы и поставлен на носилки, ширетуи и все ламы встали со своих мест. Музыка тотчас же заиграла, и процессия, оставив при первой остановке телегу и коня, в прежнем порядке направилась в дальнейший путь. Она, обойдя дацан с западной стороны, вышла на северную сторону его.

[Фото 38. Остановка процессии во время «Круговращения Майдари» на горе – в северной стороне Агинского дацана.]

Там, на горе, против «Майдарыйн сумэ», было приготовлено такое же, как и на южной стороне дацана, место для остановки процессии. Тут повторилась та же история: ламы совершили мактал (хвалу) Майдари, двое из них снова предложили ученый диспут и на-

Рукопись, стр. 42.

чался чай.

Затем процессия опять тронулась: она направилась через восточную сторону дацана к тому месту, где была сделана первая остановка. Там был совершен хурал, посредством которого ламы высказывали пред бурханом свое пожелание достигнуть звания будды и возродиться в блаженном царстве Сукавади. По окончании этого хурала процессия направилась к дацану, прошла через его ворота в ограду и остановилась у паперти в сумэ. Здесь ламы еще раз выразили перед Майдари пожелание достигнуть высших благ и сняли его с телеги.

Потом, после того, как простой народ получил посредством прикосновения к бурхану благословение, они унесли его в сумэ. Этим закончилась «церемония круговращения Майдари», которую буряты обычно называют «большим и интересным хуралом («йэхэ сонин хурал»).

17-го июля. Жизнь в дацане затихает: разъезжаются буряты-богомольцы по своим кочевьям, разъезжаются и ламы по разным булукам (обществам) с целью начать заготовку сена для своих стад, составляющих самый главный источник их богатства.

22-ое июля. Прошла почти неделя с тех пор, как я никуда не ходил дальше своего двора. Во все это время стояла скверная неприятная погода, напоминающая осень: в течение целых дней шел дождь, дул ветер.

24 июля. Сегодня я получил от одного ламы-художника ("зураши") материал и сведения, относящиеся к простой и несложной технике ламайской иконографии, и сегодня же я побывал в ксилографии Агинского дацана, помещающейся на северной стороне его в небольшом белом домике.

Вот кое-какие сведения, касающиеся этого белого домика - ксилографии дацана [*зачеркнуто. Над ними написано Агин.бурят., прим. авт.*].

Рукопись, стр. 43.

Внутри дома, около всех стен и по середине, стоят большие деревянные шкафы с ксилографическими дощечками разной величины. Здесь производится печатание книг. Ксилография продолжается не во все время года, а только в теплое летнее время. Во главе этого дела стоит один из старших лам, делающий всевозможные распоряжения и проверяющий текст печатных книг. Несколько назначенных ширетуюем лам состоят помощниками этого ламы. В ксилографии может работать любой лама, допущенный начальником ее.

Весь материал, нужный для работы, закупается в виде плах, которые распиливаются на дощечки в $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ аршина длиной и в $1\frac{1}{2}$ или 2 вершка шириной и тщательно обтесываются до толщины пальца. Эти дощечки и идут под текст известных книг. Книги печатаются на тибетском и монгольском языках.

Хотя ламы, прилагая большое старание к делу вырезывания текста книг на ксилографических дощечках и вырабатывают свои книги с очень красивым письмом, однако при широком развитии в наше время типографического мастерства приходится согласиться с тем, что ксилография, требующая больших затрат сил человека, служит одним из показателей отсталости ламайтов в культурном отношении.

26го июля. Сегодня я осматривал внутреннее устройство "Дара-эхэ-ин сумэ". Это сумэ по своему внутреннему устройству представляет из себя большую комнату, в которой стоят в виде шести рядов ничем неукрашенные колонны (около 3х штук). Впереди у потолка висят в двух ря-

Рукопись, стр. 44.

дах полотняные изображения разных богов всевозможных размеров. Вот выделяются три изображения, приблизительно в 2 аршина длиной и в 1,5 аршина шириной, следующих бурханов: Очирвани, Аюши и Ногон-дара-эхэ. На передней стене по углам висят почти такие же по размеру изображения богов Дзонхавы со множеством лам - последователей его, который находится в левом углу, Цаган-дара-эхэ, Ногон-дара-эхэ и опять Дзонхавы, нарисованного без учеников и без последователей - все эти картины находятся в том же левом углу; в правом углу выделяются картины с теми же Цаган-дара-эхэ, Ногон-дара-эхэ и Дзонхавы. В центре передней стены стоит шкаф со множеством богов из металла, среди которых можно видеть Будду Шигемуни, помещающегося посреди шкафа, Очирвани и Цаган-дара-эхэ (налево от него), Дзонхаву (в трех видах разных размеров) и Аюшу (направо от него). Вот все то, на чем остановился мой взор во время "Дара-эхэ-ин сумэ".

27 июля. Сегодня утром раздались звуки раковин, производимые несколькими хуваараками, которые поднялись на крышу Дэмшик-сумэ. По улицам шли, главным образом, пожилые ламы. Каждый из них нес небольшой чайник с топленным маслом.

На паперти сумэ стояли ведра (5 штук) с холодной водой. Пришедшие сюда ламы отливали из своих чайников в ведра часть масла, унося остатки в сумэ, где, кроме обычных ламских джабданов, кресел и жертвенных столиков с их принадлежностями, стояли десятки столов с целой тысячей небольших металлических лампадок. Все ламы, явившись в сумэ, начинали наполнять свои лампы то маслом, то водой. В этом долго приноси-

Рукопись, стр. 45.

мал участие и сам ширетуй. Когда все лампы были наполнены и отчасти зажжены, ламы стали на свои места.

Перед ширетуем, место которого в этот раз находилось около двери, стоял столик с бумбой, габалой, хонхо и проч. По правую руку его сидел хубилган ширетуя Данджинова. Налево от последнего - помощник ширетуя и унзат, перед первым из них стол лу-ширэ с бумбой и толи, а перед вторым такое же лу-ширэ с мандалом.

Унзат начинал молитвенные гимны, являющиеся похвалой Дзонхавы, а все прочие ламы дружно подхватывали их. Хор октав наполнял своими звуками небольшое пространство сумэ.

Здесь совершался "цзулан хурал" (моление лампад), установленный, по словам профессора Позднеева, "в воспоминание кончины Дзонхавы, великого основателя желтого толка учения будды, к которому принадлежат все монголы!".

29 июля, утром, я побывал в Гунрик-сумэ, находящемся на северной окраине Агинского дацана.

Это небольшое сумэ. Крыша, ставни у окон и дверь выкрашены светло-коричневой краской. С внутренней стороны это сумэ является небольшой комнатой с голыми стенами и голыми колоннами. В летнее время службы тут совсем не совершаются. И только по утрам ходит сюда один хуварак и зажигает лампаду перед главным бронзовым бурханом "Гунриком", который помещается в центр шкафа, сделанного на передней стене и состоящего из множества перегородок. Перегородка Гунрика - самая большая перегородка: она представляет из себя квадрат в $1^{1/2}$ аршина высотой и 1 аршин длиной. Все остальные перегородки имеют одинаковую величину: $1/2$ аршина высоты и $1/2$ аршина длины. В небольших перегородках

1. Позднеев. Очерки быта буд. монаст. Стр. 289.

Рукопись, стр. 46.

помещаются изображения 35-ти бурханов различных наименований; из них 18 богов находятся направо от Гунрика, 18-ть налево от него и три - вверху над ним. На стене, по обеим сторонам шкафа, висят большие полотна с изображением каких-то богов, закрытых ситцевыми покрывалами.

[Фото 37. «Отоши сумэ». Хурал «цам». Маски богов.]

30-го июля. Пред нами еще одно небольшое сумэ под названием "Отоши сумэ", длина и ширина которого не больше 10-ти саженой. Двадцать колонн сумэ убраны темно-коричневой суконной материей. На колоннах, на столпах и под потолком множество полотняных священных изображений. Эти изображения предъявлены в некотором порядке: между большими систематично развешанными, священными изображениями висят небольшие картины на определенных местах и в определенном количестве. Тут нет картин, резко выделяющиеся из всей массы их. При небольших размерах сумэ и при систематическом распределении последние кажутся особенно обильными. Около передней стены сумэ в стеклянных шкафах и без них стоят бурханы, вылитые из металла. В западном углу стоит Майдари, по правую сторону его восседает небольшой бурхан Отоши, за которым, еще правее, в шкафу помещается тот же Отоши большого размера с множеством учеников, находящихся в отдельных клетках шкафа. Еще далее направо, в центре восседает богиня Цаган-дара-эхэ, окруженная несколькими небольшими бурханами. В восточном углу устроена загородка, в которой стоят раз-

Рукопись, стр. 47.

личные жертвенные принадлежности. Входная стена украшена четырьмя полотняными картинами, на которых изображены четыре тэнгрия (гения) Махараджи, которые почитаются в качестве духов-охранителей ламайской веры.

31 июля. Я еду в Читу. Агинский дацан позади... Вот Агинское село, а вот украшение его – храм Божий, посвященный Святителю и Чудотворцу Николаю!

Какая противоположность!.. Здесь этот единственный храм Христа, – там, в дацане, несколько капищ; здесь всюду, и во внешнем виде храма, и во внутреннем устройстве его, замечается простота, благолепие, и свет, – там вычурность построек сумэ, какая-то разбросанность, какая-то мертвечина, мрак; здесь только два священнослужителя, – там сотни лам; здесь простота богослужений, – там доведенная до искусственности пышность хуралов, и т.д., и т.д.

Эта резкая противоположность между миссионерским станом и ламайским дацаном ясно говорит, с одной стороны, о малом количестве рассадников истинного христианского богопочитания – храмов Божиих, и о малом количестве делателей на ниве просвещения светом Евангельского учения инородцев – бурят, а с другой стороны, о силе и устойчивости врага Христовой истины – ламаизма, широко распространившимся среди Забайкальских бурят.

Стоит ли говорить о том, какие обширные сети раскинул ламаизм среди простодушных некультурных и темных бурят, с каким старанием, расчетом и вниманием сеет он среди них семена своего, убивающего и тело, и душу, учения? Достаточно взглянуть на эти великолепно отделанные ламайские храмы, на обилие в них различных чудовищных бронзовых бурханов, на этот сонм жрецов-волшебников лам, на пышность их

Рукопись, стр. 48.

хуралов, чтобы понять весь секрет порабощения ламаизмом младенцев культуры – бурят.

[Фото 40. Общий вид Гусиноозерского дацана Заб. обл.]

А каковы та хитрость и то коварство, какими пользуются ламы, желая удержать в своих руках легковверных бурят? - об этом говорят нам следующие факты. Вот провозглашена царская милость о свободе вероисповедания, - и ламы усиленно насаждают среди невежественных бурят идею о том, что будто бы Русское правительство вообще и "белый хан" (русский царь), в частности, признали равенство ламайской веры и веры русской (христианской).¹¹ Вот вручена губернатором Забайкальской области грамота ширетую Гусиноозерского дацана о назначении его хамбо-ламой¹², т.е. настоятелем дацана и заведующим всеми делами Забайкальских бурят-ламаитов, - и ламы внушают простосердечным бурятам, что Русское правительство вполне сочувствует их религиозным убеждениям, и обильно распространяют среди своих последователей фотографические групповые снимки, на которых изображены хамбо-лама, ряд ширетуюев и других знатных ламаитов вместе с военным губернатором Забайкальской области, вице-губернатором и другими военными и гражданскими чинами, - и на которых надписано следующее: "Группа лиц, присутствовавших при торжественном вручении Воен-

Рукопись, стр. 49.

ным Губернатором Забайкальской области Генералом Майором В.И.Косовым Высочайшей грамоты новому Бандидо-Хамбо-Ламе ламайского духовенства Восточной Сибири Даши-Доржи Итигылову 24-го марта 1911 года¹³.

[Фото 41. Вручение Высочайшей грамоты новому Хамбо-Ламе Воен. Ген. Губ. В.И. Косовымъ. *Само фото отсутствует*]

¹¹ Император Николай II 17 апреля 1905 года издал Указ «Об Укреплении Начал Веротерпимости», где впервые в российской истории законодательно утверждались не только права на свободу вероисповедания для лиц неправославного исповедания, но и устанавливалось, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию.

¹² Назначение на должность пандита-хамбо-ламы утверждалось высочайшим императорским указом по ходатайству буддистов Забайкалья, и грамота торжественно вручалась генерал-губернатором.

¹³ «Бандидо-Хамба-Лама» - титул глав буддистов Забайкалья, который в 1764 г. утвердила императрица Екатерина Вторая. Его современное прочтение «пандита-хамбо лама»; санскритское слово «пандита» и тибетское слово «хамбо» означают «мудрый». Даши-Доржи Итигылов, современное написание фамилии Итигылов (1852 – 1927), - двенадцатый пандита-хамбо лама буддистов Забайкалья (в статусе хамбо-ламы в 1911 – 1918 гг.). Известен своей активной социальной деятельностью, за что был награжден правительственными орденами. В настоящее время в Иволгинском дацане Бурятия почитается его нетленное тело.

Вот, наконец, один из ламайских хуралов ("церемония круговращения Майдари") совершен в присутствии губернатора, - и ламы говорят всякому встречному буряту о том, что представители высшей русской власти сильно интересуются их верой и, даже больше, посещают их хуралы.

При указанном положении вещей в ламайском мире и при наличности хитрости и коварства лам дело православно-христианской миссии среди бурят Забайкалья и усложняется, и затрудняется.

Единственные светлые точки в мире религиозной тьмы бурят - миссионерские станы часто совсем, как будто, скрываются во мраке языческого суеверия

Рукопись, стр. 50.

и совсем, как будто, не пользуются значительными успехами.

Но разве могут десятки воинов всегда и моментально расправляться с сотнями и тысячами неприятелей и пользоваться колоссальным успехом? Нет: они, при наличности воинственного духа, могут уничтожить врага постепенно - путем лишь незначительных, но постоянных побед. Миссионерские станы - это десятки воодушевленных воинов, стоящих пред лицом сильного врага. От них нельзя требовать больших побед и колоссальных успехов: хорошо то, что они постепенно распространяют свет Христов среди тьмы язычества.

Сознавая, с одной стороны, все величие того дела, кот. возложено на православно-христианские миссионерские станы, нужно сказать, что поистине счастлив тот священнослужитель Христа, который своей жизнью по заповедям Христа и святой жизнью своего прихода служит примером выполнения христианской добродетели и указывает свет Евангельской истины для тех, которые блуждают во тьме языческого религиозного невежества. Имея в виду, с др. стороны, малое количество проповедников Христа среди бурят и, наоборот, огромное количество лам и все те средства, при помощи которых они стараются удержать среди бурят свое суеверие, невольно скажешь, что благодать Божия почивает на тех малочисленных миссионерских станах, которые обнаруживают факты приобщения к Церкви Христовой все новых и новых лиц из числа заблуждающихся в неправде инородцев.

Долг миссионерских станов и православно-христианской миссии вообще - дело проповеди учения Господа Иисуса Христа среди бурят - ламайтов и прочих инородцев-язычников, может вступить на путь больших успехов тогда, когда и отдельные члены Церкви Христовой, и православно-христианское общество, и русское правительство, когда все

Рукопись, стр. 51.

проникнутся идеей православно-христианского миссионерства среди иноверцев-язычников.

Если среди отдельных христиан и христианских обществ разовьется в полной мере сознание христианского достоинства и сознание необходимости проповеди учений Христа словом, делом и жизнью, и если русское правительство отстранит от себя политику поощрения невежества инородцев и

проникнется в своей вероисповедной политике идеями православно-христианской миссии, то тогда там, где господствует теперь желтая вера и процветают ламайские монастыри, там вырастут храмы Божьи и выстроятся православно-христианские обители, тогда там, где распространяются семена неверия, лжи и невежества язычников, там воссияет истинная вера Христова, исполнится правда Божия и приумножится истинное Евангельское владение.

Идея общехристианской проповеди учения Евангелия, на которую здесь делается указание, не является плодом праздных фантазий, а вытекает из заповедей Самого Господа Иисуса Христа, высказанной Им во время нагорной проповеди в следующих словах: "Тако да просвятитесь свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех" (Ев. Мф. V, 16 ст.)

В.И-в¹.

1. По наведенным мною справкам под сим псевдонимом скрывается В.И. Иванов, - воспитанник Каз. Дух. Академии по противо-ламаистскому (монголо-калмытскому) разряду. Ему же принадлежит и ряд высококвалифицированных переводов с монгольского языка. 4/VI 31. [Подпись]

Имена собственные (указаны страницы рукописи)

Абида (бур.) – *Амитабха* (санскр., на тиб. - 'od drag med) – будда запада. Его особое почитание связано с тем, что он считается владыкой Счастливой земли *Сукавади* (бур.), или *Сукхавати* (санскр.), где мечтают возродиться верующие. С. 3, 8, 9, 10, 11, 27, 32.

Аюша (бур.) – *Амитаюс* (санскр., на тиб. - tshe drag med) – одна из форм будды *Амитабхи*, будда бесконечной жизни. С. 8, 9, 24, 25, 27, 28, 44.

Ариявала (бур.) – *Авалокитешвара* (санскр., на тиб. - sruan gas gzigs) – бодхисаттва милосердия и сострадания; принадлежит к духовному «семейству» будды *Амитабхи*. С. 8, 9, 30, 31.

Богдо-Дзонхава (бур.) – *Цзонхава* (бур.) – *Цонкапа* (тиб. tsong kha pa) – (1357 1419) - основатель школы тибетского буддизма Гелугпа, называемого в народе «желтошапочный буддизм» по цвету ритуальных шапок монахов, а также «желтой верой», в отличие от «черной веры» – шаманизма. С. 16, 26, 27.

Гонбо-бурхан (бур.) – *Махакала* (санскр.) – *Нагпо-ченпо* (тиб. nag po chen po) – гневное божество, один из наиболее почитаемых хранителей веры. С. 17.

Гунрик (тиб. kun rig, Всезнающий) – *Вайрочана* (санскр.) – один из небесных будд; связанные с ним практики направлены на преодоление духовного неведения. С. 45, 46.

Дам-Дин (тиб. rta mgrin) – *Хаягрива* (санскр.) – один из медитационных божеств, покровителей буддийских школ. С. 24.

Дара-эхэ (бур.) – *Тара* (санскр.) – *Долма* (тиб. sgrul ma) женский образ бодхисаттвы; покровительница всех верующих, особенно женщин и детей; принадлежит к духовному «семейству» будды *Амитабхи*. С. 11, 14.

Дзонхава (бур.) – см. *Богдо-Дзонхава*. С. 18, 19, 25, 27, 30, 44, 45.

Дэмшик (бур.) – *Чакрасамвара* (санскр.) – *Кхорло-демчог* (тиб. 'khog lo bde mchog) – один из медитационных божеств, покровителей буддийских школ. С. 15, 17.

Майдари (бур.) – *Майтрея* (санскр.) – *Джампа* (тиб. byams pa) – будда грядущего, прихода которого ожидают верующие. С. 3, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 41

Маньчжуши (бур.) – *Манджуши* (санскр., на тиб. - 'jam dpal) бодхисаттва мудрости. С. 17, 30, 32.

Махагала (бур.) – *Махакала* (санскр.) – *Нагпо-ченпо* (тиб. nag po chen po) грозное божество, перешедшее в буддизм из ранних верований; один из наиболее почитаемых защитников буддизма. С. 16.

Махадэви (санскр.) – *Тэнгрий* (бур.) – *Лхамо* (тиб. lha mo) – грозная богиня, женский образ, происходит из ранних верований; относится к группе «защитников веры». С. 28.

Махараджи (санскр.) – *Тэнгрии* (бур., на тиб. - gyal chen; chos gyal) – первоначально в индийской мифологии божества четырех сторон света (санскр. локапалы); в буддизме становятся «царями веры». С. 47.

Намсарай (бур., на тиб. - nam srags) – *Бегче* (тиб. beg tse) – грозный бог войны, относится к группе защитников веры. С. 28.

Ногон-дара-эхэ (бур.) – *Сьяматара* (санскр., на тиб. - sgrol ljang) – *Зеленая Тара* – одна из форм бодхисаттвы *Дара-эхэ*. Различие цветов образа Тары связано с медитативными практиками. С. 10, 44.

Отоши (бур.) – *Бхайшаджъягуру* (санскр.) – *Манлэ* (тиб. sman bla) – будда врачевания; ему посвящены молитвы и ритуалы о здоровье. С. 46.

Очирвани (бур.) – *Ваджрапани* (санскр., на тиб. - rhyag na rdo gje) бодхисаттва, изображаемый в грозной форме, воплощение силы и энергии; объединяет всех грозных божеств. С. 27, 28, 30, 44.

Сэндумэ (бур.) – *Симхамукха* (санскр.) – *Симхамукха* (тиб. seng ge'i gdong can) львиноголовая богиня, спутница *Лхамо* (*Хлама*). С. 16.

Хлама (бур.) – *Дэви* (санскр.) – *Лхамо* (тиб. lha mo) – грозная богиня, одна из хранителей буддийской веры. С. 28.

Цаган-дара-эхэ (бур.) – *Сятатара* (санскр., на тиб. - sgrol dkar) – *Белая тара* – одна из форм бодхисаттвы *Дара-эхэ*. Различие цветов образа Тары связано с медитативными практиками. С. 10, 32, 44, 46.

Цаган-сара (монг.) – *Сагаалган* (бур.) – праздник Нового года, отмечаемый по лунному календарю, приходится на конец января – начало марта. С. 6, 7, 34, 38.

Шигэмуни (бур.) – *Шакьямуни* (санскр.) – *Санжей* (тиб. sangs gnyas) – основатель буддизма; время его жизни точно не известно, чаще всего называют VI или V вв. до н.э. С. 3, 6, 9, 16, 17, 18, 26, 27, 28, 30, 33, 39, 44.

Эрлик-хан (бур.) – *Яма* (санскр., на тиб. - gshin gje) – божество смерти и подземного мира.

Ямандага (бур.) – *Ямантака* (санскр., на тиб. - gshin gje gshed) – грозная форма бодхисаттвы мудрости *Манджуши*, в которой он победил бога смерти *Яму*. С. 16, 17.

Предметный указатель (указаны страницы рукописи)

Абидан сумэ (бур.) – небольшой храм, посвященные будде *Амитабхе*. С. 26, 32

Аришин (русс.) – историческая мера длины, равная 0,71 метра. Стр. 3, 4, 44, 45.

Балин (санскр.) – *торма* (тиб. gtog ma) – подношение божествам; делается из теста, с добавлением пряностей; замешивается для мирных божеств на воде, для гневных – на вине. С. 16, 18, 22, 24, 35, 36, 40.

Богдо (бур.) – владыка, господин; почтительная форма обращения и упоминания имени. С. 16.

Боди (от санскр. *бодхи* – *просветление*, тиб. byang chub) – дерево *Бодхи* (род фикусовых), под которым Будда Шакьямуни достиг просветления; отростки этого дерева выращивают во всех буддийских монастырях. С. 8.

Бумба (бур.) – *бумпа* (тиб. bum pa) – ритуальный сосуд для освященной воды. С. 16, 18, 20, 21, 32.

Бурхан (бур.) – божество и его изображение. С. 3, 46.

Вачир (бур.) – *ваджра* (санскр.) – *дордже* (тиб. rdo rje) – ритуальный жезл, около 18 см длиной, имеющий с каждой стороны по пять зубцов, соединенных в одной точке. С. 19, 21.

Габала (бур.) – *капала* (санскр., на тиб. ka pa la) – ритуальная чаша из крышки человеческого черепа, или из металла той же формы. С. 21.

Ганьчжур (бур.) то же, что *Кагьюр* (тиб. bka' gyur) – свод священных книг буддистов тибето-монгольской традиции; почитается как Слово самого Будды Шакьямуни. С. 13, 25, 28, 29, 34, 39, 40.

Гунрик-сумэ (тиб.) – небольшой храм, посвященный будде *Гунрику*. С. 45.

Гэбиш (бур.) – *геше* (тиб. dge bshes) – ученая степень, присуждаемая монахам по завершении изучения курса буддийской философии. С. 7, 14.

Гэсхый (бур.) то же, что *гэбкуй* (тиб. dge bskos) – блюститель порядка и тишины во время службы. С. 13.

Гэик (бур., на тиб. dge gyog) – помощник *гэбкюя*, или *гэсхыя*. С. 34, 39, 40.

Дамыйн хурал (бур.) – служба, посвященная *Дам-дину*. С. 25.

Даньчжур (бур.) то же, что *Дагьюр* (тиб. bstan 'gyur) – свод священных книг буддистов тибето-монгольской традиции, содержащий комментарии к Слову Будды (*Канджур*). С. 39, 40.

Дара-эхэ-ин сумэ (бур.) – небольшой храм бодхисаттвы *Дара-эхэ* (бур.) – *Тары* (санскр.) С. 14, 43.

Дацан (тиб. grwa tshang) – в Бурятии так называют буддийский монастырь; часто это название переносится на главный храм. С. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 42, 45, 47, 48, 49.

Джабадан (бур.) то же, что *чжабдан* (тиб.) – сидение для лам в виде широкой, плоской подушки. С. 6, 41.

Джанжи (тиб.) – темно-коричневая одежда, неимеющая рукавов, мантия. С. 6, 7, 12, 20, 23.

Джалцан (бур.) – *гьялцан* (тиб. rgyal mtshan) – знамя победы из разноцветных тканей, имеющее цилиндрическую форму. С. 23.

Додик (тиб.) – часть ламского одеяния, надеваемая во время служб гневным божествам; имеет вид пелерины. С. 4.

Докишт (бур.) – *дхармапала* (санскр., на тиб. chos skyong или drag gshed) – гневное божество, хранитель веры. С. 17, 35.

Долон эрдэни (бур. rin chen bdun) – семь драгоценностей; группа подношений в виде скульптурок из металла, включающая в себя «атрибуты» мифического вселенского царя чакравартина, устанавливающего на земле мир и благоденствие. С. 40.

Дук-чжуб (бур.) то же, что *сор* (тиб.) – ритуальная пирамидка из теста, сжигаемая во время буддийского праздника как символ уничтожения накопившегося зла. С. 35, 36, 37, 38.

Дук-чжубыйн хурал – одна из служб Новогоднего цикла, посвященная «уничтожению зла», накопившегося за год. С. 35, 36.

Дун-бурэ (бур.) – дун (тиб. dung) – морская раковина, используемая как духовой музыкальный инструмент во время служб. С. 23.

Дэмшин-сумэ (тиб.) – небольшой храм, посвященный божеству *Дэмшик*. С. 15, 44.

Зураши (бур.) – иконописцы. С. 42.

Каньдзур (бур.) – *Кагьюр* (тиб. bka' 'gyur) – свод буддийских книг тибето-монгольской традиции, содержащий тексты, приписываемые самому Будде Шакьямуни. См. *Даньчжур*

Ксилография (русс.) – техника книгопечатания с деревянных досок. С. 43.

Кэнзэргэ (бур., на тиб. rnga) – большие барабаны; используются во время служб. С. 23, 25.

Лагой (тиб.) – одежда, надеваемая монахом поверх *орхимжи* для тепла. С. 38.

Ламаизм (русс.) – одно из названий тибето-монгольской формы буддизма; происходит от слова *лама* (священнослужитель буддизма). С. 11, 19, 47, 48.

Майдарыйн хурал (бур.) – праздник, посвященный будде грядущего *Майдари*. С. 31, 32.

Мактал (бур., на тиб. bstod pa) – восхваление в стихотворной или песенной форме. С. 41.

Найман тахиль (бур.) – восемь счастливых эмблем, пожелание счастья. С. 40.

Ном (бур., на тиб. chos, чой) – священная книга, *ксилограф*. С. 6, 16

Обо (бур.) – ритуальная насыпь из камней в виде пирамиды; почитается в шаманизме и в измененной ритуальной форме в тибето-монгольском буддизме. С. 29, 30.

Оботай (бур.) – шапки, которые носят монахи высших степеней, занимающие административные должности. С. 37.

Ом-мани-пад-мэ-хум (тиб.) – самая распространенная мантра (молитвенная формула), обращенная к бодхисаттве милосердия и сострадания *Авалокитешваре*. С. 26, 29.

Орхимжи, или *орхимжжи* (бур.) – покрывало из куска материи желтого или красного цвета; его накидывают на левое плечо и окутывают тело, оставляя правое плечо обнаженным. С. 4, 19, 20, 23.

Отоши сумэ – небольшой храм будды врачевания *Отоши*. С. 46.

Полотняные священные изображения – *тханка*, или *танка* (тиб. thang ka) – буддийская икона на ткани, написанная минеральными красками. С. 27, 44.

Рашиян (бур.) – освященная вода, настоянная на шафране; в народе также называется *аршан*. С. 16, 20, 21, 22.

Сажень (русс.) – старорусская единица измерения длины равная 2,16 м. С. 15, 24, 26, 28, 31.

Сансарыйн-хурдэ (бур.) – *бхава-чакра* (санскр., на тиб. srid pa'i 'khor lo) – колесо бытия, иконографическая, мифологическая схема шести миров страдания. С. 27.

Сочжин (тиб.) – собрание послушников и монахов, на котором зачитывается монашеский устав Виная для разных ступеней монашества, а виновные в нарушении тех или иных правил должны приносить покаяние; рассматривается как ритуал возобновления обетов; совершается 15 и 30 числа каждого месяца. С. 38, 39.

Ситцевые покрывала – завесы из тонкой ткани, закрывающие буддийскую икону на ткани *танка*. С. 46.

Субурган (бур.) – *ступа* (санскр.) – чортен (тиб. mchod rten) – культовое сооружение буддизма под открытым небом, имеющее значение реликвария, мемориала, символа; также почитаются алтарные, меньшие по размерам ступы (субурганы). С. 3, 8, 25, 26, 29, 30.

Сукавади (бур.) – *Сукхавати* (санскр.) – *Деважин* (тиб.), – *Счастливая земля* будды запада *Амитабхи*, куда мечтают попасть верующие буддисты после смерти. С. 9, 11, 32, 42.

Сумэ (бур., на тиб. - lha khang) – небольшой храм, посвященный конкретному бо- жеству. С. 3, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44.

Тарни (бур.) – *дхарани* (тиб.) молитвенные, непереводаемые формулы, обращенные к конкретным божествам. С. 7, 20, 29.

Толи (бур.) – ритуальное зеркало из металла. С. 16, 21, 45.

Тушилгэту-ширэ (бур.) – ритуальный столик для подношений. С. 6, 15, 21.

Тысяча будд – мифологическое представление о том, что в будущем на землю при- дет тысяча будд; выражает буддийскую идею бесконечной линии преемственности духовной традиции. С. 22.

Унзат, или *умзат* (тиб. dbu mdzad) – уставщик и кононарх; начинает чтение каждой молитвы, ведет порядок храмовой службы. С. 6, 13, 18, 19, 20, 22, 25, 29, 34, 35, 45.

Уснир (бур.) - *уиниша* (санскр., тиб. gtsug tor) – выступ на макушке головы про- светленного (будды). С. 8.

Ухэрь-бурэ (бур.) – духовой музыкальный инструмент в виде длинной трубы (до 3 м 60 см.), используемый во время ритуалов. С. 23.

Хадак (бур. на тиб. kha btags) – шелковый шарф, подносимый почетным гостям и священным образам в знак почитания. С. 7, 16, 17, 24, 25, 28, 29, 31, 32, 35, 36, 39.

Хи-морин (бур. на тиб. glung rta) – конь счастья, изображение на ткани. С. 29.

Хонхо, или *хонго* (бур. на тиб. dril bu) – ритуальные колокольчики. С. 16, 18, 21, 25, 45.

Хубилган (бур.), или *тулку* (тиб. sprul sku) – перерожденец; лама, почитаемый как новое воплощение выдающегося духовного лица. С. 28, 40, 45.

Хуварак (бур.) – *шравак* (санскр.) – послушник; первая ступень на монашеском пути. С. 4, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 34, 37, 40, 44, 45.

Хурал (бур.) – храмовая служба и большой буддийский праздник. С. 5, 6, 7, 8, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 29, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 48, 49.

Хуралун ширэту (бур.) – главный лама на *хурале*. С. 6, 20.

Хурдэ (бур.) – молитвенный барабан, в котором заложены многочисленные тексты молитв. С. 26, 27, 28, 31.

Цабари (тиб.) – квадратный мешочек, сшитый из красного сукна, привешивается к поясу с левой стороны; в нем помещается сосуд с освященной водой *рашияном*. С. 38.

Цаган-сара (монг.), или *Сагаалган* (бур.) – праздник Нового года, отмечаемый по лунному календарю, приходится на конец января – начало марта. С. 6, 7, 34, 38.

Цзулаин хурал (бур.) – праздник лампад, отмечаемый в декабре, в самое темное время года; посвящается *Дзонхаве* (Цонкапе). С. 45.

Чжужбо (тиб.) – металлургические жезлы. С. 29.

Чиндамани (от санскр. *чинтамани*), или *эрдэни* (бур.) – мифологическая драгоцен- ность, исполняющая желания. С. 49.

Шантаб, или *шамтап* (тиб. sham thabs) – часть одеяния монахов; представляет собой прямоугольный кусок ткани, сшитый из соединенных кусочков; монах оборачивает ею часть тела от груди до пят (наподобие юбки) и закрепляет на теле шнуром. С. 4.

Шигэмуни сумэ (бур.) – небольшой храм, посвященный будде *Шакьямуни*. С. 3, 25.

Ширетуй (бур.) – настоятель буддийского монастыря. С. 5, 18, 22, 24, 25, 35, 37, 40, 41, 45.

Шисар (бур.), или *шасэр* (тиб. zhwa ser) – ритуальные монашеские шапки желтого цвета. С. 6, 7, 12, 19, 20.

Шухур (бур.) – большой зонт желтого цвета, на высокой ручке; во время шествий его держат над высокими иерархами. С. 23, 39.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг (Издание А. Терентьева), 2012. 208 с.
- Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. СПб.: «Наука», 1998. 340 с.
- Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 600 с.
- Иванов В.О. Буряты. Краткие сведения о технике ламайской иконографии бурят Агинского дацана Забайкальской области // Инородческое обозрение. 1915. Т. 1. Кн. 1. С. 20-24.
- Иванов В.О. Буряты-ламаиты. Дацан в селе Агинском Забайкальской области // Инородческое обозрение. 1916. Т. 2. Кн. 4. С. 131-151; Буряты-ламаиты. Бурятский праздник «Обо». С. 273-276.
- Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. Пг., 1916.
- Кожевников В.А. Повести о перевоплощениях Готамо-Будды и их значение в истории развития буддизма // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 119-145.
- Мефодий, иеромонах. Буддийское мировоззрение или ламаизм и обличение его. СПб., 1902.
- Нил, архиепископ. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858.
- Остроумов Н. Бурханы – священные изображения буддистов-монголов. Казань, 1887.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Репринт изд. 1887 г. / Серия: Наше наследие. Элиста: Калм. кн. изд., 1993. 512 с.
- Попов И. Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. Казань, 1898.
- Попов И. Критический обзор главнейших основоположений ламаизма с точки зрения христианского учения. Казань, 1900.
- Успенский В. Л. Монголоведение в Казанской духовной академии // Mongolica – III. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 11-17.
- Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. СПб.; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1897. 487 с.
- Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России, XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 336 с.

REFERENCES

- Andreev A.I. Khram Buddy v Severnoi stolitse. SPb.: Nartang (Izдание A. Terent'eva), 2012. 208 s.
- Ermakova T.V. Buddiiskii mir glazami rossiiskikh issledovatelei XIX – pervoi treti XX v. SPb.: «Nauka», 1998. 340 s.
- Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaikal'e. M.: Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2008. 600 s.
- Ivanov V.O. Buryaty. Kratkie svedeniya o tekhnike lamaiskoi ikonografii buryat Aginskogo datsana Zabaikal'skoi oblasti // Inorodcheskoe obozrenie. 1915. T. 1. Kn. 1. S. 20-24.
- Ivanov V.O. Buryaty-lamaity. Datsan v sele Aginskom Zabaikal'skoi oblasti // Inorodcheskoe obozrenie. 1916. T. 2. Kn. 4. S. 131-151; Buryaty-lamaity. Buryatskii prazdnik «Ob». S. 273-276.
- Kozhevnikov V.A. Buddizm v sravnenii s khristianstvom. T. 1, 2. Pg., 1916.

- Kozhevnikov V.A. Povesti o perevoploshcheniyakh Gotamo-Buddy i ikh znachenie v istorii razvitiya buddizma // Voprosy filosofii. 1997. № 2. S. 119-145.
- Mefodii, ieromonakh. Buddiiskoe mirovozzrenie ili lamaizm i oblichenie ego. SPb., 1902.
- Nil, arkhiepiskop. Buddizm, rassmatrivaemy v otnoshenii k posledovatelyam ego, obitayushchim v Sibiri. SPb., 1858.
- Ostroumov N. Burkhan'y – svyashchennye izobrazheniya buddistov-mongolov. Kazan', 1887.
- Pozdneev A.M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu. Reprint izd. 1887 g. / Seriya: Nashe nasledie. Elista: Kalm. kn. izd., 1993. 512 s.
- Popov I. Lamaizm v Tibete, ego istoriya, uchenie i uchrezhdeniya. Kazan', 1898.
- Popov I. Kriticheskii obzor glavneishikh osnovopolozhenii lamaizma s tochki zreniya khristianskogo ucheniya. Kazan', 1900.
- Uspenskii V. L. Mongolovedenie v Kazanskoi dukhovnoi akademii» // Mongolica – III. Iz arkhivov otechestvennykh mongolovedov XIX – nachalo XX v. SPb., 1994. S. 11-17.
- Ukhtomskii E.E. Puteshestvie Gosudarya Imperatora Nikolaya II na Vostok (v 1890–1891). T. 3. SPb.; Leiptsig: F.A. Brokgauz, 1897. 487 s.
- Tsyrempilov N.V. Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiiskaya obshchina v Rossii, XVIII – nachalo XX v. / Otv. red. B.V. Bazarov. Ulan-Ude: IMBT SO RAN, 2013. 336 s.

Терюкова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного музея истории религии, доцент кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного музея истории религии; eaterioukova@mail.ru

Хижняк Ольга Семеновна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея истории религии; olgakhizh@mail.ru

The Student's Journal of the Tour in the Aginsk Monastery in 1912 (the Research and Historical Archive of the State Museum of the History of Religion)

The article presents the first full text publication of Kazan ecclesiastical seminary student V.I. Ivanov's Journal of the Tour to Transbaikal (1912). The original copy of the manuscript is deposited in the Research and Historical Archive of the State Museum of the History of Religion. The Journal reports the everyday way of life and spiritual practices of Buddhist monks in the Aginsk monastery in the early 20th century as they were discovered by the Russian orthodox missionary. It is a unique paper trail of the mission activity of the Russian Orthodox Church in Transbaikal Region and orthodox mission experience of studying local religious traditions.

Keywords: Buddhism in Russia, Buddhist temples, Russian Orthodox Church missionary activity.

Ekaterina Teryukova, PhD (Philosophy), Assistant Professor, Deputy-Director, The State Museum of the History of Religion; Assistant Professor at Philosophy of Religion and Study of Religion Department, Saint-Petersburg State University; eaterioukova@mail.ru

Olga Khizhnyak, PhD (Philosophy), leading researcher, The State Museum of the History of Religion; olgakhizh@mail.ru

ЧИТАЯ КНИГИ

М. С. ПЕТРОВА

RE, NON VERBIS О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Рец. на: Г.П. Мягков, Н.И. Недашковская. История гуманитарных наук в парадигме интеллектуальной истории / Учебно-методическое пособие для студентов-историков. Казань: Изд-во КФУ, 2015. 94 с.

Ключевые слова: гуманитарное знание, интеллектуальная история, методология.

Публикация учебно-методического пособия для студентов-историков Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской «История гуманитарных наук в парадигме интеллектуальной истории» является важным событием в области вузовской науки.

В пособии отражен опыт многолетней преподавательской работы и исследовательской практики авторов, предпринявших новаторскую попытку сформулировать концепцию учебного курса. Авторы поставили целью вовлечь будущих историков в актуальные методологические дискуссии, направленные на осмысление важнейших проблем исторической науки, включая те, что связаны с истоками кризиса современной гуманитаристики, поиском адресата гуманитарного знания. По замыслу авторов, освоение учащимися курса должно способствовать актуализации эпистемологических установок и междисциплинарных возможностей интеллектуальной истории как метадисциплины, стремящейся преодолеть оппозицию между растущей специализацией исторического анализа и поиском путей интеграции исторического знания.

Положенный в основу учебного курса междисциплинарный подход к изучению истории науки позволяет ориентировать приступающих к исследовательской работе студентов на необходимость задействовать уже имеющийся у них арсенал гуманитарного знания¹ и его инструментария (что позволит им осуществлять самостоятельный анализ и адекватно понимать избранный источник). Такой подход² вполне

---

¹ Здесь имеются в виду разные отрасли исторической науки: «гражданская история», история ментальности, историческая антропология, историческая демография, историческая и «культурная» география, а также смежные науки (в частности, физическая и социальная антропология, психология, лингвистика, филология и др.) (с. 8).

² См.: *Репина* 2008; 2012а; 2012б; 2013а; 2013б; 2014. С. 7-19; *Петрова* 2010; 2012; 2014.

оправдан (особенно при осмыслении текущих исторических процессов и расширении проблемного поля и исследовательского контекста базовых исторических дисциплин), поскольку его принятие не только позволяет преодолеть разрыв между политической, социальной и культурной историей, но и отказаться от эволюционизма как модели познания, допускающей линейную логику развития интеллектуальной культуры (с. 3). Таким образом, авторы в рамках обучающего ремеслу историка курса создали концептуальную модель, в которой интеллектуальная история понимается как система подходов и методов исторического исследования. Это представляется особенно продуктивным именно в отношении истории гуманитарных наук, традиционно существовавшей в составе различных историографических курсов. Авторы, с одной стороны, демонстрируют обширный эмпирический фундамент этой отрасли знания; с другой – отмечают назревшую необходимость саморефлексии.

Соответственно, становится очевидным, что специфика преподавания истории гуманитарных наук обусловлена парадигмой интеллектуальной истории. Основных задач пособия несколько. По мнению авторов курса, они состоят: а) в формировании у студентов представления о стратегиях интеллектуального проектирования в рамках гуманитарных наук; б) в ознакомлении будущих историков с культурным контекстом эпохи оформления понятия «гуманитарные науки»; в) в рассмотрении основных этапов конструирования гуманитаристики как аналитической категории; г) в изучении процесса профессионализации гуманитарных наук на материале деятельности доинституциональных и институциональных научных центров; д) в формировании теоретических основ анализа процессов присвоения научного дискурса; е) в развитии у студентов способности критического анализа стратегии производства знания разных эпох вплоть до Современности. Многоплановость поставленных задач авторы курса тесно увязывают с практической аналитикой любой сферы, например, той, в которой работает сам гуманитарий-наблюдатель (здесь – будущий специалист-историк). От повседневной аналитики он должен перейти к осмыслению (и самостоятельному пониманию) важнейших проблем истории гуманитарных наук – проблематизации различных курсов, созданных гуманитаристикой (с. 6).

Курс направлен на раскрытие существующих подходов к изучению истории гуманитарных наук в ракурсе интеллектуальной истории. Он дает представление о существующем в науке опыте применения современных методов интерпретации источников и текстов, восполняет недостатки традиционного историографического подхода в рассмотрении истории отдельных научных дисциплин. Особое внимание авторы курса

уделяют формированию адекватных целевых установок начинающего исследователя, для которого важно не столько создание или опровержение предшествующего историографического нарратива, сколько построение собственной исследовательской оптики наблюдения, расшифровки дискурса гуманитарных наук, специфики их способов организации версий окружающего мира через присвоение значений (с. 6).

Г.П. Мягков и Н.И. Недашковская выстраивают свой курс в виде блоков проблем, с одной стороны, принципиально концептуализирующих курс вне традиционной эволюционной схемы историографии, с другой стороны, являющихся наиболее значимыми при изучении истории гуманитарных наук. При этом такие проблемы практически не попадают в фокус анализа традиционных курсов и учебных пособий по истории отдельных дисциплин. Авторы акцентируют внимание на собственно гуманитарных науках, их понятийных истоках, хронологии и специализации в системе профессионального знания (с. 9-10), предмете и современной методологии (с. 15-16), а также их антропологических (с. 10-12)³, идеологических (с. 12-13)⁴, историографических (с. 13-14)⁵ и социологических (с. 14-15)⁶ аспектах (с. 6-7).

Поскольку *новая*⁷ история гуманитарных наук создается сегодня нашими современниками (специалистами-историками, учеными-методологами и др., т.е. теми, кто непосредственно участвует в формировании этой дисциплины, воплощая свои взгляды в текстах и выражая свою позицию в устной форме), авторы курса предлагают к обсуждению самый разнообразный материал – научные исследования, популярные статьи, очерки, эссе, интервью... Они не столько помещают его в сферу новейшей историографии вопроса, сколько вполне оправданно позиционируют в качестве *основных источников* для исследования. Авторы полагают, что анализ и обсуждение именно такого материала позволит учащимся принять участие в различных дискуссиях и «подключиться» к дискурсивным стратегиям ученых, что, в свою очередь, будет способство-

³ Авторы имеют в виду создателей гуманитарных наук.

⁴ То есть проекты гуманитарных наук в кружках, салонах, обществах и университетах второй половины XVIII – первой половины XIX века в контексте процессов национального и государственного строительства.

⁵ Речь идет об образах гуманитарных наук в текстах романтизма, позитивизма, постмодернизма.

⁶ В частности, здесь обозначается роль и статус гуманитарных наук в европейских обществах XIX–XXI вв.

⁷ Термин «новая история гуманитарных наук» используется по аналогии с «новой культурной» и другими «новыми» историями в качестве аналитического инструмента.

вать как «работе» теории за пределами учебной аудитории, так и актуализации уже имеющихся навыков практической аналитики. Так, на примере созданного курса авторы показывают, *как* возможно решить одну из важнейших задач при подготовке современного специалиста-историка – обучение практике комплексного анализа и проблематизации данных, почерпнутых в исследовательских полях разных научных отраслей (с. 8).

В заключение представляется важным обратить внимание на включенность учебного курса Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской в информационно-аналитический и образовательный электронный ресурс «Теория и история гуманитарного знания сегодня», созданный кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Его цель – теоретическое и практическое обучение студентов и аспирантов на основе авторских образовательных программ упомянутой кафедры (в том числе, в режиме on-line), а также разработка широкого спектра интерактивных техник исследований по теории и истории гуманитарного знания⁸. В составе такого ресурса курс Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской, будучи ярким примером применения авторской теоретической концепции на практике, задает образец организации дискуссии в режиме on-line по обсуждаемым темам, ориентируя будущих специалистов-историков на поиск и анализ новых источников.

Таким образом, оригинальный учебный курс Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской следует рассматривать как значительный вклад авторов в общее дело всех исследователей-гуманитариев - дела, направленного на пропаганду необходимости постижения самых разных аспектов гуманитарного знания (вне дисциплинарных границ, диктуемых существующими институциональными научно-образовательными моделями) и, шире, его ИСТОРИИ.

---

⁸ См.: <http://gumanitar-znanie.ru/> (октябрь, 2015). Ресурс создан и работает под руководством чл.-корр. РАН Л.П. Репиной, при участии авторов учебного курса. Он является первым в России творческим аналогом существующих в США и Европе сайтов, посвященных теоретико-методологическим проблемам гуманитарного знания (интеллектуальной истории, университетской истории, истории и культуры городов, травмированной национальной или поколенческой памяти). В числе его первоочередных задач - информационно-коммуникативная поддержка комплексной научной и учебной деятельности трех подразделений, являющихся неформальными координаторами гуманитарных историко-теоретических исследований в России (кафедры Теории и истории гуманитарного знания ИФФ ИФИ РГГУ, Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и Российского общества интеллектуальной истории), а также содействие информатизации и сплочению профессионального сообщества гуманитариев России (с. 25-26). См. также: *Недашковская*. 2012. С. 258-260.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мягков Г.П., Недашковская Н.И. История гуманитарных наук в парадигме интеллектуальной истории / Учебно-методическое пособие для студентов-историков. Казань: Изд-во КФУ, 2015.
- Петрова М.С. Интеллектуальные традиции: актуальные вопросы и их решение // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Под общ. ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. С. 12-14.
- Петрова М.С. Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков / Программа дисциплины для подготовки магистров по направлению «История» // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 237-261; электронная публикация: М.: Аквилон, 2014, http://iph.ras.ru/uplfile/histsc/publications/IntTrad_1_-web_2014.pdf.
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. №. 25 (I). С. 5-11.
- Репина Л.П. (а) Новые исследовательские стратегии и преподавание методологии истории в российских университетах // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. Сб. научных статей / Под ред. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 4-13.
- Репина Л.П. (б) После «постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 139-160.
- Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и истории в прошлом и настоящем / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5-22.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 7-19.
- Образовательный ресурс: <http://gumanitar-znanie.ru/>
- Недашковская Н.И. Теория и история гуманитарного знания в современной России: опыт создания нового информационно-аналитического электронного ресурса и проблемы научной коммуникации // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. – Недашковская. 2012.

REFERENCES

- Myagkov G.P., Nedashkovskaya N.I. Istoriya gumanitarnykh nauk v paradigme intellektual'noi istorii / Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov-istorikov. Kazan': Izd-vo KFU, 2015.
- Petrova M.S. Intellektual'nye traditsii: aktual'nye voprosy i ikh reshenie // Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniya i perevody) / Pod obshch. red. M.S. Petrovoi. M.: Krug", 2010. S. 12-14.
- Petrova M.S. Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov / Programma distsipliny dlya podgotovki magistrrov po napravleniyu «Istoriya» // Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem / Otv. red. M.S. Petrova. M.: IVI RAN, 2012. S. 237-261; elektronnyaya publikatsiya: M.: Akvilon, 2014, http://iph.ras.ru/uplfile/histsc/publications/IntTrad_1_-web_2014.pdf.
- Repina L.P. Konteksty intellektual'noi istorii // Dialog so vremenem. 2008. №. 25 (I). S. 5-11.

- Repina L.P. (a) Novye issledovatel'skie strategii i prepodavanie metodologii istorii v rossiiskikh universitetakh // Razvitie metodologicheskikh issledovaniy i podgotovka kadrov istorikov v Respublike Belarus', Rossiiskoi Federatsii i Respublike Pol'sha. Sb. nauchnykh statei / Pod red. A.N. Nechukhrina. Grodno: GrGU, 2012. S. 4-13.
- Repina L.P. (b) Posle «postmoderna»: istoricheskaya nauka v poiskakh novoi ratsionalnosti i ob"ektivnosti // Mozhet li istoriya byt' ob"ektivnoi? / Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo MGU, 2012. S. 139-160.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka v predmetnom pole intellektual'noi istorii // Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2013. S. 5-22.
- Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Akvilon, 2014. S. 7-19.
- Образовательnyi resurs: <http://gumanitar-znanie.ru/>
- Nedashkovskaya N.I. Teoriya i istoriya gumanitarnogo znaniya v sovremennoi Rossii: opyt sozdaniya novogo informatsionno-analiticheskogo elektronnoogo resursa i problemy nauchnoi kommunikatsii // Istoricheskaya nauka i obrazovanie v uslo-viyakh sovremennykh vyzovov: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2012.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории ИВИ РАН. beionyt@mail.ru

Re, non verbis:

On the interaction between the humanities and intellectual history

Review: Г.П. Мягков, Н.И. Недашковская. История гуманитарных наук в парадигме интеллектуальной истории / Учебно-методическое пособие для студентов-историков. Казань: Изд-во КФУ, 2015. 94 с.

Keywords: the humanities, intellectual history, methodology.

Maya Petrova, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, beionyt@mail.ru.

Л. Б. СУКИНА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Рец. на кн.: Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 685 с.

Ключевые слова: *источниковедение, исторический источник, научная дисциплина, историческая наука, гуманитарное знание.*

Для российской исторической науки источниковедение – не просто одна из дисциплин в системе исторического знания. Это база профессиональной подготовки, тот фундамент, который на протяжении десятилетий обеспечивал и продолжает обеспечивать историческому знанию статус «научного», оставляя возможность в самые сложные для историков времена заниматься исследованием прошлого, а не только обслуживанием текущей политики и идеологии. Поэтому каждое новое издание, предлагающее систематическое изложение основополагающих принципов и методов источниковедения, вызывает живой интерес и дискуссии в профессиональном сообществе, далеко выходящие за рамки практических нужд преподавания этой дисциплины в высшей школе.

Учебное пособие «Источниковедение», несомненно, окажется в поле пристального и пристрастного внимания коллег. Его авторский коллектив, состоящий из признанных специалистов в области теории, истории и практики источниковедения (И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская), последовательно реализует ту стратегию презентации источниковедения как учебной дисциплины, метода научного познания и инструмента исследования, которая сложилась в научно-педагогической школе кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, а ныне существует в форме «невидимого колледжа», поддерживаемого принадлежащими к ней исследователями.

Следует подчеркнуть, что данное пособие – далеко не первый опыт систематизации теории и истории источниковедения в учебных целях, предлагаемый представителями названной школы: в 1996 г. М.Ф. Румянцева была ответственным редактором «Источниковедения» О.М. Медушевской. И.Н. Данилевский и М.Ф. Румянцева вместе с В.В. Кабановым и О.М. Медушевской стали авторами выдержавшего три издания учебного пособия для гуманитарных специальностей «Источниковедение: Тео-

рия, история, метод. Источники российской истории». Р.Б. Казаков и М.Ф. Румянцева совместно с О.М. Медушевской подготовили и издали в РГГУ программы курсов и проблемные лекции учебно-методического модуля «Источниковедение» (проект «Я иду на занятия...»).

Новое издание пособия превосходит предыдущие не только по объему текста и числу авторов, но и по степени концептуализации материала. Уже введение начинается не с принятых в таких случаях общих фраз, а со строгой и содержательной дефиниции научного понятия: авторы определяют «источниковедение» как гуманитарную (а не только специальную историческую) дисциплину, объектом которой выступают исторические источники (под ними понимается эмпирическая реальность исторического мира – вся совокупность произведений человека/продуктов культуры), а предметом – изучение исторического источника как культурного феномена, составляющего основу поиска, извлечения, оценки и использования в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей (с. 7). Они предлагают рассматривать современное полидисциплинарное источниковедение как интегрирующее начало гуманитаристики, так как оно обращается ко всей совокупности произведений культуры, продуцируемых человеком и социумом в процессе творчества, фиксирующих результаты деятельности сознания Другого. И все же данное пособие адресовано в первую очередь историкам (уже практикующим и только готовящим себя к профессиональной работе). Его концепция вписывается в утверждающуюся на наших глазах парадигму неоклассической науки с ее возвратом к эмпирической реальности мира и требованием строгости научного знания. При этом в качестве одного из теоретических оснований неоклассической модели источниковедения выступает теория когнитивной истории О.М. Медушевский, в свою очередь, опирающаяся на сформировавшуюся на рубеже XIX–XX вв. в русле русской версии неокантианства (с прививкой феноменологии) методологию истории А.С. Лаппо-Данилевского.

Неоклассическая модель научного знания требует терминологической определенности. Поэтому во введении к пособию специально оговариваются лежащие в его основе принципы: 1) единства истории и теории, который ведет к осмыслению истории источниковедения в связке с принятыми в философии науки (в ее контемпоральном состоянии) классическим, неклассическим, постнеклассическим и неоклассическим типами рациональности; 2) четкого разделения трех составляющих современного источниковедения (как научной дисциплины, как метода познания, как одного из инструментов исторического исследования). Исходя из этих принципов, строится структура учебного пособия.

Первый раздел «Источниковедение как дисциплина исторической науки» (М.Ф. Румянцева) разбит на части «История источниковедения» и «Теория источниковедения». В преамбуле к первой части еще раз подчеркивается, что авторы пособия используют не распространенную кумулятивную модель истории научной дисциплины, исчерпавшую себя уже к середине XX в., а парадигмальный подход, позволяющий выявить степень адекватности элементов прежних парадигм актуальной социокультурной и эпистемологической ситуации. История источниковедения, начиная с XVIII в. и заканчивая источниковедением в СССР, рассматривается в контексте смены типов научной рациональности в европейском историческом знании. Особое место уделено принципу признания чужой одушевленности в неклассической модели гуманитаристики и неокантианской / феноменологической концепции источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского. Эпистемологические поиски А.С. Лаппо-Данилевского, выводящие к постулированию точности исторического знания, его эмпирической основы в виде целостности культуры, формируемой из системы оставшихся от нее исторических источников, оказали значительное влияние на формирование собственных теоретических идей авторов пособия.

Эти идеи последовательно и системно изложены во второй части раздела. Ее первая глава посвящена определению понятия «исторический источник». Нельзя не согласиться с мнением М.Ф. Румянцевой, что все разнообразные дефиниции этого понятия можно свести к двум типам. Первый из них широко известен по определению, данному С.О. Шмидтом (исторический источник – это «всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого опыта, все, что может источать историческую информацию...»¹), и опирается на здравый смысл историка, ставящего перед собой «прикладные» задачи профессионального поиска данных в целях познания некоей умозрительной «исторической реальности». Второй тип является результатом осмысления дошедших до нас фрагментов культуры прошлого через призму мировоззрения и философии и восходит к формуле А.С. Лаппо-Данилевского: «...исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»². В тексте пособия его авторы неоднократно возвращаются к предлагаемому ими определению исторического источника («исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / пони-

---

¹ Шмидт. 1986. С. 7–8.

² Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38.

мания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкси-стенциальной составляющих» (с. 93–94)). Базовой исследовательской стратегией историка при этом выступает понимание исторического источника как произведения представляющего иную культуру Другого, с которым необходимо вести диалог, осознавая всю моральную ответственность за его результаты.

Еще один важный предмет теоретического анализа в пособии – классификация исторических источников, в основе которой должна лежать имманентная их природе и сущности характеристика. Авторы принципиально отграничивают ее от другой процедуры – систематизации. В качестве первого уровня классификации выделен тип источников. Этот уровень довольно давно зафиксирован в источниковедческой практике. В сложившуюся типологию, по мнению М.Ф. Румянцевой необходимо добавить еще один, а, возможно, и два новых типа – машиночитаемые документы и интернет-ресурсы, которые в последние десятилетия стали основными носителями и хранилищами информации. При этом совершенно очевидно, что особое место в историческом познании, несмотря на все его новейшие трансформации, занимают письменные источники.

В пособии подчеркивается, что системообразующей единицей классификации следует считать вид исторических источников. Наиболее детально и основательно система видов разработана для письменных источников, для источников других типов она находится в состоянии обсуждения. Одна из дискутируемых проблем – критерии определения вида источника. Самым продуктивным представляется критерий «целеполагания» автора источника. Основы такого подхода содержатся в методологии А.С. Лаппо-Данилевского. С опорой на другую концептуальную базу критерий «единства целеполагания» был сформулирован И.Д. Ковальченко. Актуальная интерпретация этого подхода (с точки зрения социальной функции целеполагания) была предложена в рамках концепции когнитивной истории О.М. Медушевской. Авторы пособия предлагают определять вид источника по его первичной социальной функции, заданной исторически сложившейся системой конкретной культуры. Таким образом, система видов исторических источников является проекцией культуры и может быть определена как эмпирическая реальность исторического мира, которая и становится объектом источниковедческого познания в неоклассической модели научного знания.

Самый значительный по объему – раздел «Источниковедение как метод исторического познания» (с. 125–559). Его первая часть посвящена классификации корпуса источников российской истории с XI по XX век, что в значительной мере фиксирует спектр научных интересов авторского

коллектива. Не углубляясь в детальный разбор содержания этой части, отметим, что в ней выделены и рассмотрены основные виды сохранившихся и имеющих важное научное значение письменных источников с учетом новейших подходов к их исследованию. Однако ограничение анализа видовой структуры источников российским материалом представляется наиболее заметным недостатком данного пособия, особенно на фоне значительно более широкого эпистемологического контекста других частей. Этот недостаток отчасти компенсируется во второй части раздела, где рассматривается компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования, направленный на выявление как общего в социокультурных ситуациях через «схожесть видовой структуры порождаемых ими систем исторических источников», так и особенного – «через экспликацию специфики становления отдельных видов исторических источников» (с. 464). Итак, компаративистика рассматривается в контексте специальных методов источниковедения, но поскольку она все еще не нашла своего места в системе исторического образования, авторы справедливо полагают необходимым уделить внимание самой проблеме сравнения как способа познания в исторической науке (с. 464–488) и только затем на примерах таких видов источников как мемуары, газеты и законодательство показать механизм применения метода «компаративного источниковедения» в исследовательской практике.

Новаторской является и третья часть раздела – «Источниковедение историографии» (С.И. Маловичко при участии Р.Б. Казакова и М.Ф. Румянцевой). «Источниковедение историографии» выступает как «предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» (с. 506). Его объект – система видов историографических источников (произведений историков), а предмет – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и других социальных практиках. Таким образом, базовым понятием источниковедения историографии становится «историографический источник» (С. 507).

Система видов историографических источников определена делением историографии на научную и социально ориентированную (по двум исторически сложившимся типам исторического знания). При изучении соотношения научного и социального типов применяется постулированный в пособии «базовый принцип источниковедения» – целеполагание. Научная историография удовлетворяет потребность в строгом знании о прошлом, поэтому в систему видов ее источников входят монография, научное исследование, диссертация и автореферат,

научная статья, рецензия и отзыв, доклад и тезисы конференций, материалы историографических дискуссий, исторический очерк, учебная литература по истории, публикации исторических источников. Терминологическим понятием «социально ориентированное историописание» авторы обозначают тип историографии, в котором социальные функции доминируют над научными. Его система видов включает национально-государственные нарративы, учебники по национальной истории, работы по историческому краеведению. Думается, что это (вполне, на наш взгляд, обоснованное) типологическое разделение историографии на научную и социально ориентированную вызовет больше всего споров и несогласий, тем более что, как справедливо указывают сами авторы пособия, второй тип поддерживается историческим сознанием общества и властью (с. 527), например, «историческое краеведение» входит в актуальный список научных специализаций исторического профиля РГНФ.

Третий раздел «Источниковедение как инструмент исторического исследования обеспечивает «смычку» теории и практики. В первой части «Источниковедческое исследование» (М.Ф. Румянцева) рассматриваются процедуры источниковедческого анализа и синтеза, составляющие необходимые этапы интерпретации исторического источника. В условиях оформления источниковедения в самостоятельную субдисциплину исторической науки (в рамках становления неклассического типа рациональности) именно интерпретация, а не «критика исторического источника», по мнению автора, является актуальной формой источниковедческого исследования. Отдельное внимание уделено источниковедческому подходу к изучению историографических источников и «вспомогательной составляющей» источниковедения – формированию источниковой базы исторического исследования. Во второй части раздела (О.И. Хоруженко) «Исторический источник в эдиционных практиках» выстраивается мостик между смежными дисциплинами исторической науки – источниковедением и археографией. Основное место здесь занимает критический анализ развития научных подходов к публикации источников.

В рецензиях на учебные пособия принято оценивать их также с точки зрения доступности языка изложения. Надо сказать, что чтение данного пособия сопряжено с немалыми трудностями даже для сформировавшегося профессионального историка. Впрочем, авторы вполне осознают это обстоятельство и во введении уведомляют читателей, что рассчитывают на тех студентов и аспирантов, кто намерен освоить источниковедение «на высоком уровне профессионализма» (с. 13). Освоение теории источниковедения предполагает не только запоминание, но и понимание, невозможное без глубокой рефлексии. Хочется добавить,

что стиль изложения материала, пособия, сам по себе служит хорошей иллюстрацией принципиальных различий профессиональной и социально ориентированной историографии. Пособие, несомненно, будет полезно не только получающим историческое образование, но и профессионалам различных гуманитарных специальностей, обращающимся в своей исследовательской практике к историческим источникам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Источниковедение: учеб. пособ. / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 685, [3] с.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
- Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. / подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 632 с.
- Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1986. Вып. 16. С. 7–8.

REFERENCES

- Istochnikovvedenie: ucheb. posob. / I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovol'skij, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rumjanceva. M.: Izd. dom VShJe, 2015. 685, [3] s.
- Istochnikovvedenie: Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: Ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaja, M.F. Rumjanceva. M.: RGGU, 1998. 702 s.
- Medushevskaja O.M. Teorija i metodologija kognitivnoj istorii. M.: RGGU, 2008. 361 s.
- Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovanija. M.: Nauka, 2003. 486 s.
- Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii: v 2 t. / podgot. teksta: R.B. Kazakov, O.M. Medushevskaja, M.F. Rumjanceva. M.: ROSSPJeN, 2010. T. 2. 632 s.
- Shmidt S.O. O klassifikacii istoricheskikh istochnikov // Vspomogatel'nye isto-licheskie discipliny. L., 1986. Vyp. 16. S. 7–8.

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук НОУ ВПО Институт программных систем «УГП имени А.К. Айламазяна»; lbsukina@gmail.com

Source study as scientific discipline and the systematizing beginning of the humanitarian knowledge

Review: Источниковедение: учеб. пособ. / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 685 с.

Keywords: source study, historical source, scientific discipline, historical science, humanitarian knowledge.

Ludmila Sukina, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Program Systems Institute; lbsukina@gmail.com

Е. Н. КИРИЛЛОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ КНИГИ А. В. ПОДОСИНОВА «КУДА ПЛАВАЛ ОДИССЕЙ?»

Книга А.В. Подосинова «Куда плывал Одиссей?» стала поводом для обсуждения современных стандартов оформления научных изданий и принятого в них цитирования.

Ключевые слова: *форматы изданий, современные стандарты оформления, цитирование в научных изданиях, А.В. Подосинов.*

Разному времени и месту чтения соответствуют разные книги. Не то, чтобы на отдыхе все, как один, читали детективы, а по вечерам – классическую литературу, нет. В транспорте – если мы вообще берем в дорогу книги, а не планшет – это будут небольшие по формату издания, не более 400 страниц в «толщину» и не более 60x90 ¹/₁₆, в идеале – А5 и меньше. Книга форматом 70x100 ¹/₁₆ еще может оказаться в сумке, но только если она «тонкая», страниц на 200. Дело вовсе не в физических возможностях потенциального читателя (любого возраста и пола), а в том, что, развернув «фолиант» наподобие детских книжек с картинками (что иногда делают – или бывают вынуждены делать – родители с излишне активными чадами), мы будем мешать окружающим. Постоянный читатель книг в транспорте так не поступает, всегда имея в виду и чужое, и собственное удобство, и ситуацию, когда книгу придется раскрывать и читать стоя – а что делать, если она была закрыта на самом интересном месте, и дожидаться «подходящего во всех отношениях» расположения себя, окружающих и нужных в эту минуту страничек нет никаких сил.

Массивные издания вызывают уважение и занимают самое достойное место на книжных полках, если перемещаясь, то лишь по кабинету (по офису или квартире) их обладателя, на небольшие расстояния и не очень часто. У них масса достоинств. По умолчанию предполагается, что любое, и прежде всего – научное издание большого формата и большого размера содержит в себе самые разнообразные сведения, строго соответствующие теме, и еще множество дополнительной информации, важной, но неожиданной и потому очень увлекательной, и еще – массу указателей, пояснений, необходимых отсылок (список литературы, а то и сайтов), карты, схемы, иллюстрации. Понятно, что в карманное издание может поместиться лишь некоторая часть этого – *minimum minimorum*.

Формат и оформление издания следуют (должны следовать) его содержанию. Никто не будет спорить, что книги, в том числе – научные, могут и должны быть разными: «толстыми» и «тонкими», строгими,

сдержанными и яркими, академическими и популярными (и т.д.). Количество сносок на странице – ни в коем случае не та позиция, которая должна быть регламентирована, но их качество (впрочем, и количество) – то, что всегда обсуждается в кулуарах и нечасто – в печатном виде¹.

Среди читателей научной литературы есть две категории: заинтересованные и незаинтересованные. О первых еще пойдет речь. Вторые тоже важны, потому что для книг с интересным названием, небольших по объему², написанных преподавателями, – это студенты.

Книга А.В. Подосинова «Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи»³ – работа автора, известного своими индивидуальными исследованиями и участием в коллективных трудах⁴. Главный заданный в книге вопрос – о том, каким знали мир греки архаической эпохи – решается на основе тщательного анализа источников, и признание за греками права видеть мир не таким, каким знаем его мы, позволило автору убедительно доказать, что непредставимые для нас маршруты и «мгновенные» перемещения были обыденностью – не в практике реальных путешествий, а в видении мира.

По своему названию, формату и оформлению «Куда плавал Одиссей» отвечает всем описанным выше потребностям. Это научная и высокопрофессиональная, и притом легко и увлекательно написанная работа. 151 стр. текста, достаточно дробного (разделенного на 14 глав, предисловие и заключение), но со строго выдержанной логикой изложения; множество карт, схем и иллюстраций; приложение с фрагментами источников («Одиссеи» и «Аргонавтики»). Строго выдерживаются все научные каноны: в части отсылок к оригинальным текстам и специальным исследова-

---

¹ Так, о труде Э. Канторовича «Император Фридрих Второй» (1927): «“Рядового” читателя, вероятно, очень радовало отсутствие нудных ученых рассуждений и примечаний (в книге нет ни единой сноски), приближенность стиля повествования к художественной литературе. Но то же самое вызывало недоумение у публики академической, хотя уличить автора в фактических неточностях было трудно: он действительно прекрасно владел источниками и специальной литературой». *Бойцов* 2015. С. 15; «...опасное и недопустимое нарушение профессиональных норм» (С. 17). И о втором томе этого сочинения (1931): «Латинские цитаты, перечни источников, историографические экскурсы могли представлять интерес для узкого круга профессиональных историков, но не обладали никаким общественным звучанием...» (С. 19).

² В моей практике ни разу из списка книг, в которых есть работы на 200 или на 600 страниц, студенты не выбрали большую книгу, даже с объяснением, что она а) интересная, и б) в ней огромные сноски, сокращающие общий объем чтения почти в два раза. 400-страничные издания занимают промежуточное положение.

³ *Подосинов* 2015.

⁴ *Подосинов* 1999; *Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов* 2007; *Джаксон, Коновалова, Подосинов* 2013.

дованиям; в тщательной проработке массы общих и узкоспециализированных работ отечественных и зарубежных авторов, и без малейшего намека на географическое (и не только) разделение тех и других. Здесь есть подробный список литературы (сначала – издания на русском языке, потом – на иностранных), списки сокращений и иллюстраций, резюме⁵. Облегчает чтение отсутствие опечаток (что стало редкостью для научных, учебных и даже детских изданий) и продуманность оформления – не только в плане умело подобранного иллюстративного материала (необходимые здесь карты и схемы, прорисовки античной керамики, живопись Нового времени и современная), но и в отношении используемых шрифтов: выделение цитат из источников, не только стихотворных, но и прозаических, и не только в основном тексте, но в примечаниях⁶. При всех заслугах издательства, выпустившего такую книгу, именно усилия, потребовавшиеся в этом отношении от ее автора, первичны и значительны.

Источники и специальная литература щедро цитируются автором. Для источников – на всех языках (здесь – древнегреческий и латинский) – это норма, и если есть разные переводы (а значит – разное понимание) ключевых фраз или слов, то они обязательно уточняются. А вот цитаты из исследований специалистов, которые приводятся на немецком⁷, французском⁸, итальянском⁹, английском¹⁰ языках без перевода, не могут пройти незамеченными (карты без хотя бы поверхностного знакомства с этими языками и с латынью тоже не прочитать)¹¹.

Итак, цитирование. В ряде случаев оно смысловое – высказывание ученого можно узнать, только прочитав и переведя его. Однако почти всегда цитирование является избыточным – основная идея цитируемого автора уже пересказана А.В. Подосиновым¹², или же цитата настолько

⁵ Специалист удивится такому перечислению, но об этом уже надо напоминать.

⁶ *Подосинов* 2015. С. 16, прим. 16; С. 23, прим. 42; и мн. др.

⁷ Там же. С. 9, прим. 1-2; С. 12, прим. 5; и мн. др.

⁸ Там же. С. 13, прим. 7; С. 18, прим. 29; С. 33, прим. 56; и мн. др.

⁹ Там же. С. 23, прим. 37; и др.

¹⁰ Там же. С. 51, прим. 111; С. 55, прим. 127; и мн. др.

¹¹ Для илл. 3, 4 и др. нужен латинский язык, илл. 5, 7 и др. – французский, илл. 9, 10, 12 и др. – немецкий, илл. 21, 23 и др. – английский. Для илл. 26 (С. 135) – греческий, но эта поздневизантийская карта не очень хорошо пропечатана, выступая здесь скорее иллюстрацией, чем рабочим инструментом, а для желающих увидеть ее более четко автор дает соответствующую ссылку.

¹² Пример пересказа с цитированием: «Ср. пессимистическое высказывание А. Лески о невозможности столь быстрого перемещения от удаленнейшего востока к отдаленнейшему западу: Hier scheidet der Versuch, die Irrfahrten als ein geographisch-rationales Kontinuum zu fassen» (С. 60, прим. 140); «Ср. сходное наблюдение А. Балабриги: Il semble que l'Adriatique ait constitué une mer fabuleuse des confins, où

короткая и прозрачная, что поверхностного знакомства с иными языками вполне достаточно, чтобы все было понятно¹³. Иногда автор все же полагает нужным давать не только оригинальный текст, но и его перевод (с английского¹⁴, французского¹⁵). Не в равной мере владея вышеперечисленными языками, я, однако, легко и с удовольствием прочитала эту книгу, зацепившись глазом за указанные особенности стиля, но не раздражаясь ими. Что меня удивило – неписанный обычай нашего научного сообщества требует перевода на русский язык всех названий, всех имен и всех цитат из источников и специальной литературы. И несоблюдение этого правила (как и цитаты без подстрочника) всегда вызывает замечания и принимаемое всеми коллегами требование соблюдать его и приводить переводы, специально пояснять отступления от данного правила, если это необходимо в каком-то конкретном случае.

Среди историков склонность не давать переводы (порой даже ключевых понятий) по укорененному в их среде обычаю демонстрируют антиковеды и византилисты, что, конечно, сужает круг их читателей, замыкая сообщество на самом себе. И одновременно выполняет другие важные задачи: облегчает процесс чтения для специалистов (прекрасно понимающих не только общий смысл непереведенных терминов и выражений, но и исторически обусловленные оттенки этих смыслов), показывает и закрепляет высокий уровень квалификации, безусловно необходимый для такого рода работы.

Перевод в сочетании с оригинальным текстом нужен автору для того, чтобы максимально четко обозначить свою собственную мысль (в этом конкретном месте) и идею (всего своего сочинения) – иначе читатель будет вкладывать в авторский текст свое толкование (это и так произойдет, но чья доля окажется большей – автора или читателя?). А незнание (малое знание) другого языка многократно усложнит для читателя восприятие авторского текста и в целом идей автора, а то и вовсе отвратит его от такого занятия – к этому ли стремится пишущий?

---

se sont retirés les Deux Titans de l'Age d'Or et où pouvaient être situées des Iles des Bienheureux...» (С. 92-93, прим. 242).

¹³ Пример краткости и прозрачности: «...халибы, амазонки и Кавказ перечислены к западу от Босфора Фракийского, хотя последующая географическая традиция помещала их к востоку от него (ср.: Conacher 1980: 61, который отметил здесь «apparent confusion of east and west»).» (С. 115, прим. 316); «Путешествия по Океану в отдаленнейшие местности были призваны прославить героя, будь то Одиссей, аргонавты или Геракл (ср. Ramin 1979: 134: «Dans tout les cas, il s'agit de glorifier un héros»)» (С. 148, прим. 375).

¹⁴ Там же. С. 10, прим. 264.

¹⁵ Там же. С. 148.

Но вот вопрос – а кто будет читать научный труд? Коллега? Интеллектуал? Увлеченный человек? Круг читателей современной научной литературы очень узок. Да, он расширяется с каждым новым поколением студентов и исследователей, но одновременно он сужается за счет других, много менее радостных факторов. И этот реально существующий, но очень узкий круг настоящих читателей вполне способен прочитать научную работу, в которой будут гигантские «подвалы» (и найти удовольствие в этих мелких буквах и специальных сокращениях), и где будут непереуловленные на русский язык фразы – на латыни или современных языках. И если мы пишем для себя – не можем ли мы писать так, чтобы нас это устраивало, и чтобы нам это нравилось?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бойцов М.А.* Три книги Канторовича // *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. М., 2015.
- Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* Imagines mundi: античность и средневековье. М., 2013.
- Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Подосинов А.В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015.

REFERENCES

- Boitsov M.A. Tri knigi Kantorovicha // Kantorovich E.Kh. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii. Izd. 2-e, ispr. M., 2015.
- Dzhakson T.N., Kalimina T.M., Konovalova I.G., Podosinov A.V. «Russkaya reka»: Rechnye puti Vostochnoi Evropy v antichnoi i srednevekovoi geografii. M., 2007.
- Dzhakson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V. Imagines mundi: antichnost' i srednevekov'e. M., 2013.
- Podosinov A.V. Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaischeskikh kul'turakh Evrazii. M., 1999.
- Podosinov A.V. Kuda plaval Odissei? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaischeskoi epokhi. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2015.

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, ученый секретарь Института всеобщей истории РАН, kkirillova@mail.ru

Reflection on the contemporary scientific editions in view of the publication of the A.V. Podossinov's book «Where did Odiseus go?»

A new book of A.V. Podossinov becomes a case for the discussion of actual standards of scientific editions' design and citation.

Keywords: format of a book, actual standards of book's design, citation in scientific editions, A.V. Podossinov «Where did Odiseus go?» (2015).

Ekaterina Kirillova, Dr.Sc. (History), Academic Secretary of the Institute of World History; kkirillova@mail.ru

С. А. ЭКШТУТ

БЫЛ ЦЕЛЫЙ МИР – И НЕТ ЕГО...

Рецензия посвящена обзору монографий А.В. Ганина по истории Генерального штаба в эпоху Первой мировой и Гражданской войны 1914-1922 гг.

Ключевые слова: Николаевская академия Генерального штаба, русский офицерский корпус, Первая мировая война, Гражданская война.

Репутация офицера Генерального штаба
должна быть без пушинки. (А.И. Куприн «Поединок»)

Каждый, кто хотя бы раз читал культовую книгу «красного» графа Алексея Алексеевича Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», наверняка запомнил нелицеприятную реплику полкового товарища графа по Кавалергардскому полку, адресованную офицерам дореволюционного Генерального штаба. «Да, конечно, академия, – задумчиво ответил Чертков, – но не люблю я “моментов”. Так называли тогда генштабистов за пристрастие многих из них к таким выражениям, как “надо поймать момент”, “это момент для атаки”, и т.п.».

Доктор исторических наук Андрей Владиславович Ганин – один из самых результативных военных историков последнего десятилетия и, вне всякого сомнения, лучший знаток корпуса офицеров Генерального штаба периода Русской Смуты – вносит весьма существенное уточнение: «Однако нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе»¹. Действительно, строевые офицеры к генштабистам относились плохо, не без основания считая всех «моментов» беспринципными карьеристами.

Вспомним мечты, которым предаётся армейский подпоручик Ромашов – герой повести А.И. Куприна «Поединок»: «И Ромашов поразительно живо увидел себя учёным офицером Генерального штаба, подающим громадные надежды... Имя его записано в академии на золотую доску. Профессора сулят ему блестящую будущность, предлагают остаться при академии, но – нет – он идет в строй. Надо отбывать срок командования ротой. Непременно, уж непременно в своём полку. Вот он приезжает сюда – изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вежливый, как те офицеры Генерального штаба, которых он видел на прошлогодних больших манёврах и на съёмках. От общества офицеров он сторонится. Грубые армейские привычки, фамильяр-

---

¹ Ганин 2013. С. 98.

ность, карты, попойки, нет, это не для него: он помнит, что здесь только этап на пути его дальнейшей карьеры и славы». Куприн очень точно описывает взаимную отчужденность армейских офицеров и генштабистов. Грёзы подпоручика Ромашова, позволяющие ему «воспарить» над убогой действительностью, имеют весьма значимую особенность: для «момента» годится любой путь быстрого подъема по служебной лестнице – будь то участие в грандиозных манёврах, подавление возмущения рабочих на сталелитейном заводе, шпионская миссия в Германии или участие в кровопролитной войне. «Блестящий офицер Генерального штаба Ромашов идет все выше и выше по пути служебной карьеры...».

С этим фрагментом литературного произведения прекрасно корреспондируются рассуждения члена Государственного совета Александра Александровича Половцова, который справедливо считается одной из политических «акул» царствования Александра III: «Самоуверенность – отличительная черта офицеров Генерального штаба»². Генштабистам савонник дал нелицеприятную характеристику, карикатурно злую, но точную. «Встречаясь в Государственном совете с офицерами Генерального штаба, я заметил, что они почти все отвечают одному типу. Получив в академии высшее военное образование, они вступают на действительную службу и привыкают смотреть свысока на рядовой военный материал, почитаемый ими столь несравненно низшим по умственному развитию. Этот взгляд они сохраняют впоследствии и переносят на всяких одиночно или сгруппировано встречаемых ими людей»³. Некоторые страницы книги «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”» воспринимаются как развёрнутый комментарий к цитированным отрывкам из Дневника Половцова и «Поединка» Куприна или другим классическим произведениям русской литературы, на страницах которых генштабисты позиционировали себя как замкнутую корпорацию, как армейскую элиту, живущую по своим особым законам. Даже в период Русской Смуты, когда страна оказалась на переломе, «моменты» продолжали отстаивать собственную исключительность. Вспомним «Дни Турбиных» и разговор, который состоялся у Елены с мужем – полковником Генштаба Тальбергом.

Елена. ...Ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету – «я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от германского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

---

² Половцов 2014. С. 242.

³ Там же. С. 309.

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не “все”.

Капитальная 880-страничная монография «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”» составлена из публикаций, объединённых общим сюжетом. В тщательно фундированной книге 2814 архивных сносок и обстоятельных подстрочных примечаний, многие из которых имеют самостоятельное значение и воспринимаются как вставные новеллы о людских судьбах. По сути, А.В. Ганин ценой невероятных многолетних усилий воскресил почти 7200 генштабистов. Еще недавно казалось, что от этих людей ничего не осталось в нашей исторической памяти.

Невероятно до смешного:

Был целый мир – и нет его...

Вдруг – ни похода ледяного,

Ни капитана Иванова,

Ну абсолютно ничего! (Георгий Иванов)

Для того чтобы вправить вывихнутый сустав времени, автору пришлось поработать в архивах России, Украины, Армении, Польши, Финляндии, США (в т.ч. в архивах спецслужб). Специалист по фалеристике не преминет заметить, отчего автор книги, в обязательном порядке подробно перечисляя знаки отличия того или иного генштабиста, не потрудился разъяснить читателю как все императорские и царские ордена ранжировались по старшинству, подчеркнув и подробно обосновав особый статус ордена св. Георгия и Георгиевского оружия. Читатель с развитым эстетическим чувством посетует на избыточный полемический задор автора, нередко превышающего пределы необходимой обороны. Однако в ближайшие годы никто не сможет написать более обстоятельную книгу о «моментах» в точке бифуркации российской истории.

В итоге читатели получили возможность погрузиться в труды и дни офицеров Генерального штаба: выдержать вместе с ними очень сложные вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба («положительный результат при поступлении в академию зависел буквально от десятых долей балла»⁴), окончить основной и дополнительный курсы обучения, пережить судьбоносный момент причисления к Генштабу (Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дугов неоднократно горько сокрушался, что ему после окончания академии было отказано в причислении к Генштабу, и в начале 1919 г. сказал бывшему сокурснику: «Да, Серёжа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать

---

⁴ Ганин 2013. С. 109.

и без марки, штемпеля генштабиста!»⁵), пройти по фронтовым дорогам Первой мировой войны и живо ощутить непростую ситуацию нравственного выбора в период Смуты. Само заглавие книги – контаминация ставших нарицательными фраз из названий трудов двух выдающихся генштабистов первой половины XX в. – Бориса Михайловича Шапошникова и Антона Ивановича Деникина. «Один сыграл крупнейшую роль в становлении Красной армии, другой – в становлении Белого движения»⁶.

Прочитав книгу «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”», я убедился в том, что тот или иной нравственный выбор, который делали генштабисты в экзистенциальной ситуации, не был жёстко детерминирован, он допускает различные интерпретации и не может быть объяснён с вульгарно-социологических позиций. Роль случайности при принятии судьбоносного решения была исключительно велика. И мне вновь пришли на ум «Дни Турбиных». В первой редакции пьесы вернувшийся из Берлина Тальберг намеревается встать под знамёна Белого движения и говорит Елене: «В Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову... Я за тобой». Во второй редакции Тальберг принимает иное решение: «Я решил вернуться и работать в контакте с Советской властью. Нам нужно переменить вехи...» Вряд ли М.А. Булгаков руководствовался исключительно конъюнктурными соображениями. Скорее, он очень тонко почувствовал, что «момент» Тальберг, оказавшись на переломе, с одинаковой убедительностью способен обосновать свой переход как в ряды Белого движения, так и под знамёна Красной армии. Один из персонажей книги А.В. Ганина, избравший второй путь, обстоятельно аргументировал своё решение: «Я полагаю, что сейчас ни чины, ни годы роли не играют, сейчас идёт творческая работа. Ничего и никто Вам давать готовое не будет и не сможет. Каждый должен работой

---

⁵ Там же. С. 102. После успешного окончания академии не был причислен к Генштабу и А.И. Деникин. «Во время представления императору выпускников академии военный министр генерал А.Н. Куропаткин доложил Николаю II, что Деникин не причислен к Генштабу “за характер”. Император же, вместо того чтобы тут же разобраться с необычным инцидентом, в силу своего характера предпочёл ограничиться формальными малозначащими вопросами Деникину. К сожалению, подобное отношение к одному из выдающихся, как показала его дальнейшая служба, офицеров-генштабистов не делало чести военному руководству императорской России, для которого важнее справедливости было, чтобы офицеры не смели “своё суждение иметь”. При этом случай с Деникиным не был редким исключением. Аналогичным образом отнеслись при выпуске из академии к другому будущему генералу и талантливому военачальнику В.И. Селивачёву, которого не допустили в Генеральный штаб... из-за формы головы» (Там же. С. 476–477).

⁶ Там же. С. 5.

творить настоящее, а значит и будущее. Каждый сам себе голова. Нужно засучить рукава и приняться за чёрную работу. Что сделает, то твоё»⁷.

Новая книга А.В. Ганина «Закат Николаевской военной академии: 1914–1922» посвящена последнему периоду истории старой военной академии в эпоху Первой мировой и Гражданской войны, представляет зрелый плод усиленных изысканий и содержит массу драгоценных подробностей давно ушедшей эпохи. Мы узнаем, что были генштабисты из крестьян, из сословия потомственных почетных граждан, из хуторян, из семей священников⁸. В академии учили многому, даже тому, как правильно чинить карандаш⁹, но не учили разбираться в политических реалиях эпохи, в которую будущим офицерам Генштаба довелось жить.

Автор скрупулезно, буквально по дням, реконструирует последовательность событий, связанных с последним периодом существования главного высшего военно-учебного заведения Российской империи – Императорской Николаевской военной академии. Читая книгу, мы зримо, в мельчайших деталях и бытовых подробностях, представляем себе, как в годы Первой мировой и Гражданской войн в ней осуществлялась ускоренная подготовка офицеров на курсах военного времени, как было не просто в тыловом Петрограде жить и учиться этим офицерам, уже прошедшим испытание в боях Мировой войны и заслужившим боевые отличия. Наряду с военной стратегией они осваивали и азы стратегии выживания в большом городе. Один из таких курсовиков написал в дневнике: «Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»¹⁰. Ситуация осложнялась тем, что большинство членов замкнутой и чрезвычайно щепетильной корпорации офицеров Генштаба высокомерно смотрели на курсовиков как на недоучек и «недоносков».

После Февральской революции академии предстояло пережить невиданное в анналах императорской армии событие – выборы начальника академии. Автор обстоятельно разъясняет современному читателю, какую психологическую ломку должны были пережить кадровые офицеры, впервые столкнувшиеся с этой демократической процедурой. Как отмечал профессор М.А. Иностранцев, «первоначально это казалось диким и даже невозможным, как всякое применение выборного начала в военных организациях»¹¹. Офицеры Генштаба ошупью искали наиболее эффектив-

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Ганин 2014. С. 499, 526, 508, 531, 512, 527.

⁹ Там же. С. 559.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Там же. С. 76.

ную для себя лично и в то же время безупречную с точки зрения корпоративной морали линию поведения в условиях начинающейся Смуты. Однако вскоре профессора академии и офицеры Генштаба примирились с идеей выборов начальника, убедив себя, что ничего криминального в этой процедуре нет: ведь избирают же университетские профессора своего ректора. На кону стоял вопрос о будущем «мозга армии». Разгорелись нешуточные страсти, развернулась ожесточенная борьба и беззастенчивая агитация. «Неизбежная при введении выборного начала политизация Генерального штаба порождала конфликты, корпорация утрачивала свою сплоченность. Итоги выборов оказали влияние и на дальнейшие взаимоотношения между соперниками»¹².

В итоге начальником академии стал полковник А.И. Андогский, чьи личные качества – поразительная дальновидность, житейская мудрость, умение дипломатично лавировать в постоянно меняющейся политической обстановке, уникальная способность налаживать отношения с политическими лидерами противоборствующих лагерей – позволили сохранить академию в условиях Смуты как уникальную боевую и культурную единицу. Благодаря энергичной деятельности Андогского академия эвакуировалась из Петрограда в Екатеринбург и Казань, затем в Томск и Владивосток, а после Гражданской войны была возвращена в Москву. Все это он делал «ради великой идеи – спасения академии»¹³. Однако Андогский не только не дождался признания со стороны недальновидных членов корпорации, стремящихся к сохранению «чистоты риз», но и понес невосполнимые репутационные потери, помешавшие ему занять высокий пост начальника штаба верховного главнокомандующего в армии адмирала Колчака. Один из его противников нелестно заявил: «Генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью, способен отлично устроиться при всяком режиме...»¹⁴. Назначение не состоялось... На примере драматической судьбы этого незаурядного человека, безвременного скончавшегося в возрасте 54-х лет в условиях непрекращающейся и ожесточенной травли, А.В. Ганин показывает роковую безысходность Белого дела, суровыми красками рисуя косность лидеров Белого движения, постоянное сведение ими личных счетов, дрязги и интриги, царившие в белой армии, напоминавшей «какой-то взбудораженный муравейник»¹⁵. Его вердикт вполне обоснован, хотя и суров. Оказавшись в рядах армии Колчака, «академия не повысила боеспособность колчаковских войск –

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 266.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же. С. 267.

для этого были нужны новые энергичные организаторы, которых трудно было отыскать в старом Генштабе»¹⁶. Все это вместе взятое, наряду со слабой проработанностью программных вопросов и узостью социальной базы, в значительной степени предопределило крах Белого дела.

Автор написал грустную книгу о последних годах существования «мозга армии» Российской империи. Как очень точно заметил один из героев этой книги: «Многие угасали как догоревшие свечи – лютые годы безвременья ускорили этот процесс горения, иные умерли почетной смертью храбрых на поле чести, иные погибли в большевистских застенках, иные доживают безрадостный остаток своей доблестной жизни на чужбине, в изгнании, но сохранившие свою солдатскую честь и незапятнанной свою шпагу...»¹⁷. Книги А.В. Ганина написаны специалистом для специалистов. Военный историк пожелал бы Андрею Владиславовичу закрепления успеха в операции по овладению обширным фактическим материалом, философ стал бы рассуждать о грядущем *обмищении* полученных результатов. Я же искренне желаю автору продолжать избранную им интереснейшую тему и как можно скорее издать новую книгу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.: ил.
- Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил.
- Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / Сост., комм., вст. ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014.

REFERENCES

- Ganin A.V. «Mozg armii» v period «Russkoi Smuty»: Stat'i i dokumenty. M.: Russkii put', 2013. 880 s.: il.
- Ganin A.V. Zakat Nikolaevskoi voennoi akademii: 1914–1922. M.: Knizhnitsa, 2014. 768 s.
- Polovtsov A.A. Dnevnik. 1893–1909 / Sost., komm., vst. st. O.Yu. Golechkovoi. SPb., 2014.

Экиштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. semenekshut54@gmail.com

‘There had been a whole world – and it is no more...’

A review is devoted to the monographs by A.V. Ganin on the history of Russian General Staff during World War I and Russian Civil war.

Keywords: Nicolas General Staff Academy, Russian Officer Corps, World War I, Russian Civil war.

Semyon Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshut54@gmail.com

¹⁶ Там же. С. 481.

¹⁷ Там же. С. 542.

Д. А. Будюкин, А.А. Линченко

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФОРМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ¹

Обзор международной конференции «Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем», состоявшейся 24-26 сентября 2015 г. в Липецком филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации при поддержке РГНФ.

Ключевые слова: *память, коммеморативные практики, миф, мифологизация.*

Признание мифологии как содержательного элемента культуры и неотъемлемого атрибута социальных процессов, обоснование ее роли как важного средства трансляции культурных архетипов существенно расширило область исследовательского поиска в социальной философии и социально-гуманитарных науках, актуализировало дальнейший анализ роли и значения социальной мифологии в общественной жизни. Утверждение в современной философии того факта, что знание есть атрибут человеческого бытия, культурно-исторический феномен, определяемый факторами времени и пространства, различными формами практик и теоретической деятельности, ставит вопрос о конструктивных и деструктивных функциях мифологизации и мифотворчества в современной культуре. Рост внимания к феномену социальной памяти, выделение *memory studies* в самостоятельную и междисциплинарную область научного поиска позволяют направить исследовательский интерес в сторону выявления конструктивных и деструктивных форм мифологизации и мифотворчества в коммеморативных практиках современности.

Историческая память всегда была пространством приложения различных мифологем и идеологем, позволявших реактуализировать исторический опыт. Значительное число работ, посвященных исторической памяти в зарубежной и отечественной литературе, выполнены преимущественно в русле исторических или культурологических исследований, что представляется весьма важным, поскольку именно конкретные контексты бытования, модификации и трансформации мифологии в различных обществах и социокультурных средах создают базу для дальнейших фи-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 15-23-01001 а(м) «Трансформация ценностей повседневной исторической культуры в современном мире».

лософских исследований данной проблемы. Попыткой совместить философский и историко-культурологический аспекты рассмотрения конструктивных и деструктивных форм мифологизации и стала конференция, прошедшая 24-26 сентября на базе Липецкого филиала РАНХиГС при поддержке Российского общества интеллектуальной истории и Российского философского общества. Конференция собрала представителей 38 регионов России и шести зарубежных стран. Поставленные проблемы нашли отражение в работе ряда секций, посвященных мифологизации памяти в прошлом и настоящем в философском, политическом, этнонациональном, повседневном, образовательном, религиозном, искусствоведческом контекстах.

Пленарное заседание было открыто докладом д.и.н., чл.-корр. РАН Л.П. Репиной «Концептуальные проблемы “мемориальных исследований”»: от метафоры памяти к категории “исторической культуры”», представившей исторический ракурс и современное состояние исследований памяти в зарубежной и отечественной науке. Особое место в докладе занял вопрос о вкладе отечественных ученых в дело изучения памяти и исторического сознания, и в первую очередь работ видного отечественного ученого М.А. Барга; в докладе была подчеркнута необходимость междисциплинарного подхода к исторической памяти.

Доклад Екатерины Махотиной (к.и.н., Университет Людвиг Максимилиана, ФРГ) был посвящен проблеме возникновения и развития дискурсов памяти о еврейских жертвах второй мировой войны в Литве советского и постсоветского периодов. Главным объектом стала материальная память, через описание истории деконструкции и создания музеев и памятников были показаны сложные перипетии литовской официальной исторической политики. Как зарождался первый еврейский музей послевоенного времени? В каком формате существовала еврейская культура памяти после сталинских репрессий конца 40-х? Как сосуществовали друг с другом дискурсы еврейской и национально-литовской памяти в период перестройки и движения за независимость? В чем особенности развития культуры памяти в контексте современной исторической политики Литвы? Кто является субъектом, повлиявшим на трансформацию мемориативного пространства Литвы в постсоветский период в 90-е годы? Эти вопросы были подробно рассмотрены в докладе.

Снежана Филипова (профессор Университета Кирилла и Мефодия, Македония) рассмотрела на материале средневековой Македонии вопрос о церквях и иконах как важных источниках по религиозным практикам и коммеморации правителей, провела анализ изображений правителей и их патрональных святых на иконах и фресках македонских

церквей, установив во многих случаях наличие портретного сходства между образами святых и персонами государей.

Историческая тематика первых выступлений сменилась философской в докладе И.М. Наливайко (к. философ. наук, Белорусский государственный университет) «“Демифологизация” повседневности: время – память – забвение». Раскрывая темпоральную природу повседневности, докладчик представила свои выводы относительно содержательной экспликации места и роли социальной памяти в повседневных практиках. И.М. Наливайко отметила наличие двух противоположных мифов, связанных с присутствием памяти в пространстве повседневности: миф о беспмятстве и безвременности повседневности и миф об основополагающем значении памяти для повседневной сферы.

Л.Б. Сукина (д.и.н., Переславль-Залесский) рассмотрела религиозную коммеморацию как основу культурной памяти средневековых обществ, изучение которой имеет особое значение для адекватного понимания жизненного мира людей, существовавших внутри этого временного сегмента прошлого. В докладе были выделены группы источников, анализ и интерпретация которых открывает пути реконструкции коммеморативных практик русского средневековья.

Доклад О.Ю. Солодянкиной (д.и.н., Череповец) был посвящен британскому проекту “Horrible Histories”, включающему книги по истории, мультипликационные серии, скетчи с актерами и многое другое; были проанализированы тематика и способы подачи материала, выбор исторических событий и исторических персонажей, а также формы интерпретации истории, используемые авторами этого проекта.

Первая секция конференции была посвящена обсуждению теоретико-методологических вопросов понимания социальной мифологии в контексте *memory studies*. Острые дискуссии вызвал доклад А.Г. Иванова (Липецк), который представил анализ проблемы социального мифотворчества и значения мифологизации в качестве источника потенциальных угроз. Автор исходит из того, что объект социальной мифологии постоянно расширяется с дифференциацией общественной жизни, создавая необходимость оценки потенциальных угроз, которые может нести миф, проникая в социальные сферы и области знания. В докладе был предложен вариант классификации уровней угроз для различных социальных сфер в зависимости от доминирующих от них мифов.

Доклад Е.В. Самойловой (Санкт-Петербург) «Гравитация памяти: ритуалы поминовения в системе воспроизводства социально-экономических отношений группы» представлял собой презентацию

анализа этнографического материала, собранного в Сурожском районе Брянской области. Ритуал пасхального поминовения умерших в изучаемом сообществе был интерпретирован не только как ритуальный акт коллективной памяти, но и как «регулятор» процессов социокультурного и экономического взаимодействия. Как было показано в докладе, ритуалы памяти способствуют сохранению традиционных женских практик, таких как кулинария, искусство украшения дома и одежды.

Н.А. Фролова (Липецк) провела анализ российской философской среды как пространства культурной памяти. Наибольшую роль в этом, по ее мнению, сыграла историософская традиция, в первую очередь русская религиозная философия. В докладе С.Р. Курохтиной (Тамбов) был предложен анализ образов истории как симулякров, а А.А. Линченко (Липецк) сосредоточил внимание аудитории на проблеме философских оснований отделения конструктивного и деструктивного воздействия социальной мифологии на историческую память.

В центре внимания участников второй секции находились коммеморативные практики в пространстве политической и национальной мифологии. А.А. Цельковский (Липецк) провёл анализ влияния политической мифологии на национальную идентичность на примере формирования идеологии «Москва – Третий Рим». Д.А. Аникин (Саратов) рассмотрел роль исторической памяти как фактора революционных преобразований. Ю.А. Жердева (Самара) изучила конструирование и деконструкцию российской военной коммеморации в Османской империи в 1878–1918 гг. на примере трех российских мемориальных сооружений, поставленных в Османской империи в 1878–1918 гг. в память о павших русских воинах: памятника-часовни в Эрзеруме, храма-памятника в Сан-Стефано и памятника русским воинам в Карсе. Тематически связанные между собой доклады А.Г. Топильского (Тамбов) и Н.И. Нечаевой (Москва) были посвящены соответственно истории русофильского движения в Галиции в 1860-х гг. и отражению положения русинского национального меньшинства межвоенной Чехословакии в современной российской историографии. Секция завершилась выступлением Н.С. Пушкарева (Пермь), рассмотревшего событийные и личностные мемориалы второго Германского рейха как элемент коммеморативной политики Германской империи.

Интерес представляет работа третьей («Знание о прошлом, память и забвение в образовательных практиках и научном дискурсе») и четвертой секций («Социальная память и забвение в контексте повседневности»). А.Н. Долгих (Липецк) на примерах изучения различных аспектов истории крестьянского вопроса в России на рубеже XVIII–XIX вв.

(при Павле I и Александре I) показал, что именно непрофессионализм, связанный со снижением общего интеллектуального уровня исследователей, является главной бедой нынешней отечественной историографии. Тема русского крестьянства как объекта исследований *memory studies* была продолжена в докладе Е.В. Беляева (Липецк), предпринявшего анализ составных элементов системы исторического сознания российского крестьянства в сложный период трансформации социально-экономических отношений и общественного сознания, влияния городской культуры на сельских жителей. В докладе В.С. Трофимовой (Санкт-Петербург) «Память о творческих женщинах Европы XVII века в культурном пространстве России конца XVIII-XIX вв.» были рассмотрены материалы о выдающихся женщинах Европы XVII века в справочных, публицистических и научных работах, опубликованных в России в конце XVIII – XIX в. Особое внимание было уделено статьям об ученых женщинах XVII в. в «Словаре историческом», опубликованном в России в конце XVIII в., а также работам, посвященным жизни и творчеству первой профессиональной писательницы Англии Афры Бен. В докладе И.П. Поляковой (Липецк) были представлены методологические основания современного понимания значения памяти в воспроизводстве и упорядочивании повседневной жизни.

Е.В. Беляева (Белорусский государственный университет) указала основные вехи эволюции ценностей повседневной исторической культуры, определяющих «что», «как» и «зачем» люди и их сообщества запоминают из исторического прошлого. Повседневная историческая культура обладает чрезвычайной аксиологической насыщенностью. Ее ценностный вектор в традиционных обществах направлен в прошлое: «раньше было лучше»; обществ модерна – в будущее: «раньше было хуже»; в обществах постмодерна события прошлого коллекционируются как нейтральные, но идет борьба за их ценностную интерпретацию, в т.ч. в практиках повседневности. Далее были заслушаны доклады участников конференции, посвященные конкретным историческим аспектам изучения коммеморативной мифологии повседневности. Так, в выступлении Р.М. Житина (Тамбов) был проанализирован процесс самоидентификации и развития социальной памяти у сельскохозяйственных рабочих крупных экономий Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в., рассмотрены проблемы выбора в среде наемных сельскохозяйственных работников, степень осознания ими перспективности своих профессиональных занятий, изменений в текущем социальном статусе и трудовой деятельности. Доклад А.В. Жидченко (Омск) обозначил осо-

бенности взаимосвязи повседневной жизни в городах и городских районах, построенных в СССР для работников нефтехимической отрасли в 1950-60-е гг., и эволюции их социальной памяти. Основное внимание было уделено процессам усвоения определенных практик повседневности, которые становятся значимыми для представителей следующих поколений, уже потерявших связь с профессиональной принадлежностью и корпоративной культурой, характерной для первостроителей (и первопоселенцев) данного городского пространства. О.В. Головашина (Тамбов) на эмпирических материалах (визуальные эксперименты с использованием визуальных посредников, опросы) выявила базовые характеристики образа СССР среди респондентов, рожденных в 1990–1995 гг. Показано преобладающее влияние личных воспоминаний старших родственников и СМИ на формирование образов прошлого в коммуникативной памяти, для которых характерна стереотипность и отсутствие прямой связи с реальными историческими фактами, а это позволяет утверждать, что для коммуникативной памяти свойственны «изобретающие воспоминания». Все доклады сопровождалось презентациями.

Интересные доклады прозвучали на пятой секции («Религиозные практики как фактор конструирования и сохранения исторической и социальной памяти»). Д.М. Омельченко (Санкт-Петербург) раскрыла коммеморативную функцию посвящения церковного престола на материале, связанном с мотивами посвящения мужского монастыря, основанного в 417 или 418 г. Иоанном Кассианом Римлянином в Массилии, св. мученику Виктору. Расположенный рядом с городом у гробницы его покровителя монастырь призван был стать «пространством памяти» для городской христианской общины и способствовать её консолидации. С другой стороны, в контексте распространения культа мучеников монастырь мог стать крупным паломническим центром, что было важно в ситуации борьбы Массилии за статус церковной митрополии. Г.А. Постнов (Липецк) поднял более общую проблему актуализации памяти посредством духовной практики в рамках парадигмы христианской традиции. В докладе Д.А. Будюкина (Липецк) были рассмотрены русские предметы религиозного назначения XVII–XIX вв. с геральдическими изображениями в контексте коммеморативных практик того времени. И.А. Новицкий (Москва) в своем докладе сделал смелое, но небеспочвенное предположение о том, что канонизация Бориса и Глеба происходила дважды (во второй раз – возобновление почитания), а в промежутке между ними имела место деканонизация. Е.В. Самойлова (Санкт-Петербург), основываясь на полевых материалах, собранных в Сурожском районе Брянской

области в апреле 2015 г., исследовала интересную традиционную практику экспозиции женских рукоделий на могилах предков. Завершили секцию два доклада о коммеморативных практиках ислама. М.Р. Касумова (Липецк) рассмотрела ритуальную практику как фактор противоборства ортодоксального ислама и ваххабизма, а Е.Н. Забелина (Москва) сообщила результаты исследования Интернета как инструмента формирования мифов социальной памяти среди русскоязычной исламской молодёжи.

Несколько слов стоит сказать и о седьмой секции, посвященной образам истории и социальной памяти в практиках фольклора и литературы. О.Ю. Усачева (Липецк) представила основные тезисы в рамках проблемы «Язык, речь и дискурс как инструменты модификации культурной памяти», а И.П. Черноусова (Липецк) представила доклад на тему «Русская ментальность в фольклорном тексте (на материале эпических жанров)». В выступлениях по конкретным аспектам тематики секции Е.И. Мишенина (Санкт-Петербург) сосредоточила внимание на теме «Путеводители о Летнем саде: от истории покушения на императора к петровским ассамблеям», а В.Ю. Лебедева (Елец) в докладе ««Машенька» и «Адмиралтейская игла» В. Набокова: сражение с памятью и за память» провела сравнительный анализ этих произведений со сходными судьбами главных героев – русских эмигрантов, томящихся на чужбине и хранящих воспоминания о первой любви, пережитой на Родине. Они оба являются протагонистами автора, и через них выражается идея о ресурсности памяти и о том, насколько тесно она связана с проблемой сохранности личности. Большой интерес вызвали доклад липецкого исследователя Р.И. Крысина на тему «Г.Ф. Лавкрафт: неомифологизм и его влияние на массовую культуру XX века» и выступление С.Г. Дюкина (Пермь) о влиянии на структуру национальной идентичности созданного в художественной литературе образа войны – на примере бытования в венгерской литературе нарративов двух мировых войн со свойственными обоим радикальной дедрамматизацией и дегероизацией. Данный метод был рассмотрен как инструмент создания определенных идентификационных структур. Завершил работу секции доклад И.И. Орлова (Липецк), проследившего различия в восприятии символики лабиринтов, отраженном в религиозном искусстве западно-католической и русско-православной христианских традиций.

Конференция прошла в теплой, дружественной атмосфере, и встреча на липецкой земле оставила у ее гостей самые благоприятные впечатления. Материалы докладов участников опубликованы в сборнике².

---

² Конструктивные и деструктивные формы... 2015.

БИБЛИОГРАФИЯ

Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем: сб. статей. и тезисов докладов междунар. научной конфер. Липецк, 24-26 сентября 2015 г. / ред. колл.: А.Д. Моисеев, Г.Ф. Графова, Д.А. Будюкин, А.А. Линченко. Тамбов: Изд-во Першина, 2015. 400 с.

REFERENCES

Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizatsii sotsial'noi pamyati v proshlom i nastoyashchem: sb. statei. i tezisov dokladov mezhdunar. nauchnoi konfer. Lipetsk, 24-26 sentyabrya 2015 g. / red. koll.: A.D. Moiseev, G.F. Grafova, D.A. Budyukin, A.A. Linchenko. Tambov: Izd-vo Pershina, 2015. 400 s.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; *boudukin@yandex.ru*

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; *linchenko1@mail.ru*

The constructive and destructive forms of social memory mythologizing in the past and at present

The review of the international conference “The Constructive and Destructive Forms of Social Memory Mythologizing in the Past and at Present” which took place at the Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration with financial support of the Russian Foundation for Humanities.

Keywords: memory, commemoration practices, myth, mythologizing.

Dmitri Budiukin, PhD, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

Andrew Linchenko, PhD, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

КОНФЕРЕНЦИЯ

«СКИФИЯ: ОБРАЗ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»*

26–27 октября 2015 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась конференция «Скифия: Образ и историко-культурное наследие», организованная Центром исторической географии, Отделом сравнительного изучения древних цивилизаций и Центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире».

Конференция проводилась в рамках реализуемого в ИВИ РАН проекта РНФ «Северная Евразия на картах: От Птолемея до современных ГИС-технологий» (№ 14–18–02121), ее главная цель состояла в том, чтобы проследить формирование и трансформацию образа «Скифии», которому принадлежало ведущее место в восприятии Восточной Европы и Северной Евразии в Античности и Средние века, – от зарождения в древнегреческой литературе в VI в. до н.э., через Средневековье, вплоть до Нового и Новейшего времени. В докладах участников конференции историко-культурное наследие образа Скифии было рассмотрено в контексте политического, социального и этнокультурного развития регионов и государств Северной Евразии, в том числе России. Такая широкая постановка проблемы позволила всесторонне обсудить вопрос о роли тех или иных интеллектуальных традиций в геокартографическом конструировании пространства Северной Евразии.

Комплексный подход к эволюции этнопонима «Скифия» предопределил состав участников конференции, среди которых были не только историки, но и археологи, филологи, географы, культурологи, искусствоведы, литературоведы из различных научных учреждений и вузов (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Ростов-на-Дону, Якутск, Киев, Фессалоники). Всего в ходе конференции было заслушано 20 докладов, авторы которых рассмотрели «скифскую» проблематику в разных методологических, историографических и историко-культурных контекстах. Не прозвучавшие на конференции доклады коллег из Болгарии, Великобритании, США и Франции доступны в сборнике материалов конференции¹.

---

*Отчет подготовлен при финансовой поддержке РНФ (проект № 14–18–02121).

¹ Скифия: Образ и историко-культурное наследие...

Конференция открылась докладом Д.Н. Замятина «Образ Скифии: Пространство и наследие», в котором были рассмотрены наиболее общие вопросы, связанные с пространственным измерением образа Скифии в его исторической динамике, а также с центральной ролью этого образа в понимании проблемы взаимоотношений цивилизации и варварства.

Часть докладов была посвящена зарождению и основным чертам образа Скифии в Античности. А.И. Иванчик в докладе «Скифия как царство мертвых: Греческие представления о периферии ойкумены» проследил связь древнейших представлений о Скифии с идеей о том, что за Босфором – а с началом греческой колонизации побережий Черного моря и за Боспором Киммерийским – начинался вход в загробный мир. Особую роль Боспора в истории Скифии и основные черты греко-варварского синтеза проанализировал Ю.А. Виноградов («Скифия и Боспор: Два века развития научной идеи в отечественной историографии»). В.Т. Мусбахова рассмотрела образ Скифии в трилогии о Прометее, а М.В. Скржинская – сведения о Скифии в «Естественной истории» Плиния Старшего. В.П. Копылов и А.Н. Коваленко посвятили свой доклад разбору сообщений античных авторов о районе устья Танаиса, который, по мысли докладчиков, рассматривался древними как территориальный центр Скифии. Вопрос о природе скифского царства Атея в историографическом контексте исследовал М.А. Петров.

Трансформации образа Скифии в период раннего Средневековья проанализировали И.Е. Ермолова («Скифия в “Деяниях” Аммиана Марцелина») и П.В. Шувалов («Разные псевдо-скифы в “Стратегиконе” Маврикия»). С.М. Перевалов в докладе «Секреты скифской непобедимости: Ab ovo» рассмотрел образ скифов как воинов.

Ряд докладов был посвящен образу Скифии в различных средневековых традициях – армянской (В.А. Арутюнова-Фиданян «“Северные племена” в ранней армянской историографии V–VII веков»), византийской (М.В. Бибииков «“Скифы” в византийской традиции»), древнерусской (А.С. Щавелев «От позднеантичного хоронима Μεγάλη Σκυθία к древнерусскому летописному этнохорониму “Великая Скуфь”: Обзор текстов»), арабо-персидской (Т.М. Калинина «Образ Скифии в представлениях средневековых арабо-персидских ученых»; И.Г. Коновалова «Скифия в географическом сочинении ал-Идриси»), древнескандинавской (Т.Н. Джаксон «Скифия древнескандинавских источников: К истории сложения образа»).

Большой интерес вызвали доклады, авторы которых рассматривали образ Скифии в историко-культурном контексте XIX – начала XXI в. А.Ю. Алексеев и Е.Ф. Королькова проанализировали скифские мотивы в русском искусстве XIX – начала XX в. Е.А. Яблоков обратился к разбору творчества М.М. Пришвина начала 1920-х гг., показав наличие «антискифской» установки в сочинениях писателя этого времени. Доклад Е.Н. Романовой, Р.И. Бравиной и В.М. Дьяконова «Северная Скифия: Импульсы степных цивилизаций в историко-культурном пространстве Якутии (наследие, контекст, образ)» продемонстрировал сохранение и развитие скифского наследия в культуре народа саха.

Завершил конференцию доклад А.П. Медведева, посвященный бытованию термина «Великая Скифия» в современном научном узусе и паранауке.

Дискуссии по докладам были очень оживленными и способствовали активному обмену мнениями между представителями различных научных сообществ. Именно междисциплинарный характер конференции позволил всесторонне рассмотреть географическое и историко-культурное содержание термина «Скифия» в разные эпохи и в разных культурах (географические, политические, этнокультурные, религиозные и этические коннотации, связанные с понятием «Скифия»), особенности формирования территориальных идентичностей с помощью «скифского» мифа, а также идеологические интерпретации «скифского мифа» и их социокультурные и политические последствия.

И.Г. Коновалова

БИБЛИОГРАФИЯ

Скифия: Образ и историко-культурное наследие: Материалы конференции / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: ИВИ РАН, 2015. 132 с.

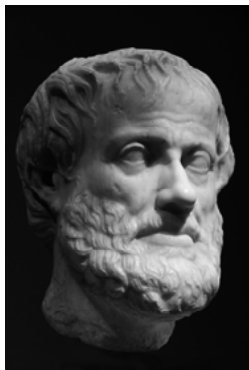
REFERENCES

Skifiya: Obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie: Materialy konferentsii / Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoi, A.V. Podosinova. M.: IVI RAN, 2015. 132 s.

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН; irina_konvalova@mail.ru

Conference ‘Scythia: Image, historical and cultural legacy’

Irina Konovalova, Dr. Sc. (History), deputy director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; irina_konvalova@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ !

**МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО АРИСТОТЕЛЮ 2016**

**«АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ»**

организованная Институтом всеобщей истории РАН и Олимпийским Центром философии и культуры Афинского университета (Греция), при участии Института философии РАН, Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Новосибирского государственного университета, Института философии и права СО РАН (Новосибирск) пройдет **в Москве, 17–19 октября 2016 года** в Институте философии РАН.

Это мероприятие является частью рассредоточенного конгресса “Aristotle today — Aristoteles heute — Aristote aujourd’hui” (www.c-h-o.eu/aristotle-today), подразумевающего проведение в различных странах коллоквиумов в честь 2400-летия Аристотеля. ММКА 2016 включает трёхдневную программу сессий, круглых столов и специальных лекций, охватывающих широкий спектр аристотелевской проблематики — метафизику, этику, логику, а также биологию, естествознание и пр. Она включает также области, относящиеся к рецепции и трансформации аристотелевской традиции в позднейшие периоды и в позднейших культурах. Рабочие языки конференции — русский, английский, французский.

Приглашаем присылать заявки на индивидуальные доклады и организацию секций. Заявка должна включать титул доклада, аннотацию на русском и английском языках. Укажите свое полное имя, место работы, ученую степень и контактную информацию. Доклады и секции конференции будут отбираться программным комитетом. Приветствуются заявки по всем направлениям аристотелеведения.

Срок подачи заявок — **до 31 января 2016 года.**

Директор программного комитета,
В.В. Петров

Контакты

Московская международная конференция по Аристотелю 2016

Институт философии РАН

Россия, 109249, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Эл. почта: Aristotle2016Moscow@gmail.com

Веб-страница на сайте ИФ РАН: <http://iph.ras.ru/page26095749.htm>

CONTENTS

The 100th anniversary of M.A. Barg

Lorina Repina

Categories of historical science and the ‘global history of the humankind’
by M.A. Barg..... 5

Tatyana Labutina

The English Revolution of the mid-17th century and
the English intellectual world..... 16

Intellectual history today

Tatyana Popova

Bio-historical writing in the context of scientific traditions..... 30

Irina Savelieva

Entangled History of Andrei Poletayev..... 54

Alexander Karnachev

On the sources of the hellenism of the Quattrocento:
a Latin glossa of the Sermons on the Scripture by St. John Chrysostom..... 72

Viktor Itshenko, Sergey Kazakov

Armin Mohler: a portrait of a right-wing conservative intellectual..... 92

History, memory, identity

Alexander Galyamichev

Jan Hus in the historical memory of the peoples of Europe..... 107

Shamshiya Mukhamedina

Central Asia and Kazakhstan:
historiographical “Renaissance” or social order?..... 119

World of sociocultural history

Anton Voytenko

The shepherd and his flock: The homily by bishop Pisenthius of Coptos
on the feast day of St. Onnophrius..... 139

Irina Kolesnik

Linguistic model of time in the historical consciousness of the Ukrainians..... 159

Sergey Lazaryan

Communications at the time of the Caucasian war (1817–1864)..... 175

Galina Kazanseva, Albina Karpukova, Olga Tsareva

Symbolic elements of the legal traditions of Russian peasants
in the second half of the 19th century..... 197

Mikhail Razinkov

“They could keep for years, if...”:
an analysis of the experience of complex interventionists about Russia.... 216

Historical notes

Svetlana Vasilieva

The “Society of Friends” and the transformation
of execution of criminal sanctions in the 18th century..... 239

Victor Akopyan

Attitude to the First World War of dispersed ethnic groups of Southern Russia 248

Sergey Shenin

American political elite on the problem of post-war world order (1941–1945)..... 258

Oksana Nagornaya

“When the USSR became strong and powerful... many nations seek our friendship”: aspects of the studies of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989)..... 268

Andrey Savin, Viktor Denninghaus

Course of compromise:

Political mutual adaptation of power and society under Brezhnev..... 279

Elena Putilova

The International “Memorial” movement:

its establishment and development..... 294

Translations and publications*Andrey Pavlov*

Isidore of Seville on the ages of the person..... 306

Isidore of Seville. Etymologies, Book XI. Chapter II

(translation and commentaries by *Andrey Pavlov*)..... 312

Olga Khizhnyak, Ekaterina Teryukova

The Student’s Journal of the Tour in the Aginsk Monastery in 1912..... 323

Reading books...*Maya Petrova*

Re, non verbis:

On the interaction between the humanities and intellectual history..... 359

Ludmila Sukina

Source study as scientific discipline and

the systematizing beginning of the humanitarian knowledge..... 365

Ekaterina Kirillova

Reflection on the contemporary scientific editions in view of the publication

of the A.V. Podossinov’s book “Where did Odysseus go?”..... 372

Semyon Ekshtut

‘There had been a whole world – and it is no more...’ 377

Academic life*Dmitri Budiukin, Andrew Linchenko*

The constructive and destructive forms of social memory

mythologizing in the past and at present..... 384

Irina Konovalova

Conference “Scythia: Image, historical and cultural legacy”..... 392

CONTENTS..... 396

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения М.А. Барга

<i>Л.П. Репина</i> Категории исторической науки и «глобальная история человечества» М.А. Барга.....	5
<i>Т.Л. Лабутина</i> Английская революция середины XVII века и интеллектуальный мир англичан.....	16

Интеллектуальная история сегодня

<i>Т.Н. Попова</i> Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели	30
<i>И.М. Савельева</i> Entangled History Андрея Полетаева.....	54
<i>А.Е. Карначёв</i> К истокам эллинизма эпохи Кватроченто: греческий библейский текст проповедей Иоанна Златоуста под пером латинского глоссатора.....	72
<i>В.В. Иценко, С.О. Казаков</i> Армин Молер: портрет правоконсервативного интеллектуала.....	92

История, память, идентичность

<i>А.Н. Галямичев</i> Ян Гус в исторической памяти народов Европы.....	107
<i>Ш. Мухамедина</i> Центральная Азия и Казахстан: исторический «ренессанс» или социальный заказ?.....	119

В мире социокультурной истории

<i>А.А. Войтенко</i> Пастырь и его паства: проповедь епископа Писентия из Коптоса в день памяти Онуфрия Великого.....	139
<i>И.И. Колесник</i> Языковая модель времени в историческом сознании украинцев	159
<i>С.С. Лазарян</i> Коммуникативные особенности Кавказской войны (1817–1864 гг.).....	175
<i>Г.А. Казанцева, А.А. Карпукова, О.С. Царева</i> Символические элементы юридического быта русских крестьян (вторая половина XIX века).....	197
<i>М.Е. Разиньков</i> «Они могли бы держаться годами, если бы...»: опыт комплексного анализа представлений интервентов о России.....	216

Исторические заметки

<i>С.А. Васильева</i> «Общество друзей» и трансформация системы исполнения уголовных наказаний в XVIII веке.....	239
<i>В.З. Акоюн</i> Отношение к Первой мировой войне дисперсных этносов Юга России....	248

С.Ю. Шенин

Американская политическая элита о проблеме послевоенного мирового порядка (1941–1945 гг.)..... 258

О.С. Нагорная

«Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989)..... 268

А.И. Савин, В. Деннингхаус

На встречах курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру..... 279

Е.Г. Путилова

История формирования и развития Международного общества «Мемориал»..... 294

Переводы и публикации

А.А. Павлов

Исидор Севильский о возрастах человека..... 306

Исидор Севильский

Этимологии, или Начала. Книга XI..... 312

О.С. Хижняк, Е.А. Терюкова

Из дневника студента. Агинский дацан Забайкальской области. 1912 г... 323

Читая книги...

М.С. Петрова

Re, non verbis: о взаимодействии гуманитарного знания и интеллектуальной истории.... 359

Л.Б. Сукина

Источниковедение как научная дисциплина и систематизирующее начало гуманитарного знания..... 365

Е.Н. Кириллова

Размышления о современных научных изданиях в связи с выходом книги А.В. Подосонова «Куда плывал Одиссей»?... 372

С.А. Экинут

«Был целый мир – и нет его...»..... 377

Научная жизнь

Д.А. Будюкин, А.А. Линченко

Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем..... 384

И.Г. Коновалова

Конференция «Скифия: Образ и историко-культурное наследие»..... 392

CONTENTS..... 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

53 / 2015

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 10. 2015
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624